This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

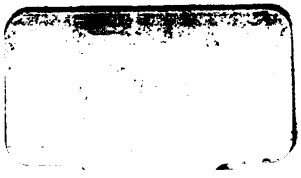
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlau 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

vol. 14

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

Саратов. Областная Библіотека Периодика.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY FEB 15 1974

7442

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.

1895.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

PSlav 475.65 No. 10 (1895)

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ

«УКАЗАТЕЛЬ

статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Наблюдатель» за 12 лѣтъ, съ 1882 по 1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ)».

Цѣна: 25 к. безъ перес.; съ перес. 30 к.

Печатаются изданія редакціи:

I.

Князь В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго.* Изданіе второе, съ приложеніемъ портрета кн. Одоевскаго и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской.*

HARVARD UNIVERSITY FEB 1 1941

Первое изданіе внесено въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія». (Спб. 1889 г., № 1374).

74 II

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.* (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

III.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

Digitized by Google

88975

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1896 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступая **въ 15-й годъ** своего существованія, нашъ журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили одинаково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «кон-

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ) былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ прошлаго года, а въ настоящее время вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

сервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма преклоннаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго—антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же онѣ поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства,—а также и способовъ ихъ практическаго примѣненія, мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе (Н. А. Туганъ-Барановскаго)*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на всетайное и явное противодѣйствіе небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ 1895 г., въ вышедшихъ 9-ти книгахъ журнала (январь—октябрь) были напечатаны: 1) **«Концы и начала»** разсказы *А. Михайлова* (А. К. Шеллера); 2) **«Свѣту больше!»** историч. ром. *Д. Л. Мордовцева;* 3) **«Дешевая артель»**, *І. І. Ясинскаго;* 4) **«Злое дѣло»**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 5) **«Счастливые уголки»**, *Васил. И. Немировича-Данченко*; 6) **«Изъ-за океана къ домашнему очагу»**, *А. В. Амфитеатрова* (Old Gentlman); 7) **«На ловца и звѣрь бѣжитъ»**, *Его же;* 8) **«Расплата»**, ром. *В. Свѣтлова;* 9) **«Въ паутинѣ»**. Землевладѣльческая эпопея, *В. А. Рышкова;* 10) **«Изъ американской жизни»** (два письма: 1) Индѣйцы и 2) Мормоны) *В. Святловскаго;* 11) **«Эпоха увлеченій»** (изъ воспоминаній русск. гарибальдійца) *Н. Попова;* 12) **«Чѣмъ обязана Императору Александру III русская историческая наука?»** *С. С. Трубачева;* 13) **«Очерки иностранной литературы»**, *В. Р. Зотова;* 14) **«Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи»**, *А. Н. Котельникова;* 15) **«Европа во всеоружіи»**, *А. П. Липранди;* 16) «Русское дѣло въ Западномъ краѣ», *Его же;* 17) **«Амурскіе лихачи»** (изъ воспоминаній туриста) *С. Ф. Годлев-*

[1]) См. *«Наблюдатель»* 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1 и 2; 1895 г. № 1.

Digitized by Google

ского; 18) **«Новыя умственныя теченія въ современной Германіи»**, *А. С. Трачевскаго;* 19) **«Современный анархизмъ и его теоретики»**, *В. В. Чуйко;* 20) **«Наша періодическая печать и сельское хозяйство»**, *Д. Райскаго;* 21) **«Дифтеритъ и новое средство его лѣченія»**, *В. Г. Швецова;* 22) **«Наша журналистика»**, *К—ского;* 23) **«Венеціанки»**, ром. миссъ *Бреддонъ;* 24) **Птенцы «дворянскихъ гнѣздъ»**, *К. П. Медвѣдскаго;* 25) **«А. Г. Рубинштейнъ»**, *В. С. Баскина;* 26) **«Въ желѣзнодорожномъ мірѣ»**, *С. Васюкова;* 27) **«Къ вопросу о положеніи душевно-больныхъ въ Россіи»**, *д-ра А. Можшанцева;* 28) **«Дуэль, ея происхожденіе и современный характеръ»**, *М. Махова;* 29) **«Сѣверо-германскій каналъ»**, *Волынца;* 30) **Опять на родинѣ**, повѣсть *С. Лаврентьевой;* 31) **Закрѣпощеніе и освобожденіе крестьянъ**, *Н. П. Дружинина;* 32) **Наша драматическая труппа**, *В. С.;* 33) **«Шпульный угодникъ Логинъ»** (очерки фабричнаго быта) *Н. Полушина;* 34) **«На новомъ пути»**, романъ въ 3-хъ частяхъ, *А. П. Смирнова;* 35) **«Въ странѣ маясовъ»** (путевые наброски) *С. Патканова;* 36) **«На выставкахъ»**, *И.;* 37) **«Очеркъ японской исторіи»**, *М. Махова;* 38) **«Капитализмъ и толки о немъ въ русской литературѣ»**, *В. Владиславлева;* 39) **«Очеркъ быта инородцевъ на Уралѣ»**, *С. Рыбакова;* 40) **«Ради семьи»**, повѣсть *А. Мартынова;* 41) **«Золотой человѣкъ»** (изъ сибирскихъ нравовъ) *В. Вельскаго;* 42) **«Изъ исторіи голодныхъ годовъ»**, *П. И. Добротворскаго;* 43) **«Изъ записокъ интеллигентнаго чернорабочаго»**, *И. Данилина;* 44) **«О задачахъ художественной критики»**, *Н. Соколова;* 45) **«Сельско-хозяйственныя рабочія колоніи»**, *Н. Ѳ. Арепьева;* 46) **«Судъ чести или судъ кагала»**? *М. Щебнева;* 47) **«Круговая порука»**, романъ *К. Ѳ. Назарьевой;* 48) **«Воспоминанія уланскаго корнета»**, *Николаевскаго офицера;* 49) **«Забытые дипломаты»**, *И. И. Дубасова;* 50) **«Германія въ Россіи»**, *А. П. Липранди;* 51) **«Наша музыкальная жизнь»**, *В. С. Баскина;* 52) **Фельетоны** *Ефима Простосердова* и пр.

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** (**«Изъ моего прошлаго»**), обѣщанныя читателямъ въ прошломъ году, отложены, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	**12** р.	**6** р.—к.	**3** р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	**13** »	**6** » **50** »	**3** » **50** »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	**14** »	**7** » — »	**3** » **50** »
» » за границу	**17** »	**9** » — »	**5** » — »

Digitized by Google

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Для сельскаго духовенства, для учителей народныхъ школъ и для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній подписная цѣна: за **годъ** съ перес. **12** руб.; за **полгода—6** руб.; за **три мѣсяца—3** руб.

Всѣ подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ (годовые, полугодовые и трехмѣсячные), желающіе получить ВТОРОЕ, дополненное, изданіе монографій А. П. Пятковскаго въ 2-хъ частяхъ: «ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Къ оставшимся, въ небольшомъ количествѣ, экземплярамъ приложенъ портретъ автора.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной, уступки не полагается. Гг. служащимъ — разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1894, 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1894 г.

1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 2) **Желѣзомъ и кровью**, историч. романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Свѣтлова*; 7) **Жизнь съизнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 8) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой*; 9) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова;* 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Памиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный раввинатъ**, *Н. Тембе*; 18) **Задачи женскаго образованія**, *Н. Цакни*; 19) **Къ вопросу о народной переписи**, *Статистика;* 20) **Падшіе ангелы** (изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ») *С. Ф. Годлевскаго*; 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго*; 22) **Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г.**, *Н. Щирскаго;* 23) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова*; 25) **Чехи на Волыни**, *А. П. Липранди*; 26) **Работа, какъ наказаніе**, *А. О. Дукмасова*; 27) **Наша драматическая труппа**, *В. Свѣтлова*; 28) **На трехъ выставкахъ**, *И—а*; 29) **Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ**, *гр. П. А. Кутузова*; 30) **Наша журналистика**, *К—скаго*; 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова*; 32) **Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе**, *Его же;* 33) **Двѣ системы средняго образованія**, *Одного изъ родителей*; 34) **Путь къ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.* 35) **Наша музыкальная жизнь**, *В. С. Баскина;* 36) **Юліанъ Отступникъ**, историч. романъ *Феликса Дана*; 37) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена*; 38) **Лурдъ**, романъ *Эмиля Золя*; 39) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Дьяконскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго*; 40) **И смѣхъ, и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Цѣна годоваго экземпляра: **10** руб. безъ пересылки, **12** руб. съ перес. За полгода: **5** руб. безъ пересылки, **6** руб. съ перес. Выписывающіе сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ пользуются уступкою 20%.

Digitized by Google

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. О. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*; 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова*. 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера*; 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи*; 28) **Парижскія письма**, *Его же*; 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одного изъ родителей*; 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.*; 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова*; 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина*; 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина*; 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова*; 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ**, *М. В.*; 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*; 42) **Наша журналистика**, *К-скаго*; 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова*; 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента*; 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко*; 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича*; 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина*; 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина*; 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго*; 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя*; 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана*; 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальддса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева*; 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Digitized by Google

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «И смѣхъ, и горе» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра: 8 р. безъ перес.; 10 р. съ перес. За полгода: 4 р. безъ перес.;—5 р. съ перес. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера)*; 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго*; 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева*; 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова*; 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго*; 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой*; 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго*; 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина*; 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова*; 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова*; 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова*; 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго*; 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко*; 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина*; 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова*; 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко*; 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова*; 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова*; 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.*; 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко*; 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова*; 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса*; 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго*; 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко*; 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова*; 31) **Научныя новости**, *Его же*; 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко*; 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же*; 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же*; 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Говорова*; 36) **Торжествующій разночинецъ**, *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне**, *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго*; 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева*; 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ**, *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи**, *Г.*; 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики**, *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ**, *В. А. Бѣлинскаго*; 45) **Курьезы талмудической мудрости**, *Н. Тембе*; 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ**, *В. С. Баскина*; 47) **Наши театры**, *В. В. Чуйко*; 48) **Парижскія письма**, *Ж. де-Кервильи*; 49) **Разгромъ**, романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ**, романъ *Георга Эберса*; 51) **Ксантиппа**, историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель**, повѣсть *Эдмонда де-Амичиса*; 53) **Отверженный**, разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика**, *К—скаго* и пр.

Digitized by Google

Фельетоны Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра: 6 р. безъ перес.; съ пересылкою 8 р. За полгода: 3 р. безъ перес.; съ перес.—4 р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго**, въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-й части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. Цѣна 3 р. съ перес. *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и трехмѣсячные) приплачиваютъ къ подпискѣ цѣнѣ 2 р.*

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*; 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Зола*; 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній, и 8) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. 3-е, подъ редакціей *А. П. Пятковскаго*—уже распроданы.

Digitized by Google

СЧАСТЛИВЫЕ УГОЛКИ.

IV.

Стройно и красиво выгнулась и почти отвѣсно упала въ озеро Punta San Vigilio. По откосу этого мыса поднялись темные кипарисы. Наверху тополи и платаны. Чаща пышной зелени; за нею видны рѣдкія кровли спрятавшагося городишки... Еще дальше голая скала, со столовою поверхностью, могучею массою обрушивается въ недвижныя воды; около—кипарисы и платаны отступили и дали мѣсто гигантскому утесу. Бѣлый замокъ подъ нимъ—не знаешь, гдѣ онъ нашелъ клочокъ плоской земли, ладонь, на которой поднялись его башни... Передъ ними, на бѣлой мраморной террасѣ, бѣлая же мраморная статуя святаго. Она внизу опрокинулась въ воду и чуть дрожитъ въ ней. Поднятой рукой она благословляетъ насъ... Но мимо, мимо: новыя картины ждутъ насъ. Бѣлыя, едва замѣтныя вверху, нити водопадовъ пѣнятся внизу цѣлыми облаками пѣны. Послѣ дождей, торопится щегольнуть ими тихое озеро Гардо. Пышные сады... Надъ ними ущелья синѣе и темнѣе ночи. Именно—жилища змѣя... Только одному змѣю и помѣститься въ этихъ прохладныхъ тѣснинахъ.

Вода озера зеленѣетъ—на ней сизая кайма горъ...

— Это что за громадный замокъ?—спрашиваю я у матроса.

— Торри, городъ. Онъ весь — крѣпость... старая, когда крѣпости строились еще изъ башенъ...

Башни на аркахъ; сквозь эти арки несутся въ клубахъ пѣны бѣшеные водопады. Въ серебряной пыли ихъ стоятъ эти твердыни. Сыро... Такъ много влаги, что нѣкоторыя башни совсѣмъ закутались въ зеленые плащи цѣпкой поросли. Ихъ не видать, только грозные зубцы торчатъ изъ-подъ этого покрова, которымъ сердобольная земля одѣваетъ простуженныя

Digitized by Google

развалины... И арки внизу тоже завѣшены плющемъ. Я въ Торри сошелъ на берегъ. Внутри, башни съ верхомъ переполнены зеленью, цѣлые замки заполнены ею; странно даже,—простите за вульгарное выраженіе,—какъ она не выпретъ прочь эти старыя, израненныя и потрескавшіяся, стѣны... На улицахъ Торри тишина... Подъ арками каменныя лѣстницы скользкими ступенями ведутъ въ сумрачныя, полныя прохлады, комнаты, гдѣ живутъ рыбаки. Озеро немолчно бьется въ эти ступени. Окна, тамъ, гдѣ они свободны отъ всякой поросли, заслонились отъ свѣта зелеными ставнями, точно старикъ, спасающій глаза отъ солнца темными очками...

За Торри—къ сѣверу озеро съуживается, горы все растутъ и хмурятся. Тишина—благоговѣйная, молитвенная—мало по малу охватываетъ всѣхъ на пароходѣ. Даже вѣнскія парочки примолкли, точно мы входимъ на паперть какого-то величественнаго храма, въ глубинѣ котораго ждетъ насъ невѣдомое божество—кроткое или грозное—никто не знаетъ... Древній городенка Мадерно налѣво тоже прижался къ горамъ—и его охватила дрожь ожиданія и неизвѣстности. И ему чего-то страшно. Надъ нимъ разорванныя и сумрачныя вершины monte Pizzocolo. Какъ рыцарь, похудѣвшій въ латахъ, городъ съежился только въ одномъ уголкѣ старыхъ стѣнъ... Передъ городомъ длинный и пологій мысъ, разрѣзанный вдоль рѣкою Тосколано; за нею передъ Мадерно также старый городъ Тосколано. Въ первомъ 1,636 жителей, во-второмъ—2,590. А во времена римлянъ оба они кипѣли торговою сутолокою, здѣсь стояли гордые легіоны всемірнаго властителя. Кругомъ до сихъ поръ отыскиваютъ старые фундаменты римскихъ построекъ, остатки укрѣпленій... За Тосколано, въ нѣсколькихъ часахъ пѣшеходной дороги, долина, носящая то же имя; въ долинѣ старый замокъ графовъ Тосколано на сѣрой скалѣ.

Глядишь—не знаешь, гдѣ скала,
Гдѣ стѣны замка?.. Все угрюмо,
Какъ будто тучею легла
На нихъ таинственная дума.
По сѣрымъ камнямъ мохъ ползетъ
И плющъ давно заткалъ бойницы.
На высотѣ, какъ черный гротъ,
Какъ пасть, зіяетъ входъ темницы...

Digitized by Google

Желѣзомъ кованная дверь,
Тутъ были узники забыты;
Роняютъ слезы и теперь
Надъ ними каменныя плиты.

Я постучался въ эту, желѣзомъ кованную, дверь. Далеко отдался гулъ моихъ ударовъ. Точно по безчисленнымъ жиламъ отразился онъ въ самыя нѣдра утеса... Мимо шелъ пастухъ.

— Вы хотите осмотрѣть замокъ?

— Да.

Онъ протянулъ руку ладонью вверхъ.

Я ему положилъ сольдо. Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ онъ и рѣшительно протянулъ другую; я и на нее тоже положилъ мѣдную монету...

— Grazie!..

И пастухъ спокойно двинулся дальше.

— Aspetti, Aspetti!.. Постойте, постойте!—крикнулъ я ему.

Онъ остановился.

— Что же вы мнѣ не показали, гдѣ входъ сюда?

— А я самъ не знаю!

И съ полнымъ спокойствіемъ онъ началъ сползать внизъ... Скоро, за выступами утесовъ, я потерялъ изъ виду его баранью, шерстью вверхъ, куртку.

Пришлось мнѣ самому обойти скалу и замокъ. Въ одной изъ старыхъ башенъ дыра какая-то. Надъ нею въ окнѣ прилажена ставня. Изъ-за ставни виситъ тряпка...

«Должно быть, тутъ живутъ»!.. соображаю я и храбро лѣзу въ дыру. Она заканчивается дверью. Стучусь. Слышу чей-то кашель.

— Кто тамъ?

— Я!..—Потомъ, сообразивъ, что такой отвѣтъ по меньшей мѣрѣ глупъ, кричу:

— Путешественникъ, желающій осмотрѣть замокъ...

Въ дверяхъ—четырехъугольникъ, закрытый изнутри доской. Доска отодвигается. На меня смотритъ какая-то баба, старуха со слезящимися глазами и трясущимся подбородкомъ, вся въ лохмотьяхъ.

— Вы путешественникъ? Одинъ?

«Неужели она опасается за свою невинность и красоту», удивлялся я мысленно.

Digitized by Google

— Одинъ.

— Сейчасъ доложу... графу.

— Какому графу?—Я соображаю несчастный видъ развалинъ. Гдѣ же тутъ жить графу—думаю... Наконецъ, рѣшаюсь предложить вопросъ.

— А гдѣ графъ?

— Вверху... Видѣли снаружи окошко. Ну, вотъ тамъ и живетъ il conte Toscolano.

— А вы кто?—спрашиваю ее.

— Я...—Она показываетъ мнѣ десны за отсутствіемъ зубовъ, что̀ означаетъ любезную улыбку...—А я сама графиня.

— Какъ?

Мнѣ показалось, что я ослышался.

— Я графиня Тосколано!.. Жена графа Тосколано.

Я снимаю шляпу.

— Синьора контесса, надѣюсь, извинитъ меня за...

Но синьора контесса, не ожидая далѣе, протягиваетъ мнѣ въ отверстіе дверей руку и тоже ладонью вверхъ... Я кладу франкъ... Она удаляется, и я слышу, какъ деревянная лѣстница скрипитъ подъ ея ногами... Жду. Опять такой же скрипъ—и въ окошечко двери смотритъ на меня небритое лицо съ сѣдыми, дыбомъ растопорщенными, точно у страдающаго водобоязнью, бровями.

— Синьоръ конте?

— Эге!.. Онъ самый...

И снова ладонь... Я опять кладу франкъ. Синьоръ конте вставляетъ франкъ въ одинъ глазъ и, щуря другой, дѣлаетъ видъ, что имъ онъ ничего не видитъ. Я протягиваю ему второй франкъ. Онъ, прозрѣвъ, отворяетъ двери, вѣжливо кланяясь, и говоритъ:

— Милости прошу во владѣнія когда-то могучаго и знаменитаго графа Тосколано...

Я разспрашивалъ потомъ въ городѣ Тосколано: оказалось, что старый оборванный чудакъ, дѣйствительно, графъ и носитъ по праву это имя. Онъ послѣдній изъ фамиліи, когда-то владѣвшей обоими берегами рѣки Тосколано—съ городами: Тосколано, Мадерно, съ Гардоне на югѣ и Гарньяно на сѣверѣ, со всѣми отрогами горы Pizzocola. Дружины, служившія графамъ Тосколано, насчитывали по нѣскольку тысячъ копій... Самъ

Digitized by Google

нынѣшній графъ Тосколано въ юности былъ очень богатъ, но его разорили австрійцы. Онъ имѣлъ несчастье знать исторію Италіи и былъ страстнымъ патріотомъ. Австрійцы продержали его двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ и конфисковали всѣ его имѣнія. Какъ онъ теперь существуетъ?—не знаю. Не каждый же день сыплются на его ладони франки изъ кошельковъ туристовъ. Рѣдкій изъ послѣднихъ посѣщаетъ Тосколано—большинство ѣдетъ мимо, а изъ остающихся въ городѣ никто почти не рискуетъ на трудную экскурсію въ долину.

Мы долго бродили по развалинамъ... Грустно было слышать старика, когда онъ говорилъ: «вотъ тутъ была у моихъ предковъ зала суда, здѣсь тюрьма, здѣсь оружейная палата, здѣсь комнаты многочисленной прислуги, здѣсь капелла, здѣсь спальня графини, здѣсь кабинетъ графа, здѣсь помѣщеніе капеллана. Тамъ вонъ жилъ мажордомъ... и т. д., и т. д. А вонъ погреба, гдѣ хранилось отличное винцо». И старикъ причмокнулъ губами и языкомъ, точно самъ пивалъ его. Потомъ мы взобрались на башню. Онъ зорко оглянулъ всѣ окрестности...

— Тутъ все, что̀ вы видите, было наше... И тѣ вонъ города, и тѣ синія горы... все, все. А теперь...

Онъ помолчалъ и совершенно неожиданно закончилъ:

— Италія, синьоръ, можетъ быть, будетъ сильной и богатой, но никогда ужь ей не стать великой, никогда!.. И знаете ли почему? Потому что она не умѣетъ быть благодарной!

Мы спустились внизъ...

Графъ предложилъ мнѣ войти къ нему. Лѣстница скрипѣла и жаловалась подъ нашими шагами. Комната оказалась похожей на пещеру. Стѣны—изъ кирпича, выступающаго огрызками, углами. Сыро... Въ углу громадная кровать, въ другомъ—печурка, которую, очевидно, давно уже не топили. «Что они ѣдятъ»? задавался я, глядя на нихъ. Два стула, столъ и вдругъ громадное древнее кресло.

— Тутъ садились мои предки,—указалъ на него графъ,—садились, чтобы судить своихъ подданныхъ...

Онъ казался мнѣ такимъ несчастнымъ и жалкимъ съ своими воспоминаніями!..

— Видите въ окно площадку—гдѣ еще вымощено?—показалъ онъ мнѣ.

Digitized by Google

— Да, вижу.

Солнце теперь било туда, и въ скважинахъ между камнями улыбались цвѣты и зелень...

— Ну, такъ на этой самой площадкѣ, по приговорамъ графовъ Тосколано, палачъ обезглавливалъ ихъ подданныхъ...

— Да, да,—вздохнулъ онъ...—по приговорамъ! У графовъ Тосколано были и палачи свои.

Оборванная старуха-графиня все это время стояла у стѣны, жадными глазами глядя на меня... Наконецъ, когда я собрался уходить, заговорила она.

— Теперь мы бѣдны. Да... Теперь мы не знаемъ, что̀ такое горячая пища... И мы стары, очень стары, а никто не хочетъ намъ помочь...

Старикъ смотрѣлъ въ окно, не оборачиваясь.

— Не могу ли я предложить вамъ...

— О можете, мой благородный синьоръ, можете!..—умоляющимъ голосомъ разрѣшила мнѣ она и даже заплакала, когда я предложилъ ей десять франковъ. Она хотѣла поцѣловать мнѣ руку. И я самъ чуть не плакалъ, спускаясь внизъ по скалѣ изъ этого когда-то орлинаго гнѣзда.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ все это характерно! Въ Венеціи чуть ли не лакеемъ у нашего консула Бакунина служилъ—графъ Бембо, потомъ повышенный на высокую степень писца. А Бембо были въ свое время и дожами, и полководцами. У нѣкоторой миланской Сачердоти нанималась горничною герцогиня Пападополи? Между чистильщиками сапогъ въ Неаполѣ немало графовъ и князей—и настоящихъ, а не жалованныхъ со вчерашняго дня. Любая всероссійская Матрена лѣтъ за сорокъ можетъ найти здѣсь жениха съ оглушительной фамиліей и цѣлымъ гнѣздомъ самыхъ блистательныхъ гербовъ—нужно будетъ только передъ свадьбою сшить ему панталоны. Несчастные!.. Какъ неумолима исторія и—какъ тяжко разореннымъ потомкамъ знатныхъ фамилій приходится расплачиваться за преступленія своихъ могущественныхъ предковъ!

Пульчіано, Мессага, Чечина, Санъ-Пьетро д'Агрино, Больяко, Вилла—мелькнули, словно какой-то сонъ, мимо насъ, когда мы плыли на пароходѣ вдоль брешіанскаго берега. Ничто не можетъ сравниться съ его плантаціями, садами. Кажется, тутъ

Digitized by Google

нѣтъ ни одной пяди необработанной земли и стоитъ гдѣ нибудь голой скалѣ выступить и подставить солнцу ладонь, чтобы гардцы навезли на нее земли снизу и разбили чудный садъ. Бѣлыя колонки садовъ и плантацій на террасахъ. Террасы за террасами все выше и выше... А озеро сдвигается и сдвигается... Скоро уже ущельемъ кажется оно между все болѣе хмурящимися горами... Водопады шумнѣе и чаще. Бѣлыя ниточки ихъ виднѣе выступаютъ изъ трещинъ и пропадаютъ внизу, въ облакахъ пѣны...

«Ривьера»,—какъ предпочтительно называютъ итальянцы эту часть берега,—заканчивается Гарньяно, «большимъ» городомъ, совершенно затопленнымъ оливами, лимонными деревьями и лаврами... Вы не шутите, я не даромъ подчеркнулъ: большимъ. Здѣсь 4,000 жителей, а это на Гардо не шутка... Сверхъ того, у Гарньяно есть своя исторія, которою эти четыре тысячи несказанно гордятся. Въ 1866 г. австрійскія канонерки подкрались по воровски къ этому мирному городку, ничего имъ не сдѣлавшему, и давай его громить... Много домовъ было разрушено, причемъ швабы предпочтительно направляли свой огонь въ церкви и два красивые палаццо, бывшіе достопримѣчательностями города... Бомбы почти разрушили городскую думу. Въ стѣнахъ многихъ изъ здѣшнихъ домовъ до сего времени сидятъ швабскія ядра... Напротивъ Гарньяно—Кастелетто, крошечная и красивая группа домовъ, сбившихся у водопада... Кстати прошу позднѣйшихъ путешественниковъ не винить меня, если Гардо для ихъ удовольствія не представитъ столькихъ водопадовъ, сколько видѣлъ я. Мнѣ пришлось пріѣхать сюда въ періодъ, когда страшные ливни въ Альпахъ только-что окончились и даже нѣкоторыя долины были затоплены ими. Понятно, что съ каждой горы низвергались цѣлыя рѣки... Это было удивительно величаво и исключительно.

За Гарньяно начинается къ сѣверу совершенно фантастическая мѣстность. Берега отвѣсны и грандіозны. Они мрачны до такой степени, что самое блѣдное воображеніе связываетъ съ ними тысячи романическихъ преданій, рыцарскихъ легендъ. Каменная стѣна берега идетъ отъ воды прямо и пропадаетъ въ облакахъ. Кажется поэтому, что ей нѣтъ конца, трещины взорвали ее во всѣ стороны—издали онѣ кажутся какими-то іероглифами. Холодомъ вѣетъ,—чувствуется леденящее дыханіе

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ... БИБЛИОТЕКА Кирг. ССР им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКО
Digitized by Google

суровыхъ альпійскихъ вершинъ... Еще полчаса и нашъ пароходъ попадаетъ въ призрачное царство миражей. Голубаго неба не стало... Воды часто не видать совсѣмъ. Каменныя стѣны береговъ, облака и озеро перемѣшались и перепутались такъ, что не разберешь, гдѣ кончаются одни и начинаются другіе. То выползетъ изъ ущелья громадное, свѣтлое сѣрое облако, припадетъ къ водѣ, окутаетъ утесъ—и мы плывемъ въ какомъ-то хаосѣ, то вдругъ оно всползетъ вверхъ и обнажитъ воду цвѣта индиго, темныя скалы и какую нибудь рѣчонку, текущую въ такой трещинѣ, точно сказочный гигантъ разсѣкъ здѣсь скалу однимъ ударомъ меча, чтобы дать исходъ водамъ, накопившимся за нею... Кастелетто, пока мы къ нему подходили, нѣсколько разъ окутывалось тучами и вновь раскутывалось. Когда, наконецъ, нашъ пароходъ остановился передъ нимъ, въ крошечный портъ вдругъ ни съ того, ни съ сего ударило солнце... Въ городкѣ миніатюрномъ и все миніатюрно... Портъ весь занятъ пятью суденышками, хотя вдругъ на одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ красуется консульскій флагъ и пестрый гербъ. Смотримъ,—дѣйствительно, консульство... Венесуэлы!.. Почему Венесуэлы?.. Э, да не одна Венесуэла имѣетъ представителей въ Castelletto di Brenzone (не смѣйтесь: всѣ маленькіе городки непремѣнно претендуютъ на длинныя названія; вспомните наши Козмодемьянскъ, Царево-Кокшайскъ, Красный-Яръ и т. д.). Вонъ еще флагъ и еще гербъ: консульство Монако! Я изъ уваженія передъ величіемъ этого государства снимаю шляпу... Далѣе еще флагъ и опять пестрый гербъ. На сей разъ—Греціи... Двѣ тысячи жителей Кастелетто, очевидно, не могутъ обойтись безъ этихъ трехъ великихъ державъ!..

— Чѣмъ замѣчателенъ вашъ городъ?—обращаюсь я къ туземцу, пораженный обиліемъ консульствъ.

— Э!.. Какъ чѣмъ? А это что?

— Это Монте Бальдо.

— Именно. Ну, такъ изъ нашего Кастелетто обыкновенно предпринимаютъ восхожденія на эту гору.

Мы опять возвращаемся къ брешіанскому берегу. Тутъ уже всѣ города висятъ надъ озеромъ. Они помѣстились точно орлиныя гнѣзда и сверху смотрятъ на насъ. Къ нимъ ведутъ вырытыя въ утесахъ лѣстницы. Мы видимъ красивую церковку Тиньяле, такую же и два палаццо Термозины, и удивляемся,

Digitized by Google

какъ они взобрались такъ высоко—да еще подъ такіе утесы, которые вотъ сдвинутся и раздавятъ подъ собою эти городки. Въ одномъ мѣстѣ какая-то живописная кучка каменныхъ домиковъ забилась подъ скалу, которая далеко нависла надъ ними и прикрыла ихъ кровлей... Берега суживаются совсѣмъ... Кажется, сойдутся и раздавятъ нашъ пароходъ со всѣми его влюбленными парочками. Гребни горъ, вдвигающихся въ Гардо выступъ за выступомъ, все причудливѣе, точно хребты, на которыхъ выступаютъ какіе-то позвонки. Именно похожи на чудовища, что̀ залегли головами въ озеро... Горныя рѣчонки грохочутъ такъ, что мы ихъ слышимъ на палубѣ. Горбинами переброшены черезъ нихъ каменные мосты, и нѣкоторые защищены башнями,—должно быть, въ тѣ еще времена, когда на каждомъ мѣстѣ шелъ рыцарскій грабежъ. Помилуйте, всѣ удобства для этого были подъ руками. Одинъ толчокъ—и обобранная жертва летѣла въ пѣну вздувшейся рѣчонки, а она въ свою очередь уносила тѣло въ Гардо... Потомъ поди ищи! Каменные островки попадаются. Точно изъ-подъ воды только что выступили. Просто глыба гранита, и на ней посреди озера непремѣнно тоже башня, дерзкая, хищная, точно сторожащая что-то или кого-то. Нѣкоторыя такія torre, кажется, прямо изъ воды поднялись—ни клочка земли кругомъ. Должно быть, теплые ребята живали здѣсь въ старину! Надъ Мальтезиною — пограничнымъ итальянскимъ городкомъ (сѣвернѣе, увы, уже Австрія)—нависъ утесъ, пугающій воображеніе. Надъ этимъ утесомъ другой, а надъ нимъ уже поднялся громадный замокъ, — такой грозный, величавый и царственный, что безъ всякаго сомнѣнія вѣришь мальтезинскимъ патріотамъ, увѣряющимъ, что онъ построенъ Карломъ Великимъ. Во всякомъ случаѣ, онъ восходитъ до той эпохи, и впослѣдствіи венеціанцы еще болѣе увеличили его и укрѣпили, пристально наблюдая отсюда за тѣмъ, чтобы во владѣніяхъ льва св. Марка все было тихо и смирно. Къ замку жмутся добравшіеся до него высокіе дома.

Въ Мальтезинѣ на пароходѣ сѣлъ оригиналъ, какого я не встрѣтилъ и въ Италіи,—вообще странѣ оригиналовъ. Онъ началъ съ того, что подошелъ по очереди ко всѣмъ пассажирамъ и представился имъ, причемъ дамамъ, благоволившимъ протягивать ему руку,—цѣловалъ оную. Потомъ онъ сѣлъ посреди

Digitized by Google

парохода, развернулъ платокъ, вынулъ изъ него флейту и началъ играть на ней. Какой-то расчувствовавшійся вѣнецъ, принявъ его за профессіональнаго музыканта, положилъ ему франкъ. Итальянецъ вѣжливо поблагодарилъ его, приподнявъ шляпу, потомъ кивнулъ бѣжавшему мимо лакею:

— Луиджи, возьми-ка этотъ франкъ, да вотъ тебѣ еще пять на придачу!

Чудакъ оказался милліонеромъ Т*** изъ Вероны, и не только милліонеромъ просто, но архи-милліонеромъ. Узнавъ, что я русскій, онъ театрально попятился отъ меня.

— Мы васъ боимся.

— Кого и за что?

— Русскихъ; о, мы хорошо помнимъ генерала Souvaroff... Это былъ великій полководецъ и вы насъ когда нибудь проглотите; вы вообще скушаете всю Европу и не подавитесь, какъ я вотъ эту поленту съ воробьемъ. У русскихъ желудокъ большой, очень большой. Маленькая Италія помѣстится въ немъ, какъ какая нибудь тартинка.

Я сталъ было увѣрять его въ томъ, что у насъ никто не думаетъ о завоеваніяхъ, что у Россіи слишкомъ много дѣла внутри, что, напротивъ, мы только и нуждаемся въ мирѣ. Но, очевидно, чудакъ былъ изъ тѣхъ, на которыхъ доказательства не дѣйствуютъ.

— Да, да, вы должны, разумѣется, говорить такъ, но я недаромъ читалъ и учился...

— Да зачѣмъ мы васъ будемъ завоевывать?

— Какъ зачѣмъ?.. Наша цивилизація сгнила, какъ римская, и насъ должно обновить новое переселеніе варваровъ.

— Благодарю покорно!

— За что?

— За варваровъ. Это вы насъ варварами...

— Да! Но варвары современные, разумѣется, не то, что были тѣ... Да притомъ, въ самомъ дѣлѣ, вы народъ сильный, чего же вамъ оставаться въ своихъ степяхъ и болотахъ? Вамъ тоже хочется тепла и свѣта. Вы и придете къ намъ. О, Россія—великая угроза всей Европѣ. Противъ васъ нуженъ общеевропейскій союзъ. Вы подумайте о томъ, какъ вы страшны. Чтобы начать войну, европейская держава должна пройти черезъ кавдинскія ущелья всякихъ кредитовъ и ассигновокъ—

Digitized by Google

и, прежде чѣмъ война объявлена, о ней будутъ толковать въ парламентѣ, въ печати; понятно, что каждый, кому шкура дорога, приготовится. Ну, а вамъ и готовиться незачѣмъ. Вы всегда готовы. Состоится у васъ questo ucaso (этотъ указъ)— вы и пойдете.

Вообще нѣтъ ничего комичнѣе свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, обращающихся въ Италіи. Прибавьте къ этому, что онѣ считаются здѣсь непреложными. Ловкіе австрійскіе корреспонденты итальянскихъ газетъ, повинуясь указаніямъ изъ вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, не разъ писали даже въ такія изданія, какъ Diritto, Tribuna, Nazione, о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи. Мы, видите ли, даже на Италію разинули свою чудовищную пасть. Намъ нужны *всѣ* славянскія земли, Адріатика съ итальянскимъ берегомъ, Венеція съ Фріуломъ и т. д. Нѣтъ такой глупости, какую здѣсь нельзя было бы пустить въ ходъ и каждой, какъ бы она ни была нелѣпа и фантастична—будьте спокойны—повѣрятъ. Одинъ изъ глубокомысленныхъ политиковъ въ продажномъ, хотя и талантливомъ, «Il Corriere di Napoli»—провозглашалъ: «Россія, своею жадностью къ политическимъ захватамъ, заставляетъ насъ по неволѣ бросаться въ объятія Австріи. Иногда люди-враги соединяются для общей защиты противъ тигровъ. Оставь завтра Россія свои завоевательные замыслы, и намъ не будетъ никакой нужды въ австрійскомъ союзѣ». И это еще болѣе просвѣщенные журналисты проповѣдуютъ такую чепуху. Можете себѣ представить, съ чѣмъ здѣсь приходится считаться, когда вы прочитываете болѣе мелкіе листки?! Право, о Китаѣ, Бирманіи, Сіамѣ не позволятъ себѣ такъ лгать, какъ лгутъ на Россію. Разумѣется, разница нашихъ учрежденій съ тѣмъ, что̀ дорого и свято западной Европѣ, такова, что она насъ никогда не пойметъ. И винить ее особенно нельзя, но досадно на тѣхъ итальянцевъ, которые, имѣя возможность познакомиться съ Россіей, распространяютъ о ней самыя невѣроятныя глупости. Прочтите книгу Росси — знаменитаго Эрнесто Росси. Мы его обласкали свыше мѣры; я думаю, у насъ никто не былъ принятъ съ такими распростертыми объятіями. И что же: въ своихъ мемуарахъ о Россіи онъ разсказываетъ, что—разъ онъ появлялся въ какомъ либо домѣ—его немедля сажали на тронъ (sul trono) и хозяева, а потомъ гости (не исключая женщинъ

Digitized by Google

и дѣвушекъ) и наконецъ i schiavi (рабы) подходили—цѣловать ему руку!..

Пароходъ перешелъ опять на западную сторону, къ послѣднему на ней (какъ Мальтезина на востокѣ) итальянскому городу Лимоне. Крошка съ 600 жителями ужасно гордится своимъ гражданиномъ Онезимо Дольче (Дольче—сладкій). Этотъ Дольче въ іюлѣ 1866 г., когда австрійцы подобрались сюда на своихъ канонеркахъ,—бросился къ нимъ вплавь, взобрался на первую и, подойдя къ капитану, недоумѣвавшему, что̀ сей сонъ обозначаетъ, зарѣзалъ его. Анисима Сладкаго разстрѣляли—но Лимоне не забылъ его доселѣ. Городъ хотѣлъ даже воздвигнуть памятникъ мѣстному герою и собралъ на это... 56 франковъ... Онъ обратился къ другимъ городамъ Гардскаго озера, но тѣ отвѣтили ему весьма горделиво:

— Неужели ничтожный Лимоне воображаетъ, что у насъ нѣтъ своихъ героевъ?... своихъ великихъ людей?...

Впрочемъ, лимонцы вышли съ честью изъ этого затрудненія. Изъ 56 франковъ памятника не выдумаешь, но нужда не свой братъ и лимонцы взяли да и прибили мраморную доску на какой-то каменной лачугѣ. На этой доскѣ вырѣзано:

«Вниманіе!..
Прохожій—остановись и почти вѣчную память
величайшаго
гражданина славнаго города Лимоне..
обезсмертившаго отечество
и въ свою очередь получившаго отъ него безмертіе...
Здѣсь родился и росъ
Онезимо Дольче,
воскресившій память Муція Сцеволы
и доказавшій,
что великіе предки воскресли въ доблестныхъ потомкахъ...
Да здравствуетъ Италія
и вѣчная память
Онезимо Дольче!!!»

Вывѣска стоила 42 франка. Достойные лимонцы не хотѣли воспользоваться остальными 14-ю... Они послали ихъ въ Римъ, на памятникъ Гарибальди, пояснивъ:

«Великому патріоту
благодарные лимонцы».

Digitized by Google

При семъ они потребовали, чтобы римскій комитетъ въ израсходованіи этихъ 14 франковъ доставилъ имъ подробный отчетъ съ оправдательными документами...

Поздно вечеромъ, туманъ опять заволокъ все озеро и, освѣщенные багрянцемъ заката, красною мѣдью горѣли утесы восточнаго берега. Мрачныя, массивныя горы пропадали во мглѣ внизу... Намъ, ползшимъ вдоль лѣваго берега, гдѣ тумана не было, видны были онѣ, до половины скрытыя имъ. Тишина царила на озерѣ... Гардо здѣсь было сжато берегами. Въ сумракѣ слышался порою шумъ далекаго водопада, но и онъ отходилъ назадъ и опять безмолвіе кругомъ, въ которомъ еще громче раздавалось тяжелое и словно усталое дыханіе нашего парохода.

— Теперь мы въ Австріи!—радовались вѣнскія влюбленныя парочки.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!—хотѣлось отвѣтить этимъ восторженнымъ гусынямъ. Когда взошла луна, тихій свѣтъ ея отразился на снѣжныхъ вершинахъ горъ, гдѣ-то далеко-далеко. Точно величавые призраки, стояли онѣ тамъ, не смѣя подступить къ озеру, слишкомъ нѣжному, томному, улыбающемуся, слишкомъ теплому для ихъ суровой и мрачной красоты...

— Рива, синьоры. Рива!—весело кричали лакеи, поднося намъ счеты.

— Рива, готовьтесь къ таможенному досмотру,—приглашалъ насъ капитанъ съ высоты рубки.

— Рива и Австрія... Чтобы ей пусто было!—заканчивалъ шопотомъ итальянецъ около меня.

Долина Сарко, въ которой стоитъ этотъ городъ, была вся залита луннымъ свѣтомъ. Пахло цвѣтами. Набережная горѣла огнемъ. Подходя къ ней, мы увидѣли длинный рядъ бѣлыхъ тонконогихъ цапель, которыя при ближайшемъ ознакомленіи оказались офицерами мѣстнаго австрійскаго гарнизона. Они покручивали усы и принимали граціозныя позы, провожая глазами сходившихъ съ трапа соотечественницъ. Дальше насъ ждала цѣлая армія отельныхъ комисіонеровъ.

Она аттаковала насъ столь остервенѣло, что даже я, привычный человѣкъ, растерялся.

— Sole d'Oro... Sole d'Oro, синьоръ,—кричалъ одинъ, краснѣя отъ натуги и надуваясь, какъ Борей на картинкахъ маляровъ прошлаго столѣтія.

Digitized by Google

— Albergo e pensione au Lac!..—закатывалъ какъ бы по французски другой.

— Kastchaus Smidt,—уже рычалъ рыжій нѣмецъ.

— Baviera, signori, Baviera!..

— Stella d'Oro...

Наконецъ, одинъ болѣе находчивый выхватилъ у меня ручной чемоданчикъ и, съ видомъ сосредоточенной рѣшимости на жизнь и на смерть, двинулся впередъ. Я по неволѣ послѣдовалъ за своею судьбою.

— Куда вы меня предназначили?

Онъ молчалъ, прибавляя шагу.

— Subito,— наконецъ удостоилъ выговорить онъ.—Вотъ! Первая гостинница въ Ривѣ—«Золотое Солнце», съ садомъ, выходящимъ на озеро. Здѣсь хорошо кормятъ и дешево берутъ.

Изъ его рукъ я попалъ въ руки «министра» (управляющаго гостинницей), министръ передалъ меня директору, директоръ позвалъ камергера (cammerriere), камергеръ — вычистилъ мои сапоги и указалъ комнату, заявивъ, что табльдотъ ждетъ меня...

Рива ди-Тренто (Riva di Trento)—прехорошенькій городенка. Впрочемъ, что я? Какой же это городенка, если въ немъ 6,100 жителей. Это уже столица. На Гардо, люднѣе его нѣтъ. Итальянцы, вступая сюда, дѣлаютъ меланхолическія лица, здѣшніе ихъ соотечественники нечально покачиваютъ головой и мрачно закутываются въ плащи. Потомъ и тѣ, и другіе вздыхаютъ... Вся эта мимика обозначаетъ соболѣзнованіе однихъ и скорбь другихъ о томъ, что «гнусные» австрійцы еще владѣютъ этою частью итальянской территоріи... Зато здѣшніе «патріоты», отлично зная нѣмецкій языкъ, притворяются, что не понимаютъ его, доводя до отчаянія только что переведенныхъ изъ Вѣны офицериковъ, не умѣющихъ даже свистать по итальянски. Надъ Ривой, выходящей въ долину Сарко, съ запада повисли большія горы, на которыхъ еще до сихъ поръ указываютъ руины скалигеровскихъ замковъ,—доказательство того, что городъ и окрестности принадлежали когда-то Веронѣ... У самаго озера, весь облитый луннымъ свѣтомъ, въ величавыхъ башняхъ и зубчатыхъ стѣнахъ, стоялъ La госса, который австрійцы, чтобы покончить съ мѣстными ирридентистами, обратили въ казарму...

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, Italia irridenta здѣсь не дремлетъ. Когда я посѣщалъ итальянскій Тироль, это общество еще не было уничтожено римскими *патріотами*. Криспи, когда-то самъ гарибальдіецъ, не посовѣстился въ угоду австрійцамъ наложить руку на своихъ ирридентистовъ. Это было только однимъ изъ многочисленныхъ униженій, черезъ которыя прошла бѣдная Италія pour les beaux yeux прусскаго короля. При мнѣ ирридентисты дѣятельно вели здѣсь свою пропаганду. Подъ видомъ строгихъ туристовъ и купцовъ, они шныряли изъ Ривы въ Алу, Ровередо, Тріентъ, Арко, подготовляя будущее отторженіе этихъ провинцій отъ Австріи. Сколько при этомъ тратилось восклицательныхъ знаковъ, театральныхъ позъ, зловѣщихъ взглядовъ, меланхолическихъ вздоховъ, многообѣщающихъ рукопожатій,—предоставляю вообразить каждому, кто знаетъ Италію. Швабы этихъ заговорщиковъ называли опереточными героями, комедіантами, и отъ времени до времени дѣлали на нихъ облавы, судили ихъ, сажали въ крѣпость—но вскорѣ выпускали. Отбывъ заточеніе, заговорщикъ дѣлался величественъ до неузнаваемости. Онъ пострадалъ за Италію и чуть не требовалъ себѣ заживо мраморнаго памятника. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою смѣшную внѣшность, irridenta дѣлала кое-что. Благодаря ей, даже славянская Истрія считаетъ себя итальянской и въ Полѣ и Тріестѣ люди, носящіе далматинскія фамиліи, не желаютъ иначе разговаривать съ вами, какъ по итальянски. Возьмите Фріуль, принадлежащій Италіи. Вѣдь это чисто славянская, да еще горная страна, въ которой племенная обособленность должна бы сохраниться—а ее нѣтъ совсѣмъ. И даже журналистъ Добрыло (Dobrillo) изъ Фріуля, издававшій въ Веронѣ ирридентистскую газету, увѣрялъ меня, что предки его если и были славянами, то только по недоразумѣнію.

Уже была ночь, когда я вышелъ на кипѣвшія жизнью улицы города... Въ одномъ изъ кафе слышна была музыка. Вхожу—гомонъ, блескъ и шумъ. Я подсѣлъ къ какой-то компаніи, занявшей два стола рядомъ. Здѣсь знакомятся быстро. Заговорили весело, беззаботно, и представьте мое изумленіе, когда новые мои пріятели отрекомендовались... сбѣжавшими артистами.

— То есть какъ это сбѣжавшими?

Digitized by Google

— Очень просто. Насъ «скриттуровали» (scrittura—ангажементъ) для Ровередо, пѣть «Фаворитку» и «Линду». Вотъ видите, вся наша compania... Illustro direttore d'orshestro (капельмейстеръ). Примадонны, теноръ, баритонъ—весь составъ. Ну, мы, получивъ картелло (четверть всей платы), пріѣхали въ Ровередо... Поемъ, никто насъ не посѣщаетъ... Театръ пустъ. Импрессаріо хотѣлъ повѣситься, но вмѣсто того нашелъ лучшимъ обокрасть насъ и бѣжать.

— Куда?

— Въ Миланъ. Мы его встрѣтимъ тамъ въ Galleria Vittorio. Посмѣемся... А за нимъ мы... Пѣшкомъ черезъ горы!

— И дамы пѣшкомъ?

— А на чемъ же имъ? Когда у насъ у всѣхъ и ста франковъ въ карманѣ нѣтъ!..

И опять самый искренній и беззаботный смѣхъ...

— Слава не дается даромъ и пути къ искусству тернисты!—наставительно проговорилъ капельмейстеръ.

— Своего рода Via dolorosa!..

И опять смѣхъ.

— Завтра сядемъ на пароходъ.

— Гдѣ же вы помѣстились?

— А здѣсь...

— До утра?

— Нѣтъ, до утра побродимъ по набережной, по улицамъ.

Какъ видите, не у насъ только «Счастливцевы и Несчастливцевы» путешествуютъ на собственныхъ ногахъ по шпаламъ. Въ Италіи часто случается то же самое, съ тѣмъ различіемъ, что никто здѣсь изъ этого драмы не дѣлаетъ. Всѣ, напротивъ, веселы и беззаботны. И обокравшаго ихъ импрессаріо, вѣроятно, дружелюбнымъ смѣхомъ встрѣтятъ въ Миланѣ и даже не откажутся отъ втораго ангажемента у него же.

Подъ утро, проснувшись, я услышалъ стройное пѣніе на улицѣ...

Должно быть, это мои новые пріятели коротали время, бродя до восхода солнца по Ривѣ.

Сколько экскурсій изъ этой крохотной Ривы! И чего-чего только нѣтъ въ ея окрестностяхъ? Итальянское Арко съ своей изумительной скалой, гдѣ на самомъ тычкѣ невѣдомо какъ

Digitized by Google

уцѣпился замокъ; водопадъ Понале среди райскаго уголка у крохотнаго, но изящнаго, какъ изумрудъ въ золотой оправѣ, озерка Ледро; восхожденіе на гору Джіумелла, откуда видна значительная часть Гардо и вершины Тироля; поѣздка на Бріоне, въ La Grotta, къ каскаду Вароне, въ Колонья, въ Тенно—къ древнему замку и богъ вѣсть куда еще! Это дѣйствительно уголокъ, гдѣ стоитъ пожить подольше. Каждый день новая поѣздка — и новыя непредвидѣнныя наслажденія...

Я жилъ здѣсь мѣсяцъ—и весь онъ былъ наполненъ ароматомъ горныхъ фіалокъ, журчаніемъ ручьевъ, грохотомъ водопадовъ, веселыми пѣснями... Точно праздникъ молодости, свѣжести, чуткости первыхъ впечатлѣній... О немъ и вспомнить весело, какъ вообще весело вспоминать обо всей этой поѣздкѣ по счастливому Гардо... весеннимъ сномъ представляется она мнѣ, и немудрено, что до сихъ поръ меня тянетъ въ эти крошечные «дворянскіе» городки, гдѣ воспоминаній больше, чѣмъ жителей, и замковъ больше—чѣмъ домовъ... Точно старая милая сказка, которой невольно вѣрится—такъ хороши и красивы ея рыцари, такъ заманчивы ея дворцы и неожиданныя приключенія...

Итальянскіе поэты величаютъ Гардо «лучшимъ изумрудомъ ломбардской короны», Бальди назвалъ его «улыбкою неба, отраженнаго землею»... Къ сожалѣнію, риторика не даетъ понятія о дѣйствительныхъ красотахъ, сосредоточившихся здѣсь на маломъ пространствѣ...

Уѣзжая черезъ нѣсколько дней изъ Дезенцано, я оглянулся налѣво—раздвинулись горы и изъ-за нихъ въ послѣдній разъ блеснула мнѣ громадная лазурная скатерть этого озера. Оно какъ будто хотѣло мнѣ кинуть свое: «до свиданія»...

Увы, это «до свиданія» стоило хорошаго «прощай». Нѣсколько лѣтъ послѣ того, я прожилъ въ Италіи, но мнѣ уже не приходилось посѣтить любимыхъ уголковъ этого рая Катулла и Маффеи. Только въ присылаемыхъ мнѣ книжкахъ молодыхъ поэтовъ—я нахожу отголоски напѣвовъ, которые слышалъ здѣсь... Они охватываютъ душу поэтическою грустью—особенно когда за окнами тусклый петербургскій день свѣтъ снѣгъ и въ сѣрый туманъ уходятъ озябшія улицы.

Digitized by Google

V.

Въ этотъ разъ—я ѣхалъ на другія итальянскія озера. Гардо оставалось въ сторонѣ. Съ своего холоднаго сѣвера, гдѣ все задыхалось еще и томилось подъ снѣгомъ, я торопился къ Лугано и Лаго Маджіоре. Изъ шумнаго (для Швейцаріи, разумѣется) Базеля, черезъ Люцернъ и Сенъ-Готардъ перекинулась одна изъ замѣчательнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ. Она разомъ переноситъ васъ отъ мертвящаго дыханія зимы—къ нѣжной ласкѣ теплаго юга!.. Понятно, что путешественнику здѣсь не до техническихъ подробностей и онъ крайне невнимательно относится къ столбцамъ цифръ и данныхъ о томъ, какъ сооружалась эта магистральная вѣтвь, какъ Италія съ одной и Германія съ другой стороны пробили Сенъ-Готардъ, чтобы пожать руки другъ другу. Тунели здѣсь пронизываютъ горы спиралями, такъ что вы выскакиваете изъ нихъ по одной вертикальной линіи съ отверстіемъ, въ которое вы нѣсколько минутъ назадъ вскочили, только тысячи на двѣ футовъ выше или ниже. Люди рылись здѣсь въ камнѣ, какъ черви въ яблокѣ! Легкомысленному туристу, ищущему тепла и голубаго неба, и не сообразить даже, сколько труда и генія потрачено на этихъ высотахъ. Именно генія, потому что инженерамъ здѣсь мало было свѣдѣній. Они нуждались еще болѣе въ воображеніи и вдохновеніи, чтобы рѣшиться на эту титаническую работу.

Синяя, прозрачная, мечтательная ночь, яркій мѣсяцъ. Мы несемся точно на коврѣ-самолетѣ вверху. Подъ нами бездны, провалы, захваченные моремъ темной зелени,—и въ нихъ въ самомъ низу блестятъ бѣлыя, точно кованныя изъ серебра, стѣны домовъ. Черныя трещины и свѣтлые изломы утесовъ, словно до самаго сердца земли раздавшіяся щели и иглы причудливыхъ скалъ; голубой туманъ подымается со дна куда-то провалившихся долинъ... Порою далеко, далеко внизу костеръ—то мигнетъ звѣздочкой, то спрячется... Вотъ рѣка, точно змѣя въ серебряной пѣнѣ, мечется и бьется, извиваясь кольцами въ тѣснинѣ. Иногда кажется, что еще мгновеніе и нашъ поѣздъ унесется въ воздухъ... Онъ уже наравнѣ съ голубыми осіянными луною вершинами, среди торжественнаго молчанія пла-

Digitized by Google

вающими въ царствѣ этой чудно-прекрасной ночи. Иной міръ—незнакомый, начавшійся за рубежемъ дѣйствительности. Поѣздъ ворвался въ эту заколдованную область и стремится въ ужасѣ поскорѣе прочь отсюда, отъ этихъ обнаженныхъ конусовъ, величавыхъ и спокойныхъ, тихо дремлющихъ надъ суетною землею... Не всегда, впрочемъ, тихо. Порою слышится издали глухой и ворчливый ревъ водопада. Вырвавшись изъ вѣчной тьмы горнаго заточенія или изъ подъ коры бѣлесоватыхъ ледниковъ, онъ бѣшено кидается внизъ по черной трещинѣ, разбиваясь въ серебряную пыль о скалы, раздираемый тысячами ихъ выступовъ и изломовъ... Но—нашъ поѣздъ еще стремительнѣе уносится прочь отъ этихъ чудесъ альпійской ночи, забѣгаетъ въ жилы громадныхъ тунелей, выскакиваетъ изъ нихъ и, испуганный новымъ водопадомъ или новымъ хаосомъ стихійно нагроможденныхъ утесовъ, сворачиваетъ вправо и влѣво. Въ отчаяніи онъ скользитъ по тонкимъ и словно паутина легкимъ мостамъ, переброшеннымъ черезъ пропасти, теряется въ тѣни ущелій, дѣлаетъ десятки зигзаговъ надъ однимъ и тѣмъ же городомъ, крыши котораго мерещутся далеко, далеко внизу, и, наконецъ, запыхавшійся и усталый, останавливается у одинокихъ домиковъ станцій, среди величаваго безмолвія тускло мерцающихъ ледниковъ... Изрѣдка, начиная съ Файдо, южный вѣтеръ пахнетъ въ лицо какимъ-то запахомъ цвѣтовъ, незнакомымъ, но сладко волнующимъ кровь. Италія уже издали посылаетъ въ немъ привѣтъ путешественникамъ, стремящимся къ ней съ далекаго простуженнаго сѣвера. На станціяхъ, выходя изъ вагона и останавливаясь передъ мрачными склонами горъ, я ловлю тонкое дыханіе альпійскихъ фіалокъ... Должно быть, изъ щелей и трещинъ—всюду, гдѣ скользитъ днемъ лучъ солнца, поднялись онѣ. Эти фіалки—небеснаго происхожденія! Земля лукава. Она раздается, ловитъ солнечный лучъ и смыкается надъ нимъ. Долго онъ томится въ землѣ и, сочетаясь съ ея живыми соками, вырывается наконецъ на свѣтъ и волю нѣжно-благоухающею фіалкой. Подъ Беллинцоною за Біаско—послышалась итальянская пѣсня... Мы уже въ южныхъ кантонахъ!.. Горы жмутся къ дорогѣ, кажется—вотъ-вотъ перевалятся черезъ нее и раздавятъ нашъ длинный поѣздъ... Три замка въ лунномъ свѣтѣ стоятъ, словно зачарованные. Мы сверху видимъ, какъ въ темныхъ садахъ глубоко внизу рас-

Digitized by Google

кидывается счастливая долина р. Тичино... Эти-то сады и посылали намъ свое ароматное «добро пожаловать»! Издали они кажутся тучами, на ночь приникшими къ землѣ. Въ ихъ ароматѣ слышатся и розы, и лиліи, и жасмины, и магноліи... Еще нѣсколько минутъ и вдали блеснуло тусклой сталью Лаго-Маджіоре. Тутъ уже—нѣтъ мѣста сѣверу. Вокругъ въ озеро глядятся красивыя горы, смотрятся въ самую глубь его водъ, но нашему поѣзду некогда: онъ сворачиваетъ въ сторону, круто и рѣшительно, опять пронизываетъ безмолвное и торжественное, благоговѣйно торжественное царство вершинъ, утесовъ, узловъ, на нѣсколько минутъ останавливается передъ крошечнымъ Лугано—словно дымящимся сегодня серебристымъ паромъ—и, выбросивъ насъ изъ станціи на берегъ этого идиллическаго озера, самъ, въ черномъ дымѣ и въ золотыхъ искрахъ, уносится дальше...

— Батюшки... Что жь это, гдѣ мы?—слышится мнѣ вопль внезапно обрѣтенной соотечественницы. Я оглядываюсь—несомнѣнно московскій овощъ. Шляпка на головѣ съ какими-то крыльями и съ хвостомъ, задраннымъ къ верху—это въ дорогѣто!.. Накидка тоже вся въ бантикахъ, а на ногахъ, не смотря на благодатную теплынь—мѣховые ботики и на шеѣ оренбургскій платокъ; ничего не упустила, чтобы въ собственномъ бульонѣ свариться.

Только я было сунулся помочь ей,—ужь очень жаль было: распарилась, растопилась и раскисла, какъ опара... очевидно, за эту серебряную чудную альпійскую ночь она и сознаніе потеряла, гдѣ она и что съ нею! какъ, къ великому моему счастію, рядомъ съ нею точно выросъ взъерошенный и кудлатый итальянецъ—пиджакъ короткій, въ обтяжку, изъ-подъ узкихъ рукавовъ выглядываютъ громадныя красныя руки и на узлѣ галстука—подозрительная булавка съ кулакъ величиною... На головѣ чуть держится соломенная шляпа, вотъ-вотъ улетитъ сама или ее прочь сбросятъ дыбомъ встающіе волосы.

— Signora, subito, subito... Cara signora aspetta in momento. Ci penso io... Faro tutto per lei. Сейчасъ, сударыня, сейчасъ! Обождите минуту. Я самъ обо всемъ подумаю и устрою все.

И, пробѣгая мимо другаго такого же кудлатаго бекреня, налету роняетъ ему:

Digitized by Google

— Guarda, che bel pezzo di donna... [1])

— Гдѣ ты, Луиджи, познакомился съ нею?—дѣловымъ тономъ спрашиваетъ тотъ.

— На дорогѣ... Una Russa... Bicca... Richissima come... come...—затруднялся онъ,—come i faraoni (богатая, богатѣйшая, какъ... какъ... какъ фараоны!)—И неистовый Роландъ, захвативъ квитанціи отъ багажа всероссійской Матрены, полетѣлъ на станцію, опять показался оттуда, заоралъ что-то факкино (носильщику), какъ-то козломъ взбѣжалъ къ соотечественницѣ, мимоходомъ схватилъ ее за руку, крикнулъ еще разъ: «ci penso io!» и опять скрылся...

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже садился съ нею въ коляску лучшаго изъ здѣшнихъ отелей—du Parc...

— Куда ты?—спросилъ его другой Роландъ.

— Съ нею вмѣстѣ... остановимся въ одномъ Albergo...

И все это произносится съ восторженной жестикуляціей, съ выворачиваніемъ глазъ.

— Что это—кажется, Луиджи пріѣхалъ?—подошелъ къ оставшемуся другой итальянецъ.

— Да... Подхватилъ по дорогѣ какую-то vacca di Mosca (московскую корову), должно быть, богатая—хочетъ остановиться съ нею въ Hôtel du Parc.

— Ну, что же, Луиджи—человѣкъ бѣдный... Ему одно и остается—или жениться на богатой, или уѣхать въ Массову. Онъ вѣдь marchese?

— Да... хорошей фамиліи изъ Комо, но отецъ, кромѣ герба, ничего ему не оставилъ. Притомъ же Луиджи и не учился ничему... Его братъ женился на старой англичанкѣ и хорошо устроилъ свою судьбу. Должно быть, и этому удастся... Ужь онъ своего не упуститъ!..

А Лугано тихо мерцало и серебрилось передъ нами въ лунномъ свѣтѣ. Въ голубомъ туманѣ, прозрачныя и воздушныя, смутно рисовались обступившія его горы... Самый городокъ, тихій и изящный, дремалъ, прислонясь къ отлогому берегу... Направо,—выплывая точно изъ сумрака,—удивительно законченная, блестѣла вершина С. Сальваторе...

---

[1]) Чисто итальянское выраженіе, значитъ: «какой прелестный кусочекъ женщины». Такъ здѣсь выражаютъ свой восторгъ по поводу красивыхъ дамъ.

Digitized by Google

Что за роскошь—ночи эти!
Тишина и блескъ вездѣ.
Разстилаетъ мѣсяцъ сѣти
Золотыя по водѣ.
Мой гребецъ весломъ чуть движетъ
И, беззвучное, оно,
Въ нихъ скользя, какъ будто нижетъ
За сквознымъ звеномъ звено...
Ночь молчитъ... Подъ звѣзднымъ кровомъ
Міръ заснулъ въ избыткѣ силъ...
И боюсь, чтобъ громкимъ словомъ
Ты его не разбудилъ...

— Вамъ куда?..—набросился было на меня факкино.

— Не безпокойтесь... Я оставлю багажъ на станціи и завтра пришлю за нимъ.

— Неужели вы пойдете въ городъ пѣшкомъ?—патетически заворочалъ онъ бѣлками, очевидно съ ужасомъ думая о такомъ недостойномъ иностранца поведеніи.

— Да! Я знаю городъ... «Sono pratico»... Я здѣшній (иначе онъ бы не отсталъ).

Очевидно, я потерялъ въ его глазахъ весь интересъ, онъ даже заложилъ руки въ карманъ.

— Что онъ?—спросилъ его другой, стремившійся ко мнѣ и кланявшійся издали.

— Не стоитъ. Это не forestiere... Это, такъ себѣ, просто signor. И даже не синьоръ—а uomo... Нынче собьешься съ толку и не поймешь ничего.

Какъ uomo (человѣкъ), я потерялъ въ ихъ мнѣніи и не стоилъ уже никакой заботливости.

Луганское озеро (lac Ceresio—тоже)—какой-то узелъ узенькихъ и длинныхъ заливовъ, перепутавшихся между собою. Начинаясь въ Порлеццѣ, въ Италіи, оно идетъ къ городу Лугано 15-верстнымъ рукавомъ, а отъ Лугано кругомъ поворачивается на югъ, къ горѣ С. Джіоржіо—на 8 верстъ. Тутъ оно раздѣляется на два длинныхъ залива, одинъ длиной въ 4 версты, другой, пройдя еще на югъ до Порто на пять верстъ, вдругъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и уже на 10 верстъ тянется до города Анво, выдѣляя новый рукавъ, къ Трезѣ, на 3 версты... Все это—капризно, неожиданно и красиво, какъ шалость моло-

Digitized by Google

дой красавицы. Лугано—со всѣми его изворотами, извилинами—является очень граціозною и остроумною шуткою природы. Это не величавое, полное средневѣковыхъ преданій Гардо; не спокойное и широкое Лаго-Маджіоре, которое многіе патріоты иногда называютъ моремъ; не съуженное сравнительно, но далеко протянувшееся картинное Лаго ди-Комо—это просто нѣсколько безпорядочно, но художественно перепутавшихся озеръ, какъ будто случайно создавшихъ въ своихъ извивахъ и узлахъ по истинѣ райскіе уголки. Самое широкое мѣсто его, между Лугано и бухточкою Каваллино у Монте-Каприно — равняется всего 3 верстамъ. Часто оно съуживается вдали, и когда за такимъ ущельемъ садится солнце—озеро горитъ въ немъ, какъ остріе ножа... Зато, если Гардо и Лаго-Маджіоре—поэмы эпическія, а Комское озеро — лирическая, то Луганское можно сравнить съ прелестнымъ, отдѣланнымъ, отточеннымъ и звучнымъ, но маленькимъ сонетомъ. Глубина его даже не особенная, хотя на ея 272 метрахъ утонуть можно. Оно (вы не шутѝте!) имѣетъ свои вѣтры: дующій съ 11 ч. утра до заката, — это теплый вѣтеръ, южный... Сѣверный называется просто «вѣтеръ»; онъ съ девяти часовъ вечера «работаетъ» до двухъ утра — свѣжею прохладою альпійскихъ вершинъ, воздухомъ глетчеровъ умѣряя зной, застаивающійся днемъ... Съ Лаго-Маджіоре Луганское озеро соединяется рѣкою Треза... Что еще сказать о немъ, чтобы разомъ отдѣлаться отъ скучныхъ подробностей? Развѣ то, что оно кишитъ рыбою и особенно славится своими превосходными форелями, которыя совѣтую ѣсть не въ отеляхъ, а въ мѣстныхъ крошечныхъ остеріяхъ, гдѣ вамъ подадутъ рыбу зажаренную въ прекрасномъ прованскомъ маслѣ и по мѣстному обычаю съ сыромъ и зеленью... О луганскихъ фореляхъ вы вынесете самое художественное впечатлѣніе. Немудрено, что итальянскіе поэты воспѣваютъ ихъ въ стихахъ, а миланскіе композиторы кладутъ эти стихи на музыку... Во всякомъ случаѣ, самыя форели лучше и этихъ стиховъ, и этой музыки...

Любопытство—короче узнать судьбу всероссійской Матрены, преслѣдуемой ломбардскимъ Orlando furioso, побудило меня, по тихимъ улицамъ спящаго города, ярко освѣщеннымъ луною—пройти тоже къ Hôtel du Parc. Дома спали, опустивъ свои жалузи; каменныя площади далеко повторяли шумъ моихъ шаговъ; старыя церкви хмурились на иностранца, нарушавшаго

Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.

мистическую тишину ночи; наконецъ, на яркомъ свѣтѣ мѣсяца, черныя и пышныя, обрисовались рамки какого-то большаго сада... Платаны и кипарисы мѣшались вмѣстѣ, магноліи подымались темнозелеными громадами, словно блестящія ладони, подставляя лучамъ свои толстые листья. Бѣлые цвѣты въ нихъ, закрывшіеся на ночь, казались спящими, и только густой ароматъ, исходившій отсюда, наполнялъ окутанную въ прозрачный сумракъ аллею...

Швейцаръ отеля du Parc встрѣтилъ меня также, какъ встрѣчаютъ назойливаго просителя... Еще бы: явился какой-то чудакъ, весь въ пыли и пѣшкомъ. Съ неба свалился что ли? Но вѣдь на небесахъ денегъ нѣтъ...

— Отчего вы не въ каретѣ?.. На станціи бываютъ кареты...

— Заказанная мною золотая карета еще не готова, а мои пегасы всѣ находятся пока въ конюшняхъ у Аполлона.

Онъ поморгалъ, поморгалъ...

— И потомъ у васъ нѣтъ вещей... Согласитесь сами...

— Но у меня есть деньги.

Онъ недовѣрчиво покачалъ головой и, наконецъ, смилостивился.

— Идите на Вилла Черезіо—рядомъ, это нашъ «dependance»...

— А у васъ нѣтъ нумера?

— У насъ все занято. У насъ нумера дорогіе, очень дорогіе!—И онъ даже вздохнулъ отъ полноты души.

Лугано—совсѣмъ итальянскій городокъ... Узкіе переулки, гдѣ дома противоположные другъ другу цѣпляются желѣзными балконами; улицы, вымощенныя гранитными плитками, шумныя и веселыя, потому что тамъ цѣлые дни кишмя кишитъ беззаботная южная толпа. Людны и крикливы рынки, гдѣ до вечера толкаются отъ нечего дѣлать мѣстныя красавицы. Церкви вѣчно открыты, во мракѣ ихъ робко мелькаютъ огоньки свѣчей; множество поповъ и монаховъ, точно сюда собрались всѣ иноки, выгнанные изъ закрытыхъ въ Италіи монастырей... Оно такъ и оказалось. Въ Лугано есть спеціальность: торговля контробандою, и она именно плодитъ монаховъ: контробандисты суевѣрны и нуждаются въ молитвахъ; толстые и благополучные попы—на каждомъ шагу, и всѣ съ лоснящимися, точно

Digitized by Google

лакированными, лицами и такимъ видомъ, который сразу говоритъ вамъ, что они здѣсь господа въ полномъ смыслѣ слова... Картины, которыхъ вы уже не увидите въ Италіи, здѣсь еще, къ счастью художниковъ-жанристовъ, существуютъ. То и дѣло длинноухій оселъ, нагруженный сумками и корзинами, останавливается у дверей городскихъ домовъ и хижинъ; padre, во вкусѣ Раблэ и Аретино, смѣло стучится въ окно... Выбѣжитъ хорошенькая горничная, онъ ущемитъ ее перстами за подбородокъ, или ущипнетъ смуглую щеку, или по плечу похлопаетъ, а за горничной—смотришь—несутъ ему изъ дому кто что можетъ: утку, сыръ, рыбу, вино...

Лугано когда-то былъ однимъ изъ трехъ городовъ тессинскаго кантона, чѣмъ онъ и до сихъ поръ гордится. Въ немъ около 6,200 жителей, и онъ красиво выстроенъ на склонѣ небольшаго холма, между горами Бре и С. Сальваторе. Лугано—богатъ. Какъ его ни сосутъ монахи, а все онъ не тощаетъ и еще пуще вширь ползетъ, забрасывая свои сады и виллы все дальше и дальше... Къ каждому сезону сюда обязательно съѣзжаются тысячи англійскихъ старыхъ дѣвъ, но и онѣ никакъ не могутъ испортить красоты этого оригинальнаго и изящнаго городка. Изъ Германіи въ Лугано является всевозможная молодежь, благодаря дешевизнѣ. (Въ самомъ дорогомъ Hôtel du Parc—я платилъ за полный пансіонъ, т. е. комната, утромъ чай съ молокомъ, масломъ и хлѣбомъ, въ часъ завтракъ съ десертомъ и въ семь часовъ обѣдъ—8 франковъ въ день). Французы и русскіе тоже сбираются на берега этого тихаго озера и тогда, смѣсью племенъ, нарѣчій и состояній, они напоминаютъ вавилонское столпотвореніе. Итальянскій языкъ совсѣмъ тонетъ въ наводненіи хрипящихъ, свистящихъ и шипящихъ звуковъ, къ которымъ присоединяется торжествующее хрюканье берлинскихъ туристовъ и тотъ особенный смѣхъ животомъ, который является неоспоримымъ доказательствомъ отсутствія художественности въ характерѣ народа.

На Лугано лучше всего полюбоваться съ горы с. Сальваторе. Краски озера въ одно и то же время такъ нѣжны и такъ ярки; берега точно эмалевые; вода споритъ своею лазурью съ несравненными небесами Ломбардіи... Горы кругомъ мягки, онѣ такъ ласково облегаютъ озеро — что невольно къ

Digitized by Google

этому милому краю приростаешь сердцемъ. Пароходы, точно муравьи, ползаютъ по озеру, оставляя за собою серебристыя черточки слѣда; заливъ, вокругъ котораго расположенъ городъ, своими изящными очертаніями, освѣщеніемъ, пышной зеленью, сочной и бархатной, покрывающей склоны холмовъ, невольно вызываетъ счастливую улыбку на самыя сумрачныя лица. Бѣлые дома города кротко смотрятъ въ его прозрачныя воды, виллы—отражаются въ нихъ всякою своею колонкою, каждымъ платаномъ, ревниво заслоняющими ихъ отъ солнца, каждымъ кипарисомъ, молитвенно стремящимся въ высоту. Вотъ именно гдѣ «смиряется души моей тревога»... А эти прозрачныя дали, пропадающія въ золотистой дымкѣ, въ лазури, въ дрожащемъ отъ свѣта и зноя воздухѣ.

Нѣтъ, здѣсь дѣйствительно хорошо! Однѣ эти горы чего стоютъ... Массы какой-то прозрачной ляпись-лазури. Вотъ кажется, что онѣ свѣтятся изнутри, такъ теплы и жизненны ихъ краски... Смотришь и не насмотришься! Легкими складками намѣчиваются ихъ неровности, рытвины, ущелья. Солнце ласкаетъ ихъ лучами... Въ самомъ городѣ—заговорите, съ кѣмъ вамъ угодно, вы услышите: лучше Лугано нѣтъ ничего на свѣтѣ... А его дома, церкви? Въ лунную ночь я какъ-то подошелъ къ собору Санъ-Лоренцо. Онъ весь сіялъ голубоватымъ блескомъ, мраморы портала выдѣлялись изъ черной тѣни, точно серебряные... Фасадъ, весь прозрачный и мистически прекрасный, какъ гигантская каменная скрижаль, подымался передо мною. Едва, едва намѣчиваются на немъ рисунки Браманте. А «Марія degli Angeli» рядомъ съ отель дю-Паркъ, который самъ когда-то былъ монастыремъ, уничтоженнымъ въ 1853 г. Какъ хороши здѣсь фрески Лукки, изображающія распятіе. Сколько въ нихъ силы и благоговѣйной нѣжности; какое благородство стиля, выразительность, чистота... Недаромъ Шарль Бланъ сравнивалъ ихъ съ творческими созданіями Рафаэля. И въ узенькихъ улочкахъ, и на шумныхъ, хотя маленькихъ площадяхъ порою находите вы неожиданные орнаменты, уголки оригинальныхъ зданій. На каждомъ шагу видно, что хотя собственно исторія и мало говоритъ о Лугано,—но, тѣмъ не менѣе, надъ нимъ прошла громадная полоса жизни, ненарокомъ оставлявшей и въ этомъ мирномъ захолустьѣ свои слѣды.

Digitized by Google

Здѣсь невозможно соскучиться. Сотня экскурсій въ окрестности... На другой день я отправился пѣшкомъ вокругъ горы С.-Сальваторе. До сихъ поръ мнѣ памятна эта прогулка. Каменная деревня Маркоте, какъ будто прижимающаяся къ нежданно высящемуся въ ней старому палаццо, Мелида, гдѣ холодное «асти» было такъ вкусно... Барбенго, гдѣ меня застала ночь... Я ее провелъ на балконѣ маленькаго дома. Яркій мѣсяцъ, словно зачарованное озеро, и тонувшія въ серебристой дымкѣ горы. Тишина... такая тишина, что, кажется, все кругомъ замерло и ждетъ, чтобы въ этомъ осіяніи вмигъ совершилось какое-то великое таинство... И луна остановилась, и притаились горы, и озеро—не дышетъ. И только одно сердце бьется еще сильнѣе—отъ счастья, и ничего ему не нужно въ эти минуты...

Здѣсь, въ Барбенго, я провелъ два дня. Никуда не тянуло—ничего не хотѣлось... Наудачу я открылъ свою записную книгу за то время и нашелъ тамъ двѣ рифмованныя замѣтки, посвященныя чудному уголку:

Какъ щитъ серебряный, среди пустынныхъ горъ
Сверкаетъ озеро. Скалистыя вершины
Уходятъ въ небеса, въ ихъ ласковый просторъ,
Какъ будто сбросивъ внизъ лѣсистыя стремины...
Отъ солнца заслонясь, въ полдневный жгучій зной,
Подъ тѣмъ щитомъ заснулъ когда-то витязь славный.
Чу, слышишь въ глубинѣ, какъ дышетъ онъ порой,
Какъ по крутымъ горамъ торжественный и плавный
Бѣжитъ и гаснетъ вздохъ... Пусть день умчится прочь
И тѣни синія сольются по вершинамъ,—
Проснется богатырь, и въ сказочную ночь
Онъ встанетъ до небесъ могучимъ исполиномъ.

Другая—посвящена была руинамъ, потянувшимъ меня къ себѣ на кручи и скалы...

Я въ забытую старую башню зашелъ,
Что утесъ этотъ дикій вѣнчаетъ...
Надо мною кружится альпійскій орелъ,
Горный вѣтеръ привѣтъ мнѣ бросаетъ.
Какъ на родинѣ, здѣсь—все въ березѣ, въ соснѣ.
Я въ бойницу гляжу: изъ тумана

Digitized by Google

Подъ эмалью своей бирюзовою мнѣ
Улыбнулося тихо Лугано.
И въ порфирахъ лѣсовъ, средь таинственныхъ водъ,
Снѣговыми вѣнцами блистая,
Молча горы глядятъ. Неба знойнаго сводъ
Что̀ палата для нихъ золотая...
Просыпаетесь вы, ночью темной во мглѣ,
Расправляя усталые члены...
И боюсь я за башню на дикой скалѣ,
За ея одряхлѣвшія стѣны.

Передъ отѣздомъ изъ Лугано, я былъ свидѣтелемъ нѣжной сцены.

Всероссійская Матрена—уже въ шляпѣ съ пижономъ и въ платьѣ такого краснаго цвѣта, что въ Испаніи любая vacca brava — храбрая корова—подняла бы ее на рога, изображала Джульету,—а съ нею бѣдный, оставшійся при гербахъ, но безъ сапогъ, «маркезе» Луиджи—Ромео... Очевидно, акціи его стояли высоко... На потномъ лицѣ Джульеты, какъ масло на сковородѣ, расплывалась самодовольная улыбка... «Ай да мы! какого, дескать, козыря мы подцѣпили»... Во влюбленныхъ глазахъ Ромео—порою сквозили мучительныя ариѳметическія соображенія... Я пожелалъ имъ счастья и удачи обоимъ... Оба, вѣдь, получатъ то, чего заслуживаютъ—и, наконецъ, что̀ бы дѣлали несчастные итальянскіе дуки и маркизы — еслибы Господь не посылалъ имъ порою на бѣдность англійскихъ и русскихъ старушекъ, еще не разставшихся со сладкими вожделѣніями молодости. Въ итальянскихъ городахъ вы не разъ встрѣтите такія парочки, причемъ отечественная Матрена, измѣнивъ свою фамилію на болѣе звучную, дажѐ притворяется, что она по русски забыла.

— Ну что, какъ у васъ... въ Россіи?..—разслабленно спрашиваетъ она, утопая въ самоудивленіи и обожаніи доставшагося ей звучнаго титула.

Ихъ мужья воздвигаютъ надъ прахомъ безвременно утраченныхъ супругъ великолѣпные мавзолеи и сами благословляютъ всю остальную жизнь—добрую судьбу, пославшую имъ возможность позолотить свои заржавленные щиты, возобновить родовые замки и palazzi, и щеголять до старости въ панталонахъ самыхъ вызывающихъ цвѣтовъ. И представьте, что при

Digitized by Google

такихъ условіяхъ хоть и рѣдко, а случаются счастливые браки. Изголодавшійся синьоръ маркизъ—счастливъ свыше мѣры тѣмъ, что можетъ ѣсть макароны до отвалу, а спортъ супружеской невѣрности здѣсь не въ особенномъ фаворѣ. Вообще итальянская семья, что бы о ней ни говорили путешественники, знакомые съ мѣстными дамами по тѣмъ экземплярамъ, которые имъ рекомендуютъ гиды—очень крѣпка. Жена и мать—для итальянца святыни. «Mia povera madre»—мать—о ней онъ всегда говоритъ съ нѣжностью и любовью, mia signora—моя госпожа (жена) въ его глазахъ нѣчто святое и я не совѣтую легкомысленно касаться этой госпожи. Съ вами здѣсь не поцеремонятся. Россійско-французское хвастовство экскурсіями на островъ Цитеры—если этимъ занимается женатый человѣкъ—здѣсь возбудитъ общее презрѣніе, и только! Дѣтей въ Италіи любятъ и всѣ ихъ желаютъ. Не безъ основанія здѣшніе галлофобы, говоря о шансахъ, которыми Италія располагаетъ противъ французовъ, высчитываютъ, какъ уменьшается населеніе у сосѣдей и насколько оно растетъ въ самой Италіи. И хотя ограбленная правительствомъ страна, истощенная глупѣйшими вооруженіями, и выбрасываетъ ежегодно по нѣскольку сотъ тысячъ эмигрантовъ въ Америку сѣверную и южную, но все таки остается достаточно, чтобы здѣшніе шовинисты имѣли право говорить: черезъ столько-то десятковъ лѣтъ мы будемъ многочисленнѣе французовъ!..

Въ Лугано—является то, чего вы не встрѣтите въ остальной Швейцаріи—масса нищихъ. Это ужь чисто итальянское ремесло и рыцари ордена христарадниковъ здѣсь искупаютъ скуку утомленныхъ ими путешественниковъ своимъ живописнымъ видомъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ нищаго здѣшній городъ точно лишенъ чего-то, необходимаго ему для красоты и колорита. Попы и нищіе—тамъ, гдѣ савойцы ихъ уничтожили—своимъ отсутствіемъ много отняли у старинныхъ городовъ, которымъ они были такъ къ лицу. Прибавьте къ этому, что, благодаря свободнымъ учрежденіямъ Швейцаріи — хотя бы въ Лугано уживаются и и соціалисты, и монахи. Всѣ—и тѣ, и другіе—привыкли къ строгому порядку и, исполняя свое дѣло, не сталкиваются никогда. Въ послѣдній разъ, когда я былъ Лугано—въ одинъ и тотъ же день въ городѣ было два митинга: свободномыслящихъ и иноковъ. И тѣ, и другіе выбрали себѣ мѣсто на берегу озера

Digitized by Google

по сосѣдству. Первые въ «траттори», вторые въ саду какой-то виллы. Говорили много и страстно и тамъ, и здѣсь. Но вотъ кончились митинги и иноки, черезъ сотни собравшихся тутъ свободномыслящихъ, должны были расходиться по домамъ. Я ожидалъ стычки, шума, волненія, искалъ глазами полиціи, «дворниковъ» съ ихъ дубинками, и другихъ агентовъ общественнаго порядка — и былъ изумленъ немало. Ни въ чемъ подобномъ нужды не оказывалось. Либръ-пансёры разступились; клерикалы спокойно прошли черезъ ряды своихъ враговъ, и ни одного насмѣшливаго замѣчанія, ни одного оскорбительнаго восклицанія: такова нравственная дисциплина толпы страстной, впечатлительной и пламенной по характеру. Таково святое вліяніе воспитавшихъ ее великихъ учрежденій!.. Только рабы ругаются и дерутся по скотски. Свободные люди находятъ иной способъ для борьбы, болѣе достойный ихъ самосознанія и самоуваженія!.. Это въ глаза бросалось здѣсь каждому... Полиціи и новоявленному правительственному органу, дворникамъ, здѣсь нечего было дѣлать. Они могли спать спокойно...

Московскіе мясники Охотнаго ряда, похваляющіеся количествомъ череповъ, которые удалось проломать имъ на своемъ вѣку, здѣсь вызвали бы—устройство для нихъ особеннаго зоологическаго сада, или jardin d'acclimatation съ надежными клѣтками. Ихъ бы изучали зоологи—и, вѣроятно, отечественные охотнорядцы доставили бы имъ возможность написать много превосходныхъ монографій о низшихъ ступеняхъ человѣчества, гдѣ свирѣпость гориллы соединяется съ безсмысліемъ... Я искалъ сравненій для этого безсмыслія, но между звѣрями такого не нахожу. Когда въ газетахъ западной Европы появились извѣстія о побоищахъ въ Охотномъ ряду, случившихся двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ тому назадъ—даже наши враги возмутились ложью на Россію. Имъ казалось невозможнымъ нѣчто подобное въ Европѣ!.. Болгарскія звѣрства—не въ счетъ. Тамъ обострилась племенная и религіозная рознь—а здѣсь вѣдь не было ни той, ни другой. Просто чесались у гориллъ кулаки, и ничего болѣе!..

VI.

Въ Белинцону я выѣхалъ вечеромъ.

Поѣздъ шелъ вдоль чудесной горной рѣчки, ласково и нѣжно серебрившейся подъ яркимъ сіяніемъ мѣсяца. Такимъ

мечтательнымъ свѣтомъ онъ обливалъ три старые замка, когда мы подъѣзжали къ Белинцонѣ—(маленькому итальянскому городку, величающему себя столицею швейцарскаго кантона Тессино, или Тичино), что мнѣ долго не хотѣлось войти въ отель, и я бродилъ по тихимъ и задумчивымъ улицамъ. Замки надъ Белинцоною—ея лучшее историческое приданое. Ихъ подарили ей три кантона—Швицъ, Ури и Унтервальденъ. Каждый выстроилъ по одному, и старыя башни, вѣнчающія вершины отдѣльныхъ холмовъ надъ Белинцоною, говорятъ вамъ о далекомъ, далекомъ времени, когда три пастуха, сошедшіеся, какъ говорятъ шутники, на «навозѣ» долины, гдѣ паслись ихъ стада, пожали другъ другу руки и создали республику, счастливо пережившую съ тѣхъ поръ всѣ потрясенія, не разъ вверхъ дномъ ставившія народы и правительства остальной Европы. И не только счастливо пережившую, но и обогатившую своихъ гражданъ... Возьмите, напримѣръ, кантонъ Тичино:—не смотря на ирридентистскія стремленія здѣшнихъ итальянцевъ, ни одинъ изъ нихъ не пожелаетъ присоединенія къ королевству въ дѣйствительности. Шипѣть, декламировать надутыя рѣчи, взбивая пѣну самаго трескучаго національнализма—сколько угодно, но все это декорумъ, внѣшность. Каждый изъ этихъ пѣтуховъ сознаетъ прекрасно, что Тичино,—присоединись онъ къ Италіи,—обѣднѣетъ съ быстротою по истинѣ сказочной... Граждане Тичино теперь платятъ ровно въ $3^1/_4$ раза менѣе податей, чѣмъ подданные итальянскаго короля. Народъ не долженъ продавать то, что онъ производитъ. Онъ самъ ѣстъ свой хлѣбъ и свое мясо, и пьетъ вино отъ своихъ лозъ. Поэтому онъ и смотритъ здоровымъ и сильнымъ. У него во всемъ проявляется болѣе достоинства и сознанія своихъ правъ. Какъ римскія лисицы ни стараются разжигать въ немъ ирридентистскія стремленія—тессинцы имъ не поддаются. Они знаютъ хорошо, что «дымъ отечества» имъ живо глаза выѣстъ. Поэтому пропаганда, успѣшная въ предѣлахъ Австріи,—ничего не могла добиться въ Швейцаріи. Въ то время, какъ заработная плата рядомъ, въ Бріанцѣ и Ломбардіи, упала до 1 франка въ день, здѣсь вы не найдете поденщика менѣе какъ за 3 франка, а то и всѣ четыре заплатите. Въ Италіи крупное землевладѣніе убиваетъ частныя хозяйства и личную предпріимчивость. Здѣсь—обратно. Масса мелкихъ участковъ подѣлена между земледѣльцами, а потому

Digitized by Google

и почва обработывается лучше, и мужикъ не боится пеллагры, не вырождается.

Тѣмъ не менѣе, *на словахъ* здѣсь всѣ великіе патріоты. Всѣми силами они поддерживаютъ мѣстный языкъ. Никто въ школѣ, напримѣръ, не имѣетъ права говорить и преподавать иначе, какъ по итальянски. Мѣстные итальянцы образовали многочисленныя гимнастическія общества, практикующіяся также и въ военныхъ упражненіяхъ. Учатся маршировкѣ, разсыпному строю, стрѣльбѣ. Команда вся—принятая въ итальянской арміи. Книги, изданныя въ королевствѣ, распространяются въ Тичино—пропорціонально втрое, чѣмъ въ Ломбардіи. Радикальная «il Secolo»—сія миланская «княгиня Марья Алексѣвна»—въ тичинскомъ кантонѣ распространена гораздо болѣе, чѣмъ мѣстныя газеты Белинцоны и Лугано. Тѣмъ не менѣе, когда одинъ изъ пламенныхъ патріотовъ, пріѣхавшій сюда изъ Рима, поднялъ было рѣчь о «возсоединеніи съ отечествомъ», ему отсюда едва удалось унести ноги. Я думаю, ни одинъ неудачно поющій простуженнымъ пѣтухомъ теноръ въ Миланѣ не слышалъ столько свистковъ и ругательствъ, сколько досталось на долю несчастному оратору...

— Союзъ—да, возсоединеніе—никогда!—резюмировала желанія и симпатіи тичинскихъ итальянцевъ мѣстная газета.

— И союзъ отнюдь не таможенный!—поправила другая...

— Пока существуютъ протекціонизмъ и безсмысленныя увлеченія воинственными замыслами въ Италіи—мы, разумѣется, будемъ богатѣть за счетъ Ломбардіи...

Бѣдная Ломбардія!.. Ей, дѣйствительно, за все, про все приходится платиться.

Утромъ, когда я проснулся—солнце обливало свѣтомъ и зноемъ мою комнату. Сквозь растворенную дверь балкона въ Albergo della Posta ко мнѣ врывался неумолкаемый веселый шумъ южной толпы: пѣсни, звуки музыки, крики. Взглянулъ—ничего особеннаго нѣтъ. Такъ себѣ, орутъ люди отъ полноты души: надо же чѣмъ нибудь выразить, какъ жизнь хороша, какъ имъ всѣмъ весело... Мальчуганы глазасты, шаловливы. Одинъ углемъ разрисовываетъ на стѣнѣ что-то,—смотрю: толстаго цирульника, спокойно и сонно прислонившагося къ дверямъ парикмахерской. Вонъ ослятникъ; длинноухое гонимое имъ животное чуть ползетъ подъ нѣсколькими мѣшками съ

Digitized by Google

углемъ... Ослятникъ—дуетъ себѣ его въ хвостъ короткою палкою, словно для акомпанемента ужасно слезной и сантиментальной пѣснѣ, которую онъ во всеуслышаніе выкрикиваетъ, взвизгивая и закатывая глаза на припѣвѣ:

«Perche io t'amo»!

Вонъ цѣлый табунъ британскихъ старыхъ дѣвъ ведетъ на водопой, виноватъ — къ замкамъ, отощавшій и отрепанный гидъ, въ котелкѣ, такъ лихо заломленномъ на бекрень, точно ему наплевать на все, будто онъ каждый день ѣстъ ризотто... Говорю это потому, что путешественники рѣдко заглядываютъ въ тихую и ничѣмъ, кромѣ своихъ замковъ, не замѣчательную Белинцону. Гидамъ здѣсь вообще скверно.

— На насъ разсердилась Мадонна!—описывалъ мнѣ свои злоключенія одинъ изъ нихъ.

— Отчего?

— Каждый день мимо Белинцоны идутъ поѣзда, полные форестьеровъ, и все далѣе на югъ... Никто не останавливается здѣсь... Padre Atanaso убѣждалъ насъ сдѣлать ему пожертвованіе,—а ужь онъ-де вымолитъ у Мадонны путешественниковъ для Белинцоны. Но мы ему ничего не дали... Онъ и за нашихъ контробандистовъ плохо молится... Они ему чистоганомъ десять золотыхъ заплатили, но только не помогло!

— Почему?

— Э, какъ почему. Всѣхъ перехватали итальянскіе доганьеры! Я такъ думаю, просто нашъ padre не въ милости у Мадонны. Вотъ и все. Онъ-то ей, положимъ, и молится,—да она его знать не хочетъ. Будетъ она каждаго дурака слушать... Вотъ padre въ Каденаццо—другое дѣло. Тамошняго капеллана Мадонна любитъ, и о чемъ онъ ее ни попроситъ—она уже сдѣлаетъ! Мы все думаемъ у епископа выпросить себѣ этого «padre». Сами подумайте, намъ изъ-за толстаго Atanaso не умирать же съ голоду. Ему-то хорошо на даровыхъ индюкахъ!

Даровые индюки—мѣстный обычай. Каждый праздникъ,—считая и воскресенья, — прихожане, по очереди, подносятъ своему духовному отцу индюка, а если онъ съумѣетъ имъ понравиться, то индюки будутъ приподноситься ему ежедневно.

Белинцона, тѣмъ не менѣе, не заслуживаетъ такого невниманія со стороны туристовъ, жадныхъ до красивыхъ видовъ.

Digitized by Google

Едва ли часто вы встрѣтите такіе уголки, которыми богаты окрестности этого швейцарско-итальянскаго городка. Во-первыхъ, имъ замыкается долина С.-Готарда и за нею начинается чудная гладь бассейна Лаго-Маджіоре. Во-вторыхъ, на окрестныхъ горахъ деревушки такъ хороши, что разъ пошелъ туда, не уйдешь иначе, какъ сохранивъ въ душѣ самое поэтическое воспоминаніе объ этихъ счастливыхъ захолустьяхъ. Взойдите, напримѣръ, на Castallo di Svitto. Посмотрите, какъ онъ строенъ, законченъ и хорошъ на своемъ холмѣ, точно на пьедесталѣ, не высокомъ, чтобы размѣры и красота его не пропадали для васъ. Зубчатыя стѣны кругомъ, за ними второй рядъ такихъ же, выступающихъ четырехгранными башнями. Внутри нѣсколько прижавшихся одна къ другой высокихъ башенъ, и одна въ центрѣ. Все это такъ цѣльно, что съ полнымъ неумѣньемъ, а все же вы попытаетесь зарисовать его въ свой путевой альбомъ. И какъ отсюда направо и налѣво мрачны, грандіозны массы швейцарскихъ Альпъ. Между ними—равнина, зелень которой, точно эмалью, покрываетъ ее. По этой эмали привольно и лѣниво течетъ, извиваясь и разбрасывая свои рукава—Тичино; вдали, точно брошенный великаномъ серебряный щитъ, блеститъ гладь Lago Maggiore. Въ прозрачномъ воздухѣ, подъ синимъ небомъ, всѣ краски живутъ и ласкаютъ взглядъ. Вы начинаете понимать, почему здѣсь родилось и воспиталось столько художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ. По неволѣ станешь такимъ среди этой природы. И, дѣйствительно, населеніе Белинцоны и ея селъ: Риверы, Виры, Меццовино, Сиджирино, Торичеллы, Беттиры, Гравезано и Біоржіо—славится артистическими наклонностями. Оно дало Италіи скульпторовъ, художниковъ, архитекторовъ. Есть здѣсь много артистическихъ фамилій, гдѣ эти занятія передаются отъ отца къ сыновьямъ. Они уѣзжаютъ отсюда зарабатывать свой хлѣбъ въ Америку, Россію, Египетъ,—но неизмѣнно, «сдѣлавъ маленькое состояніе», возвращаются назадъ—воспитывать для той же дѣятельности свое нисходящее поколѣніе. Нѣкоторыя изъ этихъ семей—дали искусству не однихъ ремесленниковъ, но и выдающихся по своимъ талантамъ людей. Такова фамилія Альбертини изъ Бедано. Есть извѣстные въ Италіи художники, архитекторы и скульпторы Альбертини, и они всѣ прибавляютъ съ гордостью—«мы изъ Бедано».

Digitized by Google

Белинцона даже хвастается тѣмъ, что она разослала дѣтей своихъ во всѣ концы міра.

— Спросите въ Буэносъ-Айресѣ, Ріо-Жанейро, Вальпарайзо, въ Шанхаѣ, Іеддо, Москвѣ, Петербургѣ, Таганрогѣ, Одессѣ—есть ли кто изъ Белинцоны, или лучше даже не спрашивайте, а идите къ первому попавшемуся скульптору, и если онъ итальянецъ—онъ будетъ отсюда!

Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ мнѣ пріятель въ Белинцонѣ, «пріятель», ставшій такимъ благодаря письмамъ, какими меня снабдилъ сюда Сальваторе Фарина.

Белинцону со всѣхъ сторонъ сжали мрачныя горы, подавляющія своимъ величіемъ... Тамъ, гдѣ онѣ ниже—отсутствіе титаническихъ размѣровъ наверстывается романтическимъ хаосомъ скалъ, расщепленныхъ и изорванныхъ утесовъ. Ближе къ Белинцонѣ—стали три холма, на которыхъ, какъ я уже говорилъ, кантоны, завоевавшіе этотъ край, поставили сѣть замковъ. Если у васъ мало времени—загляните хоть на швицкій... Самый путь къ нему по узенькимъ улицамъ, ступеньками мимо старыхъ домовъ съ гербами громкихъ фамилій—живописенъ и интересенъ. Тамъ, гдѣ эти переходы прекращаются, начинаются тропинки, выбитыя въ каменномъ тѣлѣ утеса... По сторонамъ раскидываются пышные сады; лавры подымаются рядомъ съ тучнымъ виноградомъ, часто перевивающимъ ихъ и ласкающимся къ нимъ свѣжими нѣжными листьями своими; яркіе алые цвѣты гранатовыхъ деревьевъ жадно раскрыли уста и не надышатся этимъ воздухомъ, гдѣ нѣга долинъ, переполненныхъ зноемъ, умѣряется прохладою горъ; жасмины до такой степени переполнили все своимъ ароматомъ, что часто голова начинаетъ кружиться, и не знаешь, въ какое заколдованное царство попалъ! Фиговыя деревья раскидываются со всей роскошью и силою южной растительности. Цикады такъ звенятъ, что, кажется, каждый листъ звучитъ здѣсь восторженно и громко; ящерицы—яркія, съ глазами, похожими на вкрапленные драгоцѣнные камни,—шмыгаютъ во всѣ стороны, разбѣгаясь отъ одного шума вашихъ шаговъ. Солнце бьетъ прямо въ старый порталъ, изъ-подъ котораго на васъ смотрятъ грозныя каменныя лица, легендарныя, таинственныя, поэтическія, окутанныя въ дымку преданій... Снизу изъ Белинцоны вамъ кажется, что замокъ живетъ до сихъ поръ—здѣсь вы видите,

Digitized by Google

что внутри онъ уже рухнулъ или собирается рушиться... Пустынныя залы. Въ главной башнѣ—безмолвіе. Около—колодезь; близь него каменный столъ и сѣдалища кругомъ; надъ ними старое и могучее дерево раскинуло вѣтви, бросая непроницаемую тѣнь на эту часть замковаго двора. Кой-гдѣ плющъ такъ заткалъ и снаружи, и внутри обнаженныя стѣны, что до нихъ не доберешься...

Къ сожалѣнію, въ Беллинцонѣ нѣтъ описанія этого замка. О немъ народъ разсказываетъ сказки и поетъ пѣсни—но мѣстные ученые почему-то этимъ не занимаются. А можетъ быть и лучше. Сильнѣе говоритъ воображеніе, и изъ «мрака временъ» величавѣе встаютъ призраки... Меня хорошенькая пастушка увѣряла, что стоитъ сюда прійти въ рождественскую ночь—и всѣ залы этихъ башенъ увидишь полными закованныхъ въ сталь и желѣзо воиновъ, прелатовъ въ красномъ и дамъ въ бархатѣ и атласѣ. Они безмолвно молятся у разбитыхъ алтарей, горящихъ безчисленными огнями; но вѣчный врагъ поэтическихъ сказокъ и фантазій изъ міра таинственнаго—деревенскій пѣтухъ—и сюда вноситъ свой отрезвляющій, реалистическій диссонансъ. Стоитъ ему только крикнуть, и видѣнія разсыпаются, огни тухнутъ, рыцари, прелаты и дамы исчезаютъ и пустынныя залы опять полны только луннаго свѣта и тишины!..

Деревень, виллъ, парковъ—кругомъ точно насыпано. Какъ хороши отсюда Сементина, Монте-Карассо и Гордуно...

Самая Белинцона очень красива. Ея главная площадь—съ аркадами вокругъ,—высокія колокольни церквей св. Стефана и св. Петра, величавый фасадъ собора—все это отстроено на такомъ небольшомъ пространствѣ, что вамъ кажется, будто весь городъ нарядился въ стѣны этихъ величавыхъ сооруженій... Вы начинаете понимать, почему столько крови было пролито за этотъ клочокъ земли, ничтожный по размѣрамъ, но не по значенію. Это ключъ къ долинамъ С. Готарда, слѣдовательно и всей Швейцаріи, это—ворота въ Левентину... На зданіяхъ и церквяхъ Белинцоны, поэтому, вы читаете всю ея исторію. Вотъ щитъ со змѣей, захватившей ребенка въ пасть. Это гербъ повелителей Милана, герцоговъ Висконти—они пядь за пядью отвоевывали этотъ край, устилая его трупами своихъ воиновъ, и крѣпко было засѣли въ немъ... Отнявши у нихъ

Digitized by Google

Миланъ, Сфорцы—объявили себя также и властителями Белинцоны и долго отстаивали ее отъ швейцарцевъ. Но для послѣднихъ вопросъ о Белинцонѣ былъ вопросомъ жизни или смерти. Они знали, что изъ Белинцоны врагъ всегда и легко можетъ ворваться въ долины Гельвеціи. Швицъ, Ури и Унтервальденъ, поэтому, истощили всѣ усилія, пока не захватили, наконецъ, въ руки эту драгоцѣнную котловину съ окружающими ее позиціями. По этому же самому Швейцарія назначила Белинцону главнымъ городомъ всего тессинскаго кантона, не смотря на то, что есть мѣста болѣе населенныя и промышленныя... Она устроила въ монастырѣ урсулинокъ—«правительственный домъ», который, въ свою очередь, скульпторъ Вела украсилъ статуями.

Здѣсь именно попробовали было монахи упраздненныхъ монастырей потребовать у властей ихъ воскрешенія. За монаховъ вступился папа, Франція тоже хлопотала за нихъ. Но республиканское правительство неспособно къ полумѣрамъ и компромиссамъ, по крайней мѣрѣ, въ Гельвеціи. Оно, безъ церемоніи, вмѣсто отвѣта объявило слишкомъ притязательныхъ святыхъ отцовъ—изгнанными... Оставшихся, не смотря на это, мѣстныя власти заставили отработать принудительно стоимость ихъ перевозки до границы и выбросили туда... Съ тѣхъ поръ все вліяніе старыхъ монастырей перешло къ священникамъ, но эти здѣсь не смѣютъ агитировать противъ центральной власти. Оно имъ и невыгодно, потому что въ самой Италіи духовенство не пользуется такими доходами, какъ здѣсь... Они настаиваетъ только на одномъ, чтобы школы находились въ ихъ рукахъ; до сихъ поръ это и удалось. Потомъ, когда монахи ужь перестали быть грозными—ихъ допустили вернуться, и мы видѣли, какъ эта братья переполнила Лугано и его окрестности. Нынѣ, впрочемъ, уже поднятъ вопросъ о тессинскихъ школахъ, и система воспитанія и обученія въ нихъ, кажется, станетъ строго государственной.

Въ слѣдующій разъ, когда я пріѣхалъ въ Белинцо́ну, въ ней была устроена... не шутите—передвижная выставка итальянскихъ художниковъ! И далеко не дурная. Я не знаю, кто ее организовалъ—здѣсь были, по крайней мѣрѣ, замѣчательнѣйшія изъ картинъ миланскихъ, римскихъ и неаполитанскихъ художниковъ, въ свое время красовавшихся на парижской всемірной выставкѣ.

Digitized by Google

Италія пережила великую эпоху, соединилась, окрѣпла и изъ географическаго понятія, какимъ ее считалъ Меттернихъ, выросла въ живой организмъ. Должно быть, творчество ея слишкомъ истощилось на этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Маццини, Гарибальди, Кавура, Виктора-Эммануила и цѣлой плеяды блестящихъ поэтовъ, композиторовъ, писателей, она въ послѣднее время, въ области изящныхъ искусствъ, не дала никого, кто бы хоть немного переросъ посредственность. Все прилично, гладко, скромно и банально, точно эти господа работаютъ на русскіе иллюстрированные журналы. Нигдѣ это впечатлѣніе не было такъ сильно, какъ въ галереѣ живописи на Марсовомъ полѣ, и еще болѣе оно опредѣлилось впослѣдствіи, когда тѣ же картины стали возить по разнымъ городамъ и, между прочимъ, доставили сюда. Сравните итальянскихъ живописцевъ съ испанскими. У этихъ—молодость, мощь, яркость. Изъ-подъ каждаго удара кисти брызжетъ талантомъ, какъ изъ-подъ молота огнемъ. Тутъ дерзкое исканіе своихъ, непроторенныхъ путей, страстная жажда подмѣтить въ природѣ черты, мимо которыхъ человѣчество шло, ихъ не замѣчая. Иногда романтическое преувеличеніе страсти, но никогда и нигдѣ—блѣдности, анеміи. У итальянцевъ иное дѣло! Большинство ихъ художниковъ пишетъ, какъ учители рисованія. Каждаго можно пригласить сейчасъ на эту должность въ гимназію. Такъ у него все педантически правильно, рисунокъ исправенъ, краски умѣстны; нѣтъ одного, безъ чего все это мертво: нѣтъ души, нѣтъ таланта. Все старательно. Видно, что авторы потѣли надъ этими полотнами, желая создать что-то, и создали: любой директоръ департамента можетъ повѣсить у себя не только въ гостинной, но и въ канцеляріи любую изъ этихъ картинъ. Она никого не будетъ шокировать, но никого не заставитъ и задуматься. Можно предположить, что или въ Италіи поблекло небо, потускнѣло солнце, моря не зыблются осіянною лазурью, магноліи, гранаты, апельсины и лимоны не блещутъ яркою зеленью, померанцы не рдѣютъ, какъ золото, или что мѣстные художники пишутъ въ шорахъ и въ черныхъ очкахъ—такъ все это узко и вяло. Ни передъ одною изъ этихъ картинъ въ васъ не вспыхнетъ чувство негодованія, не разгорится жажда благородной мести, не зародится страстное исканіе подвига. Полное торжество академической

Digitized by Google

мертвечины. Правда, Доменико Морелли здѣсь отсутствовалъ. Но онъ уже умеръ да и не принадлежалъ къ «современнымъ, молодымъ» maestri. Талантливой молодежи—этого залога для будущаго—вы напрасно стали бы искать здѣсь!..

Читая страстныя статьи итальянскихъ критиковъ искусства, я ожидалъ совсѣмъ инаго. Увы! приходилось и на сей разъ убѣждаться, что ихъ діапазонъ слишкомъ высокъ и на прославленныхъ ими геніевъ слѣдуетъ смотрѣть, обернувъ бинокль обратно, чтобы уменьшить ихъ въ нѣсколько десятковъ разъ—тогда только не ошибешься. Въ самомъ дѣлѣ, каталогъ указывалъ сто два имени, но изъ ста восьмидесяти картинъ едва ли пришлось бы назвать десять талантливыхъ и оригинальныхъ. Я, по крайней мѣрѣ, при всемъ моемъ оптимизмѣ, не берусь за это. Не «Sagna» же Арменіза остановитъ васъ. О Рафаэлѣ Арменизе-миланцѣ—Сонцоньо и Тревесъ, пользовавшіеся его дѣйствительно удачными иллюстраціями въ ихъ изданіяхъ, прокричали чуть ли не какъ о геніѣ. Но какъ только онъ выставилъ свои серьезныя и большія картины—тотчасъ же послѣдовало разочарованіе. Воскресить онъ ничего не воскресилъ, даже въ *своихъ* картинахъ ничего *своего* не далъ. Силуэтъ стараго собора не дуренъ. Не лишены жизни толпа молящихся у алтаря, воздвигнутаго въ полѣ, не бездарны эти музыканты вдали. Есть теплый колоритъ. Но вы смотрите и вспоминаете—у кого же изъ прежнихъ художниковъ я видѣлъ то же самое. «Съ кого списываетъ великій Арменизе»? Немало картинъ такихъ, что всѣмъ улыбнуться хочется. Вспоминаются россійскія выставки—съ ихъ наивностью и самообожаніемъ. «Povera madre», берегъ ручья, и еще берегъ ручья, и ручей въ берегахъ, и «у ручья», и опять «мать», «бѣдная мать», «несчастная мать», «счастливая мать» и т. д., безъ конца. Смотрите, и память вамъ рисуетъ, какъ во время оно, когда вы считали каждый альбомъ провинціальной барышни дѣломъ серьезнымъ, вы вписывали ей туда и берега ручья, и бѣдныхъ матерей—въ томъ же родѣ, только на выставкѣ оно получше и побольше. Такъ что, когда, наконецъ, вы встрѣтите нѣчто въ родѣ Ave Maria римскаго художника Аццето Корелли—вы отдыхаете душой и восклицаете: Наконецъ-то! Но, увы, Содомъ не могъ быть помилованъ за то, что въ немъ жилъ добродѣтельный Лотъ—такъ и одно полотно Корелли не спасло всей выставки.

Digitized by Google

Оно выписано превосходно: пышная нива; колосья, словно въ истомѣ, склонились подъ собственною тяжестью. Зерно налилось золотомъ. Много творческихъ силъ въ этой благословенной почвѣ. Весело работалось жнецамъ,—они забыли даже, что вечеръ близко—и вдругъ раздалось торжественное: «Ave-Maria». Вы чувствуете и видите, что на всѣхъ этихъ лицахъ—разомъ отразилось благоговѣніе; что-то мистически-таинственное, полное дѣтской вѣры и трогательной кротости, разлилось кругомъ. Вы сами заканчиваете за этихъ поселянъ: piena di grazia. И всѣмъ хочется обрѣсти способность молиться, какъ молятся дѣти. И какъ все покойно кругомъ, какъ тихо подступаетъ ночь! Звѣздная и ясная, она сумерками и прохладой дастъ отдохнуть землѣ, истомившейся отъ страстной ласки горячаго южнаго солнца. Жнецы написаны прекрасно. Нужно или самому родиться и вырости между ними, или обладать большою силою таланта, чтобы такъ усвоить ихъ міросозерцаніе и передать его. Вы ищете долго чего нибудь подобнаго этой картинѣ—и, разумѣется, напрасно. Идутъ безчисленныя «Венеціи», «Итальянскія озера», неаполитанскіе типы, но вы хорошо помните, что англичане, нѣмцы, американцы гораздо лучше, вѣрнѣе, и несравненно «больше по итальянски» пишутъ это, чѣмъ сами итальянцы. Странное дѣло, вы то же самое замѣтите и у ихъ романистовъ. И они перестали чувствовать красоту своей природы и замѣнили въ этомъ случаѣ свободное, капризное и причудливое творчество признаннымъ шаблоннымъ трафаретомъ. Разочарованія слѣдуютъ одно за другимъ: вотъ воспѣтый мѣстными критиками итальянскій художникъ Даль-Ока-Біанко. Смотрите вы—и невольно думаете: ужь не потускла ли картина. Если и потускла—осталась бы печать таланта въ линіяхъ, очертаніяхъ, въ замыслѣ, вы угадали бы потускнѣвшую прелесть ея. Но угадывать нечего. Идете дальше, чтобы передъ картинами Чезаре-Детти испытать то же самое. Этотъ свои «свадьбы при Генрихѣ III» какъ будто пишетъ только для того, чтобы итальянскіе тенора знали, какіе костюмы носили тогда и какъ въ нихъ слѣдуетъ держаться. Вамъ жаль усилій, потраченныхъ художникомъ на воспроизведеніе атласа, бархата, парчи. Одна наивная беллинцонка, остановившись, спросила мужа: «Какъ ты думаешь—почемъ этотъ шолкъ? Я думаю, меньше семи лиръ не отдадутъ за метръ»? А «дѣти Каина», а «Але-

Digitized by Google

ксандръ въ Персеполисѣ»? Неужели эта толстая, выкормленная на неаполитанскихъ макаронахъ, бабища съ Санта-Лучіи и есть красавица, сгубившая македонскаго полубога! Нужно имѣть вкусъ партенопейскаго ладзарони, чтобы увлекаться такими пузырями. Неужели въ Италіи даже «натуры» не стало и Симони предпочелъ эту за вѣсъ. Нѣтъ. Вонъ проходитъ одна поселянка изъ-подъ Белинцоны—вся красота и грація, и изящество!.. Я бы хотѣлъ видѣть Альму Тадема передъ картиною Симони, передъ этимъ поруганіемъ дѣйствительной прелести угасшаго міра.

Изъ Белинцоны въ Локарно—совѣтую ѣхать въ коляскѣ. Это удовольствіе стоитъ недорого. Я заплатилъ всего 10 франковъ, и кучеръ счелъ себя очень счастливымъ, нѣсколько разъ повторивъ мнѣ, что за мое здоровье онъ выпьетъ сегодня бутылочку добраго «біаско». Самъ по себѣ онъ былъ тоже достопримѣчательностью. Во-первыхъ, во времена оны, «онъ дѣлалъ Италію»; во-вторыхъ, за это дѣланіе австрійцы его держали въ крѣпости три года, заставляя работать до тѣхъ поръ, пока онъ, съ опасностью жизни, не бросился въ Дунай и не пробрался вплавь на другую сторону. Исторія его бѣгства—цѣлая Одиссея, въ концѣ которой онъ попалъ къ Гарибальди и дрался подъ его начальствомъ. Тутъ онъ былъ раненъ, и когда итальянское правительство впослѣдствіи предложило ему землю, онъ гордо отказался... Carlo Marcone—такъ его зовутъ—предпочелъ вернуться домой въ Белинцону и наслѣдовать промыселъ своего отца, т. е. сдѣлался извощикомъ.

— Отчего же вы не остались въ Италіи, которую «дѣлали»?

— Потому что я швейцарецъ!

— Зачѣмъ же вы тогда рисковали собою, сидѣли въ тюрьмѣ и мѣшались не въ свое дѣло?

— Какъ почему? но вѣдь я итальянецъ.

— Прекрасно... Теперь, значитъ, остается только Италіи, чтобы быть единой и нераздѣльной, присоединить къ себѣ Тріентъ. Не правда ли?..

— Да, да!—закивалъ онъ головою.—Это превосходно, весь вообще итальянскій Тироль съ Арно, Ровульдо и другими городами...

— Но и тогда еще дѣло не будетъ кончено.

Digitized by Google

Онъ круто повернулся ко мнѣ и улыбнулся, подмигивая.

— Синьоръ говоритъ о Тріестѣ и Истріи.

— Нѣтъ, это славянская земля... Я думаю о тичинскомъ кантонѣ.

— О Тичино!

— Да... Развѣ васъ это удивляетъ?

— Синьоръ хочетъ, чтобы Тичино съ Белинцоной присоединить къ Италіи.

— Ну, еще бы...

— Нашъ швейцарскій Тичино?.. Это невозможно... Тогда мы всѣ пойдемъ драться съ итальянцами, и я первый. Я еще недостаточно старъ, чтобы оставаться дома. Да, мы, синьоръ, тогда всѣ вооружимся.

«Вотъ тебѣ и на!—думалъ я,—что же онъ такое: итальянецъ или швейцарецъ»?

Не такъ давно итальянское общество «любителей отечественной старины» изъ Рима прислало сюда своихъ сочленовъ для открытія и здѣсь своего отдѣла. Передъ отъѣздомъ, эти господа были приняты Криспи въ тайной аудіенціи. Явившись въ Белинцону, они прочли публичныя лекціи, разбросали тысячи брошюръ о *научныхъ* цѣляхъ отдѣла и, наконецъ, основали сей послѣдній. Увы, онъ просуществовалъ только мѣсяцъ! Дѣло въ томъ, что черезчуръ ретивые эмиссары Криспи, предполагая почву подготовленною въ достаточной степени, предложили на очередь вопросъ о сліяніи кантона Тичино съ Италіей. Свирѣпые итальяноманы-тичинцы немедленно обратились въ еще болѣе свирѣпыхъ швейцарцевъ и выгнали изъ собранія почтенныхъ ученыхъ, пользовавшихся «неограниченнымъ довѣріемъ Криспи». Какъ-то въ кантонѣ Тичино, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произошли безпорядки. Меньшинство клерикальное и консервативное захватило въ свои руки представительство. Большинство подавило и выгнало сихъ послѣднихъ. Дошло дѣло даже до феерій съ выстрѣлами, военною силою, судомъ и т. д. Но когда во всемъ этомъ обнаружились мягкія лапки г. Криспи—немедленно обѣ партіи примирились и все было закончено. «Инцидентъ оказался исчерпаннымъ», какъ выражаются наши предсѣдатели акціонерныхъ собраній.

Мимо насъ смѣнялись горы, одна красивѣе другой, утесы все причудливѣе и неожиданнѣе; водопады разбивались въ сере-

Digitized by Google

бряныя облака пѣны и ревѣли внизу въ выбитыхъ ими воронкахъ... На утесахъ громоздились сѣрыя, какъ орлиныя гнѣзда, деревни. Казалось, что ихъ балконы прислонены прямо къ отвѣсамъ скалъ. Страшно было за тѣхъ, которые живутъ въ нихъ... Такія деревни—и у самыхъ облаковъ, на вершинахъ горъ, на ихъ сѣдловинахъ. Часто онѣ казались не собраніемъ домовъ—а просто гребнемъ горы; только всматриваясь, мы различали въ этомъ гребнѣ и силуэты сѣрыхъ зданій, и колокольни церквей, и порою башни... По пути—женщины, дѣти и ослы. Такихъ красивыхъ дѣтей, какъ и такихъ глубокомысленныхъ ословъ, я еще не видѣлъ до тѣхъ поръ. Они бѣжали мимо, встряхивая ушами и звеня сотнями подвѣшенныхъ къ нимъ бубенчиковъ. Часто у самой дороги начинались зубчатыя стѣны и зигзагомъ шли вверхъ на самое темя утеса или горы, гдѣ уже онѣ раздвигались въ цѣлый замокъ съ главною большою и нѣсколькими маленькими башнями... Деревни, выступившія на дорогу, перекинули свои постройки на другую сторону, въ аркахъ, подъ которыми—улицы идутъ въ прохладной тѣни... Часто жилья эти своими сводами перешагнули черезъ ручьи, заваленные каменьями.—Каменьями же, снесенными съ горъ, перегорожено въ нѣсколькихъ мѣстахъ и Тичино, или Тессино; здѣсь это совсѣмъ альпійская рѣка, только зелень по сторонамъ — итальянская... Я любовался ущельями:—въ голубой глубинѣ ихъ, точно въ туманѣ, вдругъ выдвигаются снѣговыя вершины затерявшихся въ гельветской глуши исполиновъ. Рѣка—дѣлаетъ извивъ за извивомъ... Дорога великолѣпно содержится—ни разу не качнуло экипажа. Ровно, какъ на столѣ!.. Навстрѣчу, за первою большою деревней, стали попадаться женщины съ корзинами за спиною. Въ корзинахъ виноградъ или выжимки... Въ самыхъ селахъ—на улицахъ вездѣ жмутъ вино. Изъ одной бочки оно черезъ отверстіе льется густою кровью въ чаны... Именно алою кровью... «Кровью земли»! Запахъ свѣжаго виограднаго вина стоялъ на улицахъ — тогда какъ за деревнями пахнетъ розами...

Виноградъ здѣсь великолѣпенъ, и вино—превосходно. Его въ продажѣ нѣтъ—внѣ Тичино. Это свидѣтельствуетъ о богатствѣ страны. Она живетъ другими производствами, а своимъ винодѣліемъ пользуется сама.

Digitized by Google

— Наше вино и наши женщины служатъ только намъ!— говорятъ съ простодушнымъ цинизмомъ тичинцы...

— Соки нашей земли, ея кровь—вино—только для ея дѣтей...

Французы пробовали было дѣлать здѣсь закупки, но мѣстные винодѣлы отказывали имъ.

— Мы сами выпьемъ наше вино,—отвѣчали они имъ.

Большими количествами оно не продается. Если оказывается лишнее, его выдерживаютъ въ погребахъ на будущее время.

Швейцарія вообще не можетъ похвастаться своимъ виномъ. На Женевскомъ озерѣ, гдѣ, напр., виноградъ великолѣпенъ—вино, какъ Кваркъ, такъ и Вильнёвъ—отвратительно. Оно кисло и отзывается запахомъ сѣры. Мѣстные хозяева, впрочемъ, и не стараются. Для нихъ оно хорошо,—а для чужихъ стараться не стоитъ. Вообще эта страна—почти ничего своего не производитъ. Она живетъ путешественниками и въ индустріи не нуждается. Въ самомъ дѣлѣ, какое производство можетъ доставить ей столько: ежегодно въ Швейцаріи живутъ и черезъ Швейцарію съ остановками прослѣдываютъ около четырехсотъ тысячъ путешественниковъ. Если каждый оставитъ здѣсь по 500 франковъ, то и это дастъ ея кантонамъ кругленькій капиталъ въ 200.000,000 франковъ. Сыровареніе производится тамъ, гдѣ путешественниковъ мало, въ кантонахъ, остающихся въ сторонѣ. Шолковое производство—около Цюриха, куда тоже туристы не ѣздятъ. Прибавьте къ этому около 200,000 ч. англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, славянъ, итальянцевъ, которые живутъ здѣсь постоянно, и вы поймете, что Швейцаріи незачѣмъ заботиться развить свою собственную индустрію. Это единственный ввозъ живаго товара, который гораздо выгоднѣе всякаго вывоза... Поэтому нисколько не удивительно, что страна пробавляется пустячками: деревянными и костяными издѣліями, игрушками весьма грубаго свойства и т. д. Невшатель и Женева—не въ счетъ съ ихъ большимъ часовымъ производствомъ. Невшатель—внѣ пріѣзда и остановокъ туристовъ, а Женева и до присоединенія къ Швейцаріи была промышленною и производительною страной.

Наконецъ, вдали показался на высотѣ, очевидно, старый монастырь... Онъ, точно бѣлая птица, опустился на остріе

Digitized by Google

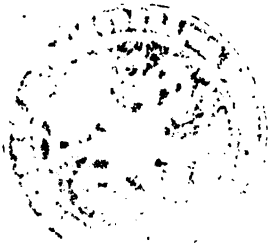
утеса, чтобы съ такою же силой распахнуть крылья и ринуться въ пространство передъ нимъ... Внизу—красивый городокъ, весь освѣщенный солнцемъ, въ рамкѣ пышныхъ садовъ... Горы обитаемы и воздѣланы до верхушекъ... На каждой террасѣ, на каждой площади ихъ — виллы. Далѣе, — голубая ширь, недвижная, нѣжная, соперничающая съ небомъ въ живости и прозрачности красокъ, въ ихъ мягкости и красотѣ...

— Lago Maggiore,—щелкнулъ кнутомъ въ ту сторону кучеръ.

— Локарно!..—и онъ съ торжествомъ показалъ на городокъ и бѣлую церковь на высотѣ.

Василій Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе будетъ).



Digitized by Google

У прилива.

Я помню вечеръ и луну...
Надъ моремъ грусть дышала;
Волна баюкала волну,
Волна волну качала...

Къ душѣ, какъ море къ берегамъ,
Тѣснился думъ избытокъ,—
Душа читала по складамъ
Былаго темный свитокъ.

Я видѣлъ юность, красоту...
И все, чѣмъ жилъ сначала...
Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала...

За новымъ сномъ забытый сонъ
Вставалъ, какъ другъ давнишній,
А вечеръ гасъ со всѣхъ сторонъ,
Таинственный и пышный.

Звучали волны, чуть дыша,
Темнѣли краски въ морѣ...
И—мнилось—вечеромъ душа,
Какъ жизнь, погаснетъ вскорѣ!..

К. Фофановъ.

Digitized by Google

Отношеніе современниковъ и исторіи къ Наказу и Большой Комиссіи Екатерины II.

I.

Какъ ни обычно существованіе въ исторической литературѣ различныхъ взглядовъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, какъ ни обычно разнообразіе въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же явленій нашей прошлой жизни, однако же можно признать несомнѣннымъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ успѣли уже выработаться болѣе или менѣе опредѣленныя, установившіяся и общепризнанныя воззрѣнія, раздѣляемыя лучшими представителями исторической литературы. Но прежде чѣмъ прійти къ опредѣленнымъ, общепризнаннымъ взглядамъ по извѣстнымъ вопросамъ, историческая литература обогащается обыкновенно самыми разнообразными воззрѣніями, нерѣдко находящимися между собою въ рѣзкомъ, непримиримомъ противорѣчіи. Процессъ появленія разнообразныхъ воззрѣній по извѣстному вопросу представляетъ несомнѣнный интересъ для исторической науки, такъ какъ различныя, даже крайне односторонніе и тенденціозныя мнѣнія часто приносятъ значительную услугу всестороннему ознакомленію съ даннымъ явленіемъ и оказываютъ сильное вліяніе на характеръ вырабатывающихся въ литературѣ признанныхъ воззрѣній по тому или иному вопросу. Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть признано интереснымъ и знакомство съ различными взглядами, возникавшими въ исторической литературѣ по вопросу о такихъ важныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, какими были изданіе наказа и созваніе «большой комисіи» Екатерины II.

Не только современное Екатеринѣ II русское и иностранное общество, но и историческая литература нашего времени всегда признавали извѣстный «наказъ» императрицы и большую комисію, созванную ею для составленія новаго уложенія, важными явленіями въ нашей общественно-государственной жизни, не смотря на то, что комисія не исполнила своего прямаго назначенія, а наказъ остался, повидимому, безъ должнаго примѣненія къ практической жизни. Какъ всякое крупное явленіе общественной и государственной жизни, изданіе наказа и созваніе комисіи для составленія новаго уложенія вызвали массу всевозможныхъ отзывовъ и замѣтокъ у различныхъ представителей современнаго имъ общества, высказывавшихъ разнообразные взгляды на ихъ смыслъ и значеніе, а какъ

Digitized by Google

важное историческое событіе, они обусловливали собою появленіе цѣлаго ряда статей, составляющихъ довольно обширную литературу по данному вопросу.

Знакомясь съ разнообразными отзывами современниковъ о характерѣ наказа и значеніи комисіи, не трудно подмѣтить въ нихъ основныя, отличительныя черты, позволяющія распредѣлить всѣ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи отзывы и замѣтки современниковъ Екатерины на три главныя группы. Но, признавая возможнымъ подобное распредѣленіе отзывовъ на три главныя группы, необходимо замѣтить, что отличительныя черты различныхъ отзывовъ первыхъ двухъ категорій не проводятъ между группами рѣзко очерченныхъ граней, а оставляютъ еще довольно широкій просторъ и чертамъ общимъ, сходнымъ между собою.

Отличительной, характеристической чертой всѣхъ отзывовъ и замѣтокъ первой группы современниковъ Екатерины является безусловно-восторженное отношеніе къ наказу Екатерины и къ такому акту правительственной дѣятельности, какъ созваніе комисіи для составленія новаго уложенія. Въ отзывахъ второй группы современниковъ Екатерины, при общемъ восторженномъ отношеніи къ произведенію императрицы, замѣчаются уже и признаки критическаго отношенія къ нѣкоторымъ пунктамъ ея наказа, и только мнѣнія третьей категоріи современниковъ императрицы характеризуются чисто отрицательными чертами, совершенно исключающими элементъ восторженнаго отношенія къ комисіи Екатерины.

Въ собственноручной «запискѣ» Екатерины объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Россіи въ ея управленіе [1]), встрѣчается замѣчаніе, что императрица, составивши наказъ, сама стремилась вызвать о своей работѣ разнообразные отзывы въ различныхъ слояхъ современнаго ей русскаго общества, отдавая свой трудъ на предварительное обсужденіе «разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ». «Начала я, — такъ писала Екатерина,—казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности и, между прочими, и князю Орлову и графу Никитѣ Панину... Наконецъ, заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи... Съѣхались оные къ Москвѣ въ 1767 году, гдѣ назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный наказъ уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали»...

Уже въ цитируемой собственноручной запискѣ Екатерины находится указаніе на проявленіе восторженнаго отношенія къ наказу императрицы среди отдѣльныхъ представителей современнаго ей русскаго общества; замѣтивъ, что «между прочими» статьи инструкціи были показаны и Орлову, Екатерина писала: «князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать» [2]). Графъ Воронцовъ, также бывшій въ числѣ лицъ, привлеченныхъ императрицей къ предварительному

[1]) «Сборн. имп. р. ист. общ.», XXVII, 170—176 стр.; «Русск. Арх.» 1865 г. 470—479 стр.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

обсужденію наказа, не находилъ въ немъ никакихъ недостатковъ и писалъ, что своимъ мудрымъ сочиненіемъ Екатерина создаетъ надежное основаніе прочнымъ законамъ на будущія времена, уничтожаетъ всѣ недостатки прежнихъ положеній, объявляетъ человѣколюбіе основнымъ принципомъ предполагаемыхъ новыхъ законовъ и тѣмъ подготовляетъ почву къ общенародному благополучію, къ блаженству всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ и къ вѣчной славѣ собственнаго императорскаго величества [1]).

Но въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ наказъ Екатерины вышелъ непосредственно изъ-подъ пера императрицы, онъ былъ извѣстенъ самому ограниченному числу лицъ, и русское общество получило возможность оцѣнивать его достоинства только тогда, когда уже онъ прошелъ чрезъ двойную цензуру близкихъ Екатеринѣ людей и «разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ». Русское общество высоко цѣнило наказъ императрицы и придавало большое значеніе комисіи, созванной ею для составленія новаго уложенія и обязанной руководиться въ своихъ кодификаціонныхъ работахъ данною ей инструкціей.

По словамъ Генриха Шерлея, состоявшаго при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, русскіе (со времени открытія большой комисіи) не говорили и не думали ни о чемъ другомъ, и, видя собранныхъ въ своей столицѣ представителей различныхъ общественныхъ слоевъ и всевозможныхъ племенъ, способны были воображать, что теперь они составляютъ мудрѣйшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной [2]).

Посылая вице-канцлеру А. Голицыну письмо Вольтера, гдѣ послѣдній подписался вмѣсто своей собственной фамиліи именемъ поклонника Екатерины II-й, князь Д. Голицынъ просилъ адресата обратить особенное вниманіе на своеобразную подпись фернейскаго патріарха и замѣтилъ, что голосъ Вольтера является выраженіемъ не единичнаго, а общаго мнѣнія; «удивляться нечему», писалъ Д. Голицынъ [3]) «онъ (Вольтеръ) не одинъ,—это голосъ общій. Нѣтъ въ мірѣ ничего разумнѣе и предусмотрительнѣе наказа, даннаго выборнымъ... Чудное время переживаетъ Россія».

Въ русскомъ обществѣ встрѣчались даже восторженные поклонники Екатерины, готовые видѣть въ ея наказѣ—золотую буллу Россіи. «Въ моихъ рукахъ находится книга, которую позднѣйшія поколѣнія назовутъ золотою буллою Россіи»,—писалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ по полученіи наказа Екатерины [4]). «Да окажутся достойными рѣшенія столь высокой задачи тѣ люди, тѣ счастливые смертные, которымъ дано столь драгоцѣнное порученіе, которымъ ввѣрено обезпеченіе блага человѣчества».

Не менѣе горячій и сочувственный пріемъ встрѣтилъ наказъ Екатерины среди лучшихъ людей своего времени и за предѣлами русскаго государства. Прусскій король Фридрихъ писалъ Екатеринѣ, что онъ, получивъ ея наказъ, рѣшилъ произвести безпри-

[1]) «Сборн. р. ист. общ.» Т. X., 76 стр.

[2]) «Сборн. р. ист. общ.» Т. XII., 304—305 стр.

[3]) «Сборн. импер. р. ист. общ.» Т. XV, стр. 629.

[4]) «Журн. м. н. пр. 1881 г.». Ч. CCXVII, стр. 273.

Digitized by Google

страстную оцѣнку драгоцѣннаго произведенія императрицы; онъ разсматривалъ его не какъ трудъ знакомаго ему высокопоставленнаго лица, а какъ сочиненіе неизвѣстнаго автора, и пришелъ въ восхищеніе не только отъ «правилъ человѣколюбія и кротости», какими проникнута инструкція, данная комисіи для составленія новаго уложенія, но и отъ обширныхъ познаній автора, отъ порядка, связности, послѣдовательности мыслей, отъ замѣчательной ясности и точности выраженій. «Я достаточно вижу, — писалъ корреспондентъ Екатерины [1]),—чтобы быть убѣжденнымъ, что если русскій народъ управляется вашими мудрыми законами, то будетъ самымъ счастливымъ народомъ въ свѣтѣ».—Другой корреспондентъ Екатерины, имѣвшій громадное вліяніе на умы современниковъ,— знаменитый Вольтеръ, въ своемъ письмѣ къ императрицѣ отъ 26 февраля 1769 года, не менѣе восторженно отзывался о достоинствахъ наказа, замѣчая, что все въ немъ ясно, кратко, справедливо, исполнено твердости и человѣколюбія, и что даже греческіе мудрецы Ликургъ и Солонъ не были бы въ состояніи написать ничего подобнаго.

Конечно, довольно рискованно считать безусловно искренними и вполнѣ откровенными отзывы Фридриха и Вольтера, не скупившихся въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ на похвалы ея произведенію; интересы дипломатіи легко могли оказать извѣстное вліяніе на тонъ и характеръ королевскаго письма, посвященнаго выраженію благодарности императрицѣ за присланный ею собственный литературный трудъ; характеръ личныхъ отношеній Вольтера къ Екатеринѣ II-й также могъ оставить опредѣленные слѣды на его сужденіяхъ о наказѣ императрицы, открыто высказываемыхъ въ письмѣ къ самой же Екатеринѣ.

Съ такой же точки зрѣнія можно смотрѣть и на отзывъ знаменитаго въ свое время скульптора Фальконета, который состоялъ въ личной перепискѣ съ Екатериной и восхищался ея наказомъ, называя его «вовѣки драгоцѣннымъ памятникомъ», «торжествомъ разсудка и человѣколюбія», «божественнымъ произведеніемъ». Фальконетъ писалъ императрицѣ [2]), что еслибы среди русскаго народа нашлись неразумные люди, не пожелавшіе идти на встрѣчу своему спасенію, то такія несчастныя дѣти не были бы достойны сожалѣнія матери, которая, наперекоръ имъ самимъ, сдѣлала бы ихъ болѣе счастливыми, добродѣтельными и благодарными.

Но если въ отзывахъ знаменитыхъ современниковъ Екатерины можно заподозрить и присутствіе элементовъ пристрастія, то уже ничего подобнаго невозможно сказать о сужденіяхъ большинства современниковъ императрицы, не поставленныхъ въ необходимость сообразоваться при выраженіи своихъ мыслей ни съ политическими планами и интересами, ни съ желаніемъ поддерживать и усиливать добрыя личныя отношенія съ авторомъ наказа. Мы имѣемъ въ виду переводы екатерининскаго наказа на различные европейскіе языки:— нѣмецкій, англійскій, французскій,—переводы, сопровождавшіеся сочувственными отзывами издателей о достоинствахъ труда импе-

[1]) «Сборн. имп. р. ист. общ.», т. XX, стр. 239.

[2]) «Сборн. р. ист. общ.», XVII, стр. 88.

Digitized by Google

ратрицы [1]). По словамъ нѣмецкаго автора «Лѣтописей царствованія Екатерины II-й», Шторха, издавшаго свой трудъ въ скоромъ времени послѣ смерти императрицы, появленіе наказа Екатерины вызвало чувство всеобщаго удивленія и было принято съ энтузіазмомъ мыслящими людьми въ цѣлой Европѣ, пробудивъ во всѣхъ національностяхъ живѣйшее желаніе видѣть произведеніе императрицы на своихъ родныхъ языкахъ.

II.

Въ то время какъ значительная часть современниковъ Екатерины, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, восторгалась наказомъ императрицы, прославляя въ громкихъ и пышныхъ фразахъ мудрость, великодушіе и милосердіе русской монархини и не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ критическаго отношенія не только къ главнымъ, основнымъ началамъ наказа, но даже и къ его частнымъ, отдѣльнымъ пунктамъ,—въ лицѣ нѣкоторыхъ современниковъ Екатерины, въ общественномъ сознаніи, проявлялись и опредѣленные признаки критическаго отношенія къ произведенію императрицы, хотя присутствіе своеобразнаго критическаго элемента въ воззрѣніяхъ на наказъ данной группы современниковъ Екатерины иногда и соединялось у ея представителей съ самымъ восторженнымъ отношеніемъ къ труду императрицы.

Извѣстно, что печатный наказъ Екатерины въ значительной степени отличался отъ своего рукописнаго оригинала, не заключая въ себѣ и половины того, что̀ содержалось въ его подлинникѣ; такое измѣненіе и сокращеніе наказа находилось въ прямой зависимости отъ тѣхъ замѣчаній, какія были сдѣланы различными лицами, получившими на предварительный просмотръ инструкцію императрицы и не ограничившими свои отношенія къ труду Екатерины однѣми похвалами и выраженіемъ восторговъ его дѣйствительнымъ и воображаемымъ достоинствамъ. Но отрицательное, критическое отношеніе къ частнымъ пунктамъ наказа,—какъ мы уже замѣтили,—не исключало у представителей данной группы современниковъ сочувствія къ его главнымъ, основнымъ началамъ и даже соединялось у нѣкоторыхъ изъ нихъ съ восторженнымъ отношеніемъ къ произведенію императрицы. «Признаюсь чистосердечно — писалъ, напр., Баскаковъ, одно изъ немногихъ избранныхъ лицъ, получившихъ для предварительнаго просмотра наказъ Екатерины еще ранѣе созванія депутатовъ большой комисіи [2]),—что, читая мысли самóй кротости и прямаго человѣколюбія, основанныя на зрѣломъ разумѣ и мудрости, приходилъ многократно въ радостное восхищеніе, горя́ нетерпѣливымъ желаніемъ дожить до исполненія великаго предпріятія и наслаждаться... тѣмъ пріятнымъ спокойствіемъ и безопасностью, которыхъ отъ такого мудраго установленія каждому несумнѣнно надѣяться можно». Между тѣмъ, Баска-

[1]) «Отечественныя Записки 1854 г.», 10 кн. «Библіографич. отрывки», 133—154 стр. «Наказъ Екатерины II». Изд. 1893 г. Библіограф. примѣч., 16—17 стр.

[2]) «Сборн. р. ист. общ.». Т. X, стр. 75—77.

Digitized by Google

ковъ, при чтеніи наказа императрицы, не ограничился только однимъ «радостнымъ восхищеніемъ», но и позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на отдѣльные пункты инструкціи, невполнѣ согласные съ его воззрѣніями, и даже высказался противъ основныхъ гуманныхъ началъ наказа въ одномъ очень важномъ пунктѣ,— именно въ вопросѣ объ обязательномъ уничтоженіи пытокъ [1]).

Такой же характеръ отношеній къ наказу императрицы замѣчается и у представителей духовнаго сословія: епископовъ Иннокентія и Гавріила и іеромонаха Платона, привлеченныхъ Екатериной къ предварительному просмотру ея произведенія. Называя наказъ «совершеннѣйшимъ сочиненіемъ въ родѣ законодательства», основаннымъ на самыхъ ясныхъ, твердыхъ и непорочныхъ началахъ, оправдываемыхъ разумомъ и евангельскимъ закономъ, и утверждая, что чрезъ все сочиненіе проходитъ главная, основная мысль о необходимости доставить каждому гражданину естественную вольность, соединенную съ сохраненіемъ общаго покоя», Иннокентій, Гавріилъ и Платонъ увѣряли, что они сочтутъ прекраснѣйшимъ моментомъ въ своей жизни то время, когда вступятъ въ дѣйствіе «божественные» законы Екатерины, способные возвести отечество на высочайшую ступень благополучія. Но, не смотря на признаніе за «божественными» законами Екатерины способности возвести отечество на высшую ступень благополучія, представители духовнаго сословія, при разборѣ нѣкоторыхъ пунктовъ наказа, обнаружили воззрѣнія, несогласныя со взглядами императрицы, что̀ и повело за собою нѣкоторыя измѣненія въ наказѣ, сообразныя со сдѣланными замѣчаніями.

Въ одномъ изъ пунктовъ своего наказа Екатерина высказала довольно либеральный взглядъ на жестокія наказанія, практикуемыя правительствами по отношенію къ своимъ подданнымъ, замѣтивъ, что когда люди не удерживаются отъ преступленій иначе, какъ только суровыми казнями, то такое явленіе происходитъ отъ «насильства правленія». Гавріилъ, Иннокентій и Платонъ, оказавшіеся «бо̀льшими роялистами, чѣмъ самъ король», признавали, по всей вѣроятности, опаснымъ говорить о «насильствѣ» правительства и обвинять его въ нежелательныхъ явленіяхъ общественной жизни, почему и нашли необходимымъ возразить Екатеринѣ, что вся вина въ происхожденіи указанныхъ ею явленій падаетъ не на правительство, а на самихъ преступниковъ, часто совершенно утрачивающихъ чувство совѣсти и по необходимости заставляющихъ даже кроткаго государя прибѣгать къ мѣрамъ наказанія [2]).

Защищая интересы верховнаго правительства отъ самой верховной власти, представители духовенства необходимо должны были возстать противъ либеральныхъ воззрѣній, высказанныхъ въ наказѣ императрицы по вопросу о политическихъ преступленіяхъ и объ отношеніяхъ къ нимъ со стороны правительства. Въ своемъ наказѣ Екатерина считала политическими преступленіями только *измѣну государству и дѣйствія, направленныя противъ жизни и безопасности государя;* всевозможныя же порицанія своихъ дѣйствій не

[1]) «Сборн. р. ист. общ.». Т. X, стр. 79.

[2]) *Снегиревъ*: «Жизнь моск. митроп. Платона». 2-е изд., 1 часть, 120 стр.

Digitized by Google

признавала за политическія преступленія и находила возможнымъ оставлять ихъ безъ всякихъ наказаній. «Мы не желаемъ наказывать того, кто дурно отзывается о насъ или о нашемъ правительствѣ,—писала Екатерина словами византійскихъ императоровъ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія [1]):—если кто злословитъ по легкомыслію, слѣдуетъ имъ пренебречь; если онъ говорилъ по глупости, нужно о немъ пожалѣть; если же желалъ нанести оскорбленіе, то должно его простить».

Такое разумное, великодушное отношеніе императрицы къ воображаемымъ политическимъ преступникамъ оказалось выше пониманія критиковъ ея наказа, и они признали его опаснымъ для интересовъ государства; такъ какъ, по мнѣнію представителей духовнаго сословія, безопасность императорской особы находится въ самой тѣсной связи съ безопасностью всего государства, то и самое незначительное покушеніе на честь главы государства не можетъ быть оставлено безъ всякихъ послѣдствій, вслѣдствіе чего и данная статья наказа требуетъ еще необходимыхъ разъясненій [2]). Замѣчанія духовныхъ особъ оказали извѣстное вліяніе на императрицу, и въ печатномъ наказѣ она измѣнила свою первоначальную мысль, отнеся порицанія дѣйствій государя къ проступкамъ, подлежащимъ наказаніямъ, хотя и въ болѣе слабой степени, чѣмъ преступленія политическія [3]).

Производя въ своемъ наказѣ значительныя измѣненія, вызывавшіяся различными замѣчаніями критиковъ, Екатерина, хотя и не придавала одинаково-важнаго значенія всѣмъ возраженіямъ своихъ критиковъ, однако же должна была считаться съ ними даже и въ тѣхъ случаяхъ, если не находила ихъ вѣскими и убѣдительными, видя въ нихъ выраженіе извѣстнаго общественнаго настроенія по тому или иному вопросу. Такими неубѣдительными, съ точки зрѣнія Екатерины, замѣчаніями, сильно не нравившимися императрицѣ, былъ наполненъ отзывъ о наказѣ, сдѣланный извѣстнымъ поэтомъ Сумароковымъ. Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ вольными людьми нельзя, писалъ, напр., Сумароковъ по очень важному вопросу о положеніи крестьянскаго населенія [4]) и приводилъ въ доказательство справедливости своей мысли крайне неосновательныя соображенія, указывая на то, что, съ предоставленіемъ воли крестьянамъ, небогатые дворяне будутъ лишены возможности имѣть у себя поваровъ, кучеровъ, лакеевъ, и будутъ поставлены въ необходимость снисходительно относиться къ проступкамъ и порокамъ своей прислуги, чтобы совсѣмъ не остаться безъ ихъ услугъ. Правда, Сумароковъ писалъ еще [5]) и о существованіи взаимной любви между помѣщиками и крѣпостными крестьянами, и объ отсутствіи благородныхъ чувствъ у простаго народа, и о серьезныхъ опасностяхъ, угрожающихъ государству отъ разногласій между помѣщиками и

[1]) *Сухомлиновъ*: «Исторія россійской академіи». Вып. I. Примѣч. и приложеніе 81.

[2]) *Снегиревъ*, 120 стр.

[3]) «Наказъ». Изд. 1893 г., ст. 482.

[4]) «Сборн. русск. истор. общ.», Т. X, стр. 85.

[5]) «Сборн. русск. истор. общ.», Т. X, стр. 86.

Digitized by Google

крестьянами, какія неизбѣжно должны будутъ возникнуть съ превращеніемъ крѣпостныхъ въ вольныхъ людей; но всѣ его разсужденія не могли имѣть никакого серьезнаго значенія въ глазахъ непредубѣжденныхъ людей и, дѣйствительно, не имѣли его въ глазахъ Екатерины, какъ можно думать на основаніи ея собственноручныхъ замѣчаній [1]).

Между тѣмъ, разсужденія лицъ, подобныхъ Сумарокову, не смотря на всю свою безосновательность, видимо, не прошли безслѣдно для Екатерины, и ея печатный наказъ не заключалъ уже въ себѣ значительной доли того, что было первоначально высказано императрицей по вопросу о положеніи крестьянскаго населенія въ рукописномъ подлинникѣ. «Законы,—писала первоначально Екатерина [2]),—могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу». Могутъ еще законы, по словамъ ея наказа въ первоначальной рукописной редакціи, опредѣлить извѣстный срокъ службы, подобно тому какъ въ законѣ моисеевомъ служба рабовъ ограничена срокомъ въ 6 лѣтъ. Можно также установить, чтобы человѣка, однажды отпущеннаго на волю, никто уже не имѣлъ права вновь обращать въ своего крѣпостнаго. Императрица находила даже возможнымъ уврачевать зло въ самомъ его корнѣ, поручивъ свободнымъ людамъ исполненіе извѣстной части обязанностей, лежащихъ на рабахъ [3]), и точно опредѣливъ въ гражданскихъ законахъ, что должны рабы заплатить за освобожденіе своимъ господамъ [4]).

Но всѣ приведенныя нами разсужденія Екатерины о разнообразныхъ способахъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отношенія къ нимъ со стороны различныхъ лицъ, привлеченныхъ императрицей къ предварительному просмотру наказа, были опущены при его изданіи, за исключеніемъ только одной первой фразы: «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества» [5]) и предшествовавшаго ей замѣчанія Екатерины, что «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» [6]). Понятно, что подобная фраза, оставленная въ печатномъ изданіи наказа безъ всякихъ дополненій и разъясненій, благопріятныхъ для крѣпостнаго крестьянскаго населенія, утрачивала почти всякое значеніе, а мысль наказа о нежелательности уничтоженія рабства путемъ общаго узаконенія могла даже пріобрѣтать смыслъ и значеніе, вполнѣ совпадающіе съ воззрѣніями Сумарокова и его единомышленниковъ.

III.

Характеръ отношеній современниковъ къ произведенію Екатерины можетъ быть признанъ почти тожественнымъ съ отношеніемъ

[1]) «Сборн. русск. истор. общ.», Т. X, стр. 86.
[2]) «Тамъ же, стр. 155.
[3]) «Сборн. русск. истор. общ.», Т. X, § 278.
[4]) Тамъ же, § 279.
[5]) Наказъ, § 261.
[6]) Тамъ же, § 260.

Digitized by Google

исторической литературы къ знаменитому наказу императрицы. Какъ разнообразные отзывы современнаго Екатеринѣ общества, при неодинаковомъ отношеніи къ наказу государыни, не имѣли между собой рѣзкаго различія, доходящаго до полнаго, непримиримаго противорѣчія, а были несогласны между собой только въ оцѣнкѣ частныхъ пунктовъ екатерининской инструкціи, такъ и въ различныхъ произведеніяхъ исторической литературы, изучавшей и оцѣнивавшей наказъ Екатерины, не имѣло и не имѣетъ мѣста такое рѣзкое различіе, какое существуетъ между похвалой и порицаніемъ. Но и въ исторической литературѣ, также какъ въ современномъ Екатеринѣ русскомъ и иностранномъ обществѣ, безусловно-восторженное отношеніе къ правительственному наказу встрѣчается только у извѣстной части ея представителей; другая же группа историковъ, входя въ подробный, детальный разборъ прославленнаго произведенія императрицы, находитъ и отмѣчаетъ въ немъ и извѣстные недостатки, не мѣшающіе, однако же, отдавать должное его многочисленнымъ, болѣе крупнымъ и важнымъ достоинствамъ.

Извѣстный юристъ Бентамъ, видимо принадлежащій по своимъ воззрѣніямъ на наказъ къ первой историко-литературной группѣ, настолько увлекался знаменитымъ произведеніемъ императрицы, что видѣлъ въ немъ единственный, исключительный примѣръ, гдѣ верховная власть являлась съ достоинствомъ предъ своими подданными. «Если верховная власть когда нибудь являлась предъ людьми съ достоинствомъ,—писалъ Бентамъ [1]),—то это было, конечно, въ томъ наказѣ, который изданъ Екатериной II». По его словамъ, невозможно не удивляться Екатеринѣ, этой замѣчательной женщинѣ, стоявшей, при сочиненіи своего наказа, выше обычнаго авторскаго тщеславія и составившей его изъ соединенія всего, что было лучшаго въ произведеніяхъ мудрецовъ ея вѣка.

Восторженные отзывы, чуждые всякихъ признаковъ критическаго отношенія къ достоинствамъ и недостаткамъ наказа, встрѣчались, какъ обычное явленіе, не только въ произведеніяхъ исторической литературы, не вдававшихся въ подробный анализъ его содержанія, а ограничивавшихся простымъ констатированіемъ общаго впечатлѣнія, получающагося отъ знакомства съ инструкціей императрицы,—какъ напр., въ трудахъ Бентама и Евгенія Болховитинова [2]), писавшаго, что наказъ Екатерины останется навсегда образцомъ законодательной мудрости и политической философіи;—но и въ сочиненіяхъ, удѣлявшихъ значительное вниманіе обзору содержанія прославленнаго произведенія императрицы.

Авторъ «Дѣяній Екатерины II», Колотовъ, обозрѣвая содержаніе наказа, пришелъ къ заключенію, что твореніе императрицы является вѣчнымъ монументомъ безсмертной Екатеринѣ и, по богатству содержанія, должно быть признано всеобщимъ законоположеніемъ. Г. З. Елисеевъ, посвятившій разбору содержанія екатерининскаго наказа отдѣльную статью [3]), высоко цѣнилъ трудъ императрицы и

[1]) «Избранныя сочиненія Іереміи Бентама». Т. I, стр. 652.

[2]) «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей». Т. 1, стр. 205.

[3]) «Отечеств. Записки» 1868 г. Т. CLXXVI. «Наказъ императрицы Екатерины о сочиненіи проэкта новаго уложенія».

Digitized by Google

придавалъ ему громадное значеніе въ нашей общественно-государственной жизни. Увлекаясь екатерининскимъ наказомъ, авторъ находилъ даже возможнымъ утверждать, что, еслибы великая жена не издала своего безсмертнаго наказа, то не только мы, но, быть можетъ, и наши дѣти не увидѣли бы тѣхъ великихъ преобразованій, какія совершились въ наши дни, и что мы даже теперь, хотя и прошли значительную часть екатерининской программы, но далеко еще не исчерпали ея содержанія [1]). День изданія наказа, по его словамъ, былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь и внутренняго пріобщенія къ европейской цивилизаціи,—днемъ, доставившимъ русскимъ людямъ законное право называться «гражданами», а не «сиротами», какъ они прежде титуловали себя въ офиціальныхъ актахъ. Елисеевъ считалъ чрезвычайно высокими идеалы наказа, заключавшаго въ себѣ все, что было придумано лучшаго для государственнаго и общественнаго благоустройства избраннѣйшими умами XVIII вѣка, и не допускалъ даже тѣни сомнѣнія въ искренности императрицы, нерѣдко обвинявшейся въ излишнемъ тщеславіи, побуждавшемъ, будто бы, ее высказывать въ своемъ наказѣ самыя возвышенныя идеи исключительно только для того, чтобы возбудить ими всеобщее удивленіе и никогда не осуществить ихъ на практикѣ. Признавая полную и безусловную искренность автора наказа стоящей внѣ всякаго подозрѣнія, Елисеевъ доказываетъ въ своей статьѣ, что императрица вполнѣ искренно высказывала въ знаменитой инструкціи самыя возвышенныя либеральныя воззрѣнія и первоначально была совершенно убѣждена въ возможности осуществленія тѣхъ идеаловъ, которые впослѣдствіи сама же признавала неосуществимою мечтою [2]).

Довольно обычныя въ прежнее время обвиненія Екатерины въ стремленіи обмануть изданіемъ своего наказа общественное мнѣніе либеральной части европейскаго общества утрачиваютъ свое значеніе въ исторической литературѣ, получающей возможность, по мѣрѣ обнародованія документовъ екатерининской эпохи, постепенно уяснять себѣ личность императрицы и вырабатывать болѣе правильныя представленія о ея дѣятельности. Изданіе матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ царствованію Екатерины, освобождаетъ императрицу отъ подозрѣній въ неискренности и искусномъ обманѣ общественнаго мнѣнія, и вызываетъ въ исторической литературѣ болѣе правдоподобныя объясненія того рѣзкаго различія, какое имѣло мѣсто между возвышенными либеральными идеями наказа и многими, далеко не либеральными практическими мѣрами, принимавшимися ея правительствомъ въ послѣдующее время. Объясненіе происхожденія такого печальнаго явленія, набрасывавшаго въ прежнее время тѣнь подозрѣнія на искренность Екатерины, различные представители исторической литературы видятъ уже не въ комедіи, искусно разыгранной императрицей предъ просвѣщенною Европой, а въ необходимости для нея подчинять свои личныя мнѣнія соображеніямъ политическаго характера, въ опасности раздражить влія-

[1]) Тамъ же, стр. 78.

[2]) «Отечествен. Записки» 1868 г. Т. CLXXVI. «Наказъ императрицы Екатерины о сочиненіи проэкта новаго уложенія», стр. 80.

Digitized by Google

тельнѣйшія сословія, считавшія несовмѣстимымъ съ своими жизненными интересами практическое осуществленіе многихъ либеральныхъ идей наказа.

Самыя измѣненія въ первоначальной редакціи наказа,—писалъ, напр., г. Щебальскій въ своей статьѣ «Екатерина II, какъ писательница» [1]),—измѣненія, произведенныя, нужно замѣтить, не въ либеральномъ духѣ, дѣлаютъ очевиднымъ, что императрица въ данномъ случаѣ должна была подчинять свои личныя убѣжденія «умоначертанію народа», и весьма естественному опасенію возстановить противъ себя наиболѣе вліятельныя сословія. Условія же, при какихъ Екатерина вступила на престолъ, неизбѣжно должны были заставлять ее и въ дальнѣйшей дѣятельности вести себя крайне осторожно и внимательно присматриваться къ барометру общественнаго мнѣнія.

Въ доказательство справедливости своего объясненія по вопросу о происхожденіи рѣзкаго различія между нѣкоторыми идеями наказа и практическою дѣятельностью Екатерины, г. Щебальскій удачно ссылается на слова самой императрицы. По поводу удивленія, вызывавшагося безусловнымъ и безпрекословнымъ исполненіемъ всѣхъ указовъ Екатерины, — удивленія, высказаннаго однимъ изъ придворныхъ лицъ,—императрица замѣтила своему собесѣднику: «Это не такъ легко, какъ ты думаешь; повелѣнія мои не исполнялись бы съ точностью, еслибы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешь, съ какою осмотрительностью, съ какою осторожностью я поступаю въ изданіи моихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвесть долженъ. Когда уже напередъ я увѣрена въ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я свое повелѣніе. Будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не приноровлено къ обычаямъ, къ мнѣнію народному, и когда въ ономъ я послѣдовала бы одной своей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ».

Снимая съ Екатерины тѣнь подозрѣнія въ неискренности и вырабатывая болѣе правильныя представленія о побужденіяхъ, руководившихъ императрицей при созданіи знаменитаго наказа, историческая литература позднѣйшаго времени освобождаетъ Екатерину и отъ другихъ обвиненій, ставившихъ ее въ ряды литературныхъ хищниковъ. Многочисленныя заимствованія, сдѣланныя авторомъ наказа изъ различныхъ произведеній европейскихъ знаменитостей, нерѣдко заставляли обвинять Екатерину въ незаконномъ присвоеніи непринадлежащихъ ей авторскихъ правъ и утверждать, что она обобрала Монтескьё и Беккарію, и умышленно скрыла свои заимствованія. Щебальскій вполнѣ справедливо отмѣчаетъ полнѣйшую несостоятельность подобныхъ обвиненій, замѣчая, что императрица никогда не скрывала своихъ заимствованій и не выдавала своей работы за произведеніе вполнѣ самостоятельное [2]). Вѣское и неопровержимое доказательство высказаннаго положенія авторъ видитъ въ собственноручной надписи Екатерины, сдѣланной ею на одномъ изъ экземпляровъ наказа, хранящихся въ правительствующемъ се-

[1]) «Заря», 1869 г. 3 кн. 126 стр.

[2]) «Заря», 1869 г. кн. II, 110—112 стр.

Digitized by Google

натѣ. Въ надписи, сохранившейся въ наказѣ, собственноручно переписанномъ Екатериной, императрица открыто заявляла, что матеріалы, служившіе для сочиненія этого акта, взяты ею изъ различныхъ иностранныхъ книгъ: «матеріалы, кои служили къ сочиненію наказа,—писала она,—выписаны изъ разныхъ книгъ на чужестранныхъ языкахъ, какъ явствуетъ изъ оригинала моей руки. Положены же сіи оригиналы въ академію наукъ, въ библіотеку. Переведены же они Григоріемъ Козицкимъ, по моему приказанію».

Но еще болѣе ясное доказательство несправедливости всѣхъ обвиненій Екатерины въ злонамѣренномъ, замаскированномъ литературномъ плагіатѣ находится въ письмѣ императрицы къ Даламберу, обнародованномъ въ «Бумагахъ императрицы Екатерины II» [1]), изданныхъ уже послѣ появленія статьи Щебальскаго. Сообщая о своемъ намѣреніи прислать Даламберу матеріалы, подготовленные для составленія наказа, Екатерина вполнѣ откровенно писала: «Вы увидите, какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ».

Защищая автора наказа отъ обвиненій въ сплошномъ литературномъ воровствѣ, Щебальскій замѣчаетъ, что утверждать,—какъ дѣлаютъ иные,—будто наказъ представляетъ собою ничто иное, какъ перифразъ трудовъ Монтескьё и Беккаріи,—значитъ признаваться въ весьма поверхностномъ знакомствѣ какъ съ сочиненіями обоихъ этихъ писателей, такъ и съ самимъ наказомъ [2]). Правда, Щебальскій нѣсколько преувеличиваетъ самостоятельность автора наказа, такъ какъ въ дѣйствительности,—какъ уже выяснено въ историко-юридической литературѣ [3]),—перу императрицы принадлежало только незначительное число статей наказа, бо́льшая же часть ихъ представляла переводъ различныхъ мѣстъ изъ сочиненій Монтескьё и Беккаріи, съ перемѣнами, не шедшими дальше сокращенія текста, исключенія нѣкоторыхъ подлинныхъ выраженій и незначительнаго измѣненія самаго смысла подлинниковъ [4]); но значеніе на-

[1]) «Сборн. рус. ист. общ.», т. II.

[2]) «Заря», 1869 г. 3 кн. 119 стр.

[3]) «Журн. Минист. Юстиціи» 1864 г. *Т. Городскій:* «Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право»; *Бѣликовъ:* «Значеніе Беккаріи въ наукѣ и въ исторіи русскаго законодательства»; Приложеніе къ соч. Беккаріи «о преступленіяхъ и наказаніяхъ»; *Зарудный:* «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ сравненіи съ главою X-го наказа Екатерины II и съ современными русскими законами».

[4]) Посылая нѣмецкій переводъ наказа прусскому королю Фридриху II, Екатерина писала: «Ваше величество не найдете въ моемъ наказѣ ничего новаго, ничего неизвѣстнаго для себя; вы увидите, что я поступила, какъ ворона басни, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиньихъ перьевъ. Во всемъ наказѣ, моего—только распредѣленіе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; еслибы собрали все, прибавленное туда мною, то не думаю, чтобы вышло больше двухъ, трехъ листовъ. Бо́льшая часть извлечена изъ «Духа Законовъ» президента Монтескьё и изъ сочиненія: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» маркиза Беккаріи. «Сборн. рус. ист. общ.». Т. XX, стр. 236.

Digitized by Google

каза нисколько не уменьшается отъ бо́льшей или меньшей самостоятельности его автора, никогда не скрывавшаго своей зависимости отъ лучшихъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ того времени. Напротивъ, то обстоятельство, что инструкція, предназначенная императрицей для большой комисіи въ качествѣ руководства при сочиненіи новаго уложенія, была выработана при помощи лучшихъ умовъ своего времени,—можетъ только увеличивать значеніе екатерининскаго наказа. Несомнѣнныя и высокія достоинства источниковъ, какими довольно широко пользовалась Екатерина при составленіи своего наказа, неизбѣжно должны были отразиться и на произведеніи императрицы и сдѣлать его настолько цѣннымъ, что даже критическое отношеніе къ инструкціи Екатерины, открывавшее въ ней различные недостатки, не могло вызвать въ исторической литературѣ неблагопріятныхъ отзывовъ о трудѣ императрицы, предназначенномъ дать депутатамъ собранія руководящія начала въ предстоявшихъ имъ законодательныхъ работахъ. Авторъ «Лѣтописей царствованія Екатерины II», Шторхъ, замѣтивъ въ своемъ произведеніи о необыкновенномъ энтузіазмѣ, съ какимъ было встрѣчено современниками появленіе наказа, писалъ, что время нѣсколько поохладило энтузіазмъ, и самый трудъ императрицы былъ разбираемъ и судимъ съ равнодушіемъ строгой критики; но и послѣ безпристрастной критики, справедливо осуждавшей планъ цѣлаго сочиненія, неправильный ходъ мыслей и несоблюденіе логической послѣдовательности въ развитіи философскихъ началъ, и даже послѣ того, какъ выяснилось, что наиболѣе возвышенными идеями высокопоставленная писательница была обязана другимъ,—твореніе Екатерины остается достойнѣйшимъ памятникомъ просвѣщеннаго вѣка.

В. И. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комисіи?» [1]), выходя изъ вполнѣ справедливаго положенія, что дѣло законодательства представляетъ величайшія трудности и необходимо требуетъ спеціальныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ путемъ сложной спеціальной подготовки, отмѣчаетъ отсутствіе подобныхъ знаній у автора наказа и,—какъ естественное слѣдствіе подобнаго отсутствія,—неизбѣжные недостатки и несовершенства самаго наказа. Предназначенный сообщить депутатамъ собранія опредѣленныя руководящія начала при составленіи новаго уложенія, наказъ Екатерины, по словамъ г. Сергѣевича, по многимъ вопросамъ давалъ не опредѣленныя начала законодательства, а указывалъ лишь общее и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, нерѣдко даже ограничиваясь приведеніемъ однихъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, такъ что во всемъ наказѣ трудно найти вопросъ, по которому бы члены комисіи не нуждались въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ. Отмѣчая въ наказѣ Екатерины крайнюю неполноту основныхъ началъ законодательства, г. Сергѣевичъ видитъ въ немъ еще и другой болѣе существенный недостатокъ—«шаткость общихъ основаній и безвыходное противорѣчіе его исходныхъ точекъ» [2]). Но, не смотря на критическое отношеніе къ екатерининскому наказу, открывающее въ

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г. Т. I.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г. Т. I, стр. 198.

Digitized by Google

немъ значительные недостатки, авторъ цитируемой статьи находитъ совершенно понятнымъ и вполнѣ естественнымъ то потрясающее впечатлѣніе, какое произвело чтеніе инструкціи на депутатовъ собранія, такъ какъ весь наказъ былъ проникнутъ гуманными идеями, въ каждой статьѣ его проглядывала мысль объ общемъ благѣ, какъ цѣли законовъ; онъ смягчалъ суровость наказаній московской эпохи и петровскаго законодательства, отмѣнялъ пытки, дозволялъ свободно высказывать свои мнѣнія и заключалъ въ себѣ множество другихъ положеній, имѣвшихъ одну общую цѣль въ томъ, чтобы русскій народъ, съ изданіемъ новаго уложенія, получилъ справедливые законы и сдѣлался самымъ счастливымъ народомъ въ мірѣ [1]).

IV.

Въ то время какъ наказъ Екатерины вызывалъ въ современномъ ему обществѣ и въ исторической литературѣ или безусловно восторженные отзывы, или критическое отношеніе, выражавшееся въ частныхъ возраженіяхъ на его отдѣльные пункты, ни у кого не возбуждая неблагопріятныхъ впечатлѣній,—за исключеніемъ развѣ одного французскаго правительства, *запретившаго* распространеніе наказа въ предѣлахъ своей страны,—комисія, созванная императрицей для составленія новаго уложенія, подъ вліяніемъ даннаго ей въ руководство наказа, вызывала въ современномъ ей русскомъ и иностранномъ обществѣ діаметрально противоположные отзывы. Мы уже видѣли, какъ смотрѣло на большую комисію русское общество, по словамъ англійскаго дипломата Генриха Шерлея, писавшаго, что русскіе увлекаются комисіей, придаютъ ей громадное значеніе и способны даже вообразить, что, благодаря созванію депутатовъ, они составляютъ мудрѣйшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной. Не менѣе важное значеніе придавалось екатеринской комисіи и въ англійскомъ обществѣ, гдѣ имѣли мѣсто взгляды на нее, какъ на великое и необычайное предпріятіе, достойное восторженнаго удивленія и дѣлающее высокую честь монархинѣ, способной предоставить свободу великому народу и пожертвовать собственнымъ могуществомъ для счастія своихъ подданныхъ [2]). Еще передъ временемъ собранія большой комисіи англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Джоржъ Макартней, сообщая своему правительству, что Екатерина составила уложеніе, одинаково соотвѣтствующее благу ея подданныхъ и характеру народа, и намѣрена предложить его на разсмотрѣніе депутатовъ имперіи, писалъ о проэктированной комисіи, какъ о «высокомъ предпріятіи, достойномъ честолюбія великаго монарха, предпочитающаго титулъ законодателя—славѣ побѣдъ и полагающаго въ основаніе своего величія заботу о благоденствіи, а не уничтоженіи человѣчества» [3]).

Вызывая сочувственные и даже восторженные отзывы въ русскомъ и иностранномъ обществѣ, комисія, созванная Екатериной для составленія новаго уложенія, не представляла однако же собою

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г. Т. I, стр. 195.

[2]) «Сборн. р. ист. общ.», XII, стр. 316.

[3]) Тамъ же, стр. 291.

Digitized by Google

настолько замѣчательнаго, совершеннаго явленія, чтобы дѣлать невозможнымъ появленіе и діаметрально противоположныхъ отзывовъ, выставляющихъ въ очень незавидномъ свѣтѣ большую комисію и сводившихъ къ нулю результаты всей ея дѣятельности. «Собраніе депутатовъ,—писалъ, напр., англійскій дипломатъ Генрихъ Шерлей, — не имѣетъ ровно никакого значенія предъ деспотическою властью ихъ государыни». По его словамъ, всякій, кто обратитъ вниманіе на образъ дѣйствій членовъ комисіи, на то, о чемъ они имѣютъ право разсуждать, и насколько имъ позволено расширить реформы, и сравнитъ это съ мѣрами, принятыми въ государствахъ, благословленныхъ конституціоннымъ правленіемъ,—тотчасъ же убѣдится, что депутатамъ русской комисіи предоставлены лишь такія права, которыми бы не захотѣлъ воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства. Англійскій дипломатъ называлъ даже собраніе депутатовъ, избранныхъ для составленія новаго уложенія, комедіей, искусно разыгрываемой Екатериной изъ-за своихъ личныхъ, эгоистическихъ видовъ [1]), замѣчая, что лица, назначенныя членами комисіи, служатъ лишь орудіями власти въ рукахъ императрицы и являются однимъ изъ средствъ къ искусственному прославленію ея царствованія. По словамъ Генриха Шерлея, Екатерина, стремясь къ упроченію своего положенія, къ усиленію своей власти, а также зная и безпокойный характеръ своихъ подданныхъ, поставила главнѣйшей цѣлью своей политики — какъ можно болѣе занимать русскій народъ; подобное побужденіе, усиленное тщеславіемъ императрицы, и внушило ей мысль приняться за составленіе новаго законодательства. Но, какъ человѣкъ практичный и предусмотрительный, Екатерина, по мнѣнію англійскаго посла, озаботилась назначить въ комисію лишь такихъ лицъ, которыя безпрекословно подчинялись бы ея предписаніямъ и могли бы послужить орудіями къ удовлетворенію ея честолюбія, прославивъ въ самомъ преувеличенномъ видѣ великодушіе, справедливость и прочія прекрасныя качества императрицы.

Выводя учрежденіе комисіи изъ основаній несовсѣмъ чистаго свойства, Шерлей писалъ, что собраніе депутатовъ, «какъ поддѣльный жемчугъ, имѣетъ болѣе блеска, но меньше цѣнности, чѣмъ жемчугъ настоящій», и что среди самихъ русскихъ нѣтъ недостатка въ людяхъ, сознающихъ печальную истину, но такъ какъ лесть и слѣпое повиновеніе составляютъ для бо̀льшей части ихъ единственный путь къ богатству, могуществу и вліянію, то они еще усерднѣе восторгаются всѣми дѣлами императрицы, чѣмъ тѣ, чьи похвалы искренни. Свое отрицательное отношеніе къ значенію екатерининской комисіи англійскій дипломатъ подтверждалъ и личными впечатлѣніями, вынесенными изъ непосредственнаго знакомства съ дѣятельностью членовъ депутатскаго собранія, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ необычайно комичныхъ пріемовъ, употреблявшихся членами комисіи при попыткахъ рѣшенія порученныхъ имъ многочисленныхъ, важныхъ и трудныхъ дѣлъ, и былъ пораженъ шумною лестью депутатовъ, усматривавшихъ для себя пользу и выгоду въ куреніи ѳиміама предъ идоломъ тщеславія императрицы [2]).

[1]) «Сборн. р. ист. общ.», XII, стр. 307.
[2]) «Сборн. р. ист. общ.», XII, стр. 326.

Digitized by Google

Правда, въ исторической литературѣ уже было отмѣчено [1]), насколько ненадежны были тѣ источники, какими пользовался Шерлей при добываніи свѣдѣній о екатерининской комисіи, и какую цѣну могутъ имѣть его сообщенія въ глазахъ безпристрастнаго историка; но для насъ, въ настоящемъ очеркѣ, вопросъ о соотвѣтствіи съ исторической дѣйствительностью взглядовъ англійскаго дипломата на собраніе депутатовъ не представляетъ важнаго значенія, такъ какъ мы разсматриваемъ мнѣнія Шерлея только съ исключительной точки зрѣнія, какъ выраженіе извѣстныхъ отношеній современниковъ Екатерины къ ея комисіи.

Съ такой же исключительной точки зрѣнія представляютъ для насъ интересъ и взгляды на большую комисію, встрѣчающіеся у французскаго писателя Кастеры, такъ какъ, хотя его сочиненіе «Vie de Catherine II, imperatrice de Russie» и явилось уже послѣ смерти императрицы (въ 1797 году), но въ своихъ разсказахъ о собраніи депутатовъ онъ находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ воззрѣній современниковъ Екатерины, сообщившихъ ему тѣ отрицательные взгляды на комисію, какіе сложились въ извѣстной части русскаго общества, не расположенной къ императрицѣ. По словамъ французскаго писателя, получившаго свои свѣдѣнія о комисіи отъ членовъ русскаго общества, современнаго Екатеринѣ, депутаты собранія, всю свою жизнь подчиненные произволу начальства, сами были въ крайнемъ удивленіи, видя себя членами комисіи, созванной для совѣщанія о новыхъ законахъ. Слушая чтеніе наказа императрицы, депутаты восхваляли просвѣщеніе, мудрость и гуманность императрицы, но, если настоящее, неподдѣльное удивленіе и имѣло мѣсто въ подобныхъ восхваленіяхъ, то еще бо́льшую роль, по мнѣнію Кастеры, играли здѣсь страхъ и лесть, такъ какъ всѣ желали снискать расположеніе императрицы или, по крайней мѣрѣ, избѣгнуть ссылки въ Сибирь. Всю дѣятельность комисіи Кастера ограничиваетъ возбужденіемъ важнаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ, затронувшаго самые существенные, жизненные интересы депутатовъ собранія и вызвавшаго среди нихъ такія жаркія, горячія пренія, что правительство признало необходимымъ, въ виду опасныхъ послѣдствій разногласія, закрыть комисію и распустить по домамъ всѣхъ ея членовъ. Но собраніе, разошедшееся безъ всякой пользы для себя и для государства, принесло выгоду императрицѣ, такъ какъ единогласно рѣшило признать Екатерину достойной титула великой, премудрой и матери отечества.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достовѣрности и исторической цѣнности свѣдѣній о комисіи, встрѣчающихся у англійскаго дипломата Генриха Шерлея и французскаго писателя Кастеры,—какъ вопросъ, не имѣющій прямаго отношенія къ нашему очерку,—мы должны лишь замѣтать, что неблагопріятные отзывы и сужденія о екатерининской комисіи, циркулировавшіе въ извѣстныхъ слояхъ современнаго императрицѣ русскаго общества и нашедшіе себѣ мѣсто въ запискахъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, имѣли очень важное значеніе въ исторической литературѣ, посвященной екатерининскому времени.

[1]) «Журн. м. н. пр.», 1881 г., ч. CCXVII. *Брикнеръ*: «Большая комисія».

Digitized by Google

Принимаясь безъ всякой критики и повѣрки, подобные отзывы и сужденія оказывали неизбѣжное и сильное вліяніе на очень многихъ писателей послѣдующаго времени, не имѣвшихъ возможности пользоваться другими противоположными источниками, или же не довѣрявшихъ ихъ безпристрастію и достовѣрности.

Въ своихъ секретныхъ мемуарахъ о Россіи, изданныхъ въ 1800 г., авторъ ихъ Масонъ высказывалъ, напр., совершенно такія же сужденія о побужденіяхъ, заставившихъ Екатерину созвать большую комисію, о характерѣ дѣятельности депутатовъ собранія и объ отношеніяхъ къ нимъ со стороны императорской власти, какія имѣли мѣсто въ сочиненіи Кастеры и въ дипломатическихъ донесеніяхъ Г. Шерлея. Не признавая въ дѣятельности Екатерины никакихъ возвышеннымъ побужденій и считая честолюбіе императрицы единственнымъ руководящимъ началомъ въ созваніи и организаціи большой комисіи, Масонъ утверждалъ, что Екатерина пригласила депутатовъ со всѣхъ концовъ своего обширнаго государства съ исключительною цѣлью заставить ихъ прослушать чтеніе наказа и принять отъ нихъ выраженіе благодарности. Какъ скоро депутаты выполнили свое ближайшее прямое назначеніе, т. е. оказали почтеніе императрицѣ,—ихъ, по словамъ Масона, отправили по домамъ; члены комисіи, державшіе себя во время засѣданій независимо и съ сознаніемъ своихъ правъ, какъ народныхъ представителей, подверглись опалѣ, а практически-благоразумные депутаты за низость и подличанье были награждены медалями.

Взглядъ на большую комисію, какъ на собраніе, созванное императрицей для своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей, какъ на комедію, разыгранную Екатериной передъ Европой,—взглядъ, довольно ясно и опредѣленно выраженный въ донесеніяхъ англійскаго дипломата и въ сочиненіи Кастеры,—нашелъ себѣ значительное число приверженцевъ и съ различными варіаціями высказывался въ иностранной печати. Въ русской исторической литературѣ уже были отмѣчены нѣкоторыя изъ произведеній иностранной печати, гдѣ въ томъ или иномъ видѣ, съ тѣми или иными оттѣнками, воспроизводились взгляды и сужденія о екатерининской комисіи, знакомые намъ изъ донесеній Шерлея и сочиненія Кастеры; въ статьѣ Брикнера «Большая комисія» [1]) дѣлается указаніе на трудъ проф. Германа, объяснявшаго созваніе комисіи желаніемъ императрицы пустить пыль въ глаза, выставить на видъ свои заботы о благѣ подданныхъ, сыграть предъ Европой грандіозную комедію; отмѣчается статья Беркгольца, утверждавшаго, что собраніе депутатовъ было закрыто послѣ того, какъ его многосложная дѣятельность начала дѣлаться неловкою и комедія уже наскучила Екатеринѣ; упоминается сочиненіе Бернгарди, видѣвшаго въ тщеславіи императрицы—единственное побужденіе къ созванію комисіи.

Неблагопріятное отношеніе къ большой комисіи, очень долгое время господствовавшее въ исторической литературѣ, было неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока изслѣдователи должны были ограничиваться тѣмъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній, какой сообщался (нерѣдко изъ вторыхъ и невполнѣ надежныхъ рукъ) о важнѣйшемъ

[1]) «Журн. м. н. пр.», 1881 г., ч. CCXVII.

Digitized by Google

событіи екатерининскаго царствованія нѣсколькими иностранцами, или современниками самого событія, или же лицами, пользовавшимися разсказами современниковъ. Подлинные документы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ большой комисіи,—наказы, данные депутатамъ отъ всѣхъ сословій имперіи, дневныя записки большаго собранія комисіи, мнѣнія депутатовъ, читанныя въ большомъ собраніи,—документы, представляющіе собою громадную цѣнность для историковъ и безусловно необходимые для пониманія дѣйствительнаго значеніе екатерининской комисіи, оставались очень долгое время совершенно неизвѣстными. Тайна, почти цѣлое столѣтіе скрывавшая отъ потомства дѣятельность комисіи, вызывая вполнѣ естественное стремленіе къ своему разъясненію, заставляла даже многихъ предполагать, что созванные Екатериной общественные представители обнаружили стремленія, небезопасныя для интересовъ императрицы и для спокойствія государства, что̀ и побудило Екатерину распустить депутатовъ собранія, а слѣды ихъ дѣятельности скрыть отъ общественной любознательности. Правда, еще въ началѣ настоящаго столѣтія [1]) сыномъ предсѣдателя большой комисіи, сенаторомъ Бибиковымъ, были написаны и изданы «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», гдѣ, повидимому, должны были имѣть мѣсто самыя достовѣрныя свѣдѣнія о дѣятельности комисіи, такъ какъ отецъ автора, Ал. Ил. Бибиковъ, въ качествѣ маршала, предсѣдателя комисіи, принималъ самое близкое, непосредственное участіе въ ея дѣятельности. Но и въ «Запискахъ» Бибикова, не смотря на ихъ происхожденіе отъ такого авторитетнаго лица, какимъ является авторъ—сынъ маршала комисіи, имѣвшій возможность получить наиболѣе важныя свѣдѣнія о дѣятельности депутатскаго собранія непосредственно отъ самаго главнаго его члена,—общество и историческая литература не находили достаточнаго количества положительныхъ, достовѣрныхъ данныхъ, необходимыхъ для составленія правильнаго представленія объ екатерининской комисіи. Авторъ «Записокъ», видимо, невполнѣ сочувственно относился къ большой комисіи, къ ея составу и характеру дѣятельности, и смотрѣлъ на нее съ извѣстной точки зрѣнія, довольно распространенной въ то время среди лицъ, не сочувствовавшихъ екатерининскимъ предпріятіямъ; онъ считалъ созваніе комисіи для составленія новаго уложенія предпріятіемъ преждевременнымъ, не имѣвшимъ для себя почвы въ общественномъ самосознаніи, въ чемъ и видѣлъ главную причину безрезультатной дѣятельности собранія, утверждая, что умы бо̀льшей части депутатовъ были совершенно не подготовлены и чрезвычайно далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, какая требовалась для совершенія предстоявшаго имъ важнаго дѣла, и даже сообщалъ, что нѣкоторые изъ депутатовъ собранія обнаружили стремленія, небезопасныя для интересовъ императрицы, и, «увлеченные вольномысліемъ,—какъ выражается Бибиковъ, — ухищрялись предписывать законы верховной власти». Между тѣмъ, «Записки» Бибикова, при полной неизвѣстности подлинныхъ актовъ комисіи, имѣли такое же сильное и несомнѣнное вліяніе на характеръ мнѣній, высказывав-

[1]) Въ 1817 году.

Digitized by Google

шихся въ русской исторической литературѣ по вопросу о смыслѣ и значеніи екатерининскаго собранія депутатовъ, какъ и донесенія англійскаго дипломата г. Шерлея вмѣстѣ съ извѣстнымъ сочиненіемъ Кастеры.

V.

Уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вліяніе подобныхъ источниковъ на представленія о большой комисіи, высказывавшіяся въ исторической литературѣ, могло только обнародованіе документовъ, остававшихся недоступными обществу и ученой любознательности въ теченіе цѣлаго столѣтія. Трудъ Полѣнова, издавшаго «Историческія свѣдѣнія о екатерининской комисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія», предоставилъ въ распоряженіе исторической литературы значительную часть разнообразныхъ матеріаловъ, имѣющихъ прямое, непосредственное отношеніе къ депутатскому собранію, и далъ ей возможность обосновывать свои мнѣнія о комисіи на несомнѣнно-достовѣрныхъ данныхъ, чуждыхъ всякой субъективной окраски, игравшей такую важную роль въ тѣхъ сообщеніяхъ различныхъ современниковъ о большомъ собраніи Екатерины, какими приходилось пользоваться въ прежнее время въ качествѣ единственныхъ источниковъ всѣхъ свѣдѣній о предпріятіи Екатерины. Но, издавая свой цѣнный трудъ, позволявшій исторической литературѣ вырабатывать, на основаніи документальныхъ данныхъ, безпристрастный, научный взглядъ на большую комисію, Полѣновъ, увлеченный вполнѣ понятнымъ желаніемъ доказать несправедливость господствовавшихъ въ литературѣ односторонніхъ и нерѣдко тенденціонныхъ мнѣній о замѣчательномъ предпріятіи Екатерины, самъ высказалъ, какъ намъ кажется, невполнѣ справедливый взглядъ на цѣли и задачи большой комисіи.

Упомянувъ, въ предисловіи къ изданію «Историческихъ свѣдѣній о екатерининской комисіи», о «Запискахъ» Бибикова и сдѣлавъ вполнѣ вѣрное замѣчаніе, что авторъ записокъ несовсѣмъ правильно понималъ цѣль, съ какою Екатерина созывала депутатовъ, Полѣновъ находилъ возможнымъ утверждать, что депутаты «были призваны не столько для того, чтобы сочинить новое уложеніе, сколько для узнанія отъ нихъ нуждъ и недостатковъ страны» [1]). Правда, свой взглядъ на главную цѣль созванія комисіи Полѣновъ обосновываетъ на словахъ самой Екатерины, заявившей въ манифестѣ, что депутаты приглашаются ею, «дабы лучше узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа», или, какъ она выражается въ одной изъ своихъ записокъ, «дабы лучше спознать каждой округи состояніе»; но въ дѣйствительности ссылка Полѣнова на заявленія императрицы доказываетъ менѣе того, что думаетъ доказать ею авторъ; она говоритъ только о томъ, что въ числѣ побужденій, какими руководилась Екатерина при созваніи комисіи, имѣло мѣсто и желаніе императрицы познакомиться, чрезъ посредство выборныхъ депутатовъ, съ нуждами и подробностями

[1]) «Историческія свѣдѣнія о екатерининской комисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія». Т. I, стр. XXIII; «Сборн. р. ист. общ.». Т. IV, стр. XXIX.

Digitized by Google

своего народа, но нисколько не доказываетъ, что подобное знакомство съ состояніемъ общества и государства составляло главную цѣль дѣятельности депутатскаго собранія.

Обращаясь къ манифесту Екатерины отъ 14 декабря 1766 г., мы видимъ, что императрица, высказавши свое желаніе получить отъ депутатовъ необходимыя свѣдѣнія о нуждахъ и потребностяхъ русскаго народа, тотчасъ же считаетъ нужнымъ поставить на видъ и другую—главную, существенную—цѣль созванія выборныхъ представителей общества. «Ихъ, депутатовъ,—читаемъ въ манифестѣ [1]),—мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ комисію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія, для заготовленія проэкта новаго уложенія къ поднесенію намъ для конфирмаціи». Очевидно, что знакомство съ нуждами и недостатками народа находилось въ неразрывной связи съ основною задачей дѣятельности депутатскаго собранія и являлось только необходимымъ условіемъ успѣшнаго достиженія комисіей ея главной цѣли: составленія новаго уложенія, такъ какъ въ томъ же манифестѣ Екатерина заявляла о своемъ «первомъ (т. е. главномъ, основномъ) желаніи—видѣть народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться», чего она думала достигнуть посредствомъ привлеченія выборныхъ представителей общества къ составленію новыхъ, болѣе совершенныхъ законовъ, способныхъ сдѣлать русскихъ людей самымъ счастливымъ и довольнымъ народомъ.

Въ доказательство справедливости высказанной мысли, что большая комисія выполнила свое главное назначеніе и Екатерина достигла той главной цѣли, какая руководила ею при созваніи депутатовъ, Полѣновъ приводитъ сдѣланную императрицей оцѣнку результатовъ дѣятельности большаго собранія: «Комисія уложенія,—писала императрица,—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны» [2]). Но приведенное замѣчаніе Екатерины не даетъ еще права утверждать, что даже сама императрица считала комисію выполнившей свое главное, прямое назначеніе. Екатерина не могла не сознавать, что комисія не осуществила ея «перваго желанія» видѣть русскихъ людей самымъ счастливымъ и довольнымъ народомъ; тяжесть подобнаго сознанія заставляла, однако же, императрицу искать утѣшенія и въ той сравнительно незначительной долѣ пользы, какую принесла дѣятельность депутатскаго собранія. Такъ смотрѣть на слова Екатерины о пользѣ, принесенной комисіей, побуждаетъ насъ и самый разсказъ императрицы, откуда Полѣновъ заимствовалъ отзывъ о результатахъ дѣятельности депутатовъ. Замѣтивъ, что комисія подала свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, Екатерина непосредственно вслѣдъ затѣмъ писала: «она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ комисіи уложенія

[1]) П. С. З., т. XVII, № 12801.

[2]) *Полѣновъ*: «Историч. свѣд. о екат. комисіи», т. I, стр. XXIII.

Digitized by Google

ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго; стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по оной поступать» [1]). Очевидно, что, по мнѣнію самой Екатерины, комисія должна была сдѣлать болѣе того, что она сдѣлала въ дѣйствительности, и не могла вполнѣ выполнить своего главнаго назначенія по чисто внѣшнимъ, случайнымъ и независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ.

Мы позволили себѣ довольно подробно разобрать незначительную, повидимому, неточность въ представленномъ Полѣновымъ опредѣленіи цѣлей и задачъ большой комисіи, такъ какъ сдѣланное имъ въ подобномъ опредѣленіи неправильное перенесеніе центра тяжести съ составленія новаго уложенія на полученіе свѣдѣній о нуждахъ и недостаткахъ страны имѣетъ, безъ сомнѣнія, очень важное значеніе при оцѣнкѣ самаго предпріятія Екатерины. Признать ознакомленіе правительства съ нуждами и потребностями населенія главною цѣлью дѣятельности комисіи—значитъ отнять всякій смыслъ и значеніе у отрицательныхъ взглядовъ, часто высказывавшихся въ исторической литературѣ и обосновавшихся въ прежнее время на неудачной дѣятельности комисіи, такъ какъ, съ точки зрѣнія, высказанной Полѣновымъ, депутаты собранія выполнили свое главное, прямое назначеніе и ознакомили Екатерину съ нуждами и потребностьями населенія. Но, несправедливо возводя на степень главной задачи комисіи полученіе свѣдѣній о состояніи общества и государства, Полѣновъ вполнѣ основательно отмѣтилъ односторонность и невѣрное пониманіе цѣли созванія комисіи, господствовавшія до него въ значительной части исторической литературы, не имѣвшей возможности обосновывать свои взгляды и сужденія на достаточномъ количествѣ несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что еще ранѣе изданія Полѣновымъ «Историческихъ свѣдѣній о екатерининской комисіи», Соловьевъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи XVIII столѣтія» [2]), высказалъ уже мысль о несправедливости общераспространенныхъ въ то время мнѣній относительно важнѣйшаго предпріятія Екатерины. «Обыкновенно говорятъ,—писалъ Соловьевъ,—что екатерининская комисія... кончилась ничѣмъ; но мы приведемъ мнѣніе о ней самой Екатерины». Далѣе авторъ цитируетъ знакомый уже намъ отзывъ императрицы о комисіи, «подавшей ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи». Правда, Соловьевъ ограничивается только приведеніемъ мнѣнія императрицы и самъ лично воздерживается отъ всякихъ коментаріевъ, но тѣмъ не менѣе его собственный взглядъ на цѣли и задачи комисіи и на выполненіе ею своего назначенія не можетъ возбуждать никакихъ недоумѣній, такъ какъ онъ, видимо, вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія Екатерины, считая цѣлью созванія комисіи не только составленіе новаго уложенія, но и собраніе данныхъ о положеніи страны и полученіе свѣдѣній о нуждахъ и потребностяхъ населенія. Высказанное Соловьевымъ мнѣніе о цѣляхъ и результатахъ дѣятельности созваннаго Екатериной депу-

[1]) «Рус. Архивъ» 1865 г., 480 стр.

[2]) «Русск. Вѣст.» 1861 г., X кн.

Digitized by Google

татскаго собранія не могло остаться безъ всякаго вліянія на характеръ отзывовъ о комисіи, высказывавшихся въ исторической литературѣ, такъ какъ отрицательное отношеніе къ предпріятію Екатерины основывалось главнымъ образомъ на признаніи его безполезности, безрезультатности, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оказывалось, что комисія принесла несомнѣнную долю пользы и вполнѣ удовлетворительно выполнила одну изъ тѣхъ задачъ, какими руководилась императрица при созваніи депутатскаго собранія. Предпринятое же Полѣновымъ изданіе «Историческихъ свѣдѣній о екатерининской комисіи», предоставивъ въ распоряженіе исторической литературы громадную массу подлинныхъ документовъ, совершенно неизвѣстныхъ въ прежнее время и безусловно необходимыхъ для правильной оцѣнки значенія комисіи, повело за собою рѣшительную перемѣну во взглядахъ на депутатское собраніе, хотя и не могло еще сдѣлать совершенно невозможнымъ невполнѣ благопріятное отношеніе къ дѣлу Екатерины.

Господствовавшія въ прежнее время, и въ обществѣ, и въ литературѣ, одностороннія, невѣрныя представленія о комисіи, какъ о предпріятіи преждевременномъ, не соотвѣтствовавшемъ политическому развитію страны, или же какъ о комедіи, разыгрывавшейся предъ Европой изъ-за честолюбивыхъ, эгоистичныхъ цѣлей Екатерины, смѣняются уже въ исторической литературѣ новыми, болѣе безпристрастными взглядами, основанными на несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ. Изданные Полѣновымъ матеріалы, представляя въ новомъ освѣщеніи отношенія императрицы въ большой комисіи и ея дѣятельности, побуждали уже большинство писателей, интересовавшихся екатерининской эпохой, отрѣшиться отъ старыхъ взглядовъ на комисію и прійти къ заключенію, что созывъ депутатовъ не былъ минутнымъ капризомъ неограниченной воли честолюбивой императрицы, а представлялъ собою серьезное, продуманное и замѣчательное предпріятіе, вызванное настоятельною необходимостью составить новое уложеніе и получить отъ выборныхъ представителей Россіи вѣрныя и надежныя свѣдѣнія о нуждахъ и потребностяхъ населенія. «Ни сочиненіе наказа, ни созывъ депутатовъ,—писалъ напримѣръ П. Б. Бланкъ въ своей статьѣ «Екатерининская комисія» [1]), основанной на изданныхъ Полѣновымъ документахъ,—не были минутнымъ капризомъ неограниченной воли», такъ какъ, по словамъ автора, ревностное участіе Екатерины въ трудахъ комисіи, постоянная заботливость о предоставленіи свободы въ сужденіяхъ, неудовольствіе за расточаемыя ей похвалы достаточно ясно показываютъ, какъ серьезно смотрѣла императрица на предпринятое ею дѣло. И, дѣйствительно, обнародованные «Русскимъ историческимъ обществомъ» документы, имѣющіе отношеніе къ екатерининской комисіи, позволяютъ видѣть, что императрица придавала большое значеніе дѣятельности депутатскаго собранія, живо интересовалась всѣмъ, происходившимъ въ комисіи, и постоянно стремилась оказывать извѣстное вліяніе на занятія депутатовъ. Екатерина требовала точнаго веденія «дневныхъ записокъ», или журналовъ собранія, приказывала каждый день производить

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1876 г., т. 121, стр. 135.

Digitized by Google

обязательныя описанія всего, что совершалось въ засѣданіяхъ комисіи, отмѣчать, кто съ кѣмъ велъ пренія по извѣстному вопросу, кто перемѣнилъ свое мнѣніе и какое состоялось рѣшеніе по тому или иному предмету; она же высказывала маршалу комисіи различныя замѣчанія по поводу дѣятельности депутатовъ; нерѣдко сама лично, но незамѣтно для депутатовъ, присутствовала на засѣданіяхъ собранія, и издавала новыя дополнительныя правила о постановкѣ вопросовъ, о способѣ веденія преній и методѣ сведенія всѣхъ разсужденій къ одному опредѣленному рѣшенію.

Доказывая полнѣйшую несостоятельность взглядовъ на екатерининскую комисію, какъ на совершенно случайное явленіе, вызванное минутнымъ капризомъ неограниченной воли, авторъ, благодаря обнародованнымъ документамъ, получаетъ возможность съ неменьшимъ правомъ отмѣтить односторонность и другаго воззрѣнія на комисію, какъ на результатъ одного честолюбія императрицы. Екатерина настолько серьезно относилась къ дѣлу, для выполненія котораго были созваны депутаты, и отдавала ему настолько замѣтное предпочтеніе предъ соображеніями личнаго характера, что два засѣданія комисіи, посвященныя, вмѣсто порученныхъ ей занятій, восхваленіямъ императрицы и обсужденію вопроса о поднесеніи титуловъ автору наказа, вызвали съ ея стороны неподдѣльное неудовольствіе. «Я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ,—писала Екатерина маршалу комисіи,—а они дѣлаютъ *анатомію моимъ качествамъ*», и рѣшительно отказалась отъ принятія титуловъ: «Великая» и «Премудрая», наиболѣе льстившихъ ея честолюбію.

VI.

Полнѣйшая несостоятельность односторонникъ взглядовъ на большую комисію, какъ на предпріятіе совершенно безполезное и безрезультатное, съ обнародованіемъ подлинныхъ документовъ депутатскаго собранія, сдѣлалась настолько очевидной, что даже лица, находившія извѣстную долю правды въ разнообразныхъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на комисію, признали ее однимъ изъ наиболѣе блестящихъ явленій екатерининскаго царствованія. Авторъ статьи: «Общественные идеалы въ екатерининскую эпоху», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» [1]), замѣчая, что современники комисіи относились къ ней весьма различно, или преувеличивая ея значеніе и привѣтствуя въ ней зарю политической свободы, или же находя, что Россія еще не подготовлена къ представительству, и не одобряя предпріятія императрицы, или же, наконецъ, посмѣиваясь надъ представительнымъ собраніемъ, какъ надъ оригинальнымъ парламентомъ, ходившимъ на цыпочкахъ передъ Екатериной, — признаётъ возможнымъ допустить извѣстную долю правды во всѣхъ приведенныхъ мнѣніяхъ о комисіи, а слѣдовательно и въ двухъ послѣднихъ, не смотря на ихъ отрицательный характеръ и неблагопріятное отношеніе къ предпріятію Екатерины. Между тѣмъ, авторъ той же статьи рѣшительно заявляетъ, что «од-

[1]) 1876 г., Т. I.

Digitized by Google

нимъ изъ наиболѣе блестящихъ явленій первой половины екатерининскаго царствованія безспорно слѣдуетъ признать комисію для сочиненія проэкта новаго уложенія».

Неудачный исходъ екатерининской комисіи, не выполнившей своего главнаго назначенія, обусловливалъ собою существованіе въ извѣстной части исторической литературы невѣрныхъ представленій о дѣйствительныхъ причинахъ безрезультатной дѣятельности депутатскаго собранія; невѣрныя же объясненія неудачнаго исхода комисіи набрасывали незаслуженную тѣнь подозрѣнія, какъ на Екатерину, такъ и на самую комисію, и вели за собою несправедливыя обвиненія императрицы и собранія. Напечатанные «Русскимъ историческимъ обществомъ» акты комисіи—напечатанные по иниціативѣ его августѣйшаго предсѣдателя, покойнаго государя Александра III-го [1])—уже доставили возможность исторической литературѣ выработать болѣе правдоподобное объясненіе по данному вопросу и освободить Екатерину и депутатовъ собранія отъ напрасныхъ упрековъ и подозрѣній.

Истинныя причины неудачнаго исхода екатерининской комисіи,—писалъ В. И. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комисіи?—не были правильно поняты и истолкованы въ свое время [2]). Указанія же на «ухищренія» нѣкоторыхъ вольнодумныхъ депутатовъ предписывать законы верховной власти, какъ на причину, побудившую Екатерину закрыть комисію и отнявшую у послѣдней возможность выполнить свое главное назначеніе, справедливо признаются имъ совершенно неосновательными. Свое мнѣніе авторъ основываетъ на томъ, что дневныя записки большаго собранія, содержащія полную лѣтопись его занятій, не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на существованіе подобныхъ «ухищреній» со стороны депутатовъ комисіи; не довѣрять же дневнымъ запискамъ и думать, что въ нихъ намѣренно не внесены мнѣнія и требованія «вольнодумныхъ» депутатовъ, не позволяютъ слишкомъ вѣскія соображенія. Записки писались не для печати, а для поднесенія самой императрицѣ,—скрыть же отъ императрицы что либо изъ происходившаго въ комисіи не было никакой возможности, такъ какъ въ числѣ депутатовъ находилось немало людей, лично преданныхъ Екатеринѣ, да и потайная ложа, устроенная въ залѣ засѣданій собранія для невидимаго присутствованія императрицы, нерѣдко посѣщалась Екатериной. Доказывая полную несостоятельность распространенныхъ въ свое время взглядовъ на мнимыя причины преждевременнаго закрытія комисіи, обнародованные «Русскимъ историческимъ обществомъ» матеріалы позволяютъ даже автору замѣтить, что исторія едва ли представляетъ еще другой такой же примѣръ собранія представителей народа, болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и предержащимъ властямъ, такъ какъ, по его словамъ, «екатерининская комисія ни единымъ заявленіемъ, хотя бы одного своего члена, не погрѣшила противъ поученія апостола:—«нѣсть бо власти, аще не отъ Бога».

[1]) См. «Наблюдатель» 1895 г. № 1, ст. С. С. Трубачева: «Чѣмъ обязана имп. Александру III-му русская историч. наука»?

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1878 г., т. I.

Digitized by Google

Тѣ же подлинные документы комисіи побуждаютъ г. Сергѣевича отнестись отрицательно и къ другому объясненію главной причины, побудившей Екатерину къ уничтоженію начатаго ею же самой великаго дѣла; они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что указаніе на вольнодумство нѣкоторыхъ депутатовъ, предлагавшихъ уничтоженіе рабства, какъ на причину распущенія комисіи, настолько же далеко отъ истины, насколько несправедливы предположенія объ «ухищреніяхъ» нѣкоторыхъ членовъ комисіи предписывать законы верховной власти. Подлинные документы убѣждаютъ, что нѣкоторые члены комисіи предлагали не уничтоженіе рабства, а только извѣстное ограниченіе помѣщичьей власти и помѣщичьяго произвола, и что депутаты, выступавшіе въ собраніи съ подобными предложеніями, ни въ какомъ случаѣ не могли напугать императрицу своимъ вольнодумствомъ, такъ какъ наказъ Екатерины въ первоначальной редакціи заключалъ въ себѣ даже болѣе смѣлыя мысли, чѣмъ тѣ, какія высказывали либеральные депутаты.

Снимая съ Екатерины и комисіи незаслуженно наброшенную на нихъ тѣнь подозрѣнія и освобождая ихъ отъ напрасныхъ обвиненій, г. Сергѣевичъ, на основаніи тѣхъ же обнародованныхъ документовъ, приходитъ къ заключенію, что депутатское собраніе не было закрыто императрицей, а было только временно отсрочено, подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, и затѣмъ... забыто. Великая мысль Екатерины призвать къ участію въ законодательствѣ представителей всѣхъ сословій и, такимъ образомъ, доставить возможность самимъ подданнымъ выработать новое уложеніе, удовлетворяющее интересамъ всего населенія обширной имперіи, разбилась, по словамъ автора, встрѣтившись съ полнымъ неумѣніемъ дать ей практическое осуществленіе. Увидѣвъ, что въ теченіе цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ комисія не сдѣлала ни одного постановленія по существу законодательныхъ вопросовъ,—не смотря на всѣ усилія помочь ей со стороны императорской власти,—Екатерина потеряла, наконецъ, всякую вѣру въ комисію и, отсрочивши ея засѣданія по случаю турецкой войны, уже болѣе не возобновляла ихъ.

Предоставляя въ распоряженіе автора вполнѣ достаточный матеріалъ для освобожденія Екатерины и депутатовъ отъ незаслуженныхъ упрековъ и обвиненій, акты депутатскаго собранія заставляютъ, однако же, г. Сергѣевича признать, что лѣтопись ежедневныхъ занятій комисіи производитъ на читателя довольно грустное впечатлѣніе. Но грустное впечатлѣніе, по мнѣнію автора [1]), остается въ душѣ читателя совсѣмъ не потому, чтобы ему приходилось краснѣть за мнѣнія представителей русской земли. Напротивъ, рѣчи, произносившіяся въ собраніи различными депутатами, навсегда останутся памятникомъ твердаго чувства законности и глубокаго политическаго смысла, обнаруженнаго ими при обсужденіи многихъ вопросовъ крайне деликатнаго свойства. Грустное впечатлѣніе производитъ не голосъ русскаго народа, въ лицѣ его представителей—членовъ комисіи, а полное неумѣніе руководящихъ лицъ воспользоваться народнымъ голосомъ и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ, которыя могли бы, по мнѣнію г. Сергѣевича, составить

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г., т. I, 243 и 260 стр.

Digitized by Google

лучшую славу екатерининскаго царствованія. Ставя выше всякаго сомнѣнія геніальныя способности Екатерины и не признавая за собою никакого права заподозривать ея добрую волю, г. Сергѣевичъ объясняетъ неудачный исходъ комисіи личными качествами руководителя собранія, необыкновенною трудностью возложенной на нее задачи и нѣкоторыми недостатками самаго наказа. Но неудачный исходъ екатерининской комисіи не отнимаетъ у автора возможности признавать извѣстную долю пользы за ея дѣятельностью, такъ какъ труды комисіи,—заключаетъ онъ свою статью,—«позволяютъ намъ взглянуть на положеніи Россіи XVIII вѣка при блескѣ того свѣта, которымъ на минуту освѣтила всѣ закоулки нашего обширнаго отечества геніальная мысль великой государыни».

Выдвигая на первый планъ полное неумѣніе руководящихъ лицъ воспользоваться народнымъ голосомъ и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ, какъ главную, основную причину, обусловливавшую собою неудачный исходъ екатерининской комисіи, В. И. Сергѣевичъ легко могъ вызвать довольно естественное недоумѣніе: какимъ образомъ Екатерина, эта умная, образованная женщина, умѣвшая узнавать людей и выбирать ихъ, поручила невѣжественному человѣку, — не только не располагавшему необходимыми знаніями, но и не сочувствовавшему предпріятію императрицы,— свое любимое дѣло, которое сама же она называла великимъ? Изъ статьи г. Сергѣевича,—писалъ Дитятинъ въ своемъ очеркѣ: «Екатерининская комисія 1767 года о сочиненіи проэкта новаго уложенія»,—нельзя не видѣть, что такой человѣкъ, какъ Бибиковъ, такой бурбонъ, отличавшійся лишь благонамѣренностью и исполнительностью, не могъ не погубить великаго дѣла Екатерины, что̀ неизбѣжно вызываетъ недоумѣнный вопросъ: какъ императрица рѣшилась отдать свое «любимое дѣтище» въ руки непросвѣщеннаго, бездарнаго человѣка, неспособнаго даже понять ея великихъ плановъ и цѣлей? Такое явленіе, по его мнѣнію [1]) было бы понятнымъ лишь въ томъ предположеніи, что Екатерина, дѣйствительно, для кого-то разыгрывала комедію съ своею комисіей. Проявивъ свои просвѣщенныя и высоко-либеральныя стремленія изданіемъ наказа и созваніемъ комисіи, императрица, какъ будто намѣренно, отдала депутатское собраніе въ руки какого-то исполнительнаго бурбона, спокойно ожидая желательной смерти созданнаго ею учрежденія. Между тѣмъ, подобныя предположенія не имѣютъ за себя никакихъ положительныхъ данныхъ, да и г. Сергѣевичъ считаетъ искренность намѣреній Екатерины внѣ всякихъ сомнѣній. Высказанныя соображенія и не позволили г. Дитятину считать главною причиною безрезультатной дѣятельности комисіи неспособность ея руководителей; обвинять руководящихъ лицъ въ неудачахъ комисіи, по его словамъ, можно только отчасти, коренныя же причины слѣдуетъ искать не здѣсь, а въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ состояніи русскаго общества того времени.

VII.

Какъ ни очевиденъ былъ, повидимому, неудачный исходъ законодательныхъ работъ екатерининской комисіи, однако же, было

[1]) «Юридич. Вѣстн.» 1879 г., I т., 663 стр.

Digitized by Google

бы далеко несправедливо ограничивать все ея значеніе однимъ «сообщеніемъ свѣдѣній» о состояніи Россіи, о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ слоевъ населенія, о положеніи центральныхъ областей и самыхъ отдаленныхъ закоулковъ нашего обширнаго отечества. Историческая литература, въ лицѣ ея лучшихъ и наиболѣе видныхъ представителей, не только признаетъ справедливымъ отзывъ Екатерины о значеніи дѣятельности комисіи, но и находитъ возможнымъ придавать ей даже нѣсколько болѣе важное значеніе.

Работы комисіи хотя и не принесли никакихъ положительныхъ, непосредственныхъ результатовъ въ законодательномъ отношеніи, но посредственно оказали несомнѣнное вліяніе на русское законодательство послѣдующаго времени. А. Д. Градовскій, въ своемъ трудѣ: «Начала русскаго государственнаго права» [1]), не безъ основанія замѣтилъ, что, благодаря «Русскому историческому обществу», напечатавшему массу свѣдѣній, относящихся къ екатерининскому депутатскому собранію, можно считать несомнѣннымъ вліяніе комисіи на послѣдующее законодательство русскаго государства. По его словамъ, многое изъ того, что было высказано въ отдѣльныхъ наказахъ и въ предположеніяхъ комисіи, вошло не только въ законодательные акты XVII вѣка, но и въ нынѣ дѣйствующіе законы. Комисія внесла въ наши законы новые элементы, почерпнутые изъ народнаго источника и въ значительной степени освѣжившіе русское законодательство; изданное же Екатериной знаменитое учрежденіе о губерніяхъ находилось въ несомнѣнной связи съ работами комисіи и было до извѣстной степени подготовлено ими.

Тотъ же взглядъ на значеніе дѣятельности екатерининской комисіи высказываетъ и г. Брикнеръ, замѣчающій въ своей статьѣ «Большая комисія» [2]), что несправедливо считать предпріятіе Екатерины совершенно безполезнымъ даже и въ законодательномъ отношеніи, такъ какъ матеріалы, собранные комисіей въ 1767 и 1768 годахъ, и группировка матеріаловъ, произведенная въ частныхъ подкомисіяхъ, оказались далеко не безполезными и послужили немаловажнымъ пособіемъ для законодательной дѣятельности послѣдующаго времени.

Г. Владимірскій-Будановъ въ своемъ «Обзорѣ исторіи русскаго права» [3]) видитъ дѣйствительное значеніе дѣятельности комисіи въ выраженіи народныхъ мнѣній по различнымъ отраслямъ законодательства; признавая, что въ наказахъ, полученныхъ выборными, и въ рѣчахъ депутатовъ, гдѣ высказывались народныя воззрѣнія по различнымъ отраслямъ законодательства, встрѣчаются и масса неправильныхъ мнѣній, и несомнѣнные слѣды узко-сословныхъ, партіонныхъ стремленій, авторъ отмѣчаетъ, однако же, въ рѣчахъ и наказахъ депутатовъ комисіи и присутствіе многихъ въ высшей степени благородныхъ и цѣнныхъ заявленій, не оставшихся безъ вліянія на русское законодательство послѣдующаго времени. О неудачахъ же екатерининской комисіи, о невыполненіи ею своего

[1]) Т. I, стр. 42—43.

[2]) «Журн. мин. нар. пр.», 1881 г., часть 218.

[3]) Изд. 2-е, 230—231 стр.

Digitized by Google

прямаго и главнаго назначенія, по мнѣнію автора, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ нельзя назвать неудачею неисполненіе того, что не могло быть исполнено. Комисія, по словамъ г. Владимірскаго-Буданова, была призвана къ исполненію невозможнаго дѣла: она была привлечена къ сочиненію новаго кодекса законовъ, что, при громадномъ количествѣ членовъ комисіи, при массѣ накопившихся законодательныхъ матеріаловъ, разрозненныхъ и не приведенныхъ въ извѣстность, при непримиримости основныхъ началъ стараго московскаго права и новаго законодательства XVIII в., и при необходимости слѣдовать идеямъ наказа, часто стоявшимъ въ прямомъ противорѣчіи съ основными принципами дѣйствовавшаго права и съ требованіями частныхъ депутатскихъ наказовъ,—признается авторомъ дѣломъ совершенно неисполнимымъ.

Тѣ же взгляды, тѣ же мысли о характерѣ работъ екатерининской комисіи и значеніи ея дѣятельности, — мысли, сдѣлавшіяся уже общими въ исторической литературѣ,—мы встрѣчаемъ и у г. Ключевскаго [1]). Многочисленный и крайне разнообразный составъ комисіи, необходимость составить проектъ новаго уложенія согласно съ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообразуясь съ началами, изложенными въ наказѣ, и примѣняясь къ нуждамъ и потребностямъ населенія; отсутствіе всякой предварительной разработки безпорядочной массы русскихъ законовъ, изданныхъ безъ одной общей мысли и часто противорѣчащихъ другъ другу, рѣзкое различіе нуждъ и потребностей отдѣльныхъ классовъ населенія,—различіе, нерѣдко доходившее до непримиримой противоположности,—все это, по мнѣнію г. Ключевскаго, дѣлало совершенно неосуществимой трудную и сложную задачу комисіи. Но, не выполнивъ своего главнаго назначенія, комисія принесла однако же и несомнѣнную долю пользы; депутатскіе наказы и пренія, происходившія въ собраніи, обнаружили нужды и стремленія различныхъ классовъ населенія и оказали извѣстное вліяніе на русское законодательство послѣдующаго времени. Появившіяся въ скоромъ времени губернскія учрежденія были выработаны при помощи матеріала, подготовленнаго и разобраннаго комисіей, а обнародованная въ 1785 году жалованная грамота дворянству, по словамъ автора, является ничѣмъ инымъ, какъ легко передѣланнымъ проектомъ «правъ благородныхъ», составленнымъ одною изъ частныхъ комисій 1767 года.

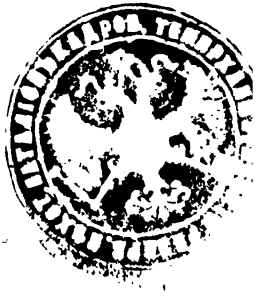
Мы познакомились, въ краткихъ и общихъ чертахъ, со всею массой разнообразныхъ взглядовъ и мнѣній, высказывавшихся въ исторической литературѣ о комисіи Екатерины II, и видѣли, что въ ней успѣли уже выработаться опредѣленныя и общепризнанныя представленія о характерѣ и значеніи дѣятельности депутатскаго собранія. Признаваемое лучшими и наиболѣе видными представителями исторической литературы, несомнѣнное вліяніе работъ екатерининской комисіи, руководившейся идеями наказа, на законодательство послѣдующаго времени естественно вызываетъ небезъин-

[1]) Литографированныя лекціи. Изд. 1888 г. Ч. II, стр. 202—203.

Digitized by Google

тересный вопросъ: какія отношенія существовали въ дѣйствительности между практическою правительственною дѣятельностью Екатерины и либеральными идеями ея наказа? Но детальная параллель между правительственною дѣятельностью Екатерины и идеями ея наказа,—параллель, способная дать положительный отвѣтъ на подобный вопросъ, будетъ уже представлена въ особомъ, самостоятельномъ очеркѣ.

Ѳ. Благовидовъ.



Digitized by Google

ГЕРМАНІЯ ВЪ РОССІИ.

IV.

Еще болѣе благопріятныя условія нашли себѣ нѣмцы въ привислянскомъ краѣ; здѣсь, кромѣ радушнаго пріема со стороны польскихъ помѣщиковъ, обилія земель, продававшихся по дешевымъ цѣнамъ, и многихъ законодательныхъ льготъ и преимуществъ, до даровой раздачи казенныхъ земель, лѣса и денежныхъ субсидій изъ казны включительно, — они нашли цѣлые уголки Германіи, образовавшіеся еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по присоединеніи края къ Россіи, и уже игравшіе, къ шестидесятымъ годамъ, весьма замѣтную роль во всей жизнедѣятельности привислянскаго края.

Еще 19 февраля 1816 года былъ изданъ указъ о предоставленіи льготъ иностраннымъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ, поселяющимся въ только что присоединенномъ тогда къ Россіи царствѣ польскомъ; всѣ они были освобождены отъ платежа повинностей и оброковъ въ пользу казны, отъ воинской повинности и уплаты таможенныхъ пошлинъ. Это былъ первый шагъ къ заселенію иностранцами нашей привислянской окраины, — заселенію, давшему нынѣ такіе печальные плоды. За нимъ вскорѣ послѣдовали и другіе; такъ, 6 сентября 1820 года, появился новый указъ о еще бо̀льшихъ льготахъ для иностранцевъ; послѣднимъ, согласно этому указу, отводились на льготныхъ условіяхъ въ городахъ царства польскаго участки для поселенія и устройства фабрикъ; казенныя же земли раздавались для этой цѣли въ вѣчное владѣніе; казенныя мельницы обращались въ сукновальни; для деревянныхъ построекъ даромъ раздавался лѣсъ; для облегченія же возможности каменныхъ построекъ были устроены казенные кирпичные заводы, изъ которыхъ кирпичъ отпускался пришельцамъ за самую ничтожную цѣну. Указъ этотъ оканчивается завѣреніемъ, что, «по мѣрѣ встрѣтившейся надобности, будутъ выдаваться денежныя пособія», которыя выдавались, дѣйствительно, многимъ пришельцамъ и весьма продолжи-

Digitized by Google

тельное время. Чрезъ три года послѣ предоставленія такихъ необычайныхъ льготъ иностранцамъ и такой непонятной заботливости объ устройствѣ ихъ въ краѣ,—21 ноября 1823 года, появилось новое распоряженіе намѣстника царства польскаго: «объ отклоненіи препятствій къ водворенію въ городахъ иностранныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ», причемъ имъ были предоставлены новыя льготы, которыми уже настежь раскрылись ворота въ царство польское.

Нѣмцы, конечно, не замедлили воспользоваться нашимъ «гостепріимствомъ» и привислянскій край сталъ быстро заселяться выходцами изъ Пруссіи, которые даже во время принадлежности ей этого края (1796—1807 гг.) не пользовались здѣсь столь широкими льготами и обильными пособіями. По словамъ профессора Янжула,—одного изъ членовъ комисіи, изслѣдовавшей въ 1886 году, по высочайшему повелѣнію, на мѣстѣ вопросъ объ иностранной промышленности Привислянья (см. его «Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ царствѣ польскомъ»),—«нѣмцы фабриканты и ремесленники, желавшіе перенести свой трудъ и искусство въ предѣлы царства польскаго, *получали деньги* для своего переселенія; въ томъ пунктѣ, гдѣ желали поселиться, выбирали себѣ *безплатно* кусокъ городской земли, получали *безплатно* для постройки лѣсъ и по весьма дешевой цѣнѣ кирпичъ; были *навсегда избавлены отъ военной службы* и на болѣе или менѣе значительное время *отъ воинскаго постоя и отъ всякихъ налоговъ и сборовъ*; нѣкоторые получали вдобавокъ и деньги на обзаведеніе».

Привлекаемые всѣми этими неслыханными льготами и широко пользуясь ими, нѣмцы быстро стали захватывать въ свои руки привислянскій пограничный районъ и въ короткій сравнительно промежутокъ времени, въ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, создали здѣсь такіе значительные центры нѣмецкой промышленности, какъ Лодзь, а также Згержъ, Побіанце, Здуньска Воля, Томашевъ, Озорковъ и т. д. [1]). Вдобавокъ ко всѣмъ льготамъ, учрежденный въ 1828 году польскій

[1]) Еще въ 1820 году Лодзь была незначительнымъ мѣстечкомъ съ нѣсколькими десятками домовъ и нѣсколькими стами жителей. Какъ близкій къ границѣ городъ, а, быть можетъ, и вслѣдствіе другихъ какихъ нибудь причинъ, оно очень понравилось нѣмцамъ, которые послѣ предоставленныхъ имъ льготъ хлынули въ него массами. Въ 1827 году, въ Лодзи было уже 3 тысячи жителей, въ 1833 году—6 тысячъ, въ 1837 году—10 тысячъ, въ 1840 году—20 тысячъ жителей, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ производство цѣнностью до милліона рублей. Въ 1860 году Лодзь имѣла 32 тысячи жителей; цѣнность производства ея равнялась 2,5 милліонамъ рублей; въ 1878 году въ Лодзи было уже 100 тысячъ жителей, а цѣнность производства ея достигла 25 милліоновъ рублей. Въ настоящее время, въ Лодзи 230 тысячъ жителей; она раскинулась на простран-

Digitized by Google

банкъ открылъ имъ широкій и дешевый кредитъ, который еще болѣе облегчалъ трудъ первоначальной установки дѣла,—и къ шестидесятымъ годамъ привислянскій край покрылся цѣлымъ лѣсомъ нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ [1]).

Съ этого времени, нѣмецкое нашествіе на привислянскую окраину стало еще болѣе усиливаться, а промышленность нѣмецкая, все ближе и ближе придвигаясь къ прусской границѣ, скоро захватила весь пограничный районъ и тамъ, по словамъ другаго изслѣдователя этого вопроса, В. Д. Бѣлова, «пользуясь благопріятными для нея обстоятельствами, развивается уже не на легальной почвѣ привилегій, а *путемъ самаго дерзкаго захвата, съ цѣлью подчиненія страны нѣмецкому господству*». До чего широкіе размѣры приняло въ послѣднее десятилѣтіе это мирное завоеваніе привислянской окраины, достаточно указываетъ слѣдующее свидѣтельство того же изслѣдователя, который говоритъ: «на самой прусской границѣ огромныя земельныя пространства, всѣ лучшія каменноугольныя копи, въ короткое время, очутились въ рукахъ, главнымъ образомъ, прусаковъ, затратившихъ на это пріобрѣтеніе относительно ничтожныя средства; буквально въ теченіе всего только нѣсколькихъ лѣтъ близъ границы возникъ цѣлый городъ, Сосновицы, со множествомъ разнаго рода фабрикъ и заводовъ; всѣ эти фабрики опираются, какъ на крѣпкую стѣну, на прусскую промышленность; съ самаго дня своего появленія на свѣтъ *онѣ оказались органически съ нею связанными*. Нѣкоторые же силезскіе заводы, именно: Königs-Hüthe, Laura-Hüthe, и Friedens-Hüthe, *безъ всякаго стѣсненія, выставили на русской территоріи свои аванпосты* въ лицѣ заводовъ: «Екатерина», «Миллевицы» и «Пушкинъ». Мы не успѣли оглянуться, какъ страна оказалась завоеванною чисто-нѣмецкой промышленностью. Промышленная политика Россіи оказалась всецѣло на сторонѣ Пруссіи» [2]).

ствѣ 19 квадратныхъ верстъ, имѣетъ до 900 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ работаютъ свыше 25 тысячъ рабочихъ, а сумма производства ея превышаетъ 50 милліоновъ рублей. Въ настоящее время, Лодзь является уже серьезнымъ конкуррентомъ даже для такого крупнѣйшаго русскаго промышленнаго центра, какъ Москва; лодзинскія издѣлія уже совершенно вытѣснили московскія съ рынковъ всего привислянскаго и западнаго краевъ, вытѣсняютъ на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ закаспійскомъ краѣ, Туркестанѣ и грозятъ въ недалекомъ будущемъ заполонить рынки всей Россіи.

[1]) Всего, въ настоящее время, въ привислянскомъ краѣ существуетъ до 1,500 фабрикъ и заводовъ; изъ нихъ 1,100 въ Лодзи и лодзинскомъ уѣздѣ. Производительность всѣхъ ихъ достигаетъ 70 милліоновъ рублей, а число рабочихъ,—въ огромномъ большинствѣ нѣмцевъ,—50 тысячъ человѣкъ.

[2]) См. его «Лодзь и Сосновицы», докладъ въ «Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» (8 декабря 1892 года), стр. 8.

Digitized by Google

Невольно навязывается вопросъ: какъ могло все это случиться, какъ это мы не доглядѣли того, что творилось у насъ на глазахъ? Едва ли ошибочно будетъ сказать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать въ направленіи, не только промышленной, но и вообще всей нашей политики относительно Германіи въ шестидесятыхъ и особенно семидесятыхъ годахъ. Нѣмцы прекрасно понимали, что политика эта на ихъ сторонѣ и что они чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ всегда найдутъ у насъ поддержку. Только этой увѣренностью и можно объяснить ту смѣлость, даже болѣе—ту дерзость, съ помощью которой нѣмцы моментально пользовались обстоятельствами, извлекая изъ нихъ всю пользу, какую только можно было извлечь.

Нигдѣ нѣмцы не дѣйствовали съ такою смѣлостью, нигдѣ такъ рѣшительно и открыто не проявляли они своихъ завоевательныхъ стремленій и нигдѣ успѣхи ихъ мирнаго завоеванія не вѣнчались столь чудовищными результатами, какъ на привислянской нашей окраинѣ. Сначала, съ 1815 года, имъ благопріятствовали въ этомъ безчисленныя льготы и привилегіи, при помощи которыхъ они легко утверждали свой нѣмецкій Vaterland въ сердцѣ царства польскаго. Нынѣ этихъ льготъ и привилегій уже не существуетъ, но, находя себѣ твердую опору въ этомъ Vaterland'ѣ, нѣмецкія завоеванія на привислянской окраинѣ идутъ crescendo, устремившись теперь главнымъ образомъ на пограничный районъ ея. «Нѣмцы идутъ сомкнутымъ строемъ, локоть къ локтю,—говоритъ С. Ѳ. Шараповъ, также изучавшій спеціально, по порученію московскаго отдѣленія «Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», вопросъ о нѣмецкихъ захватахъ въ Привисляньѣ.—Ихъ передовая дружина уже засѣла и укрѣпилась въ Лодзи и Варшавѣ, отдѣльные аванпосты разставлены по всей линіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги, а главныя силы уже перешли сюда, на нашу землю, и заняли плотно цѣлыхъ полтораста квадратныхъ верстъ у самой границы; почти пятьдесятъ тысячъ нѣмцевъ [1]) сидятъ прочно въ этомъ углу, опираясь на высокую нѣмецкую стѣну, возведенную мудро и предусмотрительно по самой серединѣ старыхъ польскихъ земель. Здѣсь на всемъ пространствѣ, застроенномъ нѣмецкими фабриками, польскаго и русскаго языка уже не слышно. Сама русская власть объ-

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ собственно о пограничномъ сѣдлецко-сосновицкомъ округѣ, только въ самое послѣднее время подвергшемся нѣмецкому нашествію, причемъ данныя г. Шарапова относятся къ 1886 году. За это время, завоеванія нѣмцевъ столь подвинулись впередъ, а Vaterland ихъ настолько расширился, что какъ территорію, такъ и населеніе его слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоить, а то и утроить.

Digitized by Google

ясняется съ пришлыми гостями по нѣмецки; на фабрикахъ владѣльцы, управляющіе, мастера, техники, рабочіе,—нѣмцы. Между фабриками въ деревняхъ, еще сохранившихъ славянскія названія, сидятъ колонисты—нѣмцы» [1]).

До самаго послѣдняго времени, при предшественникахъ генерала Гурко, съ нашей стороны не только не раздавалось ни одного, хотя бы малѣйшаго протеста противъ этихъ завоеваній Пруссіею приграничныхъ ей окраинъ нашего государства (протестовъ этихъ и до сего дня de facto не раздается съ нашей стороны), но все это творилось съ нашего молчаливаго согласія и даже потворствовалось мѣстными властями, во главѣ которыхъ, къ несчастью, долгое время стояли нѣмцы же. По словамъ г. Шарапова, «нѣмецъ (въ привислянскомъ краѣ) покупалъ землю даже тамъ, гдѣ было запрещено покупать ее мѣстнымъ (кореннымъ) жителямъ; строилъ фабрику тамъ, гдѣ полякъ (коренной обитатель Привислянья) не имѣлъ права; образовывалъ клубы, благотворительныя учрежденія, союзы гимнастовъ, стрѣлковыя общества. Эти послѣднія въ батальонномъ строю выходили въ поле, подъ командой офицеровъ прусскаго ландвера, съ ружьями, и производили парады и учебную стрѣльбу въ то время, когда полякамъ, лишь въ видѣ особой милости, разрѣшали имѣть охотничье ружье. Нѣмецъ не платилъ никакихъ налоговъ и былъ гарантированъ отъ малѣйшаго давленія со стороны русскихъ властей представительствомъ всемогущаго въ Варшавѣ германскаго консула. Попробуйте прижать нѣмца! Сколько начальниковъ уѣздовъ переводилось, сколько получало отставку изъ-за того, что г. германскій консулъ «безпокоилъ» ихъ сіятельства, своихъ единоплеменниковъ, гг. Берга и Коцебу» [2]).

При каждомъ столкновеніи съ мѣстной властью, нѣмецъ-фабрикантъ чрезъ своего консула ставитъ на ноги всѣхъ и поднимаетъ величайшій «гвалтъ». Дѣло производило иногда большое неудовольствіе и въ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ Петербургѣ. Консулъ не уступаетъ, германскія газеты хоромъ поютъ кошачій концертъ о русскомъ «варварствѣ»,—и все кончается обыкновенно тѣмъ, что сверху совѣтуютъ «оставить нѣмцевъ въ покоѣ». И оставляютъ...

Положеніе странное, непонятное, обидное для русскаго чувства. Трудно даже повѣрить ему, но, какъ видитъ читатель, оно согласно рисуется всѣми изслѣдователями, и я нарочно дословно привелъ всѣ важнѣйшія указанія и выводы ихъ, дабы, во-первыхъ, полнѣе

[1]) *С. Ѳ. Шараповъ.* «Сочиненія». Книга первая, стр. 72.

[2]) Бергъ и Коцебу—бывшіе генералъ-губернаторы привислянскаго края, оба нѣмцы.

Digitized by Google

изобразить мрачную картину нѣмецкаго владычества на нашей привислянской окраинѣ, а, во-вторыхъ—дабы избавить себя отъ обвиненій въ пристрастности и «нѣмцеѣдствѣ», въ чемъ меня не разъ уже упрекали, одни въ силу своихъ антинаціональныхъ тенденцій, а другіе—просто въ силу того, что, дѣйствительно, трудно допустить возможность столь невозможнаго положенія...

Не только я, а и всѣ, кто хотя бы только проѣздомъ бывалъ въ привислянскомъ краѣ, особенно въ его пограничномъ районѣ, всѣ, кто такъ или иначе имѣли случай столкнуться съ этимъ, врѣзавшимся въ наши предѣлы, чуждымъ и враждебнымъ намъ Vaterland'омъ, также точно отзываются о немъ и въ столь же мрачныхъ краскахъ рисуютъ картину нѣмецкаго господства, своеволія и насилія. Никакого пристрастія и нѣмцеѣдства здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ. Но было бы верхомъ преступленія, еслибы русскіе люди, разглядѣвъ столь чудовищное положеніе, видя и сознавая опасность его, умышленно закрывали глаза на все это и не только замалчивали опасность, но, лукаво отвергая ее, даже восхищались культурностью нѣмцевъ, такъ искусно ведущихъ дѣло колонизаціи! Благодареніе Богу, времена такого глупаго «либерализма» и пошлаго антинаціонализма начинаютъ уже мало по малу отходить въ область преданій и теперь всѣ русскіе люди чутко прислушиваются къ предостерегающему голосу печати, все болѣе и болѣе постигая значеніе этой «колонизаціи», этого мирнаго завоеванія нашихъ окраинъ,—и все явственнѣе приходя къ сознанію необходимости положить предѣлъ не въ мѣру разыгравшимся апетитамъ нашихъ почтенныхъ сосѣдей.

— Нѣмцы формально считаютъ нашъ край за свою землю,— разсказывалъ г. Шарапову, во время его поѣздки по Привислянью (или *по Русской Германіи*, какъ онъ не безосновательно выражается) одинъ изъ мѣстныхъ (польскихъ) рабочихъ:—имъ здѣсь сто разъ лучше, чѣмъ дома, они и идутъ сюда всѣ. Смотримъ мы и понять не можемъ: зачѣмъ ихъ пускаютъ? Вездѣ рабочіе—нѣмцы и занимаютъ лучшія мѣста. Нѣмецъ хозяинъ, нѣмецъ управляющій—какъ же имъ не поддерживать своихъ? И платятъ имъ гораздо лучше. Посмотрите, какъ они ползутъ...

— Позабылъ о насъ найяснѣйшій панъ, — жаловался другой мѣстный простолюдинъ.—Развѣ не всѣ мы одинаково его дѣти? За что же насъ нѣмцы гонятъ? Здѣсь они хозяева стали; податей никакихъ не платятъ, всякія безобразія дѣлаютъ и надъ нами же наругаются. «Нашъ—говорятъ—цесàржъ (т. е. германскій императоръ) старше вашего цесàржа... Нашъ цесаржъ можетъ съ своей земли всѣхъ поляковъ согнать, а вашъ—нѣмцевъ не можетъ»...

Digitized by Google

Дѣйствительно, нѣмцы считаютъ наши западныя окраины какъ бы «своей землей», гдѣ они полновластно могутъ хозяйничать и, не считаясь ни въ чемъ съ нами, насаждать здѣсь свою нѣмецкую культуру и свой нѣмецкій Vaterland. «Здѣсь отъ *а* до *зетъ* все не легально, все построено на насиліи—совершенно справедливо указываетъ въ своемъ докладѣ г. В. Д. Бѣловъ (стр. 18). — Близость границы какъ нельзя болѣе способствовала политикѣ захвата и самовольнаго хозяйничанья. Здѣсь все нѣмецкое; директоры (фабрикъ и заводовъ), не смотря на то, что живутъ много лѣтъ въ Россіи (если еще можно—замѣчу отъ себя въ скобкахъ—считать приграничный районъ Привислянья—Россіей), ни слова не говорятъ по русски или говорятъ такъ плохо, что ихъ трудно понять; мастера изъ Германіи, даже значительная часть рабочихъ—нѣмцы. О какомъ либо сближеніи съ мѣстнымъ элементомъ здѣсь нѣтъ и помина». Но этого мало: «здѣсь даже нельзя ждать когда-либо и какого-либо сближенія съ мѣстнымъ элементомъ, ассимиляціи съ нимъ; здѣсь граница, сейчасъ за которой—болѣе сильный, чисто прусскій элементъ, готовый при первомъ удобномъ случаѣ протянуть свою мощную руку».

Этотъ привислянскій нѣмецкій Vaterland имѣетъ неразрывную связь съ зарубежной Германіей, гдѣ нашъ край на самомъ дѣлѣ считается уже частью Германіи, что̀ не трудно заключить изъ слѣдующаго, напримѣръ, факта: въ 1889 году въ Германіи былъ изданъ законъ (22 іюня) о страхованіи рабочихъ (Das Reichegesetz betreffend die Juvaliditäts und Altersversicherung); по 4 пункту 34 статьи этого закона, установленной имъ рентой заграничные рабочіе пользоваться не могутъ. Но особымъ опредѣленіемъ союзнаго совѣта отъ 30 апрѣля 1891 года постановлено: *весь приграничный районъ нашего привислянскаго края* (отъ границы до Сосновицы) *включить въ число мѣстностей, не считающихся заграничными* въ отношеніи дѣйствія закона 22 іюня 1889 года (о страхованіи рабочихъ) и съ этого времени онъ дѣйствуетъ въ нашемъ Привисляньѣ, какъ бы въ одной изъ составныхъ частей германской имперіи...

О численности нѣмецкаго элемента въ привислянскомъ краѣ и той силѣ, какую представляетъ утвержденный на этой окраинѣ нашей нѣмецкій Vaterland, можно судить изъ того, что однихъ только рабочихъ-нѣмцевъ на нѣмецкихъ фабрикахъ и заводахъ этого края *свыше ста тысячъ*. А всего, съ ремесленниками и колонистами, нѣмцевъ въ привислянскомъ краѣ, по даннымъ офиціальной статистики, въ настоящее время находится безъ малаго *полмилліона человѣкъ* (497 тысячъ), что̀ по отношенію къ общему

Digitized by Google

населенію края (8.262 тысячи человѣкъ) составляетъ 6%, т. е. *нѣмцы составляютъ уже семнадцатую часть народонаселенія привислянскаго края*, въ которомъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при присоединеніи его къ Россіи, нѣмецкій элементъ почти совершенно отсутствовалъ.

По губерніямъ, нѣмецкое населеніе привислянскаго края распредѣляется слѣдующимъ образомъ [1]).

ГУБЕРНІИ.	Общее населеніе.	Численность нѣмецкаго элемента.	% отношеніе его къ общему населенію.
Петроковская	1.091	144	13,2
Калишская	838	91	10,9
Плоцкая	604	51	8,4
Сувалкская	656	47	7,2
Варшавская	1.408	96	6,8
Люблинская	954	29	3
Сѣдлецкая	686	14	2
Радомская	711	12	1,7
Ломжинская	623	9	1,4
Кѣлецкая	691	4	0,6
Итого	8.262	497	6

Такимъ образомъ, и въ привислянскомъ краѣ, также какъ въ западномъ, главная масса нѣмцевъ сосредоточена въ пограничныхъ съ Пруссіей губерніяхъ—петроковской, калишской, плоцкой и сувалкской,—составляя въ нихъ уже до седьмой части всѣхъ жителей. Здѣсь народилась уже цѣлая маленькая Германія, гдѣ полновластно хозяйничаютъ чужестранные пришельцы и откуда старательно и систематически изгоняется ими все, что только можетъ напоминать о русскомъ или польскомъ элементѣ. Просто поражаешься, глядя на эту чудовищную картину захватовъ: какъ это мы могли и можемъ столь долго и молча глядѣть на это и допускать невозбранно у себя то, чего и въ сотой долѣ не потерпѣли бы у себя дома эти же самые нѣмцы?..

V.

Суммируя приведенныя въ предыдущихъ главахъ цифры, мы видимъ, что въ девятнадцати губерніяхъ пограничнаго района западной Россіи (въ девяти западныхъ и десяти привислянскихъ) нѣ-

[1]) Таблица эта составлена, главнымъ образомъ, по даннымъ мѣстной офиціальной статистики. Численность населенія показана въ тысячахъ, причемъ пограничныя губерніи обозначены курсивомъ.

Digitized by Google

мецкое населеніе составляетъ въ настоящее время уже безъ малаго *милліонъ человѣкъ*, именно 857 тысячъ, что по отношенію къ общему населенію этихъ губерній (25.697 тысячъ человѣкъ) составляетъ болѣе трехъ процентовъ, именно 3,3%.

Напомнимъ, что къ этому пограничному району нашему примыкаютъ еще пограничныя же губерніи прибалтійскаго края (эстляндская, лифляндская и курляндская) съ двухсоттысячнымъ нѣмецкимъ населеніемъ [1]), занимающимъ господствующее положеніе въ краѣ—и мы увидимъ тогда, что *по всей нашей западной границѣ пріютилось свыше милліона* (1.057 тысячъ человѣкъ) *нѣмцевъ*, что составляетъ 3,8% всего населенія этой пограничной части нашего отечества, *двадцатую часть народонаселенія Пруссіи*. Это такая численная сила, которая не можетъ не обращать на себя вниманія русскихъ людей и не вызывать въ нихъ чувства безпокойства. Вѣдь эти двадцать двѣ губерніи находятся на рубежѣ нашихъ германской и австрійской границъ и, въ силу географическаго своего положенія, рано или поздно должны будутъ служить театромъ столкновенія славянскаго востока съ германскимъ западомъ!..

И вотъ, въ этомъ-то, столь важномъ по своему политическому и стратегическому значенію, районѣ своего государства, въ районѣ, отдѣляющемъ Русь отъ враждебной ей Европы и потому долженствующемъ служить для насъ оборонительнымъ базисомъ противъ завоевательныхъ замысловъ и вторженія къ намъ иноплеменниковъ; наконецъ, въ районѣ, гдѣ и безъ того русское владычество далеко еще не окрѣпло и гдѣ огромная масса народонаселенія, не принадлежа къ русской національности и отчужденная отъ православія, и безъ того не отличается должною преданностью Россіи,—въ этомъ-то районѣ мы простодушно пріютили свыше милліона безусловно враждебнаго намъ пришлаго населенія, которому не только чужды, но и противны наши русскіе интересы, задачи и идеалы, претящіе его собственнымъ интересамъ, задачамъ и идеаламъ. *Мы умудрились пріютить въ своей пограничной полосѣ цѣлый милліонный непріятельскій авангардъ*,—сороковую почти часть того могущественнаго народа, который является самымъ заклятымъ (хотя и не всегда явнымъ) нашимъ врагомъ въ мірѣ, не скрывающимъ даже своей безграничной ненависти къ намъ и своихъ вожделѣній на нашъ счетъ. Десятки лѣтъ уже онъ всецѣло поглощенъ вооруженіемъ своихъ милліонныхъ боевыхъ полчищъ, каждую минуту готовыхъ вторгнуться къ намъ и силою оружія подкрѣпить свои притязанія на тѣ

[1]) 25 тысячъ въ эстляндской губерніи, 105 тысячъ—въ лифляндской и 70 тысячъ—въ курляндской.

Digitized by Google

именно наши окраины, въ которыхъ, подъ видомъ «колонизаціи», уже выставленъ его милліонный авангардъ и отторженіе которыхъ отъ насъ онъ открыто проповѣдуетъ во многочисленныхъ, выходящихъ въ Германіи, брошюрахъ, трактатахъ и «ученыхъ» сочиненіяхъ.

Но, кромѣ этого милліоннаго авангарда, находящагося на самой нашей границѣ, въ районѣ, которому предназначено быть театромъ будущей войны, *Германія имѣетъ въ Россіи и свой, немного уступающій въ численности и находящійся въ тылу у насъ, резервъ*, въ видѣ колоній въ южныхъ губерніяхъ и на Волгѣ. Здѣсь также прочно утвержденъ нѣмецкій Vaterland, какъ и на западныхъ окраинахъ, и также точно онъ составляетъ государство въ государствѣ, уголокъ Германіи, который уже соединился, чрезъ посредство подольскихъ и бессарабскихъ колоній, съ западнымъ пограничнымъ уголкомъ ея, составляя вмѣстѣ цѣлую маленькую Германію въ Россіи.

Численность пришлаго нѣмецкаго элемента въ шести губерніяхъ южной Россіи и Поволжья составляетъ, по даннымъ г. Велицына, *семьсотъ двѣ тысячи человѣкъ*, что по отношенію къ общему населенію ихъ (11,290 тысячъ человѣкъ) составляетъ 6,2%, т. е. *шестнадцатую часть*.

По губерніямъ, нѣмецкое населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ [1]):

ГУБЕРНІИ.	Общее населеніе.	Численность нѣмцевъ.	% отношеніе ихъ къ общему насел.
Самарская	2.415	223	9,2
Саратовская	2.225	179	8
Херсонская	2.030	105	5
Таврическая	1.600	72	4,5
Екатеринославская . . .	1.490	64	4,3
Бессарабская.	1.530	59	3,8
Итого	11.290	702	6,2

А всего, въ двадцати шести губерніяхъ западной и южной Россіи и въ двухъ приволжскихъ губерніяхъ, находится безъ малаго *два милліона нѣмцевъ* (1.759 тысячъ человѣкъ),—*двадцать пятая часть населенія всей Германіи*! Численность эта превышаетъ населеніе всѣхъ германскихъ государствъ, за исключеніемъ только

[1]) Губерніи расположены въ нисходящемъ порядкѣ, причемъ численность населеній показана въ тысячахъ. Курсивомъ обозначены пограничныя и окраинныя губерніи.

Digitized by Google

Пруссіи, Баваріи и Саксоніи. По отношенію къ общему населенію этихъ двадцати восьми губерній (39.375 тысячъ человѣкъ) это составляетъ четыре съ половиною (4,5) процента, т. е. *нѣмцы составляютъ почти двадцатую часть населенія нашихъ западныхъ и южныхъ губерній.*

Кромѣ этого, нѣмецкія колоніи существуютъ еще въ области войска донскаго, на Кавказѣ и въ губерніяхъ: харьковской, курской, черниговской, смоленской, оренбургской, петербургской и многихъ другихъ, причемъ нѣмцы составляютъ немалозначительный процентъ населенія въ большинствѣ нашихъ большихъ городовъ, особенно Петербурга (5%, т. е. 50 тысячъ человѣкъ), Москвы, Одессы, Харькова и др.

VI.

Еще рельефнѣе обрисуется картина мирнаго завоеванія нѣмцами нашихъ западныхъ и юго-западныхъ окраинъ и полнѣе обрисуется та опасность, какую представляетъ для Россіи эта народившаяся у насъ Ново-Германія,—когда мы изъ общей массы народонаселенія ихъ исключимъ всѣ тѣ нерусскіе элементы, которые не только не содѣйствуютъ укрѣпленію здѣсь русскихъ началъ и русской государственности, но, напротивъ, всегда готовы еще противостоять намъ въ этомъ, ставъ,—если потребуютъ того обстоятельства,—въ ряды чуждой и враждебной намъ силы германизма. Элементы эти, въ числѣ которыхъ особенно многочисленны поляки и евреи, составляютъ въ общемъ весьма значительный процентъ народонаселенія нашего западнаго пограничнаго района; въ пограничныхъ же привислянскихъ губерніяхъ они являются огромнымъ большинствомъ, занимая господствующее положеніе въ отношеніи не только численномъ, но и нравственномъ.

Чтобы получить, поэтому, правильное и точное представленіе о той опасности, какую представляетъ для Россіи выросшая на ея западныхъ окраинахъ Германія, необходимо сопоставить численность пришлаго нѣмецкаго элемента съ численностью кореннаго русскаго населенія этихъ окраинъ,—что̀ читатель и найдетъ въ нижеслѣдующей таблицѣ [1]):

---

[1]) Губерніи расположены въ нисходящемъ порядкѣ процентнаго отношенія нѣмцевъ къ русскому населенію, причемъ численность населеній показана въ тысячахъ. Курсивомъ обозначены пограничныя и окраинныя губерніи.

Digitized by Google

№	ГУБЕРНІИ.	Абсолютная численность насел. Русскаго.	Нѣмецк.	Процентное отношеніе. Русскихъ къ общему насел.	Нѣмцевъ къ общему насел.	Нѣмцевъ къ русск. населен.	Т. е. на 1000 русскихъ приходится нѣмцевъ.
1	*Петроковская*	2	144	0,2	13,2	7.200	72.000
2	*Калишская*	2	91	0,2	10,9	4.550	45.500
3	*Плоцкая*	2	51	0,3	8,4	2.550	25.500
4	Радомская	1	12	0,1	1,7	1.200	12,000
5	Ломжинская	2	9	0,3	1,4	450	4.500
6	*Кѣлецкая*	1	4	0,2	0,6	400	4.000
7	*Курляндская*	23	70	3,3	10	304,3	3.043
8	Варшавская	46	96	3,3	6,8	209	2.090
9	*Сувалкская*	27	47	3,3	7,2	174	1.740
10	*Лифляндская*	65	105	5,1	8	161,7	1.617
11	*Ковенская*	42	62	2,5	3,8	147,6	1.476
12	*Эстляндская*	17	25	4,2	6,2	147	1.470
13	*Люблинская*	203	29	21,2	3	14,3	143
14	Самарская	1.830	223	75,8	9,8	12,5	125
15	*Таврическая*	725	72	45,3	4,5	10	100
16	*Волынская*	1.844	182	73,1	7,4	9,9	99
17	Саратовская	1.827	179	82,4	8	9,8	98
18	Сѣдлецкая	157	14	22,9	2	8,9	89
19	*Херсонская*	1.394	105	69,3	5	7,5	75
20	*Бессарабская*	1.128	59	73,7	3,8	5,2	52
21	Екатеринославская	1.438	64	96,5	4,3	4,5	45
22	Витебская	778	32	54,8	2,3	4,1	41
23	Гродненская	855	15	55,2	1	1,8	18
24	*Подольская*	2.002	29	73,6	1,1	1,5	15
25	Виленская	378	5	27,2	0,4	1,3	13
26	Кіевская	2.122	22	73,4	0,8	1,1	11
27	Минская	1.378	7	71,5	0,4	0,5	5
28	Могилевская	1.215	6	83	0,4	0,5	5
	Итого	19.504	1.759	49,5	4,5	9	90

Изъ этой таблицы видно, что въ то время, когда русскій элементъ въ пограничныхъ, особенно привислянскихъ, губерніяхъ считается едва тысячами человѣкъ, не составляя во многихъ и одного процента всѣхъ жителей,—численность пришлаго нѣмецкаго населенія достигаетъ въ нихъ громаднѣйшихъ размѣровъ, составляя во многихъ болѣе десятой части всѣхъ жителей, а въ петроковской губерніи,—болѣе восьмой части. Въ среднемъ—въ двадцати восьми перечисленныхъ губерніяхъ на каждые почти десять русскихъ жителей приходится уже по нѣмцу, а въ привислянскомъ краѣ *одинъ русскій приходится на 123 нѣмца! Въ пограничныхъ губерніяхъ нѣмецкое населеніе превышаетъ русское въ двадцать пять съ по-*

Digitized by Google

ловиною разъ (въ плоцкой губерніи); *въ сорокъ пять съ половиною разъ* (въ калишской губерніи) *и въ семьдесятъ два раза* (въ петроковской губерніи)! Въ сосѣднихъ съ пограничными—ломжинской и радомской губерніяхъ, нѣмецкое населеніе превышаетъ русское въ четыре съ половиною и двѣнадцать разъ, а во всѣхъ остальныхъ привислянскихъ (за исключеніемъ одной только сѣдлецкой)—отъ полутора до четырехъ съ половиною разъ. Въ этомъ отношеніи привислянскій край далеко оставляетъ за собой даже прибалтійскія губерніи, гдѣ нѣмцы владычествуютъ уже цѣлые вѣка и которыя принято поэтому (совершенно неосновательно, какъ это видно изъ послѣдней таблицы) считать нѣмецкими губерніями.

Даже въ западныхъ и южныхъ—чисто русскихъ—губерніяхъ, нѣмецкій элементъ является уже весьма замѣтной величиной по отношенію къ русскому населенію. Не говоря уже о ковенской губерніи съ преобладающимъ литовско-жмудскимъ населеніемъ, въ которой нѣмцевъ въ полтора раза болѣе чѣмъ русскихъ,—даже въ волынской, таврической и саратовской губерніяхъ нѣмцы относятся къ русскимъ, какъ 1:10, а въ самарской—какъ 1:8!..

Насколько ненормально, мало того—насколько чудовищно такого рода положеніе вещей—говорить, конечно, излишне. Извѣстны притязанія нѣмцевъ на прибалтійскій край, который намъ приходится теперь какъ бы вновь отвоевывать у нихъ. Удивительно ли будетъ, если Германія открыто заявитъ нынѣ свои притязанія на привислянскій и западный края наши, несравненно болѣе заполоненные нѣмцами, чѣмъ прибалтійскія губерніи? Въ германской печати нерѣдко уже заводится рѣчь о Kowenland'ѣ и Wollynland'ѣ, подъ которыми разумѣются наши ковенская и волынская губерніи. По справедливому замѣчанію одной нашей провинціальной газеты, «русскіе, въ качествѣ сосѣдей нѣмецкой культуртрегерской націи, платятъ за эту честь непомѣрно дорого. Германія испытываетъ нынѣ нѣчто подобное тому, что̀ испытываетъ буйный субъектъ, на котораго надѣта смирительная рубашка. Она рвется изъ этой camisole de force, швы по временамъ лопаются и ей удается расшириться, то на счетъ Даніи, то на счетъ Франціи. Но этого для нея слишкомъ мало: смирительная рубашка продолжаетъ трещать и съ трудомъ сдерживаетъ ея новые порывы. Только въ одну сторону она подается почти безпрепятственно—въ сторону нашихъ привислянскихъ и южныхъ губерній, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше превращаются въ русскую Германію».

Эта Новая-Германія пріютилась въ нашемъ западномъ и юго-западномъ пограничныхъ районахъ, за рубежемъ которыхъ звенятъ боевые доспѣхи тройственнаго союза и открыто проповѣдуется

Digitized by Google

Drang nach Osten. Тихо и неслышно пробрались въ наши предѣлы германскіе легіоны и, почувствовавъ численную силу, высоко подняли свои непокорныя главы, не только не желая ассимилироваться съ нами, но, напротивъ, стремясь еще насъ принудить къ ассимиляціи съ ними и открыто утверждая у насъ свой нѣмецкій Vaterland. «Каждый нѣмецъ,—говоритъ С. Ѳ. Шараповъ,—какъ бы далеко ни ушелъ онъ въ глубь Россіи, чувствуетъ ежеминутно тѣсную связь съ своей бодрой, сильной родиной; чувствуетъ, что онъ творитъ великое нѣмецкое дѣло; что его успѣхамъ радуется вся Германія; что его правительство, при первомъ неуспѣхѣ или опасности, со всей энергіей бросится ему на помощь; что ему расчищаютъ путь и что тамъ, гдѣ кончается его иниціатива и личность, выступаетъ могучій образъ Германіи, готовый бороться и перомъ, и мечемъ, и деньгами» [1]).

Только этимъ сознаніемъ, дѣйствительно, и можно объяснить то вызывающее поведеніе и высокомѣрное, презрительное отношеніе къ Россіи, которое проявляютъ наши нѣмецкіе колонисты и ихъ единоплеменники, подвизающіеся у насъ на всѣхъ поприщахъ частной, общественной и государственной дѣятельности. «Пусть говорятъ, что̀ угодно, Аксаковы и Катковы,—русскимъ предстоитъ одинъ лишь выборъ: если они желаютъ быть европейцами, тогда мы необходимы для нихъ и въ войскѣ, и въ правительствѣ, и въ торговлѣ; въ противномъ случаѣ—пожалуйте въ Азію: dann gute Nacht, Russland»!

Этими словами одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей современной Германіи—Фридриха Дернбунга (редактора «National Zeitung»), какъ нельзя лучше характеризуются взгляды нѣмцевъ на Россію, ихъ отношенія къ намъ и вожделѣнія на нашъ счетъ.

VII.

Взглянувъ на карту Россіи и обративъ вниманіе на районъ, охваченный нѣмецкою колонизаціей, нельзя никакъ допустить, чтобы «колонизація» эта представляла собою *случайное* явленіе, лишенное строго выработанной системы и плана. Все вышесказанное нами, въ связи съ приведенными данными, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что «колонизація» эта преслѣдуетъ цѣли правильнаго и прочнаго заселенія нашихъ западныхъ окраинъ, *у границъ Германіи и Австріи*,—и едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что заселеніе это происходитъ не случайно, что нѣмцы являются у насъ не простыми колонистами, ищущими *только* пріюта и пропитанія,

[1]) *С. Ѳ. Шараповъ.* Сочиненія. Книга первая, стр. 91.

Digitized by Google

и что не безъ причинъ германское правительство и общество совершенно игнорируютъ столь серьезное для Германіи дѣло, какъ ежегодное выселеніе изъ государства десятковъ и сотенъ тысячъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что земледѣльцы эти не ищутъ у насъ дешевыхъ земель и удобнаго разселенія, а группируются исключительно въ пограничныхъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ цѣны на землю сравнительно высоки и гдѣ густота народонаселенія представляетъ большія неудобства и затрудненія для колонизаціи, — уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на то, что такъ называемая нѣмецкая колонизація представляетъ явленіе далеко не случайное и не невинное, какъ ее стараются выставить нѣмцы и наши «либерально-жидовскіе» защитники и покровители ихъ. Очевидно, существуютъ основанія, побуждающія нѣмцевъ добровольно и безо всякой видимой надобности преодолѣвать всѣ затрудненія, мириться со всѣми неудобствами и даже не принимать въ соображеніе экономическихъ разсчетовъ, лишь бы не выйти за предѣлы нашихъ пограничныхъ съ ихъ Vaterland'омъ губерній. Невозможно допустить, чтобы такой практичный и разсчетливый народъ, какъ нѣмцы, платилъ большія, сравнительно, деньги за земли въ пограничныхъ губерніяхъ (до 100 и болѣе рублей за куплю и до 10 рублей за аренду десятины), мирясь при этомъ со всѣми неудобствами и даже трудностями при поискахъ земли, когда онъ безо всякихъ затрудненій и поисковъ можетъ въ другихъ частяхъ государства (напримѣръ, въ азіатскихъ нашихъ губерніяхъ) пріобрѣтать въ собственность землю по такой цѣнѣ, какую здѣсь платитъ за годичную аренду.

Очевидно, что, коль скоро они предпочитаютъ первое, то побужденіемъ къ этому служатъ *не экономическіе* разсчеты, а иные, и притомъ настолько существенные и важные, что ради ихъ приносятся въ жертву и экономическіе интересы, и гражданская свобода, такъ какъ въ пограничныхъ и сосѣднихъ съ ними нашихъ губерніяхъ иностранцы ограничены въ нѣкоторыхъ правахъ. Такими разсчетами въ данномъ случаѣ могутъ быть, конечно, только разсчеты *политическіе*...

Я далекъ отъ мысли утверждать, что эти политическіе разсчеты руководятъ колонистами по ихъ собственной иниціативѣ, по ихъ личному предпочтенію этихъ разсчетовъ предъ всѣми другими. Допустить наличность такого глубокаго самосознанія въ темныхъ народныхъ массахъ—было бы равносильно тому, еслибы мы стали доказывать, что эти массы обладаютъ такими громадными матеріальными средствами, которыя позволяютъ имъ не соблюдать никакихъ разсчетовъ при закупкѣ у насъ земель. Вѣдь еслибы нѣмецкіе му-

Digitized by Google

жики были въ самомъ дѣлѣ такъ богаты, то зачѣмъ бы имъ было покидать свой любезный Vaterland и переселяться въ ненавистную Россію? Только крайняя нужда и полная безысходность положенія могутъ побудить на это. Мы видимъ, какъ бѣдствуютъ наши переселенцы, мы знаемъ, что только крайность заставляетъ ихъ покидать насиженныя мѣста и отправляться на поиски за свободной «землицей». Мы помнимъ, наконецъ, какой переполохъ произвело у насъ начавшееся было (въ 1890—91 годахъ) переселеніе польскихъ и литовскихъ крестьянъ за предѣлы отечества и какъ озабочено было наше правительство этой эмиграціей.

А между тѣмъ нѣмецкіе переселенцы нисколько не бѣдствуютъ; покидать отечество заставляетъ ихъ не нужда, не безысходность положенія; напротивъ, нѣмцы очень часто являются къ намъ съ цѣлыми капиталами, да и германское правительство нисколько не озабочено этою эмиграціей, не смотря на то, что она продолжается уже десятки лѣтъ и, по своимъ громаднымъ размѣрамъ, не можетъ даже сравниваться съ нашею недавнею польско-литовскою эмиграціей. Не очевидно ли изо всего этого, что нѣмцы являются у насъ не случайными переселенцами и что насаждаемый ими на нашихъ окраинахъ нѣмецкій Vaterland не есть дѣло ихъ собственнаго ума? Не явствуетъ ли изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній, что колонисты въ данномъ случаѣ являются лишь *покорными орудіями строго и хитро организованнаго нашествія*, руководительство которымъ находится въ вѣдѣніи лицъ болѣе просвѣщенныхъ, болѣе опытныхъ и болѣе понимающихъ политическіе интересы своего Vaterland'а, чѣмъ полуграмотная толпа колонистовъ, хотя и фанатически настроенныхъ и готовыхъ защищать эти интересы, но неспособныхъ дѣйствовать самостоятельно и не посвященныхъ въ тонкіе политическіе разсчеты?..

Нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что нѣмцы дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ въ союзѣ съ поляками, которымъ не далѣе, какъ два года тому назадъ, при обсужденіи въ рейхстагѣ извѣстнаго, надѣлавшаго столько шуму, военнаго законопроэкта открыто было обѣщано (за поданіе ихъ депутатами голосовъ въ пользу законопроэкта) возстановленіе Польши (послѣ разгрома Россіи Германіей), т. е. отторженіе отъ насъ привислянскаго и западнаго краевъ, — именно тѣхъ губерній, на которыя главнымъ образомъ и устремлено нашествіе нѣмцевъ и въ которыхъ уже прочно водворился нѣмецкій Vaterland съ милліонными германскими полчищами. Конечно, поляки служатъ здѣсь лишь орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ, въ виды которыхъ никогда не входило и не войдетъ возстановленіе Польши, частью которой они

Digitized by Google

сами владѣютъ,—но уже одно, хотя бы и голословное, обнадеживаніе въ этомъ способно вскружить имъ головы, и только благодаря ему, поляки, въ чаяніи разгрома Россіи и возстановленія Польши, подали свои голоса въ рейхстагѣ за увеличеніе германской арміи. При извѣстной ненависти поляковъ къ Россіи, при ихъ безграничныхъ притязаніяхъ на наши западныя области и при горячемъ, взбаламошномъ темпераментѣ, мы вправѣ ожидать отъ нихъ всего недобраго для себя, тѣмъ болѣе, когда они чувствуютъ и сознаютъ, что за спиной у нихъ стоитъ могущественный пятидесятимилліонный германскій народъ, проникнутый тою же вѣковой ненавистью ко всему русскому и воодушевленный тѣми же вожделѣніями на нашъ счетъ, какъ и они. У насъ вѣдь живетъ *до семи милліоновъ* поляковъ, и вся эта огромная масса ихъ сгруппирована въ томъ же пограничномъ съ Германіей районѣ, который избрали для заполоненія своими милліонными дружинами и ихъ союзники—нѣмцы.

Что отъ поляковъ намъ не ждать добра—достаточно говорятъ три польскихъ мятежа въ теченіе одного столѣтія, а что его не можемъ ждать мы и отъ нѣмцевъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ отношеніе къ Россіи нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, такъ и вся исторія какъ старой Пруссіи, такъ и—особенно—нынѣшней Германіи. Недаромъ же между поляками и нѣмцами установился теперь такой тѣсный союзъ; вѣдь общаго у нихъ, кромѣ желаній поживиться на счетъ Россіи и вѣковой вражды къ ней, нѣтъ и не можетъ быть ничего.

«Великое національное возрожденіе, освободившее Россію въ теченіе послѣдняго десятилѣтія отъ западнаго, въ особенности нѣмецкаго, плѣненія и возвратившее ей самостоятельность въ политическомъ, экономическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, можетъ разсчитывать на дальнѣйшіе, столь желательные, столь необходимые успѣхи лишь при томъ условіи, что вся многотрудная работа нашей внутренней національной реорганизаціи не будетъ парализована совершенно чуждыми и враждебными намъ внѣшними вліяніями. Въ противномъ случаѣ, достигнутые нами благіе результаты нашей національной политики не только остановятся въ своемъ далнѣйшемъ развитіи, но даже легко могутъ совершенно исчезнуть подъ давленіемъ занесенныхъ къ намъ иноземныхъ идей, доктринъ и тенденцій. Въ виду этого, *намъ необходимо оберегать всѣ окраины россійской имперіи отъ всякаго вторженія въ нихъ какихъ бы то ни было враждебныхъ намъ «мирныхъ» элементовъ, съ такою же зоркостью, съ какою мы охраняемъ ихъ отъ вторженія враждебныхъ намъ военныхъ силъ*, ясно сознавая»

Digitized by Google

что всѣ эти антирусскіе «мирные» элементы являются лишь провозвѣстниками, пособниками и подготовителями открытыхъ насильственныхъ дѣйствій нашихъ иноземныхъ враговъ».

Едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ, какъ среди нашихъ (русскихъ, конечно) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и вообще среди истинно русскихъ людей, который не согласился бы съ этими прекрасными строками одного изъ нашихъ солидныхъ печатныхъ органовъ. Въ *теоріи* все это мы отлично уже усвоили и все это такъ глубоко уже внѣдрилось въ наше сознаніе, что какъ-то дико звучатъ теперь въ нашихъ ушахъ все еще неумолкающія (но уже, слава богу, одиноко звучащія) противныя увѣренія антинаціональной клики. Но что же оказывается на дѣлѣ, что мы видимъ *на практикѣ*?—Увы!—она, т. е. практика, во многомъ еще весьма рѣзко расходится со столь хорошо усвоенной нами теоріей,—и въ числѣ этого многаго наиболѣе рѣзкимъ контрастомъ выступаютъ наши западныя и юго-западныя окраины. Предусмотрительные нѣмецкіе политики, въ союзѣ съ политически помѣшанными польскими мечтателями, подготовляютъ чаемое ими отторженіе отъ насъ этихъ окраинъ, а мы оказываемся настолько непредусмотрительными и столь преступно безпечными, что и не думаемъ возбранять эти «подготовленія», все не рѣшаясь показать дерзкимъ крамольникамъ, что Россія существуетъ прежде всего для русскихъ, а не для нѣмцевъ и поляковъ.

Въ высшей степени наивно и странно было бы съ нашей стороны ожидать, что нѣмцы сами прекратятъ нашествіе на нашу землю. Нельзя также, послѣ столѣтняго опыта, надѣяться и на то, что нѣмцы, при ихъ взглядахъ на Россію и при сознаніи, что за спиной у нихъ цѣлая пятидесятимилліонная, съ ногъ до головы вооруженная Германія, каждую минуту готовая ринуться на Россію,—нельзя надѣяться, при такихъ условіяхъ, что нѣмцы, порвавъ всякую связь со своимъ Vaterland'омъ, сами, безо всякихъ нашихъ побужденій, примирятся съ русскими порядками, измѣнятъ свои отношенія къ намъ и, переставъ быть германцами, станутъ русскими гражданами. Этого никогда не произойдетъ! За вѣковой періодъ существованія южныхъ и юго-западныхъ колоній, нѣмцы даже съ внѣшней стороны нисколько не измѣнились у насъ и до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать тѣсная связь ихъ съ Германіей, т. е. пока они будутъ у насъ не только нѣмцами, но и *германцами*, будутъ считать себя у насъ «великимъ германскимъ народомъ»,—отечество котораго, по словамъ ихъ поэта Арндта, вездѣ, гдѣ только «die deutsche Zunge klingt»,—до тѣхъ поръ они будутъ стремиться къ осуществленію враждебныхъ намъ германскихъ

Digitized by Google

стремленій, побуждающихъ ихъ ненавистно и враждебно относиться къ русскому населенію, къ русской власти и вообще къ Россіи; до тѣхъ поръ Россія не будетъ для нихъ существовать тамъ, гдѣ они поселились и гдѣ «die deutsche Zunge klingt».

Пора, наконецъ, сдѣлать рѣшительный шагъ къ освобожденію нашего отечества отъ нашествія иноплеменниковъ и оградить попранные этимъ нашествіемъ національные и государственные интересы на нашихъ окраинахъ. Во что бы ни стало должны мы уничтожить это народившееся здѣсь государство въ государствѣ, эту «Германію въ Россіи»...

А. Липранди.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

Дыханье первое весны
И первыхъ розъ благоуханья
Въ насъ будятъ сладкія мечтанья
И обольстительные сны.

А первый осени морозъ,
Лѣса убравши въ позолоту,
Несетъ и грусть намъ, и дремоту,
И гонитъ прочь отраду грезъ.

Не такъ ли въ юности любовь
Насъ грѣетъ нѣгою желаній,
А старость горечью страданій
Намъ холодитъ и умъ, и кровь?..

II.

Въ полночной мглѣ нѣмаго сада,
При звѣздномъ небѣ и лунѣ,
Когда душистая прохлада
Струится въ сонной тишинѣ,
Когда земля въ волнахъ куреній,
Вдали отъ жизни золъ и бурь,
Уснетъ въ блаженствѣ сновидѣній,
А неба ясная лазурь,
Сливаясь ласково съ полями,
Ихъ луннымъ свѣтомъ серебритъ,
И рѣчка тихими струями
Чуть плещетъ, льется и журчитъ;
Когда небесною росою
Блестятъ уснувшіе цвѣты,—
Люблю я чудной той порою

Digitized by Google

Ласкать въ душѣ своей мечты
И, сбросивъ гнетъ тоски докучной,
На крыльяхъ грезъ умчавшись вдаль,
Въ акорды пѣсни сладкозвучной
Излить души моей печаль.

И мнится мнѣ, что въ звукахъ грёзы,
Облекшихъ мысль въ пѣвучій стихъ,
Есть ароматъ весенней розы,
Есть божьихъ росъ святыя слезы,
Есть нѣжный трепетъ звѣздъ ночныхъ;
Есть тайна чаръ и дали мглистой,
И тишины нѣмыхъ аллей;
Есть отблескъ рѣчки серебристой,
Ночныхъ и свѣта, и тѣней...

П. Тулубъ.

Digitized by Google

ЗЛОЕ ДѢЛО.

Романъ.

VIII.

Рытовъ, задумавшись, продолжалъ сидѣть на подоконникѣ. Ему вспомнилось личико Ани, поблѣднѣвшее и какъ будто слегка осунувшееся, когда она разсказывала ему исторію своего прошлаго; вспомнились ея глаза съ нѣсколько расширившимися зрачками, смотрѣвшіе куда-то все въ даль; вспомнилось, что она старалась говорить по возможности спокойнѣе и не позволяла своему голосу дрожать или прерываться. Рытову припоминалось теперь, что и всегда, за тѣ два или три года, въ теченіе которыхъ онъ видѣлся съ нею у Софьи Андреевны, Аня производила на него такое впечатлѣніе, какъ будто въ ней было что-то особенное, чего не было въ другихъ окружавшихъ ее дѣвушкахъ. Играла ли она въ крокетъ, въ домино, въ карты, качалась ли на качеляхъ, танцовала ли, помогала ли другимъ искусно довести до конца какую нибудь задуманную ими безобидную шутку, все у нея выходило не такъ, какъ у другихъ. Тогда онъ не могъ объяснить себѣ хорошенько, въ чемъ именно заключалось это различіе между нею и другими молодыми дѣвушками, но теперь онъ понималъ, что всѣ эти удовольствія, въ сущности, даже не были для нея удовольствіями. Если она принимала въ нихъ участіе, то единственно ради того только, чтобы не разстраивать удовольствія другихъ и не становиться особнякомъ ото всѣхъ. Она не любила нарядовъ, хотя Софьѣ Андреевнѣ очень хотѣлось, чтобы ея «дорогая куколка» и одѣвалась, какъ куколка. Она почти никогда не носила ни серегъ, ни браслетовъ и никакихъ другихъ украшеній, кромѣ двухъ колецъ,—«маминаго» и «папинаго». Она не любила духовъ, по возможности избѣгала надѣвать перчатки, и чуть ли не един-

Digitized by Google

ственнымъ ея удовольствіемъ, отъ котораго она никогда не отказывалась, были большія, продолжительныя прогулки куда нибудь подальше,—на лодкѣ, на лошадяхъ или просто пѣшкомъ, даже всего лучше пѣшкомъ... Да, онъ теперь понимаетъ, что, по количеству пережитаго и перечувствованнаго, ей, дѣйствительно, было въ то время не девятнадцать лѣтъ, а, можетъ быть, двадцать девять, если не больше. Она давнымъ давно пережила и переросла всѣ эти полудѣтскія забавы, тряпки, побрякушки, доставлявшія такое удовольствіе другимъ молодымъ дѣвушкамъ. У нея было очень изстрадавшееся, больное сердце, излѣчить которое могла только новая любовь—ко второй матери, къ другу, къ мужу, къ дѣтямъ,—къ кому бы то ни было. И вотъ это-то больное сердце, нуждавшееся въ ласкѣ и любви, Берестинъ предоставилъ на терзаніе своимъ домашнимъ «бѣлымъ галкамъ». Это-то больное и нѣжное сердце!..

Уже улегшись въ постель, онъ еще долго лежалъ съ открытыми глазами и, хмуря брови, продолжалъ размышлять: какъ могъ Берестинъ ввести свою молодую жену въ такое осиное гнѣздо? Конечно, Аня, по своей деликатности, сама не хотѣла разлучать его съ такими близкими родными и настаивала на томъ, чтобы жить всѣмъ вмѣстѣ. Но если даже и дѣйствительно такъ, то развѣ позволительно было Берестину уступить ей въ этомъ хотя бы на время,—на недѣлю, на три дня? Развѣ онъ не зналъ до самаго дна этихъ своихъ отвратительныхъ бѣлыхъ галокъ и развѣ ему трудно было уговорить въ чемъ угодно полюбившую его дѣвушку, и такую дѣвушку? Это какая-то «алхимія», въ которой онъ, Рытовъ, ровно ничего не можетъ разобрать и, по всей вѣроятности, не разберетъ, покуда не увидится съ Берестинымъ.

Петръ Александровичъ вставалъ обыкновенно въ восемь часовъ, а въ девять завтракалъ и пилъ чай. Когда, на слѣдующее утро, Рытовъ вышелъ изъ своей комнаты, онъ нашелъ отца уже сидящимъ за столомъ, на которомъ стояли ветчина съ горчицей и уксусъ.

— Ну, что, какъ спалъ на новосельѣ, если только можно назвать новосельемъ?—спросилъ Петръ Александровичъ.

— Не очень хорошо. Проснулся въ шесть, потомъ въ семь, потомъ въ половинѣ девятаго. А главное, долго не могъ заснуть: до трехъ...

Digitized by Google

— А, да... вѣдь ты вчера такъ и отправился къ себѣ съ разстроенными чувствами. И, разумѣется, вмѣсто того чтобы прогнать отъ себя всякія непріятныя размышленія, еще усерднѣе занялся ими въ тишинѣ ночной.

— Зачѣмъ бы я сталъ прогонять ихъ?

Петръ Александровичъ весело засмѣялся, какъ надъ глупенькими словами ребенка.

— Чудакъ... Зачѣмъ?.. Разумѣется, молодость не понимаетъ этого «зачѣмъ». Тебѣ нѣтъ еще и тридцати лѣтъ... Это еще молодость; здоровья еще настолько много, что оно представляется неисчерпаемымъ. Это своего рода неистощимый капиталъ. Дайте почти любому молодому человѣку порядочный денежный капиталъ,—положимъ, хоть тысячъ въ двѣсти,—и посмотрите, какъ этотъ молодецъ станетъ обращаться съ нимъ. Сегодня онъ преспокойно выброситъ на вѣтеръ нѣсколько сотъ рублей, потому что какое же значеніе имѣютъ эти мизерныя сотни при такомъ неисчерпаемомъ капиталѣ? Завтра еще, послѣ завтра еще... А такъ какъ, черезъ нѣсколько времени, это швыряніе денегъ обращается у него уже въ привычку, то онъ и пошелъ... покуда, наконецъ, не откроетъ съ нѣкоторымъ ужасомъ, что отъ его неистощимаго капитала остались одни только оскребки, на которые затруднительно существовать даже и впроголодь.

— Да, конечно... То же самое и съ другимъ капиталомъ,—здоровьемъ,—съ нѣкоторой скукой въ душѣ проговорилъ Рытовъ, давно уже слышавшій всѣ эти истины и смутно подозрѣвавшій, что отецъ развиваетъ ихъ преимущественно для того, чтобы доставить здоровое упражненіе своимъ легкимъ.

— Именно. То же самое и съ другимъ капиталомъ,—здоровьемъ,—подтвердилъ Петръ Александровичъ.—Что такое, для молодаго и здороваго человѣка, не доспать три, четыре часа въ сутки?.. Что такое пробыть безъ сна даже всю ночь напролетъ? Что такое не пообѣдать вовремя или даже совсѣмъ не пообѣдать, а швырнуть голодному желудку нѣсколько кусковъ хлѣба съ чаемъ? Пустяки... что отъ этого сдѣлается!.. Сегодня пустяки, завтра пустяки, нѣсколько лѣтъ—пустяки, а тамъ, глядишь, и отъ этого неисчерпаемаго капитала остались тоже одни только оскребки... Нервы разбиты, желудокъ работаетъ скверно, легкія хрипятъ,—прожито здоровье! Тогда и радъ бы

Digitized by Google

воротить всѣ эти недоспанные часы, недоѣденные обѣды, разбросанныя на вѣтеръ силы, да поздно, милый мой,—записывайся въ инвалиды!.. По моему, жить—такъ нужно постараться жить какъ слѣдуетъ, не кое-какъ передвигая ноги, не морщась и не охая при каждомъ движеніи. А иначе, пожалуй, не стоитъ и жить, потому что жизнь превращается въ одно сплошное мученіе. Удивительное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе! Если человѣкъ любитъ музыку и заводитъ себѣ, положимъ, хорошій рояль,—посмотрите, какъ бережно обращается онъ съ инструментомъ. Онъ не ставитъ на него горшковъ съ цвѣтами, не задвигаетъ въ сырой уголъ или къ горячей печкѣ, не отдаетъ на жертву пыли и паукамъ... И, въ то же самое время, этотъ же самый человѣкъ, который любитъ жизнь и хочетъ жить,—*какъ* онъ обращается съ драгоцѣннѣйшимъ изъ инструментовъ, со своимъ собственнымъ здоровьемъ?

— Что такое жизнь?—все съ той же скукой въ душѣ спросилъ Рытовъ.

— Жизнь?—переспросилъ Петръ Александровичъ несовсѣмъ хорошо понявъ значеніе этого вопроса и немного спутавшись въ мысляхъ.—Смыслъ жизни, цѣли жизни, разумѣется, могутъ представляться различными для различныхъ людей. Однако, какъ бы кто ни понималъ жизнь, а остается внѣ всякаго спора, что жить настоящею жизнью можетъ только здоровый человѣкъ. Больной человѣкъ—меньше чѣмъ получеловѣкъ. У больнаго человѣка—и мысли больныя, и чувства больныя, и стремленія больныя...

— Я знаю,—сказалъ Рытовъ, окончательно соскучившись слушать то, что онъ давно зналъ и слышалъ.—Это, въ своемъ родѣ, цѣлый гигіеническій катехизисъ. Въ свое время спать, въ свое время ѣсть, въ свое время прогуливаться... Избѣгать всякихъ сильныхъ душевныхъ порывовъ... Закрывать глаза передъ непріятными зрѣлищами; затыкать уши, когда начинаютъ говорить что нибудь печальное; гнать прочь отъ себя всякія черныя мысли и заботы. Какъ можно больше смѣяться, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Знаю я... Но мнѣ приходитъ въ голову, что настоящая-то жизнь, можетъ быть, именно и заключается въ этихъ безсонныхъ ночахъ, въ душевныхъ тревогахъ, отбивающихъ охоту ѣсть, въ печальныхъ воспоминаніяхъ о томъ, чего нельзя возвратить, въ черныхъ мысляхъ о томъ, чего нельзя передѣлать...

Digitized by Google

Петръ Александровичъ отодвинулъ отъ себя тарелку, отодвинулся самъ къ спинкѣ стула и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на сына, а потомъ засмѣялся своимъ обычнымъ веселымъ смѣхомъ.

— Чудакъ!.. Не ты чудакъ, а я чудакъ, что вздумалъ тебѣ проповѣдывать это. Хи-хи-хи!.. Разумѣется, ты, въ твои годы и при нерастраченномъ еще «неисчерпаемомъ» капиталѣ—здоровьѣ,—и не можешь разсуждать иначе. Послушайте его! Тогда-то именно и начинается настоящая жизнь, когда человѣкъ доходитъ до такого состоянія, что не можетъ спать, не хочетъ ѣсть... Хи-хи-хи... хи-хи-хи!

Петръ Александровичъ принялся пить чай, все еще посмѣиваясь и тихонько восклицая какъ бы для одного себя: «Душевныя тревоги»! «Безсонныя ночи»! «Черныя мысли»! Что еще»?..

— И почему тебѣ пришли въ голову именно «какія-то» «горькія воспоминанія о невозвратномъ» и «черныя мысли о томъ, чего нельзя передѣлать»? Что еще такое?—спросилъ онъ, переставъ посмѣиваться и посмотрѣвъ на сына съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Я не о себѣ,—отвѣчалъ Рытовъ.—Я думалъ въ это время объ Анѣ. Мнѣ думалось, какъ она вспоминала о своемъ прошломъ, и пришло въ голову, что эти печальныя воспоминанія навѣрное были для нея дороже всего въ мірѣ. Навѣрное она чрезвычайно удивилась бы, еслибы кто нибудь посовѣтовалъ ей гнать отъ себя эти воспоминанія, какъ вредныя для здоровья.

Петръ Александровичъ пожалъ плечами.

— Все Аня, Аня,—проговорилъ онъ.—Днемъ и ночью Аня... Экъ она завязла у тебя въ головѣ!

— Да, завязла,—согласился Рытовъ.

— Не понимаю!

Петръ Александровичъ кончилъ ѣсть и пить и, отодвинувъ отъ себя стаканъ, посмотрѣлъ на часы. Онъ имѣлъ обыкновеніе, покончивъ съ завтракомъ, спокойно посидѣть съ четверть часа и уже послѣ этого отправлялся прогуливаться. Онъ взглянулъ на сына, пододвинулъ къ нему пепельницу со спичками и опять посмотрѣлъ на него. Ему все казалось, что его «единственный», при всемъ своемъ наружномъ спокойствіи, не только

Digitized by Google

озабоченъ, а даже поглощенъ какою-то мыслью. Что такое? Не судьба же этой Ани, уже давнымъ давно успокоившейся въ своей могилѣ, озабочиваетъ его до такой степени.

— Ты, конечно, отправишься теперь по знакомымъ?—спросилъ онъ, слѣдя нѣсколько задумчивымъ взглядомъ за дымомъ, тоненькой струйкой поднимавшимся съ папиросы сына.

— Да... надо будетъ. Не знаю только, съ кого начать. Берестина нѣтъ сегодня, хотя именно съ нимъ-то мнѣ и хотѣлось бы увидѣться. Къ барынямъ его мнѣ... противно идти, хотя, въ сущности, не мѣшало бы сходить. Впрочемъ, не знаю... Но сначала, кажется, зайду къ Савеевымъ.

— Да, да, да!—вскричалъ Петръ Александровичъ, только теперь вспомнивъ о Савеевыхъ.—Конечно, къ нимъ. Онѣ, то есть, собственно Марья Михайловна и Женя, очень любятъ тебя. Бывало, безъ тебя, какъ только приду къ нимъ, тотчасъ же берутъ меня на абордажъ съ обоихъ боковъ и принимаются разспрашивать о тебѣ... въ два голоса.

Петру Александровичу, какъ и многимъ другимъ, казалось три года назадъ, что сынъ очень интересовался Женей и любилъ бывать у Савеевыхъ больше, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ семействѣ. Однако, теперь слова отца, повидимому, произвели на него такъ мало впечатлѣнія, что можно было усомниться, слышалъ ли онъ ихъ.

— Что у нихъ,—все по прежнему?—спросилъ онъ.

— Все то же. Василій Павловичъ,—надо ему воздать должное,—оказывается человѣкомъ съ очень устойчивымъ характеромъ. Онъ рѣшительно не намѣренъ признавать времени и не хочетъ обращать вниманія на то, что ему идетъ шестой десятокъ лѣтъ. По прежнему выписываетъ сапоги изъ Петербурга, и пальто заказываетъ не иначе, какъ на атласной подкладкѣ... и всегда въ такомъ видѣ, точно сейчасъ отправляется къ невѣстѣ.

— И по прежнему почти не бываетъ дома?

— Само собою. Утромъ читаетъ газеты и подписываетъ бумаги на службѣ, а послѣ службы—въ клубъ. Признаться, мнѣ даже жаль его жену и дочь. Марья Михайловна—прекрасная женщина и всѣми силами старается какъ нибудь изворачиваться на тѣ крохи, которыя удѣляетъ имъ Василій. Все у нихъ въ порядкѣ, чисто, прилично, хотя, по правдѣ сказать,

Digitized by Google

я постоянно боюсь садиться на бѣлоснѣжные чехлы ихъ мягкой мебели, потому что пружины въ ней чувствуются чуть ли не подъ самыми чехлами. Давно бы надо было ремонтировать мебель... Женя—тоже славная дѣвушка. Завела ручную швейную машинку и собственными силами сооружаетъ теперь себѣ и матери какія тамъ понадобятся обновки. Премилая дѣвушка! Веселая, живая, съ порядочнымъ образованіемъ и развитіемъ, много читаетъ.

— Да, она хорошая,—согласился Рытовъ. — Жаль только, что у нея нѣтъ своихъ глазъ.

Петръ Александровичъ съ недоумѣніемъ воззрился на него.

— Какъ нѣтъ глазъ?.. На что?

— Да ни на что, мнѣ кажется. Своими глазами она плохо видитъ,—нѣсколько разсѣянно отвѣчалъ Рытовъ.—Какъ бы это пояснить? Ну, да вотъ: вы помните, вчера разсказывали вкратцѣ исторію Семеновой, этой нашей сосѣдки, которая, богъ знаетъ съ какими усиліями, воспитала сына, а сынъ, какъ только покончилъ съ образованіемъ, сейчасъ же и умеръ. Я хочу сказать, что еслибы Женя прожила хоть десять лѣтъ почти что рядомъ съ этою женщиной и имѣла возможность своими глазами наблюдать всю эту исторію, то не замѣтила бы въ ней ничего особеннаго. Но еслибы нашелся человѣкъ, который объяснилъ бы ей, какую каторгу несла Семенова со своими жильцами, какую работу она продѣлывала и какъ отказывала себѣ даже въ лишнемъ кускѣ хлѣба, чтобы дать сыну возможность учиться... Да, кстати ужь, объяснилъ бы также и то, *что* Семенова должна была почувствовать, когда этотъ сынъ умеръ... Ну, тогда только Евгенія Васильевна поняла бы все. Тогда она сначала расплакалась бы отъ жалости, а потомъ стала бы смотрѣть на эту старушку, какъ на святую, и, очень можетъ быть, поцѣловала бы у нея руку.

— Съ чего ты взялъ? Съ чего онъ взялъ все это?—съ прежнимъ недоумѣніемъ проговорилъ Петръ Александровичъ.—Ну, да хорошо; положимъ, что и такъ. Но развѣ много найдется дѣвушекъ, которыя почувствовали и поступали бы вотъ такъ, какъ ты говоришь?

— Разумѣется, немного. Я же говорю, что она хорошая. Но дѣло въ томъ, что еслибы послѣ этого пришелъ другой человѣкъ, изъ тѣхъ, которые плохо вѣрятъ въ безкорыстныя

Digitized by Google

привязанности, и сказалъ бы Женѣ, что эта «святая» имѣла въ виду только свои личные интересы и мечтала только о томъ, какъ она будетъ жить барыней, когда ея сынъ получитъ хорошее мѣсто,—Женя, пожалуй, повѣрила бы и этому. А если и не повѣрила бы совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ не знала бы, кому повѣрить, и такъ и осталась бы въ недоумѣніи, сидя между двумя стульями. Ей необходимо нужно кому нибудь вѣрить, потому что своего мнѣнія она не въ состояніи составить себѣ.

Рытовъ всталъ. Петръ Александровичъ посмотрѣлъ на часы и тоже всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—это ты преувеличиваешь, если не совсѣмъ ошибаешься. Впрочемъ, очень можетъ быть, что до твоего отъѣзда она и въ самомъ дѣлѣ была такою, потому что не успѣла еще установиться. Но съ тѣхъ поръ прошло три года,—срокъ большой для дѣвушки ея лѣтъ... Нѣтъ ничего подобнаго тому, что ты говоришь.

На лицѣ Рытова бродила чуть замѣтная усмѣшка. Онъ почти нисколько не сомнѣвался въ томъ, что если отецъ проникся теперь такимъ благорасположеніемъ къ Женѣ, то это означало, что она въ послѣднее время относилась къ нему съ большимъ вниманіемъ и ни въ чемъ не противорѣчила ему.

— Повторяю, она премилая дѣвушка,—сказалъ Рытовъ еще разъ.—А если у нея нѣтъ своихъ глазъ, такъ нужно и то спросить: у кого они есть? Люди съ самостоятельнымъ мнѣніемъ встрѣчаются также рѣдко, какъ и люди саженнаго роста. Всѣ мы думаемъ не своими мыслями, а такъ, какъ думаютъ кругомъ насъ и какъ написано въ книжкахъ... Ну, я пойду.

— Сейчасъ и я иду.

IX.

Рытову опять подумалось, что именно теперь, покуда Берестина еще нѣтъ въ городѣ, было бы довольно интересно явиться неожиданно къ его барынямъ и послушать, *что* онѣ будутъ говорить объ Анѣ. Но онъ до такой степени не любилъ этихъ «бѣлыхъ галокъ», что рѣшилъ отложить на нѣкоторое время это непріятное свиданіе и прежде побывать у Савеевыхъ.

Digitized by Google

Савеевы жили недалеко, во второмъ этажѣ бѣлаго каменнаго дома съ парадным ходомъ на улицу. Дверь на улицу запиралась только на ночь. Рытовъ поднялся по чистой, пустой лѣстницѣ и позвонилъ въ квартиру. Кто-то, довольно издалека, подбѣжалъ къ двери, отперъ ее и тотчасъ же опять пустился бѣжать обратно, такъ что, когда Рытовъ вошелъ въ прихожую, онъ увидѣлъ вдали только черную голову и бѣлое платьице какой-то поспѣшно улепетывавшей дѣвочки. Изъ глубины залы выглянула Евгенія Васильевна съ металлическимъ кувшиномъ въ рукахъ, изъ котораго она, какъ видно, поливала цвѣты. Рытовъ хорошо видѣлъ ее, но ей было плохо видно изъ свѣтлой залы въ полутемную прихожую, и она прищуривала глаза и вытягивала шею, стараясь разсмотрѣть, кто это пришелъ.

— Коля!.. Ты?—спросила она, очевидно думая, что пришелъ братъ.

— Нѣтъ, не онъ,—смѣясь, отвѣчалъ Рытовъ.

Теперь она узнала его и, поставивъ кувшинъ, сунулась сначала по направленію къ прихожей, потомъ бросилась обратно, крикнула въ сосѣднюю комнату: «Мама, мама! Григорій Петровичъ пріѣхалъ!..» и уже послѣ этого, взволнованная и раскраснѣвшаяся, воротилась къ входившему въ залу Рытову. Тотчасъ же вошла и ея мать, Марья Михайловна, довольно высокая, худощавая, но ширококостная и крѣпко сложенная женщина лѣтъ сорока пяти, съ располагающимъ и все еще довольно красивымъ лицомъ.

— Ну, слава богу, хоть одинъ воротился. А то все уѣзжаютъ да умираютъ; того и гляди, что ни одного своего человѣка не останется,—сказала она, дѣйствительно, очень обрадовавшись возвращенію Рытова, къ которому давно чувствовала большое расположеніе.

— Развѣ ужь такъ много убыло народа?—спросилъ Рытовъ.

— Конечно, въ городѣ не убыло; сколько было, столько и осталось. А нашего-то полку все убываетъ. Вы только посчитайте по порядку: старшая дочь уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ; потомъ сестра со всѣмъ семействомъ переселилась въ уѣздный городъ,—положимъ, не такъ ужь далеко, а все-таки почти за сотню верстъ. Потомъ вы уѣхали; послѣ васъ, Катерина Аѳанасьевна, старая моя подруга и пріятельница, забо-

Digitized by Google

лѣла и умерла; послѣ этого, внучекъ мой, Коли сынишка, померъ, а теперь и самъ Коля съ семействомъ скоро уѣзжаетъ отсюда въ Ташкентъ.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ...—проговорилъ Рытовъ, съ участіемъ думая о томъ, что Марья Михайловна, такъ любившая и старшую дочь, и сестру, и сына, и умершаго внучонка, остается теперь почти совсѣмъ одна, съ младшей дочерью и съ мужемъ, почти никогда не бывающимъ дома.

— Вотъ и посудите сами,—продолжала она.—Завидовать, конечно, нехорошо, а иной разъ, правду скажу, съ какой-то завистью подумаешь объ иныхъ людяхъ. Есть и другія семьи, въ которыхъ и отцы, и дѣти, и сестры, и братья—всѣ какъ-то держатся въ одной кучѣ, всѣ жмутся поближе другъ къ другу. Теплѣе... А насъ точно вѣтромъ разноситъ,—кого на одинъ край свѣта, кого на другой. Сейчасъ, сейчасъ иду!—крикнула она въ другую комнату, изъ двери которой высматривала кухарка.

Тамъ, въ той комнатѣ, слышались дѣтскіе и не дѣтскіе голоса, слышалось топанье дѣтскихъ ногъ, побрякиваніе посуды; въ прихожей стоялъ небольшой чемоданъ, а на столикѣ около двери было что-то слишкомъ много всякихъ маленькихъ и большихъ женскихъ шляпъ.

— Кажется, я забрелъ къ вамъ не во-время,—сказалъ Рытовъ.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчала Марья Михайловна.—Тамъ у меня хоть и гости, да свои. Пріѣхала со своими ребятишками одна родственница, изъ того города, гдѣ поселилась теперь сестра. Старые да малые... Женичкѣ тамъ и вовсе нечего дѣлать; пусть она разскажетъ о нашихъ дѣлахъ. А я пойду туда; вотъ, кофею вамъ пришлю сюда.

Покуда они разговаривали, Евгенія Васильевна, не успѣвшая сказать и десяти словъ, посматривала на Рытова такими глазами, какъ будто слышала о немъ чрезвычайно много интереснаго, но увидѣла его только въ первый разъ. Дѣло заключалось въ томъ, что хотя они были знакомы довольно давно и хорошо, однако за все это время знакомства она обращала на Рытова не больше вниманія, чѣмъ на другихъ, бывавшихъ у нихъ, молодыхъ людей. Но потомъ, когда Рытовъ уѣхалъ на постройку желѣзной дороги, случилось какъ-то такъ, что Бузуновъ, почувствовавшій себя почти осиротѣвшимъ безъ него,

Digitized by Google

однажды разговорился о немъ съ Евгеніей Васильевной и сказалъ, въ концѣ концовъ, что другаго, до такой степени безупречнаго человѣка, какъ Рытовъ, ему еще не приходилось встрѣчать. Евгенія Васильевна слушала его съ величайшимъ изумленіемъ, отъ котораго у нея даже приподнялись брови. Онъ... Рытовъ!.. Этотъ ровно ничѣмъ не выдававшійся Рытовъ,—носившій имъ новыя книги журналовъ, которыя трудно было во-время доставать изъ библіотеки; такъ часто провожавшій ее къ Анѣ или отъ Ани, и такъ просто разговаривавшій о самыхъ простыхъ вещахъ,—оказывается вдругъ, по словамъ Бузунова, какимъ-то рыцаремъ безъ страха и упрека!.. Евгенія Васильевна была до того озадачена неожиданностью этого «оказательства», что только слушала и не нашлась ничего сказать. Потомъ, когда Бузуновъ ушелъ, она еще долго перебирала въ головѣ все слышанное отъ него и, наконецъ, съ какимъ-то растереннымъ видомъ обратилась къ Марьѣ Михайловнѣ. «Мама! Знаете ли, что говорилъ сегодня Бузуновъ»?—спросила она и пересказала все, что слышала о Рытовѣ. Марья Михайловна спокойно выслушала ее, минуточку подумала и потомъ также спокойно сказала: «Что же, пожалуй, очень похоже, что онъ такой и есть. Онъ такой и долженъ быть»... Евгенія Васильевна была окончательно поражена. Какъ же это она столько времени не замѣчала въ немъ ровно ничего особеннаго?.. Она довольно долго думала о Рытовѣ; потомъ на нѣкоторое время забыла о немъ; послѣ этого опять начала вспоминать все чаще, чаще и, наконецъ, стала даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидать: скоро ли онъ воротится?.. И вотъ теперь, пользуясь тѣмъ, что онъ не смотрѣлъ на нее, она разсматривала его съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы теперь-то намѣрена была во что бы то ни стало увидѣть все, чего не досмотрѣла прежде. Однако, ровно ничего особеннаго или новаго она не находила въ немъ и теперь. Все такое же некрасивое, очень загорѣлое и обвѣтрившееся лицо съ красноватымъ цвѣтомъ кожи; тотъ же вздернутый носъ съ широкими ноздрями, точно испеченными на солнцѣ; тѣ же небольшіе усики и жиденькая бороденка клиномъ, совсѣмъ не подходившая къ его широкому лицу съ выдавшимися скулами. «Индѣецъ», подумала она и покраснѣла, потому что какъ разъ въ это самое время онъ обратился къ ней.

Digitized by Google

— Ну-съ, разсказывайте о вашихъ дѣлахъ,—сказалъ онъ, въ свою очередь всматриваясь въ ея лицо, нѣсколько измѣнившееся за три года.

— Нѣтъ, ужь извините. Вамъ довольно было говорено о нашихъ дѣлахъ, а теперь скажите что нибудь и о вашихъ,—отвѣчала она.—Правда ли,—здѣсь говорили недавно,—что вы такъ и останетесь служить на этой новой желѣзной дорогѣ? Неужели вы пріѣхали сюда только повидаться?

— Нѣтъ, это неправда. Тамъ я не буду служить, но вообще о моемъ будущемъ покуда еще ничего не знаю. Какъ приведется,—отвѣчалъ онъ и, продолжая на нее смотрѣть, прибавилъ:—Странное дѣло: вмѣсто того чтобы хоть немножечко постарѣть за эти три года, вы ухитрились еще помолодѣть. Какимъ образомъ могло это сдѣлаться?

Она съ улыбкой наклонила голову, подтверждая, что, дѣйствительно, должна казаться моложе.

— Самымъ простымъ образомъ. Въ послѣдній годъ, когда вы здѣсь были, не знаю, что̀ такое со мной сдѣлалось, только я очень облѣнилась и потолстѣла. А потомъ пошли всѣ эти перемѣны, разъѣзды, тревоги,—я опять подтянулась.

Направляемая, по мѣрѣ надобности, разспросами Рытова, она принялась разсказывать о всѣхъ этихъ маленькихъ семейныхъ дѣлахъ: о переѣздѣ старшей сестры съ мужемъ въ Петербургъ, о своей собственной поѣздкѣ къ нимъ и о жизни съ ними, о долгой болѣзни брата, случайно зашибшаго себѣ колѣно о подножку вагона, объ операціи, которую ему пришлось перенести, о томъ, что начальникъ брата переводится въ Ташкентъ и зоветъ съ собой и Колю на очень хорошее мѣсто.

— Да, большія перемѣны,—согласился Рытовъ.—Теперь пошли, конечно, новые люди и знакомства?..

— Есть... Но только все не то, что̀ было прежде,—отвѣчала она, и вдругъ, всплеснувъ руками, воскликнула:— А Аня, Аня-то!?.

— Да,—проговорилъ Рытовъ, только и дожидавшійся того момента, когда она вспомнитъ наконецъ о той, которую называла лучшимъ своимъ другомъ.

— Кто бы могъ ожидать этого? Такая здоровая, сильная... Никогда не уставала, хотя бы цѣлый день была на ногахъ,

Digitized by Google

ничего не боялась: ни дождя, ни вѣтра, ни мороза, никакихъ простудъ!—восклицала она и смотрѣла на Рытова такими глазами, точно будто спрашивала: какъ же это совершаются на свѣтѣ такія ужасныя вещи? На нижнихъ вѣкахъ ея потемнѣвшихъ глазъ переливались слезинки; губы слегка подергивались.

— Вы были въ то время въ Петербургѣ?—спросилъ Рытовъ.

— Да, все время... Я ничего не знала и ничего не могу понять. Мы всегда были съ нею очень дружны. Я ее очень любила, и мнѣ казалось, что и она меня любила. Я никогда не сдѣлала ей ничего дурнаго даже въ мысляхъ и ничѣмъ не виновата передъ нею; а между тѣмъ она вдругъ перестала мнѣ писать и не отвѣчала на мои письма,—говорила, точно жаловалась, Евгенія Васильевна, и опять смотрѣла на него такими глазами, какъ будто ожидала, что онъ поможетъ разрѣшить эту, тревожившую ее, загадку.

— Оттого, вѣроятно, не писала, что хорошаго было мало, а о дурномъ она не хотѣла писать,—проговорилъ Рытовъ.

— Ну, да... это потомъ, когда она расхворалась и видѣла, что не можетъ выздоровѣть. Это еще можно какъ нибудь объяснить. А раньше, до болѣзни?

— Вы уже не застали ея въ живыхъ?

— Нѣтъ... Я вѣдь говорю, что ровно ничего не знала толкомъ. Такія всѣ, право странныя, не исключая и мамы: только и писали мнѣ, точно сказку про бѣлаго бычка, что Аня все не можетъ поправиться, да все не можетъ поправиться. Можно было подумать, что онѣ со дня на день ожидали ея выздоровленія... И чего молчали, не могу понять. Не хотѣли разстраивать меня? Или боялись, что я сейчасъ же брошу петербургскія удовольствія и пріѣду сюда... и сейчасъ же захвораю сама, какъ только увижу ее?.. Право, все это вышло до того странно, что я ничего не могу понять. Бузуновъ, должно быть, самъ ничего не знаетъ. Николай Ильичъ теперь уже давно не показывается къ намъ, а прежде, когда онъ приходилъ изрѣдка, отъ него нельзя было ничего добиться. Придетъ, молчитъ, заговоритъ богъ знаетъ о чемъ и, не договоривъ до конца, опять уйдетъ. Я думала, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится: такой онъ былъ страшный и несчастный.

Digitized by Google

Лицо Рытова, внимательно слушавшаго ее, становилось все задумчивѣе и задумчивѣе. Въ разсказанномъ ею, дѣйствительно, было кое-что странное, хотя совсѣмъ не то, что Марья Михайловна скрывала отъ дочери безнадежность положенія Ани. Въ высшей степени странно было то, что Аня, въ самомъ дѣлѣ очень любившая Евгенію, вдругъ перестала писать къ ней и даже отвѣчать на ея письма. Объяснить это можно было чуть ли не однимъ только тѣмъ, что писать неправду Аня не хотѣла и не могла, а правда была до такой степени нехороша, что лучше было молчать.

— Хотѣлъ бы я... хотѣлъ бы я знать только одно: какъ это могло устроиться, что онъ поселилъ Аню вмѣстѣ со своими сестрами и матерью? — проговорилъ Рытовъ какъ бы про себя.

— Но это же не онъ... Это она сама хотѣла такъ... Объ этомъ она писала мнѣ съ самаго начала.

— Кто это? Анна Родіоновна, бѣдная голубка?—спросила Марья Михайловна, вошедшая въ это время въ комнату и слышавшая вопросъ Рытова и отвѣтъ дочери.—Сама она, сама!.. Не знаю ужь, чѣмъ это объяснить. Тѣмъ ли, что она не знала, какіе бываютъ люди на свѣтѣ, и думала, что ей вездѣ будетъ хорошо; или, можетъ быть, она не хотѣла, по своей деликатности, разстраивать чужіе порядки... Потомъ-то она какъ будто увидала, что сдѣлала ошибку, да тогда ей, кажется, было ужь все равно. А, впрочемъ, не берусь судить,—какъ-то осторожно прибавила она, видимо стѣсняясь говорить обо всемъ этомъ, и затѣмъ вдругъ перебила сама себя:—Ахъ, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вѣдь ваша старая-то пріятельница, Дарьюшка-то, здѣсь теперь, у насъ.

— Няня?—вскричалъ Рытовъ, разомъ выдя изъ своей задумчивости и поднявшись со стула.

— Здѣсь, здѣсь... Все это время она жила у сестры, а когда теперь эта наша родственница надумалась съѣздить сюда, то прихватила съ собой и Дарьюшку. Надо будетъ показать ее глазному доктору, потому что у нея стали очень слабы глаза... Женя васъ проводитъ къ ней... У насъ-то помѣщеніе крошечное и нѣтъ нигдѣ свободнаго угла, такъ что мы помѣстили ее на это время во флигелькѣ, у прачки.

— Ведите, ведите, Евгенія Васильевна,—сказалъ Рытовъ.

Digitized by Google

— Проводи Григорія Петровича и приди ко мнѣ на минутку,—проговорила Марья Михайловна дочери.

X.

Въ углу двора приткнулся маленькій невзрачный флигелекъ съ почернѣвшими отъ времени бревенчатыми стѣнами, съ черной крышей, обитой толемъ, который давно сдѣлался никуда не годнымъ и во время вѣтра хлопалъ и развѣвался по воздуху своими изодранными листами. Всѣ три крошечныя комнатки флигеля стояли теперь съ растворенными настежъ дверями и, повидимому, пустыя, такъ какъ сама хозяйка возилась съ бѣльемъ на дворѣ, а ея ребятишки еще съ утра пропадали на улицѣ или неизвѣстно гдѣ.

— Да не уплелась ли куда нибудь и няня?—проговорила Евгенія.—Нѣтъ, вотъ она. Няня, я привела къ тебѣ гостя!

Въ самой дальней изъ комнатокъ, въ уголкѣ около раскрытаго окошка, передъ которымъ стоялъ некрашенный сосновый столъ, неслышно копошилась съ вязаньемъ чулка старая-старая старушка, пытаясь привести въ порядокъ какую-то спущенную петлю. Волосъ ея не было видно, потому что голова была повязана темнымъ ситцевымъ платкомъ. Лицо ея казалось скорѣе красноватымъ, чѣмъ блѣднымъ или безкровно-желтымъ, но было до того изборождено даже не морщинами, а глубокими складками, что казалось покрытымъ истрескавшеюся корой, сквозь которую просвѣчивали изъ глубины ввалившіеся темные глаза, сохранившіе въ себѣ еще много жизни и блеска. Она насчитывала себѣ уже больше восьмидесяти лѣтъ, что, однако же, нисколько не мѣшало ей считать себя еще способною работать и, поэтому, обязанной работать и помогать всѣмъ, кому представлялась возможность помочь. По утрамъ она ходила въ господскія комнаты мести полъ и стирать пыль съ мебели; въ кухнѣ помогала прислугѣ ставить самовары, рубить говядину для котлетъ, щепать лучину для растопки. Въ послѣднее время ее смущало только то обстоятельство, что у нея дѣлались плохи глаза. Подметая полъ, она не видѣла иногда, что выметенный изъ угловъ соръ оставляетъ посерединѣ комнаты; вытирая пыль, она не замѣчала, что взяла грязную или сальную тряпку и пачкаетъ мебель. И когда ей говорили, что

Digitized by Google

напрасно она берется не за свое дѣло, которое сдѣлается и безъ нея; что ея работа заключается только въ томъ, чтобы присматривать за ребятишками, старушка печально вѣшала голову и съ горечью задумывалась о томъ, что дѣлается ни на что не годною. Лишнею обузою она не привыкла и не хотѣла быть.

— Ась?... Гостя?.. Да это не Иванъ ли Васильевичъ?.. Батюшки, да это вотъ кто!—воскликнула она, разсмотрѣвъ наконецъ, что, вмѣсто блѣдной физіономіи Бузунова, передъ нею находится красное лицо Рытова, и вдругъ, неожиданно для него, вся затряслась и расплакалась со всхлипываніями и стенаніями.

Она любила Бузунова, любила Евгенію, Марью Михайловну, ея сестру, добродушнаго мужа этой сестры, но Рытовъ былъ уже давно ея особеннымъ любимцемъ, конечно, больше всего за то, что онъ и самъ любилъ ее, видя, съ какою любовью относится Аня къ этой старухѣ, выняньчившей не только ее, но и ея мать. Онъ постоянно доставлялъ «нянѣ» заказы на вязанье носковъ для него самого и для его знакомыхъ, всегда помнилъ день ея именинъ и приносилъ ей хорошій подарокъ; каждый разъ, приходя къ Софьѣ Андреевнѣ, не забывалъ навѣдаться къ Дарьюшкѣ и, наконецъ, послѣ смерти Ани, онъ положилъ старухѣ ежемѣсячную пенсію. Впрочемъ, Бузуновъ, черезъ котораго шли эти деньги, нѣсколько видоизмѣнилъ порядокъ ихъ выдачи. Узнавъ, что старуха, какъ только получала эти деньги, тотчасъ же и спускала ихъ, потому что немедленно принималась выдумывать разные маленькіе подарки «барынѣ» и «барину», гостинцы и игрушки дѣтямъ, а остальное у нея разбирали «взаймы» сосѣди и сосѣдки,—онъ попросилъ сестру Марьи Михайловны выдавать деньги простодушной Дарьюшкѣ не помѣсячно, а понедѣльно. Это оказалось лучше, и если деньги все таки не задерживались у старухи, то, по крайней мѣрѣ, у нея всегда было масло передъ иконами.

— Пріѣхалъ таки!?. Куда пропалъ? Уѣхалъ да и пропалъ! Проворонилъ Аннушку-то... И проститься съ ней не пожаловалъ!—осипшимъ отъ слезъ голосомъ восклицала она сквозь всхлипыванія.

Рытовъ, сѣвшій передъ нею на сундукѣ, съ досады ударилъ кулакомъ по его краю.

Digitized by Google

— Я же выхожу виноватъ!—съ сердцемъ сказалъ онъ.— Да почему я могъ знать, что у васъ тутъ дѣлается... По картамъ, что ли? Хоть бы ты, старая, догадалась сунуть двугривенный какому нибудь писаришкѣ и заставила бы его написать мнѣ о вашихъ дѣлахъ. Такъ вѣдь и ты молчала. Откуда же мнѣ было знать?..

Нѣсколько озадаченная этимъ нападеніемъ на нее, Дарьюшка перестала всхлипывать.

— Аннушка-то развѣ ничего не писала тебѣ? — спросила она, помолчавъ.

— Что она писала мнѣ? Ровно ничего не писала,—сердито отвѣчалъ Рытовъ.—Написала только одно письмо, что выходитъ замужъ,—вотъ и все. Больше—ни слова. Всѣ точно рты себѣ позавязали!..

— Такъ, такъ, — подтвердила старуха, нѣсколько разъ кивнувъ головой.—Такой ужь у нея былъ характеръ, что жаловаться она не любила. Все на себя старалась принять. Бывало, совсѣмъ еще маленькая, изъ-за стола не видно, а покажется ей, что ее обидѣли или насмѣялись надъ ней, тотчасъ въ уголъ забьется. Только нахмурится да слезы глотаетъ, да еще губы себѣ покусываетъ, а словами и не подумаетъ жаловаться. Такъ и померла, голубушка, никому не жаловавшись.

Плечи старухи опять вздрогнули раза три, и она медленно принялась вытирать свернутымъ въ комочекъ платкомъ свои морщины, въ глубинѣ которыхъ терялись слезы.

— И тебѣ не жаловалась?—спросилъ Рытовъ.

— И мнѣ прямыми словами ни на что не жаловалась. Такъ только... посмотритъ въ глаза, будто хочетъ расплакаться, да одинъ разъ, незадолго передъ смертью, сказала: «Глупы мы—говоритъ—съ тобой, старая. И я дура, а ты еще хуже дура, потому что вчетверо больше моего прожила на свѣтѣ. Жили, жили, а такъ и не догадались, что не всякому человѣку можно вѣрить. Какъ ты безъ меня-то будешь перебиваться»?..

Рытовъ съ минуту сидѣлъ, нахмуривъ брови, и изподлобья смотрѣлъ на бѣлый столъ, на которомъ лежалъ чулокъ со спицами, довольно большой кусокъ бѣлаго ситнаго хлѣба; стояла сахарница, стояла чашка, опрокинутая вверхъ дномъ на чайное блюдечко, и ползали мухи.

Digitized by Google

— Ты, вѣдь, тоже жила у нихъ, у Берестиныхъ?—спросилъ онъ.

— Жила. Только не все время. Потомъ меня выжили.

— Кто?.. Тѣ... галки?

— Онѣ—не онѣ... Самимъ-то имъ не удалось бы меня выжить. Я ужь какъ нибудь перемоглась бы, засунулась бы себѣ въ уголъ и не ушла бы отъ *нея*. Да Аннушка сама велѣла мнѣ уходить. Она и прежде сколько разъ говорила мнѣ: «Лучше бы ты куда нибудь уходила, старая, по-добру, по-здорову. Заѣдятъ онѣ тебя». — «Небось, говорю, не заѣдятъ, подавятся»... Ну, какъ нибудь и прожила бы, да привелось такъ, что Аннушка сама своими глазами увидѣла, какъ онѣ наскакиваютъ на меня. Случись какъ-то, что забѣжалъ къ намъ въ кухню котеночекъ сѣренькій, совсѣмъ еще маленькій, точно воробушекъ. Кухарка,—Марѳа тогда была, пьяница, да добрая душа,—посадила его на окно, мяса ему дала, а онъ не сталъ ѣсть,—малъ, что ли, еще былъ. «Надо бы—говоритъ—ему молочка согрѣть, да негдѣ». Было еще рано, и плиту не начинали топить. «Дай—говорю—я посмотрю, нельзя ли согрѣть на самоварѣ; можетъ, еще не начинали пить чай». А Марѳа только что отнесла самоваръ въ столовую. Ну, пошла я; вижу, что еще никого нѣтъ въ столовой, взяла блюдечко съ молокомъ и хочу его поставить на камфорку. Только ужь не знаю, что такое,—пальцы ли у меня соскользнули съ блюдечка, сама ли я, тянувшись черезъ столъ, пошатнулась,—только молоко-то у меня и расплескалось. Попало и на уголья, въ самоварную трубу, затекло и въ самоваръ подъ крышку, наплескалось и на подносъ... Ну, извѣстно, дымъ повалилъ изъ трубы, чадно стало... «Батюшки»! думаю... «Набѣленыя»-то услышали этотъ чадъ, сейчасъ и повыскакали изъ своей спальни. «Ахъ, ахъ, ахъ!.. Что это такое?.. Что ты надѣлала, скверная корга?.. Намъ идти надо, а теперь и чаю нельзя напиться... Ахъ, мерзкая, ахъ, противная! Да какъ ты смѣешь таскаться по комнатамъ и распоряжаться въ чужомъ домѣ? Пошла, пошла»!.. Ну, одна подскочила и толкаетъ меня. Я ошалѣла, стараюсь только какъ нибудь устоять на ногахъ и придерживаюсь за дверку, а тутъ подскакиваетъ другая и начинаетъ шлепать меня по рукамъ. «Пошла, пошла»!.. На этомъ самомъ насъ и застала Аннушка, какъ вышла изъ своей комнаты. Взяла она меня за

Digitized by Google

руку, увела въ кухню. «Нельзя — говоритъ — тебѣ оставаться здѣсь»... Хоть была больна, а сейчасъ же поѣхала къ Марьѣ Михайловнѣ, и придумали онѣ вмѣстѣ помѣстить меня къ Ольгѣ Михайловнѣ. Ну, извѣстно, я—ревѣть: какъ я оставлю Аннушку? Добро бы она была хоть здорова... А Аннушка твердитъ одно: «Нельзя тебѣ оставаться здѣсь! Пойми ты, старая, что не могу же я не спускать съ тебя глазъ; а какъ только тебя нѣтъ у меня на виду, такъ я и буду думать, что онѣ богъ знаетъ что дѣлаютъ съ тобой»!..

— А что же онъ-то, онъ... самъ Берестинъ?..

— Да онъ-то, пожалуй, еще позлѣе ихъ, — съ горечью отвѣчала Дарьюшка.—Одно развѣ, что не кричитъ и не толкаетъ, а только скрипитъ зубами. Встрѣтишься съ нимъ какъ нибудь въ дверяхъ да не успѣешь скоро посторониться со своими старыми ногами, такъ не знаешь, въ какую сторону и броситься. Такъ глазами своими злыми и ворочаетъ... Я отъ него не только добраго или ласковаго, а и просто путнаго слова никогда не слыхала...

Рытовъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону.

— Что же... по твоему, онъ не любилъ Аню?—вдругъ, какъ-то неожиданно для самого себя, спросилъ онъ.

Старуха только махнула рукой.

— Какое ужь тутъ любилъ!.. Хоть бы пожалѣлъ-то немного, такъ и за то надо было бы сказать спасибо,—отвѣчала она.— Всѣ въ домѣ, до послѣдней домовладѣлицыной судомойки, полько покачивали головами: у него молодая жена такъ больна, а онъ чуть не каждый вечеръ посиживаетъ у своей прежней пріятельницы, акушерки... Валентины, что ли,—забыла ея фамилію...

— Паклиной?

— Паклиной... Одинъ разъ, Аннушкѣ было что-то больно нехорошо, — докторъ навѣдывался въ тотъ день никакъ раза три. А подъ вечеръ и приходитъ эта Валентина. Позвонила у парадной двери и велѣла позвать его. «Сейчасъ—говоритъ—позовите сюда Николая Ильича»! Ну, онъ выскочилъ къ ней на лѣстницу, пошептался тамъ, а черезъ минутку, глядимъ, одѣлся, ушелъ съ нею, да и пропалъ часа на два... Вотъ онъ какъ любилъ жену!..

Рытовъ не спрашивалъ больше ни о чемъ, какъ будто и

Digitized by Google

слышаннаго имъ было уже совершенно достаточно для того, чтобы задуматься надолго.

— Жалости-то въ немъ—и той не было!—продолжала Дарьюшка, немного помолчавъ.—Только и зналъ, что злился да бѣлками ворочалъ. «Ты—говорилъ—сама не хочешь выздоравливать. Надо бы пользоваться хорошей погодой и бывать каждый день на воздухѣ, а ты сидишь, какъ приклеенная. Пойдемъ—говоритъ—пройдемся»... Аннушка помолчала, помолчала... «Хорошо—говоритъ—пойдемъ, если ты хочешь»... Ну, пошли... Водилъ онъ ее, должно быть, больше часу. А потомъ, какъ подошли къ дому и пришлось ей подниматься на лѣстницу, такъ она поднимется на три ступеньки да и остановится... объ стѣнку обопрется и духъ не можетъ перевести... Какъ нарочно, въ это время, докторъ идетъ. Увидѣлъ ее да и сталъ столбомъ и руки протянулъ впередъ. «Что—говоритъ—вы дѣлаете! Доканать себя хотите?»

Голова и плечи старухи опять затряслись, и изъ горла ея начали вырываться безсвязные, прерываемые всхлипываньями, звуки, напоминавшіе то меланхолическое кудахтанье курицы, то бульканье воды, выливаемой изъ бутылки.

— Ну, ну, ну!—сморщившись, проговорилъ Рытовъ, нервы котораго оказались вдругъ до того разстроенными, что отъ этого жалкаго старушечьяго плача у него у самого начались спазмы въ горлѣ.—Что ужь тутъ! Какъ ни тяни изъ себя душу, все равно, — прошлаго не воротишь. Хотѣлъ бы я знать только одно...

Онъ хотѣлъ спросить: «Изъ-за чего же, по твоему, Берестинъ женился?» и хотя понималъ, что няня была также мало способна отвѣтить на это, какъ и всякій другой человѣкъ, однако, все таки предложилъ бы этотъ вопросъ, еслибы не услышалъ, что кто-то вошелъ въ сосѣднюю комнату. Въ двери показалась Евгенія Васильевна и, взглянувъ на него, вдругъ сдѣлалась серьезной и какъ будто даже озабоченной. Ей съ перваго же взгляда бросилось на видъ, что его обыкновенно красное «индѣйское» лицо, почти лишенное способности блѣднѣть какъ слѣдуетъ, было теперь совсѣмъ желтое, и на этомъ желтомъ лицѣ странно свѣтились мрачные глаза съ черными, чуть не вдвое увеличившимися, зрачками. Это было точно совсѣмъ другое лицо.

Digitized by Google

— Я вамъ помѣшала разговаривать,—смущенно проговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро отвѣчалъ Рытовъ.—Для одного пріема, за глаза довольно и того, что мы наговорили. Прощай покуда, няня! Завтра я опять зайду къ тебѣ.

Онъ сунулся было къ двери, потомъ, опомнившись, пропустилъ впередъ Евгенію и пошелъ за нею, глядя себѣ подъ ноги.

— Кажется, она разстроила васъ,—нѣсколько нерѣшительно и какъ будто робко замѣтила дѣвушка, обыкновенно обращавшаяся съ нимъ, какъ съ хорошимъ старымъ знакомымъ, но теперь почувствовавшая въ немъ какого-то другаго, еще неизвѣстнаго ей человѣка.

— Очень,—коротко отвѣчалъ онъ.

Евгенія тоже слышала кое-что изъ того, что онъ услышалъ сейчасъ, но она была до такой степени убѣждена въ порядочности Берестина, что обыкновенно пропускала это слышанное мимо ушей, не придавая ему никакого серьезнаго значенія. Марья Михайловна, не очень долюбливавшая Берестина, смотрѣла на это дѣло нѣсколько иначе. Она знала напередъ, что свиданія со «старой» и ея разсказы заставятъ Рытова призадуматься, но никакъ не ожидала только, что онъ «призадумается» до такой степени.

— Какъ васъ перевернуло! — невольно проговорила она, встрѣтившись съ нимъ въ сѣняхъ, около чулана, изъ котораго доставала какую-то банку.—Еслибы знала, я бы вамъ не сказала, что она здѣсь.

— Не все ли равно? Развѣ я не поѣхалъ бы повидаться съ нею?—возразилъ онъ.

— Ну, все же... не такъ сразу. Увидѣлись бы съ Николаемъ Ильичемъ и больше подготовились бы къ ея разсказамъ. А то вѣдь я воображаю, чего она вамъ наговорила! Одно, старая, не дослышала, другое не разглядѣла, третье не такъ поняла, да ко всему этому надо еще прибавить, что у нея съ горя все перевернулось въ головѣ. Вышло богъ знаетъ что... Пойдемте, пойдемте въ комнаты.

XI.

Когда Рытовъ былъ еще у Савеевыхъ, ему пришло въ голову, что слѣдовало бы зайти къ Паклиной, потому что отъ

Digitized by Google

нея можно было бы узнать, пожалуй, даже больше цѣннаго, чѣмъ отъ кого бы то ни было другаго. Онъ и пошелъ было къ ней, но, пройдя шаговъ сто, пріостановился, постоялъ на одномъ мѣстѣ и медленно пошелъ обратно. Эта женщина всегда была ему почти противна; ему не хотѣлось идти къ ней, и онъ говорилъ самому себѣ, что лучше увидаться съ нею послѣ. Однако, черезъ какую нибудь минуту, онъ уже опомнился и, сказавъ себѣ, что дѣло идетъ не объ удовольствіи, а о томъ, чтобы по возможности подготовиться къ завтрашнему свиданію съ Берестинымъ, снова повернулся кругомъ и пошелъ по прежнему направленію.

Валентина оказалась дома, на прежней квартирѣ, и пила чай на просторномъ балконѣ, заставленномъ цвѣтами и обтянутомъ сѣроватой холстиной съ синей оторочкой и съ синими же кистями. Акушерка очень удивилась появленію Рытова, не только потому, что тоже слышала, будто онъ остается на желѣзной дорогѣ, при постройкѣ которой служилъ, но еще больше потому, что онъ бывалъ у нея крайне рѣдко: какіе нибудь раза два въ годъ, да и то лишь тогда, когда его приводилъ Берестинъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что она не только не обижалась за это на Рытова, но какъ будто проникалась еще бо́льшимъ уваженіемъ къ нему. Что̀ ему дѣлать у нея? Онъ вѣдь не изъ тѣхъ людей, которые не знаютъ, куда дѣвать себя, и суются въ первую попавшуюся по дорогѣ дверь, въ какую только можно войти. Это совершенно особенный молодой человѣкъ. Онъ съумѣлъ избрать себѣ подходящую для него и благодарную профессію, прекрасно поставилъ себя въ своемъ инженерномъ мірѣ, зарабатываетъ хорошія деньги, не разбрасываетъ зря ни ихъ, ни способностей, и навѣрное кончитъ тѣмъ, что высмотритъ себѣ порядочную дѣвушку съ богатымъ приданымъ, а затѣмъ женится и заживетъ счастливымъ, ни отъ кого не зависящимъ семьяниномъ.

— Вотъ ужь не ожидала, такъ не ожидала! — произнесла она, нисколько не скрывая своего удивленія.—Даже и во снѣ не видѣла, хоть сейчасъ только встала.

— Что это такъ? Были на практикѣ или кутили?—спросилъ Рытовъ.

— Нѣтъ, на практикѣ. Кучу̀ я рѣдко да, признаться, и не охотница. Вотъ засидѣться за винтомъ,—это я понимаю. Да и

Digitized by Google

то не дольше какъ до двухъ, до трехъ часовъ. А то какое удовольствіе—бродить потомъ съ сонными глазами или даже съ больной головой?

Она говорила правду. Эта была спокойная, холодная, разсчетливая женщина, небольшаго роста, съ бѣлой, круглой шеей, круглыми плечами, бѣлыми руками, на которыхъ позвякивали толстые золотые браслеты. Она была не хороша и не дурна собой, всегда чисто вымыта до послѣдняго уголка ногтя, аккуратно причесана, чисто одѣта, и если что̀ въ ней могло бросаться въ глаза болѣе наблюдательному человѣку, такъ это развѣ одно только спокойствіе ея позъ, движеній, жестовъ, голоса и, главное, взгляда,—прямаго, неподвижнаго и, до нѣкоторой степени, даже тяжелаго. Дѣйствительно, она была совершенно спокойна и за свое прошлое, и за настоящее, и за будущее Квартира у нея была устроена, какъ нероскошное, но уютное. гнѣздышко, «практика» не переводилась, заботъ особенныхъ не существовало, въ государственномъ банкѣ хранилось, въ вѣрныхъ процентныхъ бумагахъ, уже около двадцати тысячъ ея денегъ; воображеніе у нея было не пугливое, и поэтому она напередъ знала, что если съ нею не случится чего нибудь особеннаго и непредотвратимаго,—въ родѣ, напримѣръ, продолжительной или неизлѣчимой болѣзни,—то она и всю свою остальную жизнь проживетъ также недурно, какъ живетъ теперь. Какихъ нибудь «непростительныхъ глупостей» она, разумѣется, не надѣлаетъ,—не таковская она! Расплачиваться за чужія глупости и грѣхи—ей тоже не придется, хотя бы уже по одному тому, что она, слава богу, одинока. Правда, у нея былъ мужъ, уже около семи лѣтъ находящійся въ больницѣ для сумашедшихъ, но такъ какъ о немъ совершенно достаточно заботились его родные,—далеко не бѣдные люди,—то Валентина обыкновенно забывала о самомъ существованіи его и лишь очень, очень изрѣдка навѣдывалась къ нему въ больницу, единственно для того, чтобы быть въ состояніи отвѣчать на вопросы старыхъ знакомыхъ, иногда справлявшихся о состояніи его здоровья. Правда, у нея на рукахъ была старшая сестра, имѣвшая глупость выйти замужъ за какого-то сумасброда, чуть не двадцать лѣтъ дѣлившая съ нимъ всѣ невзгоды его безалаберной жизни, наконецъ похоронившая это сокровище и оставшаяся послѣ него разбитой, почти ни на что негодной старухой въ трид-

Digitized by Google

цать восемь лѣтъ. Но, во-первыхъ, содержаніе ея стоило очень недорого, а, во-вторыхъ, Валентина съумѣла устроиться такимъ образомъ, что съ появленіемъ въ домъ этого, повидимому, лишняго человѣка, жизнь ея пошла даже еще лучше и спокойнѣе, чѣмъ шла прежде. Всю исполнительную часть по хозяйству Валентина переложила на сестру. Сестра покупала провизію, дрова, уголья для самовара, наблюдала за кухаркой, за опрятностью кухни, за чистотою и порядкомъ въ комнатахъ, за бѣльемъ, платьемъ и обувью—рѣшительно за всѣмъ, а Валентинѣ оставалось только, не выходя изъ своей неподвижности, отдавать приказанія и дѣлать распоряженія. А что эти распоряженія будутъ исполнены въ точности, она нисколько не сомнѣвалась. Шутки съ нею были плохія...

Нѣсколько времени, она и Рытовъ говорили о разныхъ пустякахъ и городскихъ новостяхъ, покуда онъ не нашелъ, наконецъ, удобнаго момента завести рѣчь о томъ, о чемъ ему было нужно.

— Кстати ужь, о свадьбахъ,—сказалъ Рытовъ.—Объясните вы мнѣ, пожалуйста: какимъ это образомъ могло случиться, что Берестинъ хоть на нѣкоторое время ушелъ изъ-подъ вашей власти и даже попробовалъ обзавестись женой?

Валентина пренебрежительно засмѣялась.

— Будто вы его не знаете?—отвѣчала она.—Такимъ-то образомъ онъ безпрестанно уходитъ изъ-подъ моей власти. Вы попробуйте, возьмите его когда нибудь, въ хорошую погоду, подъ руку и пройдитесь съ нимъ... ну, хоть отсюда до гостиннаго двора. Посчитайте, сколько разъ онъ оглянется на встрѣчныхъ барышень и барынь... Онъ вѣдь не можетъ видѣть равнодушно ни одной красивенькой женской физіономіи.

— Признаться откровенно, я не замѣчалъ этого,—чистосердечно покаялся Берестинъ, нѣсколько удивленный.

Валентина пристальнѣе всмотрѣлась въ него, немножко подумала и тотчасъ же согласилась мысленно, что онъ, дѣйствительно, не такой человѣкъ, чтобы обращать вниманіе на подобныя вещи или интересоваться ими, а потому, конечно, и Берестинъ не распространялся передъ намъ о своихъ сердечныхъ увлеченіяхъ.

— Ну, такъ, значитъ, онъ при васъ не даетъ воли своимъ

Digitized by Google

глазамъ и воображенію, а находитъ болѣе подходящимъ разсуждать о какихъ нибудь серьезныхъ предметахъ. Онъ—такой, такой и есть. Знаетъ, какой стороной показаться каждому человѣку. Вы повѣрьте мнѣ, что я-то ужь не ошибаюсь, потому что знаю въ его душѣ каждый закоулочекъ, какъ въ этой моей квартирѣ... Юбочникъ!.. Дѣло только въ томъ, что у него очень разборчивый вкусъ, и частенько бываетъ, что женщина, заинтересовавшая его съ перваго взгляда, въ профиль,—разочаровываетъ его со втораго взгляда, en face... А то не понравятся уши, или шея, или руки, или голосъ...

Грудь Валентины слегка всколыхнулась отъ беззвучнаго смѣха.

— Однако, все таки рѣдкій годъ обходится безъ того, чтобы онъ не увлекся кѣмъ нибудь болѣе серьезно... по своему... то есть, недѣли на двѣ, на три, а то и на цѣлый мѣсяцъ...

Она еще раза два всколыхнулась отъ того же беззвучнаго смѣха, а ея щоки приподнялись къ скуламъ, оттянувъ верхнюю губу и обнаживъ бѣлые мелкіе зубы.

— Однако... вы относитесь къ этому... даже весело,—замѣтилъ Рытовъ.

— Да мнѣ-то что? Плакать, что ли?.. Или вы думаете, что я влюблена въ него и смотрю на него, какъ на такое сокровище, потерять которое все равно, что лишиться свѣта?.. Никогда я не была влюблена ни въ него да и ни въ кого другаго... цѣну ему знаю также хорошо, какъ бутылкѣ пива. Вся-то его цѣна для меня только въ томъ и заключается, что я привыкла, чтобы онъ таскался ко мнѣ и смѣшилъ меня своими дурацкими несчастіями и страданіями. Только и всего,—привычка... Да къ тому же, я вѣдь отлично знаю, что онъ никогда отъ меня не уйдетъ далеко, и чѣмъ дольше не показывается ко мнѣ, тѣмъ болѣе сумашедшіе глаза будутъ у него, когда онъ прибѣжитъ ко мнѣ и станетъ высматривать, не подписала ли я ему чистую отставку... Не прошло, кажется, и пяти недѣль послѣ этой его женитьбы, какъ онъ уже прибѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ себя за волосы, закричалъ: «Адъ, адъ, адъ»! Я тогда пила чай, да такъ и покатилась со смѣха,—едва, едва успѣла сунуть чашку на подносъ. «Адъ, адъ, адъ»! и таскаетъ себя за волосы. Нужно было видѣть эту нелѣпую фигуру...

Digitized by Google

Она опять дала на нѣсколько секундъ волю своему беззвучному смѣху, а Рытовъ грызъ мундштукъ давно погасшей папиросы и красноватое лицо его становилось все болѣе и болѣе желтымъ.

— Однако, надо думать, что на этотъ разъ его увлеченіе было посерьезнѣе обыкновеннаго,—сказалъ онъ.—Дѣло дошло даже до женитьбы, хотя онъ прежде постоянно говорилъ, что никогда не женится.

— Это было прежде,—отвѣчала она.—А въ послѣдніе годы у него пошла такая путаница въ дѣлахъ, что она и одна могла довести его до женитьбы... безъ всякаго увлеченія. Путаница невообразимая! Право, я ужь и не знаю... глупымъ его, кажется, нельзя назвать, а присмотришься къ тому, какъ онъ устраиваетъ свои дѣла,—такъ только разведешь руками. На тѣ двѣ съ половиной тысячи, которыя онъ получаетъ, можно бы недурно жить, даже и съ его семейнымъ штатомъ. Онъ же ухитрился устроиться такъ, что у него съ каждымъ мѣсяцемъ прибавляется все больше и больше долгу. Знакомымъ долженъ, въ лавки долженъ, а въ послѣдніе годы у него расплодились даже и векселя, по которымъ приходится уплачивать порядочные проценты. «Да это чистая петля»! кричитъ онъ теперь, выворачивая глаза.—«А вы думали какъ? Разумѣется, петля», говорю я ему... Десять разъ я ему предлагала: пусть онъ отдѣлитъ сестрамъ и матери... ну, хоть семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ и попроситъ ихъ устраиваться, какъ имъ угодно, а его самого я поселю гдѣ нибудь въ сосѣдней съ моей квартирѣ, буду распоряжаться его расходами и понемногу приведу ему дѣла въ порядокъ. Слово даю, что приведу... Нѣтъ, не хочетъ. «Это—говоритъ—пальятивы, нужны радикальныя мѣры»... А радикальныя мѣры въ томъ только и заключаются, что онъ разсчитываетъ, съ помощью сестеръ и ихъ знакомыхъ, добиться какого-то мѣста на три тысячи шестьсотъ рублей... да вотъ еще въ этихъ женитьбахъ. Помѣшался на этихъ радикальныхъ мѣрахъ!.. Когда онъ женился и когда оказалось, что тѣ десятки тысячъ приданаго, которыя ему привидѣлись во снѣ, на самомъ дѣлѣ превратились въ какія-то тамъ полторы тысячи, у него все таки нельзя было выбить изъ головы, что его жена еще помирится съ этой полоумной старухой, своей воспитательницей, и все устроится какъ нельзя лучше... Право, помѣшался!.. Онъ вѣдь опять собирается жениться...

Digitized by Google

Взглянувъ въ глаза Рытова, которые до этого времени были совсѣмъ закрыты опущенными рѣсницами, а теперь вдругъ раскрывались все шире, точно наполняясь возраставшимъ недоумѣніемъ, она закинула голову на спинку кресла и на этотъ разъ расхохоталась, уже нисколько не сдерживаясь, на всю квартиру.

— Повадился, повадился!—говорила она, хохоча и даже слегка притопывая ногой.—Понравилось...

— Вы не шутите?—спросилъ, наконецъ, Рытовъ.

— Да нѣтъ же... Ей богу, правда,—отвѣчала она, нѣсколько успокоившись и дрожащими руками зажигая папироску.—Конечно, онъ держитъ это въ самомъ строжайшемъ секретѣ отъ меня, но я-то знаю... вижу это по его глазамъ и по ухваткамъ. Можетъ быть, вы слышали,—здѣсь есть какой-то отставной полковникъ или подполковникъ Нецвѣтовъ, на костыляхъ. У него есть дочь,—недурненькая и, кажется, порядочная дѣвушка. А у этой дѣвушки должно бы быть свое собственное состояньице, оставленное ей матерью, которая умерла уже лѣтъ двѣнадцать назадъ. Что-то около шестидесяти или семидесяти тысячъ... Я говорю: «должно бы быть», потому что сколько теперь осталось,—это еще вопросъ, который не мѣшало бы разслѣдовать. Этотъ безногій полковникъ сдѣлался безногимъ только въ послѣдніе годы, а прежде шагалъ такъ широко, что могъ бы, при случаѣ, уйти очень далеко. Я ужь намекала на это Берестину. «Часто бываетъ,—говорю,—что за какой нибудь дѣвицей считается чуть не сотня тысячъ наслѣдственнаго капитала, а когда доходитъ до повѣрки, то оказывается, что изъ этихъ денегъ девяносто восемь тысячъ израсходовано на *образованіе*». Ну, онъ только покосился на меня, какъ котъ на собаку, и ничего не сказалъ.

И Валентина опять всколыхнулась отъ смѣха. Рытовъ смотрѣлъ прямо на нее, но, должно быть, не замѣчалъ ея смѣха, потому что его пожелтѣвшее лицо было задумчиво и печально.

— Очень, очень интересно будетъ увидѣться съ нимъ,—сказалъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собой.—Очень, очень...

— Завтра и увидитесь. Пріѣдетъ онъ, по всей вѣроятности, еще сегодня, только часу въ одиннадцатомъ ночи. А завтра, если отправитесь пораньше утромъ, то навѣрное застанете его. Посмотрите, поглядите на него. Прежде онъ былъ все же

Digitized by Google

много лучше, а теперь до того закрутился во всей этой путаницѣ, что ни на что не похоже. Дошелъ человѣкъ до того, что,—можете себѣ представить,—сталъ просить денегъ даже у меня. Ну, разумѣется, я перекрестила его. «Христосъ съ вами! Опомнитесь»... И я не такая дура, чтобы стала бросать деньги въ печку, и его положеніе не такое, чтобы нельзя было справиться безъ чужихъ денегъ... Скажите, пожалуйста: неужели онъ не обращался къ вамъ за деньгами, когда васъ не было здѣсь?

— Нѣтъ, ни разу...

— Это странно... тѣмъ болѣе, что прежде, когда его дѣла еще далеко не были запутаны до такой степени, онъ нерѣдко занималъ у васъ,—я знаю. И между вами не выходило за послѣднее время какой нибудь размолвки, ссоры?

— Ничего подобнаго...

— Въ такомъ случаѣ, что же это такое? Чѣмъ это можно объяснить?—спросила Валентина и смотрѣла Рытову прямо въ глаза своими спокойными и внимательными глазами.

Рытовъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Тѣмъ, можетъ быть, что онъ нѣсколько побаивается меня,—сказалъ онъ наконецъ.

Она утвердительно кивнула головой.

— Да, побаивается. Это мнѣ казалось нѣсколько разъ, только я не была въ этомъ увѣрена. Когда онъ передавалъ мнѣ появившіеся здѣсь слухи, что вы не воротитесь сюда, а останетесь на той желѣзной дорогѣ, мнѣ показалось, что это было ему пріятно. Но чего ему бояться васъ?

— Вѣроятно, того, что при первой же встрѣчѣ со мной ему придется выслушать отъ меня очень непріятныя вещи по поводу его женитьбы...

Валентина продолжала смотрѣть на него.

— А вы хорошо знали его жену?

— Да, довольно давно и хорошо.

— Дѣйствительно, она была хорошая женщина?

— Настолько хорошая, что мнѣ еще не приходилось встрѣчать другой такой же... Во всякомъ случаѣ, онъ-то, какъ оказывается, не стоилъ ея мизинца,—отвѣчалъ Рытовъ нѣсколько задрожавшимъ голосомъ и тотчасъ же взялся за шляпу.

Валентина встала съ очень довольнымъ лицомъ. Теперь она

Digitized by Google

поняла причины неожиданнаго визита къ ней Рытова, а также выяснила себѣ основанія нѣкоторыхъ несовсѣмъ понятныхъ для нея поступковъ Берестина и заранѣе приготовлялась покатываться отъ смѣха, представляя себѣ, какимъ окончательно ополоумѣвшимъ субъектомъ прибѣжитъ онъ къ ней послѣ перваго же свиданія со своимъ старымъ пріятелемъ.

— Однако, значитъ, у него еще несовсѣмъ пропали стыдъ и совѣсть!—весело сказала она.—Такъ вотъ отчего онъ постоянно принимался глядѣть въ полъ, когда кто нибудь упоминалъ ваше имя!.. Видно, кошка въ самомъ дѣлѣ знаетъ, чье мясо съѣла... Ну, я буду очень, очень рада, если хоть вы проберете его, наконецъ, какъ слѣдуетъ. Если случится такъ, что я увижу его раньше, чѣмъ вы доберетесь до него, нарочно не скажу ему, что вы пріѣхали. Пусть это будетъ для него сюрпризомъ.

XII.

Рытовъ вышелъ отъ нея въ такомъ душевномъ состояніи, какъ будто онъ не спалъ цѣлыя сутки, видѣлся съ цѣлыми десятками людей, много передумалъ, очень волновался и, въ концѣ концовъ, страшно усталъ. Идя по улицѣ, онъ все собирался разобрать по порядку и свести въ одно цѣлое всѣ тѣ факты, которые онъ понемногу узналъ отъ Бузунова, Савеевыхъ, Дарьюшки и Валентины. Но никакого порядка, ничего цѣльнаго у него не выходило. Вмѣсто послѣдовательнаго ряда фактовъ, въ его воображеніи безпорядочно возникали печальныя сцены изъ жизни Ани замужемъ, а затѣмъ, передъ нимъ оставался одинъ только ея образъ,—безконечно милый, неотразимо привлекательный и грустный, грустный... Рытовъ не могъ теперь ничего обсуждать; онъ могъ только чувствовать глубокую сердечную боль, волноваться, кипѣть горькимъ гнѣвомъ на человѣка, котораго столько лѣтъ считалъ порядочнымъ и любилъ. Любилъ, любилъ!..

Черезъ нѣсколько времени онъ вспомнилъ, что подходитъ теперь къ дому Софьи Андреевны, и, поднявъ голову, еще издали посмотрѣлъ на него съ такимъ чувствомъ, какъ будто въ этомъ бѣломъ домѣ все еще сохранялась частица жизни недавно жившей въ немъ дѣвушки. Еслибы этотъ домъ распо-

Digitized by Google

ложить въ одну прямую линію, то линія вышла бы порядочно длинная, но онъ не казался большимъ, потому что былъ выстроенъ въ формѣ буквы «покоя» и примыкалъ къ тротуару только концами этого покоя, очень небольшими,—каждый въ три окна. Между этими концами, казавшимися издали отдѣльными строеніями, и главнымъ корпусомъ зданія былъ разбитъ небольшой садикъ, который отдѣлялся отъ тротуара желѣзной рѣшеткой на кирпичномъ фундаментѣ. Рытовъ прошелъ мимо перваго конца «покоя», машинально скользнувъ глазами по всѣмъ тремъ окнамъ, закрытымъ сторами, дошелъ до рѣшетки и вдругъ остановился. Прямо передъ нимъ, всего въ двухъ шагахъ, стояла по ту сторону рѣшетки Софья Андреевна и смотрѣла на него въ лорнетъ съ длинной ручкой.

— Ахъ, Боже мой!—вскричала она, выпустивъ лорнетъ и выставивъ передъ собой обѣ руки.—Да вѣдь это онъ... *индѣецъ!*.. Откуда онъ?.. Съ неба?.. Упалъ... ушибся?.. Ко мнѣ, ко мнѣ?

— Нѣтъ, Софья Андреевна, я собирался зайти къ вамъ въ другое время. Теперь у меня побаливаетъ голова,—сказалъ Рытовъ.

— Скажите, пожалуйста!.. И онъ не стыдится говорить объ этомъ вслухъ... Да развѣ можетъ болѣть голова у молодаго человѣка, если только онъ не пьетъ водки?!. Значитъ, ты и самъ привыкъ теперь пить водку со своими подрядчиками?.. Иди, скорѣй иди. Я тебѣ намочу голову келлеровской водой, дамъ понюхать спирту и прочитаю хорошую нотацію. Отправляйся же, я жду...

Она повернулась къ нему спиной, пошаталась на нетвердыхъ старческихъ ногахъ и, поблескивая лорнетомъ, болтавшимся на шнуркѣ, пошла по усыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ, между клумбами цвѣтовъ и бѣлыми желѣзными скамейками. За нею шла, высунувъ на бокъ языкъ, маленькая собачонка съ длинною бѣлою шерстью, почти волочившеюся по землѣ. Рытовъ слегка пожалъ плечами и пошелъ въ подъѣздъ. На тяжелую, покрытую рѣзьбою, входную дверь, на ступени лѣстницы, на перила, на стѣны и двери прихожей, на блестѣвшіе, какъ зеркала, темные паркетные полы,—на все смотрѣлъ онъ опять-таки съ такимъ же чувствомъ, какъ будто во всемъ этомъ осталось что-то отъ существа, нѣкогда жившаго здѣсь.

Digitized by Google

Софья Андреевна уже ждала его. Теперь она была не одна: подлѣ нея стояла дѣвушка лѣтъ девятнадцати, стройненькая, воздушная, въ лѣтнемъ бѣломъ платьѣ съ какими-то очень нѣжнаго цвѣта розовыми узорами, съ розовой ленточкой въ роскошныхъ свѣтлыхъ волосахъ, съ чрезвычайно правильными и изящными очертаніями лица. Всею своею воздушною фигурою она напомнила Рытову гдѣ-то видѣнное имъ изображеніе ангела съ кадиломъ въ рукѣ. Только сѣрые глаза ея, пожалуй, красивые и ласковые, очень не понравились Рытову, можетъ быть, именно потому, что были слишкомъ ужь ласковы, безъ всякой надобности и причины.

— Что, какова? А? Вѣдь, раскрасавица?—спросила Софья Андреевна и даже прищелкнула языкомъ.—Это моя новая дочка. Зовутъ Юліей Григорьевной. Прошу уважать и почитать безпрекословно. Можешь и смотрѣть, сколько хочешь, и вздыхать... но только издали.

— Боюсь, что иначе не можетъ и быть,—сказалъ съ поклономъ Рытовъ, чувствуя какое-то злое удовольствіе отъ того, что нашелъ слова, въ которыхъ никто не доберется опредѣленнаго смысла.

— Ну, то-то... Ну, теперь поздороваемся, какъ слѣдуетъ...

Рытовъ спросилъ о ея здоровьѣ.

— Ноги у меня теперь, какъ у козы. Прыгаю... Да и вся я здоровехонька, какъ коза. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить самой себя... Собираюсь выходить замужъ, да горе въ томъ,—столько претендентовъ на мою руку, что никакъ не могу разобраться среди нихъ: кто лучше? И все молодые люди.

— Отчего вы нынче не на дачѣ?

— Надоѣли дачи. Днемъ—жара, вечеромъ—сыро и холодно, вѣтеръ продуваетъ во всѣ углы. Я оттого, должно быть, и здорова теперь, что перестала таскаться по этимъ шалашамъ. Юля тоже не охотница до нихъ,—сказала она, указывая движеніемъ головы на уходившую изъ комнаты дѣвушку, и прибавила громкимъ полушопотомъ:—Мало того, что такая душоночка, на которую пріятно посмотрѣть,—умница какая! Дѣловитая, все хозяйство въ какомъ порядкѣ держитъ!.. Одно только горе: прислуга нынче что-то плохо у насъ уживается,—безпрестанно уходитъ... Очень требовательна Юля... потачки имъ не даетъ.

«Вѣдьма, должно быть, порядочная»,— сказалъ про себя

Digitized by Google

Рытовъ и, задумавшись опять о предшественницѣ этой дѣловитой умницы, машинально смотрѣлъ на желтое, но не особенно морщинистое лицо Софьи Андреевны, обрамленное черными накрашенными волосами. Ему думалось, что старуха, повидимому, успѣла уже совсѣмъ забыть объ Анѣ, и въ сердцѣ его опять поднималась злоба, уже столько разъ охватывавшая его въ это утро.

— Да что же ты уставился на меня?—вскричала, наконецъ, Софья Андреевна, почувствовавъ себя неловко подъ его страннымъ и неподвижнымъ взглядомъ.—Молчитъ и смотритъ!.. Ну, ну, разсказывай: гдѣ былъ? Что тамъ строилъ? Я думаю, больше куры строилъ...

Понукаемый и направляемый ея безалаберными вопросами, Рытовъ вяло разсказывалъ, что жилъ въ такихъ-то городахъ, жилъ въ вагонахъ, жилъ въ палаткахъ, умываться ходилъ на рѣчку, ѣлъ шашлыкъ, ѣлъ баранину, пилъ кумысъ, строилъ мосты, прокладывалъ трубы для стока водъ... Вставъ со своего стула, онъ бродилъ черезъ всю комнату, отъ двери въ залу, на одномъ концѣ, до двери въ бильярдную—на другомъ, и каждый разъ скользилъ глазами по обоимъ этимъ обширнымъ покоямъ, пробуждавшимъ въ немъ все новыя и новыя воспоминанія.

— А что, здѣсь не бродитъ привидѣніе?—вдругъ спросилъ онъ, остановившись, и нѣсколько разъ указалъ движеніемъ головы изъ конца въ конецъ всего ряда комнатъ, какъ будто хотѣлъ пояснить, какъ именно прогуливается по нимъ привидѣніе.

— Какъ?.. Что такое?.. Какое привидѣніе?—съ испугомъ вскричала Софья Андреевна.

— Привидѣніе Ани...

— Да ты съ ума сошелъ?!. У тебя не только болитъ голова, а даже треснула!—почти выходя изъ себя, восклицала серьезно перетревожившаяся старуха, которой и безъ того чудилось иногда въ неспокойныя ночи, что кто-то бродитъ по пустымъ комнатамъ.—И съ чего Анна будетъ бродить здѣсь?.. Что, ее уморили въ этомъ домѣ, что ли?... Откуда ты взялъ? Вѣдь, покуда она не устроила со мной такой штуки и не оказалась неблагодарной дѣвчонкой, я любила и лелѣяла ее, какъ родную дочь... Что опять уставился на меня своими фонарями? Я говорю: не знаешь, что ли?

Digitized by Google

Рытовъ горько засмѣялся.

— Любили и лелѣяли... какъ дочь!—насмѣшливо повторилъ онъ.—Не преувеличивайте, Софья Андреевна. Ну, какая вы ей мать? Въ томъ-то именно и состояло несчастіе Ани, что въ самое роковое время ея жизни она оказалась совсѣмъ одна. Около нея не было не только матери, но просто любящей и умной женщины, которая дружески сдержала бы ее... убѣдила бы не торопиться, а прежде присмотрѣться хорошенько къ понравившемуся ей человѣку и къ его семейству... Въ сущности, вѣдь только это и было нужно. Но вотъ такой-то любящей женщины и не случилось подлѣ нея...

— А я... что же я-то ей говорила?—закричала Софья Андреевна.

— А вы стали злиться... Обозвали ее неблагодарной дѣвчонкой, наговорили всякихъ обидныхъ вещей, только что не вытолкали изъ дому и потомъ бросили: пусть, какъ знаетъ, такъ и справляется! Вы, вѣдь, даже не навѣстили ея ни разу, когда она хворала; не пріѣхали и проститься, когда она умирала... Что вамъ? Вы, какъ были для нея чужимъ человѣкомъ,—такъ и остались. Какая ужь тутъ *мать*!

Софья Андреевна растерянно блуждала глазами по сторонамъ, какъ будто ожидая, что въ защиту ея возопіютъ самыя стѣны и драпировки, и мебель. Какихъ только людей изъ порядочнаго общества,—и молодыхъ, и пожилыхъ, и заслуженныхъ стариковъ,—не перебывало у нея въ этихъ самыхъ комнатахъ, но ни отъ кого ей не приходилось еще слышать ничего подобнаго, да и не придется. Этотъ съ неба упалъ и голову себѣ проломилъ...

— Съ ума сошелъ... съ ума сошелъ!—растерянно повторяла она, смотря направо и налѣво.

— Прощайте, Софья Андреевна,—сказалъ Рытовъ, забирая со стола свою шляпу.—Очень сокрушаюсь, что...

— Не хочу я съ тобой прощаться,—прервала она.—Сегодня же напишу твоему отцу, чтобы онъ показалъ тебя доктору... Совсѣмъ сошелъ съ ума! Какихъ только грубостей ты мнѣ не наговорилъ?..

— Ни одного грубаго или хоть сколько нибудь непочтительнаго слова,—ни одного!—убѣдительно отвѣчалъ онъ и, вторично поклонившись, пошелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

Старуха продолжала сидѣть. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, нельзя было придраться ни къ отдѣльнымъ выраженіямъ, ни даже къ тону, которымъ онъ говорилъ; но смыслъ, смыслъ всего имъ сказаннаго представлялся ей какимъ-то ужаснымъ, хотя она и не могла разобрать, что̀ собственно было въ немъ ужаснаго. Руки ея слегка тряслись... Она намѣревалась пожаловаться всѣмъ на этого одичавшаго индѣйца, должно быть, спившагося съ круга на постройкѣ желѣзной дороги,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ея душу заползалъ какой-то страхъ передъ нимъ. Что съ него возьмешь, если онъ спятилъ съ ума? Пожалуй, когда нибудь осрамитъ еще при людяхъ!..

XIII.

Высказавъ «старой самодуркѣ» хоть частицу того, что̀ лежало у него на сердцѣ, Рытовъ почувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе и даже голова его, дѣйствительно начавшая разбаливаться, почти перестала болѣть. Приближалось время, когда Петръ Александровичъ садился обыкновенно за столъ, но Рытову не хотѣлось ни ѣсть, ни видѣться теперь съ отцомъ да и съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ развѣ одного Бузунова. Но Бузуновъ, вѣроятно, обѣдаетъ теперь или скоро будетъ обѣдать. Подумавъ минуту, Рытовъ воротился назадъ, повернулъ налѣво, въ длинную улицу, почти всю застроенную старыми купеческими домами съ лабазами и другими лавками въ нижнихъ этажахъ, и пошелъ къ рѣкѣ. Тамъ, недалеко отъ пристаней, была давно ему знакомая небольшая гостинница, съ великимъ трудомъ примкнувшаяся на берегу, въ полугорѣ, такъ что одной своей стороной зарывалась въ землю, а другой висѣла надъ обрывомъ, упираясь на высокіе кирпичные столбы. Войдя въ нее, Рытовъ выбралъ себѣ мѣсто въ дальнемъ углу балкона и заказалъ обѣдъ. Онъ усѣлся поудобнѣе въ скрипѣвшемъ креслѣ, закурилъ папиросу и вдругъ вспомнилъ, что года четыре назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, онъ, Аня, Евгенія и еще кто-то пили чай и просидѣли часа полтора, въ ожиданіи запоздавшаго дачнаго парохода, у котораго что-то попортилось въ машинѣ. Это показалось ему страннымъ. Точно Аня преслѣдовала его или, еще вѣрнѣе, точно самъ онъ, даже безсознательно, шелъ именно туда, гдѣ хоть что нибудь могло

Digitized by Google

ему напоминать о ней. Зачѣмъ онъ прошелъ мимо дома Софьи Андреевны, когда ему не было никакой надобности идти по той улицѣ? Зачѣмъ забрался въ эту отдаленную гостинницу, когда могъ гораздо удобнѣе устроиться въ десяти другихъ мѣстахъ? Зачѣмъ, наконецъ, здѣсь онъ выбралъ именно этотъ дальній уголъ балкона, а не тотъ, съ котораго видна не одна только рѣка съ пристанями, но виденъ и берегъ съ пролегающей по нему дорогой? И—если ужь заодно разбираться во всѣхъ этихъ странностяхъ,—почему онъ все время думаетъ несравненно больше объ этой умершей женщинѣ, чѣмъ о своемъ живомъ «другѣ» Берестинѣ, съ которымъ ему предстоитъ завтра такое интересное объясненіе? Почему?... Отчего годъ назадъ, когда онъ узналъ о смерти Ани, ему было, положимъ, больно и тяжело, но далеко не до такой степени, какъ тяжело и больно теперь, когда онъ, кажется, весь полонъ этою все возрастающею и возрастающею болью?

Рытовъ пообѣдалъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ для себя и для прислуживавшаго ему лакея видъ, что пообѣдалъ, разсѣянно заглянулъ въ газету, потомъ налилъ себѣ чаю, закурилъ папиросу и, положивъ локти на перила балкона, принялся смотрѣть на рѣку,—на длинную вереницу плотовъ, медленно двигавшихся по теченію, на лодки, на пароходы, на баржи съ нефтью. На одномъ, собиравшемся уходить пароходѣ, выкрашенномъ въ сѣрую краску, шла чрезвычайно спѣшная работа. Десятка полтора крючниковъ бѣгомъ таскали на него какіе-то кули, ящики, разное желѣзо, завернутое въ рваныя рогожи. Крючники, съ мокрыми отъ пота рубахами, безпрестанно подпрыгивали на бѣгу, поправляя съѣзжавшую ношу; кули и ящики подпрыгивали у нихъ на спинахъ; сходни гнулись подъ ногами этихъ тяжелыхъ и тяжело нагруженныхъ бѣгавшихъ людей... Рытовъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на эту сцену. Потомъ вдругъ онъ, такъ сказать, поймалъ себя на томъ, что не видѣлъ ея конца и уже довольно давно смотритъ на показавшійся въ отдаленіи, почти еще у того берега, маленькій бѣлый пароходъ. Это былъ «Батрачокъ», старенькій тридцатисильный пароходъ, ходившій отъ города къ дачамъ, а затѣмъ къ очень посѣщаемому богомольцами монастырю,—и Рытовъ смотрѣлъ на этотъ пароходикъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто именно ради того и пришелъ сюда, чтобы дождаться

Digitized by Google

и посмотрѣть на него. Зачѣмъ ему понадобилось подновлять всѣ эти старыя воспоминанія и увеличивать ту сердечную боль, которая и безъ того, кажется, достаточно велика?.. И однако же онъ продолжалъ неподвижно сидѣть, положивъ локти на перила, и не сводилъ глазъ съ маленькаго бѣлаго парохода. «Батрачокъ» присталъ къ прежней пристани, и по сходнямъ стали сходить пассажиры: дачники, офицеры изъ лагеря, но больше всего сѣрые люди—богомольцы и богомолки съ берестяными котомками за плечами и съ палочками въ рукахъ. Рытовъ проводилъ ихъ глазами, всѣхъ до послѣдняго человѣка, и потомъ сталъ смотрѣть на балконъ парохода, кругомъ заставленный бѣлыми деревянными диванчиками. Аня любила ѣздить именно на балконѣ и сходила въ рубку только въ дождь или во время слишкомъ ужь сильнаго вѣтра. И Рытову казалось, что онъ видитъ ее, скромную, спокойную, въ простенькомъ сѣромъ ватерпруфѣ, съ соломенной шляпкой на колѣняхъ, съ непокрытою темноволосою головою, съ загорѣлыми худощавыми руками, съ ясными и милыми глазами, которые смотрятъ на рыбаковъ, вынимающихъ изъ воды свои снасти, на плотовщиковъ, ворочающихъ тяжелыми «потесями», на рабочихъ, выламывающихъ камень въ горахъ, на лошадь и жеребенка, стоящихъ по колѣно въ водѣ, на стадо коровъ, на дальніе лѣса и холмы. Природа, животныя, простые люди, обреченные на тяжелую работу и трудную жизнь—больше и сильнѣе всего другаго привлекали къ себѣ ея вниманіе. Милая, милая!..

XIV.

«Батрачокъ», забравъ новыхъ пассажировъ, по большей части тоже богомольцевъ, далъ третій свистокъ, снялъ сходни, снялъ причалы и тихо тронулся, сначала отдавшись теченію, а потомъ пустивъ въ работу свои бѣлыя колеса съ красными лопатками. Тогда Рытовъ поднялся съ своего мѣста. Онъ вышелъ изъ гостинницы, поднялся по шоссированной дорогѣ на вершину берега и еще разъ посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся пароходу, говоря самому себѣ, что на дняхъ непремѣнно поѣдетъ на немъ на дачи и побродитъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ бродилъ когда-то съ Аней. Ему доставляло какое-

Digitized by Google

то особенное грустное удовольствіе поднимать эти дорогія для него воспоминанія и бередить свою душевную рану... Вотъ бы сказать объ этомъ отцу, такъ горячо проповѣдующему, что человѣкъ долженъ гнать отъ себя всякія грустныя мысли!

Теперь Рытовъ пошелъ къ Бузунову. Бузуновъ, оказалось, только что возвратился домой и даже не успѣлъ еще снять съ себя пальто.

— А я сейчасъ заходилъ къ вамъ,—сказалъ онъ.—Петръ Александровичъ объявилъ мнѣ, что вы ушли съ утра, да такъ и не показывались больше.

— Что же, я думаю, онъ не былъ очень удивленъ или огорченъ этимъ?

— Нѣтъ, онъ говорилъ даже, что не очень удивится, если вы и на ночь застрянете за разговорами у Берестина или у кого нибудь изъ знакомыхъ.

Рытовъ, ничего не сказавъ, сѣлъ у открытаго окна и сталъ закуривать папиросу.

— Ну, кого видѣли? Многихъ?—спросилъ Бузуновъ.

— Достаточно для перваго раза. Прежде всего, Савеевыхъ,—Женю, Марью Михайловну... Потомъ, особо, няню...

— И няня здѣсь?—вскричалъ Бузуновъ и заинтересовался этимъ свиданіемъ до такой степени, что опять забылъ о своемъ пальто, которое только что собирался было снять.—Ну, я думаю, она наговорила вамъ... Она не долюбливаетъ Берестина.

— Странно было бы, еслибы она любила его. Онъ вѣдь не разыгрывалъ передъ нею никакой роли, какъ передъ нами...

Бузуновъ сѣлъ, совсѣмъ забывъ о своемъ пальто, и смотрѣлъ на своего собесѣдника съ особеннымъ любопытствомъ. Очевидно, прежнее доброе мнѣніе Рытова о Берестинѣ было даже не поколеблено, а прямо разбито въ конецъ, и однако же онъ смотрѣлъ почти спокойнымъ, что-то ужь подозрительно спокойнымъ и тихимъ.

— Разыгрывать-то онъ разыгрывалъ,—задумчиво проговорилъ Бузуновъ,—однако, не столько передо мной, сколько передъ вами. Передо мной онъ не очень стѣснялся...

Рытовъ, смотрѣвшій на улицу, перевелъ глаза на него.

— Это странно,—чего же онъ кривлялся именно передо мной? Неужели оттого только, что занималъ у меня деньги?

— Нѣтъ, не думаю. Вѣдь вы были чуть ли не единствен-

Digitized by Google

нымъ пріятелемъ, смотрѣвшимъ на него, какъ на вполнѣ порядочнаго человѣка. Это тоже стоило чего нибудь и не могло не производить впечатлѣнія.

— Пожалуй, можетъ быть, и это,—равнодушно согласился Рытовъ и, помолчавъ, продолжалъ:—Отъ Савеевыхъ я пошелъ къ Валентинѣ...

— Даже у Валентины были?! — опять вскричалъ Бузуновъ.

— Былъ и у нея. Просидѣлъ что-то долго, чуть ли не полтора часа, и, признаюсь, эта особа заинтересовала меня, хоть я не любилъ ея прежде, а теперь не люблю еще больше... Наконецъ, идя отъ Валентины, я натолкнулся на Софью Андреевну и принужденъ былъ побывать у нея. Этотъ визитъ вышелъ самый глупый. Ее чортъ дернулъ назвать Аню неблагодарной дѣвчонкой, а меня онъ же натолкнулъ сдѣлать этой старой дурѣ приличное вразумленіе, отъ котораго у нея затряслась голова и отвисла челюсть. Ну, не глупо ли было трогать такую рухлядь, которая и безъ того не сегодня—завтра развалится?.. Единственнымъ моимъ извиненіемъ можетъ служить только то, что за сегодняшнее утро у меня совсѣмъ истрепались нервы и до нихъ нельзя дотронуться...

«Ага!» — подумалъ Бузуновъ, но не сказалъ ничего и, вставъ со стула, снялъ наконецъ свое пальто, въ которомъ ему было и жарко, и неудобно.

— А, впрочемъ,—прибавилъ Рытовъ, усмѣхнувшись,—признаться откровенно, я даже не раскаиваюсь, что «нагрубилъ» ей, какъ она выразилась, и, кромѣ того, еще напугалъ ее. Я спросилъ ее, между прочимъ: не бродитъ ли у нея по комнатамъ призракъ Ани?

Бузуновъ тоже не могъ не засмѣяться.

— Ну, теперь, навѣрное будетъ бродить,—сказалъ онъ.

Но Рытовъ уже опять сидѣлъ задумчивый и хмурый, забывъ о Софьѣ Андреевнѣ.

— Чего я не могу объяснить себѣ,—заговорилъ онъ черезъ минуту,—такъ это еще того: какимъ цементомъ склеенъ Берестинъ со своими сестрами и матерью. Положимъ, теперь оказывается, что между всѣми ими есть довольно общаго; но все-таки онъ настолько выше ихъ по уму, образованію и развитію, что не можетъ, если не страдать, то хоть не чувство-

Digitized by Google

вать себя неловко отъ ихъ постояннаго скотства. Это разъ. А, во-вторыхъ, не можетъ же онъ не чувствовать, что онѣ для него—какъ камень на шеѣ, что если его дѣла запутались до такой степени, какъ говоритъ Валентина, то въ этомъ больше всего виноваты эти галки...

— Запутался сильно,—подтвердилъ и Бузуновъ, занявшись на этотъ разъ коробкой со стальными перьями. — Конечно, главнымъ образомъ онѣ и запутали его. Это правда. Но, видите ли, дѣло въ томъ, что у нихъ всѣхъ какъ-то особенно сильно развито родственное чувство. Всѣ они постоянно держатся другъ за друга. Напримѣръ, въ то несладкое для нихъ время, когда мать Берестина вторично вышла замужъ, а онъ жилъ отдѣльно,—я ужь не знаю, гдѣ и какъ онѣ ухитрялись добывать денегъ, но, во всякомъ случаѣ, вѣдь онъ жилъ и учился на ихъ средства.

— Какъ на ихъ средства? Это еще что такое?—съ изумленіемъ спросилъ Рытовъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что на ихъ... Сначала и я тоже думалъ, что онъ перебивается своими трудами. Но потомъ мнѣ бросилось въ глаза, что работой онъ не только не дорожитъ, а какъ будто даже стѣсняется ею. Порекомендуешь ему какіе нибудь дешевенькіе уроки,—онъ запишетъ адресъ, да тѣмъ и ограничится: либо вовсе не пойдетъ по этому адресу, либо воспользуется этими уроками на недѣльку, а потомъ передастъ ихъ кому нибудь другому. Между тѣмъ, и безъ сапогъ онъ никогда не сидѣлъ, и за комнату платилъ довольно акуратно, и табакъ у него всегда водился. Недаромъ мамаша его проговаривается иногда, что безъ ихъ помощи онъ можетъ быть, такъ и не окончилъ бы курса...

— Ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову,—проговорилъ Рытовъ и сейчасъ же прибавилъ:—А, впрочемъ, мало ли чего не приходило мнѣ въ голову?

— На желѣзную дорогу помѣстили его онѣ же,—продолжалъ Бузуновъ, высыпавъ изъ коробки всѣ перья на столъ и, затѣмъ, опять принимаясь укладывать ихъ, по одному, обратно въ коробку.—Укрѣпился онъ тамъ и сталъ пересаживаться все на лучшія и на лучшія мѣста—опять таки благодаря ихъ содѣйствію, а отчасти также и дружбѣ съ вами. Теперь представляется возможность перетащить его на какую-то тамъ еще

Digitized by Google

лучшую должность, и посмотрите,—какъ онѣ треплютъ хвосты, шмыгаютъ по всему городу, интригуютъ, тащатъ всякихъ нужныхъ людей къ себѣ на обѣды и на картишки... Я не говорю, разумѣется, что изъ этого выдетъ что нибудь путное. Въ результатѣ, онѣ достигаютъ только того, что больше и больше запутываютъ его положеніе, но это ужь совершается какъ-то помимо ихъ воли и разумѣнія. Въ душѣ-то онѣ желаютъ ему только самаго полнаго благополучія, тѣмъ болѣе, что отъ его благополучія зависитъ и ихъ собственное. Относительно способности постоять другъ за друга, это—образцовая семейка...

Бузуновъ вдругъ оставилъ свои перья и, поднявъ голову, спросилъ Рытова:

— Да, кстати! Вы вѣдь знаете, что у Берестина есть еще братъ... младшій...

— Игорь?—проговорилъ Рытовъ, молча и почти безучастно слушавшій.

— Игорь. Онъ вѣдь здѣсь теперь.

Рытовъ безмолвно курилъ и смотрѣлъ на него такими глазами, какъ будто могъ сказать только одно: какое ему дѣло до этого Игоря?

— Еще года два назадъ,—продолжалъ Бузуновъ,—я слышалъ отъ одного изъ его товарищей по полку, что это такого рода мальчикъ, который только тогда и чувствуетъ себя хорошо, когда сидитъ за картами и въ то же время воодушевляется водкой. Такъ какъ, кромѣ жалованья, у него не было никакихъ ресурсовъ, то очень часто онъ, спустивъ всѣ свои деньги чуть не въ одинъ вечеръ, весь остальной мѣсяцъ кормился изъ ротнаго котла, курилъ чужія папиросы и ходилъ пить чай къ товарищамъ. Въ концѣ концовъ, ему посовѣтовали выйти въ отставку. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, его мамаша получаетъ отъ него извѣстіе, что онъ засѣлъ гдѣ-то въ ковенской губерніи и не можетъ ни оставаться тамъ, за невозможностью найти себѣ занятій, ни двинуться съ мѣста, за неимѣніемъ денегъ. И мать, и сестры тотчасъ же заахали, забѣгали, захлопотали. Выслали ему сотню рублей и ждутъ его. Игоря нѣтъ... Недѣли черезъ три, или около этого, приходитъ отъ него другое письмо, кажется, уже изъ смоленской губерніи, и въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что деньги потерялъ въ вокзалѣ и опять не можетъ двинуться дальше. Дѣлать нечего, опять послали

Digitized by Google

ему денегъ, но на этотъ разъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ могъ на нихъ добраться только до Москвы. Въ Москвѣ же онъ долженъ былъ явиться къ какому-то ихъ старинному знакомому, котораго онѣ, особымъ письмомъ, просили препроводить ихъ блуднаго сына дальше... Такимъ-то образомъ это чадушко добралось наконецъ сюда, и нужно видѣть, какое трогательное единодушіе немедленно образовалось между нимъ и остальными членами семьи. Его одѣли съ ногъ до головы, тотчасъ же забѣгали выхлапатывать ему мѣсто и выхлопотали,—положимъ, маленькое, но и несовсѣмъ ужь дрянное. Что касается до него самого, то онъ—животное грубое, угрюмое, злое, и цѣнитъ въ жизни только водку, карты и другія подобныя удовольствія. И, однако, же посмотрите, какъ онъ относится ко всѣмъ этимъ своимъ родственникамъ: у мамаши почтительно цѣлуетъ ручки, сестрицамъ приноситъ конфекты и оказываетъ всякія мелкія услуги, какія только въ состояніи оказать, а на брата смотритъ, какъ на какое-то высшее существо, обладающее разумомъ, познаніями и силами, недостижимыми для простыхъ смертныхъ.

— А онъ? А это «высшее существо» какъ относится къ нему?—полюбопытствовалъ Рытовъ.

— А высшее существо держитъ себя, какъ и подобаетъ высшему существу: очень мало разговариваетъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ, мало даже показывается къ нимъ и объявляетъ свою волю преимущественно выразительными взглядами, мановеніемъ бровей или односложными словами...

Рытовъ задумчиво смотрѣлъ на улицу. Онъ шелъ къ Бузунову собственно затѣмъ, чтобы попытаться разъяснить себѣ свои послѣднія недоумѣнія относительно того,—какія невидимыя нити могли до такой степени крѣпко связывать Берестина съ его матерью и сестрами; и теперь, когда эти недоумѣнія разъяснились такъ легко и просто, освѣтивъ мимоходомъ совершенно новыя стороны жизни и характера Берестина, Рытовъ вдругъ испыталъ такое ощущеніе, какъ будто дошелъ до какой-то стѣны и идти дальше было некуда. Спрашивать—ему было теперь не о чемъ, говорить о чемъ бы то ни было—онъ не чувствовалъ расположенія... Онъ хотѣлъ было уйти,—но куда уйти? Дома тоже придется разговаривать съ отцомъ. Улицы,

Digitized by Google

по милости хорошей погоды, были запружены прогуливающимися людьми, и не успѣетъ онъ пройти двухъ сотенъ шаговъ, какъ навѣрное встрѣтится съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, съ которымъ опять придется разговаривать богъ знаетъ о какихъ досадныхъ пустякахъ и глупостяхъ. Ему стало очень скучно. Въ его головѣ непрерывной вереницей возникали и проходили воспоминанія, горькія или печальныя мысли, тревожные вопросы,—а между тѣмъ не могъ же онъ свободно отдаться имъ и молча сидѣть передъ этимъ, тоже замолчавшимъ, человѣкомъ. Оставалось только уйти.

XV.

Рытовъ нарочно воротился домой какъ разъ къ тому времени, когда отецъ обыкновенно ложился спать.

— Пришелъ!—сказалъ Петръ Александровичъ, уже зажигавшій свѣчу, чтобы идти въ свою спальню.—А я былъ увѣренъ, что ты останешься на ночь у кого нибудь изъ знакомыхъ и будешь съ нимъ шумѣть до утра по поводу такихъ вещей, обсужденіе которыхъ можно было бы отложить хоть на два года.

— Нѣтъ, я усталъ и хочу спать,—отвѣчалъ Рытовъ, усмѣхнувшись.

— Умныя рѣчи пріятно и слышать...

Дѣйствительно, Рытовъ заснулъ почти сейчасъ же, какъ только улегся въ постель, и, не просыпаясь, проспалъ до восьми часовъ. Всталъ онъ въ какомъ-то странномъ, какъ будто бы даже спокойномъ состояніи духа, удивившемъ его самого. Все, что вчера и третьяго дня бродило въ немъ, возмущало его и мучило,—все это... не то чтобы прошло сегодня, а какъ-то улеглось, преобразовалось во что-то опредѣленное и сжатое какъ иная сложная математическая задача, занимавшая рядами цифръ чуть не цѣлое поле, превращается, въ концѣ концовъ, въ короткій выводъ, всего въ нѣсколько знаковъ. Это было какъ бы дѣловое настроеніе. Рытовъ теперь совсѣмъ не думалъ о слышанномъ имъ вчера и третьяго дня по поводу личности Берестина, а только вскользь сказалъ себѣ, взглянувъ на часы, что въ четверть десятаго пойдетъ къ нему.

Digitized by Google

— Ну... спалъ?—спросилъ его Петръ Александровичъ въ столовой.

— Отлично.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я, какъ нарочно, сегодня спалъ отвратительно. Было жарко... да и теперь жара. Гдѣ-то недалеко проходила гроза съ громомъ и молніями... Неужели ты не слышалъ?

— Ровно ничего.

— Экъ ты убѣгался вчера,—сказалъ Петръ Александровичъ, засмѣявшись.—Гдѣ же это тебя носило цѣлый день?

Рытовъ разсказалъ кое-что о своихъ вчерашнихъ хожденіяхъ, но только очень вкратцѣ, заранѣе предупредивъ отца, что сейчасъ уйдетъ, чтобы застать Берестина дома.

— Опять на цѣлый день?—спросилъ Петръ Александровичъ, когда сынъ, отодвинувъ отъ себя тарелку и допивъ стаканъ чаю, поднялся со стула.

— Нѣтъ, не думаю. Послѣ Берестина, мнѣ нужно будетъ исполнить кое-какія комисіи, навести справки и написать нѣсколько писемъ. Меня всегда считали акуратнымъ человѣкомъ, и я не хотѣлъ бы портить свою репутацію,—сказалъ Рытовъ.

Онъ пошелъ къ Берестину, но опять таки совсѣмъ не думалъ о немъ. Когда онъ проходилъ мимо старинной церкви съ примыкавшимъ къ ней густымъ и тѣнистымъ церковнымъ садомъ, ему пришло въ голову, что нужно будетъ разыскать могилку Ани: если старая няня не напоминаетъ отъ времени до времени Марьѣ Михайловнѣ объ этой могилкѣ, то навѣрное никто о ней не заботится, и она вся обвалилась и заросла крапивой и репейникомъ. И вдругъ онъ, даже съ какимъ-то стыдомъ и гнѣвомъ, ниже опустилъ голову и нахмурилъ брови, неожиданно почувствовавъ, что горло его сдавила спазма. Можно ли до такой степени разстроить себѣ нервы меньше чѣмъ въ два дня!.. Ничего подобнаго не бывало съ нимъ со времени смерти матери.

Подойдя къ дому, въ которомъ жили Берестины, Рытовъ нѣсколько замедлилъ шаги. Ему вспомнилось, что отъ кого-то,—отъ Бузунова или отъ Валентины,—онъ слышалъ, что Берестины остались жить въ томъ же домѣ, однако перемѣнили квартиру. Впрочемъ, кажется, тогда же было сказано, что и новая квартира—по той же лѣстницѣ. Онъ вошелъ въ подъ-

Digitized by Google

ѣздъ и на двери первой же квартиры увидѣлъ знакомую маленькую, въ видѣ визитной карточки, мѣдную дощечку, на которой было вырѣзано: «Берестины». Дверь была отворена, и около нея подтирала полъ мокрой тряпкой довольно грязноватая женщина съ пасмурнымъ лицомъ и не то усталыми, не то больными глазами.

— Берестинъ дома?—спросилъ Рытовъ, совсѣмъ забывъ, что теперь въ этой квартирѣ жили два Берестина.

Женщина посмотрѣла на него, приподнялась съ полу и, вяло проговоривъ: «пожалуйте», пропустила его въ дверь, а затѣмъ и сама прошла медленно въ комнаты—сказать хозяевамъ, что пришелъ кто-то. Едва Рытовъ вошелъ въ пріемную, довольно большую, какъ гдѣ-то за дверью послышались сдержанныя женскія восклицанія: «Рытовъ... Рытовъ... Григорій Петровичъ»!.. а затѣмъ эта незамѣченная имъ съ перваго взгляда дверь отворилась и изъ нея начали выскакивать, одна за другою, ненавистныя ему «бѣлыя галки». Сначала выпрыгнула старшая сестра Берестина, потомъ мать, потомъ младшая сестра. Всѣ онѣ, въ особенности старшая сестра, Варвара,—высокая, полная женщина съ бѣлымъ лицомъ, съ довольно большими «коровьими» глазами,—были недурны собой, но во всѣхъ ихъ было что-то именно галочье,—рѣзкое, назойливое, крикливое и злое.

— Скажите!.. Пріѣхалъ!.. Давно? Совсѣмъ, совсѣмъ?.. А говорили, не пріѣдетъ... Не правда? Да?.. А, можетъ быть, на время? Только повидаться?—немедленно пристали онѣ къ нему одна за другой.

Онѣ, какъ видно, только что оканчивали свои туалеты, и руки у нихъ были холодныя и, какъ показалось Рытову, даже нѣсколько влажныя послѣ умыванья, такъ что онъ, пожавъ эти руки, невольно провелъ ладонью по сукну своего сюртука.

— Самъ не знаю. Какъ придется,—разсѣянно и сухо отвѣчалъ Рытовъ и спросилъ:—А Николай Ильичъ?

— Коля сейчасъ придетъ. Ушелъ купаться... Такая жара! А какая гроза была ночью... Слышали? Одно время громъ гремѣлъ минуты двѣ, не переставая... Замѣтили?.. Такъ страшно! Вы когда пріѣхали?

Онѣ говорили, то всѣ вмѣстѣ, то одна за другою, и, усѣвшись сначала въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Рытова, съ каж-

Digitized by Google

дымъ новымъ вопросомъ придвигались къ нему все ближе и ближе, вмѣстѣ со стульями, точно подскакивали, какъ истыя галки.

— Я пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ,—тѣмъ же тономъ отвѣчалъ Рытовъ.

— Одинъ?.. Одинъ пріѣхали?..

— Съ кѣмъ же я могъ пріѣхать?

Онѣ расхохотались.

— Мало ли съ кѣмъ пріѣзжаютъ... послѣ трехъ-то лѣтъ! Съ женой, съ дѣтьми... и съ мамкой... А не то съ невѣстой?.. Или просто съ какой нибудь провожатой... съ тамошней туземкой... въ зелененькомъ халатикѣ, въ шароварахъ и въ туфляхъ съ загнутыми носками... Съ двугривенными и пятьалтынными на шеѣ...

Рытовъ холоднымъ взглядомъ скользилъ по ихъ лицамъ. Мать Берестина, которой было подъ пятьдесятъ лѣтъ, не только не постарѣла за эти три года, но,—должно быть, благодаря нажитому ею за это время новому слою жира, разгладившему ея морщины,—какъ будто даже помолодѣла и казалась старшею сестрою своихъ дочерей. Варвара тоже пополнѣла. Одна только младшая Берестина, Лизавета, смотрѣла все такою же. Слабогрудая, малокровная, довольно часто прихварывавшая и, вслѣдствіе этого, задумчивая и молчаливая, она казалась прежде Рытову болѣе порядочною дѣвушкою, чѣмъ ея сестра и мать; но потомъ ему представилось довольно случаевъ убѣдиться, что она была, пожалуй, даже злѣе и развращеннѣе ихъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, когда же вы женитесь?.. Давно пора. Дальше—будетъ хуже. Берегитесь! Теперь—самое время... Вамъ вѣдь сколько лѣтъ?.. Тоже около тридцати, какъ и Колѣ?

— Около тридцати.

— Такъ что же? Пора, пора! Чего вамъ ждать? У васъ вѣдь и теперь должно быть цѣлое свое состояніе... капиталъ... Вы какія деньги загребаете!.. Не нужно вамъ и приданаго. Сколько получали вы хоть бы на этой постройкѣ? Тысячъ по шести въ годъ?.. Правда?.. Больше?...

— Въ родѣ этого.

— Вотъ видите... Считайте, сколько это? Тысячъ около двадцати въ три года... только въ три! А вы живете—точно приготовляетесь поступить въ монастырь. Или наложили на

Digitized by Google

себя обѣтъ смиренія?.. Проживаете ли вы хоть тысячу рублей въ годъ? Да нѣтъ! На что?.. Куда?.. Вина не пьете, въ карты не играете, франтить не любите... Вотъ только развѣ много тратитесь на «пенсіи». Какому еще тамъ параличному старику вы платите пенсію? Писцу? Лакею?... Говорятъ, у него черноглазенькая внучка или племянница... прехорошенькая!.. Правда?

На холодномъ лицѣ Рытова показалось, наконецъ, брезгливое и гадливое выраженіе.

— И откуда только подбираете вы всѣ эти выброски?— съ отвращеніемъ проговорилъ онъ.—Впрочемъ, вѣдь у васъ прислуга мѣняется каждую недѣлю. Пятьдесятъ двѣ недѣли,— слѣдовательно, за годъ перебываетъ у васъ пятьдесятъ двѣ кухарки... мало ли чего наслушаетесь отъ нихъ!..

Берестины весело хохотали. Рытовъ всегда относился къ нимъ сурово, а иногда даже и прямо непріязненно, но такъ какъ онъ былъ дружонъ съ ихъ любимцемъ, съ опорой ихъ семьи, то онѣ и не обижались этимъ суровымъ обращеніемъ. Вѣдь, все равно, другъ «Коли» оказывался, въ концѣ концовъ, и ихъ другомъ; человѣкъ, оказавшій болѣе или менѣе серьезныя услуги «Колѣ», оказывалъ эти услуги и имъ. Во время этого веселаго хохота трехъ крикливыхъ женщинъ, въ глубинѣ комнаты отворилась и слегка стукнула дверь. Изъ нея вышелъ высокій, широкоплечій молодой человѣкъ, съ гладко выбритыми щеками и подбородкомъ, съ довольно длинными усами, съ толстыми руками и съ тяжелою поступью, производившею такое впечатлѣніе, какъ будто этому малому требовалось нѣкоторое усиліе, чтобы приподнимать отъ пола и переставлять впередъ свои слишкомъ тяжелыя ступни. «Солдатъ»! подумалъ Рытовъ, посмотрѣвъ на него. Лицо этого молодаго человѣка нельзя было назвать ни некрасивымъ, ни глупымъ, ни злымъ, но въ немъ было столько мяса, грубо очерченныхъ мускуловъ, что отъ нихъ глаза его казались меньше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, очертанія рта—грубыми, челюсти—чрезмѣрно массивными. Притомъ же эти мускулы представлялись до того одеревенѣвшими, что на его физіономіи съ трудомъ и очень слабо отражались его душевныя движенія, вслѣдствіе чего можно было иногда подумать, что у него и не существовало никакихъ душевныхъ движеній.

— А это нашъ младшій братецъ... маленькій братецъ

Digitized by Google

Игорь... Ильичъ. Вы еще не видали его?.. А, впрочемъ, можетъ быть, и видѣли, когда онъ былъ еще поменьше,—заговорили опять всѣ три женщины.

— Я даже много разъ встрѣчался съ Григоріемъ Петровичемъ... когда пріѣзжалъ изъ училища на каникулы,—сказалъ сонным голосомъ и съ сонным видомъ Игорь.

— Я помню,—проговорилъ Рытовъ.

Игорь сѣлъ. Старшая сестра встала и пересѣла къ нему на колѣни, заглядывая въ его глаза.

— Каковъ мальчикъ, а?—обратилась она какъ будто даже съ нѣкоторою гордостью къ Рытову, и тотчасъ же всѣ опять затараторили и вмѣстѣ, и одна за другою.—Знаете ли, сколько въ немъ роста?.. Два аршина одиннадцать вершковъ. А плечи... А какова шейка?.. Онъ беретъ меня на руки и носитъ по комнатѣ, какъ ребенка. Да это что! Онъ поднимаетъ десять пудовъ. Вѣдь это страшная сила... Правда, правда?..

— Сила хорошая, но страшнаго ничего нѣтъ,—сквозь зубы проговорилъ, наконецъ, Рытовъ.—На постройкѣ у меня былъ десятникъ, который поднималъ больше двадцати пяти пудовъ.

— А вотъ и Коля,—сказала младшая Берестина, указывая движеніемъ головы на прихожую.

XVI.

Дѣйствительно, изъ прихожей выходилъ Николай Берестинъ, неслышно прошедшій съ чернаго хода. Это былъ тоже довольно высокій человѣкъ, хотя на половину ниже своего брата, стройный, сухощавый, прямой, съ темною остроконечною бородкою и темными усами, рѣзко выдѣлявшимися на блѣдноватомъ, нервномъ и выразительномъ лицѣ. Шелъ Берестинъ совсѣмъ спокойный. Когда уже онъ увидѣлъ Рытова, на лицѣ его выразилось удивленіе, тревожное и непріятное; потомъ онъ заставилъ себя радостно улыбнуться, но, по мѣрѣ того какъ вглядывался въ холодные глаза своего стараго друга, улыбка эта исчезала, и его щоки сперва покраснѣли, а затѣмъ поблѣднѣли.

— Пойдемте отсюда куда нибудь,—сказалъ Рытовъ, вставъ со стула.

Они молча прошли въ кабинетъ Берестина,—довольно просторную комнату съ книгами на полкахъ, на этажеркахъ, на

Digitized by Google

столахъ, даже на стулѣ около кровати, виднѣвшейся за непритворенными ширмами.

— Когда пріѣхали?—спросилъ Берестинъ.

Рытовъ, закуривавшій папиросу, казалось, не слышалъ этого вопроса.

— Ну... погубили дѣвушку?!—внезапно проговорилъ онъ, поднявъ глаза на Берестина.

— Какъ погубилъ... кого погубилъ?.. — растерянно проговорилъ тотъ, очень хорошо понимавшій, о комъ шла рѣчь, но совсѣмъ не ожидавшій такого прямаго обвиненія съ перваго же слова и безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ.

— Кого?—сквозь зубы проворчалъ Рытовъ.—Да Аню, нашу Аню... вашу покойную жену, если хотите...

— Погубилъ? Я погубилъ?!

— Кто же другой?

— Что же, вы думаете, я... я женился на ней... Изъ-за чего? Я не любилъ ея?—спрашивалъ Берестинъ, а лицо его все больше и больше блѣднѣло.

— Почемъ я знаю?.. Ну, любили... недѣлю-другую или мѣсяцъ-другой... Но когда вы, женившись на ней, ввели ее сюда... какая ужь тутъ могла быть любовь?!.

— Такъ изъ-за чего же я женился?..

— Почемъ я знаю!.. Знаю только то, что, сравнительно съ нею, я—толстокожее животное, притерпѣвшееся ко всякой грязи и огрубѣвшее, ко мнѣ ваши дамы относятся сравнительно дружелюбно,—но и я... я не могу пробыть съ ними четверти часа безъ того, чтобы мнѣ не начало—извините—мерзить... Какъ же вы могли привести сюда любимую, любимую женщину и бросить ее въ это логовище? Какая тутъ любовь!..

— Да понимаете ли вы, наконецъ, что она сама, сама хотѣла этого?—вскричалъ Берестинъ.

— Сама!—съ горечью повторилъ Рытовъ.—Конечно, сама. Господи Боже мой!.. Да развѣ же она, полюбивъ васъ, могла стремиться къ чему нибудь другому, кромѣ того, чтобы вамъ было какъ можно лучше?.. Разумѣется, она не хотѣла разлучать васъ съ вашими родными, съ которыми вы столько лѣтъ проживали вмѣстѣ. Разумѣется, она, въ своемъ невѣдѣніи жизни, мечтала, что съумѣетъ расположить ихъ къ себѣ. Да вы-то, вы-то какъ могли позволить ей продѣлывать такіе ужас-

Digitized by Google

ные опыты? Сама!.. Да еслибы она, ради того, чтобы достать какую нибудь оброненную вами вещь, вздумала залѣзть въ вонючее болото съ піявками и всякими гадами,—вы и до этого допустили бы ее?.. Какая же это любовь?.. Боже мой! Когда человѣкъ провожаетъ въ дорогѣ даже мало знакомую ему женщину, то и онъ считаетъ своей обязанностью заботиться о томъ, чтобы ей было удобно ѣхать и чтобы ее не обидѣлъ первый встрѣчный дуракъ или мерзавецъ. А это что же такое? Привели, бросили... Какъ стая собакъ, накинулись на нее эти бабы съ крикомъ, что ихъ надули, обманули, денегъ имъ недодали. Въ судъ... судиться!.. Старуху-няньку, единственнаго близкаго человѣка, остававшагося у нея отъ прошлаго,—толкали, били, выживали. И, послѣ этого, человѣкъ смѣетъ говорить въ глаза, что онъ любилъ... Это ли еще не любовь?

Берестинъ, какъ волкъ въ западнѣ, метался изъ угла въ уголъ по комнатѣ, тяжело дыша и безпрестанно перекладывая руки то за спину, то въ карманы, то складывая ихъ на груди. Онъ всѣми силами старался хоть немного успокоиться и найти хоть какой нибудь отвѣтъ на неожиданно обрушившееся на него обвиненіе. Но съ каждою новою минутою это обвиненіе подтверждалось все новыми и новыми доводами, и каждое новое слово Рытова жгло его, какъ раскаленнымъ желѣзомъ. Онъ совсѣмъ терялся. И вдругъ, въ разстроенной головѣ его точно всплыла мысль еще о томъ, что Валентина, къ которой онъ успѣлъ забѣжать вчера, именно потому и держала себя такъ загадочно-странно и насмѣшливо-весело, что уже успѣла увидѣться съ Рытовымъ. Что, что могла разсказать ему эта проклятая баба?

— Ну, хорошо,—продолжалъ, немного помолчавъ, Рытовъ.— Допустимъ, что она сама рѣшилась во что бы то ни стало окунуться съ головой во всю эту вашу грязь. Допустимъ... Ну, а потомъ, потомъ... когда она уже достаточно наглядѣлась на нее?..

Берестинъ мимоходомъ взглянулъ на него растерянными и подозрительными глазами. Знаетъ онъ или не знаетъ, что было потомъ?.. По самому тону вопроса видно, что знаетъ и только ставитъ ему ловушку, чтобы сейчасъ же уличить во лжи.

— Да... потомъ она просила, чтобы мы поселились отдѣльно,—

Digitized by Google

захлебывающимся и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ онъ.— Но какъ разъ въ то самое время... рѣшительно, нельзя было сдѣлать по ея желанію. А потомъ... когда я сказалъ, что теперь можно переѣхать, она опять отказалась.

Рытовъ подумалъ и тяжело вздохнулъ.

— Такъ вотъ что!.. Слѣдовательно, она просила. Этого я не зналъ... не зналъ...—съ грустью и горечью повторилъ онъ нѣсколько разъ.—Значитъ, въ то время, когда она просила объ этомъ, она еще несовсѣмъ отчаялась въ васъ. Значитъ, въ это время еще можно было спасти ее, еслибы... еслибы не эта непреодолимая стихійная сила, которая помѣшала вамъ исполнить ея просьбу. «Рѣшительно нельзя было!» Страшная, страшная сила... «Force majeure», говоря технически,—съ горькою иронією добавилъ онъ.

— Да я же вамъ говорю, что потомъ рѣшилъ переѣхать! Я искалъ квартиру, бѣгалъ. Она сама, сама наотрѣзъ отказалась!— почти въ изступленіи вскричалъ Берестинъ, сверкая глазами.

— Значитъ, было уже поздно... Значитъ, за этотъ промежутокъ времени она успѣла вполнѣ оцѣнить васъ и рѣшила, что все равно, гдѣ ни умереть... Кто знаетъ... можетъ быть, она нашла даже, что умирать наединѣ съ вами еще тяжелѣе, чѣмъ среди здѣшняго базарнаго гама. А могло быть и то, что въ это время до нея доползло какими нибудь путями извѣстіе о томъ, что вы черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы опять подружились съ Валентиной... Ударъ за ударомъ! Сначала эта полоумная Софья Андреевна со своими обвиненіями... Потомъ ваши дорогія родственницы, сдѣлавшіяся постоянными спутницами ея жизни... Потомъ эта «непреодолимая сила»... и, наконецъ, вы,—вы во всей своей, ничѣмъ не прикрытой, душевной красотѣ! Вѣдь вы мечтали даже о томъ, чтобы заставить ее помириться съ Софьей Андреевной, то есть заставить ее выпросить у этой полудурьи прощеніе въ чемъ-то... Въ чемъ?!. Да развѣ же эта нѣжная душа могла жить послѣ всего этого?.. Разумѣется, ей только и оставалось, что умереть... гдѣ приведется, гдѣ смерть застанетъ—не все ли равно...

Все время полусидѣвшій на свободномъ краѣ письменнаго стола, Рытовъ сталъ на ноги, взялъ шляпу и пошелъ къ двери, но, уже взявшись за ея ручку, остановился и посмотрѣлъ на Берестина, который продолжалъ бѣгать по комнатѣ.

Digitized by Google

— Силы невѣдомыя! И этого-то скрючившагося, трясущагося человѣка я столько лѣтъ считалъ порядочнымъ и, видитъ Богъ, любилъ, какъ никого другаго...—съ глубокимъ волненіемъ воскликнулъ онъ.—Господи, какъ бы мнѣ было стыдно, еслибы весь я не былъ полонъ одною только болью за эту погубленную душу, которой пальца не стоили мы, взятые всѣ вмѣстѣ!..

Онъ опять взялся за ручку двери и опять, оставивъ ее, обратился къ Берестину.

— Когда я шелъ сюда,—заговорилъ онъ снова,—я, хоть и не все зналъ, но видѣлъ, что оправдаться вамъ передо мной нѣтъ никакой возможности. Какія тутъ оправданія? Я не для нихъ и шелъ сюда. У меня оставалась нѣкоторая надежда только на то, что вы даже и не попробуете оправдываться, а съ перваго же моего слова скажете: «Да, я погубилъ ее, и никто лучше меня не знаетъ, до какой степени я виноватъ передъ нею». Вотъ, вотъ что вамъ оставалось: вотъ чего я ожидалъ отъ васъ... Но оказывается, что даже и на это не хватило у васъ ни сердца, ни мужества... Ничего нѣтъ!

Теперь, наконецъ, онъ отворилъ дверь и, надѣвъ въ прихожей пальто, ушелъ.

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СЕСТРА.

Романъ Эрнста Вильденбруха.

(Въ двухъ частяхъ, переводъ съ нѣмецкаго).

V.

Утро слѣдующаго дня было прохладнѣе. Путешественники наши воспользовались имъ для осмотра Бордигеро. Неподалеку отъ отеля, они встрѣтились съ «лордомъ», который, увидя ихъ, снялъ шляпу и поклонился.

— Кто это?—спросилъ Нерингъ у дочери.

— Я не знаю,—засмѣялась она,—это нашъ обѣденный vis-à-vis.

— Ахъ, да!—припомнилъ старикъ.—Что же это ему вздумалось кланяться намъ?

— Лишняя вѣжливость никогда не мѣшаетъ! — замѣтила Фреда и снова засмѣялась.

Они долго гуляли и берегомъ моря почти дошли до Санъ-Ремо. Домой они возвратились другой дорогой, шедшей по склону горы, между оливковыми деревьями. Подойдя къ гостинницѣ, къ площадкѣ, на которой играли въ lawn-tennis, они остановились посмотрѣть на игру. Между играющими находился и «лордъ». Замѣтивъ Фреду, онъ издали посмотрѣлъ на нее долгимъ и пристальнымъ взглядомъ. Отецъ это замѣтилъ, взялъ дочь подъ руку и они пошли дальше.

— Онъ мнѣ совсѣмъ не нравится!—замѣтилъ, немного погодя, старикъ.

— Кто?—спросила невинно Фреда.

— Ну, тотъ... нашъ vis-à-vis.

Дѣвушка ничего не отвѣтила.

— Онъ смотритъ такимъ фатомъ,—продолжалъ отецъ.

— Не нахожу,—возразила Фреда несовсѣмъ хладнокровно,—

Digitized by Google

мы не привыкли видѣть изящно одѣтыхъ молодыхъ людей... Въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго.

Старикъ не возражалъ. Они молча прошли къ себѣ и молча разошлись по своимъ комнатамъ. Одѣваясь къ завтраку, дѣвушка пожалѣла, что не умѣетъ играть въ lawn-tennis. «У насъ ни о чемъ понятія не имѣютъ»! подумала она.

Молодой человѣкъ продолжалъ свои поклоны при встрѣчѣ съ нашими путешественниками; Фреда, краснѣя, отвѣчала наклоненіемъ головы, а поклоны ея отца становились съ каждымъ разомъ все короче и холоднѣе. Дочь внутренно сердилась за это на старика. Разъ вечеромъ они сидѣли на террасѣ за кофеемъ; «лордъ» подошелъ къ нимъ съ газетою въ рукахъ и на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ обратился къ Нерингу.

— Не желаете ли вы почитать нѣмецкую газету?—предложилъ онъ.

Озадаченный старикъ машинально взялъ газету.

— Вы очень любезны,—сказалъ онъ.

У столика стоялъ третій стулъ,—молодой человѣкъ, не дожидаясь приглашенія, опустился на него. Обмѣнявшись съ новыми знакомыми нѣсколькими незначительными фразами, онъ всталъ, поклонился и, пытливо взглянувъ Фредѣ въ глаза, отошелъ. Дѣвушка замѣтила, что онъ подошелъ къ тѣмъ дамамъ, съ которыми игралъ въ lawn-tennis, и сталъ также бѣгло говорить по англійски, какъ только что говорилъ по нѣмецки. «Кто онъ: нѣмецъ? англичанинъ?»—спрашивала себя Фреда. Незнакомецъ все больше и больше интересовалъ ея; ея мысли были постоянно заняты имъ. Пробѣжавъ газету, Нерингъ поднялся съ мѣста.

— Газету надо, однако, отнести въ читальню,—проговорилъ онъ.

Они отправились туда вмѣстѣ съ дочерью.

— Вотъ видишь, папа, сколько тутъ журналовъ и книгъ! Ты всегда можешь выбрать что нибудь для чтенія.—Старикъ угрюмо кивнулъ головой, какъ бы говоря: «для этого не стоило такъ далеко ѣхать».

— Я нахожу, что со стороны того молодаго человѣка было очень любезно предложить тебѣ газету.

Старикъ промолчалъ. Прощаясь вечеромъ съ отцомъ, Фреда замѣтила, что обычной улыбки на его лицѣ не было.

Digitized by Google

Дни шли за днями. Нерингъ и Фреда не только успѣли осмотрѣть весь городокъ Бордигеро, но и ближайшія его окрестности. Предпринимать болѣе далекія прогулки они не рѣшались: слишкомъ сильна была жара. Знакомство ихъ съ молодымъ человѣкомъ не шло дальше поклоновъ, и Фреду это начинало волновать. «Ему хорошо, у него много знакомыхъ и ему не скучно»!.. За столомъ и при встрѣчахъ, дѣвушка ждала его поклона, и онъ каждый разъ пристально и пытливо глядѣлъ ей въ лицо. Она больше не опускала рѣсницъ, а тоже прямо смотрѣла на него. Куда дѣвалась ея прежняя гордость и неприступность? Старикъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого кокетливаго, нѣмаго разговора, но былъ суровъ и угрюмъ, и противопоставлялъ пассивное сопротивленіе дальнѣйшему сближенію съ незнакомцемъ. Фреда все это понимала и въ душѣ ея впервые зашевелилось недоброе чувство къ отцу. Зачѣмъ онъ избѣгаетъ болѣе короткаго знакомства съ изящнымъ молодымъ человѣкомъ? Почему онъ ему антипатиченъ? Развѣ онъ не видитъ, что она томится одиночествомъ? На всѣ попытки ея завести съ отцомъ разговоръ о незнакомцѣ, старикъ упорно отмалчивался. Фреда хорошо знала, что онъ всегда имѣетъ обыкновеніе уходить въ себя и молчать, когда испытываетъ какую нибудь непріятность. Такимъ образомъ, между нею и отцомъ установились натянутыя отношенія; предметовъ для разговора не находилось болѣе. Возвращаясь однажды съ прогулки, старикъ раздражительно проговорилъ:

— Здѣсь нигдѣ, рѣшительно нигдѣ не увидишь настоящей зелени!

— О, для этого вамъ надо ѣхать въ Дольчеаква,—произнесъ за ними чей-то голосъ.

Они обернулись. То былъ незнакомецъ. Старикъ попался врасплохъ. Лицо Фреды мгновенно просіяло.

— Въ Дольчеаква можно дойти пѣшкомъ?..

— Нѣтъ, надо ѣхать.

— Но въ гостинницѣ всего только одна карета и та всегда занята,—замѣтилъ Нерингъ.

— Ѣхать въ этой колымагѣ было бы весьма непріятно!—смѣясь отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Если позволите, я завтра найму для васъ настоящій итальянскій экипажъ съ холщевымъ верхомъ.

Digitized by Google

И онъ любезно предложилъ служить имъ чичероне въ Дольчеаква. Старику пришлось согласиться. Фреда торжествовала. Входя въ гостинницу, отецъ ворчалъ сквозь зубы, что порядочные люди такъ не навязываются... Но она притворилась, что ничего не слышитъ и не понимаетъ. На слѣдующій день, когда она вышла въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ, въ хорошенькой соломенной шляпкѣ на золотистыхъ волосахъ,—даже отецъ ея, не смотря на дурное расположеніе духа, улыбнулся при видѣ ея оживленнаго лица.

Молодой незнакомецъ зналъ мѣстность, какъ свои пять пальцевъ, называлъ по именамъ всѣхъ владѣльцевъ виллъ, мимо которыхъ они проѣзжали, зналъ названія всѣхъ деревушекъ. Можно было подумать, что онъ здѣшній уроженецъ, а не пріѣзжій. «Какой интересный человѣкъ»! думала Фреда. «Ходячій Бедекеръ»! рѣшилъ про себя старикъ.

Они ѣхали по восхитительной дорогѣ, то берегомъ моря, то среди оливковыхъ рощъ и мимо садовъ, окруженныхъ каменными оградами. Дѣвушка съ восторгомъ любовалась природой; опьяненная морскимъ воздухомъ, она полураскрыла губы, за которыми блестѣли ровные, бѣлые зубы. Случайно взглянувъ на незнакомца, она поражена была выраженіемъ дикаго, жаднаго, почти страшнаго взгляда, устремленнаго на нее. Фреда дѣйствительно содрогнулась и закрыла глаза... но когда открыла ихъ, то лицо молодаго человѣка снова приняло свое обычное выраженіе.

Они въѣхали въ темную платановую аллею.

— Наконецъ-то я вижу деревья, Фреда!—обрадовался старикъ.

Долина съ великолѣпной растительностью напомнила ему его родину. Они проѣхали по крутому мосту и достигли маленькаго итальянскаго городка,—цѣли ихъ прогулки. Экипажъ остановился передъ остеріей, въ которую вошелъ молодой незнакомецъ. Вернувшись черезъ минуту, онъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— Я предлагаю прежде всего сходить осмотрѣть развалины замка, а затѣмъ завтракать въ этой остеріи. Я уже заказалъ настоящій итальянскій завтракъ.—Побывавъ въ замкѣ и полюбовавшись съ утеса горы на далекое море, они вернулись въ остерію закусывать. На столѣ, въ лучшей комнатѣ, красова-

Digitized by Google

лись двѣ бутылки мѣстнаго краснаго вина. Подали горячій вермишель съ соусомъ изъ томатовъ. Незнакомцу пришлось учить Фреду и ея отца ѣсть это кушанье, такъ какъ жирный вермишель упорно соскальзывалъ съ ихъ вилокъ, лишь только они подносили его ко рту. Покончивъ съ этимъ блюдомъ, принялись за козій сыръ и за вино.

— Ну, вотъ теперь, по крайней мѣрѣ, можно сказать, что мы были въ Италіи!—проговорила молодая дѣвушка, откидываясь на спинку стула.

— Нравится вамъ здѣсь?—спросилъ спутникъ, любуясь зарумянившимся лицомъ Фреды.

— Очень,—отвѣчала она.—Мы такъ вамъ обязаны! Безъ васъ мы, вѣроятно, не увидали бы этого прелестнаго мѣстечка.

— Тутъ еще много красивыхъ мѣстъ, съ которыми не мѣшаетъ познакомиться. Я очень буду радъ, если и впредь могу служить вамъ въ подобныхъ экскурсіяхъ.

Онъ налилъ себѣ вина и, почтительно кланяясь, приблизилъ свой стаканъ къ стакану Неринга, а затѣмъ и Фреды. Когда они чокались, то молодой человѣкъ крѣпко прижалъ своимъ мизинцемъ мизинецъ дѣвушки, причемъ лицо его не утратило безмятежнаго спокойствія. Сердце Фреды сильно забилось, по тѣлу пробѣжала точно электрическая искра.

Обратно они пріѣхали уже въ сумерки.

— Благодарю васъ,—сказалъ Нерингъ, пожимая руку любезнаго чичероне.

Фреда молча пожала его руку.

Въ своей комнатѣ старикъ нашелъ письмо отъ Персиваля.

— Видишь,—замѣтила Фреда, нѣжно цѣлуя отца,—какой сегодня счастливый день!

Персиваль писалъ о Берлинѣ, о своихъ успѣшно идущихъ занятіяхъ, о томъ, что ѣздилъ ненадолго домой, гдѣ все обстоитъ благополучно; семейство Вальновъ и майоръ съ майоршей здоровы и кланяются. Тутъ старикъ, читавшій вслухъ, остановился и слѣдующую часть письма прочелъ про себя, затѣмъ молча, со вздохомъ, положилъ его на столъ. Фреда взяла письмо и прочла слѣдующее: «Что касается Шоттенбауера, то я ничего про него не знаю. Говорятъ, въ судѣ онъ больше не служитъ, а зайти къ нему я не успѣлъ. У майора онъ послѣ нашего отъѣзда былъ всего одинъ разъ; кудрявая тетя нашла,

Digitized by Google

что онъ очень измѣнился. Онъ просидѣлъ у нихъ съ полчаса, мало говорилъ и рѣшительно ни про кого не спрашивалъ. Жаль его. Если что нибудь о немъ узнаю, напишу». Въ припискѣ стояло: «Въ нашемъ саду я тоже побывалъ; соловьи по прежнему поютъ, сирень въ полномъ цвѣту».

Оба помолчали; наконецъ Фреда встала и ушла къ себѣ. Шоттенбауеръ... Она о немъ совсѣмъ забыла! Какъ странно и неумѣстно здѣсь это имя... И какъ разъ сегодня она должна была вспомнить о немъ, когда ей вовсе не до него, когда внутри ея затеплился огонекъ и разгорается все сильнѣе и сильнѣе... Да, вовсе не до него! Едва успѣла она переодѣться, какъ прозвонили къ обѣду. Зайдя за отцомъ, она застала старика у стола, на которомъ лежала рукопись. Дѣвушка сдѣлала видъ, что не обращаетъ вниманія и не догадывается, что̀ это за рукопись.

— Пора идти обѣдать, папа,—проговорила она спокойнымъ голосомъ.

Старикъ вздрогнулъ. Ни звонка, ни шаговъ дочери онъ не слыхалъ.

— Пойдемъ, папа,—смѣясь повторила она и, вынувъ изъ шкапа сюртукъ, подала его. Онъ всталъ, взялъ сюртукъ изъ ея рукъ, бросилъ его на стулъ и сердито сказалъ:

— Не надо.

Дѣвушка не возражала; она молча взяла его подъ руку и спустилась съ нимъ по лѣстницѣ.

VI.

Всѣ сидѣли за столомъ и обѣдали, когда отецъ и дочь Нерингъ вошли въ столовую. На поклонъ изящнаго незнакомца старикъ едва отвѣтилъ. Фредѣ стало вдругъ ясно, почему отецъ съ такимъ недоброжелательствомъ относится къ этому молодому человѣку, и она вознегодовала еще больше. Результатомъ были учащенные взгляды на безукоризненнаго vis-à-vis... Между ними завязался тотъ нѣмой разговоръ, который обыкновенно ведетъ къ признанію въ любви.

На террасѣ, между чужими, безпечно-веселыми людьми, Нерингу не сидѣлось. Мысли его были далеко. Онъ думалъ о Шоттенбауерѣ, жалѣлъ о немъ, упрекалъ себя въ томъ, что

Digitized by Google

не сходилъ къ нему до своего отъѣзда за границу, не утѣшилъ его, не поддержалъ... Старикъ не вытерпѣлъ и всталъ.

— Ты уже хочешь уходить?—спросила его дочь.

— Да, но для тебя слишкомъ рано. Поди въ читальню, посмотри иллюстрированныя изданія...

— Дѣйствительно, я пойду туда...

И, проводивъ отца до подъемной машины, она ушла въ читальню. Не успѣла она просмотрѣть и двухъ нумеровъ журнала, какъ дверь отворилась и въ читальню вошелъ молодой незнакомецъ.

— Здѣсь такъ жарко!—сказалъ онъ.—Я пришелъ предложить вамъ пройтись со мною по берегу моря. Воздухъ тамъ дивный.

Предложеніе было сдѣлано такъ просто, что Фреда не рѣшилась отказаться. Она встала и молодой человѣкъ подалъ ей руку. Они вышли прямо на улицу и пришли къ морю. Какъ ни увѣряла себя Фреда, что предосудительнаго ничего ни дѣлаетъ, сердце ея какъ-то боязливо билось и мѣшало ей говорить. Молча прошли они порядочное пространство.

— Не надо заходить слишкомъ далеко,—сказала она.

Кавалеръ ея тотчасъ остановился.

— Что за чудная картина!—воскликнулъ онъ, глядя на море, освѣщенное луною.

— Да, чудная. Но что это такое?—прибавила она, указывая вдаль рукою. Тамъ что-то сверкало.

— Это освѣщенная скала Монако.

Незнакомецъ вынулъ изъ кармана бинокль и подалъ его дѣвушкѣ. Она могла разсмотрѣть скалу, подымавшуюся прямо изъ моря и всю испещренную огоньками.

— Такъ это Монако?.. Тамъ должно быть прелестно.

— Тамъ только и можно жить!—восторженно подхватилъ незнакомецъ.—Тамъ только и стоитъ жить. Все остальное, въ сравненіи съ Монако... дрянь!

Онъ говорилъ почти шопотомъ, точно находился подъ вліяніемъ какой-то всесильной власти. Лицо его было блѣдно, глаза горѣли.

— Вы, кажется, и не подозрѣваете, вблизи какихъ чудесъ живете. Да и немудрено, при вашемъ затворническомъ образѣ жизни.

Digitized by Google

Онъ говорилъ скоро, голосъ его дрожалъ.

— Мы многаго еще не видали, это правда, — отвѣчала Фреда. Ей становилось страшно. Возвративъ своему кавалеру бинокль, она сказала, что пора идти домой.

Онъ взялъ ея руку и фамильярно просунулъ подъ свою; они повернули назадъ. Дорогой онъ предложилъ ей на дняхъ съѣздить въ Монако и вызвался снова взять на себя роль чичероне.

— Благодарю васъ! Папа, вѣрно, не откажется съѣздить туда.

— Такъ потрудитесь переговорить съ вашимъ батюшкой.

Въ передней гостинницы молодой человѣкъ почтительно раскланялся съ Фредой и удалился.

Войдя въ комнату отца, дѣвушка застала его еще сидящимъ у стола надъ рукописью; она тихонько подошла къ нему и поцѣловала его въ голову. Старикъ съ нѣжностью привлекъ ее къ себѣ и обнялъ.

— Ахъ, дитя мое, дитя мое!—проговорилъ онъ.

— Знаешь, папа, что мнѣ пришло въ голову: намъ непремѣнно слѣдуетъ посмотрѣть Монако!..

— Монако?

— Да, оно близко отсюда. Быть здѣсь и не видѣть Монако—все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы!

— Съѣздимъ, пожалуй. Ты знаешь, какъ туда надо ѣхать?

— Тотъ молодой человѣкъ...—Фреда покраснѣла,—предложилъ везти насъ туда и все показать... Вѣдь сегодня утромъ мы его просили показать намъ и другія окрестности.

— Скажи мнѣ, пожалуйста,—сердито спросилъ старикъ,—нравится тебѣ что ли этотъ господинъ?

— Боже мой... Что съ тобой, папа?

— Я не могу допустить, чтобы подобный типъ былъ въ твоемъ вкусѣ!—сказалъ отецъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Фреда бросила недружелюбный взглядъ на рукопись Шоттенбауера... Въ ней крылась разгадка отцовской выходки.

— Нравится ли онъ мнѣ? — проговорила она холодно, — странный вопросъ! Человѣкъ вѣжливъ, предупредителенъ, съ отпечаткомъ порядочности,—чего же отъ него еще требовать?

Тонъ дочери рѣзнулъ старика по сердцу; онъ молча покачалъ головой, въ первый разъ чувствуя, что не понимаетъ ея.

Digitized by Google

Какъ! Она оттолкнула того, талантливаго, умнаго, добраго человѣка, а этотъ приглаженный, прилизанный фатъ, въ кольцахъ и браслетѣ, ей нравится, дѣлаетъ съ ней, что хочетъ; она даже бѣгаетъ за нимъ... Старикъ негодовалъ. Воцарилось тягостное молчаніе. Наконецъ, его мягкое сердце снова подавило всѣ злобныя чувства; онъ подошелъ къ Фредѣ и тихо сказалъ:

— Ну, что жь, поѣдемъ въ Монако.

Фреда пытливо взглянула на отца.

— Но ты ѣдешь туда охотно, папа?

— Да, да, охотно. Почему же не посмотрѣть Монако?.. А теперь иди къ себѣ, пора спать.

— Ты тоже ляжешь, папа?

— Лягу, лягу. Иди, Христосъ съ тобой, покойной ночи.

Дѣвушка пришла къ себѣ взволнованная. Ее мучило, что она скрыла отъ отца свою вечернюю прогулку; кромѣ того, тонъ старика, когда онъ говорилъ о незнакомцѣ, смущалъ ее. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ могъ ей понравиться? Очевидно, міръ, въ которомъ онъ вращался, не былъ ея міромъ,—развѣ именно этимъ? Да и каковъ его міръ? Она не знаетъ; таинственность окружаетъ его, даже имя его ей неизвѣстно... Занятая этими мыслями, Фреда не скоро заснула.

VII.

На другое утро, съ появленіемъ солнца, всѣ неясныя опасенія исчезли. Спустя нѣсколько дней, предположенная поѣздка въ Монако состоялась. На желѣзнодорожной станціи Фреда увидала массу пассажировъ, большею частью изъ ихъ же гостинницы.

— Всѣ они ѣдутъ въ Монако?—спросила она незнакомца.

— Скорѣе въ Монте-Карло.

— На рулетку?—сказалъ Нерингъ.

Незнакомецъ засмѣялся.

— Сезонъ приближается къ концу!—уклончиво отвѣтилъ онъ.

Купэ, въ который попали Неринги, былъ биткомъ набитъ, но, благодаря распорядительности незнакомца, имъ удалось занять мѣста у окошекъ, со стороны моря. Сидѣвшія въ вагонѣ дамы безпрестанно обращались съ вопросами къ молодому че-

Digitized by Google

ловѣку, оживленно болтая по итальянски. Отецъ и Фреда любовались пейзажами.

— Вотъ это Ментонъ,—указалъ молодой человѣкъ на красивые дома, мимо которыхъ катилъ ихъ поѣздъ. Нѣсколько дальше, вагоны остановились передъ мраморной лѣстницей, ведшей къ великолѣпному зданію.

Дверь вагона отворилась, кондукторъ прокричалъ: «Монте-Карло»!—и публика стала поспѣшно выходить.

— Мы пріѣхали!—объявилъ, улыбаясь, незнакомецъ.

— Но вѣдь мы ѣдемъ въ Монако!—замѣтилъ Нерингъ.

— Вокзалъ одинъ. Мы пройдемъ въ Монако, или, если хотите, поѣдемъ туда въ экипажѣ.

Пришлось подняться на террасу, къ зданію игорнаго дома.

— Настоящая мышеловка!—ворчалъ старикъ.—Удивляюсь, какъ они еще капкановъ не наставили, чтобы никто не миновалъ этого вертепа.

Сверху видъ былъ такъ великолѣпенъ, что путешественники наши невольно остановились и долго, молча, любовались имъ.

— А что, хорошо?—побѣдоносно улыбаясь, спросилъ молодой человѣкъ.

Затѣмъ обошли кругомъ зданіе. На террасѣ справа и слѣва помѣщались павильоны съ ресторанами. Дойдя до входа въ игорную залу, они остановились. Группы стояли у дверей; однѣ входили, другія выходили, болтая и смѣясь.

— Такъ вотъ знаменитый Монте-Карло, пользующійся такой худой славой!—замѣтила Фреда.

— Вы видите, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ.. Не хотите ли зайти посмотрѣть, что дѣлается въ залѣ? Взглянуть любопытно... играть не обязательно. Можете просто пройтись по заламъ... зайти въ читальню,—другой такой вы нигдѣ не найдете,—здѣсь всѣ газеты, существующія на земномъ шарѣ.

Послѣднее свѣдѣніе соблазнило Неринга и, къ великому удовольствію Фреды, онъ согласился войти въ вертепъ. Незнакомецъ представилъ въ бюро визитныя карточки путешественниковъ и немедленно получилъ разрѣшеніе пройтись по заламъ.

— Онъ тутъ, какъ свой человѣкъ!—замѣтилъ Нерингъ.

Digitized by Google

Незнакомецъ предложилъ руку Фредѣ и они вошли.

— Теперь вы переступили порогъ ада!—сказалъ онъ насмѣшливо.—Какъ вы полагаете, райская обстановка лучше этой?

Дѣйствительно, обстановка была роскошная и можно было поздравить директора «ада» съ хорошимъ вкусомъ. Посѣтители обоего пола тѣснились около рулетокъ, многіе ходили по залѣ въ одиночку, о чемъ-то размышляя, иные вдвоемъ, втроемъ, разговаривая, споря и жестикулируя, но не возвышая голоса; громко раздавался только металлически-рѣзкій голосъ крупье и отчетливо слышался стукъ катившагося шарика рулетки. Незнакомецъ незамѣтнымъ образомъ подвелъ Фреду къ игорному столу. Она видѣла, съ какимъ хладнокровіемъ выигрывали и проигрывали нѣкоторыя личности, тогда какъ другіе приходили въ явное волненіе. Одна изъ самыхъ гадкихъ страстей человѣчества выражалась здѣсь во всей своей неприглядности и производила на молодую дѣвушку непріятное впечатлѣніе.

— Не хотите ли и вы испытать счастія?—спросилъ ее незнакомецъ.

— Вѣдь мы рѣшили только пройти по заламъ...

Дѣвушка обернулась и увидала отца, стоявшаго неподалеку и удивленными глазами слѣдившаго за происходящимъ вокругъ него. Фреда, оставивъ своего кавалера, подошла къ нему и взяла его подъ руку.

— Пойдемъ, папа,—проговорила она.

— Взгляните на другія залы, гдѣ играютъ въ trente et quarante,—сказалъ подошедшій къ нимъ незнакомецъ.

Фредѣ показалось, что въ немъ произошла какая-то перемѣна, точно воздухъ игорнаго дома заразилъ его и страсть къ азартной игрѣ сказывалась въ его порывистыхъ движеніяхъ, бѣгающемъ взглядѣ и голосѣ.

— Тутъ для папы слишкомъ душно,—отвѣчала она рѣшительно,—отправимтесь лучше въ Монако.

— Да, да!—подтвердилъ старикъ.

Выраженіе лица ихъ спутника мгновенно измѣнилось, возбужденіе исчезло.

— Вы правы,—сказалъ онъ небрежно,—пойдемте.

Всю дорогу старикъ и Фреда приходили въ восторгъ отъ

Digitized by Google

живописныхъ видовъ, которые безпрестанно мѣнялись передъ ихъ взорами; проводникъ же ихъ не переставалъ острить и смѣшить ихъ. Дошли, наконецъ, и до террасы, надъ которой возвышался дворецъ герцога. Тутъ имъ навстрѣчу, ковыляя, подскочилъ большой ручной воронъ. Незнакомецъ, какъ видно хорошо его знавшій, сталъ дразнить его. Фредѣ тоже захотѣлось поиграть съ нимъ и она выставила немного свою ногу; въ ту же минуту воронъ схватилъ клювомъ кончикъ ея желтаго башмака и какъ Фреда ни старалась освободить ногу, воронъ не уступалъ и злился. Пришлось незнакомцу стать на колѣно и избавить дѣвушку отъ назойливой птицы. Но въ то время какъ онъ правой рукой отстранялъ ворона, лѣвой онъ схватилъ ногу дѣвушки у самой щиколки и крѣпко сжалъ ее. Фреда вся вспыхнула, да и услужливый кавалеръ, поднявшись съ земли, также былъ красенъ. Къ счастію, побѣжденный и негодующій воронъ представлялъ такую смѣшную картину безсильной ярости, что всѣ трое расхохотались.

Завтракали внизу, пили Асти, мѣстное шипучее вино, очень понравившееся Фредѣ. Потребовали счетъ и она вынула изъ кармана портмонэ.

— Роль кассира вы, кажется, на себя взяли?—сказалъ незнакомецъ.—Это я еще замѣтилъ въ Дольчеаква.

Фреда улыбнулась и не видала, какъ изящный чичероне пытливо заглянулъ въ ея раскрытый бумажникъ, точно желая убѣдиться, много ли тамъ денегъ. До отхода поѣзда въ Бордигеро оставалось еще два часа, поэтому было рѣшено возвратиться въ Монте-Карло и провести это время въ библіотекѣ.

VIII.

Въ читальнѣ, дѣйствительно, были газеты на всевозможныхъ языкахъ. Старикъ Нерингъ чувствовалъ усталость и, тотчасъ усѣвшись въ кресло, погрузился въ чтеніе нѣмецкой газеты.

Фреда стояла еще въ дверяхъ. Вдругъ она почувствовала, какъ незнакомецъ, взявъ ее за руку, осторожно заставилъ ее отступить шага на два назадъ. Онъ нагнулся почти къ ея уху и прошепталъ:

— Знаете что?.. Испытайте ваше счастье... тамъ.

Digitized by Google

— Мое счастье?—спросила Фреда, не понимая.

— Ну да... дайте мнѣ двадцать франковъ.

— Играть?—съ ужасомъ спросила она.

Незнакомецъ пожалъ плечами.

— Вы можете не играть сами, если это васъ такъ пугаетъ; я за васъ буду играть.

Фреда въ недоумѣніи молчала.

— Господи!—нетерпѣливо произнесъ молодой человѣкъ,—двадцать франковъ не богъ вѣсть какая сумма!

Дѣвушка безсознательно повиновалась; она молча вынула изъ портмонэ золотой и передала его незнакомцу. Тотъ быстро выхватилъ монету.

— Все это ради потѣхи,—прошепталъ онъ,—подождите, я сію минуту вернусь.

Фреда опустилась на ближайшій стулъ. Она не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что̀ сейчасъ произошло. Не успѣла еще она собраться съ мыслями и прійти въ себя, какъ вблизи раздались скорые шаги и незнакомецъ снова появился передъ нею.

— Счастье везетъ вамъ!—задыхающимся голосомъ объявилъ онъ. Лицо его все покрылось красными пятнами.—Вотъ смотрите: вы выиграли 40 штукъ золотыхъ на одинъ двадцатифранковикъ!

И онъ показалъ ей цѣлую пригоршню золота. Ошеломленная Фреда смотрѣла на золото съ полнѣйшимъ недоумѣніемъ. Молодой человѣкъ почти насильно втиснулъ ей въ руку монеты.

— Это ваши деньги... У васъ невѣроятное счастіе,—вѣрьте мнѣ, я въ этомъ дѣлѣ свѣдущъ,—и надо имъ пользоваться, не упускать его. Пойдемте...

Онъ кивнулъ головою по направленію къ игорному залу.

— Но играть я не буду,—едва слышно проговорила дѣвушка.

Незнакомецъ опять нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что въ этомъ дурнаго? Не понимаю! Здѣсь всякій благоразумный человѣкъ играетъ.

— Намъ скоро надо ѣхать...

— До отъѣзда еще цѣлый часъ.

Молодой человѣкъ опустился рядомъ съ дѣвушкой на сосѣдній стулъ.

Digitized by Google

— Пойдемте,—шепталъ онъ съ дрожью въ голосѣ,—пользуйтесь счастьемъ, оно, быть можетъ, никогда больше не придетъ къ вамъ... Я за васъ играть буду, но вы должны быть около меня—счастье въ человѣкѣ. Пойдемте!..

И, обхвативъ ее за талію, онъ заставилъ ее встать со стула. Не успѣла Фреда оказать сопротивленіе, какъ уже очутилась въ игорной залѣ, у рулетки, и опустилась на поданный ей стулъ. Въ головѣ ея промелькнули туманныя воспоминанія объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этой игры, о самоубійствѣ разорившихся въ Монте-Карло... Она взглянула на молодаго человѣка—онъ продолжалъ выигрывать. Дѣвушка сидѣла, какъ прикованная къ стулу, ей казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ нѣчто ужасное и обрушится на нея.

Между тѣмъ, незнакомецъ вынулъ часы и, взглянувъ на Фреду, фамильярно кивнулъ ей головой, давая понять, что пора собираться. Фреда, машинально повинуясь, встала и подошла къ нему. Онъ сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за нимъ и, отойдя въ отдаленный уголъ залы, пригласилъ ее сѣсть рядомъ съ нимъ на диванъ. Затѣмъ онъ горстями сталъ выгребать золото изъ кармановъ своихъ брюкъ и, опустошивъ ихъ, схватилъ дѣвушку за обѣ руки и нагнулся къ ней такъ близко, что борода его касалась ея лица.

— Ну, дорогой компаньонъ, поздравляю. Вотъ сколько мы выиграли!

Фреда судорожнымъ движеніемъ высвободила свои руки и всѣмъ тѣломъ откинулась назадъ.

— Но возьмите же ваше золото!—засмѣялся молодой человѣкъ и обѣими руками сталъ перекладывать ей на колѣни золотыя монеты, не обращая вниманія на ея сопротивленіе.—Да что съ вами? Что же тутъ предсудительнаго, позорнаго? У васъ небывалое счастье!

Но она сбросила деньги на диванъ.

— Пора,—рѣзко произнесла она,—я иду къ отцу.

— Успѣете!

— Нѣтъ, пора.

Фреда хотѣла подняться, но онъ снова схватилъ ее за талію и властно усадилъ на мѣсто. Выраженіе лица его стало непріятнымъ, онъ словно любовался испуганнымъ видомъ дѣвушки, очутившейся въ его когтяхъ.

Digitized by Google

— Подумайте хорошенько,—началъ онъ, заикаясь отъ волненія,—вы обладаете красотой и баснословнымъ счастьемъ... Въ два дня, вы, съ помощью опытнаго человѣка, можете пріобрѣсти цѣлое состояніе! Человѣкомъ этимъ буду я,—что я это дѣло хорошо знаю, вы уже могли убѣдиться.

Онъ снова нагнулся совсѣмъ близко къ ея лицу. Руки Фреды были холодны, какъ ледъ; она молчала и не двигалась, точно окаменѣлая.

— Довѣрьтесь мнѣ,—продолжалъ онъ:—въ короткое время, благодаря моему умѣнью и вашему счастью, вы сдѣлаетесь богачкой и тогда только узнаете настоящую жизнь! До сихъ поръ вы не жили. Я научу васъ пользоваться вашей красотой, покорять сердца...

Фреда все еще не въ состояніи была произнести ни слова, а соблазнитель приписывалъ ея молчаніе нѣмому согласію.

— Зачѣмъ вамъ торопиться въ Бордигеро?.. сегодня попозже будетъ еще поѣздъ.

— Мы должны сейчасъ ѣхать,—съ трудомъ вымолвила она.

— У насъ будетъ больше счастья, если вы присутствуете при игрѣ!

Фреда придвинула къ незнакомцу лежавшую на диванѣ кучку золота.

— Это ваши деньги...—сказала она.—Возьмите ихъ, дѣлайте съ ними, что̀ хотите... мнѣ онѣ не нужны.

Незнакомецъ заглянулъ ей пытливо въ глаза.

— Поймите,—онъ схватилъ ея руку,—что эта сумма хороша только для начала. Чтобы схватить большой кушъ, надо рискнуть не такой суммой. Вы распоряжаетесь отцовскими деньгами? Много у васъ съ собой?

Фреда задыхалась отъ негодованія.

— Пустите мою руку!—гнѣвно приказала она и бросила на собесѣдника свирѣпый взглядъ. Онъ встревожился.

— Успокойтесь!—сказалъ онъ, продолжая держать ея руку,—если съ вами мало денегъ, это не важно; сегодня вечеромъ я вамъ сообщу, что̀ намъ удалось сдѣлать, а завтра мы начертимъ планъ дѣйствій...

— Не смѣйте говорить «мы»—и пустите мою руку. Пустите сію минуту, или я позову на помощь!

Digitized by Google

Молодой человѣкъ опять встревожился и выпустилъ руку Фреды, вскочившей съ дивана. Онъ тоже всталъ и они пристально смотрѣли въ глаза другъ другу. Улыбка исчезла съ его лица; въ гордой женщинѣ, высоко поднявшей голову, онъ не узналъ Фреды; во всей ея позѣ и фигурѣ сказывалась сила характера.

— Я теперь уйду,—сказала дѣвушка твердымъ и совершенно уже спокойнымъ голосомъ,—и если вы осмѣлитесь сдѣлать одинъ шагъ, чтобы идти за мною, то могу васъ увѣрить, что раскаитесь въ этомъ. Если въ Бордигеро вы позволите себѣ заговорить со мною или съ отцомъ, или за столомъ сѣсть противъ насъ, то я попрошу хозяина гостинницы избавить насъ отъ вашего нахальства.

Дѣвушка медленной поступью направилась къ выходу. Незнакомецъ, какъ оплеванный, смотрѣлъ ей вслѣдъ и имѣлъ видъ человѣка, не успѣвшаго еще прійти въ себя отъ полученной пощечины.

IX.

Фреда застала въ читальнѣ отца все еще на прежнемъ мѣстѣ; газета выпала изъ его рукъ; свѣсивъ голову на грудь, старикъ безмятежно спалъ.

— Папа,—сказала дѣвушка, дотронувшись до его плеча,—папа!—Старикъ проснулся. Дочь прильнула губами къ его сѣдой головѣ, глаза ея наполнились слезами, но она удержалась и не заплакала. «Надо быть бодрой и твердой»! сказала она себѣ.

— Намъ пора ѣхать, папа.

— А! ну поѣдемъ, поѣдемъ.

Онъ оперся на ея руку и они направились къ желѣзнодорожной станціи. Народу было мало и въ купэ они усѣлись одни. Старикъ снова заснулъ. Усталость и тихая грусть запечатлѣлись на его добромъ лицѣ. Фреда сѣла напротивъ и не сводила съ него глазъ. Зачѣмъ она вырвала старика изъ привычной, милой его обстановки, потащила его въ чужую страну, къ незнакомымъ людямъ? Она употребила во зло его уступчивость и доброту, деспотически распоряжалась имъ, пользуясь его любовью... Онъ лелѣялъ въ сердцѣ надежду, которую она,

Digitized by Google

не задумываясь и не разсуждая, грубо разбила... Такъ думала Фреда, глядя на старческія добрыя черты спавшаго отца, и слезы, которыхъ она теперь не удерживала, хлынули изъ ея глазъ отъ раскаянія и стыда. Она съ отвращеніемъ вспоминала о полученномъ оскорбленіи въ игорномъ домѣ.

Подъѣхали къ Бордигеро. Дорогой въ гостинницу, она рѣшила, что ничего не скажетъ отцу, чтобы не тревожить его. Она одна во всемъ виновата, слѣдовательно, одна и понесетъ всю тяжесть своего поступка. Проклятое воспоминаніе будетъ ей возмездіемъ. Въ комнатѣ ея лежало платье, приготовленное для обѣда; она схватилась за голову,—для кого собиралась она нарядиться, кому желала понравиться? Забыть скорѣе обо всемъ!.. Она скомкала платье и бросила его на полъ. Звонокъ къ обѣду... Вчера еще она торопилась сойти въ столовую, зная, что *онъ* нетерпѣливо ждетъ ее... «Пятно на моей жизни, котораго смыть нельзя»!—прошептала бѣдная дѣвушка, закрывая лицо руками.

Дверь отворилась и вошелъ отецъ.

— Какъ! Ты еще до сихъ поръ не переодѣлась? — удивился онъ.

Фреда въ неудержимомъ порывѣ бросилась ему на шею.

— И не стану переодѣваться! Я и такъ слишкомъ хороша для этого общества.

Старикъ посмотрѣлъ на нее лукаво и улыбнулся.

— Ахъ, папа... милый мой, дорогой папа!

— Однако, пойдемъ обѣдать, дѣвочка, пора.

Они сошли внизъ. Фреда боялась встрѣчи съ *нимъ*, — но его не было. Отецъ видѣлъ, что произошло что-то, но не разспрашивалъ и молчалъ. Обѣдающихъ было мало, большинство осталось въ Монте-Карло. Послѣобѣденный кофе пили по обыкновенію на террасѣ.

Фреда чувствовала себя утомленной и нравственно разбитой, и, придя къ себѣ, тотчасъ раздѣлась и легла въ постель. Но заснуть ей не удалось: она металась, вздыхала, горѣла, какъ въ жару, и снова переживала все время, проведенное здѣсь, вспоминая малѣйшія подробности каждаго дня. Она, къ ужасу своему, постигла всю мелочность волновавшихъ ее чувствъ. Самолюбіе и желаніе нравиться управляли ея поступками,— не унизительно ли это? Какой-то проходимецъ, игрокъ, осмѣ-

Digitized by Google

лился надѣяться, что она обокрадетъ отца. О, позоръ! Какъ забыть, какъ вычеркнуть изъ памяти эту гадость?! Нѣтъ, невыносимо... Надо подѣлиться своимъ мученьемъ съ кѣмъ нибудь, излить передъ близкимъ человѣкомъ свою душу. Она встала, зажгла свѣчку, накинула на себя платье, всунула ноги въ туфли и пошла къ отцу. Неслышно опустилась она на колѣни у его кровати. Старикъ не спалъ и нѣжно положилъ руку на ея голову.

— Что тебѣ, дитя мое? Зачѣмъ ты пришла?

— Я тебя разбудила... Прости.

— Я и такъ не спалъ.

— Это я виновата, что ты не спишь!

Въ голосѣ ея слышались слезы.

Онъ не рѣшался сказать «нѣтъ» и молчалъ.

— Я виновата, что ты сюда пріѣхалъ, что живешь тутъ, терпя непривычный климатъ и неудобства, между людьми, которые тебѣ не нравятся...

Она зарыдала.

— Фреда, дитя мое, успокойся! Зажги свѣчку и скажи мнѣ, что̀ съ тобой.

Дѣвушка встала, зажгла свѣчку, сѣла на стоявшій у кровати стулъ и опустила голову. Немного погодя, она взяла руку отца.

— Папа...—проговорила она тихо, — уѣдемъ отсюда... завтра!

— Уѣхать отсюда? Куда нибудь дальше?

— Нѣтъ, назадъ.

— Домой?..

— Куда хочешь, только въ Германію.

Старикъ сѣлъ на кровати, взялъ ея голову обѣими руками и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Фреда, ты шла по ложному пути, но я зналъ, что ты сама опомнишься и сойдешь съ него. Ты вернулась?

— Да, да!—пылко отвѣчала дѣвушка.

— Съ «лордомъ» все покончено?

Старикъ готовъ былъ насмѣшливо улыбнуться, но, при видѣ блѣднаго и разстроеннаго лица дочери, удержался.

— Не говори ты мнѣ никогда объ этомъ человѣкѣ, папа, никогда, никогда, умоляю тебя!

Digitized by Google

— Что это за субъектъ?—сурово спросилъ отецъ.—Игрокъ что ли какой?

Фреда утвердительно кивнула головой.

— Онъ уговорилъ тебя играть съ нимъ? Ты проиграла большую сумму, можетъ быть?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я дала ему 20 франковъ и на нихъ онъ выигралъ больше тысячи...

— И ты эти деньги взяла?!

— Папа!—съ упрекомъ воскликнула Фреда.

— Извини... Сознаюсь, что вопросъ мой глупъ. Разумѣется, ты деньги швырнула ему... этому подлецу.

— Безъ сомнѣнія.

— Хорошо сдѣлала!—Онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ.—Завтра, мой другъ, мы уѣдемъ отсюда, но не домой,—иначе кудрявая тетя осмѣетъ насъ!—а въ нѣмецкую Швейцарію; пробудемъ тамъ нѣкоторое время, затѣмъ отправимся въ Теплицъ, гдѣ встрѣтимся съ майоромъ и майоршей. Персиваль тѣмъ временемъ сдастъ свой экзаменъ и женится... Осенью мы вернемся домой и заживемъ по прежнему, счастливо и спокойно.

Фреда чувствовала, что не облегчила еще себя полнымъ признаніемъ.

— Папа,—сказала она, снова опускаясь на колѣни,—я знаю, что вела себя это время, какъ самая легкомысленная женщина... Дошло до того, что я подала поводъ низкому человѣку не стѣсняться со мной... Вечеромъ я ходила съ нимъ гулять на берегъ моря.

— Этого не слѣдовало дѣлать, Фреда.

— Я сама сознаю это! Послѣдствіемъ было то, что онъ позволилъ себѣ обнимать меня за талію... чуть не цѣловать меня. Я не въ состояніи забыть этотъ позоръ, который сама навлекла на себя... Теперь я не прежняя Фреда... Я замаранная... навсегда запятнанная дѣвушка!

Она горько рыдала.

— Встань, Фреда. Плачемъ не поможешь.

Фреда повиновалась и сѣла на прежнее мѣсто.

— Вотъ видишь, душа моя, судьба захотѣла тебя проучить и она дала тебѣ жестокій урокъ. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ, но имѣть узкое сердечко; съ такими-то

Digitized by Google

именно людьми жизнь нерѣдко продѣлываетъ подобныя штуки. Не надо замыкать своего сердца насильно и при этомъ воображать, что совершаешь подвигъ. Такой поступокъ противенъ природѣ и рано или поздно она мститъ за свои попранныя права.

Старикъ умолкъ; дочь сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ.

— Ты приходишь въ отчаяніе,—продолжалъ онъ,—оттого что какой-то негодяй позволилъ себѣ обнять тебя за талію, и считаешь себя навѣки замаранной; но вѣдь ты своимъ поведеніемъ довела его до этого, Фреда! Обо всемъ случившемся ты забудешь тогда, когда другой, чистый, хорошій человѣкъ обниметъ тебя, а ты заставишь молчать свою гордость, покаешься ему во всемъ, отвѣтишь на его любовь — любовью. Не думай, что слова мои относятся къ одному извѣстному человѣку. Пользоваться твоимъ настоящимъ угнетеннымъ состояніемъ, чтобы вынудить у тебя какое нибудь обѣщаніе, я не способенъ, и считалъ бы это безчестнымъ съ моей стороны. Я требую отъ тебя только одного: чтобы ты вспомнила слова твоего отца, когда любовь будетъ проситься въ твое сердце, и не считала бы доблестью отталкивать ее.

— Папа, дорогой другъ мой,—голосъ ея дрожалъ отъ волненія,—я постараюсь сдѣлаться болѣе достойной тебя и твоей любви!

Двѣ крупныя слезы катились по ея щекамъ; она обняла отца за шею обѣими руками и покрыла поцѣлуями его старческое лицо.

— Теперь спи спокойно, мой дорогой! Послѣ завтра мы ѣдемъ?

Отецъ утвердительно кивнулъ головой. Успокоенная и съ улыбкой на губахъ, она ушла къ себѣ. Въ первый разъ, послѣ столькихъ тревожныхъ ночей, путешественники наши безмятежно уснули.

X.

Нерингъ и Фреда вернулись въ началѣ октября, передъ самой свадьбой Персиваля, который, сдавъ благополучно экзаменъ и вернувшись въ свой родной городъ, тотчасъ получилъ обѣщанное мѣсто съ большимъ окладомъ. На свадьбѣ его при-

Digitized by Google

сутствовали только друзья и самые короткіе знакомые, тѣмъ не менѣе общество собралось довольно многочисленное. На свадебномъ обѣдѣ, въ лучшемъ ресторанѣ города, присутствовалъ и предсѣдатель правленія со своей супругой.

По пріѣздѣ своемъ изъ путешествія, Фреда почти нигдѣ не была; она вся была поглощена заботами о домѣ и приведеніемъ его въ надлежащій порядокъ; большинство знакомыхъ увидѣли ее, въ первый разъ послѣ ея пріѣзда, въ самый день свадьбы Персиваля. Всѣ нашли въ ней большую перемѣну къ лучшему, во всѣхъ отношеніяхъ. Въ лицѣ ея не было выраженія прежней отталкивающей суровости; фрау Вальновъ съ восторгомъ сообщала всѣмъ и каждому, что Фреда стала много привѣтливѣе и ласковѣе съ ней и съ Терезой; Нанетхенъ твердила то же самое относительно себя, а майорша не вытерпѣла и, послѣ обряда вѣнчанія, подошла къ дѣвушкѣ.

— Фреда, дружочекъ мой! Еслибы ты знала, какъ къ тебѣ идетъ эта милая улыбка, замѣнившая презрительное выраженіе. Ты стала вдвое красивѣе.

Въ разговорѣ Фреды, въ ея движеніяхъ, явилась какая-то мягкая ласка, даже голосъ ея звучалъ иначе, чѣмъ прежде. Она стала обворожительной. За свадебнымъ обѣдомъ она сидѣла возлѣ предсѣдателя суда; противъ нея старикъ Нерингъ, втихомолку любовавшійся дочерью, которая оживленно разговаривала со своимъ сосѣдомъ. Но вдругъ онъ замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ; сперва она вспыхнула, а затѣмъ поблѣднѣла. Встревоженный отецъ напряженно сталъ прислушиваться къ разговору на другомъ концѣ стола, и смущеніе Фреды стало ему тотчасъ понятно. Разспрашивая ее о путешествіи, предсѣдатель освѣдомился, посѣтила ли она изъ любопытства игорный домъ въ Монте-Карло, и прибавилъ, что сегодня утромъ прислано извѣстіе о застрѣлившемся тамъ азартномъ игрокѣ, съ описаніемъ примѣтъ его... ихъ заграничнаго знакомца, такъ какъ никакихъ бумагъ при немъ не оказалось, и національность его неизвѣстна. Полагаютъ, что самоубійца былъ нѣмецъ, и разыскиваютъ по всей Германіи его родственниковъ. Фреда вся похолодѣла и непремѣнно упала бы въ обморокъ, еслибъ не взглянула на отца, который ободрилъ ее спокойнымъ взглядомъ и ласковымъ кивкомъ головы.

Послѣ обѣда, майорша предъявила свои права и потребо-

Digitized by Google

вала, чтобы семейство Неринговъ провело вечеръ этого дня у нея. Согласіе было дано, но предварительно мужчины разсѣлись по диванамъ и закурили сигары. Вдругъ старикъ Нерингъ услыхалъ, что въ сосѣдней группѣ совѣтникъ правленія разсказывалъ что-то о Шоттенбауерѣ. Онъ вскочилъ съ мѣста и подошелъ къ говорившимъ.

— Вы читали сегодняшнюю газету? — обратился къ нему разскащикъ.

— Нѣтъ, не до газетъ было эти дни.

— Его трагедію давали въ Берлинѣ, и она имѣла громадный успѣхъ,—невѣроятный, небывалый.

Старикъ вернулся къ майоршѣ и Фредѣ.

— Слышали вы, — объявилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—трагедія Шоттенбауера имѣла неслыханный успѣхъ въ Берлинѣ!

Онъ сѣлъ на стулъ, провелъ раза два рукой по головѣ и задумался. Фреда подошла сзади къ нему и, нагнувшись къ его уху, тихо сказала:

— Поздравляю, папа, и отъ души радуюсь!

Отецъ поднялъ голову, глаза его встрѣтились съ глазами дочери, смотрѣвшими ясно и сочувственно. Онъ поцѣловалъ руку Фреды и снова подошелъ къ совѣтнику.

— Когда же играли трагедію?

— Недѣлю, дней десять тому назадъ, навѣрное не знаю,— отвѣчалъ тотъ.

— Господи Боже мой! А тутъ сидишь и ничего не знаешь.

— У насъ газеты всѣ сохраняются,—вмѣшался майоръ,— ты можешь отыскать тотъ нумеръ, въ которомъ пишутъ о трагедіи Шоттенбауера.

— Да, да, непремѣнно отыщу и прочту!

Старику теперь не сидѣлось, онъ спѣшилъ къ Беннеке.

Майоръ съ женою и Нерингъ съ дочерью ушли, предоставляя остальнымъ явиться позже. Проходя по мосту, старикъ вдругъ остановился:

— Въ окнахъ его огонь,—замѣтилъ онъ.—Въ его квартирѣ живетъ кто нибудь?

— Вѣроятно,—отвѣчалъ майоръ.

Нерингъ не сводилъ глазъ съ освѣщенныхъ оконъ. У новаго жильца были повидимому тѣ же привычки, что и у ста-

Digitized by Google

раго. Балконная дверь была настежъ открыта, и вскорѣ кто-то вышелъ въ нее, но кто именно, разсмотрѣть было трудно на большомъ разстояніи. Темная фигура мужчины оперлась на перила балкона и повернула голову по направленію дома Беннеке.

— Однако пойдемте,—сказала кудрявая тетя.

Придя къ себѣ, майоръ тотчасъ вынесъ кипу газетъ и положилъ ихъ передъ Нерингомъ; тотъ, не медля ни минуты, принялся отыскивать интересовавшую его рецензію. Наконецъ, онъ нашелъ ее. Трагедія давалась недѣлю тому назадъ и успѣхъ имѣла колоссальный.

Едва успѣлъ Нерингъ дочитать, какъ въ передней раздались веселые голоса, а вслѣдъ затѣмъ въ гостинную вошелъ Персиваль, ведя подъ руку молодую жену и Нанетхенъ.

— Знаете ли, что̀ я вамъ скажу, друзья мои,—возгласилъ онъ,—вѣдь Шоттенбауеръ-то здѣсь!

— А ты мнѣ писалъ...—началъ было Нерингъ.

— Ну да,—перебилъ его сынъ,—офиціально его тутъ не было, но инкогнито...

— Стало быть, это онъ стоялъ на балконѣ?

— По всей вѣроятности, онъ. У этого сумасброда двѣ квартиры: одна здѣсь, другая въ Берлинѣ. Фесслеръ все вамъ обстоятельно разскажетъ.

Черезъ Фесслера все и узнали. Онъ искалъ квартиру для своего пріятеля и зашелъ къ бывшей хозяйкѣ Шоттенбауера. Оказалось, занята.

— Какъ, снова занята?—спросилъ онъ удивленный.

— Занята, какъ и была,—засмѣялась хозяйка, и подъ секретомъ разсказала, что Шоттенбауеръ оставилъ квартиру за собой, на случай пріѣзда изъ Берлина. И, дѣйствительно, онъ пріѣзжаетъ на день, на два, пишетъ что-то, не разгибая спины, и снова уѣзжаетъ.

Пока Фесслеръ разсказывалъ, Персиваль не сводилъ глазъ съ отца, а потомъ быстро вскочилъ съ мѣста.

— Тереза, — крикнулъ онъ, — пора уходить! Я вижу по лицу отца, что онъ сейчасъ пошлетъ меня за Шоттенбауеромъ, а намъ теперь не до него, не правда ли?

Всѣ засмѣялись, даже Фреда.

— Нанетхенъ, завтра ты можешь насъ навѣстить!—обратился онъ къ учительницѣ музыки.

Digitized by Google

Онъ былъ веселъ, говорилъ всѣмъ «ты», поднялъ Терезу, какъ маленькаго ребенка, такъ что та стала звать на помощь; затѣмъ подходилъ ко всѣмъ, цѣловался и обнимался, и, когда очередь дошла до сестры, онъ сказалъ ей:

— Завтра и вы, господинъ учитель, можете прійти посмотрѣть, все ли у насъ въ порядкѣ.

Отъ него немножко пахло виномъ послѣ выпитыхъ тостовъ; Фреда замѣтила это, и чрезмѣрное оживленіе брата стало ей понятнымъ.

Въ дверяхъ Персиваль остановился.

— Папа,—крикнулъ онъ,—ты знаешь, я двѣ недѣли свободенъ отъ службы... Слѣди, когда въ Берлинѣ будутъ снова давать шоттенбауеровскую трагедію, мы всѣ поѣдемъ смотрѣть... А затѣмъ кутнемъ всей компаніей!

Съ этими словами онъ вышелъ, и изъ передней еще нѣсколько минутъ доносились его хохотъ и пустая болтовня. Всѣ присутствующіе вышли провожать новобрачныхъ; Фреда одна осталась въ гостинной. «Вотъ какъ онъ разстался со мною... съ родительскимъ домомъ»! грустно думала она. Между нею и братомъ было теперь такъ мало общаго.

Возвращаясь домой вдвоемъ, отецъ и дочь шли всю дорогу молча, ни одинъ изъ нихъ не высказывалъ своихъ мыслей, а между тѣмъ думали они объ одномъ и томъ же. «Зачѣмъ *онъ* пріѣзжаетъ сюда на день, на два? Потому ли, что здѣсь никто не мѣшаетъ ему заниматься, или потому, что въ привычной обстановкѣ фантазія его работаетъ сильнѣе, создаваемые образы выходятъ ярче и рельефнѣе»?

XI.

Съ того вечера какъ въ Берлинѣ давали въ первый разъ трагедію Шоттенбауера, а затѣмъ ежедневно повторяли ее, въ театрѣ царилъ необычайный подъемъ духа. Какъ только открывалась касса, антрепренеръ буквально сіялъ. Въ залу онъ являлся во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, и радостно думалъ: «если такъ пойдетъ дальше, то на дняхъ къ намъ пріѣдетъ дворъ; необходимо быть всегда въ безукоризненномъ туалетѣ»! Слѣдя иногда за вереницей лицъ, подходившихъ къ кассѣ за билетами, онъ даже дивился, что находится столько охотни-

Digitized by Google

ковъ смотрѣть трагедію, да еще въ стихахъ. Изъ кассы онъ шелъ на сцену, гдѣ герои въ кольчугахъ и латахъ были уже въ сборѣ, и тихонько сообщалъ имъ: «театръ будетъ полонъ»! Слова эти пробѣгали, какъ электрическій токъ, по сценѣ и доходили въ самыя отдаленныя уборныя. Всѣ со страстнымъ рвеніемъ принимались за дѣло,—играть эту трагедію было настоящимъ наслажденіемъ для артистовъ; публика, во время представленія, словно замирала; зато, послѣ каждаго акта, поднималась буря аплодисментовъ и вызововъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы Персиваля, все семейство Нерингъ, а также и супруги Беннеке, сидѣли въ большой ложѣ на представленіи трагедіи,—дамы, конечно, впереди, мужчины позади ихъ.

— Ну, пора бы и начинать!—замѣтилъ нетерпѣливый майоръ.—А Шиллеръ-то нашъ здѣсь или нѣтъ?

— Не называй его такъ громко Шиллеромъ,—сказала ему жена,—тутъ это вовсе некстати.

— Я, кажется, ничего дурнаго не говорю!

Споръ между супругами былъ прерванъ звонкомъ. Занавѣсъ взвился. Фреда и Нерингъ обратились въ слухъ. Они совершенно ушли въ міръ, представленный авторомъ. По окончаніи перваго акта, раздался громъ рукоплесканій. Майоръ, майорша, Тереза и Персиваль также аплодировали, но старикъ Нерингъ и Фреда точно оцѣпенѣли и потеряли сознаніе окружающей дѣйствительности.

Публика, съ еще бо́льшимъ вниманіемъ, слѣдила за вторымъ актомъ. Въ антрактѣ Персиваль сбѣгалъ въ буфетъ и принесъ лимонаду дамамъ; майоръ тоже пошелъ выпить кружку пива, а старикъ Нерингъ, приложивъ къ глазамъ бинокль, тщетно искалъ автора въ партерѣ и въ ложахъ. Возвратившійся майоръ объявилъ, что Шиллера нигдѣ не нашелъ, что, по всей вѣроятности, его въ театрѣ нѣтъ.

Трагедія была сыграна; занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ. Шумъ въ театрѣ поднялся неимовѣрный, артистовъ безпрестанно вызывали; наконецъ, кто-то крикнулъ: «Автора! Шоттенбауера»! и имя это прокатилось изъ конца въ конецъ зрительной залы. Наши знакомцы устремили любопытные взоры на занавѣсъ; Фреда была взволнована, яркій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ. Но вотъ занавѣсъ взвился снова,—полный

Digitized by Google

мужчина во фракѣ подходитъ къ рампѣ. Зрители ропщутъ: это не авторъ, а антрепренеръ; онъ объявляетъ, что авторъ отсутствуетъ, но что онъ не прѐминетъ сообщить ему о лестномъ отношеніи публики къ его произведенію. Занавѣсъ падаетъ и театръ мало по малу пустѣетъ. Семейство Неринга и майоръ съ майоршей ждали въ ложѣ, чтобы толпа немного схлынула изъ театра. Фреда вспомнила слова, сказанныя Персивалемъ послѣ перваго его знакомства съ Шоттенбауеромъ: «Я не встрѣчалъ человѣка менѣе честолюбиваго»! Вспомнились ей также и ея собственныя слова, которыми она хотѣла уязвить поэта. «Господи,—подумала она,—какимъ узкимъ взглядомъ отличалась я тогда»!

Пора было уходить. Кавалеры взяли своихъ дамъ подъ руку,—отецъ шелъ съ Фредой. У выхода онъ вдругъ разомъ остановился. Въ углу, у двери, стоялъ, съ поднятымъ воротникомъ и надвинутой на глаза шляпой,—Шоттенбауеръ. Очевидно онъ замѣтилъ проходившихъ, но не желалъ быть узнаннымъ.

— Шоттенбауеръ!—едва слышно проговорилъ Нерингъ.

Прятаться дольше было невозможно, поэтъ бросился къ своему доброжелателю и схватилъ его руку обѣими руками.

— Вы благополучно возвратились?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, увлекая за собой старика. Фреда шла въ это время впереди.

— Шоттенбауеръ,—заговорилъ взволнованный Нерингъ,—мы ночуемъ въ Берлинѣ, въ Кейзергофѣ, и сегодня ужинаемъ вмѣстѣ... вы съ нами...

— Съ радостью! если только мое присутствіе не будетъ вамъ непріятно...—прибавилъ онъ по адресу обернувшейся къ нимъ Фреды, снимая шляпу.

— Напротивъ, я буду очень рада,—тихо произнесла дѣвушка.

Онъ поклонился и подалъ ей руку. Сквозь перчатку она чувствовала, какъ рука его горѣла, и поняла, почему Шоттенбауеръ возвращался на старое пепелище, почему просиживалъ тамъ цѣлые дни... Очевидно, человѣкъ этотъ любилъ ее, и больше чѣмъ когда либо. Завидѣвъ подходившихъ Беннеке и Персиваля съ молодой женой, онъ поспѣшно выпустилъ руку Фреды и ушелъ. Полчаса спустя, всѣ сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ Кейзергофа, удержанномъ заранѣе Персивалемъ. Нерингъ сообщилъ всѣмъ остальнымъ о своей встрѣчѣ съ Шоттенбауеромъ.

Digitized by Google

— Хорошъ, нечего сказать! — сердилась майорша, — отъ своихъ друзей бѣгаетъ и прячется... я ему скажу, какъ подобныя выходки называются. Онъ придетъ сюда?

— Придетъ непремѣнно.

— Буду съ нимъ холодна, какъ ледъ!

— Съумѣете ли выдержать роль?

— Еще бы! Увидите...

Въ этотъ моментъ, дверь съ шумомъ растворилась и Персиваль, съ громкимъ крикомъ «ура», втащилъ въ кабинетъ Шоттенбауера.

— Нехорошо, нехорошо прятаться и не выходить къ вызывающей васъ публикѣ!—воскликнулъ майоръ, положивъ обѣ руки на плечи Шоттенбауера.—Моя жена ужасно сердита на васъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ разгнѣванной кудрявой тетѣ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ на меня сердитесь?

Майорша вертѣла въ рукахъ носовой платокъ, точно собираясь сдѣлать изъ него жгутъ.

— Ахъ, вы, негодный мальчикъ! — разразилась она,—не права я была—помните?—когда говорила, что, пожиная лавры въ Берлинѣ, вы не захотите больше знать вашихъ старыхъ друзей... развѣ только исключеніе сдѣлаете для Неринговъ... А насъ по боку! На что мы вамъ нужны... не такъ ли?

Вмѣсто отвѣта, Шоттенбауеръ съ чувствомъ поднесъ пухленькую ручку старушки къ своимъ губамъ и добрымъ, выразительнымъ взглядомъ глянулъ ей въ глаза. Майорша не вытерпѣла, вскочила и обняла провинившагося поэта.

— Милый, хорошій!—ласкала она его.

— Ледъ таетъ,—замѣтилъ майоръ.

— Да, таетъ!—подтвердилъ Персиваль,—и, чтобы онъ опять не окрѣпъ, надо сѣсть за столъ.

— Вѣрно,—отвѣчалъ майоръ.—Какъ намъ размѣститься?

— Пусть рѣшаетъ Шоттенбауеръ—кого онъ выберетъ въ сосѣди!—сказала майорша.

Тотъ сталъ было уклоняться, но старушка велѣла ему молчать.

Фреда отступила въ сторону, сердце ея сильно билось не то отъ испуга, не то отъ ожиданія.

Digitized by Google

Шоттенбауеръ подалъ руку майоршѣ.

— Въ доказательство того,—сказалъ онъ,—что вы больше на меня не сердитесь.

— А съ другой стороны кто?—спросила старушка.

Шоттенбауеръ остановилъ глаза на Нерингѣ. Старикъ подошелъ къ своему любимцу и усѣлся рядомъ съ нимъ. Фреда помѣстилась напротивъ. Она посмотрѣла на отца, лицо котораго выражало полнѣйшее довольство и счастіе, и ей вспомнилось, какъ это же дорогое лицо было грустно и уныло, когда они ѣхали въ вагонѣ изъ Монте-Карло.

— Господинъ Шоттенбауеръ,—сказала она звучнымъ голосомъ, въ первый разъ называя его по имени,—я должна выразить вамъ мою благодарность по поводу того, что ваши трагедіи, взятыя папой съ собою за границу, доставили ему немало пріятныхъ минутъ на чужой сторонѣ.

Тонъ, въ которомъ слышалось что-то сердечное, до того поразилъ Шоттенбауера, что онъ не въ состояніи былъ выговорить ни одного слова, и только молча посмотрѣлъ на дѣвушку; но глаза его выразили все, что онъ чувствовалъ въ эту минуту.

Чему приписать такую внезапную перемѣну? Его тріумфу въ театрѣ? Сердце Шоттенбауера затрепетало отъ радости. Значитъ, его талантъ—сила, и сила эта покоряетъ людей.

Слова Фреды всѣхъ поразили, воцарилось всеобщее молчаніе, которое Персивалъ прервалъ по своему. Онъ позвонилъ и тотчасъ вошли кельнеры съ шампанскимъ.

— Это что такое?—посыпались вопросы.

— Это теперешній ассесоръ, получающій хорошее жалованье, угощаетъ все общество, прося его выпить за здоровье великаго писателя Шоттенбауера.

— Молодецъ Персивалъ!—крикнулъ во все горло майоръ,—всегда говоритъ и дѣлаетъ все кстати.

Всѣ стаканы потянулись къ поэту.

— А я еще и не поздравилъ тебя съ экзаменомъ и свадьбой!

— Ну, я за это на тебя не въ претензіи,—весело возразилъ Персиваль,—хотя имѣю возможность нѣкоторымъ образомъ отмстить тебѣ. На меня возложена забота о квартирномъ налогѣ и, такъ какъ ты продолжаешь жительствовать въ нашемъ городѣ, то я могу прижать тебя!

Digitized by Google

— Да, скажите пожалуйста, что это вы дѣлаете? Возвращаетесь на свою старую квартиру, сидите тамъ цѣлыми днями, а старыхъ друзей не навѣщаете!

Шоттенбауеръ сконфузился и ничего не отвѣчалъ.

— И вы все время работали?—спросилъ Нерингъ.—Значитъ, опять готова какая нибудь новая вещь?

— Да,—коротко отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Мою вторую трагедію, которую я вамъ тоже читалъ, будутъ ставить здѣсь на королевскомъ театрѣ.

— А, такъ они взяли ее... Помнится, вы тогда у насъ говорили, что ее непремѣнно возьмутъ. Вотъ и вышло по вашему.

Поэтъ улыбнулся.

— Кромѣ этой, взяли еще и другую.

Вторично наполнили стаканы и чокнулись съ Шоттенбауеромъ.

— Ты съ нами домой поѣдешь?—спросилъ Персиваль.

— Нѣтъ еще, теперь не могу. Трагедія, дававшаяся сегодня, разучивается на нѣсколькихъ театрахъ, въ различныхъ городахъ. Придется побывать тамъ, это возьметъ у меня недѣли двѣ времени. Но послѣ, если позволите, я...

Онъ наклонилъ голову и замолчалъ. Старикъ Нерингъ и Фреда поняли его. Персиваль опять безсознательно явился на помощь.

— Надѣюсь, что ты навѣстишь меня тогда. Фрау Тереза Нерингъ, урожденная Вальновъ, рада будетъ дорогому гостю.

— Благодарю; разумѣется, навѣщу.

— А что, господа, не продекламировать ли вамъ что нибудь?—развязно предложилъ Персиваль.

Всѣ засмѣялись. Лишній стаканъ вина оказывалъ свое дѣйствіе.

— Не теперь, другъ мой, — сказалъ отецъ,—въ другой разъ.

— Знаешь, Шоттенбауеръ, я всѣ твои произведенія выучу наизустъ! И когда ты къ намъ пріѣдешь, продекламирую ихъ тебѣ получше всѣхъ твоихъ лицедѣевъ.

Когда Персиваль выпивалъ лишнее, онъ всегда начиналъ хвастать. Всѣ поняли, что пора расходиться. Уходя изъ кабинета послѣднимъ, Нерингъ протянулъ руку Шоттенбауеру.

— Итакъ, до свиданія!

Digitized by Google

— До свиданія.

Фреда стояла возлѣ отца. Это была не прежняя надменная дѣвушка, гордившаяся своей непогрѣшимостью и неприступностью. Лицо ея выражало теперь какую-то безпомощность и трогательную покорность. Шоттенбауеръ протянулъ ей руку.

— До свиданія?—тихо спросилъ онъ.

— До свиданія!—прошептала она еще тише. Рука ея дрожала.

XII.

Фреда хорошо понимала, что своими словами и поступками открывала дверь новой судьбѣ. Дѣлала она это не по собственной волѣ, а подъ вліяніемъ какой-то неотразимой силы. «Такъ должно было случиться»! говорила она себѣ.

Наружно она казалась совсѣмъ спокойной. Жили они съ отцомъ довольно уединенно; Персивалъ съ Терезой предприняли маленькое путешествіе въ Берлинъ, въ Дрезденъ, и оттуда еще не возвращались. Старикъ Нерингъ ежедневно читалъ газеты. Политика мало интересовала его, но зато статьи, посвященныя театру, литературѣ и искусствамъ, онъ читалъ отъ доски до доски. О Шоттенбауерѣ писали много; его трагедіи шли во всѣхъ большихъ городахъ Германіи; отовсюду получались лестные отзывы. Третья и четвертая трагедія его возбудили не меньшій восторгъ. Изъ рукъ старика газета переходила въ руки Фреды; она тоже прочитывала всѣ рецензіи, зная, что этимъ угодитъ отцу; а ей этого хотѣлось; она дала себѣ слово сдѣлаться благоразумной и заставить забыть прежнюю Фреду, какую-то оригиналку, не похожую на своихъ сверстницъ. Правда, оставаясь наединѣ съ собой, она подчинялась борьбѣ противоположныхъ чувствъ; прежняя гордость подсказывала ей протестъ. Въ то время какъ она презрительно насмѣхалась надъ начинающейся славой Шоттенбауера, она и тогда лучше всѣхъ цѣнила его мощный талантъ... Но любитъ ли она его теперь? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Чувство ненависти существовало и теперь; она только ломала свою природу, вырабатывая въ себѣ другую женщину, въ угоду любимому отцу... да отчасти невольно покоряясь болѣе сильному человѣку, пасовала передъ нимъ. Но любить его? Ни за что.

Digitized by Google

Однажды, именно въ одинъ изъ такихъ моментовъ внутренней борьбы, она сидѣла одна въ гостинной. Раздался звонокъ и Шоттенбауеръ вошелъ безъ доклада. Фреда сдѣлала надъ собой усиліе и поднялась къ нему навстрѣчу. Оба чувствовали, что настала рѣшительная минута. Молодой человѣкъ подошелъ къ блѣдной и смущенной дѣвушкѣ, и все, что онъ приготовился сказать ей, застыло на его губахъ.

— Фреда!—съ трудомъ выговорилъ онъ,—Фреда, ты не знаешь, не подозрѣваешь, какъ я люблю тебя!

Этотъ человѣкъ, гремѣвшій на всю Германію, о которомъ писали всѣ газеты, осыпая похвалами его геніальное дарованіе, такъ мало мечталъ о себѣ, что вблизи любимой дѣвушки становился боязливымъ и робкимъ, какъ запуганный ребенокъ. Услыша признаніе въ любви, къ которому давно уже приготовилась, Фреда вздрогнула всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣла еще больше: отступать уже нельзя. Онъ подошелъ къ ней ближе и обнялъ ее за талію; она не сопротивлялась, но продолжала молчать и, только почувствовавъ на своемъ затылкѣ его горячія губы, машинально склонила голову ему на плечо и едва слышно пролепетала:

— Я согласна... быть твоей женой...

На верху, въ своемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, освѣщенномъ лампой съ зеленымъ абажуромъ, сидѣлъ и читалъ старикъ Нерингъ. Заслышавъ приближающіеся къ его комнатѣ шаги, онъ поднялъ голову: на порогѣ стояла Фреда, держась за руку Шоттенбауера. Старикъ откинулся на спинку кресла; онъ хотѣлъ встать и не могъ.

Женихъ и невѣста подошли къ нему и опустились на колѣни.

— Дѣти мои!—произнесъ онъ растроганнымъ голосомъ и, обнявъ ихъ, сталъ поочередно цѣловать въ голову отъ полноты счастья, не находя болѣе словъ.

XIII.

Торжественная тишина вдругъ нарушилась неистовымъ звонкомъ, и вслѣдъ за нимъ раздался въ передней веселый голосъ Персиваля. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, молодой человѣкъ уже стоялъ въ дверяхъ кабинета и лукаво посматривалъ на Шоттенбауера и сестру.

Digitized by Google

— Ну-съ...—произнесъ онъ многозначительно.

Шоттенбауеръ, сконфуженный не менѣе Фреды, всталъ и протянулъ пріятелю руку.

— Да!—сказалъ онъ, застѣнчиво улыбаясь.

Персиваль, съ шумными выраженіями восторга, бросился обнимать жениха, невѣсту, отца.

Фреда потупилась; экстазы брата подѣйствовали на нее, какъ холодный душъ. Персиваль этого не замѣтилъ и не унимался.

— Тереза,—кричалъ онъ, суетливо подбѣгая къ двери.—Скорѣе, сюда! тутъ совершилось важное событіе.

Вошла Тереза.

— Поздравь, — патетически произнесъ мужъ, — поздравь г-на Шоттенбауера и будущую г-жу Шоттенбауеръ!—Фреда внутренно негодовала, а братъ хохоталъ во все горло и потиралъ руки.

— Фреда, милая, поздравляю тебя,—говорила Тереза, цѣлуя и обнимая золовку.—Какъ будутъ рады мама, кудрявая тетя и майоръ!

— Кудрявая тетя...—подхватилъ Персиваль,—хорошо, что ты вспомнила о ней. Она отъ радости запрыгаетъ на одной ножкѣ! Сейчасъ побѣгу сообщить ей важную новость... или еще лучше: приведу ихъ обоихъ сюда...

И онъ собрался уже бѣжать, но Шоттенбауеръ остановилъ его.

— Послушай,—сказалъ онъ,—я думаю, что все это мы и завтра успѣемъ сдѣлать.

— Вотъ выдумалъ!—удивился Персиваль.—Если кудрявая тетя узнаетъ, что мы не сію же минуту сообщили ей о совершившемся событіи, она вѣкъ намъ этого не проститъ... Ты увидишь, какъ мы великолѣпно проведемъ сегодняшній вечеръ!

Удержать его не было никакой возможности. Онъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы; слышно было, какъ дверь на улицу захлопнулась за нимъ.

Шоттенбауеръ былъ недоволенъ. Ему бы хотѣлось очутиться теперь вдвоемъ съ любимой дѣвушкой, на необитаемомъ островѣ, а приходилось толкаться и суетиться, какъ на ярмаркѣ. А вотъ и Фреду вызываютъ по хозяйству... Женихъ замѣтилъ, что, уходя, она не выразила ни малѣйшаго неудоволь-

Digitized by Google

ствія. «Развѣ она не чувствуетъ потребности быть около меня»?—подумалъ онъ. Сомнѣніе закралось въ его душу. Она ушла, не кивнувъ ему головою, даже не взглянувъ на него, и такъ торопливо сбѣжала съ лѣстницы, точно боялась, что онъ догонитъ ее въ передней, обниметъ и поцѣлуетъ. Вскорѣ къ подъѣзду подкатили дрожки и раздался веселый, тонкій голосокъ майорши и не менѣе веселый басъ самого майора.

Шумъ, гамъ, восклицанія, поздравленія, поцѣлуи.

— Куда вы дѣвали Персиваля?—спросилъ отецъ.

— Онъ пошелъ за шампанскимъ,—отвѣчалъ майоръ.

Минутъ пять спустя, Персиваль вошелъ съ четырьмя бутылками шампанскаго.

— Ты, кажется, помѣшался на шампанскомъ,—сказалъ старикъ Нерингъ, смѣясь.

— Папа, да развѣ можно не вспрыснуть такое событіе?

Вечеръ прошелъ, какъ обыкновенно проходятъ подобные вечера: ѣли, пили, шутили, смѣялись. Персиваль съ трескомъ пускалъ пробки въ потолокъ и сказалъ спичъ въ юмористическомъ духѣ. Фреда за ужиномъ, согласно традиціямъ, сидѣла рядомъ съ женихомъ, но такъ занята была обязанностями хозяйки и общимъ разговоромъ, что Шоттенбауеру не удалось сказать съ ней двухъ словъ, ни украдкой пожать ей руку. Въ концѣ ужина, Персиваль, дошедшій опять до фазиса хвастливости, объявилъ, что на дняхъ онъ дастъ обѣдъ.

— Въ честь твоей помолвки, Фреда,—объяснилъ онъ сестрѣ,—поэтому прошу тебя надѣть то бѣлое шолковое платье съ открытымъ воротомъ, которое ты надѣвала на нашу свадьбу. Только ожерелье твое...

— Это мамино ожерелье...

— Знаю, знаю. Оно красиво, но старомодно...

— Прошу не прогнѣваться, г-нъ ассесоръ, но другаго у меня нѣтъ!—отвѣчала сестра, смѣясь.

Когда всѣ встали изъ-за стола, Шоттенбауеръ отвелъ Фреду въ сторону.

— Завтра я ѣду въ Берлинъ и вернусь только ночью; увидимся мы съ тобою послѣ завтра... Въ которомъ часу могу я прійти?

— Я встаю рано.

— У меня къ тебѣ есть просьба, Фреда... немного странная, но исполни ее!

Digitized by Google

— Что такое?

— Я никогда не видалъ тебя въ открытомъ платьѣ... я бы желалъ видѣть тебя послѣ завтра въ этомъ туалетѣ...

— Утромъ облечься въ декольтэ?—засмѣялась Фреда.— Смѣшно немножко.

— У меня на это есть причина... прошу тебя!—и онъ взялъ невѣсту за руку.

Дѣвушкѣ ужасно захотѣлось вырвать свою руку и наотрѣзъ отказать въ исполненіи нелѣпой прихоти... Она бросила на него прежній взглядъ, но вдругъ точно вспомнила что-то.

— Хорошо,—проговорила она спокойно, — послѣ завтра, около двѣнадцати часовъ, я надѣну открытое платье.

XIV.

Въ назначенный день и часъ, Шоттенбауеръ входилъ въ домъ Неринговъ.

— Барышня проситъ васъ подождать въ гостинной,—сказала ему служанка.

Шоттенбауеръ вынулъ изъ кармана пальто свертокъ и пошелъ въ гостинную. Рядомъ съ нею былъ будуаръ Фреды, дверь была открыта и женихъ вошелъ туда. На письменномъ столѣ стоялъ портретъ ея, вмѣстѣ съ братомъ. Выраженіе безпредѣльной любви и нѣжности на лицѣ молоденькой дѣвушки поразило его. «Такъ вотъ какъ она можетъ любить»!—вздохнулъ бѣдный поэтъ и, взявъ портретъ въ руки, поцѣловалъ изображеніе своей невѣсты. Затѣмъ поставилъ опять портретъ на мѣсто и вернулся въ гостинную. Нѣсколько мгновеній спустя, въ дверяхъ появилась Фреда въ бальномъ костюмѣ. Шоттенбауеръ былъ такъ ослѣпленъ ея красотой, что опустился на колѣно и покрылъ ея руки поцѣлуями.

— Встань,—нетерпѣливо сказала Фреда.

Шоттенбауеръ вскочилъ, подошелъ къ столу и развернулъ привезенный свертокъ.

— Вотъ, Фреда,—сказалъ онъ, подавая ей золотое кольцо съ брилліантомъ и жемчужное ожерелье съ роскошнымъ фермуаромъ,—вотъ зачѣмъ я просилъ тебя надѣть это платье.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Фреда и попятилась назадъ, точно испуганная богатымъ подаркомъ.

Digitized by Google

— Да, да!—твердо произнесъ женихъ и, взявъ ее за руку, надѣлъ ей на палецъ кольцо, а на шею ожерелье, которое застегнулъ, предварительно поцѣловавъ бѣлую шейку нѣсколько разъ.

— Ну, теперь полюбуйся на себя въ зеркало. Ты похожа на сказочную царицу! Для полнаго сходства нужна еще діадема,—но, чтобы пріобрѣсти ее, надо мнѣ написать еще двѣ-три вещи.

Фреда была женщина и съ невольной улыбкой восхищенія смотрѣла на свое отраженіе; но, при послѣднихъ словахъ жениха, стала вдругъ серьезна.

— Вѣдь это все стоило большихъ денегъ!—сообразила она.—Развѣ ты можешь столько тратить на подарки?

— Ты забыла, дорогая моя, что трагедіи мои постоянно играются въ Берлинѣ и другихъ городахъ.

— Развѣ это такъ много приноситъ?

— Много ли приноситъ?.. Знаешь, когда я въ Берлинѣ получилъ мой первый гонораръ, то мнѣ даже не вѣрилось,—какъ будто страшно стало! Вотъ это я купилъ на берлинскія деньги, а что дадутъ другіе театры, я еще не знаю. Затѣмъ поставятъ двѣ пьесы въ Королевскомъ театрѣ; тоже, должно быть, порядочно заработаю. Когда я писалъ мои трагедіи, я и не воображалъ, сколько денегъ онѣ мнѣ принесутъ. Теперь я радъ этому. Могу наряжать мою Фреду, ни въ чемъ ей не отказывая!

Онъ прижалъ ее къ своей груди и тихо спросилъ:

— Ну, скажи же мнѣ, моя ненаглядная: любишь ли ты меня хоть немножко?

Вопросъ этотъ, какъ ножемъ, кольнулъ Фреду въ сердце. Она опустила глаза.

— Ты не долженъ бы дѣлать такихъ вопросовъ,—проговорила она смущенно.—Ты вѣдь знаменитый человѣкъ, и отвѣчать тебѣ надо не такъ, какъ всякому другому.

Она почувствовала, что онъ сталъ выпускать ее изъ своихъ объятій, и потому, спокойно взявъ его за обѣ руки, посмотрѣла ему въ глаза.

— Какъ ты богатъ!—сказала она.

— Потому что много денегъ заработываю?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Digitized by Google

— О, нѣтъ! слова мои имѣютъ иной смыслъ. У тебя богато одаренная натура!..

Но дѣвушка не высказала всей своей мысли; она смотрѣла на него и думала: «Какія сокровища любви и нѣжности въ его душѣ... а моя душа холодна!»..

Слезы показались на ея глазахъ. Шоттенбауеръ встревожился и бросился цѣловать ея руки.

— Дорогая! Я тебя огорчилъ? Обидѣлъ? Прости... Я иногда говорю глупости... прости меня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня не обидѣлъ... не могъ обидѣть. Ты слишкомъ меня любишь.

Она притянула къ себѣ его голову и сама поцѣловала его въ губы.

— Фреда, божество мое! Когда же мы будемъ принадлежать другъ другу? Когда будетъ наша свадьба?

— Ахъ,—отвѣчала дѣвушка,—еще успѣемъ!

Она ласково улыбнулась ему и вышла, кивнувъ головой.

XV.

Вскорѣ старикъ Нерингъ получилъ печатное приглашеніе отъ сына, просившаго его пожаловать къ нему вмѣстѣ съ дочерью на обѣдъ, въ 6 часовъ пополудни, 3-го ноября.

Прочитавъ офиціальное приглашеніе, старикъ расхохотался.

— Малый съ ума спятилъ!—сказалъ онъ,—сегодня 20 октября, а онъ за двѣ недѣли разсылаетъ приглашенія. И зачѣмъ задавать такой обѣдъ?.. Мнѣ кажется, что его жалованье вскружило ему голову и онъ запутается.

— Я сама этого боюсь,—замѣтила Фреда,—они съ Терезой каждый вечеръ гдѣ нибудь бываютъ; обѣдъ тоже обойдется имъ не дешево.

Оба замолчали и задумались.

— Завтра мы пьемъ шеколадъ у Шоттенбауера,—вспомнилъ старикъ.

— Да, онъ вернется изъ Берлина.

21 октября, около 12 часовъ, Шоттенбауеръ стоялъ на крыльцѣ своего дома, съ букетомъ розъ въ рукахъ, и ожидалъ дорогихъ гостей. День былъ свѣтлый и теплый. Вскорѣ вдали показалась фигура старика Неринга; рядомъ съ нимъ шла

Digitized by Google

Фреда въ осеннемъ сѣромъ платьѣ и фетровой шляпѣ на золотистыхъ волосахъ. Женихъ радостно привѣтствовалъ ихъ и провелъ черезъ дворъ въ свой флигель.

Войдя въ его комнату, съ открытой на балконъ дверью, старикъ и Фреда пришли въ восторгъ отъ живописнаго вида на рѣку и на противоположный берегъ.

— Вонъ и домъ кудрявой тети!—сказала дѣвушка, выходя на балконъ.

— А направо мостъ, на которомъ я впервые увидалъ мою обожаемую невѣсту,—прибавилъ вполголоса Шоттенбауеръ, одной рукой обнимая ея станъ.

Отецъ тѣмъ временемъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату. Скромная обстановка будущаго зятя умилила его. Нѣсколько минутъ спустя, появилась разодѣтая хозяйка, съ накрахмаленнымъ чепцомъ на головѣ, и внесла подносъ съ чашками и шеколадницей. Шоттенбауеръ поставилъ между балкономъ и письменнымъ столомъ другой столъ, принялъ изъ кухни блюдо съ печеньемъ и всѣ трое взялись за чашки.

Фреда задумчиво смотрѣла на рѣку, гдѣ кипѣла дѣятельная работа,—разгрузка судовъ; она невольно вспомнила о Генуѣ и о томъ утрѣ, когда, сидя у окна, она смотрѣла на пристань... Тогда она была увѣрена, что разсталась съ Шоттенбауеромъ навсегда, а вотъ теперь сидитъ у него на квартирѣ и пьетъ шеколадъ... Судьбою своею человѣкъ не распоряжается, воли своей у него нѣтъ, обстоятельства управляютъ имъ! Но вѣрно ли это? Кажется, нѣкоторые люди неуклонно идутъ къ намѣченной цѣли, сильные духомъ, твердые, подчиняя обстоятельства своей волѣ... Не таковъ ли ея женихъ? Фреда взглянула на него украдкой. Онъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ желать, молчать и ждать...

Старикъ, выпивъ чашку шеколада, всталъ и, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялся разбирать рукописи, лежавшія на столѣ.

— Персиваль говорилъ мнѣ, что у тебя еще цѣлая кипа въ комодѣ.

— Вотъ онѣ!—И Шоттенбауеръ выдвинулъ ящикъ.

— Господи, все это твои произведенія! И валяются въ забросѣ и пыли...

— Все это не нужный хламъ, который годенъ на растопку. Когда я буду переѣзжать на другую квартиру, то все уничтожу.

Digitized by Google

— Нѣтъ, извините. Я этого не допущу!—съ негодованіемъ возразилъ будущій тесть. Шоттенбауеръ отъ души расхохотался.

— Если ты такъ мало дорожишь твоими рукописями, то я беру ихъ себѣ... все это присоединится къ «архиву»...

И старикъ принялся выгружать запыленныя рукописи изъ комода.

— Папа, ради бога!—говорилъ Шоттенбауеръ,—мы задохнемся отъ пыли.

Но старикъ не унимался.

— Скажи, пожалуйста,—спрашивалъ онъ,—если все, что тутъ написано, тебѣ больше не нужно, стало быть, ты постоянно работаешь?

— Да, то, что я разъ написалъ, для меня больше не существуетъ. Я живу только въ будущихъ своихъ работахъ.

— И у тебя постоянно новыя темы?

— У писателя всегда избытокъ новыхъ мыслей, идей, темъ... Если же этого нѣтъ, то лучше ему и не браться за перо.

— Экій ты богачъ! Но ты записываешь свои мысли, по мѣрѣ того какъ онѣ зарождаются въ головѣ?

— Зачѣмъ?—смѣясь, спросилъ поэтъ.

— Чтобы не забыть ихъ.

— Мысль, которую можно забыть, не мысль... и пусть ее пропадаетъ! Когда же является настоящая мысль, тогда въ душѣ поэта совершается просвѣтленіе: внутренніе глаза его видятъ предметы и образы, о которыхъ онъ понятія не имѣлъ,—такая мысль не забывается и форма, въ которую она вылилась, неизгладимо остается въ памяти!

Фреда слушала со вниманіемъ: слова жениха открывали ей новый невѣдомый міръ. Вставъ съ мѣста и проходя мимо письменнаго стола, она замѣтила толстый пакетъ, изъ котораго торчали лйстки бумаги.

— Это что такое?—полюбопытствовала она.

— Ахъ, это?—засмѣялся Шоттенбауеръ. — Вотъ теперь, папа, ты вправѣ назвать меня непослѣдовательнымъ хвастуномъ. То, что я говорилъ раньше, относится къ высокимъ мыслямъ; изъ нихъ выростаютъ великія произведенія. Но для мелкихъ вещицъ приходится записывать разныя происшествія, прочитанныя въ газетахъ или кѣмъ нибудь сообщенныя.

Digitized by Google

— Ага!—воскликнулъ старикъ.

— Да, смѣйся. Но что будешь дѣлать, когда у человѣка непреодолимая страсть—изъ отрывочныхъ людскихъ разсказовъ и сужденій создавать цѣльные образы и устраивать ихъ судьбу... Вотъ, когда ничего болѣе серьезнаго нѣтъ, то возьмешь такой листокъ и съ помощью его набрасываешь планъ... съ чего начать, чѣмъ кончить... Возьми и этотъ конвертъ въ «архивъ». Или нѣтъ, его нашла Фреда; онъ принадлежитъ ей.

— Ты ужь слишкомъ щедръ на подарки!—сказала Фреда.— Тутъ на самомъ конвертѣ ты набросалъ цѣлый планъ, который можетъ тебѣ со временемъ пригодиться... Ты мнѣ даришь его, а я возьму да и разработаю его, какъ свой собственный.

— И отлично! Я всегда мечталъ, какъ бы хорошо было съ умной и образованной женой работать сообща. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что ты способна на это.

Шоттенбауеръ подошелъ къ невѣстѣ и обнялъ ее.

— Но что съ тобой, Фреда? Ты какъ будто чѣмъ-то недовольна? Я, кажется, много наговорилъ лишняго... прости и не сердись на меня! Это я съ радости, что вы у меня въ гостяхъ; я нахожусь въ экзальтированномъ состояніи... Но ты не должна находить, что я щедръ на подарки. Я того мнѣнія, что если засыплю тебя всякими подношеніями, то и тогда буду у тебя въ долгу, моя Фреда, моя милая невѣста!

— Такъ я беру его себѣ,—согласилась дѣвушка и опустила конвертъ къ себѣ въ карманъ.

— Итакъ, каждый беретъ свое!—сказалъ старикъ, тщательно перевязывая веревкой громадный свертокъ рукописей.— Ну, до свиданія, г-нъ Крезъ, будьте здоровы. Завтра опять въ Берлинъ катите?

— Сегодня,—отвѣчалъ Шоттенбауеръ.

— Когда назначено первое представленіе?

— Въ началѣ ноября.

— Только бы не 3-го; Персиваль даетъ обѣдъ.

Шоттенбауеръ пошелъ провожать гостей.

XVI.

Вечеромъ Фреда прочла все, что было написано на конвертѣ и на листкахъ. Сила творчества сказывалась тамъ въ каждомъ словѣ; дѣвушка не могла оторваться отъ этихъ на-

Digitized by Google

бросковъ: каждая сжатая мысль была росткомъ, изъ котораго должно было вырости громадное дерево, а такихъ мыслей была масса. Фреда чувствовала, что, приди въ эту минуту Шоттенбауеръ, она, безъ всякаго принужденія, способна была бы броситься ему въ объятія и горячо расцѣловать его. Далеко за полночь потушила она лампу и легла спать.

На слѣдующій день, когда Фреда сидѣла у окна своей комнаты и работала, къ ней вошелъ Персиваль.

— Здравствуй, г-нъ учитель!

Дѣвушка встала.

— Ты прямо со службы?

— Да.

— Ну, что тамъ дѣлается?

— Что тамъ можетъ дѣлаться?—сказалъ онъ, смѣясь.

Они прошли въ гостинную. Персиваль, засунувъ руки въ карманы, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Сестрѣ показалось, что у него озабоченный видъ.

— Скажи, Перси, что̀ случилось?

— Да ничего, рѣшительно ничего.

Онъ очевидно волновался и закурилъ сигару.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ онъ наконецъ,—дорого вамъ стоило ваше путешествіе?

Фреда поблѣднѣла. Она поняла причину его озабоченности.

— А тебѣ твое путешествіе съ женой что̀ стоило?

— Да немало!—отвѣчалъ онъ,—я и не воображалъ, что жена—такая роскошь, которая стоитъ большихъ денегъ!

Онъ принужденно засмѣялся.

— Мы вѣдь не далеко и ѣздили,—продолжалъ онъ,—побывали въ двухъ-трехъ городахъ...

Фреда улыбнулась.

— Ну, милый, тутъ бѣдная Тереза мало виновата! Вѣдь это ты послѣднее время купаешься въ шампанскомъ.

Персиваль пожалъ плечами.

— Ужь и купаюсь. Не въ моей натурѣ считать гроши!

— Разъ что ты женился,—серьезно замѣтила Фреда,—прежнія привычки надо отбросить и не выходить изъ бюджета!

— Иначе не надо жениться?—вспыльчиво спросилъ братъ.

Digitized by Google

Фреда ничего не отвѣтила. Она сѣла за большой круглый столъ, гдѣ прежде садилась, когда, бывало, исповѣдывала своего любимца, журила его и давала совѣты. Персиваль продолжалъ шагать по комнатѣ.

— Весьма естественно,—заговорилъ онъ,—что когда въ первый разъ начинаешь распоряжаться своимъ жалованьемъ, то оно кажется очень большимъ... пока не убѣдишься, что оно вовсе не значительно.

— И что расходъ превысилъ доходъ?

— Хотя бы и такъ. На то и опытъ существуетъ, чтобы въ другой разъ быть осмотрительнѣе.

Сестра медленно встала.

— Такъ ты уже все истратилъ?

— Ну, пожалуйста, не принимай видъ верховнаго судьи! Все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. Вся суть въ двухъ стахъ маркахъ.

Фреда вспыхнула.

— Долги!

— Долги. Какія у тебя сейчасъ трагическія выраженія... Какихъ нибудь два, три неуплаченныхъ счета...

— И которыхъ уплатить нечѣмъ!.. Развѣ это не долгъ?

Дѣвушка подошла къ окну и задумалась.

— Тебѣ много надо?—спросила она, не поворачивая головы.—Можетъ быть, я могу изъ расхожихъ денегъ заплатить?

— Какой вздоръ!—засмѣялся Персиваль несовсѣмъ естественно.

— Какъ вздоръ? Вѣдь ты за этимъ пришелъ?

— Зачѣмъ?

— Да за деньгами, Господи! Ты хочешь занять у отца?

— Я вовсе на затѣмъ сюда пришелъ. Мнѣ вашихъ денегъ не надо.

Онъ казался обиженнымъ.

— Я пришелъ къ тебѣ за совѣтомъ,—продолжалъ онъ,—но теперь онъ мнѣ не нуженъ.

Онъ взялся за шляпу.

— Да скажи же толкомъ, въ чемъ дѣло?—вставъ передъ братомъ, спросила Фреда.

— Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивай. Ты теперь не та, что прежде...—сейчасъ сердишься, говоришь обидныя вещи.

Digitized by Google

Красивое лицо Персиваля было непривычно грустно, Фреда не могла вынести этого. Она сейчасъ же обвинила себя въ излишней суровости и рѣзкости.

— Ну, Перси, полно! Не сердись, скажи, чѣмъ я могу помочь тебѣ?

Глаза ея наполнились слезами, голосъ дрожалъ отъ участія къ своему баловню.

— Теперь опять узнаю мою прежнюю сестренку!—сказалъ молодой человѣкъ и положилъ шляпу на столъ.—Вотъ въ чемъ дѣло: на дняхъ мнѣ сдѣлано было предложеніе, весьма подходящее для меня. Если это удастся, то я разомъ выду изъ затрудненій и устрою себѣ, быть можетъ, на продолжительное время источникъ дохода.

Фреда вопросительно смотрѣла на него.

— Ты знаешь, что старшій совѣтникъ состоитъ редакторомъ двухъ мѣстныхъ листковъ; въ фельетонѣ печатаютъ беллетристическія произведенія... Мнѣ предлагаютъ написать повѣсть. Вещи эти очень хорошо оплачиваются...

— Но что ему вздумалось къ тебѣ обращаться?

— А ты прологъ забыла?—отвѣчалъ немного сконфуженный Персиваль.

— Ахъ, да! Что же ты сказалъ ему?

— Что же мнѣ было говорить? Не разоблачать же всю правду! Я почти обѣщалъ... свободнаго времени у меня много...

Персиваль былъ несовсѣмъ откровененъ; онъ обѣщалъ редактору принести повѣсть въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Но подумай, мой дорогой, въ состояніи ли ты исполнить это обѣщаніе?

— Справлюсь... пустяки... только бы сюжетъ...

Наступило молчаніе.

— Помнишь, — сказалъ онъ, немного погодя,—я какъ-то разсказывалъ тебѣ драматическое происшествіе въ одной деревнѣ?.. ты еще нашла, что оно могло бы послужить темой для разсказа... или повѣсти.

— Да, да, припоминаю. Какое-то уголовное преступленіе... Крестьянинъ подбивалъ другаго,—своего зятя, кажется,—принять ложную присягу.

Digitized by Google

— Такъ, такъ!—воскликнулъ обрадованный Персиваль.—Ну, дальше, дальше...

Фреда молча смотрѣла на брата.

— Дальше не помню,—проговорила она.—Хоть убей, не помню! Да развѣ ты тогда не записалъ этой исторіи?

— Нѣтъ, чортъ возьми, я объ этомъ и не подумалъ.—И онъ опять зашагалъ по комнатѣ.—Ничего другаго теперь не остается дѣлать,—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—какъ все остальное самому придумать... Ну, какъ бы ты стала продолжать эту исторію?—обратился онъ къ сестрѣ.

— Право, не знаю!—отвѣчала, смѣясь, Фреда.

— Подумай немного... Я вѣдь ничего невозможнаго отъ тебя не требую.

Персиваль надулся, какъ ребенокъ.

— Дай мнѣ дня два подумать, я сейчасъ ничего сообразить не могу.

— Въ томъ-то и штука, что думать некогда... Надо какъ можно скорѣе написать повѣсть или разсказъ.

— Господи,—воскликнула испуганная Фреда,—какъ можно было соглашаться?

— Я вѣдь сказалъ тебѣ, что взялся въ одну недѣлю написать и сдать редактору...

Фреда опустила голову и задумалась. Пустяшная вещь, благодаря волненію и денежной нуждѣ Персиваля, получала трагическую окраску... Понадѣясь на ея сотрудничество, онъ взялъ на себя обязательство, а она помочь ему не можетъ. Ей стало ужасно жаль его.

— Самое благоразумное, Перси,—начала дѣвушка,—идти къ редактору и...

— И сказать ему,—запальчиво перебилъ онъ сестру,—что я бездарный идіотъ, что прологъ написанъ не мною. Не такъ ли? Чортъ бы побралъ этотъ проклятый прологъ! Онъ во всемъ виноватъ... Ты вѣдь меня тогда уговорила.

Молодой человѣкъ былъ внѣ себя. Сестра грустными глазами смотрѣла на него.

— Разумѣется, ты. Нечего укоризненно смотрѣть на меня. Но я скорѣй пущу себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ пойду срамиться къ редактору!

Персиваль, шагая по гостинной, зашелъ въ смежную съ

Digitized by Google

ней, сестрину комнату, и вдругъ остановился тамъ. Фреда украдкой заглянула въ дверь и увидала брата у стола, на которомъ она вчера забыла листки и конвертъ съ набросками Шоттенбауера. Она не успѣла еще ничего сказать, какъ Персиваль стоялъ уже передъ нею съ листками въ рукахъ.

— Что это такое?

Дѣвушка такъ опѣшила, что ничего не могла отвѣтить.

— Вѣдь это почеркъ Шоттенбауера?

— Да. Онъ мнѣ и далъ эти листки.

Персиваль сѣлъ къ столу и сталъ внимательно читать. Наконецъ, онъ вскочилъ со стула.

— И ты до сихъ поръ молчишь? *Онъ* дома?

— Нѣтъ, онъ въ Берлинѣ, и не скоро вернется.

— Досадно.

— Что тебѣ отъ него надо?

— Отлично понимаешь что!—отвѣтилъ Персиваль, пожимая плечами.

Фреда подошла къ брату и взяла изъ его рукъ листки. Онъ засмѣялся нехорошимъ смѣхомъ.

— Я ему напишу!—сказалъ онъ.

— О чемъ ты ему хочешь писать?

— Ахъ, Господи! что за трагизмъ, Фреда? Ты вѣчно изъ мухи дѣлаешь слона. Онъ тебѣ далъ эти листки... Значитъ они твои.

И онъ снова взялъ ихъ изъ рукъ сестры.

— Онъ мнѣ ихъ довѣрилъ...—глухо сказала Фреда.

— На, на, возьми ихъ!—воскликнулъ гнѣвно Персиваль, бросая сестрѣ листки и хватаясь за шляпу.

Но Фреда остановила его.

— Перси, ты не долженъ ничего предпринимать, не спросивъ его позволенія...

— Я вѣдь сказалъ, что напишу ему! Зачѣмъ такъ волноваться? Слава богу, Шоттенбауеръ человѣкъ благоразумный, съ нимъ говорить можно... не то, что съ тобой!

Съ этими словами молодой человѣкъ вышелъ, а Фреда положила снова злополучные листки на столъ и горько заплакала.

Digitized by Google

XVII.

Шоттенбауеръ былъ въ Берлинѣ и не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, всецѣло поглощенный своею дѣятельностью.

Персиваль никуда не отлучался, но о немъ тоже мало знали въ родительскомъ домѣ. Вокругъ Фреды господствовала невозмутимая тишина, и предчувствіе какого-то событія томило ее. Отчего Персиваль глазъ не кажетъ? Какъ онъ выпутался съ своей обѣщанной повѣстью? Писалъ ли Шоттенбауеру?

Тереза время отъ времени приходила навѣщать своего свекра.

— Почему Персиваль самъ не приходитъ?—спросилъ разъ старикъ.

— Ахъ, папа! онъ теперь очень занятъ, все сидитъ и пишетъ. Знаешь, Фреда,—обратилась она къ невѣсткѣ, когда онѣ вдвоемъ спускались съ лѣстницы,—Персиваль сочиняетъ! Что ты на это скажешь?

И молодая женщина захохотала. Фреда ничего не сказала и осталась серьезной. Сердце ея дрогнуло. Помолчавъ немного, она, однако, рѣшилась спросить:

— Что же онъ сочиняетъ?

— Навѣрное не помню... Кажется, повѣсть или разсказъ. Что-то въ этомъ родѣ. Онъ очень веселъ, и сказалъ мнѣ, что скоро у насъ будетъ порядочная сумма денегъ!

— А теперь мнѣ пора уходить,—прибавила она,—надо еще сдѣлать закупки для обѣда.

Фреда не удерживала ея. Какое-то отвратительнее чувство сдавило ей грудь и приступило къ горлу. «Онъ *сочиняетъ*! Какъ это глупо она сказала, наивная бабенка! Не сочиняетъ, а излагаетъ на бумагѣ украденныя мысли... И дѣлаетъ это ради денегъ, которыми заплатитъ за выпитое шампанское. Какое отвращеніе»! Дѣвушка думала въ эту минуту не о самомъ Шоттенбауерѣ, а о поруганномъ и опозоренномъ его твореніи. Мысли, заключавшіяся въ этихъ наброскахъ, произвели на Фреду глубокое впечатлѣніе: она страдала за нихъ, какъ за что-то живое, свое собственное. Пошлякомъ оказывался ея ненаглядный Перси, на котораго она еще такъ недавно молилась, подозрѣвая въ немъ скрытый талантъ! Въ

Digitized by Google

первый разъ дѣвушка почувствовала, что внутри у нея было что-то такое, до чего никто не имѣлъ права дотрогиваться, даже тотъ, которому до сихъ поръ все было позволено...

Спустя нѣсколько дней, опять пришла Тереза и прямо направилась въ гостинную, гдѣ сидѣла Фреда. Выраженіе ея лица заставляло предполагать необычайное происшествіе. Она вынула изъ кармана нумеръ мѣстнаго листка, развернула его и поднесла къ глазамъ невѣстки. Заглавіе фельетона было напечатано жирнымъ шрифтомъ, а подпись въ концѣ гласила: «Бруно Вальденбергъ».

Смущенная Фреда стояла, какъ вкопанная, а Тереза хохотала, бѣгая и кружась по комнатѣ, какъ волчокъ.

— Ты развѣ не догадываешься? — лепетала она,—вѣдь Бруно Вальденбергъ—это *онъ*! Онъ нашелъ, что ассесору правленія неприлично подписываться подъ газетнымъ фельетономъ и они съ редакторомъ выбрали псевдонимъ.—И Тереза снова залилась невиннымъ смѣхомъ.

— Теперь я его иначе не зову, какъ «Бруно Вальденбергъ»!

Фреда смотрѣла на газету и не слушала болтовни Терезы. Заглавіе было придумано Персивалемъ, но мысли—Шоттенбауера...

— Ну, ты можешь газету оставить у себя. Я принесу тебѣ продолженіе. А папы, говорятъ, дома нѣтъ? Кланяйся ему отъ меня. Персиваль велѣлъ сказать ему, что обѣдъ будетъ изысканно-тонкій... Кстати, твой Шоттенбауеръ съигралъ съ нами преглупую штуку: написалъ, что не можетъ быть на нашемъ обѣдѣ. Какъ разъ въ этотъ день назначено первое представленіе его драмы. Ужасно досадно... Еслибъ мы знали раньше, можно бы отложить обѣдъ... Но теперь ужь слишкомъ поздно!

Фреда вздохнула свободно. При первыхъ словахъ невѣстки, ей пришло въ голову, что Шоттенбауеръ, узнавъ о продѣлкѣ Персиваля, разсердился и отказался отъ обѣда...

Тереза на прощанье нѣжно обняла ее.

— Знаешь, Фреда, у каждой изъ насъ есть по поэту! По крайней мѣрѣ, не обидно.—И она снова весело захохотала, не замѣчая, какимъ негодующимъ взглядомъ смѣрила ее невѣстка, въ отвѣтъ на ея шутку.

Digitized by Google

Оставшись одна, Фреда принялась за чтеніе, но вскорѣ съ сердцемъ швырнула газету. Такъ и есть! Мысли Шоттенбауера опошлены и изложены въ глупѣйшей формѣ. Происшествіе искажено, внутренняго смысла нѣтъ... Неприхотливая публика будетъ упиваться. Задыхаясь отъ негодованія, Фреда ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Какая бездарность! И кто же? Ея Персиваль, изъ-за котораго она чуть не возненавидѣла Шоттенбауера! Пелена спала съ ея глазъ. Существенная разница между ними всплыла наружу. Идолъ ея оказался глинянымъ и она, съ жестокостью прозрѣвшаго фетишиста, готова была въ эту минуту втоптать его въ грязь. Фреда вдругъ поняла, что существуетъ между людьми родство душъ и мыслей, болѣе возвышенное, чѣмъ кровное; что есть иная любовь, кромѣ привязанности къ семьѣ по крови. Ей страшно захотѣлось отказаться отъ званаго обѣда у брата... Но она еще не успѣла принять рѣшенія, какъ вошелъ отецъ, съ письмомъ Шоттенбауера въ рукѣ. Женихъ убѣдительно просилъ ихъ не пріѣзжать на первое представленіе, а идти къ Персивалю на обѣдъ, отъ котораго ему, по необходимости, пришлось отказаться. «Все удовольствіе добраго Персиваля будетъ испорчено,—прибавлялъ онъ,—а этого не надо». Если будетъ возможно, онъ въ тотъ же вечеръ, послѣ представленія, пріѣдетъ къ нимъ съ ночнымъ курьерскимъ поѣздомъ.

— Вотъ и отлично!—радовался старикъ.—Итакъ, потѣшимъ нашего сумасброда и будемъ на его званомъ обѣдѣ, а вечеромъ увидимъ Шоттенбауера.

XVIII.

Обѣдъ Персиваля вышелъ изъ ряду вонъ. Майоръ и майорша, фрау Вальновъ и Нанетхенъ, много сослуживцевъ молодаго хозяина — были налицо. Оживленіе необыкновенное. Почти всѣ гости были въ сборѣ, когда явился старикъ Нерингъ съ дочерью.

Тереза радушно встрѣтила ихъ и, увидавъ на шеѣ Фреды ожерелье, пришла въ неописанный восторгъ. Фреда, хотя и знала, что Шоттенбауера не будетъ на обѣдѣ, однако нарядилась, какъ бы для него, въ бѣлое шолковое платье съ открытымъ лифомъ, и надѣла ожерелье. Пусть всѣ видятъ, какія

Digitized by Google

деньги зарабатываетъ своимъ умомъ маленькій, некрасивый поэтъ и съ восторгомъ тратитъ ихъ на свою невѣсту!

— Персиваль, смотри, какая роскошь!—кричала Тереза.

Всѣ окружили Фреду, восхищеніямъ не было конца.

— Такъ это его подарокъ!—восклицала восторженная Нанетхенъ.—Господи, чѣмъ этотъ человѣкъ будетъ со временемъ! Кто могъ ожидать этого?

— Сегодня вечеромъ играютъ въ королевскомъ театрѣ одну изъ его драмъ,—съ гордостью пояснилъ Персиваль.

— Талантливый писатель, безспорно!—подхватилъ редакторъ мѣстнаго листка.—Будемъ только надѣяться, что онъ не станетъ злоупотреблять своей плодовитостью...

Гнѣвный отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ губъ Фреды, но майоръ помѣшалъ ей.

— Будьте покойны, милѣйшій,—сказалъ онъ,—не намъ учить Шоттенбауера. Скорѣе наоборотъ...

Всѣ засмѣялись, редакторъ скорчилъ улыбку. Майоръ присвоилъ себѣ давно право говорить всѣмъ истину въ глаза.

Въ половинѣ седьмаго, сѣли за столъ. Фреда напередъ знала все, какъ по писанному: будетъ подаваться безчисленное количество блюдъ, винъ, будутъ предложены неизбѣжные тосты; послѣ обѣда долго еще станутъ наливаться ликерами и зельтерской водой, а ночью разойдутся съ переполненными желудками и пустыми сердцами... Но чего она никакъ не предполагала, такъ это того, что будетъ сидѣть за столомъ у брата, и что между ними будетъ лежать пропасть! Когда дошли до жаркого и разговоръ настолько оживился, что всѣ перестали понимать другъ друга, совѣтникъ-редакторъ, поднявъ стаканъ съ виномъ, обратился къ молодому хозяину:

— Коллега Нерингъ,—крикнулъ онъ,—за здоровье Бруно Вальденберга!

Персиваль засмѣялся и выпилъ.

Фредѣ показалось, что она получила пощечину... Она опустила глаза въ тарелку, но успѣла замѣтить, что братъ взглянулъ на нее и покраснѣлъ. Въ половинѣ одиннадцатаго принялись за дессертъ. Принесли двѣ депеши—старику Нерингу и Фредѣ. Первый прочелъ вслухъ: «Представленіе только что окончено. Блестящій успѣхъ»!

— Урра,—закричалъ Персиваль.—Шампанскаго!

Digitized by Google

— Шампанскаго,—подхватилъ майоръ.

Всѣ гости радостно повторяли это слово... Во время поднявшагося шума и гама, Фреда тайкомъ распечатала свою телеграмму: «Пріѣду сегодня ночью съ курьерскимъ. Желаю быть втроемъ съ вами».

— Прочти твою телеграмму!—крикнула черезъ столъ Нанетхенъ.

Фреда отрицательно покачала головой и сунула депешу въ карманъ.

— Она предназначена мнѣ одной,—сказала она съ улыбкой.

— Нанетхенъ!—воскликнулъ Персиваль,—разговора между женихомъ и невѣстой не подслушиваютъ.

— Законно... вѣрно!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Лишь только встали изъ-за стола, Фреда подошла къ отцу и тихонько сообщила ему:

— Онъ пріѣдетъ съ курьерскимъ поѣздомъ и желаетъ быть одинъ, съ тобой и со мной. Значитъ, послѣ 12-ти часовъ. Мы скоро пойдемъ домой?

— Какъ только будетъ возможно,—отвѣчалъ отецъ, и оба снова присоединились къ обществу.

Уйти домой было не такъ легко. Тереза могла принять это за кровное оскорбленіе. Сказать, что она ждетъ жениха, Фредѣ не хотѣлось; другаго же благовиднаго предлога не находилось и пришлось остаться гораздо дольше, чѣмъ было желательно дѣвушкѣ. Наконецъ, она сказала отцу:

— Папа, черезъ двадцать минутъ придетъ поѣздъ.

Они стали прощаться, и прошло добрыхъ двадцать минутъ, прежде чѣмъ они выбрались на улицу.

— Что это значитъ,—замѣтилъ старикъ, подходя къ дому,—что такъ много еще народу на улицахъ?

Обыкновенно въ этотъ поздній часъ всѣ уже спали.

— Точно всѣ торопятся къ вокзалу!—прибавилъ онъ.

Въ это время мимо нихъ быстро прошли нѣсколько человѣкъ, оживленно разговаривая. Слова: «поѣздъ», «столкновеніе» долетѣли до слуха Неринга и онъ остановилъ одного изъ прохожихъ.

— Позвольте спросить,—обратился онъ къ нему,—не случилось ли какого нибудь несчастія?

— Говорятъ, курьерскій поѣздъ наскочилъ на товарный.

Digitized by Google

— Курьерскій?.. изъ Берлина?..

— Да, да!—И прохожій пустился бѣгомъ догонять товарищей.

— Иди домой,—сказалъ старикъ дочери,—я отправлюсь на вокзалъ.

— Боже мой!—воскликнула Фреда въ испугѣ.—Возьми меня съ собой, папа.

— Нѣтъ, нѣтъ... въ этомъ платьѣ невозможно, да и не нужно!

— Навѣрное нужно. Боже мой, Боже мой!

— Иди домой!—твердо повторилъ старикъ.—Вели зажечь лампы... Я сейчасъ вернусь.

И онъ скорыми шагами пошелъ по направленію къ станціи.

— Господи! На кого вы похожи, барышня?—всплеснула руками горничная, отворившая Фредѣ дверь.

— Несчастье на желѣзной дорогѣ... — едва выговорила Фреда и прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.—Зажги лампу въ гостинной... большую... освѣти тоже и лѣстницу... и на верху... вездѣ... скорѣе же дѣлай, что я тебѣ приказываю!

Она вошла въ гостинную; ее трясла лихорадка. Не снимая верхняго платья, сѣла она къ столу и вся согнулась, опустивъ руки на колѣни. Какая страшная тишина и пустота кругомъ!.. А лампа... развѣ она всегда такъ тускло горѣла? Она стащила перчатки съ рукъ и почти потеряла сознаніе дѣйствительности... Что случилось?.. Недавно она въ этой самой гостинной... съ нимъ... ожерелье... Какъ онъ добръ, и какъ любитъ ее! Стукъ колесъ... Въ одно мгновеніе очутилась она на крыльцѣ. Подъѣзжала со стороны вокзала коляска, медленно и осторожно, какъ обыкновенно ѣдутъ экипажи, везущіе больнаго. Дѣвушка едва удержалась, чтобы не закричать. Но вотъ дверца отворилась, вышелъ какой-то мужчина, съ мѣдной бляхой на фуражкѣ. Это былъ посыльный съ вокзала.

— Велите приготовить постель,—обратился онъ къ Фредѣ,—скорѣе положить его.

Она схватила посыльнаго за рукавъ.

— Онъ умеръ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ. Скорѣе постель!

Горничная также выскочила за барышней и, растерянная, стояла, выпуча глаза.

Digitized by Google

— Бѣги,—встрепенулась Фреда,—бѣги на верхъ, приготовь постель брата. Достань бѣлье... возьми ключи въ корзинкѣ. Проворнѣй!

Горничная понеслась на верхъ. Носильщикъ, вдвоемъ съ кучеромъ, осторожно вытащили изъ коляски безчувственнаго Шоттенбауера. Голову его поддерживалъ старикъ Нерингъ. Медленно, едва ступая, поднялись они по лѣстницѣ, неся на рукахъ Шоттенбауера, не подававшаго признака жизни. Фреда вслѣдъ за ними вошла въ освѣщенную переднюю и увидала мертвенно-блѣдное лицо жениха съ закрытыми глазами. На лбу у него была окровавленная повязка.

Помогать нести раненаго на верхъ старикъ Нерингъ не могъ, силы измѣнили ему. Носильщикъ и кучеръ исполнили это вдвоемъ; Фреда, указывая имъ дорогу, шла впереди. Когда Шоттенбауера положили на постель, дѣвушка удалилась и стала за дверью. Хоть бы стонъ его услыхать!.. Убѣдиться, что онъ живъ. Но въ комнатѣ царила мертвая тишина. Носильщикъ и кучеръ вышли и оставили дверь отворенной. Старикъ Нерингъ стоялъ, наклонившись надъ больнымъ.

— Заплати людямъ!—шопотомъ обратился отецъ къ Фредѣ. Получивъ деньги, носильщикъ началъ успокоивать дѣвушку.

— Не пугайтесь такъ, барышня! Докторъ осмотрѣлъ его и сказалъ, что онъ можетъ поправиться.

— Можетъ поправиться...—безсознательно повторила Фреда и вдругъ зарыдала.

Когда она снова вошла въ комнату больнаго, старикъ сидѣлъ возлѣ его кровати. Дочь нагнулась къ самому уху старика:

— Докторъ сказалъ, что онъ можетъ поправиться!—тихо произнесла она.

Старикъ молча прижалъ ее къ груди и они оба заплакали.

XIX.

Комната Персиваля вела въ помѣщеніе старика Неринга. Фреда, взявъ отца за руку, увела его туда, оставивъ дверь въ комнату больнаго отворенной.

— Какъ это случилось?—спросила она.

Отецъ разсказалъ ей слышанныя подробности. Курьерскій поѣздъ у вокзала наскочилъ на товарный; разбитымъ оказался

одинъ вагонъ, именно тотъ, въ которомъ сидѣлъ Шоттенбауеръ. Когда старикъ пришелъ, то перевязка была уже наложена и раненаго выносили изъ вокзала. Спутникъ его, оставшійся невредимымъ, разсказывалъ, что и Шоттенбауеръ, по всей вѣроятности, уцѣлѣлъ бы, еслибы сидѣлъ смирно; но, подъѣзжая къ городу, онъ поминутно вскакивалъ съ мѣста и высовывалъ голову изъ окна. Когда вагонъ ихъ наскочилъ на багажный, то нетерпѣливаго путешественника съ силой отбросило въ бокъ и онъ ударился вискомъ о косякъ окна, такъ что моментально лишился чувствъ.

— Ему поскорѣе хотѣлось увидать насъ!—замѣтилъ со вздохомъ старикъ.—Бѣднякъ поплатился за излишнее нетерпѣніе.

Пріѣхалъ докторъ, за которымъ посылали. Онъ снялъ повязку въ присутствіи Неринга и Фреды. Рана была не велика и кровь еще продолжала сочиться изъ нея. Фреда впилась глазами въ блѣдное лицо жениха; ей казалось, что она въ первый разъ видитъ его.

— Пока еще ничего нельзя сказать! — произнесъ врачъ послѣ осмотра.—Все зависитъ отъ продолжительности обморока... Мѣняйте всю ночь холодные компрессы... Завтра утромъ я заѣду.

— Папа,—сказала Фреда, когда докторъ ушелъ,—иди спать. Я останусь около него и буду мѣнять компрессы.

— Въ этомъ туалетѣ?

— Что за бѣда?

Фреда настояла на своемъ. Старикъ, утомленный нравственно и физически, уступилъ.

— Черезъ два часа я смѣню тебя,—сказалъ онъ, уходя.

— Хорошо.

Фреда велѣла горничной принести тазъ со льдомъ и отпустила ее.

Положивъ свѣжій компрессъ на рану, она сѣла на стулъ около кровати больнаго. Глядя пристально въ его лицо, дѣвушка стала припоминать о томъ, какъ она всегда сурово, безсердечно относилась къ нему, какъ ей бывало непріятно, когда хвалятъ его произведенія. Вспомнила она также, какъ безжалостно обошлась съ его цвѣтами, и жгучія слезы раскаянія неудержимо лились по ея блѣднымъ щекамъ. И вотъ теперь,

Digitized by Google

когда она наконецъ поняла, что это—необыкновенный по уму и сердцу человѣкъ; когда ненависть ея готова перейти въ любовь,—онъ, можетъ быть, умретъ на ея глазахъ... Не услышитъ, не увидитъ ея, не придетъ въ себя! Въ порывѣ отчаянія, дѣвушка соскользнула со стула на колѣни и прильнула губами къ холоднымъ рукамъ Шоттенбауера. Сердце ея разрывалось на части; она обвила обѣими руками шею больнаго, покрывала его лицо поцѣлуями и, рыдая, шептала: «останься со мною, не покидай меня»!

Больной слабо вздрогнулъ, открылъ глаза и устремилъ безсознательный взглядъ на Фреду.

— Вальтеръ,—тихо сказала она,—узнаешь ты меня?

Видно было, что больной дѣлалъ усилія припомнить, затѣмъ поднялъ руку и провелъ ею по волосамъ невѣсты.

— Фреда!—произнесъ онъ едва слышно.

Дѣвушка дрожащимъ голосомъ отвѣчала:

— Фреда, да, твоя Фреда, мой милый. Ты вѣдь у насъ! У папы и у меня...

Слабая улыбка появилась на губахъ больнаго. Прошло еще нѣсколько минутъ и все лицо его озарилось сознательной, радостной улыбкой. Онъ окончательно пришелъ въ себя и припомнилъ.

— Ахъ, да!—сказалъ онъ,—да вотъ и самъ папа!

Дѣйствительно, въ дверяхъ стоялъ Нерингъ; разбуженный громкимъ возгласомъ Фреды, онъ вскочилъ съ постели и бросился въ комнату больнаго. Услыхавъ послѣднюю фразу Шоттенбауера, старикъ отъ радости совсѣмъ растерялся; онъ и плакалъ, и смѣялся, не вѣря своимъ глазамъ.

— Осторожнѣй, папа, ради бога осторожнѣй!—предупредила его Фреда, вставъ на ноги и нѣжно обнимая его.—Онъ только что пришелъ въ себя.

— Будь покойна, дитя мое, я знаю.

Онъ сѣлъ на стулъ у кровати и, взявъ руку очнувшагося любимца, называлъ его нѣжными именами и ласкалъ, какъ ребенка.

Шоттенбауеръ съ блаженной улыбкой смотрѣлъ то на отца, то на невѣсту, и наконецъ закрылъ глаза. Старикъ и Фреда долго не шевелились, радуясь, что онъ нормально уснулъ, и боясь разбудить его. Наконецъ, они тихонько встали и ушли

Digitized by Google

въ кабинетъ. Фреда обвила руками шею отца и сказала ему на ухо:

— Съ нынѣшняго дня онъ будетъ твоимъ сыномъ, потому что твоя Фреда отдала ему свою душу!

XX.

На другой день явился докторъ и нашелъ, что состояніе больнаго замѣчательно улучшилось.

— Воздухъ вашего дома, какъ видно, принесъ ему большую пользу!—пошутилъ старикъ-докторъ, давнишній домашній врачъ Неринговъ, и лукаво посмотрѣлъ на Фреду.

— Когда доктора начинаютъ острить, это всегда хорошій признакъ!—замѣтилъ Нерингъ.

Между тѣмъ, вѣсть о происшествіи быстро разнеслась по городу. Персиваль поспѣшилъ навѣстить раненаго.

Во время совѣщанія у дверей больнаго о томъ, можетъ ли войти къ нему посѣтитель, раздался изъ комнаты голосъ Шоттенбауера:

— Это пришелъ Персиваль? Пустите его ко мнѣ!

Персиваль подошелъ къ больному сильно взволнованный и со слезами на глазахъ.

Шоттенбауеръ, улыбаясь, сдѣлалъ ему знакъ нагнуться и что-то прошепталъ ему на ухо. Фредѣ показалось, что онъ спросилъ о здоровьѣ «Бруно Вальденберга»... Персиваль покраснѣлъ, но Шоттенбауеръ нѣжно погладилъ его по головѣ.

— Я такъ былъ занятъ, что не успѣлъ даже отвѣтить на твое письмо... Напрасно ты такъ волновался, бѣдняга!

Лицо Персиваля просіяло.

— Ты—удивительный человѣкъ!—сказалъ онъ.—Завтра я опять приду; поправляйся скорѣе!

И онъ стремительно вышелъ за дверь. Фреда догнала его на лѣстницѣ и спросила:

— Перси, ты ему писалъ?

— Конечно! И видишь, какъ онъ отнесся къ моему поступку.

Тяжелый камень свалился съ души Фреды. Она съ материнской снисходительностью обняла брата и вернулась въ комнату больнаго. Сѣвъ у его изголовья, она взяла руку жениха и поднесла ее къ своимъ губамъ.

Digitized by Google

— Что ты дѣлаешь, Фреда?

Но она молча гладила его руку и не находила словъ для выраженія своихъ сложныхъ чувствъ.

Вошелъ старикъ Нерингъ и объявилъ, что отъ посѣтителей отбоя нѣтъ: «надо привязать звонокъ и прибить объявленіе, что никого не принимаютъ»! прибавилъ онъ. И, дѣйствительно, весь городъ перебывалъ въ передней, освѣдомляясь о здоровьѣ поэта. Для майора и майорши сдѣлали исключеніе и, по желанію Шоттенбауера, впустили ихъ въ комнату.

— Господи, — говорила кудрявая тетя, сидя у постели больнаго,—мы чуть не умерли отъ страха. Слава богу, вамъ лучше!.. А скоро и на ногахъ увидимъ васъ. Не такъ ли?

— Еще бы... при такомъ уходѣ!

— Не будетъ ли какихъ порученій?—спрашивалъ майоръ.— Я готовъ исполнить ихъ, милѣйшій поэтъ.

Старикъ Нерингъ сдѣлалъ недовольную мину, ясно говорившую: «А я-то на что»?

— Я буду навѣщать васъ каждый день!—сказала майорша.—На первый разъ не надо утомлять васъ долгимъ визитомъ...

Старушка любовно поцѣловала его въ лобъ и удалилась съ мужемъ. Фреда проводила ее въ переднюю.

— Ну, Фреда,—обратилась къ ней майорша,—не права ли я была, когда говорила: не мудри? Счастлива ты теперь?

— Больше, чѣмъ этого заслуживаю!—съ чувствомъ отвѣчала дѣвушка.

. . . . . .

Ноябрь мѣсяцъ. Крыши домовъ и деревья покрыты снѣгомъ, причудливые узоры заволакиваютъ окна, на дворѣ трещитъ морозъ, но въ домѣ Неринга теплѣе и уютнѣе, чѣмъ когда либо.

Когда Шоттенбауеръ, еще слабый и блѣдный, въ первый разъ сошелъ внизъ, то увидалъ въ гостинной, на столѣ, всѣ свои рукописи и письменныя принадлежности. Даже кресло его стояло передъ столомъ.

— Это все для того, чтобы ты чувствовалъ себя дома!— объяснилъ старикъ будущему зятю.

Такъ жили они нѣкоторое время всѣ трое, въ полнѣйшемъ уединеніи; гостей принимали только самыхъ близкихъ, и Шот-

Digitized by Google

тенбауеръ еще долго не выходилъ изъ комнатъ. Здоровье его поправлялось. Однажды онъ увидалъ нѣсколько нумеровъ мѣстнаго листка на этажеркѣ, развернулъ ихъ и сталъ читать фельетонъ Бруно Вальденберга. Дочитавъ послѣдній №, онъ поднялъ глаза: на порогѣ стояла Фреда и боязливо смотрѣла на него.

Шоттенбауеръ протянулъ къ ней руки; она смущенно подошла.

— Ты на *него* не сердишься?—спросила она.

— За что?.. во-первыхъ, онъ уже предупредилъ меня письмомъ... Никто не мѣшаетъ мнѣ разработать сюжетъ по своему.

— Господи, какъ ты просто смотришь на вещи, а меня это такъ мучило!—произнесла дѣвушка, садясь у его ногъ на скамейку.

— Вотъ ты теперь сидишь такъ, какъ на портретѣ съ Персивалемъ.

— На какомъ портретѣ?

— На томъ, который стоитъ у тебя на столикѣ. Принеси его сюда.

Фреда принесла портретъ.

— Послушай,—сказалъ женихъ,—хочешь сдѣлать мнѣ подарокъ? Подари мнѣ этотъ портретъ.

— Старый портретъ?—удивилась дѣвушка.

— Да... а я тебѣ напишу исторію этого портрета... исторію Фреды и Персиваля Нерингъ. Хочешь?

Вошелъ отецъ.

— Папа, мы съ Фредой уже обмѣнялись рождественскими подарками.

— Вотъ какъ! А я еще не подумалъ объ нихъ.

— Да, и отъ тебя мы ждемъ подарка...

— Какого же именно?

— Назначить нашу свадьбу наканунѣ рождества, на елку!

— Твоя мысль недурна... Но что скажетъ Фреда?

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, крѣпко обняла отца. Глаза ея, яснѣе словъ, говорили: «я согласна»!

Конецъ.

Digitized by Google

Миновало.

Старинныя аллеи,
Старинный барскій домъ,
Угасшей жизнью вѣя,
Мнѣ шепчутъ о быломъ:

Вотъ здѣсь—въ нѣмыхъ аллеяхъ,
Безпечно-весела,
Въ плѣнительныхъ затѣяхъ,
Какъ сонъ, она текла.

Несчетными огнями
Горѣлъ цвѣтущій садъ,
Надъ темными прудами
Билъ пламенный каскадъ.

Звенѣли пѣсенъ звуки,
Счастливый смѣхъ дрожалъ...
Никто не вѣдалъ скуки,
Грозы—никто не ждалъ.

А тамъ—въ тѣни укромной
Развѣсистыхъ березъ,
Струился шопотъ томный,
Какъ дуновенье грезъ.

Срывалися признанья,
Молили о любви...
Свидѣтели свиданья,
Рыдали соловьи.

И клятвы страсти вѣчной
Пылали на устахъ,
И въ нѣгѣ безконечной
Сливалися въ сердцахъ.

Digitized by Google

Преданья старой были—
Вамъ не воскреснуть вновь!—
Давно уже въ могилѣ
Безсмертная любовь.

Забитъ кругомъ досками,
Покинутъ старый домъ,
Надъ темными прудами
Туманъ лежитъ свинцомъ.

Запущены аллеи;
Дотлѣ разорены
Роскошныя затѣи
Роскошной старины.

И, полно тайной думой,
Все спитъ глубокимъ сномъ...
Лишь сосенъ гулъ угрюмый
Вздыхаетъ о быломъ.

П. Перцовъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ УЛАНСКАГО КОРНЕТА.

(Николаевское время).

V.

Чуть свѣтъ Алешка «взбудилъ» меня и помогъ одѣться. Мнѣ неловко въ толстомъ синемъ лейбикѣ солдатскаго сукна, съ юнкерскими погонами на плечахъ; рейтузы толстаго сѣро-синяго сукна, съ красными кантами, съ кожаными черными полосками, вшитыми съ внутренней стороны и называемыми «леями»,—рейтузы, натянутые штрипками, просто мѣшали подымать ногу съ непривычки. Толстая фуражка, съ красными знаками напереди на желтомъ околышѣ: «I. Э»—то есть «перваго эскадрона»—не слушалась меня и все спалзывала на затылокъ. Наскоро, въ охватившемъ меня безпокойствѣ, напился я чаю съ горячими «бубликами»—такъ какъ моя квартирная хозяйка, Хфеська Квачка, была «перепеча», «бублейница». Накинувъ на плечи сѣрую, тоже солдатскую, шинель съ юнкерскими погонами, я пошелъ—чуть не побѣжалъ—въ учебную команду, путаясь сапогами за шпоры...

«Команда» оказалась отъ меня далеко, за слободой, на выгонѣ. Сильный запахъ конскаго навоза охватывалъ меня по мѣрѣ приближенія къ длиннымъ бѣлымъ конюшнямъ, бѣлому манежу и жилымъ землянкамъ, окруженнымъ огромными горами навоза, темнаго, стараго, и желтаго, курящагося теплымъ паромъ. Длинныя, какъ кишки, плетневыя, глиной смазанныя и мѣломъ выбѣленныя конюшни, подъ соломенными въ начесъ крышами, съ правильными промежутками, окружены коновязями. Въ этотъ ранній часъ, также какъ и вечеромъ, шла уборка лошадей, тѣсными рядами привязанныхъ къ коновязямъ. Уланы, въ фуражкахъ, рейтузахъ и овчинныхъ нагольныхъ курткахъ, хлопотливо чистятъ скребницами и щетками строевыхъ лошадей съ навязанными на морды торбами съ овсомъ. Глухой шумъ множества конскихъ зубовъ, апетитно жующихъ овесъ, мѣшается со здоровымъ фырканьемъ, съ громкимъ окрикомъ на непослушнаго коня, съ работой усердствующихъ скребницъ, щетокъ и мокрыхъ тряпокъ. Иной солдатикъ, сбросивъ короткую куртку, въ одномъ нагрудникѣ, обливается потомъ, ретиво

Digitized by Google

засучивъ рукава рубашки, въ старенькой фуражкѣ—блиномъ—совсѣмъ на затылкѣ. Рыжая масть всѣхъ оттѣнковъ блеститъ красиво, словно подъ лакомъ. По коновязямъ степенно прохаживаются, внимательно вглядываясь въ уборку, дюжій вахмистръ и дежурный по конюшнямъ унтеръ-офицеръ при саблѣ, со старенькими замшевыми перчатками, за плечевымъ погономъ шинели, съ орѣховымъ хлыстикомъ въ рукѣ.

Въ ожиданіи ученія, юнкера грѣлись въ «солдатской сборнѣ»—темноватой при конюшнѣ каморкѣ, провонявшей тютюномъ и навозомъ. Веселая молодежь курила, острила другъ надъ другомъ и надъ отсутствующимъ начальствомъ. Тутъ я встрѣтилъ всѣхъ тѣхъ, которые отчаянно промчались мимо меня, въ вечеръ моего прибытія въ Андреевку. Они, кажется, считали себя уже знакомыми со мною, и поэтому мое вступленіе въ товарищескій кругъ произошло съ легкостью и смѣхомъ, очень меня радовавшими. Неожиданно для себя, я очутился въ самомъ пріятномъ настроеніи именно потому, что первое мое знакомство съ товарищами представлялось мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ, можетъ быть, даже опаснымъ — я могъ вѣдь обидѣться, выйти изъ себя и въ свою очередь оскорбить, покажись только мнѣ что нибудь обидное. Вмѣсто возможной непріятности—остроты надъ собою, надо мною, надо всѣмъ, и заразительный смѣхъ. И какой смѣхъ? такъ смѣются только въ двадцать лѣтъ, такъ смѣется золотая молодость избыткомъ своего здоровья, душевныхъ силъ, свѣтлыхъ надеждъ и добрыхъ пожеланій. Самая странность нашего знакомства располагала меня къ неудержимой, никогда еще мною не овладѣвавшей, веселости.

— А, вотъ онъ, нашъ ночной таинственный незнакомецъ въ почтовой телѣгѣ!—воскликнулъ тотъ самый красавчикъ-юнкеръ, что тогда свѣсился ко мнѣ изъ фаэтона и такъ со мною усердно раскланивался.—Мы васъ ждемъ, здравствуйте, юнкеръ!

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте,—закричали голоса окружившихъ меня юнкеровъ, любезно подававшихъ мнѣ свои руки и называвшихъ свои фамиліи. Они меня оглушили, затолкали, перебивая другъ друга и лишая меня возможности назвать себя и сказать хотя бы одно слово.

— Смирно!—скомандовалъ высокій, широкоплечій, горбоносый юнкеръ со смуглымъ лицомъ, черною курчавою головой и черными же усиками, тотъ самый, что тогда правилъ на козлахъ фаэтона, а теперь все время неподвижно смотрѣлъ на шумный безпорядокъ, поднятый моимъ появленіемъ.

Юнкера стихли и вопросительно глядѣли на него, повидимому, привыкши его слушаться.

Digitized by Google

— Господа!—обратился онъ къ нимъ.—Дайте же нашему новому товарищу отрекомендоваться... Надо помнить обычаи порядочныхъ людей, къ числу коихъ и мы имѣемъ честь принадлежать.

Юнкера молча ждали, и я громко назвалъ себя.

— Юнкеръ Атосъ!—серьезно представился мнѣ фаэтонный кучеръ, съ грузинскимъ горбатымъ носомъ, не останавливаясь на моемъ полномъ недоумѣніи при упоминаніи имени одного изъ трехъ мушкетеровъ.

— Юнкеръ Портосъ!—еще серьезнѣе представился мнѣ огромный, съ рыжей головой и рыжими усами, нескладный и старообразный юнкеръ, внушившій мнѣ даже нѣкоторое сомнѣніе не только въ томъ, можетъ ли онъ называться Портосомъ, но и въ томъ, можетъ ли онъ назваться юнкеромъ, судя по его почтеннымъ, совсѣмъ не юнкерскимъ лѣтамъ.

— Юнкеръ Арамисъ!—совсѣмъ ужь серьезно представился мнѣ блондинъ съ насмѣшливо вздернутымъ носомъ и вздернутой верхней губой, обнаруживавшей бѣлые чудесные зубы,—тотъ самый, что̀ настегивалъ кнутомъ фаэтонную тройку. Я не выдержалъ и расхохотался.

— Юнкеръ д'Артаньянъ!—не взирая на мой смѣхъ, представился мнѣ стройный молодчикъ, щегольски одѣтый, съ очень симпатичными глазами и улыбкой.

— Очень пріятно!—Со смѣхомъ я пожалъ руку юнкера д'Артаньяна и замѣтилъ честно̀й компаніи, что чувствую себя счастливымъ, находясь въ благородномъ обществѣ трехъ мушкетеровъ и ихъ славнаго друга; что, вѣроятно, и слуги ихъ достойны своихъ благородныхъ господъ.

— У меня крѣпостной Гримо, никогда не жалующійся, даже когда получаетъ встрепку,—сказалъ юнкеръ Атосъ.

— У меня крѣпостной Мускетонъ, видящій во мнѣ божество, особенно выпивши,—сказалъ юнкеръ Портосъ.

— У меня вольнонаемный Базенъ, не питающій ко мнѣ должнаго уваженія, потому что я, увы, не религіозенъ и требниковъ не читаю,—сказалъ юнкеръ Арамисъ.

— Мой Планшѐ приходитъ въ восторгъ и услужливъ, когда выпьетъ,—сказалъ д'Артаньянъ.

— Завидное и трогательное сходство съ ихъ французскими соименниками,—замѣтилъ я.—Съ такими слугами, господа, можно дѣлишки раздѣлывать...

— Да, еслибы только не нашъ капитанъ де-Тревиль,—невесело сказалъ юнкеръ Атосъ.

— Въ просторѣчіи именуемый поручикомъ Бугайченкомъ!—пояснилъ юнкеръ Портосъ.

Digitized by Google

— Рябая форма,—добавилъ юнкеръ Арамисъ.

— Да еслибы еще не снилось намъ иногда отвратительное строеніе съ часовымъ на плацу; оно всегда къ услугамъ трехъ мушкетеровъ и ихъ благороднаго друга,—замѣтилъ юнкеръ д'Артаньянъ.

— Развѣ ты нынче видѣлъ себя,—во снѣ, разумѣется,—на гауптвахтѣ?—спросилъ юнкеръ Атосъ.

— Да,—печально сознался юнкеръ д'Артаньянъ.

— Скверно!—замѣтилъ юнкеръ Портосъ.—Его сны никогда не обманываютъ, и снится ему только гауптвахта; господа, примите къ свѣдѣнію...

— Я скажу болѣе,—прибавилъ юнкеръ Арамисъ.—Сонъ нашего благороднаго товарища оправдается на самомъ дѣлѣ, и не далѣе какъ сегодня послѣ ученья. Кто мнѣ можетъ возразить?

— Никто,—грустно сказалъ юнкеръ Атосъ, оглядывая смолкшее и какъ бы сконфуженное собраніе.—Друзья, я не только предчувствую, но убѣжденъ, что ночевать дома не буду по неодолимому року; поэтому я распорядился и мой Гримо своевременно явится съ запасами, услаждающими человѣка въ заточеніи и испытаніяхъ.

— Я тоже приказалъ кое-что своему...—скромно замѣтилъ юнкеръ Арамисъ, закуривая папиросу.

— И я,—добавилъ юнкеръ Портосъ, вздохнувъ.

— Вѣря исполненію моихъ сновъ, я не могъ, конечно, не озаботиться о потребностяхъ моего желудка и удовлетвореніи моихъ маленькихъ привычекъ,—закончилъ д'Артаньянъ.

Среди смѣха поднялись единодушные голоса всего почтеннаго собранія, свидѣтельствовавшіе несомнѣнно, что никто изъ его членовъ не разсчитываетъ закончить этотъ день такъ, какъ ему угодно. Каждый ожидалъ какой-то опасности и встрѣчалъ ее безъ страха, со смѣхомъ, бодро, какъ слѣдуетъ юнкеру и солдату.

Я могъ только недоумѣвать, считая себя невправѣ предложить моимъ новымъ товарищамъ вопросъ: въ чемъ дѣло? что ихъ тревожитъ?

Какъ бы понимая мое недоумѣніе, юнкеръ Атосъ пожелалъ мнѣ объяснить, что съ ними со всѣми случился casus fatalis, котораго началу я былъ свидѣтелемъ, тогда на дорогѣ.

— Мы своей компаніей вздумали прокатиться въ деревню, на свадьбу, подъ Чугуевъ,—началъ онъ, занятый въ то же время свертываніемъ папиросы и потому не глядя ни на кого.—Согласитесь, самое невинное удовольствіе... Богатая свадьба, знакомый домъ, помѣщики.

— И подъ воскресенье—службы нѣтъ,—пояснилъ кто-то изъ андреевскихъ мушкетеровъ.

Digitized by Google

— Надо было въ воскресенье быть утромъ на свадьбѣ, вечеромъ на балу—танцы у насъ были разобраны, дамы ангажированы!—добавилъ другой.

— Насъ тамъ ждали хорошенькія барышни,—вставилъ третій, подмигивая очень лукаво.

— Мы отлично попировали, поплясали, пошкольничали,—раздавались кругомъ меня голоса, на перебой выражавшіе полноту своихъ недавнихъ пріятныхъ ощущеній.—Не жаль и на гауптвахту попасть!

— Но за что же, господа?—рѣшился я спросить.

— Вышло маленькое недоразумѣніе,—пояснилъ юнкеръ Атосъ, защелкнувъ свой массивный серебряный портъ-табакъ и сунувъ его въ боковой карманъ шинели.

— Мы, на радостяхъ, забыли своего рябаго де-Тревиля и не взяли отпуска...

— И онъ это намъ сейчасъ припомнитъ,—прибавилъ кто-то.—Злопамятный поручикъ!

Юнкеръ Атосъ—въ просторѣчіи князь Ратѣевъ—закурилъ папиросу, лѣнивымъ движеніемъ, обличавшимъ избалованнаго богатаго юношу, какъ-то безучастно вынулъ дорогой золотой хронометръ, заложенный за пуговицу лейбика и державшійся на тяжелой золотой цѣпи; поднесъ, не нагибаясь самъ, къ близорукимъ глазамъ, и замѣтилъ, что теперь половина девятаго—и де-Тревиль сейчасъ будетъ.

И точно: въ «сборню» вбѣжалъ «унтрцеръ» Чернышевъ, запыхавшійся и кричавшій: — Поручикъ ѣдутъ; господа, пожалуйте!

«Унтрцеръ» Чернышевъ—такъ онъ самъ себя называлъ—образователь борисоглѣбскихъ юнкеровъ по части учебнаго шага и ружейныхъ пріемовъ, былъ старослуживый, сухопарый, не по лѣтамъ складный человѣкъ, съ короткой тальей и длинными ногами, съ благообразнымъ лицомъ въ красивыхъ темныхъ бакенбардахъ. Его старый синій лейбикъ, побѣлѣвшій по швамъ, вытертые и вытянувшіеся въ колѣняхъ отъ верховой ѣзды рейтузы, фуражка—блиномъ, съ потерявшимъ желтый цвѣтъ околышемъ—сообщали его старой, но молодцоватой фигурѣ типичность несомнѣннаго стараго кавалериста; ноги вывернулись колесомъ; старенькая фуражка, съ переду слегка заломленная лихо на бекрень; оловянныя пуговицы свѣтятся, старенькіе усы нафабрены и закручены «кузнечиками»; только что выскобленный острой бритвой подбородокъ—лоснится моложаво; замшевыя перчатки, уже не сгибающіяся отъ мытья и напоминающія лубокъ, заткнуты подъ плечевой погонъ, обшитый желтою тесьмой—знакъ того, что онъ изъ кантонистовъ.—На лѣвомъ рукавѣ лейбика

Digitized by Google

четыре желтыя нашивки изъ тесьмы,—шевроны, означающіе многолѣтнюю его службу.

Снявъ фуражку и обнаживъ свою заостренную къ верху голову, онъ безпокойно повторялъ:—пожалуйте, господа, строиться!..

Сбросивъ шинели, юнкера, а съ ними и я, грѣшный, поспѣшили въ конюшню—строиться. На ходу, кто-то пріятельски сунулъ Чернышеву недокуренную сигару, которую тотъ съ жадностью принялся докуривать, сосать, смаковать, въ то же время упрашивая юнкеровъ спѣшить.

VI.

Юнкера выстроились по разрядамъ, лицомъ къ лошадинымъ хвостамъ, отъ которыхъ отдѣляло ихъ какихъ нибудь три шага. Ординарцы, еще безъ лейбиковъ, въ старыхъ засаленныхъ или новыхъ ситцевыхъ нагрудникахъ, въ кожаныхъ, черныхъ отъ поту подтяжкахъ, за которыми у инаго торчала еще заткнутая тряпка, сѣдлали своихъ лошадей. Круглые раскормленные зады, съ вычесанными и ровно, какъ по ниткѣ, подрѣзанными хвостами, лоснились, будто атласные. Одинъ ординарецъ зубами подтягивалъ широкія, плетеныя изъ бичевы, прошитыя ремнемъ подпруги; другой мундштучилъ; третій примачивалъ короткую гриву и заправлялъ подъ налобникъ чолкѣ, либо рукавомъ старой шинели протиралъ и безъ того свѣтлое стремя, или и безъ того красиво лоснящуюся рыжую шерсть.

— Примочи гривки, обмахни зады, протри подъ волосеньёмъ дò-суха, ребята!—какъ-то по казенному покрикиваетъ вахмистръ команды, словно бы не своимъ, а чужимъ голоскомъ, совсѣмъ не подходившимъ къ его здоровенной фигурѣ, проходя передъ юнкерскимъ фронтомъ съ манежнымъ длиннымъ бичемъ въ рукѣ, по коридору, подметенному дò-чиста дневальнымъ и скашивая строгіе глаза на станки съ лошадиными задами.

«Вицы», т. е. вицъ-унтеръ-офицеры, только что собранные изъ эскадроновъ «для уравненіи алюровъ», суетятся пуще всѣхъ. Тотъ подрѣзаетъ самодѣльными, изъ косы, ножницами хвостъ, другой простригаетъ уши насторожившейся лошади, причемъ кричитъ: «тпру», «стой!» конечно, не безъ прилагательныхъ въ солдатскомъ вкусѣ. На все, что я теперь видѣлъ и что́ разглядывалъ съ такимъ любопытствомъ,—давалъ мнѣ объясненія очень старообразный юнкеръ полячокъ, державшійся серьезно и почему-то казавшійся мнѣ не юнкеромъ, а ксендзомъ,—можетъ быть, потому, что въ его тяжелой, нескладной фигурѣ, съ замѣтнымъ и даже неприличнымъ

Digitized by Google

юнкеру брюшкомъ, не было ничего воинственнаго. Онъ смѣшно носилъ фуражку и еще смѣшнѣе стоялъ, выражая старымъ круглымъ лицомъ страданіе, претерпѣваемое имъ отъ такой «муштры». Я просто себѣ не вѣрилъ, убѣдясь, что онъ вовсе не такой новичокъ, какъ я, и что съ нимъ вдвоемъ мы составляемъ третій,—то есть начинающій «разрядъ» юнкерской команды,—только по причинѣ его неспособности. Онъ былъ вдвое старше меня лѣтами и служилъ уже болѣе года. Что̀ впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ престарѣлымъ юнкеромъ, было соотвѣтственно его физической природѣ и его философской разсѣянности, въ этомъ я убѣдился, сойдясь съ нимъ ближе и узнавъ его лучше. Кажется, и «унтрцеръ» Чернышевъ изумлялся легкомыслію, приведшему почтеннаго полячка въ юнкерскую команду, когда сама природа создала его паномъ-професо̀ромъ или паномъ-про̀бущемъ. По крайней мѣрѣ, старослуживый неодобрительно на него поглядывалъ и изъ себя выходилъ, стараясь сообщить его уморительной фигурѣ молодцоватость, ему несвойственную. Вся его бѣда заключалась въ невозможной разсѣянности.

— Вы, юнкеръ Будзишъ, на этого самаго ксендза похожи!—не утерпѣлъ, замѣтилъ Чернышевъ, поправляя ему фуражку на ухо.— У насъ, по уланскі, вотъ какъ! а по вашему—ермолку татарскую такъ носятъ... солдатскаго щегольства нѣтъ нисколько даже! Который солдатъ сто палокъ себѣ принялъ—храбрѣе васъ стоитъ. Ваши сверстники по службѣ, которые солдаты, въ ординарческую попали. Вы не о карабинѣ думаете.—Поправивъ нашу стойку, Чернышевъ отступилъ задомъ, остановился, самъ подтянулся, «принялъ стойку» и скомандовалъ:

— Смирно, господа, не шевелиться! все единственно какъ въ церкви стоите, такъ и во фронтѣ. Не шевелиться! глаза направо!

Онъ самъ скосилъ глаза на подходящаго поручика.

Неподвижный и безмолвный, какъ стѣна выровненный, фронтъ выстроившихся юнкеровъ перваго разряда поглотилъ все мое вниманіе. На правомъ флангѣ возвышался юнкеръ Портосъ, въ просторѣчіи Башинскій. Вахмистръ стоялъ молодцомъ на своемъ мѣстѣ, лицомъ къ фронту, и громко скомандовалъ: «Шай! на пле-е-чо!

Карабины — молніей — звякнувъ въ тактъ, словно одинъ, взлетѣли отъ ноги на плечо.

— Ша̀й! на кра̀-улъ!—еще громче скомандовалъ вахмистръ.

Опять молнія, въ тактъ звякнувшихъ и блеснувшихъ по фронту карабиновъ: команда взяла на караулъ.

— Глаза на пра̀-во̀!—закончилъ вахмистръ, самъ, вмѣстѣ съ фронтомъ, поѣдая глазами подошедшаго начальника.

Digitized by Google

— Здравствуйте! — начальническимъ басомъ привѣтствовалъ команду темнорожій поручикъ.

— Здравія желаемъ, вашеродіе! — дружно, весело, молодцами гаркнула команда.

— Серенко!—обратился поручикъ къ вахмистру:—продѣлай ружейные пріемы и маршировку рядами.

— Слушаю, вашеродіе!

Поручикъ направился къ намъ.

— Здравствуйте, юнкера!—сказалъ онъ.

— Здравствуйте,—съ философскимъ спокойствіемъ отвѣтилъ юнкеръ Будзишъ, парализуя мою робкую попытку крикнуть: «здравія желаемъ». При этомъ онъ, къ ужасу Чернышева и невольному смѣху поручика, пріятельски съ нимъ раскланялся.

— Эхъ вы, неисправимый комедіантъ! — справясь съ своимъ смѣхомъ, прикрикнулъ поручикъ, острымъ, лютымъ начальническимъ взглядомъ сразу уничтожая бѣднаго шляхтича. — Круглый годъ долбятъ вамъ служебныя правила. Во фронтѣ фуражку снимаетъ и съ начальствомъ раскланивается!?. Это что за вольнодумство? это что за философія?

— Виноватъ, господинъ поручикъ! — благодушно, съ вѣжливостью благовоспитаннаго человѣка, отозвался оробѣвшій Будзишъ.— Постараюсь...

Я понялъ, что онъ вполнѣ зависитъ отъ своей разсѣянности. Руки у него тряслись, большіе усы также, на старыхъ глазахъ проступили слезы. Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ.

Поручикъ уставилъ на него свои мутные зеленые глаза и по его толстымъ, почернѣвшимъ отъ табаку, губамъ, по темному шаршавому лицу, по бурымъ усамъ пробѣжала злая усмѣшка. Онъ сурово сказалъ:

— Въ сотый разъ повторяю, юнкеръ Будзишъ: во фронтѣ фуражекъ не снимаютъ, съ начальствомъ не раскланиваются и не разговариваютъ. А чтобы онъ это не забылъ—къ пороховому погребу его на двѣ смѣны, Чернышевъ, послѣ ученья!.. Да чтобы «на краулъ» и «скорый шагъ» ты мнѣ съ нимъ повторилъ.

— Слушаю, вашеродіе!— отчеканилъ «унтрцеръ», сорвавъ фуражку съ своей безмозглой головы и поѣдая начальника глазами.

— А стоитъ-то какъ? — обратился поручикъ къ злосчастному, слишкомъ запоздалому для юнкерскаго званія шляхтичу, нетерпѣливыми движеніями руки поправляя его дѣйствительно невозможную стойку.—Опустите плечо, подымите голову, сдвиньте ноги! — Онъ осадилъ тяжелою рукою непослушное плечо юнкера и грубо приподнялъ его подбородокъ. — Голову выше, выше, еще выше!

Digitized by Google

Глядите веселѣе, веселѣе, я вамъ говорю. Надулся, какъ мышь на крупу. Опять скосоротился! Кривобокій вы, что ли? Я спрашиваю: кривобокій вы, юнкеръ?

— Нѣтъ-съ!—робко, чуть слышно прошепталъ онъ, съ глазами, въ которыхъ блестѣли слезы.

— Нѣтъ-съ! — передразнилъ его поручикъ. — Во фронтѣ не смѣйте говорить: «нѣтъ-съ», «да-съ». Съ барышнями можете упражняться въ такихъ вѣжливостяхъ; а начальству должны отвѣчать по солдатски: «Никакъ нѣтъ, такъ точно»! Такъ я спрашиваю: вы кривобокій, юнкеръ?

— Никакъ нѣтъ!—какъ смогъ, храбро крикнулъ Будзишъ.

— Громче отвѣчать! приличнѣе юнкеру! Чернышевъ, послѣ ученья особо займись имъ. Погоняй его скорымъ шагомъ, да чтобы зналъ обязанности часоваго. Хорошенько его! Никуда онъ не годится; да гляди мнѣ, чтобы онъ на скоромъ шагу не падалъ, не качался. Сказки свои не разсказывай, а то вздую.

— Слушаю, вашеродіе!—оторвалъ Чернышевъ, подбѣгая къ намъ и провожая отошедшаго поручика не разсуждающимъ, исполнительнымъ солдатскимъ взглядомъ. Все время, пока поручикъ «распекалъ» юнкера Будзиша, Чернышевъ стоялъ, словно весь сжавшись въ своемъ старенькомъ лейбикѣ, съ руками, вытянутыми по красному канту рейтузъ, съ неморгающими вытаращенными глазами, видящими только на пятнадцать шаговъ впередъ, по положенію. Теперь онъ охорашивался передъ нами, являя своею, въ совершенствѣ выправленною, солдатскою фигурой и красивою «стойкой» живой упрекъ мнѣ и Будзишу, сознававшимъ свою солдатскую плохость. Косясь то на него, то на меня, онъ поправилъ свою фуражку и съ напущенною строгостью громко сказалъ:

— Извольте, господа, стойку солдатскую принять, какъ солдату во фронтѣ полагается. Не упирайтесь на правый кострецъ, юнкеръ Будзишъ!—Чернышевъ при этомъ хлопнулъ себя ладонью по кострецу. — Вотъ этимъ самымъ мѣстомъ не упирайтесь... скверно!...

Онъ, безнадежно качнувъ головой, проворно подбѣжалъ къ шляхтичу и усердно принялся его выправлять; отъ него перешелъ ко мнѣ.

— Смирно, господа, не шевелиться во фронтѣ, — повторялъ онъ, замѣчая нетерпѣніе кого нибудь изъ насъ, чувствующаго потребность высморкаться или откашляться.

Затѣмъ онъ перешелъ къ преподанію намъ хитрости «тихаго учебнаго шага въ три пріема».

— Корпусъ передайте на правую ногу!—выкрикивалъ Черны-

Digitized by Google

шевъ все тѣмъ же однообразнымъ, настойчиво-терпѣливымъ голосомъ стараго инструктора:—Ра-а-а-а-а-азъ!—И мы съ Будзишемъ, вслѣдъ за этимъ ра-а-азомъ, терпѣливо и, какъ умѣемъ, плавно проносимъ и вытягиваемъ впередъ лѣвыя ноги, покачиваясь на правыхъ ногахъ, съ очевидною опасностью упасть, къ своему стыду и къ удовольствію Чернышева.

— Два-а-а-а-а!—невыносимо-печально и долго тянетъ Чернышевъ.—Два-а-а! — неотвязно дрожитъ въ ушахъ.—Два-а-а! — вторится въ глубинѣ моей смущенной души и моего проголодавшагося желудка. Наконецъ-то стихаетъ это безконечное «два-а-а». Жду, вотъ Чернышевъ выкрикнетъ свое короткое и для меня болѣе пріятное «три»! Мои ноги дрожатъ, слабѣя,—какъ та, что я вытянулъ и все тяну на носокъ, такъ и та, на которой стою. Усатое и полное лицо Будзиша уморительно гримасничаетъ и покраснѣло съ натуги, свидѣтельствуя о его бѣдственномъ положеніи. Мнѣ сдается, что онъ упадетъ прямо на меня и, конечно, собьетъ съ ноги. Но, не дождавшись желаемаго, отраднаго намъ въ эту минуту вскрика: «три»,—мы оба падаемъ впередъ на наши вытянутыя и дрожащія на вѣсу лѣвыя ноги. Чернышевъ лукаво улыбается, устанавливаетъ насъ на мѣсто и тѣмъ же однообразнымъ, похороннымъ голосомъ заводитъ свое безконечное: «ра-а-а-зъ», «два-а-а», коварно подлавливая насъ на третьемъ разѣ. Но и онъ, наконецъ, усталъ не хуже насъ.

— Вольно; оправиться, господа!—скомандовалъ онъ, къ великому нашему удовольствію. Будзишъ тяжело вздохнулъ и отеръ платкомъ потное лицо и потную шею.

Я могъ теперь любоваться ученьемъ юнкерской команды. Видно было, что поручикъ вышколилъ ее на славу. Особенно понравилось мнѣ мужественное щегольство, съ какимъ юнкера прошли мимо поручика, справа по одному, вольнымъ шагомъ, съ карабинами на плечѣ, со свободнымъ, красивымъ, въ тактъ шага движеніемъ лѣвой руки отъ локтя. Шпоры брякали чуть не музыкально, юнкера «ѣли глазами» своего начальника. Мушкетеры привѣтствовали меня гримасами и подмигиваньемъ.

— Хорошо, юнкера!—похвалилъ ихъ поручикъ.

— Рады стараться, вашеродіе!—лихо оторвали юнкера, строясь по командѣ во фронтъ.

— Вольно! оправиться!

Юнкера, веселой и болтающей толпой, окружили стараго поручика, закурившаго свою дешевую вонючую сигарку при услужливой помощи тоже закурившихъ мушкетеровъ.

— Господа мушкетеры,—заговорилъ твердымъ басомъ поручикъ,

Digitized by Google

останавливая свои зеленые кошачьи глаза на Ратѣевѣ и вызвавъ общее вниманіе, а, слѣдовательно, и тишину. — Вы мнѣ развращаете команду... да-съ! развращаете.

Ратѣевъ, а за нимъ всѣ его товарищи, вопросительно поглядывали на поручика, хотя смекали уже, въ чемъ дѣло.

— Зачѣмъ вы, князь, подстроили юнкеровъ ѣхать на свадьбу безъ спроса и моего разрѣшенія? что это за вольнодумство? Полкъ не университетъ. Тамъ вы привыкли своевольничать, а здѣсь этого нельзя-съ, нельзя-съ.

— Но я-то тутъ одинъ что за козлище отпущенія, господинъ поручикъ?—возразилъ ему смущенный юнкеръ Атосъ.—У всякаго своя добрая воля. Всѣ согласились и всѣ поѣхали. А что забыли отпускъ взять—мы виноваты... извините, господинъ поручикъ.

— Извините!—заговорили всѣ разомъ.

— Извинить я васъ могу, господа, а взыскать съ васъ за нарушенную вами воинскую дисциплину — долженъ. Мы съ вами, князь, пріятели,—вы знаете,—но съ васъ я долженъ взыскать строже, чѣмъ съ другихъ, и взыщу-съ...

— Почему же съ меня строже, господинъ поручикъ?

— Потому что вы—извините—юнкерскій коноводъ.

— Почтенное, но незаслуженное мною званіе,—замѣтилъ Ратѣевъ,—за которое приходится отвѣчать, однако, по волѣ начальства.

— Невинность!—иронически замѣтилъ поручикъ, очевидно желавшій перейти отъ начальническаго въ товарищескій тонъ. — Что жь, до свѣту плясали, небось?

— Какъ водится, всю ночь! ни одна дама ни разу не присѣла. До упаду!—кричали юнкера, обрадованные надеждой, не положитъ ли поручикъ гнѣвъ на милость.

— И хорошенькихъ много было? — спрашивалъ старый офицеръ, предпочитавшій баламъ и вечерамъ съ танцами спокойный зеленый столикъ съ записными партнерами, у себя или у товарища.

— Много, много новенькихъ,—кричали голоса.

— Красавица Карандѣева была!—добавилъ симпатичный блондинъ, юнкеръ д'Артаньянъ.

— И много, поэтому, юнкерскихъ сердчишекъ тамъ съ красавицами осталось?—не то спросилъ, не то насмѣшливо сказалъ поручикъ и бросилъ окурокъ сигары.

— По мѣстамъ, господа! — возвысивъ свой басъ до начальническаго тона, приказалъ поручикъ и скомандовалъ: «смирно»!

— Шай! на плѐ-чò!

Digitized by Google

— Серенко!—приказалъ онъ вахмистру, — отведи юнкерскую команду на гауптвахту, сдай караульному офицеру и скажи, что я прошу солдатскій караулъ отпустить, а на посты развести юнкеровъ. Юнкера Ратѣева къ полковнику на три смѣны. Маршъ!

— Слушаю, вашеродіе!—Вахмистръ повелъ команду на гауптвахту, а Чернышевъ усердно принялся муштровать бѣднаго Будзиша, подготовляя его къ исполненію обязанностей часоваго у пороховаго погреба, «гоняя» его скорымъ шагомъ, чтобы не цѣплялъ носками за шпоры.

VII.

Свободный отъ службы до завтрашняго утра, уцѣлѣвъ одинъ-одинешенекъ отъ всей команды, я рѣшилъ: поглядѣть на манежную ѣзду ординарцевъ, пообѣдать дома, а тамъ пойти къ пороховому погребу, гдѣ и навѣстить престарѣлаго товарища въ его горѣ, и раздѣлить съ нимъ его одиночество на отдаленномъ посту. Солдаты сказывали, что погребъ находится за выгономъ, подъ «сталовѣрскимъ» кладбищемъ.

Въ просторномъ манежѣ поручикъ, стоя на пескѣ, посерединѣ, въ наброшенной на плечи старенькой шинели, пропускалъ мимо себя, справа по одному, шагомъ, ординарческую смѣну, звонко и ловко пощелкивая длиннымъ бичемъ, для оживленія лошадей, замѣтно горячившихся отъ этихъ оглушительныхъ звуковъ и красиво «собиравшихся» на мундштукахъ. Ординарцы и вѣстовые «прикозырились», взяли «посадку»: глубже сѣли въ сѣдло, опустились въ поясницѣ, оттянули ляшки назадъ, а каблукъ къ низу, выровняли плечи, и подняли головы, весело глядя на поручика, хотя веселиться имъ было нечего. Молодцами, какъ на картинѣ, шли они, а красивыя лошадки такъ подъ ними и плясали.

— Принимай направо!—командуетъ поручикъ. И лошади, фыркая и слегка потрясывая головами, плавно забочили черезъ манежъ, забирая по песку нога за ногу, повинуясь мундштучному поводу и строгимъ шенкелямъ своихъ всадниковъ; причемъ дистанція на двѣ лошади оставалась ненарушимою и при этомъ красивомъ движеніи. Поручикъ похвалилъ; смѣна отвѣчала неизмѣннымъ: «рады стараться».

И «собранная рысь», и «прибавленная», и галопъ, и скачка черезъ барьеръ вызывали поручикову похвалу и мой восторгъ. Недаромъ старый поручикъ хвалился своими ординарцами по всей дивизіи.

Digitized by Google

Только что спѣшившіеся ординарцы вывели изъ манежа своихъ потныхъ лошадей; въ манежѣ выстроилась смѣна вицъ-унтеръ-офицеровъ. Пошли справа по одному—но этимъ ѣздокамъ далеко было до ординарцевъ. Строгій поручикъ загорячился, косясь на смѣну.—«Баба»!—кричитъ на одного.—«Водовозъ»!—кричитъ на другаго. А третьяго вытянулъ свернутымъ бичемъ по ляжкѣ, съ приказаніемъ «убрать дурацкія ноги, отъ колѣна назадъ»! Всѣхъ перебралъ: скверно сидятъ, болтаются въ сѣдлѣ дураками, руки деревянныя, безъ управленія, лошади головами взмахиваютъ и хвостятъ.

Когда пошли «собранною рысью», подъ однимъ уланомъ лошадь заскакала галопомъ. Поручикъ пригрозилъ ему бичемъ, и далъ окрикъ: «Нагорнюкъ»!

Нагорнюкъ, сильный солдатъ, взялъ осторожно горячившагося коня въ шенкеля, но перевести его на рысь никакъ не могъ; очень ужъ разгорячился конь.

— Молодая лошадь, — осмѣлился замѣтить стоявшій при поручикѣ ординарецъ.

— Стой!—скомандовалъ поручикъ. Смѣна стала.

— Нагорнюкъ, слѣзай.

Нагорнюкъ слѣзъ, видимо смущенный, и робко поглядывалъ на поручика, спокойно закурившаго свою плохую сигару.

— Фухтелей! — кратко приказалъ онъ ординарцу, сейчасъ же обнажившему свою саблю.

Нагорнюкъ сталъ передъ мордой своей лошади, держа правою рукою трензельный поводъ, а лѣвою подобравъ свою саблю, чтобы не мѣшала наказанію. Подъ тяжелыми ударами сабельной полоски, плашмя ложившейся ему ниже спины, онъ выгинался всѣмъ тѣломъ, не сходя съ мѣста, и со страданьемъ въ голосѣ, однообразно, какъ бы заученое, выкрикивалъ за каждымъ ударомъ:—«Ваше благородіе, помилосердуйте! явите божескую милость... Ваше благородіе»!..

Ординарецъ всыпалъ ему чуть ли не съ полсотни фухтелей, послѣ которыхъ онъ проворно вскочилъ въ сѣдло и продолжалъ ѣзду, какъ ни въ чемъ не бывало. Но я не повѣрилъ этой молодцоватости.

На «прибавленной» рыси поручикъ «ссадилъ», то есть наказалъ фухтелями двоихъ; а на галопѣ, за вольты,—четверыхъ. Пригрозивъ «вицамъ», что онъ посадитъ ихъ на коновязь съ навозными торбами къ ногамъ, если они не «подтянутся», поручикъ зашелъ въ «амунишникъ». Хотя здѣсь онъ нашелъ образцовый порядокъ—всюду блестѣло, вездѣ песочкомъ посыпано,—но отъ квартирмейстера, заслуженнаго шевриста, попахивало водочкой, за

Digitized by Google

что поручикъ распорядился нарядить его дневальнымъ по конюшнѣ. Затѣмъ поручикъ уѣхалъ домой на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ караковымъ, раскормленнымъ жеребчикомъ, такой же спокойный, какъ и пріѣхалъ.

Усталый, голодный вернулся я къ себѣ на квартиру. Кромѣ того, на душѣ у меня кошки скребли, а умъ отказывался отвѣтить мнѣ на простой вопросъ, теперь меня безпокоившій: точно ли это та самая военная служба, что̀ увлекла меня изъ роднаго дома сюда? Точно ли этотъ поручикъ, юнкера, солдаты — «христолюбивые воины», немыслимые безъ такихъ распорядковъ, свидѣтелемъ которыхъ я оказался сегодня? Жаль мнѣ было смѣшнаго Будзиша, но еще болѣе жаль неповиннаго Нагорнюка и его сотоварищей по фухтелямъ. Будзишъ—юнкеръ по своей охотѣ, а вѣдь Нагорнюкъ и солдаты взяты не по своей волѣ.

Задумался я не на шутку, не найдя въ военной службѣ того, чего въ ней искалъ, что̀ тянуло меня къ ней. Давно и усердно зачитывался я исторіями военныхъ геніевъ: Александра Македонскаго, Наполеона, Фридриха II-го, Суворова; любимымъ моимъ чтеніемъ были исторіи войнъ древняго и новаго міра, а любимымъ занятіемъ—рисовать планы сраженій. Увлекала меня мечта попасть на Кавказъ съ его героями—горцами и русскими удальцами,—съ его поэзіей опасности, воспѣтой музой Марлинскаго и Лермонтова. Церемоніальный маршъ кавалерійской дивизіи, съ красивыми аллюрами, подъ торжественный и мелодическій трубный хоръ,—видѣнный мною еще въ бытность мою гимназистомъ седьмаго класса,—поддержалъ мое воинственное настроеніе и рѣшилъ мое недоумѣніе: идти ли въ университетъ, или въ полкъ? Восемнадцатилѣтнее воображеніе привело меня въ уланы. И что же? я встрѣтилъ звѣрообразнаго поручика, фухтеля, гауптвахту, требующую жертвъ дисциплины и никогда не сытую ими, школьничающихъ юнкеровъ и безотвѣтныхъ солдатъ. Мое высокое представленіе о военной службѣ сводилось къ будничнымъ, скучнымъ занятіямъ, къ гарнизоннымъ карауламъ, къ одноличному произволу офицера, отъ котораго зависитъ судьба солдата, къ тѣлеснымъ наказаніямъ, несоразмѣрнымъ съ виною наказуемаго и нравственно меня угнетавшимъ. Нѣтъ, это совсѣмъ не то, чего я ожидалъ въ полку!

Но я не отвѣтилъ бы тогда на вопросъ: что̀ же именно разсчитывалъ я найти въ военной службѣ, и въ чемъ именно заключалось мое въ ней разочарованіе? Представленіе о ней у меня выходило слишкомъ идеальное, мечтательное, слишкомъ ужь далекое отъ дѣйствительности, чтобы эта дѣйствительность могла меня удовлетворить.

Digitized by Google

Пообѣдавъ дома съ волчьимъ апетитомъ голоднаго и усталаго юнкера, я поторопился на гауптвахту: посмотрѣть на товарищей, заступившихъ въ караулъ, и навѣстить жалкаго старичка Будзиша.

Караулъ на половину составляли юнкера и, согласно распоряженію поручика Бугайченко, почти всѣ они—кромѣ Ратѣева, утаптывавшаго дорожку, съ карабиномъ на плечѣ и саблею на боку, подъ окнами полковничьяго дома,—вернулись въ кордегардію, отстоявъ свои часы на разныхъ постахъ. Я засталъ мушкетеровъ и прочихъ юнкеровъ весело коротавшими свое караульное время въ офицерской арестантской комнатѣ, за большимъ самоваромъ съ чайными принадлежностями, не исключавшими рома и коньяка, въ обществѣ молоденькаго и хорошенькаго караульнаго корнета Нормана, только что выпущеннаго изъ кадетскаго корпуса,—молодчика съ бойкими замашками веселаго шалуна. Онъ мнѣ очень понравился, особенно своимъ товарищескимъ обращеніемъ съ нами, юнкерами, и своею готовностью смѣяться и смѣшить.

Онъ былъ въ восхищеніи отъ исторіи, приведшей юнкеровъ на гауптвахту, и негодовалъ на поручика. Онъ говорилъ:

— Экая скотина вашъ бахмутскій чумакъ! И такого мужлана назначать начальникомъ порядочной дворянской молодежи? Чистѣйшій бурбонъ, хамъ! за одну его вахмистерскую рожу прогнать бы его изъ полка!

Между прочимъ, корнетъ Норманъ уморительно-смѣшно разсказалъ о томъ, какъ онъ, произведенный въ нашъ полкъ, изъ Питера пріѣхалъ прямо сюда на гауптвахту.

— Просрочилъ ровно четыре мѣсяца, господа,—говорилъ онъ весело.—И если теперь я раскаиваюсь въ этомъ, то потому только: зачѣмъ я не просрочилъ вдвое больше. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Нашего брата, шалуна, прикрываетъ не только Николай-угодникъ, но и медицинское свидѣтельство о болѣзняхъ. А я, признаться, страдалъ душевною болѣзнью—кузиной. Cousinage—dangereux voisinage!—Пріѣзжаю прямо сюда вотъ, на гауптвахту, рекомендуюсь караульному офицеру, милѣйшему толстяку Павлу Абрамовичу; съ его позволенія располагаюсь вотъ въ этой самой арестантской офицерской, гдѣ ваши вѣрные Гримо, Планше, Мушкетонъ и Базенъ, надѣюсь, приготовятъ намъ ужинъ; располагаюсь совсѣмъ, какъ на квартирѣ; такъ какъ милѣйшій нашъ толстячокъ въ караульной формѣ раздѣлялъ мое мнѣніе, что этой казенной квартиры мнѣ не миновать. Являюсь къ полковнику.—Вы, корнетъ, просрочили?—Просрочилъ, полковникъ.—Именно?—Четыре мѣсяца, полковникъ.—Почему, позвольте узнать?—Потому что я, по дорогѣ, къ роднымъ заѣхалъ, полковникъ.—Похвальныя родственныя чувства, молодой

Digitized by Google

человѣкъ, но они—къ сожалѣнію—не извиняютъ вашей незаконной просрочки, если не представите свидѣтельства о болѣзни. — Но я еще ни разу въ своей жизни не болѣлъ, полковникъ.—Вѣрю, судя по васъ, и радъ вашему благополучію, но... гдѣ законныя причины вашей просрочки? — Полковникъ, — говорю, — я нарочно на перекладной сдѣлалъ маленькій крюкъ, для родственнаго свиданія съ теткой и кузиной.—Съ *кузиной?* Понимаю, корнетъ, и сочувствую вамъ, потому что крюкъ, хотя бы и маленькій, въ вашемъ возрастѣ дѣлаютъ только для *хорошенькой кузины*; но я желаю знать, что̀ вы разумѣете подъ вашимъ выраженіемъ «маленькій крюкъ»? что это: двадцать пять верстъ или пятьсотъ?—Ни то, ни другое, полковникъ.—Что жь именно?—Семьсотъ верстъ, полковникъ.—Вы преостроумный молодой человѣкъ и превеселый,—полковникъ даже засмѣялся.—Мнѣ весьма непріятно исполнить свою обязанность... Потрудитесь корнетъ, поставить вашу саблю подъ штандарты и отправьтесь на гауптвахту.—Я предупредилъ ваше распоряженіе, полковникъ, и прямо съ перекладной расположился на этой казенной и для нашего брата, офицера, готовой квартирѣ.—Предусмотрительность, достойная вашего остроумія, корнетъ. Радъ съ вами познакомиться. Мы должны быть друзьями, не смотря на эту маленькую непріятность, о которой завтра же отдамъ приказъ по полку.—Не правда ли, друзья мои, что нашъ командиръ—душа человѣкъ?.. Вѣдь онъ навѣстилъ меня здѣсь на гауптвахтѣ, сказалъ, что зашелъ отдать мнѣ визитъ. Джентльменъ, истинный старый кавалеристъ! И мы съ нимъ пріятели.

Корнетъ, своимъ веселымъ разсказомъ, вызвалъ въ молодежи самое пріятное настроеніе, поддерживаемое стаканами чаю съ ромомъ или коньякомъ. Поднялись остроумные толки, къ чести всегда справедливой молодости, всѣ въ пользу командира полка, любимаго и уважаемаго по дивизіи штабъ-офицера, соединявшаго спасительную строгость съ благородствомъ характера.

Вдругъ, въ дверяхъ комнаты, вытянулся вѣстовой съ тревожнымъ лицомъ и доложилъ корнету:

— Дежурный по карауламъ идутъ, ваше благородіе!

Въ минуту шумные и задорные юнкера преобразились въ исправныхъ караульныхъ: кивера поправлены на ухо, чешуйки подъ подбородкомъ застегнуты, лакированный подсумокъ за спиною зацѣпленъ своимъ крючкомъ за красную ременную портупею сабли; бѣлыя перчатки на рукахъ. Караулъ изготовился въ кордегардіи; офицерская арестантская комната, съ большимъ самоваромъ, бутылками и сервированнымъ à la fourchette ужиномъ или позднимъ обѣдомъ, оказалась подъ замкомъ; расторопные слуги андреевскихъ

Digitized by Google

мушкетеровъ исчезли съ глазъ. Такое быстрое, словно волшебное, превращеніе шалуновъ въ серьезныхъ солдатъ напомнило мнѣ извѣстную сцену прелестной комической оперетки Россини: «Графъ Ори», когда лихіе «кавалеры», проникнувъ въ замокъ прелестной шателень—дамы сердца одного изъ ихъ товарищей—подъ видомъ пилигримовъ, вдругъ, оставшись одни, переходятъ отъ божественныхъ гимновъ къ неистовой пляскѣ и вакхическимъ пѣснямъ, а, сбросивъ бороды и плащи, становятся тѣми же лихими «кавалерами». Хотя превращеніе юнкеровъ совершилось въ обратномъ порядкѣ, тѣмъ не менѣе мнѣ понятно было, что они еще совершеннѣе исполнили бы свою метаморфозу, превратясь изъ серьезнаго вооруженнаго караула въ настоящихъ шалуновъ, какими на самомъ дѣлѣ они и были, и что посмотрѣть ихъ надо за обѣдомъ, въ офицерской. Я внимательно наблюдалъ.

На платформѣ звонко раздались два призывныхъ удара колокола; часовой, поспѣшно ставъ у пестрой будки, громко вскрикнулъ: «караулъ вонъ»! и взялъ карабиномъ на караулъ, встрѣчая глазами подходившаго къ гауптвахтѣ толстенькаго офицера, въ вице-киверѣ, при лядункѣ и саблѣ. Старенькій шарфъ съ обившимися кистями перепоясывалъ старенькій поношенный сюртукъ; старенькія рейтузы болтались на ногахъ, словно обѣщая совсѣмъ съ нихъ спуститься, совсѣмъ черные эполеты, плохенькій вице-киверъ соотвѣтствовали заплатаннымъ сапогамъ и старому пухлому лицу, испорченному, но не украшенному безцвѣтными и довольно противными усами. Но видъ скудоумной простоты и добросердечія невольно говорили въ пользу этой неказистой фигуры. Отъ юнкеровъ я узналъ, что это «добрѣйшій и милѣйшій Павелъ Абрамовичъ», именно подъ этимъ титуломъ слывущій въ полку; что онъ уже двадцать лѣтъ состоитъ корнетомъ, безъ надежды когда нибудь носить поручичьи эполеты, а потому — незлобивѣйшій офицеръ и чуть ли не за всѣхъ безсмѣнно дежуритъ по карауламъ.

Затасканная внѣшность «отца корнетовъ»,—какъ самъ онъ себя величалъ, — рѣзко отличалась отъ щеголеватаго младшаго корнета Нормана, красавчика съ маленькими черненькими усиками и выразительными черными глазами, въ новенькомъ уланскомъ длинноломъ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ «шикарно» и свидѣтельствовавшемъ о своемъ не-чугуевскомъ портномъ. Бѣлые эполеты, перевязь, шарфъ блестѣли своимъ еще дѣвственнымъ магазиннымъ блескомъ. Румяныя щоки и статность могли пристыдить иную барышню. Бѣлыя перчатки могли смутить стараго корнета, щеголявшаго какими-то очень подозрительными размытыми рукавицами, еслибы только онъ могъ смущаться отъ такихъ пустяковъ.

Digitized by Google

Караулъ, выстроившійся впереди пестрыхъ сошекъ, по молодцоватой командѣ Нормана, взялъ «на крà-улъ» и «глаза направо».

— Отставь!—крикнулъ дежурный по карауламъ, махнувъ даже своей сѣрой размытой рукавицей, съ торопливостью, какъ бы извиняющеюся, что онъ запоздалъ предупредить вовсе ему ни на что ненужное безпокойство офицера и караула выскакивать для встрѣчи его, дежурнаго.—Благодарю, господинъ офицеръ, не безпокойтесь!

Онъ приложилъ свою рукавицу къ козырьку облѣзлаго вицекивера и сдѣлалъ вѣжливый наклонъ впередъ. Я направился къ пороховому погребу, узнавъ, что Будзиша только недавно отвели туда на часы.

VIII.

Пороховой погребъ недаромъ пугалъ солдатское суевѣрное воображеніе, способное во всякомъ пустынномъ, одиноко-заброшенномъ караульномъ посту видѣть страшное мѣсто, посѣщаемое привидѣніями и мертвецами. Легенда о старовѣрческой колдуньѣ, въ глухую полночь пугающей иногда часоваго, передавалась отъ одного поколѣнія андреевскихъ солдатъ къ другому и казалась имъ достовѣрною больше по причинѣ близости погреба къ старовѣрческому кладбищу.

Будзишъ, съ карабиномъ въ рукѣ, переминаясь съ ноги на ногу, а потому слегка позвякивая саблей на крючкѣ, стоялъ, прислонясь спиной къ караульной будкѣ, въ своей любимой лѣнивой позѣ, разсѣянно созерцая сводъ небесный и, повидимому, забывъ земную планету и, соединенныя съ нею, свои обязанности. Мнѣ было понятно, что казеннымъ порохомъ, порученнымъ его неусыпной охранѣ, онъ интересовался всего менѣе.

— Вы это? — встрѣтилъ онъ меня, непритворно обрадованный моимъ посѣщеніемъ и въ то же время удивленный. — Что васъ сюда занесло? Цò, муй шановàный пане юнкержъ?

— Желаніе раздѣлить ваше невольное одиночество, мосьё Будзишъ. Вы не противъ этого, надѣюсь?

— Еще бы! Бардзо дзенькую, пàне муй почтѝвый! бардзо пшіемно, коллега, то есть великодушно!

Мѣшая польскія фразы съ русскими, все по той же, ужасающей даже его самого, разсѣянности, онъ всѣмъ своимъ большимъ усатымъ лицомъ выражалъ душевную благодарность, трогавшую меня невольно и мнѣ пріятную.

Въ то же время вся фигура его выражала сосредоточенность, какъ бы созерцательную, внушившую мнѣ невольный вопросъ, о

Digitized by Google

чемъ это онъ тутъ размышлялъ въ тишинѣ и темнотѣ опустившейся ночи?

Вмѣсто отвѣта, онъ поднялъ глаза къ небу, принявъ именно то самое положеніе, въ которомъ я его засталъ, и съ чувствомъ проговорилъ стихи польскаго поэта:

«Wznosze sie mysla od ziemi,
Gdzie gwiazdzisty przybytek, gdzie rak Bozych praca,
Jak tam kregi mierzonemy,
Wszystko idzie i powraca»!

— Не понимаю, панъ Будзишъ, — чистосердечно сознался я ему.

— Я вамъ переведу, коханы пане. «Возношусь мыслью отъ земли туда, гдѣ звѣздное жилище, гдѣ труды рукъ божіихъ, гдѣ измѣренными кругами все идетъ и назадъ возвращается».

— Это изъ лирической поэмы нашего стараго поэта Шимоновича,—объяснилъ онъ мнѣ.—Въ XVI-мъ вѣкѣ мы имѣли замѣчательныхъ поэтовъ, пане; литература соотвѣтствовала подвигамъ поляковъ и пространству крулевства польскаго: отъ Балтики до Чернаго моря простиралось оно, захватывая Пруссію, Литву, Остзейскій край, Кіевъ, Украйну, степи. О, то были вѣка польской славы, польскаго могущества! «Boze, cos Polske»..

Онъ не договорилъ польскаго гимна, чувствительно вздохнулъ и крѣпко схватилъ мою руку со слезами на старенькихъ глазахъ и съ выраженіемъ душевной благодарности.

— Boze, zmiluj sie nad nami! — пробормоталъ онъ въ печальномъ настроеніи своего патріотическаго сердца. — Крулевство въ границахъ 1772 года отъ моря до моря. Читайте Лелевеля: «Исторію Польши», добродзею. Это—исторія героевъ и славнаго народа!

Истинно шляхетская вѣжливость и выдававшаяся между юнкерами порядочность благовоспитаннаго скромнаго человѣка какъ бы характеризовали его и невольно располагали къ нему. Его любовь къ «ойчизнѣ» была почтенна въ моихъ глазахъ. Мы разговорились, забывъ, гдѣ мы, и, въ своей служебной невинности, не придавая ничего беззаконнаго нашей пріятельской бесѣдѣ у пестро раскрашенной будки и у низенькой двери въ земляной погребъ. Не смотря на великую разницу въ моемъ и его характерѣ, въ моихъ и его лѣтахъ — Будзишъ привлекалъ меня къ себѣ болѣе всѣхъ моихъ товарищей. Насколько онъ казался страннымъ другимъ и между другими, настолько же для меня онъ казался пріятнымъ и интереснымъ. Въ этой странной, какъ онъ самъ, ночной бесѣдѣ я могъ ближе узнать и оцѣнить его. Онъ тонко опредѣлилъ мнѣ характеры нашихъ товарищей, удивляя меня глубиною своего

Digitized by Google

психологическаго анализа, посредствомъ котораго объяснялъ поступки людей. Я убѣждался въ превосходствѣ его научнаго образованія (онъ былъ дѣйствительный студентъ) и его житейскаго опыта, казавшагося мнѣ—впрочемъ—несовмѣстнымъ съ его невозможною разсѣянностью. Договорился онъ до воспоминанія о своемъ предкѣ, панѣ грабянкѣ, Ксаверіѣ Будзишѣ зъ Ратыни. Но сейчасъ же прибавилъ со смѣхомъ, обращеннымъ имъ къ своей неграфской, конечно, шкатулкѣ:

«Цо̀ въ тымъ потытулѣ,
Кеды нема ницъ въ шкатулѣ»?

Онъ называлъ себя философомъ-эклектикомъ и утверждалъ, что его философія не та, что̀ стѣсняетъ человѣческую жизнь и понимаетъ только ея мрачную сторону; что, вообще, онъ бѣжитъ мрачныхъ людей и мрака могилы, что жизнь—свѣтъ. Но и легкомысленные шалопаи, въ родѣ нашихъ мушкетеровъ — ему противны. «Лайдаки» только и счастливы, когда осмѣиваютъ и топчатъ другъ друга въ грязь; онъ называлъ ихъ пустозвонами, годными только скоморошничать подъ команду: «Grand rond, cavaliers! balancez! promenade! Saluez vos dames»! Я помиралъ со смѣху, глядя на неуклюжую фигуру шляхтича, изображавшаго легкомысленныхъ юношей, жизнь и умъ которыхъ—на концѣ ихъ языка да въ ихъ рѣзвыхъ ногахъ. О кавказскихъ «главорубахъ», тоскующихъ будто бы по своимъ дикимъ набѣгамъ на дикіе аулы и топящихъ свою дикую тоску въ водкѣ, онъ отозвался кратко, безнадежно махнувъ рукою.

— Васъ, пане, я люблю за то, что вы на нихъ не похожи,— докончилъ онъ.—Вы и не Сердечкинъ съ любезностями прямо съ конфектныхъ билетиковъ, и не пьяный разбойникъ. Славный вы юноша, пане юнкержъ; только вы, кажется, фантазеръ... извините.

Мнѣ показалось немножко обиднымъ, что онъ думаетъ обо мнѣ такъ, на основаніи короткаго нашего знакомства, но я сейчасъ же успокоился.

Успокоило меня убѣжденіе, что я дѣйствительно фантазеръ: такимъ признавала меня и маменька, и такимъ я самъ себя чувствовалъ.

Будзишъ вѣрно предсказалъ мнѣ, что я почувствую необходимость держаться особнякомъ въ юнкерскомъ обществѣ,—также какъ и онъ держится,—по неволѣ, по различію понятій и вкусовъ. Жаловался онъ, что долженъ замкнуться въ самомъ себѣ, скрывать отъ товарищей свои домашнія привычки и любимыя занятія: флейту, книги, рисованье; что онъ теперь какъ бы стыдится своихъ порядочныхъ вкусовъ, которые въ сущности ставятъ его выше това-

Digitized by Google

рищей, этихъ разбалованныхъ богатыхъ своевольниковъ, часто съ извращенными и даже безнравственными понятіями. Сознавался, что, заслышавъ на улицѣ неприличный хохотъ или скабрезную пѣсенку приближающихся мушкетеровъ, спѣшитъ приказать своему Тадеушу запирать ставни и, въ случаѣ посѣщенія этихъ господъ, сказать, что пана нѣтъ дома.

Наконецъ, въ свое время, Будзиша смѣнили и я пошелъ къ нему, по его просьбѣ.

— Сядай, муй коханый!—съ своею неизмѣнною, нѣсколько приторною вѣжливостью усаживалъ меня панъ Казимержъ Будзишъ, извиняясь со смѣхомъ, что нѣтъ у него для дорогаго гостя «фотэйля», вмѣсто котораго онъ можетъ предложить только дубовую лавку.— Выпіемъ бутельку старувки—міода? Бардзо добру, брацику!—Шляхтичъ обращался ко мнѣ по польски, въ своей разсѣянности забывъ, что я русскій и что по польски не говорю.— Ну, и цо жъ, муй коханы пане?

Я было отказался; онъ настоятельно продолжалъ:—«Не пій съ блазнемъ, не пій съ родзонымъ ойцемъ, — а съ коллегой пшіяцелемъ выпій — бо естемъ пану пшіяцель, доскональо! Далибухъ пшіяцель!—Онъ меня поцѣловалъ.

Такъ-таки и не отдѣлался я отъ бутылки стараго, почти чернаго меду, происхожденіе которой онъ вывелъ изъ стариннаго погреба отцовъ-доминикановъ. И самъ онъ смахивалъ на патера, любящаго «смачно» выпить, особенно когда наливалъ въ наши стаканы милую ему влагу и потягивалъ ее маленькими глотками. Будзишъ, съ свойственною ему скромностью, но все же съ сознаніемъ своего достоинства, познакомилъ меня съ своею игрою на флейтѣ, съ своими рисунками и книгами—больше историческими—на польскомъ языкѣ. Игра на флейтѣ,—причемъ онъ смѣшно косился вытаращенными глазами на ноты, смѣшно отбивалъ тактъ носкомъ сапога, звенѣвшаго шпорой, и еще смѣшнѣе надувалъ и безъ того толстыя и красныя щоки,—показалась мнѣ совсѣмъ плохою и даже невозможной. Я едва сдерживался, чтобы не расхохотаться самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Пуще всего меня разбирали отчаянныя гримасы этого Орфея съ «забраннего краю». Но рисовалъ онъ талантливо; особенно удавались ему карикатуры, въ которыхъ порядкомъ доставалось и его товарищамъ, и начальству. Его карикатура охотнѣе всего, кажется, разрабатывала солдафонскую фигуру нашего сквернорожаго поручика и его сателлита—«унтрцера» Чернышева.

Рисунки изъ военной жизни убѣждали меня, что, при иныхъ условіяхъ, онъ достигъ бы совершенства и, пожалуй, славы.

Digitized by Google

— Орасъ Верне изъ волынскихъ шляхтичей — смѣясь самъ надъ собою, замѣтилъ Будзишъ, впрочемъ, польщенный моимъ восхищеніемъ и не принимая его за комплиментъ.

Я поздно вернулся домой, проведя вечеръ съ удовольствіемъ, на какое не разсчитывалъ. Этотъ день завязалъ нашу добрую дружбу. Мы стали часто видаться и товарищи не замедлили, въ насмѣшку, прозвать насъ «любителями просвѣщенія».

Такихъ, какъ мы, юнкеровъ-домосѣдовъ, въ нашемъ юнкерскомъ обществѣ было немного, едва ли не мы только. Отчасти инстинктивно, по природному чувству, а то и по сознанію избѣгали мы общества нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, не только не удовлетворявшаго насъ, но отталкивавшаго отъ себя безсодержательностью своей жизни и даже пошлостью. Въ немъ преобладали: кутежъ, грубость нравовъ, щегольство скандаломъ. Ратѣевъ—самъ студентъ втораго курса—былъ ярый и, къ сожалѣнію, остроумный гонитель юнкерскаго просвѣщенія, уподобляясь въ этомъ случаѣ ренегатамъ вообще. Имя ему было Юліанъ, почему Будзишъ прозвалъ его «отступникомъ», студентомъ, отрицающимъ образованіе. Юліанъ-Отступникъ въ юнкерскомъ лейбикѣ и чинѣ зло осмѣивалъ «угнетенную невинность», къ которой, конечно, причислялъ и меня съ Будзишемъ. «Угнетенною невинностью» онъ обзывалъ вообще молоденькихъ юнкеровъ, еще не разставшихся со своими семейными привязанностями, домашними вкусами и преданіями, въ родѣ воспитаннаго въ нихъ чувства нравственнаго долга и приличія, юношей не кутившихъ и не картежничавшихъ. Впрочемъ, такой юнкерской «невинности» у насъ въ полку было немного.

Подъ вліяніемъ насмѣшекъ Юліана-Отступника и господствовавшаго въ юнкерской командѣ «мушкетерскаго» направленія, мы съ Будзишемъ чувствовали себя какъ бы отверженцами. Свое свободное время мы проводили вмѣстѣ. Сблизила насъ общая обоимъ слабость — чтеніе болѣе или менѣе серьезныхъ книгъ, любознательность, требовавшая пополненія нашего образованія, прерваннаго у меня слишкомъ рано, и—какъ теперь я убѣждался—слишкомъ легкомысленно. Отправляясь, бывало, въ караулъ или дежурнымъ по госпиталю, я запасался всегда книгой.

Оба мы,—люди издалека, чужіе въ этихъ новыхъ для насъ мѣстахъ, небогатые и скромные,—не могли посѣщать ни семейныхъ домовъ андреевскихъ военныхъ, ни сосѣднихъ помѣщиковъ, по обстоятельствамъ, отъ насъ не зависящимъ, хотя Будзишъ и утверждалъ, что общество молодыхъ женщинъ также необходимо молодому человѣку, какъ поучительная, занимательная книга, или даже какъ прекрасная поэма.

Digitized by Google

— Живая поэма, пане коханы!—замѣтилъ онъ мнѣ разъ, вздохнувъ и грустно качнувъ большой головой, какъ бы вспомнивъ что-то и грустное, и сладкое въ своемъ прошломъ.

Его разсказы о быломъ величіи Польши, о подвигахъ ея героевъ, проникнутые живымъ, благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ, невольно и глубоко проникали меня, хотя односторонность и предвзятость его объясненій тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ не могли измѣнить моего всегдашняго взгляда на неспособность польской націи къ самостоятельной государственной жизни. Если не по Лелевелю, не по Нарушевичу и, вообще, не по польскимъ историкамъ, все же я былъ знакомъ съ правдивою исторіею Польши. Конечно, у меня не хватало духу, выслушивая иногда мечты пана «Казимержа Будзиша зъ Ратыни» о возможности возрожденія «старой» Польши, разочаровывать его, указывая ему неодолимыя къ тому препятствія—политическія и національныя.

Николаевскій офицеръ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ГАМЕРЛИНГЪ, КАКЪ ЛИРИКЪ.

Поэтическая дѣятельность Роберта Гамерлинга небезызвѣстна у насъ на Руси по переводамъ его эпическихъ произведеній. Переведены: поэма «Агасферъ въ Римѣ», Ѳ. Б. Миллеромъ (Москва, 1872); эпопея «Король въ Сіонѣ», имъ же (Москва, 1880); романъ «Аспазія» (С.-Петербургъ, 1884); современная сатирическая эпопея «Гомункулъ» («Пантеонъ литературы», съ октября 1892 г.),—словомъ, мы имѣемъ возможность составить себѣ довольно точное понятіе объ эпосѣ Гамерлинга. Зато лирика Гамерлинга намъ почти неизвѣстна. Въ русскихъ журналахъ, правда, появлялись переводы отдѣльныхъ лирическихъ стихотвореній Гамерлинга, сдѣланные А. Н. Плещеевымъ, однако сужденіе въ такихъ случаяхъ можетъ основываться лишь на цѣломъ рядѣ систематически подобранныхъ стихотвореній. Въ настоящей статьѣ мы попытаемся охарактеризовать Гамерлинга, именно какъ лирика.

Считаемъ полезнымъ предварительно напомнить главнѣйшія событія жизни и дѣятельности знаменитаго австрійскаго поэта и философа.

Робертъ Гамерлингъ, сынъ бѣднаго деревенскаго ткача, родился 24 марта (н. с.) 1830 г. въ нижней Австріи, неподалеку отъ города Цветля, въ мѣстечкѣ *Лѣсной Кирхбергъ*. Въ дѣтствѣ онъ часто болѣлъ, отличался мечтательностью и страстною привязанностью къ матери. Время отъ 1840 до 1844 г. онъ провелъ, въ качествѣ пѣвчаго, въ монастырѣ, неподалеку отъ Цветля, гдѣ получилъ начальное образованіе и сталъ писать стихи. Въ 1844 г. онъ переѣхалъ съ матерью въ Вѣну и поступилъ въ гимназію, а съ 1847 г. перешелъ въ университетъ, все время перебиваясь частными уроками и жестоко бѣдствуя. Въ 1848 г., будучи студентомъ, онъ принималъ участіе въ политическихъ событіяхъ того времени, состоя въ университетскомъ, т. н. «академическомъ» легіонѣ (нѣчто въ родѣ національной гвардіи). Въ 1851 г. онъ поступилъ во вновь открытую при вѣнскомъ университетѣ филологическую семинарію и посвятилъ себя педагогической дѣятельности, въ качествѣ гимназическаго учителя классической словесности, сначала—въ 1853 г., въ Грацѣ, а съ 1855 г.—въ Тріестѣ, полуитальянскомъ живописномъ приморскомъ городѣ, пребываніе въ которомъ способствовало развитію его поэтическаго дарованія. Въ 1858 г. Гамерлингъ выпустилъ въ свѣтъ свое первое значительное поэтическое произведеніе—лирическую поэму въ пяти пѣсняхъ: «Венера въ изгнаніи» (Venus im Exil). Въ 1859 г. вышелъ сборникъ лирическихъ стихотвореній Гамерлинга: «Думы и грезы» (Sinnen und

Digitized by Google

Minnen); въ 1861 г.—новый сборникъ: «Лебединая пѣсня романтики» (Ein Schwanenlied der Romantik). Въ 1862 г. появилась канцона: «Походъ германцевъ» (Germanenzug).

Затѣмъ, въ дѣятельности Гамерлинга наступаетъ періодъ эпоса. Въ 1865 г. была издана большая поэма въ шести пѣсняхъ: «Агасферъ въ Римѣ» (Ahasver in Rom), отличающаяся совершенствомъ замысла; въ Неронѣ воплощена извѣстная тенденція: Неронъ—это современное поэту культурное человѣчество, полное внѣшняго блеска и внутренняго убожества; Нерону, какъ символу конечнаго, т. е. современности, поэтъ противопоставилъ «вѣчнаго жида» Агасфера—воплощеніе безпокойнаго, вѣчно стремящагося впередъ, безсмертнаго человѣчества. Поэма сразу выдвинула Гамерлинга на первый планъ, а одна меценатка, Мильборнъ, узнавъ о бѣдственномъ положеніи поэта, прислала ему въ подарокъ 6,000 гульденовъ. Вскорѣ послѣ этого, Гамерлингъ оставилъ службу. Въ 1866 г. онъ издалъ свой переводъ стихотвореній Леопарди, считающійся въ Германіи лучшимъ. Въ 1869 г. вышла новая эпопея въ десяти пѣсняхъ, на средневѣковой сюжетъ—«Царь Сіона» (Der König von Sion), героемъ которой является вожакъ мюнстерскихъ анабаптистовъ, Янъ Лейденскій, глава новаго теократическаго государства, «новаго Сіона». Основу его характера составляетъ борьба между стремленіями къ добродѣтели и наслажденію; въ Мюнстерѣ «Царя Сіона», какъ въ Римѣ «Агасфера», нетрудно подмѣтить много аналогій съ современностью. Въ 1870 году,—въ эпоху столкновенія Пруссіи съ Франціей,—Гамерлингъ написалъ трагедію: «Дантонъ и Робеспьеръ»; Робеспьеръ—человѣкъ отвлеченной идеи, Дантонъ—человѣкъ грубаго инстинкта; внѣшняя драматическая коллизія между обоими напоминаетъ внутреннюю борьбу героя «Царя Сіона». Въ 1872 г. вышла веселая аристофановская комедія Гамерлинга: «Тевтъ» (Teut); въ ней осмѣивается отсутствіе въ нѣмцахъ національнаго и нравственнаго единодушія, къ которому взываетъ миѳическій вождь германскаго племени, Тевтъ: проницательный поэтъ не смутился фактомъ государственнаго объединенія Германіи, послѣдовавшаго въ это время. Въ томъ же 1872 г. появилось большое лирическое стихотвореніе: «Семь смертныхъ грѣховъ» (Die sieben Todsünden). Въ 1876 г. вышла изъ печати главнѣйшая эпопея Гамерлинга, на этотъ разъ въ прозѣ: «Аспазія, художественный и эротическій романъ изъ древне-эллинской жизни». (Aspasia. Ein Künstler- und Liebesroman aus Alt-Hellas). Гамерлингъ считаетъ тайной эпическаго творчества — отраженіе судьбы цѣлаго народа на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, или наоборотъ. Въ судьбѣ Перикла и Аспазіи онъ изображаетъ судьбу всей древней Эллады; онъ указываетъ, что этическіе и эстетическіе идеалы, носителями которыхъ являются Периклъ и Аспазія, будучи хотя и тожественными по существу, въ жизни являются другъ другу враждебными, какъ «добродѣтель» и «наслажденія» въ груди Яна Лейденскаго («Царь Сіона»); Эллада стремилась создать и воплотить обѣ идеи, но оставила лишь одну—эстетическую.

Послѣ романа «Аспазія», Гамерлингъ пережилъ какой-то внутренній душевный процессъ, послѣ котораго начался новый, тре-

Digitized by Google

тій періодъ его дѣятельности — сатирическій и философскій. Въ 1880 году вышла въ свѣтъ его бытовая комедія: «Лордъ Люциферъ» (Lord Lucifer); идея ея—обращеніе матеріалиста и пессимиста, возвышенной любовью, на путь истинный и совращеніе идеалистки и оптимистки съ пути истиннаго грубою страстью; комедія отличается реализмомъ и неподдѣльнымъ юморомъ. Въ 1881 г. вышла въ свѣтъ поэма въ шести пѣсняхъ: «Амуръ и Психея» (Amor und Psyche), полная глубокихъ философскихъ идей; любовью Амура и Психеи поэтъ символизируетъ міровую любовь основныхъ началъ жизни, матеріи и духа. Въ 1883 г., на родинѣ Гамерлинга, въ «Лѣсномъ кварталѣ» нижней Австріи былъ поставленъ, еще при жизни поэта, памятникъ. Въ 1884 г. Гамерлингъ выпустилъ сборникъ своихъ прозаическихъ статей и замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Проза» (Prosa, Skizzen, Gedenkblätter und Studien); въ 1891 г. вышелъ, посмертнымъ изданіемъ, второй томъ. Цѣнность этихъ газетныхъ набросковъ поэта состоитъ въ томъ, что они рисуютъ намъ процессъ постепенной выработки того міровоззрѣнія, которое нашло окончательное выраженіе въ изданномъ впослѣдствіи философскомъ трактатѣ. Въ 1886 г. вышелъ новый лирическій сборникъ стихотвореній Гамерлинга: «Листья на вѣтрѣ» (Blätter im Winde). Вслѣдъ затѣмъ поэтъ перешелъ на поприще сатиры и въ 1887 г. издалъ капитальнѣйшее произведеніе всего періода—сатиру «Гомункулъ», современную эпопею въ десяти пѣсняхъ (Homunculus. Modernes Epos). Въ видѣ «гомункула», или человѣка механическаго, машиннаго производства, поэтъ изобразилъ современнаго человѣка, дитя цивилизаціи, основанной на раздѣленіи, а не соединеніи труда и нравственныхъ силъ. «Гомункулъ» былъ послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ Гамерлинга. Послѣднимъ изданіемъ Гамерлинга была вышедшая въ 1888 г. его автобіографія: «Станціи моего жизненнаго странствія» (Stationen meiner Lebenspilgerschaft).

Уже посмертнымъ изданіемъ, въ 1891 г., вышелъ философскій трактатъ Гамерлинга: «Атомистика воли» (Atomistik des Willens), раздѣляющійся на четыре части: 1) теорія познанія, 2) теорія бытія, 3) теорія дѣйствія и 4) теорія воли. Основное положеніе гамерлинговской системы—самобытное, оригинальное, не декартовское «cogito ergo sum», но «sum ergo cogito»; бытіе, а не мышленіе является для него неоспоримымъ фактомъ—отсюда общій реалистическій духъ его доктрины, представляющей собою оригинальный компромиссъ между монадологіей Лейбница и пантеизмомъ Спинозы. Въ особенности интересно обоснованіе Гамерлингомъ нравственности и эстетики на устоѣ природныхъ законовъ; согласно этой доктринѣ, и нравственная, и эстетическая тенденція, по закону единства природныхъ силъ, тожественны, — идея, ранѣе намѣченная въ «Аспазіи».

Какъ человѣкъ, Гамерлингъ вполнѣ гармонировалъ со своей вдумчивой и серьезной поэтической индивидуальностью. Онъ отличался самоотверженнымъ служеніемъ искусству, готовностью всегда помочь товарищамъ по профессіи, независимостью литературныхъ и политическихъ взглядовъ. Кромѣ поэзіи, онъ больше всего любилъ музыку. Образованіемъ обладалъ энциклопедическимъ и, какъ

Digitized by Google

Гёте, предавался научнымъ занятіямъ. Дружескія отношенія его отличались задушевностью. Къ женщинамъ онъ предъявлялъ высокія идеальныя требованія, которымъ онѣ не всегда могли удовлетворить; отсюда — нѣкоторое женоненавистничество Гамерлинга. Онъ прожилъ вѣкъ свой холостякомъ, съ матерью. Въ привычкахъ онъ былъ очень скроменъ и регуляренъ. Хворалъ всю жизнь, умеръ 13 іюня 1889 г. въ жестокихъ страданіяхъ, но съ мужествомъ философа.

I.

Первое значительное лирическое произведеніе Гамерлинга вышло въ 1858 г. Оно носитъ заглавіе: «Венера въ изгнаніи. Лирическая поэма въ шести пѣсняхъ» (Venus im Exil. Ein Gedicht in fünf Gesängen).

«Ступай предтечею и пой
Въ восторгѣ сладостной мечты,
Что ужь горитъ востокъ зарей,
Что близко царство красоты»![1]).—

вотъ какимъ эпиграфомъ снабжена эта поэма. Итакъ, поэтъ обѣщаетъ выяснить свое пониманіе эстетической идеи. Прослѣдимъ постепенное развитіе этой идеи въ поэмѣ.

Первая пѣсня, «Эротъ» (Eros), повѣствуетъ о фаустовскомъ настроеніи человѣка, постоянно борющагося съ собою и колеблющагося между жаждою познанія и жаждой непосредственнаго жизненнаго наслажденія; въ результатѣ является недовольство:

«Я на горахъ мечтаю о долинѣ,
А въ рощицѣ—о солнечныхъ холмахъ,
Въ чертогахъ я вздыхаю о пустынѣ,
Въ тиши пустынь грущу о городахъ.
Все близкое постыло мнѣ отнынѣ,
Далекое—горитъ въ златыхъ лучахъ.
И только цѣль одна меня обманетъ,
Какъ ужь вдали меня другая манитъ!

«Итакъ, меня терзаетъ *всежеланье*.
Ненасытимымъ быть—судьба моя!
Хоть безконечны воля и познанье,
Зато конечны грани бытія.
Я тайное постигъ свое терзанье:
Не полубогъ, земная тварь—и я.
Страдать и мнѣ на пирѣ жизни вѣчно:
Конеченъ кубокъ; жажда—безконечна»!

Мало по малу эта грусть доходитъ до отчаянія и до стремленія умереть—слиться со вселенной, если нельзя овладѣть ея тайной, упасть каплею въ море цѣлаго, если нельзя «распустить и выпить жемчужину жизни въ божественномъ винѣ безконечности». Неожиданное, таинственное видѣніе въ женскомъ образѣ,—полное жизнерадостной прелести и вмѣстѣ съ тѣмъ блѣдное, какъ царица адскихъ тѣней, Прозерпина,—отвлекаетъ юношу отъ мысли о смерти и приводитъ въ восторгъ гармоническимъ сочетаніемъ непримиримыхъ для него началъ нравственной жизни. Призракъ лишь мель-

[1]) Всѣ переводы (размѣрами подлинника) сдѣланы авторомъ статьи.

Digitized by Google

кнулъ и исчезъ—но впечатлѣніе уже неизгладимо. Человѣкъ увидѣлъ идеалъ и восклицаетъ:

«Я умереть не въ силахъ, жить не въ силахъ,
Потерянъ я въ уныло сладкомъ снѣ...
Любовь и смерть въ моихъ катятся жилахъ...
Тебя сыщу хоть въ моря глубинѣ»!

Въ слѣдующей главѣ, «Богиня» (Die Göttin), описывается пророческій сонъ, который поясняетъ юношѣ, кто именно—это видѣніе. Это—Венера, богиня красоты, порядка и гармоніи, царящая какъ на землѣ, такъ и на небѣ:

«Уранья въ небѣ, здѣсь же Афродита.
Тамъ звѣздами, здѣсь—розами увита».

Богиня жила нѣкогда на землѣ, въ Элладѣ, гдѣ жизнь расцвѣтала «подъ жгучими лучами солнца красоты»; было время, когда изначальное страданіе, преслѣдующее человѣчество, этотъ «драконъ», ненавидящій пѣсни музъ, залегъ въ свою пещеру, полудремля, полувыжидая. Отцвѣла жизнь классической древности—драконъ пробудился; и вотъ—

«Въ веселомъ шумѣ божескаго пира
Звучитъ вопросъ о вѣчной тайнѣ міра».

Человѣчество, полное стремленій къ одному заоблачному идеалу, начинаетъ проклинать свою плоть; прежняя гармонія нарушена навѣки; надъ міромъ начинаетъ царить символъ міроваго страданія—крестъ.

«И на крестѣ, межъ небомъ и землею,
Вздыхаетъ жертва горестной мечты.
Земля дрожитъ, томима скорбью злою.
При этихъ вздохахъ вянутъ всѣ цвѣты».

Съ этихъ поръ царство богини разрушено; Венера не можетъ умереть, ибо она безсмертна,—но она въ изгнаніи.—Сталъ ли, однако, счастливъ человѣкъ, презрѣвъ оковы плоти?—Нѣтъ, онъ лишь промѣнялъ пресыщеніе на томленіе (Sehnsucht). Цѣль человѣка остается все та же: вернуть царство свѣта, разума и гармоніи.—Это разъясняетъ богиня во снѣ пламенному и вѣрному своему почитателю.

Уже изъ этого легкаго контура второй пѣсни «Венеры въ изгнаніи» видно, что Гамерлингъ—типическій поэтъ XIX вѣка, вздыхающаго по временамъ цѣльнаго и гармоническаго существованія. Таковъ былъ еще Шиллеръ, вздыхавшій по «богамъ Греціи»; таковъ былъ Мюссэ, тосковавшій въ своемъ «Ролла» о порѣ, «когда небо сходило на землю»; таковъ былъ Ленау, искавшій въ искусствѣ примиренной, космической красоты и писавшій въ своемъ стихотвореніи «Бетховенскій бюстъ»:

«Спадаетъ съ глазъ моихъ завѣса,
Когда звучатъ симфоній грозы.
Я вижу въ облакахъ Зевеса,
Христа цѣлующаго слезы.
И все объемлется покровомъ
Любви всемірной и блаженной,
И міръ древнѣйшій съ міромъ новымъ
Сливается въ одной вселенной»!

Digitized by Google

Таковъ былъ Шелли въ своемъ «Освобожденномъ Прометеѣ», заставившій луну пылать къ земному шару любовью, примиряющей всѣ противорѣчія. Таковы были еще многіе другіе поэты. Всѣ они, подобно Гейне, плакавшему передъ статуей Венеры Милосской, готовы были плакать передъ призракомъ исчезнувшаго золотаго вѣка. Всѣ они пріурочивали счастье человѣчества къ прошедшему, къ классической древности, и лишь немногіе обращались къ послѣдней со скептическимъ вопросомъ,—какъ это сдѣлалъ нашъ Майковъ въ своемъ «Мраморномъ фавнѣ»:

«Тогда бывали ль ближе къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ—ихъ миръ и наслажденья?
Иль вѣкъ одни и тѣ жь земныя поколѣнья?»—

Идеалъ не новъ; въ сущности, онъ извѣстенъ еще Катуллу, жившему во времена Юлія Цезаря; чисто шиллеровскимъ свѣтованіемъ по богамъ Греціи кончается его «Свадьба Пелея и Ѳетиды» (Nuptiae Pelei et Thetidos). Ново, быть можетъ, указаніе пути къ достиженію этого идеала? Объ этомъ повѣствуетъ третья пѣсня поэмы: «Царство красоты» (Das Reich der Schönheit).—Путь въ страну красоты труденъ, и юноша, отправляющійся на поиски Венеры, долженъ запастись неутомимой силой терпѣнія:

«По слѣдамъ Венеры
Все иди безъ страха,
Сильный, полный вѣры,
Къ небесамъ изъ праха!»

Чтобы понять рѣчи духовъ природы, эльфовъ, указывающихъ путь въ страну красоты, человѣкъ долженъ, прежде всего, очиститься сердцемъ. Эти эльфы взываютъ къ каждому смертному, но не всякій слушаетъ ихъ:

«Лишь сердца путемъ проникаетъ
Рѣчь Эльфовъ. Будь ясенъ и простъ!
Чрезъ сердце твое залегаетъ
Въ чужбину завѣтную мостъ».

Путь въ царство красоты—путь самоотреченія и страданія. Ворота въ этотъ рай открываются только передъ тѣмъ, кто броситъ въ нихъ волшебнымъ жемчугомъ—окаменѣлыми слезами. Кто не хочетъ довольствоваться снами, но стремится къ воплощенію идеала, не хочетъ «довольствоваться пѣной вмѣсто пѣнорожденной»—тотъ долженъ завоевать свое блаженство. Горе ему, если онъ станетъ искать божественнаго опьяненія красотой и счастьемъ, не будучи чистъ сердцемъ и свѣтелъ умомъ! Хоръ опьяненныхъ блаженствомъ «вакхантовъ» запоетъ ему:

«Здѣсь блаженство и свобода,
За безсмертія порогомъ.
Но уйди изъ хоровода,
Ты, не посвященный богомъ!
Ждетъ тебя лишь опьяненье,
Не забвеніе тревоги.
Но блаженны въ наслажденьѣ
Мы одни лишь, полубоги!»

Юноша продолжаетъ свой путь. Музы поютъ ему о Ганимедѣ, о стремленіи къ безплотному идеалу, къ золотому небесному чер-

Digitized by Google

тогу, на золотыхъ крыльяхъ грезы. Предъ путникомъ открывается новая вакханалія, но уже не раздраженной плоти, а разнузданной идеи, нѣчто въ родѣ «классической Вальпургіевой ночи» Гёте.— Стихъ Гамерлинга начинаетъ переливаться всѣми оттѣнками; отъ отвлеченныхъ, изображаемыхъ этимъ стихомъ, чувствъ вѣетъ тонкимъ и пряным ароматомъ; слово стремится обратиться то въ живописный цвѣтъ, то въ музыкальную гамму, и сказать несказанное.— Словомъ, передъ путникомъ на мгновеніе раскрываются ворота царства красоты, какъ передъ Дантомъ—врата его мистическаго рая. Фаустовское стремленіе умолкаетъ въ груди юноши; онъ возвращается въ жизнь примиреннымъ: онъ видѣлъ мелькомъ царство, гдѣ прозаическая необходимая *граница* бытія стала чѣмъ-то безконечнымъ и свободнымъ—золотою *мѣрою* («Der Kreaturen Schranke hier ward sie holdes Maas»). Человѣкъ не имѣлъ права остаться въ этомъ царствѣ красоты. Вакханты требовали нравственнаго подвига; отъ вакхантовъ и музъ юноша долженъ спуститься на землю, къ людямъ и женщинамъ.—Четвертая пѣсня поэмы озаглавлена: «Женщина» (Das Weib). Эта женщина—мадонна въ нѣмецкомъ вкусѣ, когда-то уже встрѣченная, давно уже любимая (Гамерлингъ не былъ бы нѣмцемъ, еслибы не отожествлялъ чувства любви съ понятіемъ вѣрности, «Treue»). Странникъ, не допущенный въ небѣ къ Уранiи, ищетъ на землѣ Афродиты, въ ея воплощеніи—въ юной красавицѣ:

«Какъ роза на кустѣ своемъ семейномъ,
Она блаженна, юная краса.
Она свѣжа, какъ на цвѣткѣ лилейномъ—
Въ восхода часъ блестящая роса;
Чиста, какъ снѣгъ, когда въ благоговѣйномъ
Молчаніи имъ сыплютъ небеса.
И юноша восторга полнъ святаго,
И старый сонъ предъ нимъ воскреснулъ снова!»

Но идиллія любви оканчивается, какъ и можно было ожидать, сатурналіей страсти... и юноша опять чувствуетъ себя несчастнымъ. Въ воздухѣ мелькаетъ прежнее небесное видѣніе, и вновь онъ кидается на прежніе поиски идеала.

Поэтъ не разсказываетъ намъ перипетій дальнѣйшаго странствія. Въ пятой и послѣдней части произведенія, озаглавленной «Венера-Уранія» (Venus Urania) Гамерлингъ изображаетъ лишь глубокое отчаяніе, преслѣдующее человѣка въ его поискахъ:

«Стремленье къ солнцу бѣдную планету
Лишь въ равновѣсьѣ держитъ, не въ покоѣ.
Такъ точно гонитъ насъ по бѣлу свѣту
Безъ устали томленье міровое.
Какъ кончить намъ борьбу и муку эту?
Когда жь въ груди умолкнетъ ретивое?—
Свободенъ тотъ отъ горести и страха,
—Кто спитъ на грудѣ собственнаго праха!»

Такимъ образомъ, въ умѣ юноши воскресаютъ тѣ же фаустовскія мысли о трагизмѣ всякаго существованія и о блаженствѣ небытія, какими была начата поэма.

Таково и должно быть логическое заключеніе изъ тѣхъ посылокъ, которыя представилъ самъ поэтъ: мы не видимъ нравствен-

Digitized by Google

наго подвига, который долженъ былъ бы служить мостомъ между жаждой познанья и жаждой жизни, того условія всякаго блаженства, также и эстетическаго, на которое намекали вакханты; между «я» поэта и космосомъ, къ проникновенію въ жизнь котораго онъ стремится, нѣтъ связующаго звена—человѣчества. Мы видимъ лишь стремленіе къ Венерѣ, а не завоеваніе ея. Упавшій духомъ жрецъ красоты забываетъ свои возгласы при видѣ любимой женщины:

«Загадка—міръ. Искусство—тѣнь. Томленье
Что утолитъ?—Любви лишь упоенье!»—

Онъ не даетъ воли своему земному чувству, не допускаетъ его разрастись до предѣловъ любви къ существамъ, подобнымъ подругѣ, къ ближнимъ, а это послѣднее чувство не претворяетъ въ симпатію къ міровой жизни, участникомъ которой является человѣчество. Слабый, малодушный человѣкъ останавливается въ самомъ началѣ своего пути и безпомощно восклицаетъ:

«Понятно мнѣ отнынѣ погруженье
Индійское въ небытія *мечту*.
Отъ жизни отвращая, утомленье
Людей невольно гонитъ въ пустоту.
Лишь въ ней стихаетъ вѣчное стремленье,
Лишь въ ней мы видимъ счастье, красоту.
Въ небытіи намъ чуется—причина,
И вѣрится, что жизни цѣль—кончина!»

И вотъ герой поэмы снова начинаетъ искать и жаждать смерти. Тогда въ третій разъ появляется предъ нимъ прекрасное видѣніе. Венера выходитъ изъ волнъ морскихъ не въ видѣ Афродиты въ вѣнкѣ изъ розъ, богини человѣческой жизни, но въ обликѣ Уранiи, въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, богини жизни міровой. Завороженная красавица сама подымается изъ оковъ матеріи, не дождавшись освобожденія. Правда, она нарушаетъ зато свое прежнее обѣщаніе—отдаться смертному, какъ жениху, и даетъ ему лишь смутную надежду на загробное свиданіе, которою юноша и принужденъ удовольствоваться. Какъ царица Мабъ въ поэмѣ Шелли, Венера-Уранія развертываетъ передъ юношей зрѣлище звѣздной космической жизни и дѣлаетъ его сопричастникомъ; герой поэмы восклицаетъ въ поэтическомъ вдохновеніи: «Послѣдняя цѣль блаженства есть восторгъ всесознанья!» (Es ist des Allbewusstseins Hochgefühl). Онъ самъ изумленъ тѣмъ, что сталъ внезапно удовлетворяться «всесознаньемъ», тогда какъ ранѣе стремился ко «всечувствію», и можетъ объяснить это лишь чудомъ:

«Такъ торжествуетъ тайно, непонятно
Надъ міромъ всѣмъ святая воля къ жизни!» [1]).

Таково юношеское произведеніе Гамерлинга, долженствовавшее стать гимномъ *идеалу* красоты, тожественному съ идеаломъ нравственнымъ, и обратившееся въ гимнъ эстетическому *стремленію* къ идеальной красотѣ, тожественному со стремленіемъ къ нравственному идеалу. На этомъ произведеніи отразилось, несомнѣнно, вліяніе платоновскаго діалога «Пиръ» (Симпозіонъ), въ которомъ изла-

[1]) Lebenswille—философскій терминъ; въ грубомъ переводѣ: «любовь къ жизни».

Digitized by Google

гаются мысли о различныхъ формахъ проявленія и развитія любви, Эрота. Особенно замѣтно это вліяніе на концѣ поэмы (обѣщаніе богини удовлетворить желанія смертнаго послѣ смерти); платоновскій діалогъ кончается заявленіемъ Эрота, что онъ—только *стремленіе* человѣка къ идеалу, къ сліянію конечнаго съ безконечнымъ, стремленіе, по существу своему, неудовлетворимое.—Гамерлингъ, очевидно, не могъ справиться со всею трудностью взятой имъ на себя задачи. Онъ не могъ стать Мессіей новаго эстетическаго идеала, новаго искусства, и сразу ограничилъ себя ролью предтечи. Еслибы этотъ выводъ былъ сдѣланъ только по «Венерѣ въ изгнаніи», то и въ такомъ случаѣ онъ не былъ бы преувеличенъ или поспѣшенъ. По поводу этой первой своей поэмы, Гамерлингъ пишетъ въ своей автобіографіи: «Поэма не велика объемомъ, но заключаетъ въ себѣ самую суть моего міровоззрѣнія, всю программу моей позднѣйшей дѣятельности на литературномъ поприщѣ».—Въ самомъ дѣлѣ: примиреніе духа и матеріи, Уранiи и Афродиты, стремленіе къ эстетической полнотѣ и красотѣ жизни, парализуемое сомнѣніемъ, какъ вѣяніемъ времени,—вотъ программа всей позднѣйшей поэтической дѣятельности Гамерлинга.

II.

Въ 1859 г. вышелъ большой сборникъ лирическихъ стихотвореній Гамерлинга, подъ заглавіемъ: «Думы и грезы. Юность въ пѣсняхъ» (Sinnen und Minnen. Ein Jugendleben in Liedern). На этомъ сборникѣ мы остановимся съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ онъ, уже благодаря своему объему.

Подобно тому, какъ идеалъ современнаго прогресса—уравновѣшеніе интересовъ личности съ интересами общества, такъ идеалъ современнаго искусства—уравновѣшеніе человѣческихъ чувствъ и стремленій съ цѣлями и законами природы. Такимъ образомъ, въ основѣ этого искусства лежитъ исконный разладъ между человѣкомъ, какъ носителемъ идеи, и природою, какъ носительницею силы и жизни. Этотъ старый фаустовскій разладъ звучалъ въ «Венерѣ въ изгнаніи». Понятно, почему главнѣйшими настроеніями новой лирики Гамерлинга и являются: или тоска, когда внутренній разладъ кажется поэту непримиримымъ, или же радость, когда разладъ смѣняется гармоніей, когда оба міра,—духа и матеріи, человѣчества, идеи и жизни,—соединяются мостомъ, залегающимъ, по словамъ «Венеры въ изгнаніи», черезъ сердце. Этими міровыми настроеніями исчерпывается содержаніе юношеской лирики Гамерлинга. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое даетъ въ результатѣ, прежде всего, страданіе. Въ эпиграммѣ «Раздвоеніе» (Zersplitterung) поэтъ жалуется:

«Скорбно раздвоено сердце, любовь раздвоена скорбно!
И въ эпиграммѣ моей скорбно раздвоена жизнь!»

Это настроеніе не покидаетъ поэта и онъ изображаетъ его въ цѣломъ рядѣ символовъ. Цвѣтокъ лотоса качается на волнахъ, стремясь уплыть, какъ лебедь; лебедь лежитъ на водѣ, стремясь, какъ цвѣтокъ, къ покою; оба одинаково жалки и безсильны («Lo-

Digitized by Google

tosblume und Schwan»). Все въ природѣ стремится къ идеалу недосягаемому и все страдаетъ, какъ человѣкъ: если морская волна (волна поэтическаго вдохновенія) тщетно стремится поцѣловать розу (розу жизни) то лучше бы ей оставить напрасный трудъ и утѣшиться тѣмъ, что въ ней отражаются вѣчныя звѣзды (звѣзды прекраснаго)—вотъ что проповѣдуетъ стихотвореніе «Морская любовь» (Meeres liebe). — Разладъ наполняетъ всю вселенную, которую одушевляютъ два настроенія, присущія «двумъ тучкамъ» (Die beiden Wolken), о которыхъ говоритъ намъ поэтъ:

«Тучку вижу золотую
Въ ясномъ небѣ, далеко.
Позабывъ сестру родную,
Въ высь летитъ она легко—
И трепещущимъ лобзаньемъ
Лучъ влюбленный къ тучкѣ льнетъ.
Вся пронзенная сіяньемъ,
Въ небесахъ она умретъ.

* *
*

«Тучку вижу я другую
Близко, близко надъ горой.
Въ жизнь она летитъ земную,
Разлученная съ сестрой.
Не расплыться ей въ лазури,
Въ поцѣлуяхъ, полныхъ грезъ—
Ей погибнуть въ громѣ бури
И въ потокѣ жгучихъ слезъ!»

Если этотъ разладъ проникаетъ природу, то всего мучительнѣе чувствуетъ его человѣкъ. Природа—мачиха; она щедра только по отношенію къ орлу, давъ ему сразу и проницательность ока, и силу крыла; людямъ она предоставляетъ или крылья безъ ока, или око безъ крыльевъ («Der Adler»). Всякій человѣкъ подобенъ герою античной сказочки («Antikes Seemärchen»): охотникъ нашелъ траву безсмертія, воскресившую убитаго имъ зайца, и самъ сталъ новымъ морскимъ богомъ; между тѣмъ, ему ужасно скучно среди новыхъ подводныхъ чудищъ, а тяжелая плоть не позволяетъ ему подняться до Олимпа. Человѣческое сердце—это голубь, порхающій между небомъ и землею въ предсмертныхъ судорогахъ («Zwischen Himmel und Erde»).

Эта перспектива вѣчнаго, непримиримаго разлада приводитъ поэта въ отчаяніе. Жизнь начинаетъ казаться ему зломъ, чьей-то дьявольской шуткой. Такова мысль стихотворенія «О женщинѣ, не хотѣвшей оплакивать Бальдура» (Vom Weibe, das um Baldur nicht weinen wollte). Когда Бальдуръ, богъ добра, исчезъ въ аду, боги обѣщали вернуть его на землю въ томъ случаѣ, если всѣ живыя существа будутъ оплакивать его. Только одна старуха не хотѣла плакать—и Бальдуръ не вернулся. Когда поэтъ отыскалъ эту старуху и спросилъ о причинѣ ея безсердечія, она отвѣтила, что если-бы Бальдуръ вернулся, то земля безъ слезъ изсохла бы и жизнь прекратилась; такую мысль подалъ старухѣ ея внукъ. «Кто же я»? спросилъ изъ глубины пещеры невидимый внукъ, и поэтъ воскликнулъ безъ колебаній: «Сатана!»—Но поэтъ переживаетъ минуты еще болѣе тяжелыя—когда въ основѣ жизни онъ не видитъ ничего,

Digitized by Google

даже зла. Въ стихотвореніи «Жрецъ Герты» (Herthapriester) Гамерлингъ разъясняетъ, что̀ именно увидѣлъ юноша шиллеровской баллады, приподнявшій священный покровъ съ истины, Изиды. Пылкій жрецъ Герты однажды дерзнулъ заглянуть за священную повозку богини—и внезапно сошелъ съ ума. Что же увидѣлъ онъ? Чорта?—Еслибы такъ! Но онъ увидѣлъ мракъ и пустоту,—невыносимое «ничто».

Послѣ подобныхъ пессимистическихъ вспышекъ, Гамерлингъ внезапно успокоивается, точно образумливается, и переходитъ въ настроеніе мягкое и элегическое. У него есть одинъ пріемъ, который напоминаетъ музыку Бетховена: именно этому композитору свойственна своеобразная манера—послѣ цѣлой бури звуковъ въ безпокойномъ, ироническомъ «скерцо», брать въ спокойномъ ритмѣ тихій, простой гармоническій аккордъ и повторять его въ грустномъ раздумьѣ страстнаго человѣка, жаждущаго покоя. Такимъ аккордомъ являются тѣ стихотворенія сборника «Думы и грезы», въ которыхъ мрачная поэзія разлада лишь слегка сквозитъ, какъ сквозитъ что-то темное, человѣческое и злое, въ просвѣтленномъ обликѣ гоголевской русалки, въ «Майской ночи». Байроническое отчаяніе Гамерлинга въ такія минуты переходитъ въ пассивную покорность судьбѣ, въ пессимистическую жалобу. Все прекрасное должно быть цѣльно, а, между тѣмъ оно встрѣчается въ природѣ, какъ разбитая статуя,—по кусочкамъ,—и смертный долженъ примириться съ тѣмъ, что ему не увидѣть идеала во всей его цѣльности («Das Schöne»). Цѣль всякаго поэта—объять это прекрасное въ цѣломъ, хотя бы лишь на мигъ и для того, чтобы потомъ умереть («Sterben für ein Schönes»). Грустно быть поэтомъ: хотя звѣзды прекраснаго сіяютъ не только въ небѣ, но и въ морѣ,—да первыя далеки, а вторыя — обманчивы («Die Sterne»). О, еслибы можно было не стремиться къ этому идеалу! Познаніе убиваетъ жизнерадостность; кто прислушивается слишкомъ чутко къ мистическимъ глубинамъ жизни, приложивъ ухо къ землѣ, тотъ слышитъ глухіе голоса, отъ которыхъ ему жутко («Stimmen der Tiefe»). Поэты подобны героямъ классическаго преданія, которые разыскиваютъ по свѣту своихъ отцовъ-боговъ; ихъ не такъ-то легко найти; вотъ почему эти божественные сыновья такъ унылы («Göttersöhne»). Даръ поэзіи, такимъ образомъ, не есть самъ по себѣ—благо:

«Въ глазахъ, гдѣ блещетъ пламя грезы,
Блистаютъ столь же часто слезы.
И жаждущій листовъ лавровыхъ
Пусть жаждетъ и шиповъ терновыхъ».

(«Im Dienste des Schönen»).

Никто не знаетъ о томъ, какъ страдаетъ арфа въ мигъ, когда изъ нея изливается чудная мелодія; никто не знаетъ и того, какъ страдаетъ поэтъ, по сердечнымъ нервамъ котораго перебираетъ мощная рука судьбы, извлекая изъ нихъ прекрасные звуки («An eine Harfnerin»). Обычное состояніе всякаго поэта—усталость; не могучій орелъ и не проворный жаворонокъ—птица Аполлона, но усталый лебедь, изнывающій въ пѣсняхъ на мягкихъ волнахъ озера («Siroccо»). Работа поэзіи безполезна, и счастливъ тотъ, кто мо-

Digitized by Google

жетъ свершать ее, не задумываясь о цѣли! Бѣлка, прыгающая съ вѣтки на вѣтку, заполняетъ этимъ мудрымъ занятіемъ промежутки времени и счастлива.

«Лишь человѣка терзаетъ его суетливость:
Мучится днемъ, безконечною мучится ночью,
И бытіе онъ свое измѣряетъ, безумецъ,
Только слезами.

«Межъ колыбелью и гробомъ все катятся слезы;
Словно въ песочныхъ часахъ вереница песчинокъ,
Плавно тѣ слезы скользятъ,—иль какъ чотки въ безкровныхъ
Пальцахъ монаха». («Im Walde»).

Но какъ бы ни была Гамерлингу симпатична пессимистическая струнка его лиры, онъ слишкомъ художникъ для того, чтобы ею ограничиваться. Идеалъ страданія равноправенъ для него съ идеаломъ наслажденія, по крайней мѣрѣ, теоретически,—какъ теоретически равноправны для него фаустовскія стремленія къ отвлеченной идеѣ и реальной жизни. Поэтъ намѣренъ брать примѣръ съ природы: пускай земля каждую зиму надѣваетъ бѣлое платье покаянія за весеннія радости; придетъ весна — и она снова примется за свою весеннюю суету («Winterlied»). Да и въ самомъ страданіи заключается, наконецъ, источникъ наслажденія,—это опредѣленно и ясно высказываетъ Гамерлингъ въ четверостишіи — «Источникъ пѣснопѣнія» (Quell des Gesanges):

«Часто твердятъ, что страданье—источникъ поэзіи. Такъ ли?
Нѣтъ, никогда! Лишь восторгъ—всѣхъ вдохновеній родникъ!
Это—лишь фраза, что пѣсня навѣяна скорбью горчайшей:
Въ сущности пѣснь рождена сладкимъ восторгомъ скорбей»!

Поэтъ долженъ быть благодаренъ судьбѣ за свои страданія: звѣзды прекраснаго зажигаются въ мигъ, когда жизнь начинаетъ темнѣть («Streckverse»). Всѣ огорченія проходятъ для поэта невредимо, какъ буря въ лѣсу проносится невредимо для путника, котораго баюкаютъ, въ какой нибудь укромной пещерѣ, сладостныя сновидѣнія («Gewitter im Walde»). Всякій поэтъ подобенъ святому Василію, отвергнутому небомъ, но погасившему адское пламя той благодатью, которая окружала его, гдѣ бы онъ ни находился («Sanct Basilius in der Hölle»). Исконный разладъ бытія все таки возможно примирить хотя бы въ воображеніи. Всякій поэтъ—тотъ горный потокъ въ стихотвореніи Гамерлинга, который журчитъ радостными пиндарическими строфами въ ликующемъ недоумѣніи:

«Стократъ прекрасный свѣтъ! Ужели все
Я цѣловать дерзаю мимоходомъ?
Ужель и холмы съ виноградомъ, и города стѣны
Отражать въ своемъ зеркалѣ смѣю»?

Прекраснъ путь этого потока къ морю истины, хотя онъ и кратокъ:

«Долго и ярко сіяютъ счастливцу
Звѣзды судьбы; но также прекраснъ
Краткій жизненный путь,
Наслажденіе міромъ—лишь въ грезѣ,
Сліяніе раннее съ вѣчностью». («Der Bergstrom»).

Воображеніе можетъ все примирить. Эта мысль восторгаетъ Гамерлинга. Поэтъ,—повѣствуетъ онъ въ другой аллегоріи («Der

Digitized by Google

gellendete Vogel»),—подобенъ насильственно ослѣпленной птицѣ, которая поетъ о веснѣ потому, что не видитъ кругомъ себя зимы; въ душѣ ея нѣтъ мѣста для страданія, она представляетъ себѣ лишь весну и ея пѣснь прошедшаго есть также пѣснь грядущаго. При дальнѣйшемъ ходѣ этой гаммы чувства, міръ начинаетъ казаться поэту полнымъ красоты и гармоніи, твореніемъ Венеры или Герты, а не сатаны или пустоты. Красота не отсутствуетъ въ мірѣ природныхъ явленій, но она скрыта; міръ является ея символомъ, какъ въ подсолнечникѣ, стремящемся къ солнцу, мы видимъ символическій образъ лучистаго свѣтила («Die Sonnenblume»). Мало того—красота въ природѣ разлита цѣлымъ моремъ. Новый порывъ, новое опьяненіе поэта! При созерцаніи этой безконечной красоты, онъ приходитъ въ то настроеніе, въ какое, по его собственному разсказу, пришелъ первобытный человѣкъ, видѣвшій лишь рѣки и ручьи и вдругъ наткнувшійся на море: сперва человѣкъ бѣжитъ прочь, охваченный ужасомъ, затѣмъ любуется невиданной картиной, а затѣмъ строитъ плотъ, чтобы пуститься въ невѣдомую стихію и изслѣдовать ее («Die Entdeckner des Meeres»).

Однажды испытавъ новое ощущеніе, Гамерлингъ уже не можетъ отъ него отрѣшиться, такъ какъ оно удовлетворяетъ его. Однажды повѣривъ въ реальность вселенской красоты, эстетическаго идеала, онъ уже станетъ избѣгать прежнихъ своихъ страданій и сомнѣній. Пускай весна смѣняется на землѣ осенью—надъ землею блестятъ вѣчныя звѣзды, вѣщающія о вѣчной веснѣ:

«Роща темнѣютъ въ молчаньѣ,
Пусты, унылы поля и цвѣты облетѣвшіе мертвы,
Но золотистыя звѣзды въ небѣ стоятъ и сверкаютъ».
(«Herbstelegie»).

Пускай счастливые венеціанцы разъѣзжаютъ на гондолахъ со своими возлюбленными; одинокій поэтъ на своей гондолѣ бесѣдуетъ съ волнами и звѣздами, со своей любовницей—вселенной («Gondelfahrt»). Поэтъ всегда причастенъ міровой красотѣ; чувство прекраснаго есть чувство симпатическаго единства его личной жизни и жизни міровой! Этотъ поэтическій мистицизмъ Гамерлинга—мистицизмъ XIX вѣка, съ оттѣнкомъ соціальнымъ; весь міръ является обществомъ, среди котораго человѣчество играетъ роль личности. Это мистическое предчувствіе даетъ Гамерлингу минуты величайшаго блаженства, и вызываетъ пѣсни въ родѣ «Ночнаго трепета» (Nächtliche Regung), проникнутыя олимпійскимъ спокойствіемъ, въ родѣ «Горныхъ вершинъ» Гёте:

«Чу! Вздыхаютъ сосны,
Сномъ опьянены.
Словно крылья духовъ,
Ихъ тревожатъ сны.
Это—отголосокъ
Божьихъ сновъ и думъ,
Но самимъ же соснамъ
Непонятенъ шумъ.

«Такъ въ душѣ поэта
Шопоты слышны.
Душу проникаютъ
Шорохи и сны.

Digitized by Google

Знакъ ли то восторговъ,
Знаменье ль тревогъ?—
Для себя лишь внятно
Въ насъ вѣщаетъ Богъ»!

Можетъ ли удовлетворить пессимистическая доктрина поэта, способнаго проникаться такими настроеніями? Очевидно, нѣтъ. Вотъ почему въ «Думахъ и грезахъ» проповѣди оптимистическаго міровоззрѣнія отведено самое широкое мѣсто. Духъ жизни — духъ радости и счастья; поэтъ хотѣлъ бы упиваться имъ. Такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, «Пѣсня жизни» (Lebenslied):

«Хочу я со всѣми волнами
Впивать и тепло, и лазурь,
Съ косматыми вмѣстѣ гребнями
Кружиться подъ музыку бурь!
Хотѣлъ бы я тучей свободной
Гулять беззаботно въ горахъ
И дуба главой благородной
Подъ молніей рушиться въ прахъ!

«О, еслибъ слились на мгновенье
Источники жизни во мнѣ
И сердца слилися стремленья
Въ единомъ священномъ огнѣ,
И въ мигъ напоила бы щедро
Сладчайшая жизни струя
И самъ бы рванулся я въ нѣдра
Желаннаго небытія»!

Небытіе въ такія минуты кажется поэту желаннымъ, такъ какъ является чѣмъ-то относительнымъ. Съ точки зрѣнія міровой красоты, смерть есть примиреніе изначальнаго разлада духа и матеріи, и, слѣдовательно, не должна бы смущать никого. Поэтъ съ восторгомъ завѣщаетъ самого себя всѣмъ стихіямъ:

«Пламени—разумъ,
Душу—эфиру,
Сердце—волнѣ,
Тѣло—землѣ!

«Умъ пусть пылаетъ,
Въ высь возлетаетъ душа,
Сердце съ волною трепещетъ,
Тѣло—лежитъ». («Vermächtniss»).

Очевидно, самъ Гамерлингъ считаетъ жалобы поэтовъ (значитъ и свои собственныя) на жизнь и судьбу—слабостью. «Радость — масло, а горе—уксусъ жизни»,—скажетъ впослѣдствіи поэтъ въ своихъ афоризмахъ. «Кто пламенно любитъ прекрасное, тотъ не можетъ быть пессимистомъ; какъ ни брани міръ, а прекраснаго въ немъ всегда и было, и будетъ съ избыткомъ»! Но и теперь уже, въ «Думахъ и грезахъ» Гамерлингъ провозглашаетъ, что поэтъ, собственно говоря, долженъ быть существомъ вседовольнымъ и всеблаженнымъ, какъ божество:

«Сынъ и наслѣдникъ вѣчности,
Полно подачки просить отъ мгновенья!
Хочешь того ты и этого,
Ты ль не имѣешь всего?
Мы ль не полны безконечности?
Иль не тѣснится къ намъ вездѣсущее?

Digitized by Google

Иль не живемъ мы въ прообразахъ?
Въ чемъ же ты терпишь лишеніе?
Вѣчный порывъ твой къ чему?—
При жизни—въ насъ Богъ,
По смерти—мы въ немъ»!

(«Streckverse»).

Итакъ, Гамерлингъ бываетъ пессимистомъ лишь въ минуты, когда воспѣваетъ стремленье къ своему идеалу, но становится оптимистомъ чистѣйшаго типа, лишь начинаетъ воспѣвать самый идеалъ. Въ послѣднемъ случаѣ пѣсни его пріобрѣтаютъ свѣжесть, силу и непосредственность Пиндара. Таковы, напримѣръ, его «Южные гимны» (Die Hymnen im Süden), съ слѣдующими, между прочимъ, стихами:

«Что же прекраснѣй въ юдоли земной
Что жь величавѣй въ высотахъ небесныхъ
Тебя, красота?
Всюду, всюду ты вѣешь
Крыломъ золотымъ!
Въ блескѣ лазурнаго озера,
На дикой скалѣ,
Въ твореніяхъ генія,
Открывающихъ тайну предвѣчную,
Примиряющихъ прелестью *мѣры*
Проклятье *границъ*,
Утишающихъ дивнымъ предчувствіемъ
Скорбь міровую,
Въ потокѣ мелодіи сладостной,
Подхваченной въ кубокъ волшебный
Звонкаго ритма!

«Сердце мое опьяненное
Золотой опутано сѣтью!
Я—рабъ красоты!
Пророки грядущаго,
Апостолы блага всеобщаго,
Поймите меня,
Бросьте упреки напрасные!
Ваше евангелье
Евангелье есть красоты»!

Вотъ та гамма чувствъ, которая соотвѣтствуетъ объему гамерлинговской мѣры. Поэтъ какъ бы намѣренно избѣгаетъ того, что въ музыкѣ называется среднимъ регистромъ; еслибы эту поэзію какой нибудь симфонистъ переложилъ бы на музыку, получилось бы нѣчто въ родѣ послѣднихъ сонатъ Бетховена, басы и дисканты которыхъ такъ и стремятся врозь, одни въ глубь, другіе — въ высь. Въ отвлеченной лирикѣ «Думъ и грезъ», какъ въ «Венерѣ въ изгнаніи», замѣчается извѣстная неопредѣленность настроенія; неизвѣстно, воспѣваетъ ли Гамерлингъ идеалъ красоты, или только стремленіе къ нему? Эта неясность не есть признакъ юношеской незрѣлости; напротивъ, она выказываетъ сложность душевнаго процесса, свойственнаго тѣмъ натурамъ, которыхъ мы уже пытались охарактеризовать словомъ «предъчева»; Гамерлингу трудно разобраться въ прирожденномъ ему фаустовскомъ разладѣ, онъ не въ состояніи различать, когда въ немъ говоритъ поэтъ XIX вѣка и когда прорицаетъ пророкъ XX столѣтія. Непрерывность этихъ колебаній и составляетъ самую сущность этой отвлеченной, вполнѣ

Digitized by Google

современной, поэзіи. Что въ подобной фаустовской или гамлетовской лирикѣ есть свой элементъ красоты—это само собою разумѣется. «Лирику должно быть позволено быть сегодня оптимистомъ, а завтра пессимистомъ,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ Гамерлингъ. Лирикъ высказываетъ настроенія, а не убѣжденія».

Очевидно, однако, что и поэтъ не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ убѣжденій. Гамерлингъ старается указать читателю, чему тотъ долженъ симпатизировать въ его сборникѣ. Большой эпиграфъ къ «Думамъ и грезамъ» гласитъ: «Сегодняшній ураганъ (вдохновенія)—тотъ самый зефиръ, который вчера игралъ цвѣтами; бурное море вчера мечтательно цѣловало берега; вызовъ, который оно сегодня бросаетъ имъ—это вчерашній вздохъ томленія по идеаламъ прекраснаго». И поэтъ спѣшитъ указать, въ какихъ именно настроеніяхъ его лирики эти идеалы выражены наиболѣе ясно и полно: «Прекраснъ ураганъ и прекрасно бурное море, но цвѣтокъ довѣряетъ свой ароматъ зефиру, а небо свои звѣзды—мечтательно-тихому морю». Другими словами, поэтъ какъ бы заявляетъ: «Ищите мою индивидуальность не въ пессимистическихъ или оптимистическихъ возгласахъ, но въ спокойныхъ стихахъ, выражающихъ обыденныя и мирныя настроенія». Обратимся къ эротической лирикѣ Гамерлинга.

«Мыслящая лирика—не настоящая,—гласитъ одинъ изъ афоризмовъ Гамерлинга:—настоящая производитъ лишь цвѣты, а не плоды». Однако, именно въ «мыслящей» лирикѣ Гамерлингъ является оригинальнымъ и сильнымъ поэтомъ; обыкновенная, эротическая лирика у него не оригинальна и незначительна даже въ количественномъ отношеніи. Нѣсколько стихотвореній на манеръ Гейне и Ленау, на избитую нѣмецкими поэтами тему отреченія отъ счастья и покорности судьбѣ, не прибавляютъ ничего къ славѣ поэта. Гамерлингъ ошибался, думая, что море его вдохновенія прекрасно именно въ часѣ покоя: оно недостаточно прозрачно для этого.—Зато во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его эротика отражаетъ въ себѣ то трепетаніе двойственности, которое составляетъ лирическую индивидуальность Гамерлинга—стихотворенія его становятся новы и могучи. Въ любви онъ ищетъ примиренія своего исконнаго разлада (эта мысль проскальзывала еще въ «Венерѣ въ изгнаніи»). Любовь выше этого разлада: дикъ ужасъ смерти, могучи стремленія къ жизни, но сильнѣе и смерти, и жизни—любовь! («Macht der Minne»). Любовь должна осуществить стремленіе поэта къ полнотѣ и цѣльности существованія: когда поэтъ покоится сердцемъ къ сердцу съ возлюбленной, то весь кругъ жизни заключенъ! («Um Mitternacht»). Но такъ какъ однимъ изъ свойствъ поэтической индивидуальности Гамерлинга является лишь совмѣщеніе, а не примиреніе противорѣчій, то ясно, что любовь не можетъ дать ему ожидаемаго блаженства,—отсюда преобладающій, грустный и задушевный, грудной и глубокій тонъ его эротической лирики. Поэтъ цѣнитъ въ любви мгновенную полноту бытія, которой такъ жаждетъ, но никогда не забываетъ о временномъ характерѣ этого блаженства. Является, такимъ образомъ, поэтическая нѣжнѣйшая жалоба на судьбу: умереть бы одновременно съ подругою въ мигъ самозабве-

Digitized by Google

нія, какъ умираютъ въ чашечкѣ цвѣтка два мотылька, подхваченные ураганомъ («Romance aus Neapel»); стать бы тѣмъ воздухомъ, которымъ дышетъ возлюбленная, слиться на мигъ съ ея жизнью и съ трепетомъ умереть на ея устахъ («Ich neide nicht»).—Въ своей эротикѣ Гамерлингъ является поэтомъ не столько любви, сколько стремленія къ ней, какъ вообще въ своей лирикѣ является поэтомъ не столько идеала, сколько—стремленія къ нему. Оттѣнокъ страданія усугубляетъ его нѣжность.

Это тотъ самый оттѣнокъ, который такъ плѣняетъ насъ въ стихотвореніяхъ Гейне и Мюссэ, въ музыкальныхъ жалобахъ Шопена и т. д.—который вообще свойственъ искусству XIX вѣка. «Искусство—родъ нѣжности» (L'art c'est de la tendresse), провозгласилъ современный философъ-поэтъ Гюйо, а Сюлли Прюдомъ пояснилъ, что въ этой нѣжности «трепещутъ всѣ страданія человѣка» (On a dans l'âme une tendresse où tremblent toutes les douleurs). Гамерлингъ нѣженъ, потому что несчастенъ; онъ несчастенъ—и цѣнитъ въ любви преимущественно элементъ страданія. Повѣствуя о строгости неприступной красавицы («Seliges Leid»), поэтъ восклицаетъ:

«И всѣмъ доволенъ я, корыстной чуждъ мечты!
Иныя женщины теплѣй меня встрѣчали,
Раскрывъ свои сердца, какъ чашечки—цвѣты,
Но не дарили мнѣ столь сладостной печали»!

Эфемерность, непрочность отношеній, въ блаженство которыхъ поэтъ не въ состояніи вѣрить, усугубляетъ силу и искренность мимолетнаго впечатлѣнія; ласковость поэта принимаетъ характеръ истерической нѣжности больнаго ребенка; таково, напримѣръ, стихотвореніе «Мгновенье» (Ein Moment):

«Единое счастья мгновенье,
Минута, постой, погоди!—
Лицомъ я приникъ своимъ жаркимъ
Къ твоей неспокойной груди.

«Та грудь теплотою блаженной
Пусть вѣетъ чрезъ тонкую ткань!
Голубка! Я слышу упреки?
Стыдливости дѣвичьей дань?

«О, дай на груди мнѣ забыться!
Иль страшенъ тебѣ ея пылъ?—
Иль хочешь, чтобъ другъ твой несчастный
Слезами ее охладилъ»?

Въ рѣдкія, исключительныя минуты любовь даетъ Гамерлингу то, чего онъ отъ нея добивается—жизнерадостность на почвѣ мудрости, красоту въ древне-эллинскомъ или гётевскомъ смыслѣ. Результатами такихъ минутъ являются поэтическія произведенія, достойныя «Римскихъ элегій» *великаго язычника*, — диѳирамбы въ родѣ слѣдующаго:

Бриндизи.

Пѣнный бокалъ предъ тобою, любви опьяняющей спутникъ.
Этой жемчужной струи огненный духъ залетѣлъ
Къ намъ, подруга,—къ счастливцамъ, въ часъ золотой упоенья!
Пламеннымъ силамъ привѣтъ! Силамъ бродящимъ просторъ!
Видишь, какъ искрится пѣна, изъ нѣдръ подымаясь бокала,
Какъ, одухотворённа, съ радостью прядаетъ вверхъ?

Digitized by Google

Пѣна—стихія духовная, духъ первобытный; онъ бродитъ—
Ибо тѣсенъ ему грубый предѣлъ вещества.
Онъ изъ оковъ тяготѣнья стремится, изъ полночи жизни
Въ свѣтъ, въ тотъ родникъ бытія!—Видишь ли тѣ пузырьки?
Видишь, какъ эта матерія духъ развиваетъ свободный?
Дивный порывъ къ божеству!—Что жь, ты меня поняла?—
Встань, погляди-ка въ окно, какъ море навстрѣчу сіянью
Лунному, пѣнясь, встаетъ! Все бы оно разошлось
Въ жемчугахъ пѣны, умчалось бы ввысь и слилося
Съ блескомъ спокойныхъ свѣтилъ. Видишь, голубка моя?
Такъ-то вотъ пѣнятся духи бокала и такъ-то стремятся
Слиться съ нашей душей!.. Какъ! Ты смѣешься?—Прости!
Если уму непонятенъ, то все же понятенъ очамъ я,
Жгучимъ понятенъ устамъ. Пылкій ребенокъ, цѣлуй!
Вижу я духовъ бокала и въ губкахъ твоихъ, да и въ глазкахъ,
Освобожденья они жаждутъ, мой другъ, отъ тебя!
Въ мигъ, какъ меня ты цѣлуешь, съ восторгомъ бросаются духи
Въ душу мою, и опять, со вздохомъ влюбленнымъ моимъ,
Новымъ огнемъ окрыленные, въ высь эти духи взлетаютъ.
Мы и за кубкомъ съ тобой заняты дѣломъ святымъ!

Однако, тутъ-то и можетъ представиться вопросъ: если содержаніе гамерлинговской лирики—отвлеченное, то прочувствована ли она? по просту: хороша ли она?

На это намъ даетъ отвѣтъ самъ поэтъ, въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ: «Говорятъ о стихотвореніяхъ и пѣсняхъ, которыя «прочувствованы», «идутъ отъ сердца къ сердцу», и о другихъ, которыя «продуманы» и непосредственнаго впечатлѣнія не вызываютъ. Этотъ, весьма распространенный, взглядъ весьма сомнителенъ. Если стихотвореніе производитъ впечатлѣніе прочувствованнаго, идущаго къ сердцу, то причина того—не глубина личнаго чувства поэта, а сила его лирическаго таланта, прирожденный ему даръ пѣть и говорить. Бываютъ поэты, которые, при величайшемъ и живѣйшемъ напряженіи чувства, не въ состояніи растрогать, огонь которыхъ точно застываетъ у нихъ на устахъ; мнѣ случалось, наоборотъ, встрѣчаться съ людьми сухими, прозаическими по своей натурѣ, которые писали очень теплыя стихотворенія».

III.

Новый сборникъ стихотвореній Гамерлинга вышелъ въ 1861 г., подъ заглавіемъ: «Лебединая пѣсня романтики» (Ein Schwanenlied der Romantik).

«Она дополняла «Венеру въ изгнаніи» тѣмъ, что маштабъ выраженныхъ и чествуемыхъ въ послѣдней поэмѣ идеаловъ прилагала къ нашему времени», говоритъ автобіографъ. Но «Лебединая пѣсня романтики» стоитъ въ тѣсной связи также съ «Думами и грезами».—Если поэтъ создаетъ извѣстный эстетическій идеалъ и находитъ, что современность этому идеалу не соотвѣтствуетъ, то его лирическое настроеніе легко обращается въ сатирическое, протестующее, отчасти даже революціонное: лукъ Аполлона можетъ не только звенѣть, но и убивать. Въ «Думахъ и грезахъ» встрѣчается одно чисто-сатирическое стихотвореніе: «Городъ мертвецовъ» (Eine Todtenstadt); въ этомъ городѣ, находящемся на днѣ океана, нѣтъ ни наукъ, ни искусствъ—есть только ремесла; жизнь безцвѣтна и суха,

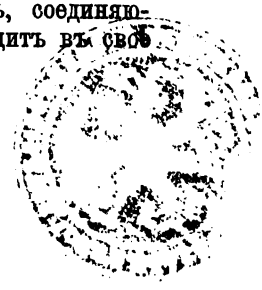
Digitized by Google

«какъ вѣнокъ, увядшій на гробѣ поэзіи», а мѣсто божества замѣняетъ глиняный, пустой внутри, но позолоченный снаружи идолъ.— Куда же скрыться поэту отъ удручающей безсмыслицы и пустоты существованія, когда Венера находится въ изгнаніи, а въ храмѣ нѣтъ божества?—Для поэта «Думъ и грезъ» исходъ ясенъ. Когда «демоны» начинаютъ шептать поэту слова искушенія и отчаянія, увѣряя, что современность безплодна на новыхъ боговъ:

«Не ново-рожденное
Прядаетъ вверхъ,
Но ветхо-отжившее
Падаетъ внизъ»,—

тогда поэтъ скрывается на завѣтный золотой мостъ, соединяющій міръ дѣйствительности съ міромъ идеала, уходитъ въ свое сердце:

«Такъ демоны шепчутъ.
Красоты же служитель
Въ полъ-уха лишь слушаетъ,
Тихо смѣется,
И уходитъ въ себя,
Въ святилище сердца,
Гдѣ въ потокахъ мечтанья
Вѣчныя звѣзды блестятъ».



(«Южные гимны»—«Hymnen im Süden»).—Если сообразить, что для людей XIX вѣка, живущаго преимущественно внѣшнею, общественною, а не личною, внутреннею жизнью, этотъ планъ исхода долженъ показаться страннымъ, изысканно-поэтическимъ, романтическимъ—наконецъ, устарѣлымъ,—то понятенъ этотъ, какъ бы извиняющійся, тонъ заглавія: «Лебединая пѣсня романтики». Эта пѣсня состоитъ изъ шестидесяти отдѣльныхъ стихотвореній, написанныхъ такъ называемыми «нибелунговыми» строфами [1]) и совершенно естественно можетъ быть расчленена на двѣ части: сатирическую и чисто-лирическую.

Канва произведенія слѣдующая. Сквозь историческіе обломки Венеціи поэту виднѣется роскошный расцвѣтъ ея прошлаго искусства—какъ сквозитъ голубое небо въ просвѣтъ суровой руины; лирическая поэма изображаетъ грезы уединеннаго мечтателя, который скользитъ на гондолѣ между острововъ, окружающихъ своимъ зеленымъ поясомъ морскую красавицу. Эти грезы, прежде всего, унылы и безрадостны. Современная цивилизація, осуществляющая лишь одинъ идеалъ—полезнаго,—представляется поэту бездушною и безпомощною въ своей громадѣ машиною:

[1]) Музыка четырехстишной «нибелунговой» строфы заключается въ такъ называемой цезурѣ, т. е. пріостановкѣ голоса посреди каждаго стиха; для облегченія задачи чтеца, разбили каждый куплетъ на восьмистишіе. Напомнимъ, что повышать голосъ слѣдуетъ на стихахъ *безъ* риѳмъ—только въ такомъ случаѣ заключительный, четырехстопный стихъ (необходимое условіе «нибелунгова» размѣра) будетъ звучать красиво и мелодично. При небрежномъ, отрывистомъ чтеніи, внушительная и важная «нибелунгова» строфа можетъ показаться только неуклюжей.

Digitized by Google

«Большой корабль я видѣлъ.
Темнѣли, словно лѣсъ,
Безчисленныя мачты,
Вздымаясь до небесъ.
Его еще мы строимъ,
Кончаемъ трудъ отцовъ—
Лишь только надъ водою
Забрезжитъ свѣтъ изъ облаковъ.

Какъ взглянешь—отъ восторга
Чуть не сойдешь съ ума.
Блистаетъ позолотой
Надменная корма.
Летятъ высоко къ небу
Цвѣтные вымпела,
А якорная лапа
До преисподней загребла.

Звѣздой блестятъ колеса
У судна по бокамъ,
И плещутъ, крутятся
По пѣнистымъ волнамъ.
Куда ни взглянешь—всюду
Порядокъ и краса,
И тучи громовыя
Труба пускаетъ въ небеса.

Но отчего жь лѣниво
Ползетъ могучій китъ?—
Пока къ высокой цѣли
То судно въ даль спѣшитъ,
Пока вздымаетъ гордо
Корму свою и носъ,
Потокъ подъ нимъ мельчаетъ—
И, глядь,—песокъ его занесъ»!

Отчего же подъ кораблемъ временно изсякаетъ «потокъ живой воды»?—Оттого, что источники жизни изсякли, испарились родники чувства и—прежде всего—чувства эстетическаго?—Всеразъѣдающій анализъ выѣлъ душу искусства, разрушилъ единство идеи и формы; красота стала ненавистна безобразію, какъ нравственный подвигъ мозолитъ глаза пороку,—поэтому Венеру разбили на куски, какъ статую, и стали восхищаться лишь обломками:

«О, гдѣ поэзіи чары?
О, гдѣ поэзіи сны?
Отскакиваютъ пѣсни
Отъ насъ, какъ отъ стѣны!
И легкокрылыхъ ритмовъ
Намъ непонятенъ звонъ,
А прежде посвященнымъ,
Какъ музыка, былъ сладокъ онъ!

Божественная «форма»,
Умнѣйшее изъ словъ,
Теперь обогатило
Словарь—увы!—основъ.
При нуждѣ то словечко
Сражаетъ наповалъ.
Не разъ, хваля за форму,
Поэта критикъ убивалъ!

Digitized by Google

Пусть за спиной поэта
Колчанъ стиховъ звенитъ.
Толпа «презрѣннымъ шумомъ»
Ту музыку бранитъ.
Въ обузданные формой
Кипучіе стихи
Не вѣритъ чернь глухая,
И для нея—бездушенъ ты!

За что жь, о, дикій варваръ,
Ты гонишь красоту?
Иль чуткому поэту
Душить его мечту
И заживо томиться
На собственномъ огнѣ?
Или крыло созвучья
Грозитъ вамъ чѣмъ-то въ вышинѣ?

Слыхали ль вы сказанье
Пиндара о пѣвцахъ?—
Когда орелъ Зевеса
На трона ступеняхъ
Услышитъ лиру Феба,—
Онъ напрягаетъ слухъ,
И въ трепетѣ священномъ
Вздымаетъ онъ на шеѣ пухъ.

Но ту же пѣснь не можетъ
Терпѣть ночной Аидъ,
Во вѣкъ не забывавшій
Зевесовыхъ обидъ.
Подъемлется во мракѣ
И крикъ, и суетня,
Какъ будто совъ заснувшихъ
Встревожило сіянье дня»!

Здѣсь мы встрѣчаемъ одну изъ завѣтнѣйшихъ мыслей Гамерлинга: красота для недостаточно развитыхъ умовъ не безразлична, но мучительна,—въ этомъ новая аналогія между идеаломъ нравственнымъ и эстетическимъ; современный «варваръ» также дико, безъ резоновъ, ненавидитъ прекрасное, какъ Яго ненавидитъ честнаго Отелло. Эта мысль настраиваетъ Гамерлинга на пессимистическій ладъ. Идеалы прекраснаго могутъ и не восторжествовать; тогда землѣ станетъ грозить мерзость запустѣнія, участь «города мертвецовъ». Поэту чудится страшный призракъ (буржуазіи?) съ улыбкой всеотрицанья и глумленья, который дерзко вызываетъ на бой боговъ красоты:

«При видѣ той улыбки,
Стряхнетъ мечтатель сонъ.
Цвѣтовъ роскошныхъ грезы
Стыдиться будетъ онъ.
Пѣвецъ, считавшій пѣсни
За подвиги добра,
Съ презрѣньемъ кинетъ міру:
Вѣдь риѳмы—дѣтская игра!

* *
*

Свой мечъ въ ножны засунетъ
Безтрепетный герой.
Всегда всѣ лавры горьки,

Digitized by Google

А жизнь сладка порой!
Любовь простится съ грезой,
Осиротѣетъ міръ
И съ алтаря надежды
Блаженства свалится кумиръ».

Вслѣдъ за смертью искусства и эстетики, должна послѣдовать смерть нравственности и этики: «наглость станетъ насмѣшливо глядѣть въ лицо добродѣтели, пока послѣдняя не покраснѣетъ со стыда». Затѣмъ настанетъ чередъ и смерти физической:

«Итакъ, навѣкъ несчастна,
Прекрасному чужда,
Земля блуждаетъ робко,
Угасшая звѣзда.
Она полна смятенья,
Отчаянья и зла:
Отъ груди материнской
Ее природа отняла.

* *
*

«Какъ воронъ или коршунъ
Средь духоты степной
Надъ лужею летаетъ,
Когда терзаетъ зной,
Такъ точно надъ болотомъ,
Любви родникъ презрѣвъ,
Закружится напрасно
На черныхъ крыльяхъ адскій гнѣвъ.

* *
*

«Какъ тучки грозовыя
Скопляются въ горахъ,
И всюду—ожиданье
И всюду тишь и страхъ,—
Такъ точно предъ кончиной,
Дыханье затая,
Земля повиснетъ въ страхѣ
Надъ бездною небытія».

Какимъ же образомъ поэтъ можетъ удержаться отъ проповѣди полнѣйшаго отчаянія, если его разумъ не провидитъ въ грядущемъ ничего, кромѣ страданія и безтолочи? Откуда появляется надежда?— Поэтъ не въ состояніи отвѣтить на это, какъ не могъ отвѣтить и герой «Венеры въ изгнаніи». При отсутствіи того связующаго элемента между природой и личностью, который мы назвали человѣчествомъ, понятно, что этотъ процессъ долженъ казаться таинственнымъ, романтическимъ,—иначе не оправдалось бы самое заглавіе произведенія. Итакъ, изъ безвыходнаго положенія—поэта выводитъ чудо:

«Хоть призраки полнòчи
Проносятся вокругъ,
Но ужь мечты восхода
Слетаются въ ихъ кругъ.
Лишь чуетъ связь видѣній,
Но не пойметъ поэтъ.
Въ душѣ играютъ тѣни,
Какъ съ мракомъ борется разсвѣтъ.

* *
*

«Въ очахъ, отъ скорби темныхъ,
Заискрилась слеза.
Какъ милъ, желаненъ мѣсяцъ,

Digitized by Google

Когда гремитъ гроза,—
Такъ и мила надежда
Во тьмѣ полночныхъ сновъ!
И этотъ рай мечтанья
Всегда прекраснъ, вѣчно новъ!»

Этотъ рай мечтанья, по Гамерлингу, можетъ быть только внутреннимъ, личнымъ. Поэтъ, разочарованный несоотвѣтствіемъ между внѣшнимъ блескомъ современной цивилизаціи и убогостью внутренняго ея содержанія, не ищетъ этого рая во внѣ, какъ соціальные поэты-утописты въ родѣ Фурье и Беллами. Проникнутый пушкинскимъ настроеніемъ: «Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ», романтическій поэтъ индивидуализма провозглашаетъ, что изсохшій источникъ жизненнаго блаженства и эстетическаго идеала современный человѣкъ можетъ найти только въ нѣдрахъ собственнаго своего «я». Гамерлингъ обращается къ своимъ современникамъ съ возгласомъ:

«Уму воспойте славу!
Я—сердце воспою,
Таящее и въ скорби
Стремленье къ бытію!
Паритъ оно въ лазури
Вдали отъ всѣхъ тревогъ.
Міръ отраженъ въ разсудкѣ,
Но въ сердцѣ отраженъ самъ Богъ!»

«Вы славите трезвость во всемъ и всегда?» вопрошаетъ поэтъ. «Въ такомъ случаѣ предоставьте мнѣ славить опьяненье»:

«Я славлю опьяненье
Вездѣ: и въ угрозахъ крови,
И въ пѣньѣ соловьиномъ,
И въ трепетѣ любви!»

Это то самое философское вдохновенье, достойное Платона и напоминающее «интеллектуальную любовь» Спинозы, которое растворяетъ и небо, и землю въ винѣ любви, какъ жемчугъ Клеопатры (Гамерлингъ повторяетъ сравненіе, уже однажды, въ «Венерѣ въ изгнаніи», имъ высказанное).—Но въ этомъ вдохновеніи есть и элементъ спокойнаго, пассивнаго созерцанія, своего рода буддизмъ—отголоски того міровоззрѣнія, которое проповѣдывали старые романтики, съ легкой руки Гёте, воспѣвшаго въ своемъ «Западно-восточномъ диванѣ» новыхъ боговъ и новую религію. Ночь мечтанія, которую воспѣваетъ Гамерлингъ стихами, достойными «пѣвца ночи», Новалиса, носитъ до извѣстной степени характеръ индійской нирваны. Вотъ эта, столь важная для характеристики поэта, 42-я пѣсня, цѣликомъ:

«Хвалите лучъ денницы!
Хвалить я буду ночь,
Когда фіалка страсти
Не въ силахъ превозмочь,
И выплываютъ звѣзды
Изъ синей вышины,
И выныряютъ нимфы
Изъ непонятной глубины.

* *
*

Чернѣетъ день угрюмо
Въ моемъ календарѣ,

Digitized by Google

А ночь пурпурной краской
Сіяетъ, какъ въ зарѣ.
Колёса жизни въ прахѣ
Катятся день деньской,
Лишь ночь ихъ умащаетъ
Своей божественной рукой.

* *
*

Всегда пора любви ты,
О ночь: влечетъ ли взоръ
Къ источникамъ поэзіи,
Въ звѣздистый свой просторъ,
Пріемлешь ли влюбленныхъ
Подъ ласковую тѣнь,
Когда цвѣтами сыплетъ
Благоуханная сирень.

* *
*

Въ тебѣ лишь примиренье;
И небо, и земля
Мѣняются привѣтомъ,
Взаимность раздѣля,
И съ вѣтромъ въ высь несется
Страстей земныхъ порывъ,
Роса же благодатью
Спадаетъ съ неба въ лоно нивъ.

* *
*

Толпа дѣтей заботы
Дерется цѣлый день
За пиръ обильный жизни,
Но только ночи въ сѣнь
Они войдутъ—и разомъ
Младенцами опять
Становятся и любо
Въ объятіяхъ любви имъ спать!

* *
*

Какъ пара бойкихъ пташекъ
На жердочкѣ одной
Весь день другъ съ другомъ вздоритъ
И лишь порой ночной,
Опьянены дремотой,
Усядутся рядкомъ
И тихо засыпаютъ,
Прижавшись дружески бочкомъ,

* *
*

Такъ точно засыпаютъ,
Забывъ дневной раздоръ,
Всѣ жизненныя силы.
Въ тиши смолкаетъ споръ,
На время примирится
Съ идеей—вещество,
И съ жизнію—мечтанье,
И съ человѣкомъ—божество!»

Гамерлингъ принадлежитъ націи, породившей Шопенгауэра и философію: «міръ, какъ представленіе»; склонность вѣрить въ абсолютную реальность только мысли, внутренняго міра, свойственна и этому нѣмецкому писателю. Но Гамерлингъ—поэтъ, т. е. человѣкъ, одаренный очень чуткими и острыми чувствами, которыя не позволяютъ успокоиваться навсегда на идеалистической философіи; какъ поэтъ, онъ не можетъ не вернуться къ міру, впечатлѣнія

Digitized by Google

котораго воспринимаетъ съ непосредственностью ребенка, съ тонкостью женщины и разсудительностью мудреца.—Не удивительно, что «Лебединая пѣсня романтики» кончается не гимномъ своему «я», на манеръ французскихъ декадентовъ-«эгоистовъ», но нѣжнымъ и трогательнымъ гимномъ родинѣ поэта, которая, по его мнѣнію, должна воплотить его мечты о гармоническомъ, эстетическомъ идеалѣ человѣка. Поэтъ приблизился на время къ тому человѣчеству, отсутствіе котораго сквозило пробѣломъ въ его міровоззрѣніи—и кончаетъ свою поэму съ простотой и спокойствіемъ человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что все же онъ говоритъ дѣло:

Кого нибудь да тронутъ
Въ житейской суетѣ
И сладостные ритмы,
И гимны красотѣ.
Быть можетъ, въ нихъ почуютъ
Біеніе крови,
Услышатъ въ сердцѣ трепетъ
Борьбы, надежды и любви!»

IV.

Въ 1863 г. увидѣла свѣтъ канцона Гамерлинга: «Походъ германцевъ» (Germanenzug, Canzone).

Тенденція «Лебединой пѣсни романтики» была та, что современная цивилизація не въ состояніи удовлетворить эстетическимъ потребностямъ современнаго человѣка. При этомъ поэтъ указалъ на націю, которая, по его мнѣнію, какъ «сердце Европы», должна сыграть роль того сердца, въ которомъ можетъ быть достигнуто примиреніе исконнаго фаустовскаго разлада. При дальнѣйшемъ развитіи этой идеи, Гамерлингъ пожелалъ воспѣть свою родину, какъ сердце не только Европы, но и человѣчества.

«Походъ германцевъ» повѣствуетъ о шествіи германской вѣтви арійскаго племени изъ колыбели народовъ, Азіи, подъ предводительствомъ легендарнаго вождя Тевта. Это шествіе—лишь канва для лирическихъ разсужденій самого поэта. Азія, праматерь человѣчества, является въ видѣ призрака одному изъ своихъ сыновъ, Тевту, и предрекаетъ ему дальнѣйшую судьбу его народа. Этотъ національный сюжетъ обработанъ не германскими нибелунговыми четверостишіями, но звучными и мастерски дѣланными строфами итальянской канцоны (плодъ занятій Гамерлинга итальянской литературой [1]).

[1]) Правила канцоны (Canzona значитъ буквально «пѣсня») выработаны Дантомъ и Петраркою. Число стиховъ неопредѣленное, но обыкновенно болѣе десяти. Строфа распадается на двѣ части, называемыя «ногами» и «хвостомъ». «Ноги» состоятъ изъ двухъ одинаково построенныхъ куплетовъ, связанныхъ и переплетенныхъ риемами. Первый стихъ «хвоста» долженъ риемовать съ послѣднимъ стихомъ «ногъ». Кромѣ того, полагается еще «заключеніе». Гармоническое сочетаніе этихъ трехъ частей предоставляется вкусу поэта, но, очевидно, идея канцоны—дать форму для логической тезы, антитезы и синтеза, двухъ посылокъ и заключенія изъ нихъ. Гамерлингъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ, что для формы канцоны наиболѣе плодотворны темы, допускающія развитіе описанія на-

Digitized by Google

Вотъ что говоритъ Азія Тевту:

«Ты больше всѣхъ сыновъ моихъ мечтателенъ,
Но всѣхъ смѣлѣй въ своемъ порывѣ страстномъ.
Ты на борьбу готовъ весь вызвать міръ,—
И вмѣстѣ кротокъ, къ ближнимъ сострадателенъ.
Ты всѣхъ грубѣй, но грезишь о прекрасномъ,
О взорахъ женъ и сладкихъ звукахъ лиръ.
Лишь въ облака, въ эфиръ
Стремишься ты и въ области надзвѣздныя,
Но любишь жизнь съ ея земнымъ трудомъ.
Несешь въ пустыню плуги ты желѣзные
И въ дикій лѣсъ идешь ты съ топоромъ.
Къ вѣнцамъ и власти рвешься безъ разсудка—
И все жь душой невиненъ, какъ малютка».—

Поэтъ, однако, и въ этой поэмѣ не желаетъ ограничиться воспѣваніемъ «блаженной теплоты сердца, наслѣдія старинной азіатской родины». Ему больно то, что современность представляетъ слишкомъ мало почвы для переустройства цивилизаціи на указываемыхъ имъ новыхъ началахъ. Въ лирикѣ, такимъ образомъ, мало по малу пробуждается сатирикъ, а въ человѣкѣ—австріецъ, мечтающій о реальномъ, національномъ единеніи Австріи съ Германіей (Гамерлингъ предчувствовалъ столкновеніе въ 1866 г. двухъ державъ по вопросу о гегемоніи въ будущей политически-объединенной Германіи). Азія, восхвалявшая народъ Тевта, вмѣстѣ съ тѣмъ и негодуетъ на него; она прорицаетъ вождю юнаго племени:

«Лишь твой народъ сыновъ родитъ коварнѣйшихъ,
Въ душѣ которыхъ счастіе отчизны
Не гордость возбуждаетъ—только стыдъ,
И подвиговъ величье лучезарнѣйшихъ
Насмѣшку вызываетъ укоризны,
Становится источникомъ обидъ.
Въ твоемъ народѣ спитъ
Презрѣніе и злоба къ угнетенію
И спитъ стремленье въ дружный кругъ одинъ.
Природному, святому тяготѣнію
Не слѣдуетъ безчувственный твой сынъ,
И если мать зоветъ его родная,—
Онъ пятится, ея не узнавая!»

Поэтъ проповѣдуетъ, что только въ томъ случаѣ германскій народъ достигнетъ эстетическаго идеала, быть выразителемъ котораго предназначила его природа и судьба, если онъ разовьетъ въ себѣ инстинкты соціальнаго единенія, равенства и братства, если добьется примиренія внутренняго, терзающаго его, разлада. «Борись съ этимъ разладомъ!»—взываетъ Азія къ Тевту:

«Да, и борись! Хотя и будетъ тягостна
Твоя борьба, полночи споръ съ разсвѣтомъ,
Но надъ тобой—счастливая звѣзда.
Грядущее твое прекрасно, благостно!
Распустится оно роскошнымъ цвѣтомъ.

равнѣ съ разсужденіемъ и возбуждающія фантазію и сердце читателя одновременно. У насъ на Руси, къ сожалѣнію, все еще распространенъ взглядъ на сложныя формы искусства, какъ на нѣчто независимое отъ идей, отъ содержанія искусства. Форма есть продуктъ идеи, а не наоборотъ, и слѣдовательно—нѣчто закономѣрное, а не случайное.

Digitized by Google

Прекраснаго приходитъ череда,
Но медленно всегда.
И какъ природа-мать не съ торопливостью
Вынашиваетъ въ чревѣ свой алмазъ,
Покуда онъ, съ молніеносной живостью,
Не заблеститъ усладою для глазъ,—
Такъ медленно вынашиваетъ время
Грядущее излюбленное племя!»—

Тевтъ Гамерлинга, послѣ бесѣды своей съ Азіей, приноситъ жертву богу дѣятельной силы, безформенному Одину (Dem bilderlosen Gotte, dem Gott Thatkraft). Эта національная, на первый взглядъ, канцона Гамерлинга также подобна жертвѣ безформенному богу—вѣчно дѣятельному человѣчеству въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ лицѣ каждой отдѣльной народности. Въ этой ширинѣ настроенія и состоитъ, главнѣйшимъ образомъ, эстетическое достоинство канцоны.

V.

«Походомъ германцевъ» заключился тотъ періодъ дѣятельности Гамерлинга, который былъ посвященъ исключительно лирикѣ. Со времени изданія въ 1865 г. поэмы «Агасферъ въ Римѣ», Гамерлингъ рѣшительно перешелъ на поприще эпоса. Тѣмъ не менѣе, онъ до конца жизни не бросалъ занятій лирикой, хотя и переставалъ смотрѣть на нее, какъ на свое поэтическое призваніе. Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ «Агасфера», въ началѣ 1866 г. Гамерлингъ выпустилъ переводъ стихотвореній Леопарди (Leopardi's Gedichte).

Выборъ Гамерлингомъ для перевода именно этого пессимистическаго лирика въ высшей степени знаменателенъ. Параллель между обоими писателями можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на Гамерлинга, какъ лирика.

Съ величайшимъ, послѣ Петрарки, лирикомъ Италіи, «воспѣвавшимъ адъ мелодіями рая», Гамерлингъ представляетъ нѣкоторыя черты сходства. Міровая скорбь въ той формѣ холоднаго отчаянія, въ какой проявилась она въ произведеніяхъ романскаго поэта, отразилась въ нѣсколько болѣе смягченномъ видѣ въ расплывчатомъ и благодушномъ по самой природѣ темпераментѣ поэта германскаго. Въ лирикѣ обоихъ сквозитъ одна широкая, отвлеченная печаль—разница въ силѣ. Печаль Леопарди коренится въ основахъ его міровоззрѣнія, въ убѣжденіи, что въ существѣ вещей лежитъ страданіе—недаромъ Шопенгауэръ увѣрялъ, что никто изъ поэтовъ не исчерпалъ въ такой мѣрѣ тему о ничтожествѣ жизни, какъ Леопарди. Между тѣмъ, печаль Гамерлинга не стоитъ въ логической связи съ его міровоззрѣніемъ; она поэтому носитъ характеръ инстинкта, слѣдовательно, неопредѣленности. Если въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ Гамерлингъ высказываетъ, что только смерть придаетъ жизни серьезный характеръ, то Леопарди въ стихотвореніи «Вѣчная мысль» высказывается еще опредѣленнѣе: что лишь смерть даетъ жизни — жизнь. Какъ пессимистъ, Леопарди представляетъ типъ болѣе цѣльный. «Печаль безъ гнѣва безплодна», по его словамъ — и, при рожденіи въ душѣ всякаго новаго счастливаго чувства, онъ восклицаетъ со страстностью итальянца:

Digitized by Google

«Печали сладостный кумиръ,
Ужель разбитъ онъ, грустный?—
О, какъ сіяетъ этотъ міръ,
Какъ онъ сіяетъ, гнусный»! («Возрожденіе»).

Гамерлингъ, какъ мы видѣли по «Лебединой пѣсни романтики», въ такихъ случаяхъ лишь вздыхаетъ, но не проклинаетъ. Леопарди—ветхозавѣтный пророкъ, Гамерлингъ—новозавѣтный предтеча; вотъ въ чемъ и сходство ихъ, и различіе.

Въ одномъ отношеніи лирика Леопарди вполнѣ гармонируетъ съ лирикой Гамерлинга: въ отрицаніи тенденцій времени и среды. Вѣчный припѣвъ Гамерлинга—это утрата современностью внутренняго сердечнаго равновѣсія; вѣчная тема Леопарди—презрѣніе къ окружающей поэта пошлости. Оба лирика одинаково тяготѣютъ къ сатирѣ; вспомнимъ эти стихи Леопарди:

„Я осужденъ въ мѣстечкѣ этомъ грубомъ
Всю юность проводить среди народа
Простѣйшаго, которому такъ чуждо,
Порою такъ смѣшно образованье,
Которому я ненавистенъ сталъ
Не изъ-за зависти (увѣренъ онъ,
Что выше онъ меня),—изъ подозрѣнья,
Что внутренно себя я ставлю выше,
Какъ ни стараюсь это я скрывать".

Отъ своей среды оба поэта умозаключаютъ къ природѣ. Въ «Лебединой пѣсни романтики» изображенъ ужасъ, при видѣ природы, обратившейся въ механизмъ; въ «Послѣдней пѣсни Сади», Леопарди, такой же ужасъ вызываетъ въ душѣ отчаявшагося смертнаго природа, постепенно обращающаяся въ трупъ. Оба лирика спасаются отъ своего разлада въ сферу мистики. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Леопарди дѣлаетъ поэтическое обращеніе къ иллюзіямъ своей молодости, долженствующимъ преодолѣть его любовь къ смерти,—это почти то же, что̀ обращеніе Гамерлинга къ природнымъ силамъ сердца (Gemüth), къ «святой волѣ къ жизни».

Въ міровоззрѣніи обоихъ поэтовъ мы замѣчаемъ, такимъ образомъ, извѣстный скачокъ. Мы уже указали на то, что между поэтической личностью Гамерлинга и природою нѣтъ связующаго звена — человѣчества. Этого звена нѣтъ и въ міровоззрѣніи Леопарди, который, въ стихотвореніи «Дрокъ, или цвѣтъ пустыни», возглашаетъ:

«Не благороднымъ мужемъ,
О нѣтъ—глупцомъ считаю я того,
Который родился для смерти,
Въ страданіи воспитанъ,—а кричитъ:
«Для радости рожденъ я»!—и бумагу
Безбожно пачкаетъ, вѣщая міру
Новѣйшее евангелье, и царство
Небесное народамъ прорицаетъ—
Народамъ тѣмъ, которыхъ натискъ моря
Иль ядовитой бури дуновенье,
Или обвалъ подземный
Уничтожаетъ такъ, что исчезаетъ
О нихъ и память"!

Сходна и эротическая лирика обоихъ поэтовъ, людей нѣсколько отвлеченныхъ, и—прибавимъ—при жизни вѣчно болѣвшихъ. Любовь

Digitized by Google

доступна обоимъ лишь въ ея наиболѣе утонченныхъ проявленіяхъ. Пѣснямъ отреченія, которыхъ такъ много въ «Думахъ и грезахъ», соотвѣтствуютъ тѣ стихотворенія Леопарди, гдѣ—какъ напримѣръ, въ «Первой любви»—воспѣвается ясное и глубокое настроеніе, боящееся всякаго соприкосновенія съ жизнью, «какъ боится воздуха зеркальный покой озера». Оба въ своей поэзіи—старые холостяки: если Гамерлингъ воспѣлъ однажды свою ручную бѣлку («Mein Eichhörnchen» въ «Думахъ и грезахъ»), то не воспѣлъ ли Леопарди, съ такою же болѣзненною нѣжностью, «одинокаго воробья»?—Почему подобныя натуры не могутъ быть доступны простѣйшему и естественнѣйшему изъ лирическихъ чувствъ—это поясняетъ самъ Леопарди:

...«Страдалецъ
Хранитъ въ себѣ дитя своей души,
Влюбленную небесную *идею*,
Которая лицомъ, походкой, рѣчью
Напоминаетъ милую. Къ подругѣ
Хотѣлъ бы онъ пылать любовью вѣчной,
Но, въ сущности, одну идею любитъ
И даже въ мигъ объятій огневыхъ.
И если онъ ошибку видитъ, мѣну
Предметовъ страсти—гнѣвъ его объемлетъ,
Во всемъ винитъ онъ женщину тогда.
Но развѣ можетъ женщина подняться
До идеаловъ нѣжнаго безумца?—
Что̀ красота ея ему внушила—
Ей не понять: вѣдь женщины природа
Для отвлеченной мысли—грубовата!
А тотъ, глупецъ блаженный, въ ясномъ взорѣ
Глубокое читаетъ пониманье
И чувство съ виду бо̀льшее мужскаго—
Въ той женщинѣ, которую природа
Принизила предъ нимъ, даруя ей
Съ слабѣйшимъ тѣломъ и слабѣйшій духъ»!

Главное различіе обоихъ поэтовъ—въ силѣ природнаго темперамента. Гамерлингъ никогда не писалъ, какъ Леопарди, стиховъ съ риѳмами капризными, перемежающимися, подобно вздохамъ и слезамъ, которыми прерывается разсказъ страдальца; Гамерлингъ чуждъ этой титанической скорби,

«Которая во глубинѣ груди
Внѣдрилась крѣпко, словно столпъ алмазный».

Онъ чуждъ и той инстинктивной, почти славянской задушевности итальянца, къ которой лишь отчасти приближается его рефлективная германская сердечность (Gemüth); чуждъ и той геніальной смѣлости, взмаха вдохновенія, благодаря которому поэтъ «Праздничнаго вечера», слушая затихающую вдали пѣсню крестьянина, скорбитъ о ничтожествѣ всякаго земнаго счастья, о суетѣ народовъ и царствъ, умолкающей постепенно въ безконечномъ просторѣ временъ, подобно этой пѣсенкѣ. Какъ бы то ни было, у Гамерлинга оказалось достаточно, какъ говорятъ нѣмцы, «согеніальности» (Kongenialität) для того, чтобы сдѣлать мастерской переводъ канцонъ Леопарди.

Digitized by Google

VI.

Въ промежуткѣ между капитальнѣйшими произведеніями гамерлинговскаго эпоса,—«Царемъ Сіона» и «Аспазіей»,—появилось своеобразное произведеніе, вышедшее въ свѣтъ въ 1872 г.: «Семь смертныхъ грѣховъ. Стихотвореніе» (Die sieben Todsünden. Ein Gedicht).

Въ сентябрѣ 1871 г. къ Гамерлингу явился молодой композиторъ, нѣкто Гольдшмитъ, который просилъ поэта написать ему либретто для композиціи, составляющей нѣчто среднее между ораторіей и мелодрамой. Въ этой композиціи должна изображаться борьба между духами свѣта и тьмы; въ заключеніе, пѣвецъ или поэтъ долженъ явиться предтечею новаго небеснаго свѣтлаго царства, возникающаго путемъ этой борьбы.—Во всякомъ поэтѣ обыкновенно бродитъ несчетное число идей и образовъ, не получающихъ, безъ внѣшняго повода, поэтическаго осуществленія. Гамерлингъ сравниваетъ эти скрытыя поэтическія идеи съ несчетными жизненными зародышами въ женскомъ лонѣ, развивающимися въ организмы лишь при постороннемъ вліяніи. Одна изъ такихъ идей и была оплодотворена мыслью композитора. Гамерлингъ написалъ либретто, пережившее — въ настоящее время уже забытую—композицію. Это лирическое произведеніе новаго, эпическаго періода дѣятельности Гамерлинга кое-чѣмъ отличается отъ лирики періода предшествовавшаго. Характеръ всего произведенія—полуэпическій; форма оригинальна: постишная, обычная риема (Endreim) чередуется съ риемой всестишной, старо-германской (Stabreim). Борьба міровыхъ началъ, изображаемая поэмою, борьба косности и развитія жизни и идеи, тьмы и свѣта, уже служила Гамерлингу темой для трагическихъ коллизій въ эпопеяхъ: «Агасферъ въ Римѣ» и «Царь въ Сіонѣ», также въ трагедіи «Дантонъ и Робеспьеръ». «Семь смертныхъ грѣховъ» характеризуетъ однако то обстоятельство, что поэтъ изображаетъ конечный результатъ этой борьбы, побѣду одной силы надъ другою.

Поэма состоитъ изъ трехъ частей. Дѣйствіе начинается въ преисподней. Князь тьмы выслушиваетъ докладъ семи демоновъ, семи смертныхъ грѣховъ, о борьбѣ ихъ съ духами свѣта. Борьба близится уже къ концу; свѣтъ въ сердцѣ человѣка уже погасъ (обычный мотивъ гамерлинговской лирики):

«Сіяньемъ въ разсудкѣ,
Въ груди—теплотою
Господствуетъ свѣтъ.
Но *грѣющій* свѣтъ
Уже побѣжденъ.
Сынъ свѣта блуждаетъ
Съ лучемъ въ головѣ,
Но въ сердцѣ ужь—мракъ»!—

Демоны послѣдовательно описываютъ свои подвиги. Демонъ лѣности повѣствуетъ о томъ, что онъ вызываетъ въ людяхъ утомленіе жизнью; демонъ гордости — о томъ, что онъ разжигаетъ себялюбіе, пожирающее самого себя; демонъ скупости—о томъ, что онъ

Digitized by Google

напускаетъ въ міръ тьму мрачнымъ блескомъ золота; демонъ зависти—о томъ, что онъ ослѣпляетъ глаза смертнаго туманомъ ненависти; демонъ роскоши — о томъ, что онъ сыну свѣта, жаждущему счастья, подаетъ кубокъ Цирцеи, кубокъ звѣрскаго опьяненія; демонъ любострастія — о томъ, что онъ капаетъ въ этотъ кубокъ ядъ вожделѣнія; демонъ гнѣва — что онъ уничтожаетъ не только самый свѣтъ, но и носящій его факелъ. Князь тьмы предлагаетъ вступить духамъ въ соперничество: кто изъ нихъ успѣетъ ранѣе обратить землю въ первобытный хаосъ?

Во второй части поэтъ изображаетъ самое состязаніе демоновъ.—Демонъ лѣности соблазняетъ караванъ странниковъ, отправляющихся на богомолье, тирадами изъ Шопенгауэра. Демонъ гордости и себялюбія разстраиваетъ завязавшуюся было самоотверженную любовь; онъ уговариваетъ мать уйти отъ больнаго ребенка на балъ, а скромнаго героя — домогаться власти. Демонъ алчности развращаетъ толпу чортовымъ кошелькомъ, въ который кинешь грошъ, а вынешь червонецъ, и наоборотъ (игра словъ: «Börse» значитъ—и кошелекъ, и биржа). Демонъ зависти подымаетъ распрю между богачами и бѣдняками. Демонъ роскоши варитъ крѣпкое вино для богачей, сладкую шипучку для ихъ женъ и дѣтей, пиво для мѣщанъ и водку для народа; въ вино онъ подмѣшиваетъ безуміе, въ шипучку—легкомысліе, въ пиво — тупоуміе, въ водку — глупость. Демонъ любострастія научаетъ женщинъ не выжидать любви, но искать ее; онъ обращаетъ женщину въ вакханку, а вакханку—въ вѣдьму Вальпургіевой ночи. Демонъ гнѣва является для того, чтобы довершить дѣло своихъ собратій и возбудить общее недовольство всѣхъ классовъ населенія какъ властью, такъ и самою жизнью. И вотъ человѣчество, на развалинахъ стараго міра, возглашаетъ съ глубокимъ прискорбіемъ:

«Юдолью печали,
Мѣстомъ страданья
Стала земля.
Отъ горестей жизни
Бѣжали мы прежде
Во мглу опьяненья,
Ловили мгновенье,
Летящее вдаль.
Но радость—лишь призракъ,
Лишь тѣнь—наслажденье!
Мы прежде роптали,
Теперь же—клянемъ,
Клянемъ бытіе,
Клянемъ мы и силу,
Создавшую насъ,
Клянемъ—и себя»!

Какъ только демонъ гнѣва довелъ человѣчество до пресыщенія, побѣдителемъ является демонъ лѣности: отчаяніе—та же лѣность, лѣность преступниковъ, добровольно бросившихъ надежду на исправленіе. Оказывается, что человѣчество промѣняло томленіе по идеалу счастья на пресыщеніе. Какое же изъ двухъ золъ меньшее?

«Старое»!—отвѣчаетъ поэтъ въ послѣдней части поэмы, которая открывается картиной земли, полной отвращенія къ жизни. Птицы замолкли, цвѣты стали безуханны, солнце померкло, свѣтъ,

Digitized by Google

источникъ жизни и счастья, мало по малу угасаетъ,—какъ вдругъ откуда-то, изъ самыхъ нѣдръ жизни, изъ ея сердца, раздается голосъ чудомъ уцѣлѣвшаго поэта, предсказывающаго гибель мрака:

«Отъ горы до горы,
Отъ звѣзды до звѣзды
Проносится лучъ.
Лишь въ душу онъ канетъ—
И истиной станетъ.
Онъ крылья распуститъ
И станетъ свободой,
И вѣетъ онъ бурно,
Отъ края до края,
Себя укрощая
Границами мѣры.
Когда онъ блистаетъ,
То онъ—красота,
Когда же онъ грѣетъ,
То онъ—доброта.
И если онъ ищетъ
Себя же, луча,
И брата находитъ
Въ кругу бытія,
Тогда онъ—любовь,
Звено нераздѣльной,
Великой цѣпи»!

И вотъ, тотъ свѣтъ, котораго такъ жаждетъ поэтъ, по зову его, возвращается, демоны побѣждены—и мягкими палестриновскими аккордами духи свѣта, вмѣстѣ съ людьми, воспѣваютъ свою побѣду:

«Во мракѣ и свѣтѣ,
Въ добрѣ и во злѣ,
Въ вращеніи вѣчномъ
Кружится міръ.

На граняхъ вселенной
Томятся въ оковахъ
Титаны и рвутся
Со свѣтомъ на бой.

Сыны же авроры
И истины стражи
Рабамъ угрожаютъ
Алмазнымъ щитомъ.

И вѣчно бороться
Сыны будутъ свѣта,
Пока не настанетъ
Вѣчный покой.

Пока не сольются
И свѣтъ первобытный,
И мракъ изначальный
Въ одно бытіе»!

Такъ кончается кантата — это, если и не лучшее лирическое произведеніе Гамерлинга, то лучшее изъ когда либо написанныхъ либретто.

Digitized by Google

VII.

Непосредственно передъ началомъ послѣдняго періода поэтической дѣятельности Гамерлинга, когда эпикъ превратился въ сатирика и философа, было издано, въ 1886 г., послѣднее собраніе лирическихъ стихотвореній Гамерлинга: «Листья на вѣтрѣ. Новыя стихотворенія». (Blätter im Winde. Neue Gedichte). Этотъ сборникъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній Гамерлинга, возникшихъ послѣ перваго изданія «Думъ и грезъ» (въ 1859 г.)—такъ какъ стихотворенія, написанныя до 1867 г., вошли въ составъ втораго изданія «Юношескихъ стихотвореній». Тѣмъ не менѣе, стихотворенія «Листья на вѣтрѣ», занимая двадцатилѣтній промежутокъ времени, даютъ во всемъ своемъ составѣ цѣльную картину внутренней жизни Гамерлинга во вторую половину его жизни.

Въ «Прозѣ» Гамерлинга есть характерный очеркъ, называющійся «Приключеніе въ лѣтнюю ночь» (Sommernacht-Abenteuer). Содержаніе его слѣдующее. Поэтъ наслаждается красотой и жизнерадостностью лѣтней южной ночи, на скалѣ уединеннаго парка. Сердце его наполняется блаженствомъ и любовью ко всему существу. Онъ хочетъ раздѣлить свое настроеніе съ молчаливымъ сосѣдомъ, который сидитъ съ нимъ рядомъ,—и вдругъ видитъ, что сосѣдъ мертвъ. Поэтъ наслаждался жизнью рядомъ съ человѣкомъ, насильственно отъ нея убѣжавшимъ! — Этотъ разсказъ можетъ символизировать два настроенія, господствующія въ лирикѣ Гамерлинга; можно сказать, что въ одномъ Гамерлингѣ сидятъ тѣ два человѣка, о которыхъ онъ повѣствовалъ: одинъ изъ нихъ восторгается жизнью, не замѣчая своего мертваго сосѣда.

«Послѣднія я пѣсни напишу
На тѣхъ листахъ, которыхъ вихрь осенній
Умчитъ—листахъ сухихъ, корявыхъ, желтыхъ,
Танцующихъ по воздуху съ минутку,
Покуда ихъ не втопчетъ въ грязь скотина,
Иль мужика тяжелая ступня»!

—вотъ какими унылыми строками начинаетъ Гамерлингъ свой новый сборникъ (Präludien). Съ первыхъ же словъ поэтъ даетъ почувствовать читателю, что послѣдній снова будетъ имѣть дѣло съ поэзіей внутренняго, фаустовскаго или гамлетовскаго, разлада. Прежде всего онъ задаетъ вопросъ: возможна ли, при извѣстномъ міровоззрѣніи, самая поэзія? Передаваемы ли поэтическія впечатлѣнія, не обращается ли въ стихотвореніяхъ потокъ чувства въ кристаллы, которые лишь плѣняютъ ухо, скатываясь одинъ за другимъ въ пустоту? Не мука ли—поэтическій даръ, и поэтъ—не Мессія ли, несущій крестъ поэзіи за все человѣчество? Отчего поэтъ нѣкогда таилъ въ груди тысячу мелодій, къ которымъ не находилъ словъ, а теперь онъ полонъ словами, къ которымъ не можетъ подобрать мелодію?—Вотъ какими минорными аккордами прелюдируетъ Гамерлингъ (Präludien).

Digitized by Google

Является самъ собою вопросъ: отличается ли душевный разладъ, ощущаемый поэтомъ «Листьевъ на вѣтрѣ» отъ того разлада, который терзалъ поэта «Думъ и грезъ»?—Не отразился ли новый періодъ жизни поэта и на его искусствѣ? Быть можетъ, общій тонъ лирики на этотъ разъ ровнѣе? Быть можетъ, борьба перенесена изъ сердца въ разсудокъ?—Посмотримъ.

То стремленіе къ наслажденію (Lust), которое было свойственно герою поэмы «Венера въ изгнаніи», въ душѣ героя «Листьевъ на вѣтрѣ» получаетъ опредѣленный, рѣзко выраженный, характеръ. Стихотворенія сборника, посвященныя жизненнымъ чувствамъ, реальны и правдивы. О поцѣлуяхъ и слезахъ, напримѣръ, нѣмецкій поэтъ говоритъ на этотъ разъ съ нервной страстностью, достойной Мюссэ. Въ юношескихъ «Думахъ и грезахъ» мы напрасно искали бы стихотвореній въ родѣ слѣдующаго («Küsse):

«Страстенъ, пламененъ, мятеженъ
Поцѣлуй младой жены.
Съ устъ же дѣвственныхъ онъ нѣженъ,
Какъ дыханіе весны.

«Соблазняетъ насъ желаньемъ
Женъ роскошныхъ красота.
Согрѣваютъ же лобзаньемъ
Только дѣвичьи уста».

Въ этомъ стихотвореніи сказывается опытъ человѣка пожившаго. Что этотъ человѣкъ не только много жилъ, но и много чувствовалъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе, посвященное слезамъ («O, Tränen sind ein fester Kitt»):

«О, слезы всѣхъ прочнѣе узъ:
Любовь, которая не плачетъ,—
Лишь счастьемъ скованный союзъ,—
Повѣрь мнѣ, ничего не значитъ!
Не можешь ты назвать своей
Любовь, не купленную мукой.
Она—твоя цѣной скорбей:
Лишь скорби не пройдутъ съ разлукой!

«Какъ вкусъ проходитъ пьяныхъ лозъ,
Пройдетъ и вкусъ лобзаній рѣзвыхъ.
Но поцѣлуй съ отравой слезъ
Оставитъ горечь мыслей трезвыхъ.
Изъ розовыхъ цѣпей любви
Ты вырвешься на жизни рынокъ,
Но не осилишь, какъ ни рви,
Цѣпей алмазныхъ изъ слезинокъ»!

Подобныя пѣсни Гамерлинга впервые звучатъ реальной, а не мечтательной страстью. Теперь поэтическія краски Гамерлинга густѣютъ; на блѣдномъ лицѣ поэта не отъ міра сего загорается румянецъ жизненныхъ страстей и стремленій. Его гимнъ Мирандѣ («An die Miranda») звучитъ, какъ гимнъ пламенной Джульетѣ:

«Зачѣмъ же, природа, о мать,
Дала красотѣ ты острѣйшее жало,
Что болѣе мучить насъ можетъ,
Чѣмъ милые глазки, златистыя кудри,
Лилейныя бедра, лебяжіи перси
И ямки на щечкахъ?—
Гіены и жабы ужасны—
Но что же страшнѣй красоты»?

Digitized by Google

Если одно изъ исконныхъ стремленій Гамерлинга, какъ поэта,—къ наслажденію и жизни, — теперь такъ оформилось и усилилось, то, съ другой стороны, второе, характерное для него стремленіе,—къ «добродѣтели» (Tugend) и къ отвлеченной идеѣ,—приняло отпечатокъ пытливаго научнаго изслѣдованія. Теперь поэтъ уже не вздыхаетъ трагически, какъ юноша «Венеры въ изгнаніи», о невозможности проникнуть въ тайну мірозданія, но спокойно, хотя и краснорѣчиво, констатируетъ эту невозможность. «Свободнѣйшій духъ стѣсненъ міровыми законами также сильно, какъ и природа»,—заявляетъ поэтъ безъ всякихъ лирическихъ вздоховъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Lass' die Einzelwelle tanzen»):

«Пусть волна въ порывѣ смѣломъ
Пляшетъ, свой избравши путь,—
Все же ей погибнуть въ *цѣломъ*,
Въ океанѣ потонуть.
Забурлитъ ли, или грянетъ,
Или ляжетъ на покой,—
Богъ морей ее притянетъ
Безпощадною рукой»!

Эта разсудительность не уничтожаетъ совершенно поэтическихъ стремленій человѣка—она лишь кладетъ имъ преграду. Человѣкъ не долженъ искать кругомъ себя тайнъ, кромѣ одной — тайны жизни; такова тенденція стихотворенія «Чудо» (Wunder):

«Объясни мнѣ: что за тайна
Въ женскихъ губкахъ? отчего
Счастливъ ты необычайно
Отъ лобзанья одного?—

«Есть заслуга, есть причина
Размышлять о тайнѣ той.
Тайна міра есть едина,
Тайны всѣ слились въ одной».

Такимъ образомъ, вѣчные вопросы бытія теряютъ для Гамерлинга жгучій романтическій характеръ и пріобрѣтаютъ ровный, почти научный интересъ. Смерть кажется поэту постольку лишь страшной, поскольку она не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, задаваемыхъ жизнью («Ungelöste Fragen»). Теперь уже сознаніе (а не чувствованіе и «Gemüth», какъ бывало) кажется ему величайшимъ изъ благъ. Поэтъ сожалѣетъ о дѣтяхъ, спящихъ людяхъ и мертвецахъ: они не сознаютъ своего счастья и покоя! («Sie wissen es nicht»).

Такимъ образомъ, какъ сердечная, такъ и мыслительная дѣятельность поэта является сильно повышенной. Результатомъ дальнѣйшаго повышенія этой дѣятельности является опять таки неудовлетворенность. Сочувствіе къ реальной жизни, перейдя въ состраданіе, легко переходитъ въ пессимистическое *настроеніе*. Мышленіе поэта, принявшее оттѣнокъ страстности, приводитъ къ скептицизму и пессимистическому *убѣжденію*.

Пессимизмъ, какъ настроеніе, коренится у Гамерлинга въ чувствѣ гуманности. Насколько это послѣднее чувство развито въ поэзіи—доказываетъ, между прочимъ, стихотвореніе «Звѣзда Арея» (Der Stern des Ares), посвященное русско-турецкой кампаніи. Описавъ бѣдствія войны, поэтъ восклицаетъ:

Digitized by Google

«Зачѣмъ все это?—Какъ! За справедливость?
Иль справедливость торжествуетъ въ схваткѣ,
Въ которой правъ бываетъ только сильный?
Иль право, какъ и самъ Господь, всегда
На сторонѣ сильнѣйшихъ батальоновъ?..
О, сколь великъ въ искусствѣ убивать
Ты, человѣкъ! Отдѣльнымъ лишь убійствомъ
Способенъ звѣрь ничтожный наслаждаться,
Но кто же душитъ массами—и равныхъ?»—

Эта гуманность, процессомъ, непонятнымъ для поэта, превращается въ состраданіе: какая-то непостижимая волна жизни пробуждаетъ въ сердцѣ новыя чувства и вызываетъ на глаза слезы; откуда эта волна—неизвѣстно («Leid und Lust»). Не личныя страданія возмущаютъ поэта противъ міроваго порядка, но — чужія: страданія больныхъ дѣтей, которыя не умѣютъ жаловаться, телятъ, бѣгущихъ за телѣгой мясника, мелкой рыбы, которую глотаетъ крупная и т. п.—только чужое страданіе волнуетъ невыносимо (Das unerträgliche).—Что-то простодушное и наивное есть въ этомъ пессимизмѣ—нѣчто, напоминающее птичку въ стихотвореніи «Народная пѣсня» (Volksweise), ту птичку, которая залетѣла слишкомъ высоко, къ орлу, и жалуется на то, что на этихъ высотахъ міръ потерялъ для нея всякую прелесть.

Не всегда, однако, пессимизмъ Гамерлинга имѣетъ подкладкой неясный инстинктъ. Вдохновеніе поэта достигаетъ иногда той высоты, съ которой жизнь земнаго шара превращается въ темное пятно и для орла, не только для безпомощной птички. Въ такія минуты Гамерлингъ съ глубокимъ убѣжденіемъ мыслителя пропроповѣдуетъ философію, которою, между прочимъ, проникнуты старческія «Стихотворенія въ прозѣ» (Senilia) Тургенева. Единственнымъ реальнымъ явленіемъ въ жизни человѣка ему начинаетъ казаться смерть—такова тенденція, напримѣръ, стихотворенія «Могила на полюсѣ» (Nordpolgrab). Путешественники зарыли мертваго товарища въ вѣчныхъ льдахъ, тамъ, гдѣ царитъ Ничто, и это Ничто отнынѣ испытываетъ родъ жизни; оно содрогается отъ страха передъ смертью. Единственно возможное для человѣка счастье—римскій стоицизмъ, основанный на презрѣніи къ смерти и всему міру. Во всемъ холодномъ блескѣ этого пессимистическаго убѣжденія Гамерлингъ является въ стихотвореніи «Искупленіе» (Erlösung). Вотъ это стихотвореніе:

«Конечно, страшно,—переживъ себя,
Предъ смертью мертвымъ путь свой довершить,
Не радуясь, не плача, не любя,
И сердце мертвое съ собой влачить!

«Конечно, страшно,—впрочемъ, и прекрасно
Парить въ иной вселенной, на просторѣ,
И внизъ глядѣть на жизнь свою безстрастно,
На старое осиленное горе!

«Какъ ни были бъ мои мученья злы,
Я выше ихъ, я сталъ счастливымъ вдругъ!
Такъ съ узника спадаютъ кандалы,
Предъ смертію, съ его изсохшихъ рукъ.

Digitized by Google

«Я чувствую себя теперь героемъ,
Самсономъ безъ цѣпей, среди развалинъ.
Какъ женщина, уже я не печаленъ,
Но несказаннымъ полонъ я покоемъ.

«Я жизнь свою проигрывалъ, скорбя,
И таяли надежды, какъ пары.
Но выигралъ я подъ конецъ игры
Главнѣйшую изъ ставокъ всѣхъ: себя»!

Однако апоѳеозъ индивидуализма, достойный Ницше или французскихъ декадентовъ, выдѣляется уже слишкомъ рѣзко изъ общаго тона гамерлинговской лирики. Даже сознательный пессимизмъ Гамерлинга полонъ обыкновенно мягкой жалобы. Таково стихотвореніе: «Am hohen Bergen»:

«Вѣчны снѣга на высокихъ горахъ,
Вѣчны страданья въ высокихъ умахъ.

Глетчеръ не таетъ отъ солнца лучей.
Радость не можетъ цвѣсти межъ скорбей.

Жизненный солнечный лучъ среди льдинъ—
Солнечной смерти то отблескъ одинъ.

И ореолъ, озарившій чело—
Пламени отблескъ, что̀ душу сожгло»!

Какъ бы то ни было, въ «Листьяхъ на вѣтрѣ» Гамерлингъ является натурой болѣе уравновѣшенной, чѣмъ въ какомъ либо изъ предшествовавшихъ сборниковъ. Страстность темперамента и порывистость мышленія, въ концѣ концовъ, сливаются въ одномъ вдохновенномъ созерцаніи; происходитъ нѣчто подобное спайкѣ двухъ разнородныхъ металловъ, доведенныхъ до высокой температуры. «Между двумя мірами, природой и человѣчествомъ, границы нѣтъ», проповѣдуетъ на этотъ разъ бывшій Фаустъ:

«..... И что такое боги,
Когда не чтитъ ихъ человѣкъ богами?
Какъ тайно къ нимъ стремится человѣкъ,
Такъ и къ нему стремятся боги тайно»!
(«Die Quellennymphen von Radegund»).

Если, такимъ образомъ, процессъ природной жизни однороденъ съ процессомъ жизни духовной, человѣческой (воззрѣніе Спинозы), то весь міръ получаетъ характеръ художественнаго произведенія,— и нѣкогда аскетически настроенный поэтъ пишетъ стихотворенія, полныя эллинской жизнерадостности. Таково, наприм., стихотвореніе: «Лучшія риѳмы» (Die schönsten Reime):

«Ни въ одной не встрѣтишь пѣснѣ
Богатѣйшихъ риѳмъ попарныхъ,
Лучше нѣжныхъ этихъ щочекъ,
Краше персей тѣхъ янтарныхъ.

«Губки, глазки, ручки, ножки,—
Все попарно, неразлучно,
Все подобрано подъ риѳму,
Соразмѣрно и созвучно.

Digitized by Google

«Какъ! Твое лишь сердце бьется
Безъ созвучія?—Напрасно!
Не мое ли сердце въ риему
Зазвучало съ нимъ согласно»?

Мало по малу, исконный разладъ гамерлинговской натуры почти совершенно исчезаетъ. Въ разсказѣ: «Три міра» (Drei Welten) Гамерлингъ повѣствуетъ, что Богъ создалъ міръ радости, который былъ обращенъ дьяволомъ въ міръ горести; но это страданіе, будучи пережито человѣкомъ и обратившись въ состраданіе, вернуло прежній и единый міръ наслажденія, просвѣтленной человѣчности. Гамерлингъ мало по малу обращается въ Фауста второй части трагедіи; онъ просто человѣкъ, и гордится этимъ, какъ Мюссе въ своемъ «L'espoir en Dieu» («Je suis seulement homme et ne veux pas moins être... Ni tenter d'avantage»...):

«Кто меня въ грязи и тинѣ ищетъ,
Иль внѣ міра, въ облакахъ небесныхъ,
А не ищетъ на землѣ, не видитъ,
Что пятой лишь праха я касаюсь,
Лишь челомъ я къ небу возношуся,—
Тотъ найти меня не въ состояньи,
Если жь мыслитъ, будто бы находитъ,
Обнимаетъ призракъ безтѣлесный»!
(«Wer sich freun nicht kann»).

Въ итогѣ получается здравомысленное и трезвое отношеніе къ жизни, столь удачно выраженное въ стихотвореніи: «Столько счастья» (Tausend holde Dinge):

«Посмотри-ка на младенца,
Чуть рожденное созданье:
Съ плачемъ онъ отца встрѣчаетъ,
Первой жизни знакъ—рыданье.

«Посмотри на голый черепъ:
Не смѣется ль онъ съ нахальствомъ?
Съ плачемъ жизнь на свѣтъ приходитъ,
А уходитъ съ зубоскальствомъ.

«Но межъ этимъ первымъ плачемъ
И послѣднею улыбкой,
Столько счастья, что не станешь
Жизнь свою считать ошибкой».

VIII.

Какое мѣсто занимаетъ лирика Гамерлинга въ исторіи нѣмецкой и всеобщей литературы?

«Величайшихъ людей связываетъ съ вѣкомъ какая нибудь ихъ слабость»,—говоритъ Гёте... Съ исторіей нѣмецкой литературы Гамерлинга связываетъ романтическая слабость, традиціонная «сердечность» (Gemüth) старыхъ романтиковъ.

«То, что нѣмецъ подразумѣваетъ подъ словомъ «Gemüth»,—говоритъ Брандесъ въ «Главныхъ теченіяхъ исторіи XIX вѣка»,—непереводимо на другіе языки. Область «Gemüth'a»—область чистонѣмецкая. Это внутренній очагъ, внутренняя плавильная печь. Въ

Digitized by Google

«Бурной пѣснѣ путника» (Wanderers Sturmlied) — Гёте—мы читаемъ:

«Внутренній жаръ,
Пламя душевное,
Сосредоточье!
Жарче пылай
Фебу навстрѣчу—
Или повѣетъ
Холодомъ съ неба
Взоръ его знойный».

Эти слова вполнѣ выражаютъ понятіе «Gemüth'a» и значеніе послѣдняго для жизни поэта. Для того, кто обладаетъ «Gemüth'омъ, все принимаетъ стремленіе во внутрь; «Gemüth»—это центростремительная сила душевной жизни». Благодаря тому, что нѣмецкая «сердечность»—сила именно центростремительная, а не центробѣжная, нѣмецкая романтика первой половины XIX вѣка провозгласила жизненнымъ идеаломъ идеалъ внутренняго созерцанія, т. е. эстетическій, а не идеалъ внѣшняго дѣйствія, т. е. этическій, — вотъ причина мистицизма Новалиса, католицизма Тика и Шлегеля и политическаго обскурантизма всей школы.

Гамерлингъ начинаетъ свою поэтическую дѣятельность съ проповѣди этого созерцательнаго, буддійскаго жизненнаго идеала. Но онъ только начинаетъ этимъ; его «Лебединая пѣсня романтики» есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, лебединая пѣсня старой романтической «сердечности» (Gemüth). Гамерлинговскій «Gemüth» подвергается извѣстной эволюціи и въ концѣ концовъ отъ него не остается ничего, кромѣ имени. Безъ «сердечности» не могли обойтись ни романтики, ни Гамерлингъ, но разница между ними та, что романтики распускали вселенную въ поэзіи и своемъ мистическомъ созерцаніи, Мальбраншъ претворялъ вселенную въ бога, Гамерлингъ же распускаетъ поэзію и свою «сердечность» по вселенной, какъ Спиноза претворялъ Бога во вселенной. «Gemüht» романтиковъ—индивидуальный, центростремительный; «Gemüth» Гамерлинга носитъ извѣстный соціальный, центробѣжный характеръ. Тѣмъ не менѣе самое стремленіе въ область отвлеченныхъ чувствъ и идей указываетъ на племенное сродство художественной индивидуальности Гамерлинга съ типомъ нѣмецкихъ романтиковъ. Этотъ отвлеченный характеръ всякаго германскаго художника побудилъ А. Руге указать на аналогію между французскими революціонерами и нѣмецкими романтиками: какъ французы конца XVIII вѣка разбивали историческіе устои жизни, съ цѣлью возсоздать ее изъ началъ чистаго, отвлеченнаго разума, такъ романтики стремились претворять міръ въ чистомъ, отвлеченномъ чувствѣ. Очевидно, отвлеченіе, какъ сущность психическаго процесса, не есть нѣчто національно-нѣмецкое, но представляетъ собою явленіе общечеловѣческое.

Какъ бы то ни было, существенное различіе между «сердечностью» романтиковъ и Гамерлинга противорѣчитъ распространенному воззрѣнію на пѣвца «Лебединой пѣсни романтики», какъ на одного изъ представителей старой романтической школы. Это различіе можно прослѣдить и въ частностяхъ, въ отдѣльныхъ чертахъ

Digitized by Google

индивидуальности поэта. Напримѣръ, пессимистическая скорбь Гамерлинга и безпредметное томленіе (Sechnsucht) романтиковъ проистекаютъ изъ различныхъ источниковъ. Пессимистическое настроеніе Гамерлинга, выразившееся съ особенной рѣзкостью въ «Листьяхъ на вѣтрѣ», имѣетъ своимъ источникомъ, какъ мы знаемъ, или гуманность, или стремленіе къ безконечному познанію, — центробѣжныя силы, невѣдомыя романтикамъ. Томленіе послѣднихъ есть стремленіе къ личному счастью, которое представляется для индивидуума безконечнымъ, такъ какъ онъ самъ себя считаетъ своего рода совершенствомъ и безконечностью. Разница и сходство между нѣмецкимъ старо-романтическимъ типомъ и Гамерлингомъ окончательно выясняются сравненіемъ соціальныхъ и политическихъ условій, при которыхъ развивались романтики съ одной стороны и Гамерлингъ—съ другой. Отголоски французской реставраціи, возстановившей Бурбоновъ и старый католицизмъ, выразились въ Германіи въ видѣ мелкаго деспотизма, изгнавшаго изъ страны лучшихъ писателей, и піэтизма, вопіявшаго о перестройкѣ Кёльнскаго собора. Продуктомъ этой нездоровой эпохи и былъ нѣмецкій романтизмъ, ушедшій отъ дѣйствительности въ глубь и тайники своего «я». Наоборотъ, лучшіе года Гамерлинга пришлись на эпоху объединенія Германіи и подъема общественнаго самосознанія и общественной самодѣятельности. Однако австрійскій поэтъ, соединенный лишь національными, а не политическими связями съ Германіей, не могъ не увидѣть со стороны, что Пруссія наложила на объединенную Германію печать узкой практичности и милитаризма, что національно-политическая идея стала вытѣснять идею соціальную, общечеловѣческую и міровую. Такимъ образомъ, Гамерлингъ не могъ обратиться въ чисто-національнаго поэта—но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгъ опасности стать національнымъ, романтическимъ обскурантомъ; послѣднему превращенію милитаризмъ могъ бы содѣйствовать въ той же мѣрѣ, какъ и старый режимъ.

Теперь мы можемъ перейти къ болѣе точнымъ указаніямъ. Лирика Гамерлинга, съ ея утонченнымъ содержаніемъ и филигранной, паутинной обработкой, представляетъ дальнѣйшее развитіе новой нѣмецкой лирики, начатой еще Гёте. Форма стихотвореній указываетъ на знакомство съ лирикой Платена; пламенная любовь къ античной древности—на сродство съ лирикой Гёльдерлина; пессимистическая и задушевная нотка—на симпатическіе отголоски лирики Ленау. Въ юмористической лирикѣ,—въ этихъ, по выраженію Гейне, «смѣющихся слезахъ»,—отразилось, несомнѣнно, вліяніе этого избалованнаго любимца музъ, въ которомъ Гамерлингъ, съ нѣмецкой систематичностью, обожалъ поэта и презиралъ человѣка; нѣкоторыя стихотворенія Гамерлинга звучатъ, какъ подражанія: такъ стихотвореніе: «Брось въ сердце мое якорь» (Wirf in mein Herz den Anker) напоминаетъ извѣстную «Рыбачку»—Гейне и т. п. «Я не стою за самостоятельность мотивовъ своей лирики, — заявилъ однажды самъ Гамерлингъ,—но полагаю, что ея достоинство отъ этого не умаляется». Преемственность литературнаго развитія поэта по отношенію къ романтической школѣ выразилась въ проповѣди «Gemüth'a»; зато, какъ мы видимъ, въ этомъ выразился и прогрессъ гамерлинговской романтики.

Digitized by Google

Поскольку Гамерлингъ касался въ своей лирикѣ общечеловѣческихъ мотивовъ, постольку она имѣетъ и общеевропейское значеніе. Прошло время, когда лирика выражала лишь простѣйшія ощущенія и побужденія человѣческой души, когда поэты первой величины, въ родѣ Гёте, могли писать пѣсенки, которыя могли бы найти мѣсто въ любомъ сборникѣ народной поэзіи. Какъ лирикъ рефлективный, представитель «умственной» лирики (Gedankenlyrik) съ философской тенденціей, Гамерлингъ представляетъ собою обще-литературное явленіе. Фаустовскій разладъ въ душѣ человѣка XIX вѣка, воспѣваемый Гамерлингомъ, заставляетъ насъ присоединить его къ тѣмъ европейскимъ представителямъ новаго лиризма, какими являются Леопарди въ Италіи, Викторъ Гюго во Франціи, Робертъ Броунингъ и школа Шелли въ Англіи. И опять таки своеобразный культъ красоты, какъ реальной силы, отводитъ Гамерлингу вполнѣ самостоятельное мѣсто среди этихъ поэтовъ. Въ основѣ этого культа лежитъ сильно развитое чувство природы,—иначе поэтъ не отожествилъ бы въ своей «Атомистикѣ» природнаго процесса съ художественнымъ творчествомъ,—и въ этомъ отношеніи Гамерлингъ является однимъ изъ наиболѣе цѣльныхъ и выдержанныхъ поэтовъ-пантеистовъ XIX вѣка.

Эта выдержка могла бы послужить извѣстнымъ урокомъ нашей національной русской лирикѣ. Въ нашей лирикѣ мы, прежде всего—пластики или психологи. Въ отношеніи чисто-поэтическаго, непосредственнаго дѣйствія наша лирика во многомъ превосходитъ нѣмецкую (Пушкинъ, Лермонтовъ); въ отношеніи тонкости наблюденія, музыкальности и мистичности настроенія наша романтическая лирика (напримѣръ, Фета) ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ нѣмецкой. Зато у насъ нѣтъ и признаковъ новѣйшей философской лирики, тѣхъ получувствъ, полуидей, которыя составляютъ завоеваніе литературы отъ науки, сдѣланное лишь XIX вѣкомъ: мы или дидактики, довольствующіеся проповѣдью практически-гуманныхъ идей (Некрасовъ, отчасти Надсонъ), или же поэты переходнаго періода, старающіеся достигнуть философскихъ высотъ интуитивнымъ путемъ (Майковъ, отчасти Фофановъ). Мы склонны считать за парадоксъ истину, высказанную однимъ изъ героевъ Новалиса: «Вдохновеніе безъ разума безполезно и опасно; поэтъ мало натворитъ чудесъ, если самъ будетъ изумляться чудесамъ».

Не слѣдуетъ преувеличивать обще-европейскаго значенія гамерлинговской лирики, но не слѣдуетъ его и уменьшать. Гамерлингъ остается «предтечей», поэтомъ переходной эпохи: всѣ ея противорѣчія онъ примирилъ въ своей индивидуальности лишь постольку, поскольку это было для него возможно. Онъ, однако, познавалъ свою индивидуальность, развилъ ее и обезпечилъ поэтому за собою то относительное безсмертіе, какое выпадаетъ на долю всѣмъ талантливымъ дѣятелямъ литературы. Справедливо выразился онъ въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ, въ «Листьяхъ на вѣтрѣ»:

«Мастеромъ каждый бываетъ и геніямъ равенъ первѣйшимъ,
Разъ создаетъ онъ *свое*—то, что̀ никто не создастъ»!

Всев. Чешихинъ.

Digitized by Google

„За годами мелькаютъ года“.

Сердце трепетно бьется въ груди,—
Сердце молитъ все: «счастье, приди»!
Умъ твердитъ: «не придетъ никогда»...
За годами мелькаютъ года.

О, какъ кратки вы, свѣтлые сны,
Мимолетные гости весны!—
Мигъ одинъ и отъ васъ нѣтъ слѣда...
За годами мелькаютъ года.

Упадаетъ завѣса съ очей.
Въ морѣ долгихъ, томительныхъ дней
Гаснетъ пламя надеждъ навсегда...
За годами мелькаютъ года.

И на мигъ, загорѣвшись звѣздой,
Отлетаютъ одна за другой
Жизни скорбныя богъ вѣсть куда...
За годами мелькаютъ года.

Д. Ратгаузъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ПЛАСТУНА.

(Льготные эскизы).

«Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно».
М. Лермонтовъ.

Станица К.
8 февраля 18.. г.

Уже мѣсяцъ, какъ я живу въ станицѣ К. Ровно шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я былъ выпущенъ въ офицеры изъ N военнаго училища. Съ какой радостью я привѣтствовалъ свободу, драгоцѣнную свободу послѣ годовъ корпусной и училищной дресировки! Выдя въ офицеры и надѣвъ малиновые эполеты на ловко сшитую черкеску, я, во всеоружіи кавказскаго офицера, на двѣ звѣздочки своего хоружескаго чина смотрѣлъ, подобно Грушницкому, какъ на путеводныя звѣздочки, которымъ суждено было освѣщать успѣхи и радости моей свободной и безпечальной оберъ-офицерской жизни. Какое обидное разочарованіе! Прошло всего полгода, а я уже выброшенъ за бортъ, какъ ненужный мусоръ, какъ старая перчатка, какъ выжатый лимонъ. А между тѣмъ я молодъ, только что кончилъ счеты со школьной скамьей, и страстно жажду жизни и яркихъ впечатлѣній... Мнѣ всего двадцать лѣтъ, во мнѣ «кровь кипитъ и силъ избытокъ».

Но—l'homme propose, Dieu dispose. Прибывъ въ сентябрѣ 18... года въ N пластунскій батальонъ, я въ январѣ слѣдующаго года былъ, къ удивленію своему, отчисленъ изъ дѣйствующаго батальона «на льготу». Мало таки послужилъ я! Что жъ? Будемъ служить здѣсь. На льготѣ, говорятъ, службы почти нѣтъ,—значитъ придется закупорить себя въ четырехъ стѣнахъ и жить въ полномъ одиночествѣ. Грустно, но неотвратимо.

Я часто задаю себѣ вопросъ: какъ меня могли назначить «на льготу», разъ я не выслужилъ установленнаго срока въ дѣйствующемъ батальонѣ? Какъ меня, только что выпущеннаго въ офицеры, неопытнаго, на зарѣ моей службы, обрекли на ничегонедѣланіе, спячку и скуку? Правъ былъ Саша (мой однокашникъ по корпусу) говоря, что моего поведенія не одобряютъ старшіе офицеры и во

Digitized by Google

главѣ ихъ самъ отецъ-командиръ съ георгіевскимъ крестомъ. А не одобряли за что? За то, что я не засиживался до разсвѣта въ лагерномъ табль-д'отѣ (табль-д'отъ былъ чисто пластунскій: рядъ шестовъ, покрытыхъ камышемъ сверху и съ боковъ) за стаканомъ кахетинскаго, что̀ дѣлали всѣ. Пѣли тутъ пѣсенники, кружились офицеры въ лезгинкѣ, отплясывали казаки неизмѣннаго «казачка», лилось кахетинское, говорились тосты за процвѣтаніе батальона, за славныя «традиціи казачества», за «молодцовъ-пластуновъ» и т. п., и т. п. И это каждый день, съ наступленія сумерекъ до поздней ночи. Виноватъ ли былъ я, что, едва вступивъ въ жизнь, еще не умѣлъ держать стакана въ рукахъ и, привыкнувъ къ регулярной учебной жизни, дольше какъ до 11—12 часовъ не могъ высиживать по ночамъ въ компаніи? Я рано уходилъ изъ табль-д'ота въ палатку, куда всю ночь, не давая заснуть, доносился мотивъ любимой командирской пѣсни: «тара-рамъ, тара-рамъ, та-рарамъ... ѣхалъ пьяный становой», шумные крики и звуки застольной грузинской пѣсни: «мравалъ-жамiеръ», тосты и взрывы хохота. Лежа въ палаткѣ и прислушиваясь къ пѣснѣ, гдѣ существенную роль игралъ припѣвъ «тара-рамъ, тара-рамъ», я удивлялся безвкусію офицеровъ, съ удовольствіемъ слушающихъ, какъ «ѣздилъ пьяный становой, а съ нимъ писарь дѣловой», какъ писарь «дѣло исполняетъ, а становой карманъ набиваетъ». Мало ли знаютъ казаки чудныхъ своихъ пѣсенъ,—задушевныхъ, мелодичныхъ, съ содержаніемъ,—и какимъ еще содержаніемъ! Но «становой» и «дѣловой писарь» побѣдили и знаменитую «зозу́лю» и другія не менѣе оригинальныя и музыкальныя казачьи пѣсни. Саша мнѣ сказалъ, что командиръ подозрѣваетъ, будто я избѣгаю общества офицеровъ изъ чувства гордости (какой это?) и, чуждаясь офицерства, не бываю въ табль-д'отѣ, когда тамъ бываетъ всѣ.

Какое заблужденіе! И заблужденіе роковое для меня: вѣроятно, я портилъ общій фонъ картины и... послѣдствія этого заблужденія переживаю теперь. Еслибы училищные товарищи знали, что здѣсь также легко попасть «на льготу» (не имѣя на то никакого желанія) какъ выпить стаканъ чаю!

Однако—довольно объ этомъ.

Рубиконъ перейденъ, отступать назадъ нельзя; надо жить тѣмъ, что̀ даетъ настоящая жизнь.

---

17 февраля 18.. г.

Три дня тому назадъ, я вернулся изъ г. Тьмутараканска (120 верстъ отъ станицы К.) изъ «отдѣла», куда являлся къ своему новому начальнику—атаману отдѣла.

Digitized by Google

Полковникъ крайне сухо принялъ меня въ отдѣлѣ, сказалъ, чтобы я съѣздилъ въ С—ую станицу и явился къ командующему батальономъ. «Затѣмъ, поѣзжайте въ свою станицу и не извольте никуда отлучаться безъ моего разрѣшенія», сказалъ мнѣ на прощаніе атаманъ отдѣла. Признаться, это меня огорошило. Жить безвыѣздно въ одной станицѣ, да еще такой, какъ К—ая!

На другой день я былъ въ С. станицѣ (такая же глухая, какъ и всѣ) и представлялся своему «командующему». Какой это славный, симпатичный типъ стараго линейнаго казака! Сколько въ немъ юмора и какого-то добродушія! Высокій, съ громадной сѣдой бородою—лопатой, съ очень моложавымъ, чисто русскимъ румянымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе колосса, но добродушнаго, прямо смотрящаго на васъ своими ласковыми, совсѣмъ молодыми глазами. Онъ усадилъ меня за столъ и мы долго бесѣдовали съ нимъ. Какъ онъ простъ въ обращеніи, какъ незамѣтно, что онъ начальникъ! Пробылъ я у него часа три-четыре и многаго наслышался о нашей «льготной службѣ». Оказывается, что батальона de facto не существуетъ, батальоннаго штаба тоже, потому что должностныхъ лицъ въ льготномъ батальонѣ нѣтъ совсѣмъ, хотя станица, гдѣ живетъ командующій, и называется штабъ-квартирой N льготнаго пластунскаго батальона.

Сообщая это, командующій лукаво улыбнулся (у него такая привычка) и сказалъ: «ни адьютанта нѣтъ, ни казначея, ни завѣдывающаго оружіемъ, ничего нѣтъ, живемъ,—какъ Богъ дастъ! Самъ я—и командиръ, и адьютантъ, и писарь... и никому-то нѣтъ дѣла до насъ грѣшныхъ... Содержаніе получаемъ изъ отдѣла съ опозданіемъ, иногда и большимъ. Вотъ, батенька, какія дѣла! Впрочемъ, поживете, — увидите. Жизнь не веселая, офицеры живутъ далеко другъ отъ друга, въ станицахъ, и, по приказанію атамана отдѣла, живутъ безотлучно. До лагеря—поскучаете. Ну, а въ лагерѣ работы по горло, хоть разорвись»,—и командующій провелъ указательнымъ пальцемъ по горлу.

Сидя теперь въ своей хатѣ, я размышляю о томъ, какую пользу приноситъ мое сидѣніе сложа руки, кому оно нужно? «Поживете—увидите»,—сказалъ командующій. Дѣйствительно, теперь я многое уже увидѣлъ, но какъ все это грустно и безотрадно! Во-первыхъ, я сижу въ станицѣ уже второй мѣсяцъ, ни съ кѣмъ не имѣя сношеній. Грязь, по которой нельзя дерзнуть идти даже въ самыхъ глубокихъ калошахъ, усадила меня дома и не позволяетъ дышать чистымъ воздухомъ,—въ хатѣ же стоитъ затхлый, сырой воздухъ отъ частаго смазыванія пола глиной. Моя хатёнка, единственная, которую, послѣ долгихъ мытарствъ, удалось найти при содѣйствіи

Digitized by Google

станичнаго атамана (отставнаго урядника), находится на высокомъ берегу рѣки, раздѣляющей станицу на двѣ части. Я живу не въ центрѣ, т. е. далеко отъ церковной площади, гдѣ сосредоточивается станичная жизнь. Мое помѣщеніе крайне убого: простая, низкая малороссійская хата подъ камышевой крышей, съ крошечными оконцами, такими крошечными, что каждое свободно можно закрыть листомъ писчей бумаги; при этомъ открываются онѣ снизу вверхъ, какъ это бываетъ въ постройкахъ подобнаго рода. Внутри русская печь, деревянный столъ, два расшатанныхъ, простой работы, стула и длинная узкая скамья вдоль стѣны. Хата внутри, какъ и снаружи, мрачна и непривѣтлива. Закоптѣлый потолокъ давитъ своей тяжестью, какъ сводъ каземата; свѣта мало, благодаря размѣрамъ оконъ и классической древности стеколъ, грязныхъ и запыленныхъ, но принимающихъ при блескѣ солнца всѣ оттѣнки радуги; полъ глиняный, благодаря чему я, вотъ уже мѣсяцъ, являюсь жертвой маленькихъ враговъ, для которыхъ глиняный полъ—рай земной.

Въ углу стоитъ деревянная кровать, широкая и длинная, съ такимъ обиліемъ горючаго матерьяла, что его хватило бы для сожженія нѣсколькихъ индійскихъ вдовъ. Эстетическіе порывы моего хозяина выразились въ пріобрѣтеніи двухъ олеографій, купленныхъ у заѣзжаго «венгерца» (по большей части у армянъ, выдающихъ себя за венгерцевъ), которыя висятъ между оконъ. Порядочно таки онѣ надоѣли мнѣ! Одна изображаетъ «ступени человѣческой жизни», гдѣ фигурируетъ человѣкъ, начиная съ младенческаго возраста и кончая ветхою старостью, которая смотритъ одной ногой въ гробъ: изображенъ нѣкій старецъ, съ длиннѣйшей, въ видѣ ледяной сосульки, бородой, сидящій на стулѣ и свѣсившій одну ногу въ гробъ. На другой же изображена краснощекая дѣвица съ голубыми глазами, въ круглой шляпѣ съ огромными полями à la diable m'emporte, утопающая въ облакахъ легкаго газа. Внизу стоитъ надпись: «холодная красавица», а еще ниже: «кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно, но кто не любитъ васъ — тотъ во сто разъ глупѣй». И въ этой-то тюрьмѣ суждено мнѣ жить, не имѣя ни книгъ для чтенія, ни живаго человѣка для бесѣды! Впрочемъ, курьезный мой казакъ иногда заставляетъ забывать на нѣкоторое время невзгоды жизни и я отъ души хохочу тогда надъ его уморительными стараньями сдѣлать мнѣ что нибудь пріятное. Зовутъ его Филипъ Мазепа или короче—Хвылипъ. Онъ тоже оторванъ отъ семьи, которая живетъ далеко въ горахъ. Передъ тѣмъ какъ его назначили ко мнѣ въ постоянные вѣстовые, въ «лакузы»,—т. е. въ лакеи, въ деньщики,—онъ женился. Разъ, при моемъ вопросѣ: любитъ ли онъ

Digitized by Google

свою Оксану и не скучаетъ ли по ней, широкое безусое лицо добраго малаго расплылось въ блаженно-грустную улыбку и въ голубыхъ глазахъ задрожали слезы. «Якъ-же не любыты, ваше бл—іе»?—сказалъ онъ, всхлипывая. Мазепа, видимо,—чувствительный, неиспорченный и очень привязчивый человѣкъ. Мнѣ его жаль, онъ сильно тоскуетъ. Онъ всегда исправенъ, услужливъ; чиститъ до неимовѣрнаго блеска самоваръ и готовитъ мнѣ свой родной борщъ съ саломъ и громадные вареники изъ сѣрой муки,—столъ простой и отчасти демократическій. Все это онъ дѣлаетъ съ охотой и толково, но часто задумывается за дѣломъ и какъ будто застываетъ, уносясь куда-то мечтой.

Ну, довольно. Много я написалъ сегодня, хотя далеко не все, что̀ хотѣлъ занести сюда на память. Этотъ мѣсяцъ такъ богатъ впечатлѣніями (правда, — грустными!) что всего сразу не вспомнишь.

Что-то подѣлываютъ наши офицеры въ «дѣйствующемъ» батальонѣ? Все ли услаждаются пѣснями и лезгинкой? Вспоминаютъ ли насъ, льготныхъ, заживо погребенныхъ въ грязи черноморскихъ станицъ?

Едва ли... «Мертвый въ гробѣ мирно спи; жизнью пользуйся живущій»! А мы для нихъ теперь—мертвые...

---

28 февраля 18.. г.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Саши.

Описываетъ свое житье-бытье крайне мрачными красками. Ему назначили мѣстожительство въ станицѣ Р., окруженной водой и камышами; станица глухая, отъ моей отстоитъ на 80 верстъ и, къ довершенію несчастія, ближайшее почтовое отдѣленіе находится въ 35 верстахъ. Ни въ станицу, ни изъ станицы выѣхать нельзя ни верхомъ, ни на тройкѣ,—въ горахъ таетъ снѣгъ, всѣ окрестности залиты водою. Корреспонденцію Саша получаетъ разъ въ недѣлю, когда изъ Р. ѣздитъ верховой казакъ, посылаемый станичнымъ правленіемъ за полученіемъ корреспонденціи въ счастливую станицу, имѣющую почтовое отдѣленіе. Мое письмо дошло къ нему черезъ 10 дней послѣ отправленія, въ истрепанномъ, печальномъ видѣ, замаранное грязными руками «летучки», которыя далеко не оправдываютъ этого названія, такъ какъ не летятъ, а ползутъ по черепашьи на какихъ-то, мѣстнаго происхожденія, Россинантахъ. Отвѣтъ Саши я получилъ на 8-ой день. Вотъ и новый сюрпризъ, который подноситъ намъ льгота, или, какъ Мазепа говоритъ: «вольгота». Мы находимся всецѣло въ распоряженіи стихій и «летучекъ»; въ ихъ власти—отдалять или приближать счастливыя ми-

Digitized by Google

нуты общенія съ далекими друзьями и всѣмъ міромъ. Оказывается, что 7 станицъ, лежащихъ вокругъ нашей К—ой, точно такимъ же образомъ получаютъ корреспонденцію въ нашемъ почтовомъ отдѣленіи, куда каждую среду являются «летучки», на измореннныхъ лошаденкахъ, съ кожаными сумками черезъ плечо. За посылками же и денежными пакетами посылается «оказія» въ неопредѣленные сроки, зависящіе отъ настроенія духа станичныхъ властей. Телеграммы же здѣсь получаются, какъ и письма, съ сильнымъ запозданіемъ, потому что во всемъ тьмутараканскомъ отдѣлѣ четыре или пять телеграфныхъ станцій, всѣхъ же станицъ до сорока. Приходится здѣсь констатировать грустный фактъ: геніальное изобрѣтеніе, позволяющее быстро сноситься со всѣмъ міромъ, позорно пасуетъ предъ патріархальнымъ строемъ нашей жизни, къ гордости «летучекъ», одновременно привозящихъ и письма, и телеграммы, отправленныя изъ одного и того же мѣста.

Саша пишетъ, что, вслѣдствіе временнаго положенія островитянина, онъ не могъ поѣхать на дознаніе объ оскорбленіи одной казачкой-торговкой станичнаго атамана. Начинаютъ, значитъ, поручать дознанія. Но почему же поручаютъ разборъ такихъ дѣлъ офицеру? — Саша не пишетъ. Самъ же я ничего не понимаю... Вѣроятно, такъ нужно. Живетъ Саша въ такой же хатѣ, какъ и я, платитъ за комнату 20 р. со столомъ, но не доволенъ своими хозяевами. Онъ ни съ кѣмъ не знакомъ. Священникъ, дьяконъ, учитель, станичный атаманъ, да два-три лавочника-армянина составляютъ станичный beau-monde, къ которому Саша не присоединился. Да и въ самомъ дѣлѣ: что онъ Гекубѣ и что она ему? Кстати, онъ пишетъ, что учитель,—единственный человѣкъ, съ кѣмъ можно было бы познакомиться,—вѣчно пьянъ, буянитъ и бьетъ казачатъ, жертвъ своего темперамента и разнузданныхъ страстей. Прочитавъ письмо Саши, я задумался. Заброшены мы съ нимъ богъ знаетъ куда, а когда выберемся на свѣтъ и свободу—трудно и сказать. Вѣдь, если не сообразовались съ нашей, едва начавшейся, службой и отправили на льготу, то также легко можетъ случиться, что мы будемъ сидѣть года на льготѣ. Кто о насъ вспомнитъ, кому мы нужны, кто пойметъ наше положеніе?

---

15 марта 18.. г.

Сегодня годовщина нашей alma mater.

Незабвенная alma mater! За тысячи верстъ, на далекой окраинѣ, въ грустномъ одиночествѣ, справляетъ дорогой праздникъ одинъ изъ твоихъ питомцевъ. Гдѣ вы, товарищи, свидѣтели юныхъ дней и надеждъ, дорогіе друзья и однокашники, гдѣ вы? То ли встрѣ-

Digitized by Google

тили вы въ жизни, на что надѣялись, чего искали, или васъ посѣтили нужда и несчастіе? Какъ хочется мнѣ быть съ вами, какъ хочется васъ слышать и любить! Я сегодня разстроенъ; мнѣ какъ-то особенно тяжело; весь день я самъ не свой, давитъ грудь, къ горлу подступаютъ слезы. Вспомнивъ о корпусѣ, о невозвратно минувшемъ, я вспомнилъ, по ассоціаціи идей, и о моихъ старикахъ. Знаете ли вы, мои дорогіе, какъ я живу теперь, какъ я раскаялся въ своемъ рѣшеніи служить въ пластунахъ, какъ я рвусь къ вамъ, какъ мучусь и тоскую,—одинъ, совсѣмъ одинъ?

Нѣтъ, вы этого не знаете и я ни однимъ словомъ не обмолвлюсь объ этомъ, а буду нести свой крестъ одинъ, покорно и безъ жалобъ...

Содержанія не высылаютъ уже два мѣсяца; сижу безъ денегъ, Мазепа бѣгаетъ каждый день въ контору и возвращается каждый разъ очень опечаленный безрезультатностью своихъ путешествій по глубочайшей грязи, которая залила всю станицу и, кажется, совсѣмъ не боится весны. Мои рессурсы приходятъ къ концу; безъ денегъ ѣхать въ лагери нельзя, и. какъ птица не полетитъ безъ крыльевъ, такъ и хорунжій безъ денегъ останется на мѣстѣ.

На дняхъ послалъ рапортъ, прося выслать содержаніе хотя бы за одинъ мѣсяцъ, а сейчасъ отправилъ отцу письмо, прося выслать денегъ. Скорѣй бы получить ихъ и ѣхать въ лагери.

Наконецъ-то мы увидимся съ Сашей, то-то наговоримся! Воображаю его унылый видъ послѣ четырехмѣсячнаго сидѣнія въ положеніи «островитянина». Маленькій, безъ усовъ и бороды, старающійся, какъ всѣ малорослые люди, казаться большимъ и серьезнымъ, предстанетъ онъ предо мною въ своей неизмѣнной черкескѣ вишневаго цвѣта, съ чудовищно-громаднымъ кинжаломъ. Другихъ офицеровъ я совсѣмъ еще не знаю. Командующій ничего о нихъ не говорилъ; но, помнится, что во время разговора съ нимъ объ офицерахъ, онъ загадочно улыбнулся и ничего не сказалъ на мой вопросъ о составѣ офицеровъ льготныхъ частей вообще. Что бы это значило? Вѣрно, этимъ молчаніемъ и непонятной улыбкой онъ хотѣлъ многое сказать, но я ничего не понялъ.

Самъ командующій—плохой пѣхотинецъ и всю службу провелъ въ конницѣ. Вообще здѣсь, какъ видно и изъ этого примѣра, не обращаютъ вниманія на цензы и спеціальности, и куда назначатъ,—тамъ и служи.

Представляю себѣ положеніе такого командира «на челѣ» храбраго N—го льготнаго пластунскаго батальона!..

Digitized by Google

12 апрѣля 18.. г.

Сегодня радостный день, день громаднаго событія, — пришла почта и привезла мнѣ письмо отъ отца. Онъ пишетъ, что высылаетъ мнѣ деньги, вполнѣ сочувствуя моему положенію. Къ письму приложена вырѣзка изъ «Недѣли»—какъ разъ корреспонденція изъ нашихъ тьмутараканскихъ палестинъ, и все о томъ же, — о невысылкѣ во-время содержанія. Корреспондентъ пишетъ (кто бы это могъ быть? вѣроятно, офицеръ, нашъ же братъ льготный) о дѣятельности льготныхъ офицеровъ въ качествѣ приставовъ: «обязанности приставовъ теперь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исполняются строевыми офицерами, по особымъ порученіямъ начальства. Между тѣмъ, офицеръ долженъ и сотней командовать, и казаковъ по станицамъ обучать, и обязанности приставовъ исполнять, разъѣзжать, имѣть канцелярскіе расходы, а жалованье получать— 60—70 рублей, присвоенныхъ строевому офицеру. «Что это вы, уѣзжаете отъ насъ»?—спрашиваемъ мы офицера, распродающаго вещи.—«Жить, говоритъ, нечѣмъ; три мѣсяца жалованья не высылаютъ, а расписки впередъ требуются; вотъ уже мѣсяцъ какъ отправилъ». Не вѣримъ.—«А этому вѣрите»?—говоритъ онъ и показываетъ рапортъ младшаго офицера, который доноситъ, что, не получая жалованья за октябрь, ноябрь, декабрь прошлаго года и январь настоящаго, онъ умираетъ съ голода.—«А, вѣдь, расписки онъ при мнѣ отправилъ еще въ ноябрѣ»,—заключаетъ нашъ знакомецъ. О, еслибы атаманъ отдѣла зналъ объ этомъ,—показалъ бы онъ своимъ чиновникамъ, какъ задерживать офицерское содержаніе! Молва гласитъ, что причина этому... Впрочемъ, молва не фактъ, а офицеры, не получающіе по 4 мѣсяца своего заслуженнаго жалованья,—это фактъ».

Вотъ содержаніе корреспонденціи. Такъ, значитъ, не я одинъ въ такомъ положеніи, значитъ и другіе офицеры ждутъ подолгу у моря погоды. Это меня нѣсколько утѣшаетъ: не я одинъ, а на людяхъ и смерть—красна.

---

26 апрѣля 18.. г.

«Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія»,—говорятъ обыкновенно; однако, въ моей жизни нѣтъ и тѣни поэзіи. Да и гдѣ ее взять? Не въ убожествѣ же моей хаты, не въ полъ-аршинной станичной грязи, не въ полномъ же одиночествѣ и колоссальныхъ вареникахъ моего Мазепы? Кромѣ всего этого, я давно сижу безъ денегъ; въ карманѣ всего «нѣсколько сантимовъ»,—недостаточныхъ даже для спартанской закуски. «Гдѣ жизнь—тамъ страданіе», — эта перифраза бу-

Digitized by Google

детъ ближе къ истинѣ; къ тому же, наша жизнь наполнена непрерывными страданьями и когда-когда блеснетъ лучъ радости.

Заболтался я, однако. Довольно философствовать о наслажденіи и страданіи. Безполезная философія нисколько не измѣнитъ моей грустной обстановки. Въ станицѣ грязь, накрапываетъ мелкій дождикъ, нависшія тучи роняютъ слезы, какъ будто сочувствуютъ мнѣ. Спасибо имъ! Природа гармонируетъ съ моимъ безрадостнымъ, уныло-тяжелымъ настроеніемъ.

Сейчасъ получилъ повѣстку на 120 рублей,—вѣроятно, это мое жалованье изъ отдѣла.

Поздненько же—мартовское въ концѣ апрѣля, ну, да ничего: mieux tard, que jamais! Вотъ теперь я чувствую себя немножко лучше, чѣмъ утромъ, когда я готовъ былъ призвать всѣхъ пессимистовъ на свѣтѣ и плакать съ ними о страданіи міра, когда я готовъ былъ погрузиться въ нирвану, въ абсолютный нуль, лишь бы избѣжать кошмара «льготной жизни», который меня уже не на шутку пугаетъ. У меня словно выросли крылья, словно горизонты мои стали шире и свѣтлѣе. На самомъ же дѣлѣ,—все по старому: и хата, давящая своимъ низкимъ потолкомъ, и грязь, и скука одиночества, и преданный Мазепа со своими тяжеловѣсными варениками. Неужели же деньги, малое присутствіе которыхъ я ощутилъ, произвели столь магическій переворотъ въ моей психикѣ? Можетъ быть... не знаю! Но не безъ основанія же Мефистофель сказалъ, что

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный,
Тотъ кумиръ—телецъ златой...

А мнѣ, не получавшему два мѣсяца содержанія, не имѣющему приватныхъ средствъ, позволительно было отнестись къ сегодняшней почтовой повѣсткѣ, какъ къ златому тельцу, который сдѣлалъ меня независимымъ и избавилъ отъ унизительнаго обращенія къ станичному атаману.

Итакъ—есть деньги, а въ проэктѣ и отцовскія. Ѣду послѣ завтра въ лагерь. Скорѣе, скорѣе къ свѣту изъ душной тюрьмы и неволи!

У меня идетъ усиленная возня. Мазепа возится со складной походной кроватью, я самъ почти уложился и сѣлъ за столъ, чтобы занести эти строки.

На душѣ у меня необычайно свѣтло и радостно. Давно я не испытывалъ такого легкаго, жизнерадостнаго настроенія.

Яркій солнечный день какъ-то принарядилъ все: подъ стрехой чиликаютъ воробьи, весело прыгаютъ телята по высыхающему двору, задравши хвосты; съ рѣчки доносится плескъ и журчаніе воды,

Digitized by Google

падающей съ плотины; всюду—оживленіе, говоръ и шумъ. Въ раскрытое окно доносится пріятный запахъ только что распустившейся бѣлой акаціи, налившихся почекъ черешень и грушъ, свѣжей земли и чего-то неуловимаго, что всегда ощущается ранней весной.

Итакъ—впередъ, мой вѣрный Мазепа, впередъ и безъ оглядки!

Завтра утромъ, чуть-свѣтъ, покидаю К., гдѣ провелъ въ тоскѣ четыре мѣсяца, и, вѣроятно, сюда не возвращусь. Завтра, завтра заря и обновленіе...

Лагерь подъ ст. С.

3 мая 18.. г.

Наконецъ-то выбралъ я свободную минуту, чтобы заглянуть въ свой дневникъ. Сейчасъ два часа дня, жара невыносимая. Сидя даже въ сыромъ камышевомъ балаганѣ, я обливаюсь потомъ, а потому снялъ бешметъ и сижу въ довольно откровенномъ костюмѣ. Мой сожитель, Хлопченко, лежитъ на ворохѣ соломы, покрытомъ буркой, и сосредоточенно пускаетъ табачный дымъ, положительно утопая въ густыхъ облакахъ «дюбека-крѣпкаго». До сего дня я не могъ взяться за перо,—всѣ дни былъ по горло заваленъ работой. Начну ab ovo.

Выѣхалъ я изъ К. очень рано, на зарѣ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ вечеру быть въ лагерѣ. Выѣхавъ въ степь, я свободно вздохнулъ, и холодный вѣтерокъ, вся атмосфера, напоенная утренней свѣжестью, сразу вывели меня изъ обычной спячки и сонливости. Я такъ долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, что эта быстрая ѣзда, переливчатый звонъ колокольчиковъ, ясное весеннее утро, должны были произвести во мнѣ реакцію. Ни о чемъ не думая, ничего не желая, никого не ненавидя и ничего не жалѣя, ѣхалъ я въ какомъ-то пріятномъ полуснѣ, любуясь просыпающейся природой, слѣдя за далекими перспективами, за убѣгающей вдаль дорогою, за туманными абрисами далекихъ горъ, за желто-краснымъ полымемъ загоравшейся зари. Воздухъ былъ «чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка»,—болѣе удачнаго сравненія я не нахожу. Поля зеленѣли сочной молодой травой; чибисы и чайки, спугнутые звономъ колокольчиковъ, тревожно поднимались и съ крикомъ улетали. Я ѣхалъ и мечталъ, стараясь воскресить въ памяти милые образы и такъ недавно оставленную жизнь дома, кругъ знакомыхъ и все, что я оставилъ въ далекой, гостепріимной Москвѣ.

. . . . . .

Сколько разъ я давалъ себѣ слово не вдаваться никогда въ лирическія отступленія и никогда не могъ отучить себя отъ этого. Право, нейдутъ пластунскому офицеру лиризмъ и сантиментальныя

Digitized by Google

мечтанія! Мои записки ведутся отъ скуки, какъ средство, чтобы «забыться и уснуть» отъ страшной пустоты и безцѣльности всей настоящей фазы моей жизни. Записки эти—плоды «ума холодныхъ наблюденій»,—и не мѣсто здѣсь лирикѣ. Часамъ къ пяти я, запыленный, сильно загорѣвшій, съ пересохшимъ отъ жары горломъ, изрядно усталый и голодный, подъѣзжалъ степью къ С—у лагерю.

Издалека еще я увидѣлъ цѣлый таборъ повозокъ съ камышемъ, соломой, со щитами изъ прутьевъ и съ дрекольями разной величины и толщины. Кругомъ толпились казаки въ разноцвѣтныхъ «партикулярныхъ» черкескахъ, съ задвинутыми на затылокъ папахами; все шумѣло, двигалось, какъ въ муравейникѣ. Нѣсколько человѣкъ возилось около какой-то круглой остроконечной постройки, напоминающей своимъ видомъ гигантскую кучу термитовъ. Одинъ казакъ сидѣлъ на вершинѣ ея и обвязывалъ верхъ пучкомъ соломы.

Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, лежащихъ подъ повозкой и флегматично что-то жующихъ; въ сторонѣ отъ нихъ сидѣлъ казакъ съ длинной черной бородой и чинилъ черкеску. Тутъ же, на берегу рѣки, копошились казаки, силясь установить на козлы огромный котелъ. Вдоль рѣки стояла масса повозокъ, были даже двухколесныя, въ родѣ азіатскихъ арбъ,—это были семьи казаковъ.

Надо всѣмъ этимъ царили гамъ и плачъ: ревѣли дѣтишки, ржали лошади, раздавался стукъ молотка.

Лица казаковъ, большею частію обросшія бородой, сильно загорѣлыя, были настоящія пластунскія. Разнообразіе красокъ, оригинальность костюмовъ, шумъ и свобода во всемъ. Все это такъ и просилось на картину,—это былъ какой-то запорожскій курень, цыганскій таборъ, орда Тамерлана, но только не лагерь, о которомъ я имѣлъ иное представленіе. Мнѣ все казалось оригинальнымъ, интереснымъ; меня, въ первый разъ ставшаго лицомъ къ лицу съ льготными казаками, поражала какая-то свобода, непринужденность во всемъ; не видно было, что это люди, собравшіеся на дѣло; казалось, что собрались они погуторить, погулять на свободѣ. Въ особенности поразило меня присутствіе женщинъ, женъ казаковъ, которыя не могутъ разстаться съ мужьями даже на 21 день! Подъѣхавъ къ остову строющагося длиннаго балагана, я увидѣлъ, въ сторонѣ отъ него, сидящаго на сундукѣ офицера, окруженнаго пожитками.

— Хорунжій Хлопченко!—сказалъ офицеръ, лѣниво поднимаясь съ сундука.—Добре, що пріихалы, а то мини стало сумно.—Я представился.

Digitized by Google

— Эй, хлопци, возьмить вещи пана форунжаго (черноморцы букву *х* произносятъ какъ *ф*), та складайте у кутокъ,—сказалъ Хлопченко.

Нѣсколько казаковъ кинулись къ тройкѣ и въ одинъ мигъ мои жидкіе оберъ-офицерскіе пожитки были сняты и положены возлѣ вещей Хлопченка. Мой сослуживецъ имѣлъ скромный чинъ хорунжаго и лѣтъ сорокъ пять отъ роду. Это былъ замѣтно истощенный человѣкъ, смуглый, съ черными, внизъ висящими, усами на безбородомъ, худомъ и вяломъ лицѣ съ оттѣнкомъ шафрана. Въ его глазахъ читалось равнодушіе и лѣнь; все лицо выражало угрюмую и спокойную натуру.

Мы разговорились. Не видя ни палатокъ, ни какихъ нибудь признаковъ распланировки лагеря,— границъ сотень, «офицерской линейки», задней линіи и т. п.,—я спросилъ его: «а, что же, г. хорунжій, не видно офицерскихъ палатокъ, куда бъ мнѣ вещи сложить да устроиться; вѣдь скоро вечеръ»,—на что хорунжій поднялъ безстрастные глаза и отвѣтилъ... но я лучше приведу дословно интересный діалогъ, происшедшій между нами.

— Палатки? якія палатки?—спросилъ Хлопченко такимъ тономъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «ну, для чего ты пристадъ съ вопросами, интересными только для тебя одного»?

— Какъ какія? офицерскія, какія полагаются!—сказалъ я.

— Ни... ни якихъ палаткивъ не полагается. Льготному охвицеру немà палатки.

— Что—о? офицеру не полагается палатки?—воскликнулъ я, пораженный сообщеніемъ Хлопченка.—Всегда полагается; какъ же безъ палатокъ жить? Да, наконецъ, если никакихъ пособій казна не даетъ на пріобрѣтеніе палатокъ,—должны, значитъ, отпускать натурой, какъ вездѣ, слышите ли: вездѣ, и въ арміи, и въ гвардіи, и въ пѣхотѣ, и въ кавалеріи, всюду и вездѣ!—горячился я.

— Та, ни же, ни! Льготному не полагается. Та що балакать, выпьемо по чарци, по другій!—Говоря это, Хлопченко досталъ изъ переметныхъ сумъ бутылку, серебряный стаканчикъ и кусокъ черкесскаго козьяго сыра. Отъ предложенія Хлопченка я не отказался,—я порядочно проголодался и съ удовольствіемъ выпилъ рюмку водки и закусилъ соленымъ сыромъ. Выпилъ и Хлопченко, послѣ чего налилъ другую рюмку и молча подалъ мнѣ. Я отказался. Онъ посмотрѣлъ на меня долго, внимательно и, ничего не говоря, опрокинулъ въ ротъ вторую рюмку.

Пріемы Хлопченка казались мнѣ оригинальными, къ тому же такой типъ офицера мнѣ не былъ еще извѣстенъ. Видно было, что онъ послужилъ на льготѣ, свыкся съ ней, «опростился» до послѣд-

Digitized by Google

нихъ границъ, на все смотритъ невозмутимо-спокойно и не удивляется тому, напримѣръ, что офицеру на льготѣ не полагается палатки. Меня же отсутствіе палатокъ привело въ великое смущеніе; мнѣ вовсе не хотѣлось ночевать подъ открытымъ небомъ, изображая изъ себя цивилизованнаго номада. Къ вечеру, однако, балаганъ Хлопченка былъ почти готовъ, только крыша едва была начата. Мы расположились въ балаганѣ, прикрывъ верхъ двумя бурками. Вечеромъ, уже передъ сномъ, Хлопченко опять навѣдался въ сумы, нѣсколько разъ пытаясь завлечь меня въ компанію, пуская въ ходъ всѣ пріемы искушенія и убѣжденія: онъ убѣждалъ меня, что «горѝлка гàрна, та полизна для здоровья» и что «пластунъ—не баба, якъ же не пить горилку»?

Испытавъ всѣ средства и убѣдясь въ моемъ непреклонномъ рѣшеніи не пить «гарной горилки», Хлопченко нахмурился, сжалъ брови, и недовольнымъ голосомъ пробурчалъ: «эге! уси москали такіе»!

Я притворился, что не слышу.

Нашъ балаганъ, этотъ скромный пріютъ льготныхъ скитальцевъ-пластуновъ, освѣщался огаркомъ свѣчи, которая была вставлена въ пустую пивную бутылку; стола не было, свѣча стояла на моемъ сундукѣ. Заснули мы скоро: я—утомленный ѣздой, Хлопченко—возліяніями. Въ щели балагана, то тамъ, то сямъ, мигали звѣзды; внутри было темно, сыро и холодно. Я легъ, не раздѣваясь, покрылъ себя всѣмъ, чѣмъ было можно, и, засыпая, слышалъ лепетъ Хлопченка, скороговоркой что-то бормочущаго во снѣ. Ночью разразился ливень,—быстрый и сильный, какіе бываютъ только ранней весной на Кавказѣ. Во мгновеніе ока нашъ балаганъ промочило насквозь и я проснулся отъ ощущенія холода. Мнѣ приснилось, что на мнѣ лежитъ огромная змѣя,—холодная и скользкая. Бурки не помогли, вода лилась сверху, какъ изъ рѣшета. Всю остальную ночь я не могъ уснуть. Какъ я не схватилъ жестокую лихорадку, которая здѣсь, какъ говорятъ, въ недѣлю превращаетъ сильнаго человѣка въ желтый скелетъ,—одному Богу извѣстно.

Это была самая скверная ночь въ моей жизни. Вотъ она гдѣ, настоящая пластунская жизнь! На утро всѣ наши пожитки сушились на солнцѣ. День былъ чудный, слѣдовъ дождя не было и въ поминѣ. Бешметы, черкески, одѣяла, подушки, бурки,—все промокло и теперь сушилось.

Сушился и Хлопченко, сычемъ сидѣвшій возлѣ балагана и мрачно курившій трубку. Кончаю, рука устала. Саша зоветъ обѣдать, т. е., къ малороссійскому борщу, изготовленному казакомъ.

Digitized by Google

4 мая 18.. г.

Нашъ лагерь почти устроился.

Камышевые балаганы разныхъ величинъ и типовъ, палатки, (казачьи), остроконечныя постройки изъ камыша и соломы, досчатые балаганы,—все это вытянулось вдоль передней линейки. Никакой симетріи, никакого порядка. Длинная палатка стоитъ рядомъ съ досчатымъ балаганомъ, а рядомъ съ балаганомъ—камышевая куча, столь похожая на постройку термитовъ; рядомъ съ высокимъ балаганомъ ютится круглая самодѣльная палатка. Объ интервалахъ заботились мало.

Когда я пріѣхалъ въ лагерь, то еще не было ни одного офицерскаго помѣщенія и ни одного офицера, за исключеніемъ Хлопченка. На другой день, сидя на дерновой тумбѣ возлѣ балагана, я вдругъ услышалъ звуки приближающагося колокольчика и вскорѣ, несясь на взмыленной тройкѣ, прискакалъ въ лагерь какой-то пожилой офицеръ въ старенькой, пылью покрытой, николаевской шинели, красный отъ загара, отчего сѣдые усы и жиденькая козлиная бородка еще рѣзче выдѣлялись на темно-бронзовомъ фонѣ его полнаго, загорѣлаго лица. Тройка остановилась и офицеръ началъ медленно слѣзать. Подойдя ко мнѣ неторопливой походкой, онъ, добродушно улыбаясь, старческимъ баскомъ проговорилъ: «Сотникъ Карягинъ»! и немедленно распорядился, чтобы его походную палатку разбили на курганчикѣ, совсѣмъ въ сторонѣ отъ нашего балагана, не на офицерской линейкѣ, основаніе которой положилъ Хлопченко, а сзади лагеря, почти передъ самыми кухнями.

Въ пять минутъ собственная палатка была раскинута и престарѣлый сотникъ учтивымъ движеніемъ руки пригласилъ меня къ себѣ на новоселье. Я отказался, отзываясь нездоровьемъ, на самомъ же дѣлѣ я боялся угощеній, до которыхъ мой новый сослуживецъ былъ охотникъ, такъ какъ привезъ съ собой много признаковъ этой страсти, начиная разнокалиберными бутылками съ разноцвѣтными жидкостями и кончая фіолетовымъ носомъ. Тогда онъ отправился къ Хлопченку, который былъ очень радъ найти себѣ партнера. «Вотъ,—подумалъ я,—сразу видно, что здѣсь онъ свой человѣкъ: ничто ему не ново, все онъ знаетъ и все предвидитъ. Спокойно себѣ прикатилъ, спокойно выбралъ холмъ для ставки, мигомъ разбилъ шатеръ и идетъ уже звать гостей на новоселье»!

Въ этотъ же день пріѣхали: командующій, Саша и остальные, но безъ такихъ удобствъ, какъ Карягинъ,—ни у одного не было своей палатки (Карягинъ же завелъ ее, служа еще въ топографахъ). Вотъ тутъ-то и началась презабавная (и грустная) исторія. Сложивъ съ тройки вещи на землю, офицеръ зоветъ урядника.

Digitized by Google

— Для балагана лѣсу, да живо нарядить рабочихъ! — командуетъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше бл—іе; лѣсу нема, нигдѣ узять, — рапортуетъ урядникъ,—весь лѣсъ на балаганы разобранъ!

— Пшóлъ вонъ, дурракъ! Чтобъ былъ лѣсъ, камыша съ соломой раздобыть, да поворачиваться живѣй,—кричитъ офицеръ, будучи припертъ обстоятельствами къ стѣнѣ и не желая ночевать по цыгански, подъ открытымъ небомъ.

Начинаютъ тянуть лѣсъ, выдергивая шесты и дреколья изъ казачьихъ балагановъ. Гдѣ стащутъ камыша, гдѣ соломы ворохъ, гдѣ плетневый щитъ. Работа кипитъ и чрезъ часъ-другой балаганъ готовъ. Такъ создается по «щучьему велѣнью» убогое жилище для льготнаго офицера. Слава богу, что мнѣ не пришлось прибѣгать къ подобному давленію!

Саша устроился вмѣстѣ съ хорунжимъ Венявскимъ, молодымъ офицеромъ, переведеннымъ къ намъ изъ С—го пѣхотнаго полка. Славное у него лицо! Юное, почти дѣтское, и сколько мягкости и застѣнчивости въ его взглядѣ. Какой сильный контрастъ между имъ и Хлопченкомъ!

Что мы сдѣлали за эти дни? Почти ничего. Сначала устроили лагерь, свои помѣщенія и казачьи кухни; составляли списки людей, формировали сотни и только вчера начали получать винтовки изъ С—го оружейнаго склада. Лагерь долженъ продолжаться 21 день, а мы уже потратили на устройство его и формированіе батальона почти треть времени. Интересно знать, когда мы успѣемъ пристрѣлять винтовки, пройти курсъ стрѣльбы, сотенныя ученья, сторожевую службу, разсыпной строй, тактическія ученья, батальонныя и т. д., и т. д? Успѣхъ нашихъ занятій, судя по началу, весьма и весьма проблематиченъ.

Мое жилище представляетъ массу неудобствъ. Сырая затхлость отъ набросаннаго на крышу камыша и соломы, и вѣтеръ, проникающій во всѣ щели,—два неотвратимыхъ зла. Оконъ въ балаганѣ не имѣется; открытая настежъ камышевая дверь замѣняетъ его; въ дождь же приходится сидѣть въ полумракѣ.

Да, этимъ офицерскимъ помѣщеньямъ не позавидовали бы папуасы, бушмены и обитатели Огненной земли, далеко превзошедшіе насъ въ незатѣйливой архитектурѣ своихъ построекъ. Офицерскихъ балагановъ, не считая оригинальной ставки Карягина, пять. Въ самомъ большомъ помѣстилась компанія, которая у насъ называется «пансіономъ». Сотникъ Асановъ—мрачный и крайне молчаливый офицеръ-горецъ, съ типичнымъ восточнымъ лицомъ: угломъ подстриженная темная бородка, дугой выведенныя черныя брови, ма-

Digitized by Google

товый цвѣтъ лица, маленькій лобъ краси ой формы, мрачно-спокойные, какъ у всѣхъ горцевъ, глаза. Есаулъ Страшненко—длиннобородый, лѣтъ 45, мужчина, мой сотенный командиръ, хитрый хохолъ-балагуръ, вѣчно на-веселѣ, или, какъ выразился любящій пофранцузить Абраловъ: «entre deux vins». Въ такомъ состояніи Страшненко пребываетъ почти все время, хохоча и разсказывая самые невозможные анекдоты изъ армянскаго быта. Третій обитатель «пансіона»—подъесаулъ Коротятько. Еще молодой, не по лѣтамъ полный человѣкъ на короткихъ, мясистыхъ ногахъ, съ тальей, едва обозначенной кинжальнымъ ремнемъ, совершенно лысый, съ толстой шеей и отвислой нижней губой, онъ производитъ впечатлѣніе гурмана и любителя всякихъ чувственныхъ наслажденій. Сонные сѣрые глаза какъ будто всегда дремлютъ; онъ всегда выбираетъ спокойныя позы, усаживается удобнѣе, и за столомъ, полнымъ снѣди и питья, готовъ просидѣть двадцать четыре часа сряду. Оживляется онъ только при видѣ закусокъ и питья, да при разсказахъ Страшненка, когда тотъ передаетъ пансіонской компаніи свои армянскіе анекдоты. Онъ лѣнивъ и тяжелъ на подъемъ и крайне разсѣянъ, такъ что разъ пришелъ къ командующему батальономъ съ рапортомъ въ туфляхъ, забывъ надѣть сапоги. Его разсѣянность породила цѣлую коллекцію подобныхъ случаевъ, и въ этомъ отношеніи онъ неисправимъ. Въ общемъ, онъ спокоенъ, скорѣе уменъ, чѣмъ глупъ, кое-что читалъ, любитъ философію и, конечно, философію Эпикура, хотя и не слѣдуетъ ей вполнѣ, набираясь не по эпикуровски виномъ изъ нѣмецкой колоніи. Саша находитъ, что онъ похожъ на Фальстафа. Можетъ быть, но это сходство больше внѣшнее, чѣмъ внутреннее.

Разбитной, двадцатишестилѣтній сотникъ Колокольцовъ — изъ типа «жизнерадостныхъ»: у него вѣчная улыбка на устахъ; каштановыя кудри кокетливо вьются, обрамляя бѣлый чистый лобъ; розовыя губы всегда полуоткрыты и, кажется, вотъ-вотъ скажетъ онъ что нибудь веселое и пріятное. Сложенъ образцово, талья перетянута въ рюмочку, походка легкая, бодрая. Одѣвается онъ съ претензіей на кабардинскій шикъ, безъ лишнихъ побрякушекъ: дорогое оружіе, но въ изящной, простой отдѣлкѣ; носитъ всегда чувяки вмѣсто сапогъ, и отлично танцуетъ лезгинку. Кромѣ всѣхъ даровъ, которыми щедро надѣлила его природа, у него спеціальный даръ,—онъ имѣетъ пріятный, хорошо обработанный голосъ и даръ музыкальной импровизаціи. Въ пластуны онъ перевелся изъ кавалеріи, послѣ того какъ расшибся на джигитовкѣ и получилъ вывихъ руки.

Послѣднимъ членомъ «пансіона» былъ сотникъ Абраловъ, про-

Digitized by Google

званный за свой высокій ростъ и длинныя ноги «Донъ-Кихотомъ Пластунскимъ». Что это за человѣкъ,—хорошенько я еще не знаю; думаю, что неглупый, порядочный и хорошей фамиліи, что̀ видно изъ его изящныхъ, не лишенныхъ извѣстной комильфотности, манеръ и умѣнья вести себя со всѣми ровно и съ достоинствомъ. Когда-то бывшій въ университетѣ, но не кончившій курса вслѣдствіе какой-то исторіи, онъ попалъ на Кавказъ, поступилъ юнкеромъ въ н-скій драгунскій полкъ и черезъ два года былъ произведенъ въ корнеты. Корнетомъ онъ скоро закутилъ, прожилъ небольшое отцовское наслѣдство; въ полку стало служить не по средствамъ и онъ перевелся въ пластуны. Теперь ему не болѣе тридцати лѣтъ, но онъ глядитъ старше,—чрезвычайная худоба старитъ его. Онъ мнѣ нравится; въ немъ видны воспитаніе и недюжинный умъ. Рядомъ съ «пансіономъ» помѣщается офицеръ Смѣлый, въ маленькомъ, уютномъ балаганѣ; дальше—Венявскій съ Сашей, я съ Хлопченкомъ, а сзади офицерскихъ помѣщеній, шагахъ въ двадцати пяти—балаганъ командующаго. Оригиналъ Карягинъ ни за что не хочетъ поставить свою палатку на одну линію съ офицерскими балаганами и остается на курганѣ. Говорятъ, что онъ продѣлываетъ это каждый лагерь.

Я все приглядываюсь къ офицерамъ и пока ничего опредѣленнаго не могу сказать только объ Абраловѣ. Что касается до моего сожителя, то я его, кажется, вполнѣ понимаю. Развитъ онъ мало, почти безграмотенъ. Въ офицеры произведенъ изъ урядниковъ за отличіѐ ещѐ въ кавказскую войну; ничѣмъ не интересуется, рѣдко выходитъ изъ балагана, предпочитая днями лежать на соломѣ. Онъ о чемъ-то сосредоточенно мечтаетъ или думаетъ,—трудно опредѣлить это,—пуская клубы табачнаго дыма, изрѣдка произнося протяжнымъ голосомъ: «а мнѣ, сотникъ, хочется почему-то съ вами выпить», на что̀ я ему неизмѣнно отвѣчаю: «а мнѣ почему-то не хочется съ вами пить». Послѣ обмѣна этихъ фразъ, онъ весьма спокойно говоритъ: «дòбре»! и выпиваетъ одинъ, снова впадая въ тихую задумчивость и снова исчезая въ облакахъ дыма. Замѣчательно, что онъ всегда, очень серьезно, называетъ меня сотникомъ, когда я всего только хорунжій.

Что за думы бродятъ въ этой бѣдной головѣ, какіе происходятъ въ ней мыслительные процессы, чѣмъ занятъ его мозгъ въ теченіѐ цѣлаго дня,—длиннаго, жаркаго лѣтняго дня? Къ лагерю онъ безучастенъ: ни на пристрѣлку ружей не ходитъ, ни въ сотню. Внѣ балагана и не на соломѣ, съ трубкой въ зубахъ, странно было бы его увидѣть. Онъ цѣлыми днями спитъ, не раздѣваясь, на соломѣ, прикрытый буркой, а если и бодрствуетъ, то все же лежитъ,

Digitized by Google

курить и молчитъ. Онъ меня ужасно стѣсняетъ, я же его, повидимому, нисколько.

Къ офицерамъ Хлопченко,—какъ и къ службѣ, какъ и ко всему на свѣтѣ,—относится одинаково, т. е. никакъ, не обнаруживая ни симпатіи, ни антипатіи, ни дружбы, ни вражды. Міръ самъ по себѣ, а онъ, Хлопченко, самъ по себѣ. Командующій махнулъ на него рукой и уже не тревожитъ. Да и зачѣмъ тревожить? Знаній у него никакихъ, службу, да и то въ конномъ полку, онъ бросилъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ и, неизвѣстно для чего, только годъ тому назадъ поступилъ на службу въ пластуны.

Пансіонская компанія—тоже типы. Мой сотенный командиръ,—въ душѣ добрѣйшій человѣкъ и, говорятъ, прекрасный семьянинъ,—любитъ веселую компанію; онъ—душа пансіонскихъ собраній. Стоитъ сойтись компаніи, да еще явиться лихимъ пѣсенникамъ, да запѣть разудалую: «гопъ, мои гречаныки, гопъ, *мои милы*», какъ Страшненко мгновенно преображается, начинаетъ суетиться и немедленно же организуетъ вечеръ въ пансіонѣ. Летятъ тогда казаки въ разныя стороны и приносятъ водку, пиво, баранину и жирную, золотистую шемаю,—эту излюбленную здѣсь закуску. Приготовляется на кинжалахъ вкусный шашлыкъ—и пиръ, и веселье идутъ во всю.

Я отчасти оправдываю нашъ «пансіонъ». Не видѣвшись другъ съ другомъ цѣлый годъ, встрѣчаясь на короткое время въ лагерѣ, послѣ мертвящей скуки одинокаго существованія въ глухихъ станицахъ, можно и не тѣмъ еще праздновать свою встрѣчу... На пансіонскихъ вечерахъ (вѣрнѣе, ночахъ) истинное удовольствіе доставляетъ своимъ пѣніемъ Колокольцовъ. У него прекрасный теноръ и поетъ онъ съ душой. Когда, взявъ гитару, онъ запѣваетъ мелодично-грустную, извѣстную всѣмъ пѣсню:

Ни, мамо, не можно... и т. д.

то даже Коротятько пробуждается отъ сытаго забытья и изумленно смотритъ ему въ глаза, нервно шевеля своей отвислой губой; даже мрачный Асановъ смотритъ въ это время нѣсколько растроганно, а разъ, забредшій въ «пансіонъ» какимъ-то чудомъ, Хлопченко, никѣмъ и ничѣмъ не интересующійся, долго стоялъ въ дверяхъ балагана, понуря голову, и вдругъ, неожиданно произнесъ: «оцѣ, добре, наши черноморськи писни спивають, це не москалѣви»!..

Колокольцовъ недурно импровизируетъ. Его часто просятъ спѣть собственную импровизацію на слова Тютчева: «Я очи зналъ, о, эти очи! Какъ я любилъ ихъ—знаетъ Богъ»!.. немного напоминающую романсъ: «Вотъ мчится тройка удалая».

Офицеръ Смѣлый, прозванный Васькой-Каиномъ за свою сви-

Digitized by Google

рѣпость,—типъ, но въ иномъ родѣ, чѣмъ Хлопченко, Страшенко и другіе. Онъ уже не молодъ, на службѣ состоитъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, долго служилъ вмѣстѣ съ Карягинымъ, межуя земли по кавказскому хребту. Вся его молодость, вся служба протекли въ горахъ на лонѣ природы и, вѣроятно, природа положила на него свой отпечатокъ. Онъ упрямъ, дикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтски-наивенъ. Онъ—олицетворенное enfant des bois: мало образованъ, ничего никогда не читалъ и страстный охотникъ. Внѣ охоты и природы, міръ для него не существуетъ; жизнь въ горахъ, постоянное общеніе съ природой были причиной того, что Смѣлый зналъ много тайнъ природы, которыя для насъ оставались темными и загадочными. Встаетъ Смѣлый съ зарей, умывается холодной водой и садится возлѣ балагана за походный самоварчикъ, выпивъ предварительно рюмочку и закусивъ перепелкой. Лагерь еще спитъ, а Смѣлый, въ куцемъ бешметѣ изъ порыжѣлаго отъ времени, когда-то чернаго кашемира, выходитъ изъ уютнаго балагана (одинъ только онъ съумѣлъ сдѣлать свое жилище сноснымъ!) и, куря изъ мундштука,—толстаго вишневаго обрубка, изъ практическихъ видовъ сдѣланнаго имъ самимъ,—долго и зорко смотритъ на загорающееся небо. Сообразивъ что-то, онъ беретъ ружье, своего Карò, желтаго сетера, и идетъ скорыми шагами за лагерь, въ степь. Возвращается онъ съ трофеями тогда, когда мы только что встаемъ на занятія. А то, вечеромъ, выдетъ изъ балагана и слѣдитъ за закатомъ, за направленіемъ вѣтра, наблюдаетъ за конскимъ табуномъ, какъ рѣзвятся лошади, слѣдитъ за играющей въ водѣ рыбою, прислушивается къ перекликанію перепеловъ и всегда что нибудь процѣдитъ сквозь зубы, посасывая толстѣйшій мундштукъ: «а, будетъ завтра, хлопцы, дождь, здоровый будетъ», или: «по небу тонкія облака, да и заря красная,—будетъ восточный вѣтеръ», и все исполняется, какъ онъ предсказывалъ. Онъ знаетъ всѣ примѣты, понимаетъ природу, какъ никто. Ужь именно—

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье...

Секретовъ своихъ по части разумѣнія природы онъ никому не повѣряетъ, а сообщаетъ только свое мнѣніе, которое для насъ, увѣровавшихъ въ его «дышаніе природой», становится несомнѣннымъ фактомъ. Былъ на дняхъ такой случай. Встрѣчаюсь съ Венявскимъ; бѣжитъ розовый, запыхавшійся, при шашкѣ. Спрашиваю: «куда»?—«Къ командующему. Хочу проситься завтра въ станицу, черкесы привели лошадей, хочу купить иноходца... боюсь только, дождь помѣшаетъ»...—Какой дождь,—спрашиваю,—откуда вы его взяли?—«Смѣлый сказалъ!»—отвѣтилъ мнѣ на ходу Венявскій. И что же?

Digitized by Google

На другой день, съ утра полилъ дождь и Венявскій въ станицу не ѣздилъ. Кромѣ всего этого, Смѣлый прекрасно лѣчитъ собакъ, домашнихъ животныхъ и,—какъ говорилъ мнѣ любящій подтрунить Абраловъ,—пробовалъ лѣчить и людей, рекомендуя ото всѣхъ рѣшительно болѣзней водку съ перцемъ, съ примѣсью «іорданскаго» камешка (что это за камешекъ—не знаю). Устроился онъ лучше всѣхъ насъ; прошлая служба въ горахъ выработала изъ него хорошаго практика: въ его балаганѣ уютно, не сквозитъ, а бывшій вчера и третьяго дня ливень не причинилъ ему ни малѣйшаго безпокойства. Верхъ онъ закрылъ рогожами и буркой, надъ койкой повѣсилъ старенькій дагестанскій паласъ; въ ногахъ (предохраненіе отъ насморка) собственной охоты медвѣжья шкура. Практиченъ и разсчетливъ онъ идеально; деньги же любитъ не меньше любаго здѣшняго горца.

Одѣвается онъ невозможно: старая коричневаго цвѣта черкеска съ протертыми газами (патронники на груди), совершенно изношенные погоны, обгрызенные на концахъ мышами; чумацкіе, никогда не чистящіеся, сапоги, и на головѣ черная папаха, попорченная молью. Руки въ мозоляхъ, а ногти носятъ постоянный трауръ. Если прибавить къ этому средній ростъ, крѣпкую фигуру, голову, какъ-то упрямо посаженную на морщинистой, загорѣлой шеѣ, сѣрые волчьи глаза, нѣсколько мясистый прямой носъ, коричневое въ глубокихъ морщинахъ лицо, огромные свѣтло-русые усищи и такого же цвѣта бороду лопатой,—никогда не знавшую ни щетки, ни гребня,—вотъ точный портретъ Смѣлаго. Что было бы, еслибы Хлопченку и Смѣлаго перенести сейчасъ на Невскій проспектъ и бросить въ толпу хорошенькихъ женщинъ, модныхъ франтовъ и изящной военной молодежи? Воображаю!

Finita. Командующій зоветъ къ себѣ. Вѣроятно, какое нибудь приказаніе. Ну, и навалили же на меня кучу всякихъ обязанностей, благодаря широкой натурѣ моего сотеннаго. Иду. Хлопченко покоится на своемъ низкомъ ложѣ и считаетъ въ кошелькѣ мѣдныя деньги. Боже мой, какія у него руки и лицо! Немытый, съ заплывшимъ лицомъ, въ пыли и соломѣ... И это жизнь?

Влад. Михайловичъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

НЕДОВѢРЧИВЫЙ БОГАЧЪ.

Разсказъ **Вальтера Безанта.**

I.

Жалобы на огорченія богача.

— Неужели, Китъ, мы, въ самомъ дѣлѣ, не видались уже пять лѣтъ? Впрочемъ, это возможно: я пересталъ считать время.

— Но развѣ вы его считали когда нибудь, дорогой Денни? Для васъ считать время совершенно излишній трудъ. Вы просто можете наслаждаться каждой минутой своего существованія. Только тотъ долженъ считать время, кто бѣденъ и живетъ своимъ трудомъ. Вотъ почему для однихъ время летитъ слишкомъ быстро, а для другихъ тянется слишкомъ медленно. Помните, что̀ говорится въ пѣснѣ моего собственнаго сочиненія:

Жизнь длинна только для тѣхъ, которые не трудятся,
Которые веселятся и наслаждаются,—только для тѣхъ.

Собесѣдниками были два молодыхъ человѣка, сидѣвшіе въ небольшой комнатѣ меблированнаго отеля. Мѣсто дѣйствія нашего разсказа—скромный Пель-Мель; время—два часа пополудни; сезонъ—іюнь мѣсяцъ. День былъ очень жаркій—всѣмъ памятна страшная іюньская жара этого благословеннаго года—и окна комнаты были распахнуты настежъ. Снизу, съ улицы, слышался безпрерывный грохотъ экипажей, стукъ множества ногъ и звуки множества голосовъ.

Они позавтракали вмѣстѣ; столъ еще не былъ убранъ, но молодые люди уже покинули его. Одинъ изъ нихъ выбралъ себѣ самое большое и спокойное кресло и развалился въ немъ, всей своей фигурой выражая полнѣйшее физическое довольство. Другой стоялъ у камина, опираясь на каминную полку.

Digitized by Google

Этотъ послѣдній былъ именно тотъ, который пересталъ считать время. Онъ былъ хозяиномъ этой квартиры. Его звали Денисъ Сторлингъ, и онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы казаться красивымъ и симпатичнымъ по внѣшности. Въ самомъ дѣлѣ, у него были правильныя черты, пріятные глаза, волнистые, свѣтлые волосы и статное сложеніе. Но его красивое лицо было омрачено облакомъ хроническаго недовольства и въ его голосѣ слышалась усталость, не имѣвшая ничего общаго съ переутомленіемъ девятнадцатаго вѣка, о которомъ еще недавно такъ много говорили, а теперь не говорятъ ничего. И эта усталость, и разочарованіе Денни Сторлинга были непритворны; его душа была, дѣйствительно, полна глубочайшаго недовольства. Молодой человѣкъ, въ особенности такой, который, по мнѣнію другихъ молодыхъ людей, обладаетъ всѣми данными, чтобы чувствовать себя счастливымъ, не станетъ же безъ всякой причины брюзжать по цѣлымъ днямъ.

Второй изъ присутствующихъ,—тотъ, что лѣниво развалился въ креслѣ, — имѣлъ фигуру крѣпкую, даже толстую, цвѣтъ лица красный, волосы темные, короткіе; носъ у него былъ широкій; это превосходный знакъ, всегда указывающій, что обладатель такого носа имѣетъ добрую товарищескую натуру; его глаза, закрытые очками—не pince-nez, а простыми очками—сверкали позади этихъ стеколъ какимъ-то особеннымъ огнемъ; самый обыкновенный наблюдатель замѣтилъ бы, что свѣтъ, искрившійся изъ этихъ глазъ, былъ тѣмъ огнемъ, который поэты называютъ мерцаніемъ, подобнымъ мерцанію звѣздъ. Такое мерцаніе, къ счастію, не слишкомъ рѣдкое исключеніе среди человѣческихъ глазъ. Люди ничтожные, вырождающіеся, истерическіе декаденты новѣйшаго времени, защитники права голосованія для женщинъ или мудрецы, старающіеся пересоздать міръ парламентскими биллями,—всѣ эти существа лишены такого внутренняго огня глазъ. Природа обдѣлила ихъ. Епископы, однако, иногда бываютъ одарены подобной искрой; но съ другой стороны я зналъ издателей юмористическихъ журналовъ, которые не обладали этимъ счастливымъ качествомъ. Можно еще вообразить папу съ мерцаніемъ въ глазахъ, но не президента Соединенныхъ Штатовъ. Ирландскій уставъ не допускаетъ этого.

Имя счастливца было Коттрелъ, и такъ какъ ему не осо-

Digitized by Google

бенно нравилось имя Христофора, данное ему при крещеніи, то друзья звали его попросту—Китъ.

Полулежа въ креслѣ, онъ допивалъ уже второй стаканъ шампанскаго.

— Какъ я люблю,—тихо, словно про себя, заговорилъ онъ, держа бокалъ противъ свѣта,—наблюдать за этой пѣной, которая съ шумомъ подымается на поверхность. Эти жемчужныя капли—эмблема радости и веселья. Отчего мы не можемъ всегда быть веселыми и безпечными? Денни, вы никогда не трудитесь и, должно быть, ужасно счастливы.

— Китъ!—нетерпѣливо перебилъ другой, — такъ можетъ разсуждать только ребенокъ. Прилично ли человѣку вашихъ лѣтъ воспѣвать шампанское?

— По части шампанскаго я всегда останусь ребенкомъ. Денни, что за счастливый случай свелъ насъ сегодня вмѣстѣ! Міръ такъ великъ, что мы могли никогда не встрѣтиться. И въ то же время онъ такъ малъ, особенно въ томъ его концѣ, который называется Лондономъ, что трудно не столкнуться съ каждымъ.

Я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и предупредить моихъ читателей, что если они признаютъ сверхъестественныя явленія лишь при таинственной обстановкѣ,—имъ лучше закрыть мою книгу, не читая. Лучшіе мыслители нашихъ дней уже доказали читающей публикѣ, что самыя необыкновенныя вещи происходятъ при самыхъ обыденныхъ условіяхъ. Самыя поразительныя чудеса происходятъ въ скромныхъ гостинныхъ или въ залѣ клуба. Намъ незачѣмъ отыскивать привидѣній въ разрушенныхъ замкахъ, покинутыхъ аббатствахъ и на уединенныхъ кладбищахъ. Призраки являются къ намъ сами въ нашу собственную комнату, при полномъ дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ концовъ это возвратъ къ доброму старому времени.

Слѣдовательно вещи, о которыхъ я собираюсь повѣствовать, не представляютъ собою ничего невѣроятнаго. Ежедневно передъ нашими глазами происходятъ еще болѣе необыкновенныя явленія, въ чемъ удостовѣряютъ насъ самые почтенные и ученые очевидцы. Вы тотчасъ же убѣдитесь, что мой разсказъ не представляетъ ничего ни особенно новаго, ни особенно оригинальнаго.

— Но что вы подѣлывали эти годы, Китъ?—спросилъ Денни.

Digitized by Google

— Умиралъ съ голоду.

Онъ взглянулъ на Денни и засмѣялся, держа бокалъ въ рукѣ. Самъ Бахусъ, одѣтый въ современное платье, не могъ бы смотрѣть и смѣяться иначе.

— Но вы такой толстякъ; вы смѣетесь, и повидимому совершенно счастливы.

— Кто не будетъ смѣяться за бутылкой шампанскаго? И, не смотря на это, я все же умираю съ голоду. То есть, говоря попросту, я принужденъ работать. Денни, другъ мой,—продолжалъ онъ торжественно,—работу называютъ общимъ удѣломъ, но какъ же мучителенъ этотъ удѣлъ! Я работаю,—вздохнулъ онъ,—для тѣхъ изданій и журналовъ, которые желаютъ моего сотрудничества. Вслѣдствіе этого я не преуспѣваю,—зѣвнувъ, прибавилъ онъ. — Я пишу такъ мало. Я улыбаюсь, но мое сердце болитъ, потому что работа для меня ненавистна.

— Работа для него ненавистна!—повторилъ Денни съ изумленіемъ. — А мнѣ такъ кажется, что это единственная вещь, ради которой стоитъ жить на свѣтѣ.

— Признаюсь, и у меня были тщеславныя мечты. И я жаждалъ успѣха, стремился подняться выше толпы,—онъ оперся локтями на ручки кресла и приподнялся съ подушекъ, какъ бы собираясь встать,—но мое глупое, жирное тѣло воспрепятствовало этому. Оно требуетъ, чтобы его питали мясомъ, поили виномъ, прокуривали сигарами, укладывали въ постель, сажали въ клубѣ на покойное кресло. Это тѣло—настоящее животное. Еслибы не оно, я могъ бы сдѣлаться великимъ романистомъ или великимъ драматургомъ! Оно принуждаетъ меня проводить бо̀льшую часть дня въ праздности и, слѣдовательно, въ бѣдности. Иногда... Но довольно объ этомъ. А что дѣлали вы?

— Ничего. Я оставался богачемъ, какъ вы уже знаете. Я милліонеръ,—отвѣчалъ Денни съ самымъ мрачнымъ видомъ.— Я владѣю громаднымъ состояніемъ.

— Ну, это еще не велика бѣда. Отъ богатства легко избавиться.

— Не тому, кто такъ страшно богатъ, какъ я. Видите ли, Китъ, бѣдность вамъ нисколько не повредила: вы смѣетесь также громко и весело, какъ всегда. Я думаю, вы по прежнему любите разсказывать разныя исторіи собственнаго сочиненія, пишете романсы и распѣваете ихъ въ дружеской компаніи?

Digitized by Google

— Конечно. Я принужденъ самъ пѣть свои романсы въ клубѣ, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными публикѣ. Точно также я самъ играю свои драматическія произведенія. Но разсказывайте о себѣ. Вы, конечно, путешествовали. Что же дальше? Вы кажетесь не такимъ веселымъ, какимъ долженъ быть человѣкъ въ вашемъ счастливомъ положеніи. Жизнь,—я цитирую одну изъ своихъ непринятыхъ на сцену и неоконченныхъ драмъ,—жизнь подобна этому бокалу, наполненному жемчужной, сверкающей пѣной. Она подымается, кипить и исчезаетъ; и однако мы наслаждаемся, прикасаясь къ ней устами. Почему вы не сядете и не упьетесь этой влагой? Продолжайте, милѣйшій Крезъ.

— Мнѣ нечего продолжать. Я путешествовалъ. Міръ божій переполненъ отелями, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга.

— И это были очень недурные отели, не такъ ли? Продолжайте. Вѣдь недурные, да?

— Я ничего не дѣлалъ, и никогда ничего не сдѣлаю, кромѣ того, что буду получать свои доходы, и часть изъ нихъ проживать. Это все.

— Императоръ Домиціанъ окончилъ подобную же карьеру тѣмъ, что сталъ ловить мухъ. Когда-то, мнѣ помнится, вы очень краснорѣчиво разсуждали объ извѣстной отвѣтственности, налагаемой...

— О, да, да! мы всѣ когда-то разсуждали, — перебилъ Денни, глубоко засовывая руки въ карманы, какъ будто находилъ, что для нихъ всего удобнѣе оставаться скрытыми.—Когда мы были молоды, мы разсуждали о всевозможныхъ нелѣпостяхъ. Это никому не вредило и помогало убивать время. Я пережилъ эти иллюзіи.

— И это большое несчастье. Что касается меня, я до сихъ поръ лелѣю ихъ съ своемъ сердцѣ. Чортъ возьми! неужели вы думаете, сэръ, что если кто нибудь дастъ себѣ трудъ прочесть какую нибудь мою повѣсть, когда она будетъ написана, или посмотрѣть въ театрѣ какую нибудь мою пьесу, когда она будетъ поставлена, то онъ сдѣлаетъ это съ какой нибудь особенной цѣлью, а не ради милыхъ старыхъ иллюзій — любви, дружбы, самоотверженія?

— Я могъ бы быть отвѣтственнымъ, еслибъ у меня были

Digitized by Google

какіе нибудь служащіе и подчиненные. Но ихъ у меня нѣтъ. Еслибы у меня была недвижимая собственность, были арендаторы и фермеры, я чувствовалъ бы себя отвѣтственнымъ, но ничего этого нѣтъ. Мое состояніе заключается въ денежныхъ бумагахъ. Я не владѣю ни однимъ акромъ земли, ни однимъ собственнымъ домомъ. Никто не платитъ мнѣ ренты, никому я не плачу жалованья, никто меня не проклинаетъ, никто не благословляетъ. Я имѣю отвѣтственность только въ абстрактѣ—ко всему человѣчеству вообще.

— Дѣло плохо. Но у васъ еще есть спасеніе—вы можете влюбиться. Вмѣсто всего человѣчества въ абстрактѣ, вы полюбите одно существо въ частности. Найдется множество прелестныхъ дѣвушекъ, которыя не прочь выйти замужъ за молодаго человѣка, если даже онъ такъ ужасно богатъ, какъ вы. Надо только, чтобы онъ съумѣлъ воспользоваться случаемъ.

— Любовь? Да... по временамъ и я думалъ объ этомъ. Но я не вѣрю женщинамъ. Онѣ хотятъ выйти за меня ради моихъ денегъ.

— Это очень грустно, дружище. Вамъ, дѣйствительно, слѣдуетъ что нибудь предпринять, Денни. Почему не заняться политикой? Не хотите? Ну, такъ займитесь литературой, искусствомъ.

— Для того чтобы работать на почвѣ искусства, надо имѣть талантъ. Никто не захочетъ быть третьестепеннымъ. Счастливцы—бѣдняки, принужденные работать...

— Счастливцы—бѣдняки, принужденные работать?! — повторилъ Китъ съ удареніемъ.

— Они могутъ поклоняться старымъ иллюзіямъ. Могутъ вѣрить въ филантропію, возвышенную человѣческую натуру, безкорыстное самопожертвованіе, чистый патріотизмъ и тому подобныя прекрасныя вещи.

— Нѣтъ, вамъ дѣйствительно худо, — симптомы чрезвычайно тревожны,—сказалъ Китъ.

— Никто не знаетъ, — молодой Крезъ еще глубже засунулъ руки въ карманы,—никто не можетъ понять, какъ отвратительно имѣть столько денегъ. Все вокругъ лишено и красокъ, и вкуса. Все кажется тусклымъ, холоднымъ, прѣснымъ.

— Холоднымъ и прѣснымъ,—задумчиво произнесъ Китъ.— У насъ, въ клубѣ, рѣдко попадаются такія невкусныя блюда.

Digitized by Google

— Еслибы еще быть старшимъ сыномъ въ семьѣ, носить титулъ и древнее имя, владѣть стариннымъ барскимъ помѣстьемъ,—тогда положеніе было бы довольно сносно. Но вѣдь я десятилѣтнимъ школьникомъ получилъ цѣлую кучу денегъ. У меня нѣтъ семьи, нѣтъ никакого фамильнаго герба.

— Ужасно!

— Это началось еще въ школѣ. Всѣ товарищи работали: имъ надо было сдѣлать карьеру, отличиться. А богатый мальчикъ—никто и не подозрѣвалъ, какимъ одинокимъ дѣлало его это богатство,—можетъ ничего не дѣлать, онъ обезпеченъ. Ему незачѣмъ учиться. Съ годами его положеніе становится еще тяжелѣе. Если природа надѣлила его какимъ нибудь дарованіемъ—не знаю, есть ли у меня хоть какое нибудь дарованіе?—онъ не смѣетъ примѣнять его къ дѣлу, потому что это значитъ отнимать хлѣбъ у бѣдняка. Только вы счастливцы, не имѣющіе денегъ, можете показать міру, какъ вы умны и талантливы. Такимъ образомъ, единственная наука, которую я могъ изучать, не принося вреда своимъ ближнимъ, это—вкусъ кларета.

— Очень хорошая наука, если, зная вкусъ кларета, вы имѣете и самый кларетъ,—замѣтилъ Китъ.—А вотъ я переношу мученія Тантала: мнѣ дали вкусъ, но не дали кларета.

— Другіе люди,—продолжалъ Крезъ,—нуждаясь въ какой нибудь вещи, работаютъ, чтобы пріобрѣсти ее. Работа увеличиваетъ въ ихъ глазахъ цѣнность получаемой вещи. Я же могу купить все, что только захочу. Если человѣкъ можетъ имѣть все, онъ не цѣнитъ ничего.

— Истина, святая истина!

— Когда вы становитесь взрослымъ и вступаете въ свѣтъ, вы замѣчаете—каждый изъ богатыхъ людей очень скоро замѣчаетъ это — что міръ населенъ людьми двоякаго сорта: тѣми, которые просятъ, и тѣми, которые крадутъ. Сдѣлавъ это открытіе, онъ проводитъ бо́льшую часть своего времени въ томъ, чтобы защищаться отъ нападеній хищниковъ.

— Я слыхалъ уже объ этомъ. Вы защищаетесь во всеоружіи, надѣвъ кольчугу индиферентизма.

— Защита безполезна. Они отыщутъ васъ всюду, хотя бы вы скрывались подъ ложнымъ именемъ, на пустынномъ островѣ Тихаго океана. Они осаждаютъ васъ письмами; они ставятъ

Digitized by Google

вамъ разнообразныя ловушки; они копаются въ вашемъ прошломъ, чтобы найти ваши слабыя мѣста; они угрожаютъ, соблазняютъ, льстятъ, плачутъ; они поджидаютъ васъ у дверей, когда вы выходите изъ дома; они стараются проникнуть къ вамъ на лѣстницу подъ ложными предлогами; они употребляютъ хитрости и обманы, чтобы только завладѣть вашими деньгами.

— И вы встрѣчаете ихъ...

— Я никогда не отвѣчаю на ихъ письма. Я ничего не отвѣчаю лицемѣрнымъ попрошайкамъ, ничего не даю этимъ старательнымъ письмоводителямъ безъ мѣста, викаріямъ, умирающимъ съ голоду, неутѣшнымъ, навязчивымъ вдовамъ, непризнаннымъ авторамъ, старымъ параличнымъ леди...

— Бѣдныя, старыя созданія!—сказалъ Китъ.

— Я не отвѣчаю ни на одно изъ ихъ писемъ. Но приглашенія, приглашенія! — повторилъ онъ со вздохомъ утомленія. — Я полагаю, что вы еще принимаете приглашенія, въ надеждѣ весело провести время?

— Отчего же,—если тамъ будетъ хорошій кларетъ и хорошенькія дѣвушки.

— Такъ у васъ еще есть иллюзіи? Подъ улыбками любезной хозяйки вы не видите коварныхъ замысловъ; вы не замѣчаете ея намѣренія поймать жениха для своей дочери; вы не боитесь, что хозяинъ дома съ дружескимъ видомъ попроситъ у васъ денегъ взаймы?

— Нѣтъ, подобные ужасы не приходятъ мнѣ на умъ,— отвѣчалъ Китъ.

— Короче сказать, вы еще не научились относиться недовѣрчиво къ цѣлому міру?

— Нѣтъ. Но я понимаю теперь, почему для васъ все кажется безцвѣтнымъ.

— Счастливый человѣкъ! Бѣдность—ваше лучшее сокровище. О!—Лѣнивая усталость Денни исчезла, онъ заговорилъ съ увлеченіемъ.—Богачей совсѣмъ не должно существовать: для Соединенныхъ Штатовъ это возрастающее количество богатыхъ людей становится опаснымъ; для человѣка родиться богатымъ—значитъ погибнуть. Богатство порождаетъ нищихъ, попрошаекъ, воровъ, а наша благотворительность поддерживаетъ и питаетъ ихъ. Мы силимся успокоить страданія, чтобы скрыть причину этихъ страданій. Но только страданіе можетъ научить насъ

Digitized by Google

дѣйствовать разумно и справедливо. Возможно ли пересоздать и возвысить человѣчество ласковыми словами и сердобольными утѣшеніями? Единственная вещь, которая можетъ спасти міръ, это страданіе.

— Охъ!—произнесъ Китъ.

Денни странно усмѣхнулся и умолкъ на мгновеніе.

— Конечно, я буду послѣдній, чтобы проводить эту доктрину. Я богатъ, но, будь я бѣденъ, я смѣло изложилъ бы свои теоріи. Но оставимъ это—возвратимся къ моему недовѣрію. Дружище, говорю вамъ, что я не довѣряю всѣмъ, цѣлому міру—моимъ лучшимъ друзьямъ, дѣвушкѣ, которую могъ бы полюбить, несчастному бѣдняку, умирающему съ голода, но который можетъ оказаться наглымъ обманщикомъ; не довѣряю никому, даже самой филантропіи, даже церкви и всему ея духовенству, начиная отъ архіепископа и кончая церковнымъ сторожемъ.

— Теперь я понимаю, о какомъ холодномъ и прѣсномъ блюдѣ вы говорили,—замѣтилъ Китъ.—Какъ жаль, что вы не можете на время помѣняться со мной глазами.

— Какую пользу принесли бы мнѣ ваши глаза?

— Благодаря имъ, вы узнали бы, что на свѣтѣ есть много людей, которые никогда не просятъ и не крадутъ. Вы также узнали бы людей, которые помогли бы вамъ вспомнить старыя иллюзіи—любовь, дружбу, преданность и тому подобное. Я самъ теперь влюбленъ—влюбленъ отчаянно въ самую добрую милую, очаровательную, маленькую фею, какую только можно себѣ представить, и потому знаю толкъ въ подобныхъ чувствахъ. Иллюзіи, сэръ? Нѣтъ, чортъ возьми! это не иллюзіи, а самая реальная дѣйствительность. Ахъ, вы, несчастный, слѣпой богачъ! Еслибы я могъ на самое краткое время дать вамъ свои глаза, какой переворотъ совершился бы въ вашей душѣ.

— Да, Китъ, да... еслибы...

— Поживите немного со мной. Пріѣзжайте ко мнѣ переодѣтый. Притворитесь бѣднякомъ. Мои друзья довѣрчивы и не станутъ подозрѣвать васъ.

— Переодѣванье безполезно. Меня узнаютъ на слѣдующій же день и я опять буду осажденъ неутѣшными вдовами.

— Туго набитый кошелекъ все можетъ устроить. Почему не найти какого нибудь стараго волшебника, который за деньги

Digitized by Google

можетъ превратить васъ въ бродячаго музыканта? На землѣ есть таинственныя чары, надо только умѣть пользоваться ими. Вы могли бы купить волшебную лампу, или... Слушайте!— перебилъ онъ вдругъ себя, вскакивая со стула и съ удивленіемъ глядя на своего товарища,—что съ вами, чортъ возьми!

Это рѣзкое восклицаніе было вызвано тѣмъ, что самъ м-ръ Денисъ Сторлингъ, и своимъ лицомъ, и глазами, и жестами выражалъ, что онъ пораженъ чѣмъ-то до крайности. Онъ уже не опирался болѣе на каминъ, а стоялъ выпрямившись, и его лицо выказывало сильнѣйшіе признаки изумленія, о которомъ мы уже упоминали.

— Что случилось, дружище?

— Я совсѣмъ упустилъ это изъ виду. Я позабылъ—считалъ это глупой болтовней старой бабы.

— Позабылъ—что?

— Я услыхалъ это въ Дамаскѣ,—продолжалъ Денни.—Я заплатилъ большую сумму за секретъ. Ваши слова, другъ мой, сказанныя въ шутку, напомнили мнѣ, что я обладаю талисманомъ, которымъ еще никогда не пользовался. Съ вашего позволенія,—если хотите,—или, лучше сказать, если будете настолько любезны...

— О какомъ позволеніи вы говорите?

— То, что вы предлагали въ шутку, можетъ, если хотите, осуществиться на дѣлѣ.

— Что такое я предлагалъ?

— Чтобы я взглянулъ на жизнь вашими глазами. Чтобы исполнить это, намъ необходимо обмѣняться характерами.

— Это невозможно. Волшебныя лампы и заколдованныя кольца не существуютъ болѣе.

— Можетъ быть. Но чудеса существуютъ. Поразмыслите, Китъ, немного.—Денни говорилъ теперь твердо и съ увлеченіемъ, но все время не спускалъ глазъ съ своего друга, и Китъ, чувствуя на себѣ этотъ пристальный, неотступный взглядъ, начиналъ замѣчать, что полъ кружится подъ его ногами и предметы, находящіеся въ комнатѣ, уплываютъ куда-то вмѣстѣ съ нимъ.—Подумайте только, другъ мой, что такой взаимный обмѣнъ душъ вовсе не новая вещь. Мы читали о такихъ явленіяхъ не одинъ разъ. Заколдованный кругъ основанъ на этомъ таинственномъ принципѣ. Посредствомъ этого чуднаго прин-

Digitized by Google

ципа духъ царя Соломона въ теченіе трехъ дней пребывалъ въ тѣлѣ кухоннаго мужика. Такимъ же образомъ Люціусъ превратился въ осла, а король Робертъ Сицилійскій—въ нищаго. Мало того—даже части человѣческаго тѣла служили для продажи и обмѣна. Таковы случаи: Петера Шлемиля, продавшаго свою тѣнь; Луки Лукрафта, продавшаго свой апетитъ; доктора Джикиля, мѣнявшаго свою внѣшность; теккереевскаго барона... не говоря уже о...

— Нѣтъ, это невозможно!

— Возможно, если только вы согласитесь. Я уже говорилъ вамъ, что эти явленія вовсе не новость.

— Убирайтесь къ чорту съ вашими явленіями! Вопросъ заключается въ томъ, не окажутся ли они новы для меня. Для младенца вовсе не новость родиться на свѣтъ, а для меня это было бы чудомъ изъ чудесъ. И смерть, самое обыкновенное явленіе, для меня будетъ совершенной новостью. Вы шутите, что ли, Денни?

— Конечно, нѣтъ. Вотъ смотрите... — Онъ вышелъ въ спальню и тотчасъ же возвратился съ ящичкомъ, похожимъ на ящикъ для перчатокъ, сдѣланнымъ изъ благовоннаго дерева и украшеннымъ рѣзьбой. — Въ этомъ ящичкѣ,—заговорилъ Денни,—лежитъ флаконъ. Взгляните!—онъ открылъ ящикъ и показалъ длинную, плоскую бутылочку, лежавшую тамъ на красной шолковой подушечкѣ.—Это драгоцѣнный ящичекъ. На свѣтѣ не найдется и полдюжины ящиковъ, содержащихъ подобное сокровище. Милый другъ мой, тайны, принадлежащія человѣческой душѣ, были открыты давнымъ давно,—гораздо ранѣе тѣхъ тайнъ, которыя принадлежатъ человѣческому тѣлу. Содержимое этого флакона производитъ на человѣческую волю дѣйствіе, подобное дѣйствію кокаина на нервную систему.

— Почему же оно дѣйствуетъ только на волю?

— Этого я не знаю. Если человѣкъ проглотитъ нѣсколько капель жидкости, содержащейся здѣсь, онъ на время совершенно теряетъ свою волю и передаетъ ее во власть другому лицу. Смотрите на меня. Не отводите своихъ глазъ въ сторону.—Денни говорилъ авторитетнымъ тономъ, и Китъ почувствовалъ, что не въ силахъ отвести своихъ глазъ; онъ былъ заколдованъ, какъ несчастная птичка взглядомъ ядовитой змѣи.— Если вы проглотите нѣсколько капель...

Digitized by Google

— Если я проглочу...—повторялъ Китъ, чувствуя себя такимъ же безпомощнымъ, какъ еслибы лежалъ въ креслѣ дантиста, вдыхая хлороформъ.

— Если вы ихъ проглотите, я исполню ваше желаніе, и между нами произойдетъ духовный обмѣнъ. Это значитъ, что вы переселитесь въ мое тѣло, ваша душа перейдетъ въ меня, вмѣстѣ съ вашимъ разумомъ, вашимъ прошлымъ, вашими познаніями и вашими наклонностями. А моя душа перейдетъ въ ваше тѣло. Вы согласны?

— На сколько времени?

— На день, на недѣлю, на мѣсяцъ—на сколько вамъ будетъ угодно. Но чтобы имѣть возможность сдѣлать что нибудь полезное, намъ необходимо, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца. Итакъ, пусть будетъ три мѣсяца. Согласны вы на это?

Китъ пробормоталъ что-то. Онъ становился все слабѣе и слабѣе.

— Помните, что вы становитесь теперь безконтрольнымъ владѣтелемъ всего моего состоянія. Вы можете покупать, тратить, расточать, дарить и дѣлать что угодно съ моими деньгами. Я довѣряю вамъ ихъ безъ всякихъ ограниченій. Но спѣшу предупредить васъ, что жизнь богача скоро покажется смертельно скучной. Съ своей стороны я постараюсь какъ можно лучше воспользоваться тѣми скромными средствами, которыя получу. А вы, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, будете наслаждаться всѣмъ, что только можетъ дать богатство.

— Это похоже на сонъ...—прошепталъ Китъ.—Я сдѣлаю Рози счастливѣйшей дѣвушкой въ мірѣ. Всѣ будутъ счастливы—всѣ.

— Такъ вы согласны?

— Съ радостью... съ удовольствіемъ... съ нас...

Китъ поднялъ голову и открылъ глаза. Онъ стоялъ спиной къ камину, опираясь на каминную полку. Онъ повернулъ голову и съ изумленіемъ увидѣлъ въ зеркалѣ отраженіе не себя самого, но Денни Сторлинга. На каминѣ виднѣлся ящичекъ, и въ немъ лежалъ длинный, плоскій флаконъ.

— Вѣдь я говорилъ вамъ...

Это былъ его собственный голосъ—голосъ Кита, и самъ Китъ сидѣлъ въ креслѣ; но онъ поставилъ свой бокалъ съ шампанскимъ на столъ и казался необычно серьезнымъ и трезвымъ.

— Вѣдь я говорилъ вамъ,—повторилъ Китъ.—Почему же вы такъ изумлены. Шутка удалась.

— Какая шутка? Ахъ! Я вспомнилъ... вспомнилъ. Мнѣ было дурно? Я чувствую себя, какъ послѣ обморока. Что вы со мной сдѣлали? Гдѣ я?

— Вы сейчасъ придете въ себя. Постойте: выпейте этого вина. Такъ! теперь вамъ станетъ легче. Микстура оказалась ужасно сильной. Я уже говорилъ вамъ, что она дѣйствуетъ на волю притупляющимъ образомъ, какъ на нервы—кокаинъ. Драгоцѣннѣйшая микстура. Прекрасно, другъ мой; теперь, я надѣюсь, вы чувствуете себя хорошо. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вы будете Денисъ Сторлингъ, а я—Артуръ Христоферъ Коттрелъ.

— О!—Новоиспеченный крезъ выпрямился.—Да! теперь я припоминаю. Вы меня, должно быть, гипнотизировали, дали мнѣ чего нибудь выпить и,—клянусь честью, старина!—вы самый величайшій магъ нашего времени. Чортъ возьми! Я... ну, право же, я Денни... совсѣмъ таки Денни!—Онъ поднялъ руки и громко засмѣялся. Потомъ испустилъ глубокій, благодарный вздохъ.—Я Денни, я Крезъ,—повторилъ онъ.—Цѣлыхъ три мѣсяца я буду владѣть громаднымъ состояніемъ. О, это восхитительно! Что касается васъ, Денни, мой мальчикъ,—то есть Китъ, хотѣлъ я сказать,—то я васъ жалѣю, потому что вамъ придется такъ круто, что вы и представить себѣ не можете. Въ вашемъ кошелькѣ всего на всего пятнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ; вы должны квартирной хозяйкѣ за три недѣли; и на вашемъ письменномъ столѣ возвышается порядочная кучка неоплаченныхъ счетовъ. Нечего сказать, веселая жизнь предстоитъ вамъ.

Китъ, или Денни, вскочилъ съ кресла.

— Эти три мѣсяца я долженъ работать, чтобы не умереть съ голоду! Я чувствую себя такимъ сильнымъ при этой мысли, что готовъ сдвинуть горы съ мѣста. О, какое счастье! Я принужденъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе.

Денни, или Китъ, бросился въ пустое кресло, взялъ со стола бокалъ съ шампанскимъ, котораго не допилъ Китъ, и откинулся на подушки съ лѣнивой безпечностью, свойственной Киту.

— Три мѣсяца,—шепталъ онъ,—цѣлыхъ три мѣсяца ни-

Digitized by Google

чего не дѣлать, лежать, питаться плодами земли, и дѣлать счастливыми всѣхъ окружающихъ. О, какое счастье! Какое счастье!

II.

Обѣденный колоколъ.

Когда раздался первый звонокъ къ обѣду, тѣ, которые играли въ теннисъ на лужайкѣ, стали играть быстрѣе, чтобы воспользоваться послѣдними минутами; тѣ, которые гуляли и разговаривали въ саду, нехотя, медленнымъ шагомъ направились къ дому; тѣ, которые сидѣли въ тѣни, лѣниво повернули голову и съ сожалѣніемъ посмотрѣли на заходящее солнце.

Былъ вечеръ въ послѣднихъ числахъ августа, когда солнце заходитъ въ семь часовъ и обѣденный колоколъ возвѣщаетъ конецъ дня. Вечеръ былъ прекрасный; вверху—голубое небо, на западѣ и востокѣ розовое сіяніе; воздухъ нагрѣтъ солнцемъ, дыханіе вѣтерка приносило запахъ жасмина и поздней жимолости; на кустахъ висѣли пышныя розы; изъ лѣса доносились пѣніе дрозда и протяжный крикъ придорожника; сады были наполнены роскошными лѣтними и осенними цвѣтами; высокія мальвы раскрывали на верхушкѣ большіе цвѣты; огромные подсолнечники склонили свои тяжелые, золотые вѣнцы; вьющіяся настурціи и спутанныя массы душистаго горошка пестрѣли всюду.

Общество, игравшее въ теннисъ, состояло изъ молодыхъ людей обоего пола, а такіе партнеры всегда представляютъ пріятное зрѣлище; гулявшіе въ саду были тоже молодые люди и дѣвицы; они шли попарно, потому что садовыя дорожки были узки; и тѣ, которые сидѣли на террасѣ или подъ тѣнью развѣсистаго дерева, были тоже молодые люди и дѣвицы. Это былъ настоящій союзъ дружбы и юности. Теперь, когда я уже не молодъ, для меня нѣтъ высшаго наслажденія, какъ смотрѣть на молодежь, любоваться ею, быть возлѣ, если я уже не могу быть среди нея.

Домъ стоитъ всего въ двадцати пяти миляхъ отъ Лондона, но его мало кто знаетъ, потому что желѣзная дорога лежитъ отъ него за восемь миль, и проѣзжихъ здѣсь не бываетъ. Домъ отданъ въ наемъ на лѣто, или, если желательно, на

Digitized by Google

болѣе долгій срокъ, м-ру Денису Сторлингу. Болѣе красиваго дома нѣтъ во всемъ округѣ. Онъ построенъ въ тѣ времена, когда Генрихъ VIII былъ еще молодъ и обладалъ тонкой фигурой, и когда старые помѣщичьи дома, деревянные, крытые соломой и оштукатуренные, подвергались всеобщему разрушенію и вмѣсто нихъ возводились стройныя зданія изъ кирпича и камня. Домъ, описываемый нами, тоже выстроенъ изъ кирпича, и два его фасада—южный и западный—выходятъ въ садъ. Онъ двухъэтажный; крыша высокая, изрѣзанная маленькими окнами спаленъ верхняго этажа и покрытая красной черепицей; четырехъугольныя окошки даютъ, правда, менѣе свѣта, чѣмъ большія окна новѣйшихъ построекъ; но такія комнаты, какъ эти спальни—низенькія, длинныя, съ панелями изъ темнаго кедра, обвѣшанныя по стѣнамъ старинными портретами, раскрашенныя гербами и геральдическими знаками, мерцающія кое-гдѣ тусклой позолотой, уставленныя стеклянными шкафами, которые были наполнены китайскимъ фарфоромъ, старинной утварью, рыцарскими доспѣхами и блестящимъ оружіемъ,—такія комнаты не нуждаются въ яркомъ освѣщеніи, необходимомъ для нашихъ современныхъ высокихъ и обширныхъ комнатъ. Передній фасадъ дома весь обвитъ плющемъ, который не скрываетъ, однако, кирпичныхъ орнаментовъ надъ окнами и щита надъ парадной дверью. Окна комнатъ выходятъ на широкую террасу, которая была бы незакончена безъ пары павлиновъ; передъ террасой разстилается широкая лужайка; за лужайкой—садъ, старинный садъ, разведенный пятьсотъ лѣтъ назадъ для услады прекрасныхъ дамъ, пріютъ нѣги и уединенія, гдѣ можно такъ сладко грезить, рука объ руку съ возлюбленнымъ, въ тишинѣ лѣтняго утра. Здѣсь есть все, что любили очаровательныя красавицы прошлыхъ вѣковъ: фонтанъ, солнечные часы, аллеи, покрытыя сводами изъ вьющихся растеній, защищенныя съ боковъ изгородью колючихъ кустарниковъ, сквозь которую не можетъ проникнуть Борей, даже въ минуты самаго свирѣпаго гнѣва; деревья по преимуществу тутовыя или яблони; ихъ вѣтви искривлены и поломались; цвѣточныя клумбы—правильной формы, и всѣ цвѣты въ нихъ старинные, воспѣваемые поэтами временъ королевы Елизаветы.

Домъ примыкаетъ къ деревнѣ. Это согласно съ обычаями

Digitized by Google

старинной Англіи: богатые и бѣдные должны жить рядомъ, въ любви и согласіи. Церковь, которая здѣсь также составляетъ часть деревни, не раздѣляетъ, но сближаетъ эти два класса общества. Если не считать башни болѣе старинной постройки, церковь принадлежитъ къ одной эпохѣ съ домомъ. Церковь недавно реставрировали, и новые кирпичи съ острыми краями еще не сгладила рука времени. Мы придемъ взглянуть на нее снова черезъ три столѣтія. Сговоримся выйти изъ своихъ могилъ въ этотъ самый день, черезъ триста лѣтъ. На кладбищѣ могилы поселянъ. Въ церкви гробницы и памятники тѣхъ людей, которымъ въ различное время принадлежалъ домъ и деревня. Позади кладбища и господскаго дома зеленѣетъ деревенскій лугъ, посреди котораго группа высокихъ вязовъ осѣняетъ старый колодезь. По другую сторону луга, тянутся деревенскіе коттэджи. И нигдѣ въ мірѣ не найдется болѣе красивой и спокойной деревни, до такой степени напоминающей благословенную Аркадію. Ея обитатели должны быть идиллическимъ, добродѣтельнымъ народомъ. Здѣсь пріютъ довольства. Эта увѣренность заставляетъ насъ чувствовать еще большее уваженіе къ добродѣтелямъ Аркадіи.

Хозяинъ дома лѣниво сидѣлъ въ плетеномъ креслѣ индійской работы, въ которомъ можно и сидѣть, и лежать. Онъ сидѣлъ, опершись головой на руку, и смотрѣлъ въ садъ на людей, которые гуляли тамъ. Когда вы въ послѣдній разъ видѣли Дениса Сторлинга, онъ былъ недоволенъ: избытокъ богатства заставлялъ его брюзжать. Теперь же его лицо свѣтилось радостью. Онъ бесѣдовалъ съ пожилой леди. Во всякой компаніи молодыхъ людей непремѣнно должна быть пожилая леди; мы всегда говоримъ, что это дѣлается ради приличій, но въ сущности это дѣлается ради эффектнаго контраста, который представляетъ цвѣтущая юность рядомъ съ безжизненной старостью. Имя этой старой леди было Софья Джентри. Въ артистическомъ кружкѣ Софья Джентри, акварелистка, извѣстна каждому. Не станемъ утверждать, что она была вождемъ въ этой отрасли англійскаго искусства, но ея неутомимая кисть помогала ей въ молодости сначала кормить престарѣлую мать, а потомъ мужа и троихъ дѣтей. Теперь она еще продолжаетъ трудиться и зарабатываетъ себѣ насущный хлѣбъ.

Она сидитъ на низенькомъ креслѣ, возлѣ хозяина, скре-

Digitized by Google

стивъ руки на колѣняхъ. Лицо ея, симпатичное, кроткое, и обрамленное этими сѣдыми волосами, кажется воплощеніемъ красивой старости.

— Денни, это просто возмутительно! перестаньте лежать! Идите играть въ теннисъ, займитесь верховой ѣздой, гуляйте, дѣлайте что нибудь,—говорила старая леди.—Я еще никогда не видала такого лѣнтяя, какъ вы.

— Я, можетъ быть, даже лѣнивѣе Кита Коттрела, съ которымъ вы меня постоянно сравниваете?—спросилъ Денни и заговорилъ тихимъ голосомъ:—Я люблю лежать, смотрѣть и слушать. Самыя разнообразныя мысли приходятъ человѣку на умъ, когда онъ наблюдаетъ и слушаетъ. Хорошія мысли, трогательныя мысли, и такія прекрасныя, что ихъ никакимъ перомъ не описать.

— Человѣкъ не можетъ существовать однѣми прекрасными мыслями.

— Однако, моя милая Софья, чѣмъ живете вы сами?

— Я живу воспоминаніями,—отвѣчала она съ грустью.—Когда человѣкъ доживаетъ седьмой десятокъ, у него есть всюду воспоминанія, въ каждомъ дуновеніи вѣтра, въ каждомъ, только что пробившемъ часѣ, даже въ каждомъ лицѣ, которое онъ встрѣчаетъ. Мертвые со мною, Денни, и я живу съ ними общей жизнью.

Денни взялъ ея руку и пожалъ.

— Вы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе напоминаете мнѣ моего бѣднаго Кита Коттрела,—сказала Софья, улыбаясь.—Не своею внѣшностью, конечно, — продолжала она, — потому что вы высокаго роста и красивы, а Китъ приземистый, толстый и совсѣмъ некрасивый.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Денни со смѣхомъ, и глаза его сверкнули лукаво.

— Ну, да, въ самомъ дѣлѣ. Даже Рози согласна съ этимъ. Но у васъ такъ много общаго съ нимъ въ этой манерѣ шутить. Онъ тоже всегда пожималъ мнѣ руку въ знакъ того, что понимаетъ меня и любитъ. Вѣдь вы знаете, какой добрякъ нашъ Китъ.

— Гмъ!—произнесъ Денни.—Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы говорите точь въ точь какъ онъ; у васъ тоже привычка называть людей просто по имени; вы, также какъ и

Digitized by Google

онъ, ненавидите всякія церемоніи; вы даже играете и поете совершенно какъ онъ.

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что Китъ отдалъ мнѣ всѣ свои романсы.

— Да, и вы въ совершенствѣ переняли его манеру пѣнія. Кромѣ того, вы также нестерпимо лѣнивы, какъ онъ.

— А зачѣмъ же мы здѣсь, какъ не для того, чтобы лѣниться? Теперь лѣто, всѣ отдыхаютъ, и мы тоже можемъ отдохнуть.

— Да, все это прекрасно. Вы можете лѣниться, сколько вамъ угодно. Но Китъ—дѣло другое. Для него праздность можетъ оказаться гибельной. Если онъ не будетъ работать, онъ не достигнетъ успѣха. Онъ самъ будетъ упрекать себя потомъ, но тогда уже будетъ поздно. Кромѣ того, надо подумать о Рози: онъ можетъ загубить и ея жизнь.

— Этотъ вашъ Китъ—настоящее животное!—сказалъ Денни.—Прибейте его, Софья, хорошенько.

— Я надѣялась, что вы, какъ близкій другъ, поговорите съ нимъ насчетъ этого.

— Я уже говорилъ, Софья. Я бесѣдовалъ съ нимъ въ зеркало и кричалъ ему тысячу разъ: Китъ, вы свинья!

— Почему въ зеркало?

— О, ради удобства, конечно! Ради чего же иначе? Китъ,—говорилъ я ему, — вы свинья. Но это не производило никакого впечатлѣнія. Китъ оставался самимъ собой. Я держусь того мнѣнія, что если Китъ немного отдохнетъ, и ему представится случай услышать откровенное мнѣніе друзей насчетъ его собственной персоны, онъ радикально измѣнится. Онъ долженъ, онъ обязанъ исправиться, и, конечно, сдѣлаетъ это. Я заставлю его исправиться.

— Вы? Нѣтъ, Денни, вы еще хуже испортите его.

Въ этотъ моментъ, какъ мы уже раньше упоминали, прозвучалъ обѣденный колоколъ.

Софья покорно встала съ кресла.

— Подумайте объ этой бѣдной дѣвушкѣ, Денни, и сдѣлайте все, что возможно. А теперь я должна удалиться! Увы! только одна недѣля, даже меньше недѣли. Ужасно подумать, что опять надо возвращаться въ Лондонъ и вертѣть мельничное колесо. Увы!

Digitized by Google

— Увы! — повторилъ Денни со вздохомъ и лѣниво приподнялся.

— Для того чтобы повторить нашъ праздникъ, вы, конечно, слишкомъ лѣнивы, Денни. И, кромѣ того, счастливые случаи никогда не повторяются. Мы будемъ вспоминать это время, какъ чудный сонъ. Единственный разъ въ жизни я провела лѣто въ деревенскомъ домѣ, посреди богатства, довольства и роскоши. Право, я за всю свою жизнь не видѣла столько персиковъ и винограду, сколько проглотила ихъ здѣсь за эти три мѣсяца. Денни, глупый, лѣнивый, непослѣдовательный мальчикъ, вы сдѣлали старуху счастливой. Примите ея благословеніе, дитя мое. Что же касается этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ... Но вотъ и онѣ!

Вещь сама по себѣ была такъ проста, что можно удивляться, почему богатые люди не догадаются каждое лѣто доставлять бѣднымъ этотъ краткій отдыхъ. Но она въ то же время была до такой степени необычайна, что бѣдныя дѣвушки, неожиданно перенесенныя въ эту богатую обстановку, считали Дениса Сторлинга чуть не посланникомъ небесъ, явившимся на землю для того, чтобы осчастливить безнадежныхъ тружениковъ. И, дѣйствительно, этотъ молодой Крезъ, столько же добрый, какъ и богатый, пригласилъ въ свой роскошный деревенскій домъ, похожій на волшебный замокъ, столько молодыхъ дѣвушекъ, сколько ихъ могло тамъ помѣститься. Онъ приглашалъ ихъ и цѣлыми партіями, и каждую въ отдѣльности, потому что иныя изъ этихъ юныхъ особъ бываютъ очень самолюбивы и требуютъ къ себѣ спеціальнаго вниманія. Для этихъ юныхъ дѣвицъ были приглашены соотвѣтствующіе кавалеры, пріятные и красивые молодые люди, которые охотно покорялись чарамъ прекрасной и божественной Венеры. Они были, какъ и юныя дѣвицы, бѣдны деньгами, но богаты надеждами. И онъ, этотъ добросердечный богачъ, сказалъ имъ:

— Приходите ко мнѣ, бѣдняки. Вы молоды; ваши ноги жаждутъ танцевъ—вы будете плясать здѣсь до упаду; ваши глаза потускнѣли отъ слезъ, потому что ваши губы давно уже не смѣялись—здѣсь вы будете смѣяться, сколько хотите; вы тоскуете въ вашихъ душныхъ каморкахъ по цвѣтущимъ лугамъ, журчащимъ ручейкамъ и по шумящимъ лѣсамъ—здѣсь у васъ будутъ и садъ, и ручей, и лѣсъ; вы жаждете общества дру-

Digitized by Google

гихъ молодыхъ существъ, особенно принадлежащихъ къ тому полу, который занимается спортомъ, умѣетъ вызывать вашъ смѣхъ своими шутками, вноситъ всюду веселье, придумываетъ множество разнообразныхъ и занимательныхъ развлеченій и носитъ очень красивые усы,—вы найдете ихъ здѣсь. Вы хотите поиграть въ ту очаровательную игру юности, гдѣ слова, повидимому, значатъ такъ мало, но подразумѣваютъ такъ много,—играйте здѣсь этимъ плѣнительнымъ огнемъ. Приходите ко мнѣ; я устрою для васъ пиръ, вы будете танцовать и пѣть и—если будетъ на то воля небесъ,—быть можетъ, услышите здѣсь голосъ любви. И, быть можетъ, другіе богачи, устрашенные участью того скупца, который равнодушно смотрѣлъ на бѣднаго Лазаря, лежавшаго у его дверей,—быть можетъ, они станутъ охотнѣе жертвовать свои деньги на богадѣльни и на голодающихъ бѣдняковъ. Что же до меня—я думаю о тѣхъ бѣдныхъ безпомощныхъ старыхъ леди, для которыхъ ничего не сдѣлано, хотя онѣ тоже лежатъ во прахѣ у дверей богача и питаются крохами, падающими съ его стола. Приходите ко мнѣ всѣ, кто можетъ.

Ну, можно ли найти другаго, до такой степени великодушнаго богача? Какою благодарностью, какою любовью можно отплатить за это благородное, неограниченное гостепріимство? Мало того: шопотомъ передавались слухи, что даже путешествіе приглашенныхъ по желѣзной дорогѣ было оплачено; что къ юнымъ дѣвицамъ, вмѣстѣ съ приглашеніемъ, были отправлены большіе свертки, заключавшіе множество превосходныхъ вещей, въ родѣ платьевъ, шляпокъ, жакетовъ, перчатокъ и не знаю, чего еще. Тщательные разспросы въ такихъ вещахъ неумѣстны. Извѣстно только одно, что ни одна изъ приглашенныхъ дѣвицъ не имѣла причинъ стыдиться своего платья, и вопросъ, касающійся того, какимъ таинственнымъ способомъ произошло это обновленіе дамскихъ гардеробовъ, остается открытымъ.

Они бѣжали изъ сада, смѣясь и болтая—до обѣда оставалось всего двадцать минутъ на переодѣванье. Говорилъ ли я, что они всѣ были молоды? Самому старшему изъ молодыхъ людей не насчитывалось болѣе тридцати пяти лѣтъ; самой старшей изъ молодыхъ дѣвицъ—болѣе двадцати пяти лѣтъ. Въ теченіе двухъ предыдущихъ мѣсяцевъ въ Соммеръ-Гоузѣ гос-

Digitized by Google

тили болѣе пожилыя дамы, но для послѣднихъ четырехъ недѣль Денни, по причинамъ, извѣстнымъ только ему, подобралъ партію гостей, состоящую изъ одной молодежи. При первомъ же взглядѣ на дѣвушекъ, можно было замѣтить одну характерную особенность: онѣ не были похожи на тѣхъ дѣвицъ, которыхъ встрѣчаешь на пикникахъ, званыхъ обѣдахъ и вечеринкахъ. Можетъ быть, онѣ не были такъ хорошо одѣты: въ качествѣ мужчины, авторъ не считаетъ себя компетентнымъ судьей въ этихъ вещахъ; во всякомъ случаѣ, ихъ туалеты выказывали наклонность къ изящному, и въ то же время смѣлость вкуса, столь ненавистную для рабскихъ подражательницъ моды. Независимо отъ нарядовъ, ихъ лица казались серьезнѣе, чѣмъ лица свѣтскихъ барышень, глаза имѣли болѣе твердый взглядъ. Потому что, видите ли, эти дѣвушки, всѣ вообще и каждая въ частности, живутъ своимъ трудомъ. Это объясняетъ оригинальность, отличающую ихъ отъ свѣтскихъ дѣвицъ. Молодые люди были тоже все труженики; среди нихъ не было ни одного празднаго лѣнивца, который считаетъ самымъ серьезнымъ дѣломъ на землѣ охоту и рыбную ловлю. Теперь вы, можетъ быть, найдете, что этотъ Соммеръ-Гоузъ, наполненный цѣлой толпой молодыхъ людей — трудящихся, бѣдныхъ, попавшихъ въ роскошную обстановку, благодаря лишь счастливому случаю—представляетъ необычайное явленіе, даже въ нашъ вѣкъ всего необычайнаго и чудеснаго.

Первая изъ дѣвушекъ, взбѣжавшая на ступеньки террасы, была Рози Ромэнъ. Всѣ звали ее Рози, и я увѣренъ, что ей это нравилось. Въ этомъ удивительномъ домѣ было принято называть каждаго просто по имени. Рози принадлежала къ породѣ маленькихъ женщинъ, исторія и происхожденіе которыхъ будутъ разработаны мною въ большомъ сочиненіи,—если только я найду время написать его, — озаглавленномъ: «Типы женщинъ Великобританіи». Маленькихъ женщинъ теперь уже не такъ много, какъ было тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ. Тогда онѣ процвѣтали; вы находили ихъ и въ романахъ, и повсюду; онѣ вышли изъ моды, ихъ смѣнила коренастая, приземистая дѣвица, которую вы можете найти въ произведеніяхъ Лича; эта послѣдняя, въ свою очередь, уступила мѣсто высокимъ дѣвушкамъ, которыя царствуютъ теперь.

Не смотря на это, всегда найдутся люди, обожающіе ма-

Digitized by Google

ленькую женщину. И хотя трогательная покорность дѣвушекъ,— съ которой онѣ спѣшатъ сдѣлаться высокими, въ угоду нашимъ вкусамъ, или остаются приземистыми согласно господствующей модѣ,—хотя эта покорность проникаетъ до самой глубины мужскаго сердца, маленькая женщина пережила всякія моды и сохранила свои плѣнительныя чары, столь дорогія когда-то мужскому полу, и въ особенности тѣмъ его индивидуумамъ, которые превышаютъ шесть футовъ. Эти маленькія феи представляютъ опасную западню для сердца мужчины, хотя ихъ болѣе высокія сестры считаютъ ихъ незначительными. Незначительныя, какъ бы не такъ! На свѣтѣ нѣтъ такого существа, какъ незначительная женщина.

Но маленькая Венера—само совершенство. Ея лицо, руки, ноги—все миньятюрно, изящно и пропорціонально. Кромѣ того, она можетъ представлять такое же разнообразіе, какъ и ея большія сестры. Я, главнымъ образомъ, предпочитаю два типа: величественная маленькая женщина,—нигдѣ въ мірѣ не найдется столько величія, какъ въ иныхъ маленькихъ женщинахъ!—и маленькая женщина, которая вовсе не имѣетъ величія. Она обладаетъ всѣмъ, кромѣ величія. Она жива, весела, смѣшлива, очаровательна, пикантна, нѣжна. Она никогда не бываетъ глупа, никогда не притворяется; она женственна и деликатна до глубины души; она можетъ быть немного или очень капризной, но никогда не бываетъ завистливой или мстительной; она великодушна; она никогда не думаетъ и не говоритъ дурно о другихъ женщинахъ. Когда она счастлива, она счастлива вполнѣ; она любитъ теплоту, нѣжность, непринужденность; она хотѣла бы сдѣлать всѣхъ богатыми и надѣлить ихъ всѣмъ, что только краситъ жизнь.

Такой маленькой женщиной была Рози. Она обладала еще однимъ спеціальнымъ качествомъ: очаровательной ласковостью обращенія. Каждый человѣкъ, поговоривъ съ нею, убѣждался, что она чувствуетъ къ нему расположеніе — хотя бы только расположеніе сестры — и относится къ нему съ участіемъ. Ласка была и въ ея глазахъ, и въ голосѣ. Каждый, только что представленный ей, человѣкъ воображалъ, что эта бѣдная дѣвушка все время искала случая поговорить съ нимъ, и теперь осчастливлена этимъ знакомствомъ. Такое сознаніе всегда хорошо дѣйствуетъ на самолюбіе мужчины и располагаетъ его

Digitized by Google

въ пользу дѣвушки. Ни одинъ изъ нихъ, слѣдовательно, не отзывался о Рози дурно и не называлъ ея кокеткой, даже послѣ того, какъ сдѣлалъ ей предложеніе (что случалось на второй день знакомства) и ему было отказано (что всегда повторялось) и его отвозили въ ближайшій госпиталь для излѣченія разбитаго сердца.

Смотрите, какая несправедливость судьбы! Та, которая должна была родиться принцессой волшебнаго маленькаго дворца, ѣздить въ каретѣ, съ шестифутовымъ лакеемъ на запяткахъ, кутаться въ драгоцѣнные мѣха, принуждена жить въ одномъ изъ маленькихъ домишекъ, близь Эддиссонъ-Рода, откуда удобно ѣздить по желѣзной дорогѣ—въ третьемъ классѣ. Та же судьба отняла у нея отца, знаменитаго, но не имѣвшаго успѣха акварелиста. Та же судьба осудила ее на бѣдность и всевозможныя лишенія, наградила изрядным количествомъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и очень скуднымъ запасомъ перчатокъ, шляпокъ и платьевъ. Прибавимъ къ этому, что она унаслѣдовала отъ отца художественный талантъ и терпѣла такія же неудачи, — новое обвиненіе противъ жестокой судьбы.

Въ числѣ тѣхъ, которые дѣлали ей предложенія, былъ и Китъ Коттрелъ. Онъ поразилъ ее внезапностью, что было, конечно, неделикатно. Это случилось въ одинъ лѣтній вечеръ, когда Рози чувствовала себя необычайно счастливой: на ней были свѣжія перчатки, новое платье, вновь отдѣланная шляпка, и она—о какое рѣдкое счастье!—каталась въ лодкѣ. Воздухъ былъ теплый и душистый; влюбленный былъ такъ краснорѣчивъ, какъ будто онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ и надѣялся сдѣлать блестящую карьеру. Дѣвушка была растрогана, хотя она никогда не оказывала Киту исключительнаго вниманія. Въ этотъ вечеръ она возвратилась домой невѣстой человѣка, такого же бѣднаго, какъ она сама, и съ такой же неизвѣстной будущностью.

Рози взбѣжала по ступенькамъ. Очутившись на террасѣ, она повернулась и бросила послѣдній взглядъ на садъ.

— Ахъ!—вздохнула она, — какъ хорошо здѣсь. Но увы! еще одинъ день прошелъ, остается только одна недѣля.

Денни Сторлингъ, къ которому она обратила свой вздохъ, отвѣчалъ ей другимъ и до того глубокимъ, что онъ походилъ

Digitized by Google

на стонъ. Вздохи также заразительны, какъ зѣвки. Когда одна молодая особа начинаетъ повѣрять свое сердце другой, эта другая—если она принадлежитъ къ противоположному полу—непремѣнно вздыхаетъ въ отвѣтъ. Я зналъ одного человѣка, который растрогалъ цѣлое общество своей безкорыстной готовностью смѣшивать свои слезы со слезами всякой хорошенькой дѣвушки, которой вздумалось бы исповѣдываться и плакать передъ нимъ. Да, онъ готовъ былъ смѣшивать свои слезы, пока наконецъ смѣшивались губы, и рыданія переходили въ поцѣлуи. Благодаря своей сострадательности, онъ прославился и сдѣлался очень популярнымъ.

— Да,—подтвердилъ Денни,—три мѣсяца прошли скоро. Я думалъ, что они будутъ длиться вѣчно.

— Увы! они почти миновали.

— Вы придете въ садъ послѣ обѣда, Рози?

— Боюсь, что нѣтъ.

— Почему же? Тогда будутъ сверкать звѣзды въ безконечной синевѣ, которая рядомъ съ ними кажется почти черной. Мы станемъ любоваться на звѣзды. Жасминъ сильнѣе благоухаетъ вечеромъ. Въ воздухѣ съ гудѣніемъ проносятся майскіе жуки; комары танцуютъ подъ деревьями, и мы поищемъ свѣтляковъ, — вы говорили мнѣ вчера, что никогда не видали ихъ. Съ вами я готовъ до полночи отыскивать ихъ.

— И, кромѣ свѣтляковъ, тамъ есть еще люди, которые забываютъ свой долгъ по отношенію къ друзьямъ, — сурово отвѣчала Рози.

— Никогда! Такихъ людей тамъ нѣтъ. И если какой нибудь человѣкъ, повидимому—замѣтьте, Рози, только повидимому—забываетъ такой важный долгъ, то вѣдь это случилось въ первый и единственный разъ.

— Мнѣ казалось, Денни...

Фраза не была окончена.

— Такъ вы придете, Рози? — перебилъ онъ. Еслибы кто нибудь слышалъ, съ какой нѣжностью онъ произнесъ ея имя! Разнообразна природа въ проявленіяхъ своего творчества, но еще разнообразнѣе интонація человѣческаго голоса, когда онъ произноситъ любимое имя.

Рози посмотрѣла на него съ упрекомъ. То есть она хо-

Digitized by Google

тѣла посмотрѣть съ упрекомъ, но не выдержала: глаза ея приняли выраженіе грусти, сестринскаго участія, если не любви.

— Я приду, Денни. Но... помните!—она подняла палецъ въ видѣ предостереженія и удалилась. Что онъ долженъ былъ помнить? Молодой человѣкъ остался на террасѣ, глядя вслѣдъ Рози съ выраженіемъ тревоги и недоумѣнія.

Вслѣдъ за Рози, появилась изъ сада дѣвушка въ розовой юбкѣ и блѣдно-голубой блузѣ, стянутой кожанымъ поясомъ съ блестящей пряжкой. Это былъ очень хорошенькій костюмъ, подходящій для жаркаго времени. Дѣвушку звали Вернонъ Шевіотъ. Каждому было извѣстно, что это ея литературный псевдонимъ и что ея настоящее имя—Молли Демперъ.

Существуетъ предубѣжденіе противъ молодыхъ литературныхъ леди. Онѣ держатъ себя слишкомъ просто, небрежно относятся къ своему костюму, носятъ очки. Вернонъ Шевіотъ разрушаетъ это предубѣжденіе самымъ блестящимъ образомъ.

Вслѣдъ за нею вошла въ комнаты младшая учительница большой народной школы, и такъ какъ обѣ эти дѣвушки не имѣютъ отношенія къ нашему разсказу, то мы не будемъ болѣе упоминать о нихъ.

Затѣмъ появились остальныя. Тутъ была учительница высшей школы, обладавшая такими глубокими познаніями въ филологіи, что удивила даже самого кембриджскаго экзаменатора.

Тутъ была и другая... но довольно. Къ чему перечислять ихъ? Онѣ всѣ происходили изъ хорошихъ семействъ. Среди этой разнообразной толпы, явившейся сюда отдохнуть по приглашенію Денни, были особы всевозможныхъ профессій; тутъ были писательницы, художницы, стенографистки, переписчицы, гувернантки, конторщицы, таперши, корреспондентки, проводницы, переводчицы, составительницы каталоговъ. Онѣ пришли сюда отдохнуть, подышать чистымъ воздухомъ, пожить на лонѣ природы, и ничего болѣе не желали, какъ простой пищи и скромнаго пріюта. Вмѣсто этого они очутились въ богатомъ домѣ, среди роскоши и удобствъ, которыми онѣ сами пользовались въ дѣтствѣ, но о которыхъ давно позабыли, угнетенныя суровой нуждой.

Послѣдней изъ сада показалась Джеральдина. Вы знаете, конечно, этотъ типъ дѣвушки, которая считается царицею въ своемъ кружкѣ. Она царствуетъ по всеобщему молчали-

Digitized by Google

вому соглашенію. Мужчины не осмѣливаются ухаживать за нею. Когда она улыбается кому нибудь, это считаютъ за честь. У нея царственная натура; она слишкомъ высока для толпы; люди мелкіе, ничтожные, боятся ея. Джеральдина была высока и величественна, какъ настоящая королева. Ея спокойное лицо и безмятежные глаза, въ которыхъ отражалась душа, не знавшая земныхъ страстей и пороковъ, напоминали лицо Беатриче. Она тоже работала. Она была декоративной рисовальщицей и занималась, главнымъ образомъ, составленіемъ рисунковъ для мебели.

Она не играла въ теннисъ и, слѣдовательно, ея костюмъ былъ не такого покроя, какъ у другихъ дѣвушекъ. На ней было бѣлое платье, и у горла приколотъ цвѣтокъ. Возлѣ нея шелъ юноша лѣтъ двадцати; онъ былъ худой и тонкій, ростомъ не выше Джеральдины; плечи его были узкія, грудь впалая, но это былъ прекрасный мальчикъ съ яркими золотистыми волосами. Онъ шелъ, устремивъ на Джеральдину большіе выразительные глаза; это былъ взглядъ обожанія, — взглядъ, которымъ Данте смотрѣлъ на Беатриче.

— Отдохните сегодня вечеромъ, Робби, — говорила Джеральдина.—Не разговаривайте много за обѣдомъ и пораньше ложитесь въ постель. Завтра мы опять прочтемъ ваши стихи, обсудимъ ихъ и придумаемъ, гдѣ найти издателя.

— Я думаю, что мнѣ слѣдуетъ еще поработать, Джеральдина. Мысли такъ и толпятся у меня въ головѣ, а времени мало. Позвольте мнѣ немного пописать сегодня вечеромъ.

— Нѣтъ, Робби. Вы должны рано лечь въ постель. И, пожалуйста прогоните мрачныя мысли. Вамъ гораздо лучше, а вы здѣсь только двѣ недѣли. Увидите, какъ поможетъ вамъ свѣжій воздухъ и спокойствіе.

— Да, мнѣ здѣсь лучше. Но черезъ недѣлю я долженъ приниматься за старую лямку. Что пользы побывать на небесахъ, если черезъ три недѣли ихъ придется оставить? Нѣтъ, нѣтъ, Джеральдина! Простите меня. Я не забылъ, что эти три недѣли я провелъ возлѣ васъ. О! этихъ воспоминаній хватитъ на цѣлую зиму. Простите меня... я неблагодаренъ... больше не буду.

— Ну, вотъ и хорошо, Робби. Терпѣніе—надо имѣть терпѣніе. Все можетъ случиться.

Digitized by Google

— Чего ждать тому, у кого нѣтъ ни друзей, ни денегъ? О, Джеральдина! Я помню, помню, что вы мой другъ.—Онъ взялъ ея руку, наклонился и поцѣловалъ.

Поникнувъ головой, онъ медленно поднялся по ступенькамъ и вошелъ въ домъ.

— Лучше ему?—спросилъ Денни, тревожно слѣдя за нимъ глазами.

— Кашель уменьшился. Но ему предстоитъ зима и...

— Да—я знаю. Неужели ничего нельзя сдѣлать?

Джеральдина не отвѣтила ему и ушла вслѣдъ за Робби.

Странны и необъяснимы иные поступки богатыхъ людей. Мы видимъ здѣсь Денни—юнаго обладателя милліоновъ. Онъ знаетъ,—онъ не можетъ не знать,—что лучшее лѣкарство для бѣднаго Робби: покой, солнечный свѣтъ, отдыхъ отъ работы, теплый климатъ. Имѣя все это, онъ поправился бы и окрѣпъ. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ умереть и, вѣроятно, умретъ. А вѣдь Денни, повидимому, любилъ этого мальчика. Никто, кромѣ Кита Коттрела, не былъ такъ ласковъ къ Робби, какъ Денни, и не выказывалъ ему такого участія. И однако же Денни, этотъ богачъ, спросилъ: неужели ничего нельзя сдѣлать? И онъ вздыхалъ при этомъ, грустно смотрѣлъ вслѣдъ Робби, и что-то похожее на слезы блеснуло въ его глазахъ. Но вѣдь ему стоило сказать одно слово, чтобы мальчикъ былъ спасенъ! Странныя существа эти богачи.

Оставшись одинъ, Денни Сторлингъ оглянулся и вздохнулъ.

— Я писалъ къ ней все время черезъ день, — заговорилъ онъ самъ съ собой. — Она отвѣчаетъ неизмѣнно то же самое: она вѣчно будетъ любить меня. О чемъ это она мнѣ напоминала сейчасъ? Нѣтъ, я не въ силахъ долѣе сдерживаться. Я все время безумно желаю прижать ее къ своему сердцу и все ей разсказать. Но этого не надо дѣлать. Она никогда не повѣритъ мнѣ—никогда! Надо подождать конца срока. Черезъ годъ или два такіе обмѣны душъ сдѣлаются, я полагаю, обычнымъ явленіемъ. Они будутъ превосходнымъ средствомъ для достиженія равновѣсія и спокойствія. Такія же чудеса происходили при царѣ Соломонѣ. Теперь они повторяются. Но не будемъ впередъ разсказывать эти тайны,—Роза все равно никогда не повѣритъ. Мнѣ надо быть очень осторожнымъ. Одно какое нибудь слово, сказанное въ разсѣянности, и все...

Digitized by Google

Онъ содрогнулся при этой мысли и поспѣшилъ идти одѣваться.

III.

Признанія невѣсты.

Въ десять часовъ вечера, воздухъ въ саду былъ тихій, теплый и душистый. Сидѣвшіе подъ деревьями или гулявшіе при свѣтѣ звѣздъ вдыхали ароматъ цвѣтовъ, еще наполнявшихъ сады, хотя уже начиналась осень. Тяжелый запахъ жасмина наполнялъ воздухъ, подобно лондонскому туману. Не каждому извѣстно, что этотъ запахъ составляетъ главнѣйшій ингредіентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо произвести на человѣка магическое внушеніе, или соблазнить его, или поработить его волю. Найдено также, что этотъ всемогущій ароматъ чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ на юныя сердца, смягчаетъ ихъ и приготовляетъ въ воспріятію нѣжныхъ изліяній. Каждое молодое существо чувствуетъ неотразимое вліяніе жасмина. Самый роскошный жасминъ расцвѣлъ впервые въ райскомъ саду какъ разъ возлѣ древа познанія добра и зла. Сидѣвшіе на террасѣ были упоены не только благоуханіемъ обольстительнаго цвѣтка, но и чудной убаюкивающей музыкой, которая доносилась къ нимъ изъ открытыхъ оконъ гостинной. Это милое общество веселилось по вечерамъ самымъ разнообразнымъ способомъ: танцовало, пѣло, устраивало домашній театръ или бесѣдовало дружелюбно. Но что бы оно ни дѣлало, музыка господствовала всегда—то кроткая и спокойная, то бурная и страстная, то живая и веселая, отъ которой молодыя ноги сами собой пускаются въ плясъ.

По террасѣ прогуливалось двое людей. Это были: Рози Ромэнъ—которую вы безъ труда узнаете по тоненькой воздушной фигуркѣ, одѣтой въ бѣлое платье, съ кружевной шалью на головѣ и плечахъ—а другая высокая фигура, шагавшая возлѣ дѣвушки, уныло повѣсивъ голову, несомнѣнно принадлежала Денни Сторлингу. Она исполнила свое обѣщаніе и пришла послѣ обѣда, но не одна: въ саду были и другіе; всѣ разбились на пары, что было гораздо удобнѣе для нѣжныхъ изліяній и для защиты отъ всякихъ опасностей.

— Опять за прежнее!—говорила дѣвушка.—Опять лишенія и трудъ...

Digitized by Google

— Бѣдное дитя! И... какъ это вы сказали вчера? Неудовлетворенныя желанія...

— Каждый бѣднякъ, который не можетъ получить того, чего жаждетъ, — страдаетъ отъ неудовлетворенныхъ желаній. О, какъ я желала, какъ молила о томъ, чего никогда не получу!

— Скажите мнѣ, что это такое?

— Это—все. Я желала бы окружить себя красотой. Имѣть красивый домъ съ красивой мебелью, носить изящныя платья, видѣть красивыхъ людей. Бѣдняки могутъ быть добрыми, умными, благородными и какими угодно, только они всегда живутъ въ безобразной обстановкѣ—всегда.

— Бѣдное дитя! Судьба неумолима. Безполезно просить того, въ чемъ она отказала.

— Ахъ, почему міръ такъ несовершененъ? Почему не всѣ талантливы, богаты и добры? Тогда люди были бы всѣ счастливы.

— Значитъ, работа не приноситъ счастья?

— Развѣ можетъ работа приносить счастье? Въ такомъ случаѣ я должна быть очень счастливой, и каждое утро, просыпаясь, радоваться своему существованію.

— Ну, а въ томъ идеальномъ мірѣ, гдѣ всѣ были бы умны, богаты и счастливы—тамъ осталось бы мѣсто для любви?

— Только мужчина можетъ предлагать такіе нелѣпые вопросы,—отвѣчала Рози, улыбаясь съ чувствомъ превосходства.—О, Денни! неужели вы, въ ваши годы, еще не знаете, что женщина не можетъ быть счастлива безъ любви? Это все равно, что жить безъ воздуха, безъ свѣта, безъ солнца. Вѣдь всѣ мечты дѣвушекъ переполнены любовью. Возможно ли существовать безъ любви? Я говорю объ этомъ открыто, потому что, видите ли,—я обручена.

— Я позабылъ. Да, вы обручены.

— Да, — коротко повторила она, что̀ должно было означать:—обручена и, притомъ, съ вашимъ другомъ.

— Да!—повторилъ и Денни въ свою очередь, что̀ должно было означать:—я знаю это и буду помнить.

Такого рода бесѣды могутъ длиться безъ конца, пока обѣ стороны понимаютъ скрытые намеки другъ друга. Но Денни прервалъ таинственную нить, заговоривъ о другомъ.

Digitized by Google

— Вы, Рози, выдете замужъ и у васъ будетъ все, чего вы пожелаете. Китъ вамъ все доставитъ. Онъ не имѣетъ другихъ желаній, какъ доставить вамъ счастье и довольство.

Рози засмѣялась.

— Бѣдный, дорогой Китъ! Вы говорите совершенно въ его стилѣ. Богатства всего міра будутъ у моихъ ногъ. Онъ осыплетъ меня цѣлымъ дождемъ алмазовъ и рубиновъ. Я должна только подставлять передникъ. А самъ онъ, между тѣмъ, долженъ хозяйкѣ за квартиру. Китъ все мнѣ доставитъ? Но вѣдь у этого бѣднаго, дорогаго человѣка нѣтъ ни гроша за душой и никогда не будетъ.

— Никогда? Китъ будетъ работать. Вы увидите.

— Онъ всегда обѣщаетъ работать. Онъ садится за работу и начинаетъ мечтать о томъ, что работа уже окончена и онъ владѣетъ всѣми богатствами Индіи, какъ наградой за свои труды. Нѣтъ! онъ не имѣетъ денегъ и никогда не будетъ имѣть. И нѣтъ даже богатыхъ родственниковъ, которые могли бы ему оставить наслѣдство. Богатые дядюшки вырождаются подобно нѣкоторымъ расамъ. Остаются только бѣдные и обремененные многочисленнымъ семействомъ.

— Да,—подтвердилъ Денни такимъ безнадежнымъ тономъ, какъ будто онъ самъ былъ еще бѣднѣе Кита.—Конецъ нашего вѣка заключится полной деградаціей типа богатыхъ дядюшекъ. Пасть еще ниже они не въ состояніи. Они уже дошли до того, что стали жениться (эгоистическія животныя, равнодушныя къ судьбѣ своихъ племянниковъ!) и плодить собственныхъ дѣтей. Но почему же Китъ—бѣдный, милый Китъ—никогда не будетъ имѣть денегъ?

— Видите ли, онъ такъ чудовищно лѣнивъ. Онъ *не можетъ* работать. Онъ ничего не можетъ дѣлать, кромѣ какъ лежать, курить свою трубку и мечтать. Онъ лѣнтяй. Иногда онъ пишетъ стихи. Но самое главное его занятіе—курить трубку; лѣтомъ—на открытомъ воздухѣ, а зимой—въ клубѣ, въ хорошемъ, спокойномъ креслѣ, поближе къ огню. Онъ сидитъ тамъ и мечтаетъ.

— Мечтами жить нельзя,—сказалъ Денни,—хотя, мнѣ кажется, что слѣдовало бы устроить рынокъ для продажи настоящихъ, первоклассныхъ артистическихъ мечтаній.

— Онъ все собирается написать такія удивительныя по-

Digitized by Google

вѣсти и комедіи, какихъ еще не было на свѣтѣ. Онѣ дадутъ ему всемірный успѣхъ. Но онѣ не будутъ написаны. О! я очень люблю Кита—всѣ любятъ его (почему же молодой человѣкъ простоналъ при этихъ словахъ?) — но я не обманываюсь насчетъ моей будущей супружеской жизни съ нимъ.

— Напримѣръ, какова же будетъ эта жизнь?

— Такая, какъ всегда была. Я въ бѣдности родилась, въ бѣдности и должна умереть. Вы не знали, конечно, моего бѣднаго, дорогаго отца. Не было на свѣтѣ болѣе нѣжнаго отца, а его увѣренность въ собственномъ талантѣ, не покидавшая его до послѣднихъ минутъ, была изумительна. Но никто не покупалъ его картинъ, и теперь я начинаю думать, что имъ, дѣйствительно, недоставало... какъ бы это сказать?.. силы! Вы понимаете?

— Онъ былъ—*неудачникъ*.

— Да. Ну, вотъ и Китъ въ литературѣ совершенно то же, что мой отецъ въ живописи. Онъ вѣчно собирается написать великое произведеніе. Настанетъ время, когда мы сдѣлаемся супругами,—она вздохнула.—Не думаю, чтобы Китъ былъ заботливымъ мужемъ. У насъ будетъ мизерная квартира, изъ трехъ или четырехъ комнатъ съ кухней. Мы будемъ держать одну служанку, которая будетъ грубить намъ. Мы будемъ вѣчно должны за квартиру и прачкѣ. У насъ никогда не будетъ лишнихъ денегъ, чтобы доставить себѣ какое нибудь удовольствіе или купить красивую вещицу. Что касается общества, объ этомъ нечего и думать. Труды и лишенія—вотъ мой удѣлъ на землѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Китъ исправится. Онъ долженъ... обязанъ!

Рози покачала головой.

— Я знаю моего Кита лучше, чѣмъ вы,—сказала она,—и не утѣшаю себя иллюзіями. Бѣдность не представляетъ для меня ничего новаго. Къ ней привыкаешь. Противъ судьбы идти нельзя. Когда женятся такіе люди, какъ я и Китъ, будущее предсказать нетрудно.

— У васъ остается вашъ талантъ.

— О, я помню это! Мой талантъ приноситъ мнѣ доходъ почти такого же размѣра, какъ жалованье одной изъ вашихъ служанокъ.

— Вы давно видѣли Кита?

Digitized by Google

— Давно. Три мѣсяца назадъ онъ писалъ мнѣ, что нашелъ работу, которая принуждаетъ его покинуть Лондонъ на нѣкоторое время. Онъ, вѣроятно, лежитъ гдѣ нибудь на морскомъ берегу, куритъ свою трубку и мечтаетъ.

— Онъ писалъ вамъ?

— О, да, писалъ. Онъ пишетъ мнѣ три раза въ недѣлю. И ни слова не говоритъ о своей работѣ.

— Ну, вотъ видите! Развѣ я не предсказывалъ вамъ? Три мѣсяца прилежнаго труда, тяжелой умственной работы. Это блестящее начало для него. Это доказываетъ его настойчивость!

— Конечно,—нерѣшительно отвѣтила Рози.—Скажите мнѣ, Денни,—вы такъ хорошо знаете Кита,—что̀ вы думаете о его стилѣ?

— Вы говорите о стилѣ его романсовъ и стихотвореній?

— Да, и о другихъ, болѣе серьезныхъ произведеніяхъ, которыя онъ посылаетъ въ редакціи, откуда ихъ ему всегда возвращаютъ. Вы читали его беллетристическія произведенія?

— Да, читалъ.

— Что̀ вы о нихъ думаете?

— Нѣтъ, сперва скажите мнѣ, что̀ вы сами думаете о нихъ.

— Ихъ нигдѣ не принимаютъ, и я думаю, что онъ долженъ былъ ожидать этого самъ.

Денни вздрогнулъ.

— Вы сказали ему это?

— Нѣтъ, не сказала. Когда человѣкъ, съ которымъ вы обручены, приноситъ вамъ свое произведеніе, читаетъ его вамъ громко, воображая, что вложилъ въ него всю душу, и потомъ спрашиваетъ вашего мнѣнія дрожащимъ голосомъ, съ блистающими отъ волненія глазами,—что̀ можете вы ему сказать въ отвѣтъ?

Денни пробормоталъ что-то невнятно.

— Рѣшитесь ли вы высказать бѣдному мальчику, что его произведеніе никуда не годится, что его необходимо передѣлать?

Денни отрицательно качнулъ головой.

— Никто не рѣшится на это. Дѣвушкѣ остается только слушать, приходить въ восторгъ, увѣрять своего жениха, что это лучшее его произведеніе — лучшее изо всего, что̀ было

Digitized by Google

когда либо написано. Иногда онъ уходитъ совершенно счастливый. Женихъ всегда долженъ уходить отъ своей невѣсты довольнымъ и счастливымъ, это очень пріятно для него.

— Конечно,—произнесъ Денни глухимъ голосомъ.

— У него недостаетъ терпѣнія передѣлывать свои вещи,— приняться за нихъ какъ слѣдуетъ, поработать надъ ними. Онъ жертвуетъ работѣ всего десять минутъ, приноситъ вамъ хорошенькій маленькій эскизъ, и увѣряетъ, что это законченная картина.

— Да—я боюсь... я готовъ согласиться, что... вы правы.

Денни сталъ разглаживать лѣвой рукой подбородокъ. Этотъ жестъ означаетъ смущеніе или затрудненіе. Онъ можетъ, впрочемъ, означать и другія вещи.

— Не воображайте, пожалуйста,—продолжала Рози,—что я жалуюсь на моего бѣднаго Кита или осуждаю его. Всѣ наши друзья о немъ такого же мнѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это великодушно съ ихъ стороны! Иногда бываетъ очень пріятно и полезно услышать искреннее, непритворное мнѣніе друзей о себѣ самомъ.

— Почему, Денни, вы говорите это такимъ саркастическимъ тономъ? Китъ самъ можетъ за себя говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ! у него такой эскизный стиль, онъ не можетъ создать законченной картины.

— Никто не умѣетъ говорить такъ краснорѣчиво, какъ онъ.

— Очень радъ слышать, что и у него есть нѣкоторыя хорошія качества!

— Право, Денни, можно подумать, что вы обидѣлись. Конечно, у него есть хорошія качества. Начать съ того, что онъ самый великодушный человѣкъ въ мірѣ. Онъ раздаетъ бо́льшую половину своихъ денегъ, остальныя у него берутъ взаймы.

— И онъ живетъ...

— Въ кредитъ. Бѣдный, милый человѣкъ! Вы видите, въ денежныхъ вопросахъ онъ ужасный ребенокъ. Но зато его любятъ всѣ.

— Какъ можете вы,—какъ можетъ кто нибудь любить человѣка, который глупѣе всякаго ребенка, вѣчно по уши въ долгахъ, и у котораго такой эскизный стиль?

— Глупости! Любятъ человѣка, а не его долги или его стиль. Они вовсе не составляютъ его душевныхъ качествъ.

Digitized by Google

— Китъ будетъ счастливецъ,—началъ Денни,—потому что нашлась женщина, которая полюбила его...

— Благодарю васъ, — перебила его Рози съ живостью,— еслибы не полюбила я, полюбила бы какая нибудь другая. Мужчины скоро утѣшаются въ подобныхъ случаяхъ. Китъ совершенно счастливъ теперь, не смотря на то, что не видалъ меня почти три мѣсяца. Онъ мечтаетъ, что написалъ романъ, который приводитъ въ восторгъ всѣхъ читателей. Или что онъ написалъ драму, которая пользуется коллосальнымъ успѣхомъ на сценѣ. Онъ каждый день забавляется такими мечтами.

— Кажется, это совершенно безвредное занятіе.

— Совершенно. Женѣ Кита никогда не придется ревновать. Она сама пожелаетъ, чтобы его занятія были менѣе безвредны. Имѣя два пенса въ карманѣ, она должна будетъ измышлять средства, какъ заплатить по счету мяснику, прачкѣ и квартирной хозяйкѣ. Какъ жаль, что мужья не могутъ предаваться безвреднымъ мечтамъ!

Я думаю, для мужчины нельзя найти болѣе оскорбительнаго названія, чѣмъ «безвредный». Можно философски примириться съ тѣмъ, что вы злы, угрюмы, скупы, расточительны, несправедливы, но быть безвреднымъ, то есть настолько ничтожнымъ, что безсиленъ принести кому нибудь вредъ — это ужасно оскорбительно. Было слишкомъ темно и дѣвушка не видѣла, какой жгучій румянецъ — отъ состраданія къ другу, конечно,—покрылъ чело ея собесѣдника.

— Въ числѣ фантазій Кита,—продолжала Рози,—была и та, которую вы осуществили нынѣшнимъ лѣтомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ значитъ его фантазіи были иногда практическими.

— Что пользы мечтать о томъ, чего никогда не можешь исполнить? Ну, такъ вотъ, онъ часто говорилъ, что «когда»— замѣтьте: «когда»!—онъ будетъ богатъ, онъ наймете большой деревенскій домъ и населитъ его бѣдными дѣвушками и молодыми людьми, которые не имѣютъ возможности отдохнуть лѣтомъ, но страстно желаютъ и веселья, и безпечной жизни,— короче сказать, все по той программѣ, какъ устроили вы здѣсь.

— Да, я знаю. Должно быть, я заимствовалъ эту идею у Кита. Я заимствовалъ у него всѣ идеи и всѣ его романсы, и жалѣю, что сдѣлалъ это.

Digitized by Google

— Жалѣете? О, Денни! Но вѣдь вы дали столько счастья намъ всѣмъ. Вы не можете жалѣть объ этомъ. Не говорите этого,— умоляла Рози самымъ ласковымъ голосомъ. — И мы всѣ такъ благодарны вамъ за это. О, такъ благодарны, такъ безконечно обязаны вамъ! Безконечно!

— Рози!—вскричалъ онъ съ неудержимой страстью,—мнѣ нѣтъ дѣла до остальныхъ, лишь бы только вы...

Но она уже исчезла.

— Я—дуракъ!—произнесъ Денни съ удареніемъ. Потомъ онъ быстро подошелъ къ концу террасы, гдѣ стояла каменная скамья, и въ отчаяніи упалъ на нее. — Дуракъ! — повторилъ онъ. Потомъ, обхвативши рукой подбородокъ, онъ погрузился въ размышленія. Ему было о чемъ подумать. Онъ только что услышалъ нѣсколько замѣчательныхъ и неопровержимыхъ истинъ. Начать съ того, что дѣвушка, съ которой былъ обрученъ Китъ Коттрелъ, не имѣла иллюзій насчетъ своего возлюбленнаго. Можно ли быть влюбленнымъ, не имѣя иллюзій? Анатомы знаютъ, что иллюзіи есть корень и фундаментъ любви. Но молодой человѣкъ не зналъ, что именно въ этомъ и выразились божественныя и неразрѣшимыя тайны женскаго сердца. Вещь, совершенно невозможная для мужчины, оказывается возможной для самыхъ простодушныхъ дѣвушекъ: онѣ любятъ человѣка безъ всякихъ иллюзій на его счетъ. Дѣвушка, обрученная съ Китомъ, призналась, что постоянно обманывала своего жениха относительно качества его произведеній, которыя она всегда находила эскизными. Китъ, по ея мнѣнію, никогда не будетъ имѣть успѣха,—онъ слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ любитъ мечтать; онъ всегда останется бѣднымъ и неизвѣстнымъ; ея собственная жизнь будетъ вѣчнымъ трудомъ и лишеніями; и все это потому, что ея мужъ лѣнивый, мечтательный, ни къ чему неспособный человѣкъ.

Онъ вскочилъ на ноги. Нѣтъ, нѣтъ! этого не должно быть. Послѣ такого долгаго отдыха, даже неаполитанская лѣнь можетъ быть удовлетворена, даже лѣнивый Китъ можетъ открыть новую страницу въ книгѣ жизни. Денни опять сѣлъ, нѣжно улыбаясь, очарованный зрѣлищемъ, которое представилось его воображенію, и цѣлыхъ четверть часа мечталъ о славѣ, богатствѣ и счастіи, которыя будутъ начертаны на этой новой страницѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

Видѣніе.

Не знаю, была ли то греза,
Иль былъ то обманчивый сонъ,—
Сидѣлъ я однажды у моря
Въ глубокую грусть погруженъ.
Темнѣло... Въ лазури высокой
Блѣднѣла уныло заря;
На небѣ прекрасныя звѣзды
Всходили толпами, горя.
О берегъ пустынный гранитный
Плескалися волны, клубясь,
И вслѣдъ имъ валы за валами
Бѣжали, о скалы дробясь.
Вдругъ въ безднѣ, гдѣ въ пѣнѣ жемчужной
Межъ скалъ извивалась волна,
Явилась мнѣ дивная фея,
Сердечной печали полна...
Съ вѣнкомъ на челѣ, съ шелковистой
Разбросанной русой косой
Меня она тихо манила
Къ себѣ блѣдно-нѣжной рукой
И странную пѣсню мнѣ пѣла,
Тоскливую пѣсню любви:
«Мой милый, скорѣе, скорѣе
Бросайся въ объятья мои!
Скорѣе въ подводное царство
Со мной, ненаглядный, уйдемъ,—
Тамъ много мы воли и свѣта
Въ его тихомъ лонѣ найдемъ.
Тамъ всѣ роковыя обиды,
Что̀ люди тебѣ нанесли,

Digitized by Google

Я лаской развѣю,—скорѣй же
Уйдемъ отъ бездушной земли!
Уйдемъ отъ ея непроглядной,
Какъ саванъ, нависнувшей тьмы
Въ мое золотистое царство,
Гдѣ будемъ блаженствовать мы»!..

И. Никулинъ.

Digitized by Google

ЗА ГРѢХИ ПРЕДКОВЪ.

(Изъ посмертныхъ записокъ одного доктора).

I.

Жизнь моя сложилась очень странно. Еще ребенкомъ, начитавшись всякихъ путешествій и романовъ Купера, я мечталъ о невѣроятныхъ приключеніяхъ на необитаемомъ островѣ и о дѣятельности миссіонера среди полудикихъ племенъ. Ничто не сдерживало моего воображенія. У меня не было тѣхъ свѣтлыхъ дѣтскихъ радостей, которыя, подобно корнямъ дерева, крѣпко привязываютъ людей къ родной землѣ и до послѣдней минуты придаютъ имъ необходимыя силы въ упорной борьбѣ за счастье. Какъ хороша жизнь, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ не чужой на жизненномъ пиру, и какъ она ужасна для отверженныхъ! А я слишкомъ рано осиротѣлъ и точно былъ выброшенъ за бортъ жизни.

Вотъ почему она мнѣ на первыхъ же порахъ показалась такой печальной. Подобно страннику, случайно попавшему на поле битвы, я иногда испытывалъ чувство настоящаго ужаса... и старался уйти куда нибудь подальше отъ этой вѣчной безпощадной борьбы за существованіе. Всякая проповѣдь насилія, всякое притѣсненіе и жестокость возмущали меня до глубины души. И вотъ незамѣтно во мнѣ зародилась мечта написать такую книгу, которая сразу сдѣлала бы всѣхъ разумными и счастливыми. Я былъ бѣднякъ и съ юныхъ лѣтъ испыталъ тысячи мелкихъ униженій, на каждомъ шагу чувствуя свое одиночество и безсиліе. Какъ могла явиться у меня такая дерзкая мысль?! Не знаю, но я страстно мечталъ объ этомъ еще на школьной скамьѣ, какъ иные юноши мечтаютъ о военныхъ подвигахъ, о генеральскихъ эполетахъ и роскошныхъ дворцахъ. И незамѣтно я весь ушелъ въ упорную работу мысли и въ чтеніе прославленныхъ книгъ. Мнѣ казалось такъ легко отречься отъ радостей жизни, которыхъ, впрочемъ, я не зналъ, и отмежевать свой укромный уголокъ для работы. Вѣдь прожили же такъ свой вѣкъ милліоны тружениковъ, не знавшіе того тупаго довольства и пресыщенія, которое зовется счастіемъ; и всѣ великія идеи возникли

Digitized by Google

въ сторонѣ отъ уличной жизни. А я, къ несчастью, еще на школьной скамьѣ научился презирать все будничное, потому что не зналъ тѣхъ удовольствій и утѣшеній, которыя доступны всякому ребенку, растущему въ семьѣ. Лучшіе ученическіе годы я прожилъ впроголодь, въ канурахъ, въ подвалахъ, въ горькой нищетѣ и неразлучномъ съ нею одиночествѣ. А въ мукахъ одиночества рождаются не только великія мысли, но и болѣзненныя, ужасныя видѣнія... Незамѣтно обрывались всѣ мои связи съ людьми, и жизнь становилась невыразимо печальной. Ея жалкія заботы и радости казались мнѣ пустою дѣтскою забавой, стремленіе къ наживѣ—безуміемъ, честолюбіе—смѣшною глупостью, борьба за существованіе—преступленіемъ. Я разучился понимать окружающихъ людей, и не ждалъ отъ нихъ ни помощи, ни пощады. Я шелъ впередъ къ невѣдомой далекой цѣли, какъ одинокій странникъ по заброшенному громадному кладбищу, въ надеждѣ, что кончится когда нибудь тяжкій путь, и я найду успокоеніе въ познаніи «вѣчной правды». Мнѣ иногда казалось, что я уже вижу, какъ сквозь туманъ, ея неясный проблескъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ человѣческаго ума, что въ нихъ она сверкаетъ цвѣтами радуги, какъ лучъ солнца въ дождевыхъ капляхъ. И въ погонѣ за идеаломъ я все дальше уходилъ въ себя, бѣжалъ ото всего запятнаннаго будничною грязью, страстями и страданіемъ, пока наконецъ мое презрѣніе къ жизни, когда-то воодушевлявшее меня въ борьбѣ съ ея невзгодами, не превратилось въ глубокое и спокойное отчаяніе, и я не очутился на краю той непроходимой бездны, передъ которой въ концѣ концовъ останавливается человѣческая мысль и смолкаетъ самое безпощадное сомнѣніе.

Напрасно я искалъ исхода въ трудѣ. Усталая мысль отказывалась работать, сердце просило радости и новыхъ впечатлѣній. Иногда цѣлые часы незамѣтно проходили въ безотчетныхъ мечтаніяхъ надъ нераскрытой книгой и недописанной фразой; какая-то мучительная и непонятная тревога проникала въ мою душу,—что-то похожее на угрызеніе совѣсти. Я упрекалъ себя въ бездѣльѣ, а между тѣмъ я неутомимо работалъ, съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ двухъ высшихъ заведеніяхъ и пріобрѣлъ столько всякихъ знаній, что могъ бы сдѣлаться сильнымъ міра сего, еслибы съумѣлъ ихъ примѣнить на дѣлѣ. Но этого именно умѣнья у меня не хватало. И зданіе, которое я воздвигъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ трудомъ, оказалось никуда негоднымъ; оно готово было рухнуть всякую минуту и раздавить меня подъ своими обломками. Но въ это именно время душевныхъ тревогъ и колебаній надвинулась гроза съ другой стороны, откуда я не ожидалъ бѣды, и разразился страшный ударъ...

Digitized by Google

II.

Однажды поздно вечеромъ, въ дверь моей комнаты постучались и не успѣлъ я отвѣтить, какъ вошла какая-то бѣдно одѣтая дѣвушка. Она была взволнована и, спѣша и задыхаясь отъ рыданій, стала мнѣ что-то говорить... Я понялъ только, что мать ея очень, очень больна. Медицинской практикой я тогда не занимался и посовѣтовалъ ей обратиться къ болѣе опытному врачу изъ сосѣдняго дома. Дѣвушка, настаивая на своемъ, вся въ слезахъ, со сложенными, какъ для молитвы, руками, подошла къ столу. Свѣтъ лампы, прикрытой абажуромъ, скользнулъ по ея лицу, и тутъ только я разглядѣлъ на немъ выраженіе такого безумнаго горя, что сразу имъ проникся и потерялъ способность хладнокровно разсуждать. А, между тѣмъ, вѣдь я много страданій испыталъ и видѣлъ на своемъ вѣку. Я прекрасно научился ихъ понимать и сразу же угадывать, но тутъ только я впервые почувствовалъ, что̀ значитъ настоящее несчастіе. Мнѣ даже страшно стало и стыдно за свой отказъ помочь опасно больной. Не знаю, что̀ со мной сдѣлалось, но я никогда не забуду этой первой встрѣчи, этихъ испуганныхъ и умоляющихъ глазъ. Какое у нея было удивительное лицо, какъ оно выражало малѣйшія душевныя движенія! Ничего подобнаго мнѣ и во снѣ не грезилось. Быть можетъ, я уже тогда безотчетно полюбилъ ее и потому такъ сильно проникся ея горемъ.

Наскоро одѣвшись и забывъ даже запереть дверь, я пошелъ за ней. Жили онѣ съ матерью, какъ оказалось, въ томъ же домѣ, на третьемъ дворѣ, по сосѣдству съ прачешной и помойной ямой, въ подвальномъ помѣщеніи, пригодномъ для склада дровъ, но не для жилья. Сердце мое сжалось. Тутъ чувствовалась не только нищета, но и близость смерти; среди унылаго безпорядка царила тишина, точно въ голодной гибнущей семьѣ. Больную я нашелъ въ глубокомъ обморокѣ отъ истощенія и потери крови. Я сразу понялъ, что надежды нѣтъ: она умирала отъ чахотки. Лишь съ большимъ трудомъ мнѣ удалось привести ее въ чувство. Всю ночь я провелъ у постели больной, которая, тяжело вздыхая, молча, почти все время слѣдила за мной безконечно грустнымъ и тревожнымъ взглядомъ смертельно раненой птицы, какъ будто спрашивая, зачѣмъ я къ нимъ пришелъ. Сначала даже она упорно отказывалась отъ пищи и лѣкарствъ, и только потомъ я понялъ, что она дѣлала это изъ опасенія истратить послѣдніе гроши и оставить дочь совсѣмъ безъ средствъ. Подобной нищеты я не встрѣчалъ еще, и жалкіе остатки прежней роскоши въ этомъ сыромъ мрачномъ подвалѣ производили

Digitized by Google

ужасное впечатлѣніе. Среди всякаго хлама попадались старинныя издѣлія изъ серебра и слоновой кости, за которыя, быть можетъ, знатокъ-любитель не пожалѣлъ бы громадныхъ денегъ. А на стѣнѣ, въ старинной потемнѣвшей рамѣ, висѣлъ великолѣпный портретъ русскаго барина тридцатыхъ годовъ съ надменнымъ и насмѣшливымъ лицомъ. Это и былъ послѣдній представитель угасающаго рода Протазановыхъ, въ печальныя времена крѣпостнаго права съумѣвшихъ прославиться своею жестокостью и распутствомъ. Ужасную исторію этой семьи я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Теперь, случайно встрѣтившись съ женою и дочерью послѣдняго изъ Протазановыхъ, я вспомнилъ еще свѣжія позорныя преданія. Обладая неистощимымъ здоровьемъ, силой и страстной жаждой наслажденій, Протазановы, казалось, никогда не испытывали ни угрызеній совѣсти, ни разочарованій, ни сомнѣній, не знали никакой узды, пока не промотали своего громаднаго состоянія. Но всѣхъ превзошелъ своимъ чудачествомъ и безумной жестокостью послѣдній представитель прославленнаго рода. И до послѣдней минуты счастье ему не измѣняло; все благополучно сходило съ рукъ. Не разъ онъ засѣкалъ на смерть провинившихся дворовыхъ или съ утонченной жестокостью приказывалъ привязывать ихъ по ночамъ, обнаженныхъ, въ глухомъ лѣсу, пока несчастные, искусанные миріадами мошекъ и комаровъ, не умирали въ страшныхъ мукахъ отъ истощенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ питалъ по истинѣ болѣзненную любовь къ домашнимъ животнымъ, особенно къ лошадямъ и собакамъ. На псарнѣ и въ конюшняхъ были у него настоящіе любимцы, болѣзнь которыхъ сопровождалась истязаніемъ крѣпостныхъ лакеевъ, а смерть вызывала даже панику въ барскихъ хоромахъ. Но подоспѣло освобожденіе крестьянъ и неизбѣжное разореніе, а вскорѣ, послѣ безпримѣрнаго запоя, скончался и старый баринъ, не перенесшій воли и новыхъ порядковъ. Умеръ онъ однако, какъ сказочный удалецъ, беззаботно перебирая холодѣющей рукой струны гитары, въ то время какъ его жена, священникъ и прислуга, столпившись у постели умирающаго, дрожа отъ страха, шептали отходныя молитвы. Вспоминая объ этомъ теперь, у постели его несчастной умиравшей жены, я съ глубокой ненавистью и какимъ-то необъяснимымъ предчувствіемъ вглядывался въ его портретъ. Въ этомъ лицѣ невѣдомый художникъ точно воплотилъ угасшій блескъ и демоническую силу эпохи крѣпостнаго права. Сколько безмятежнаго величія въ этихъ красивыхъ выхоленныхъ чертахъ, сколько высокомѣрія въ блестящихъ и холодныхъ сѣрыхъ глазахъ. Казалось, этотъ старый баринъ съ презрительной улыбкой глядѣлъ на окружающую нищету и не хотѣлъ понять страданій загубленной имъ больной жены и

Digitized by Google

дочери—Анны, родившейся уже послѣ его смерти. Глядя на эти безотвѣтныя искупительныя жертвы за старые грѣхи, я всей душой возмущался противъ таинственнаго грознаго закона возмездія за преступленія предковъ, закона «наслѣдственности» пороковъ, таланта и болѣзней,—котораго не могли постигнуть ни древніе пророки, ни современные ученые и предъ которымъ безсильна даже всесокрушающая смерть!

III.

Незамѣтно я сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ мрачномъ подвалѣ и все свободное время проводилъ у постели больной. Я даже забросилъ свои научныя занятія. Въ чувствѣ состраданія, какъ и въ любви, есть что-то захватывающее. Впрочемъ, я тогда еще не сознавалъ, не смѣлъ даже самому себѣ признаться, что люблю Анну. Мы съ нею лишь изрѣдка обмѣнивались какою нибудь незначительною фразой и были заняты почти исключительно болѣзнью ея матери.

Но въ это именно время во мнѣ произошла какая-то глубокая внутренняя перемѣна. Я какъ-то безсознательно отрѣшился отъ своего высокомѣрнаго презрѣнія къ жизни и даже упрекалъ себя за то, что, стремясь къ недосягаемымъ идеаламъ, никому не сдѣлалъ добра. Все мое прошлое казалось мнѣ такимъ безцвѣтнымъ, жалкимъ. Во мнѣ заговорило какое-то невѣдомое новое чувство, а разумъ сразу же призналъ его силу и, какъ рабъ лукавый, нашелъ ему тысячу оправданій, осудивъ то, что̀ еще такъ недавно казалось мнѣ безспорной истиной. Словомъ, въ эти тяжелые и незабвенные для меня дни, я растерялся отъ неожиданныхъ впечатлѣній и страшно волновался, видя, какъ съ каждымъ днемъ угасаетъ моя больная. Напрасно я пригласилъ на помощь лучшихъ врачей. Развязка приближалась, и я убѣдился, что тревога о горькой участи Анны еще усиливаетъ страданія больной и ускоряетъ развитіе чахотки. Тогда я рѣшился высказаться и, оставшись наединѣ съ больной, поклялся ей, что не покину ея дочери, что́ бы ни случилось. Несчастная взглянула на меня, хотѣла что-то сказать и вдругъ горько заплакала, всхлипывая, какъ ребенокъ. На другой день она скончалась.

Послѣ похоронъ, прямо съ кладбища, я отвезъ Анну къ старымъ знакомымъ, принявшимъ ее, какъ родную. За ней пришлось ухаживать, какъ за больной. Казалось, она помѣшалась отъ горя, ко всему относилась безучастно, разсѣянно отвѣчала на вопросы, ничѣмъ не интересовалась и, съ выраженіемъ застывшаго испуга

Digitized by Google

на лицѣ, точно по цѣлымъ часамъ къ чему-то прислушивалась, усѣвшись гдѣ нибудь въ углу. Ну, какъ я могъ бросить ее въ такомъ положеніи? А между тѣмъ я чувствовалъ, что чужое горе съ каждымъ днемъ все сильнѣе захватываетъ меня, что передъ нимъ блѣднѣютъ великіе вопросы знанія и жизни, еще недавно такъ волновавшіе меня. Иногда у меня являлось страстное желаніе вернуться на старый путь, опять замкнуться въ себѣ, порвать эту мучительную и странную связь, но мое душевное равновѣсіе было безвозвратно нарушено. Я точно разучился даже читать: книга падала изъ рукъ, буквы прыгали и исчезали, и образъ Анны появлялся на недочитанныхъ страницахъ. Помню, какъ я обрадовался, когда впервые увидѣлъ улыбку на ея губахъ и какъ потомъ мнѣ часто грезились блѣдное лицо и задумчивые голубые глаза, вдругъ засверкавшіе отъ радости. Быть можетъ, это былъ первый неясный проблескъ любви, и безъ признаній, безъ клятвъ, мы были уже связаны судьбою навсегда,—хотя сами этого еще не понимали. Какое-то тревожное предчувствіе и безотчетная глубокая печаль долго насъ преслѣдовали, мѣшая высказаться. У насъ не было ни чудныхъ свиданій при свѣтѣ луны, ни таинственныхъ взглядовъ, ни бурныхъ вспышекъ, о которыхъ такъ хорошо говорятъ поэты. Въ осеннія петербургскія ночи не пѣлъ намъ соловей о любви, и въ мрачной комнатѣ, съ окномъ на душный дворъ, не распускались розы. Но наступило время, когда и я, какъ всѣ, въ порывѣ чувства, на мгновеніе забылъ всю горечь одиночества и все безуміе личной жизни, узнавъ то счастье самозабвенія въ любви, которое еще недавно казалось мнѣ нелѣпымъ, непонятнымъ, невозможнымъ... Но, создавая женщину, природа дерзко посмѣялась надъ человѣческимъ разумомъ и высокомѣріемъ. О, я прекрасно понималъ, сколько наглаго цинизма таится въ цвѣтущей женской красотѣ, но очередь моя пришла и я смиренно призналъ власть чувства. Отъ счастья я точно потерялъ голову и до послѣдней минуты не замѣчалъ грозившей мнѣ бѣды. Впрочемъ, еслибы жалкій червякъ могъ любить подобно человѣку, то мрачная могила показалась бы ему раемъ. Но я скоро долженъ былъ понять, что личное счастье невозможно.

IV.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашей свадьбы, Анна вдругъ затосковала. Бывало, я по цѣлымъ днямъ не могъ добиться отъ нея ни слова. Лицо ея замѣтно осунулось и поблѣднѣло; она какъ будто скрывала отъ меня глубокое безъисходное горе... Куда дѣвалась ея прежняя прямота и откровенность, составлявшая въ моихъ глазахъ

Digitized by Google

величайшую прелесть? Ея лицо такъ ярко и ясно отражало малѣйшія душевныя движенія, а языкъ никогда не лгалъ. Теперь она заговорила какими-то намеками... Мнѣ показалось, что ее тревожитъ мое постоянное отсутствіе изъ дому. Оно тяготило и меня, но по неволѣ приходилось много работать, браться за всякое подходящее занятіе, чтобы поскорѣе заставить ее забыть минувшее горе. Да къ тому же мы ждали ребенка. Но въ угоду ей я отказался отъ послѣобѣденныхъ занятій.

И это не помогло. Ея печаль съ каждымъ днемъ усиливалась. Она какъ будто начинала тяготиться моимъ присутствіемъ, а я все еще не хотѣлъ понять истины и пытался всѣ эти странности объяснить естественнымъ въ ея положеніи недомоганіемъ. Однажды она вдругъ горько расплакалась, и я никакъ не могъ ее утѣшить. О, еслибы древній грекъ увидѣлъ слезы, текущія изъ мраморныхъ глазъ богини милосской, онъ не былъ бы навѣрно такъ пораженъ! Но я еще разъ сдержалъ себя и порѣшилъ терпѣливо выжидать рѣшенія мучившей меня загадки. На третій день произошла ужаснѣйшая сцена. Въ припадкѣ безумнаго горя она стала упрекать меня, что я ей измѣнилъ, что я хочу отъ нея избавиться, что я ей подарилъ отравленныя конфекты, что все у нея внутри горитъ отъ ужаснаго яда. Сомнѣнія не было; я позвалъ извѣстнаго психіатра—директора дома для умалишенныхъ—и выслушалъ отъ него ужасный приговоръ. Врачъ подмѣтилъ въ лицѣ Анны зловѣщіе признаки вырожденія, нашелъ и неравномѣрное расширеніе зрачковъ, и неодинаковую окраску радужныхъ оболочекъ глазъ, и неправильную инервацію личныхъ мускуловъ, быть можетъ, придававшую такую удивительную выразительность и неуловимую прелесть ея чертамъ. Наконецъ, исторія предковъ больной вполнѣ выяснила причину ужаснаго разстройства, назрѣвавшаго въ теченіе вѣковъ среди ужасовъ крѣпостнаго права и гнусныхъ оргій. Грозная болѣзнь таилась у нея въ крови. Сокъ ея нервовъ былъ отравленъ тончайшимъ ядомъ, а ея беременность лишь ускорила роковую развязку...

Но я не могъ смотрѣть на Анну, какъ врачъ. Я ничего не замѣчалъ до самой послѣдней минуты... Мы были такъ счастливы, и ей, кроткой и жизнерадостной, какъ птица, я нанесъ ужасный ударъ... Не помню, что говорилъ еще знаменитый докторъ; я убѣжалъ отъ него въ другую комнату и случайно взглядъ мой упалъ на висѣвшій здѣсь портретъ отца Анны; я задрожалъ отъ бѣшенства... Какъ я могъ даже въ минуты счастья смотрѣть безъ ненависти на это выхоленное порочное лицо, съ презрительно прищуренными глазами и съ дьявольской улыбкой на старческихъ губахъ?..

Digitized by Google

Я сорвалъ со стѣны ненавистный портретъ и разорвалъ его ударомъ каблука. Мнѣ казалось, что ужасный призракъ послѣдняго изъ рода Протазановыхъ преслѣдуетъ меня, что онъ сейчасъ явится передо мной и я не вынесу пытки, сойду съ ума. Наконецъ, я понялъ, какъ все въ жизни неразрывно связано, какою ужасною цѣною оплачивается малѣйшая радость на землѣ и сколько незаслуженнаго горя и болѣзней мы получили по наслѣдству. Я чувствовалъ движеніе безконечной таинственной цѣпи причинъ и слѣдствій, сковавшей всѣхъ людей, дѣтей и стариковъ, святыхъ и злодѣевъ,— цѣпи, охватившей весь міръ. Никто не въ силахъ остановить ея движенья. Никто, даже смерть! И вотъ за то, что Протазановы, уснувшіе теперь въ могилахъ, когда-то заразили свою кровь тонкимъ ядомъ распутства и пороковъ, Анна осуждена на смерть среди ужасовъ безумія, а я, еще въ юности возненавидѣвшій это поколѣніе крѣпостниковъ, поклонниковъ мрака и насилія, долженъ поплатиться за старые грѣхи только потому, что всей душою полюбилъ несчастную. Я чувствовалъ, что безуміе Анны коснулось и меня...

V.

Опомнившись отъ этого припадка отчаянія, я порѣшилъ бороться съ ужасной болѣзнью до конца, и не разставаться съ Анной, хотя докторъ настаивалъ на помѣщеніи ея въ домъ для умалишенныхъ. Больше всего я надѣялся на свое вліяніе; Анна до болѣзни была послушна, какъ дитя, и оттого ея безуміе казалось безконечно жалкимъ. Въ оцѣпененіи, въ тяжкомъ полуснѣ проходили ея дни. Лишь изрѣдка, точно пробуждаясь отъ мучительныхъ видѣній, она жаловалась на воображаемыя несчастія и преслѣдованія или, вздыхая, сжимала дрожащими блѣдными руками свою больную бѣдную головку, какъ будто бы пытаясь удержать ужасныя мысли. Въ эти тяжкія мгновенія она встрѣчала меня такимъ тревожнымъ и пытливымъ взглядомъ, что мое сердце сжималось отъ тоски и мнѣ становилось невыносимо больно, какъ отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза къ обнаженной ранѣ. И съ каждымъ днемъ эта боль усиливалась. Входя къ Аннѣ, я невольно останавливался у двери, прислушиваясь, дрожа отъ мучительнаго ожиданія и собираясь съ силами, чтобы казаться спокойнымъ. Но скоро я замѣтилъ, что мое притворное спокойствіе лишь раздражаетъ страдалицу, усиливая ея ужасныя подозрѣнія, что иногда она глядитъ на меня съ невыразимымъ ужасомъ, какъ на убійцу, и что я не въ силахъ спасти ее отъ безумныхъ грезъ. Но, какъ погибающій пловецъ, я долго

Digitized by Google

не хотѣлъ разстаться съ надеждой на спасенье, пока не потерялъ послѣднихъ силъ отъ тяжкаго волненья и безсонницы. Тогда мною овладѣлъ безотчетный, мистическій ужасъ передъ неустранимымъ несчастьемъ, и руки опустились какъ разъ въ рѣшительную минуту, когда я могъ еще спасти ее отъ смерти... Въ припадкѣ безумія она пыталась однажды отравиться, и съ тѣхъ поръ я рѣшилъ не оставлять ея безъ присмотра ни на минуту. Днемъ, когда мнѣ приходилось отлучаться по дѣламъ, при ней постоянно оставалась служанка, а по ночамъ я сторожилъ у ея постели. Ужасныя безсонныя ночи! Сколько мукъ перенесъ я, прислушиваясь въ ночной тиши къ ея прерывистому дыханью и бреду сквозь сонъ, какія ужасныя мысли приходили мнѣ въ голову! Безуміе вѣдь заразительно и, можетъ быть, съ горя я въ то время помѣшался. Я чувствовалъ страшный упадокъ воли и непонятное раздвоеніе сознанія. Мнѣ казалось, что какой-то невѣдомый безсознательный духъ овладѣлъ моими мыслями и чувствами, что онъ смѣется надъ моимъ безсиліемъ и ничтожествомъ. Однажды, внѣ себя отъ ужаса передъ грозной таинственной силой, безжалостно разбившей мое счастье и спокойствіе, я сталъ молиться... Кому? Не знаю. Можетъ быть, звѣздамъ, тихо мерцавшимъ съ недосягаемой высоты въ полумракѣ сѣверной бѣлой ночи. Я молилъ невѣдомаго Бога о спасеніи Анны. Ради нея я готовъ былъ на всѣ жертвы и обѣты. Слава, блескъ истины—все мнѣ показалось въ этотъ мигъ ничтожнымъ передъ ея безуміемъ и мукой. Но вдругъ слова безумной мольбы замерли на моихъ губахъ; я почувствовалъ, что безъ вѣры нѣтъ молитвы, что я не въ силахъ молиться. Послѣднее утѣшеніе было потеряно. Меня охватило предчувствіе надвигающагося несчастія и близкой смерти. Я задыхался отъ волненія и распахнулъ окно. Разсвѣтало. Звѣзды печально догорали на безоблачномъ небѣ... Неужели и тамъ всѣ также несчастны и ничтожны, какъ здѣсь на землѣ? Неужели вселенная—лишь бездушная машина, въ которой мыслящія и безконечно страдающія существа играютъ роль колесъ, винтовъ и гаекъ?.. Неужели человѣческое горе безгранично и безцѣльно? Ужасъ, ужасъ! Въ оцѣпененіи я долго просидѣлъ у раскрытаго окна. Былъ ли это сонъ? Сомнѣваюсь. Я не потерялъ ни на минуту сознанія дѣйствительности. Я слышалъ дыханье спавшей Анны. Въ сосѣдней комнатѣ раздался дребезжащій звонъ часовъ. И вдругъ мнѣ показалось, что кто-то тихо, едва слышно, считаетъ удары. Я оглянулся. Передо мной стояла женщина въ глубокомъ траурѣ. Сквозь черную вуаль я разглядѣлъ лишь ея блестящіе загадочные глаза. Она дрожала не то отъ сдержаннаго смѣха, не то отъ подавленныхъ рыданій, и, задыхаясь,

Digitized by Google

торопливо что-то прошептала. Но я не могъ понять значенія таинственныхъ словъ и, дрожа отъ ужаснаго предчувствія, все еще не вѣрилъ своимъ ушамъ... Послышался тихій стонъ... Видѣніе исчезло. Я узналъ голосъ Анны. Она безсильно металась во снѣ, жалобно стонала и, задыхаясь, звала на помощь. А я глядѣлъ на нее съ отчаяніемъ, чувствуя, что не въ силахъ ей помочь. Горькія слезы повисли на ея сомкнутыхъ рѣсницахъ. Отъ жалости, отчаянія и страха я окончательно потерялъ голову... и разбудилъ ее. Что̀ я говорилъ ей, не помню... Должно быть, старыя слова о томъ, какъ я люблю ее и какъ страдаю. Я цѣловалъ ея руки и, какъ умѣлъ, старался успокоить... И вдругъ я замолчалъ при видѣ ея лица. Блѣдная, съ широко-раскрытыми глазами, она пыталась вырваться и убѣжать, не узнавая и не слушая меня. Я помню ея ужасный крикъ: «убійца, помогите»! Потомъ я видѣлъ, какъ она, спасаясь отъ меня, бросилась къ раскрытому окну... Я не успѣлъ схватить ея и удержать дрожащими руками. Раздался крикъ, стукъ паденія, свистки и шумъ на улицѣ... Въ этотъ мигъ окно мнѣ показалось темной бездной, вдругъ открывшейся передо мной. Я закрылъ глаза отъ ужаса. Голова закружилась, гдѣ-то далеко послышались испуганные голоса, долетавшіе до меня какъ будто изъ другаго міра. Потомъ—во снѣ или наяву?—я видѣлъ, какъ ее внесли по лѣстницѣ и положили на постель. Я видѣлъ ея искаженное лицо...

Я тяжело заболѣлъ и удивляюсь, какъ остался живъ. Я испыталъ такія невыразимыя страданія, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы дѣйствительности. Помню, меня въ бреду тревожили видѣнія послѣдней изъ рода Протазановыхъ и неизвѣстной дамы въ траурѣ... А вдали я видѣлъ Анну въ вѣнкѣ изъ розъ... Она звала меня, протягивая руки. О смерти ея я какъ будто забылъ на время. Воспоминаніе о ней явилось послѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ, когда первые ужасные приступы отчаянія уже прошли. Я попытался вернуться къ прежнимъ занятіямъ и убѣдился, что жизнь разбила всѣ мои мечты. Мое сочиненіе осталось неоконченнымъ. Кто много выстрадалъ, тотъ не способенъ увлекаться громкими словами, тотъ понимаетъ, что истинное знаніе необходимо отвоевать у жизни... И я уѣхалъ въ глушь и сдѣлался сельскимъ врачемъ. Съ тѣхъ поръ прошли года. Иногда мнѣ кажется, что я близокъ къ рѣшенію великой задачи, что цѣль жизни уже виднѣется въ туманной дали... Ахъ, еслибы когда нибудь, хотя въ грозный часъ смерти, я могъ повѣрить, что есть правда на землѣ, и примириться съ великимъ неизбѣжнымъ страданіемъ за преступленія отжившихъ поколѣній и за пороки озлобленныхъ безумцевъ и слѣпцовъ!

С. Годлевскій.

Digitized by Google

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

(Романъ въ двухъ частяхъ).

XXIV.

На другой день послѣ вечеринки, всѣ Котлубаевы встали поздно и пили чай по своимъ комнатамъ.

— Попроси ко мнѣ барышню Марью Львовну,—приказалъ старикъ Котлубаевъ, хмурымъ тономъ, бросая едва начатую сигару и закуривая другую.

— Онѣ вышли... Скоро придутъ...

— Никогда дома нѣтъ. Никогда! И куда она уходитъ?—сердился старикъ, забывая, что Мари не дѣвочка.—Нельзя сказать отцу... Не спрашиваться же: гдѣ тамъ?.. Новые порядки! Въ два часа пріѣдетъ Нетти, я долженъ исполнить ея просьбу... долженъ. Ахъ, скорѣе бы этотъ процессъ окончился... Сидѣть безъ рубля... Вѣдь я не мѣщанинъ, не чиновникъ...

Черезъ часъ Мари вошла въ кабинетъ отца нѣсколько блѣдная и видимо взволнованная. Она только что написала Хотимскому письмо и, опасаясь сплетенъ, сама отнесла его въ почтовый ящикъ. Деньщикъ сообщилъ, что: «баринъ гнѣваются». И Мари знала, въ чемъ дѣло... Вчерашнее посѣщеніе Ловецкой не могло остаться безъ послѣдствій. Эта лукавая, завистливая и злобная женщина несомнѣнно шепнула отцу что нибудь непріятное, и тотъ сердится. Горькое чувство переполняло душу Мари. Хорошо приносить жертвы и выказывать самоотреченіе, но надо же видѣть, если не признательность, то хотя пониманіе, а тутъ... Вѣчныя требованія, укоры, и никогда ни слова ласки, нѣжности!.. Братъ любитъ Мари, онъ уважаетъ ее, но это холодное отношеніе не могло удовлетворить Марью Львовну. Ей нужна ласка теплая, согрѣвающая душу,

Digitized by Google

и дѣвушка съ увлеченіемъ думаетъ о *своемъ* Оскарѣ Владиміровичѣ... «Любима! Наконецъ, любима!»

Мари зашла въ часовню на Загородномъ и здѣсь, поставивъ свѣчу передъ образомъ Спасителя, недолго, но съ горячимъ порывомъ молилась Богу, прося благословить ея союзъ, послать ей счастье. «Господи, пожалѣй меня. Пожалѣй, пожалѣй!»—думала она и сама жалѣла себя, оплакивая прошлое и наслаждаясь будущимъ...

— Папа, вы звали меня.

Она подошла поцѣловать руку отца, сидѣвшаго у окна, въ своемъ глубокомъ креслѣ. Одѣтый въ тужурку на красной подкладкѣ, съ припухшими мѣшками подъ маленькими бѣгающими глазками, полный, съ обрюзглыми щеками, старикъ казался сегодня особенно несимпатичнымъ. Когда Котлубаевъ сердился, онъ всегда начиналъ съ грознаго тона и переходилъ въ жалобный, упрекая всѣхъ и представляясь страдальцемъ. Послѣднее всего больше огорчало Мари и вызывало досаду Поля. Оба они приносили невидимыя, быть можетъ, но очень тягостныя жертвы, честно относясь къ своему долгу, а отецъ привередничалъ и требовалъ невозможнаго.

— Да объясни ты ему, наконецъ, всю правду,—говорилъ иногда Поль.

— А ты думаешь, онъ ея не знаетъ? Не хочетъ знать, вотъ и все!..

И теперь, цѣлуя выхоленную руку старика, Мари подумала, что отецъ *знаетъ*, каково ихъ матеріальное положеніе, и, пожалуй, спроситъ: какъ удалось устроить вчера такой хорошій ужинъ, закуску, купить много вина?...

Но она ошиблась. Котлубаевъ готовъ былъ все порицать, потому что Нетти, т. е. Настасья Дмитріевна Ловецкая, просила у него денегъ, а денегъ у него не было. Лукавая женщина не утерпѣла, чтобы не подчеркнуть роскошь ужина, но въ то же время намекнула, что всего подано въ обрѣзъ...

— Приди кто нибудь лишній, тогда скандалъ! Я помню, какъ у васъ все подавалось прежде. Ахъ, какъ вы умѣли жить!

Ловецкая знала, что такіе разговоры раздражали старика, возбуждая неудовольствіе противъ Мари, и не брезгала никакими средствами. Не будь Мари, этой «противной старой дѣв-

Digitized by Google

ки», Ловецкая съумѣла бы женить на себѣ Котлубаева, считалась бы хозяйкой, важной дамой. Мари помѣшала... Имѣя взрослыхъ дѣтей, Котлубаеву было неловко жениться, и вотъ Настасья Дмитріевна мстила имъ обоимъ, выманивая у старика деньги и сплетничая ему на дочь и на сына, подъ видомъ дружескаго участія и уваженія къ «фамиліи Котлубаевыхъ».

— И гдѣ ты пропадала, Мари? Удивительно. Съ утра,— и дома нѣтъ!.. Не наѣздишься по магазинамъ...

— Я была въ церкви, папа...

— Въ церкви... въ церкви?—недовѣрчиво повторилъ старикъ.—Ну, такъ сказала бы, что ѣдешь... И въ какой церкви ты была?

— На Загородномъ... Въ часовнѣ...

Старикъ помолчалъ. Онъ тихо постукивалъ пальцами по столу и наконецъ сказалъ:

— Когда пойдешь къ себѣ, то принеси мнѣ, ну, рублей 50...

— У насъ нѣтъ денегъ, папа!

— Какъ нѣтъ? Ты же получила мою пенсію? Давно ли это было? Пять дней всего... Сто рублей въ пять дней... Ловко, умно!

— Мы беремъ въ долгъ въ лавкахъ, папа... Нужно было уплатить долги...

— Зачѣмъ же ты ихъ дѣлаешь? Зачѣмъ, я спрашиваю? Нѣтъ, при такомъ хозяйствѣ ты меня разоришь совсѣмъ. Это невѣроятно! По 20 рублей въ день, а ѣдимъ мы чортъ знаетъ что такое... Нѣтъ, такъ нельзя.

— Папа, я покажу вамъ счеты... Вѣдь цѣлый мѣсяцъ...

— А что мнѣ въ твоихъ счетахъ? Нужда большая. Написать можно, что угодно. Теперь я самъ буду вести хозяйство. Самъ! Довольно этой безалаберщины. Принеси мнѣ всѣ деньги, книги, счеты, и пусть кухарка ко мнѣ приходитъ за приказаніями...

Мари знала, чѣмъ оканчивались подобныя вспышки. Деньги, предназначенныя на весь мѣсяцъ, расходовались въ одинъ-два дня, а потомъ старикъ бѣсновался, кричалъ, что его обворовываютъ, и швырялъ книги и счеты въ лицо Мари, упрекая, зачѣмъ она «выжила» Настасью Дмитріевну, эту идеальнѣйшую хозяйку, изъ ничего дѣлавшую все.

Digitized by Google

Больно и обидно было для Мари выслушивать такія обвиненія, но отецъ былъ старъ, хворъ и привередливъ... Надо побѣждать *свои* ощущенія и успокоивать папочку.

— Хорошо, папа... Я сейчасъ принесу...

Мари ушла и вернулась съ пачкой бумажекъ-счетовъ, на которыхъ значилось безобразнымъ почеркомъ, что̀ взято изъ лавки. «Клепъ», «кафтофель», «машла», опять «клепъ» и т. д., и т. д. Денегъ—Мари принесла только три рубля съ мелочью...

— Больше нѣтъ, папа. Теперь опять можемъ брать въ кредитъ весь мѣсяцъ, а тамъ... надо заплатить...

— Прекрасная манера! Грошовые долги, и ни гроша въ карманѣ... Чудесные порядки, нечего сказать... Хозяйка! Какъ же ты тогда устроила вчерашній ужинъ, купила вина, фруктовъ?— съ подозрѣніемъ спросилъ Котлубаевъ.

Онъ не вѣрилъ дочери, считая, что она въ чемъ нибудь да хитритъ. Самъ онъ, во время матеріальнаго довольства, обманывалъ и жену, и пріятелей, стараясь оставлять въ своемъ распоряженіи «случайныя» суммы денегъ...

«Хитритъ или не умѣетъ хозяйничать?»—думалъ старикъ. Первое, по его мнѣнію, было бы лучше, но Мари смотрѣла растерянно, какъ виноватая, и Котлубаевъ затянулъ свою обычную воркотню.

Неумѣнье, небрежность, все какъ нибудь, да кое-какъ. Надо помнить, какъ они прежде жили... Полная чаша, избытокъ, а нынче,—чистый позоръ... Жаркого едва хватило!

— Какъ же ты ужинъ сдѣлала, если у тебя денегъ не было?—рѣзко повторилъ старикъ и пожалъ плечами.

— У меня были... маленькія сбереженія.

Сказать отцу о займѣ у Могорина значило указать источникъ, изъ котораго Котлубаевъ сталъ бы черпать съ присущею ему легкомысленностью, не заботясь объ уплатѣ...

— Сбереженія! Зачѣмъ же было сзывать гостей, если...

— Вы сами хотѣли, папа...

— Ты всегда съ отвѣтомъ, всегда! Ничего сказать нельзя. Вѣчно зубъ за зубъ. Я говорю, — продолжалъ старикъ строго и наставительно,—что ради такихъ гостей... И къ чему приглашать всякую шушеру, въ родѣ Юриныхъ, Хотимскихъ, Болиныхъ?..

Digitized by Google

Мари вспыхнула. Ей хотѣлось защищать Хотимскаго, но заступилась она за Юрину.

— Зоя такая милая дѣвушка... Она прекрасно занимается съ Наташей, и вы ею довольны.

— Но, полагаю, она получаетъ жалованье за свой трудъ! Я плачу ей и вовсе не считаю нужнымъ якшаться...

Хвастовство отца, вѣрнѣе, привычка думать, что *онъ* хозяинъ дома,—непріятно повліяла на Мари.

— Зоя получаетъ такую ничтожную сумму. Я могу платить ей всего...

— Занимайся съ Наташей сама, но не вводи въ мой домъ чортъ знаетъ кого!—горячо сказалъ старикъ, очень симпатично относившійся къ Зоѣ, но злившійся на дочь за ея дерзкую неуступчивость.—Ну, а этотъ... ну, какъ его... Хотимскій? Зачѣмъ этого позвали?—Мари угадала, что Ловецкая успѣла шепнуть что нибудь противъ Хотимскаго, и рѣшилась возразить, стараясь овладѣть собою. Вѣдь не ребенокъ она, не подчиненная... Она имѣетъ же право говорить о своихъ симпатіяхъ. Если до сихъ поръ она стоитъ въ неопредѣленномъ положеніи, то сама виновата.

— Оскаръ Владиміровичъ очень симпатичный и пріятный... да, пріятный собесѣдникъ,—серьезно и чуть-чуть заносчиво вымолвила она, готовая къ дальнѣйшему отпору.—Я его пригласила, потому что и братъ, и я,—мы оба находимъ удовольствіе...

Котлубаевъ лукаво засмѣялся.

— Женишокъ, думаешь? Ха, ха! Отличная партія, что̀ и говорить... Только... не для *моей* дочери!—рѣзко закончилъ онъ фразу.—Если у тебя нѣтъ нужной гордости, то я не позволю... Чинушка, который у всѣхъ клянчитъ о протекціи... Говорили мнѣ про него...

— Вѣроятно, Настасья Дмитріевна?

— Да, она!

Отецъ и дочь посмотрѣли другъ на друга и замолчали. Мари сознавала, что способна «забыться» и высказать рѣзкую правду, а старикъ испугался, что передалъ слова Ловецкой... Она такъ просила не проболтаться... Но что жь ему дѣлать, если его постоянно раздражаютъ, сердятъ?.. Котлубаевъ сталъ растирать лѣвый бокъ и нахмурился, тихо вздыхая.

Digitized by Google

— Опять сердце! Эдакое мученье...

Мари молча подала отцу стаканъ воды и вышла изъ комнаты... Не любила она въ это мгновеніе старика-отца, ради котораго приносила столько незамѣтныхъ, но тягостныхъ жертвъ.

XXV.

Много хлопотъ, тревогъ и стараній доставилъ первый выѣздъ Вѣры. Не только мать, но и Костя ожидали чего-то важнаго отъ вступленія Вѣры въ новую сферу.

— Она умница... Она съумѣетъ!—говорила Ольга Арсеньевна.—Ее не надо просить.

— Да, если Вѣра захочетъ, она всего можетъ достигнуть,— согласился Костя и впервые, за время совмѣстной жизни, сталъ размышлять надъ характеромъ кузины.

Никто не назвалъ бы Вѣру красавицей, но было въ ней нѣчто, заставлявшее всѣхъ оглядываться, когда она шла по улицѣ, и провожать безпокойнымъ взоромъ. Женщины не любили Вѣры, называя ее вульгарной, хотя это была неправда. Дѣвушка обладала прекрасными манерами, держала себя гордо, съ достоинствомъ, но въ ея глазахъ, въ усмѣшкѣ заключалось такое властное обаяніе, что она завладѣвала всѣми мужчинами. Что Вѣра понравится *тамъ*, не было никакого сомнѣнія, точно также какъ и въ томъ, что она съумѣетъ... Для нея нужна была только удобная почва, а долгое лишеніе всѣхъ радостей жизни создавало достаточное количество энергіи и жажды побѣды.

Изъ разспросовъ сестры Вѣра узнала все, что ей нужно, и, еще не видя никого изъ кружка людей, собиравшихся у Тарховскихъ, она намѣтила Коробова, какъ достойнаго, чтобы за нимъ поохотиться.

— Онъ женатъ, не знаешь?

— Не знаю!—съ удивленіемъ отвѣчала Зоя.—На что тебѣ?

— Отчего ты не спросила! Интересно бы знать все, все... Вѣроятно, тамъ, въ кружкѣ, онъ самый... крупный.

Ольга Арсеньевна со страхомъ и надеждой глядѣла на Вѣру. Костя улыбался. Онъ считалъ нужнымъ относиться съ

Digitized by Google

ироніей ко всему, находящемуся въ зачаточномъ отношеніи такъ какъ не любилъ признаваться побѣжденнымъ.

Удастся—онъ будетъ говорить: «я и не сомнѣвался»; неудача—онъ имѣетъ право сказать: «я такъ и думалъ»... Такая осторожность создавала ему славу мудреца не по возрасту, но нынче молодому человѣку пришлось высказаться опредѣленнѣе. О томъ, что̀ надѣнетъ Вѣра, было много разговоровъ, но они только раздражали дѣвушку. Для нея было ясно одно: ѣхать не въ чемъ... Наканунѣ вечеринки, на которую Вѣра стремилась, какъ боецъ на состязаніе, обѣщающее блестящую побѣду,—она вошла въ комнату Кости. Онъ усталъ отъ работы и лежалъ на диванѣ, положивъ руки подъ голову. Въ комнатѣ было полутемно. Топилась печь, да изъ передней, черезъ запыленное стекло надъ дверьми, слабо падалъ свѣтъ отъ тускло горѣвшей лампы. Костя быстро всталъ, зажегъ свѣчу и ласково, какъ мужчина, любующійся на красивую женщину, смотрѣлъ на нее. Вѣра была взволнована и мрачна.

— Что съ тобою?—спросилъ Вронскій.

— Не достала денегъ. Нельзя ѣхать!

Костя молчалъ. У него были въ карманѣ полученныя наконецъ за переводъ деньги, но отдать ихъ—онъ не могъ. Нужно заплатить въ университетъ за слушанье лекцій, уплатить долги, «построить» штиблеты.

— Ты слышишь? *Нельзя* мнѣ ѣхать!

Онъ боялся спросить о причинѣ, зная, что Вѣра разсердится на каждое его слово.

— А сколько тебѣ не хватаетъ?

Эти слова возбудили надежду въ душѣ Вѣры. Такъ не спрашиваютъ, если не могутъ или не хотятъ помочь, значитъ... Вспыхнувъ отъ радости, Юрина присѣла на диванъ возлѣ Кости, положила руки на его колѣни и стала говорить:

— Ты умникъ, ты все понимаешь, не то, что̀ *онъ*... Мама по старому разсуждаетъ: «молодая дѣвушка должна *просто* одѣваться».

Зоя, та ничего не смыслитъ, а костюмъ—все... Теперь все зависитъ отъ костюма, отъ его характера...—Погоди, погоди!—торопливо сказала она, замѣтивъ его желаніе возразить что-то,—ты слушай... Анна богата, благодаря Тарховскому, который ее одѣваетъ, но, я увѣрена, у нея нѣтъ вкуса... шику

Digitized by Google

нѣтъ, понимаешь: шику? Чтобы выгодно выдѣлиться, мнѣ надо одѣться просто, да, но чтобы въ носъ било! Понялъ?

Вронскій кивнулъ головой. Онъ понималъ, что, отдавъ всѣ свои 63 р., онъ не спасетъ Вѣры, и это его успокоивало. Онъ можетъ предложить 10—15 р., а тамъ—ея дѣло. Не возьметъ или возьметъ—безразлично; его долгъ будетъ исполненъ.

— Здѣсь у насъ, въ 16-омъ нумерѣ, одна особа... ну, просто изъ такихъ, знаешь,—она продаетъ платье, ахъ, Костя, вотъ прелесть! Сидитъ на мнѣ, какъ облитое; фасонъ — нѣтъ еще такихъ въ Петербургѣ, понимаешь: еще нѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дивно простое... На плечахъ положено біэ, а воротъ...

Вѣра сыпала названіями, но Костя ничего не смыслилъ. Онъ проникался словами кузины, ея убѣжденіемъ, и представлялъ себѣ, что дѣвушка будетъ очень красива въ томъ «удивительномъ» платьѣ, которое она описывала.

— И вотъ изъ-за несчастныхъ 35 р. я ничего, ничего не могу сдѣлать! У мамы нѣтъ, заложить нечего, а между тѣмъ...

Она хотѣла сказать, что отъ такого пустяка зависитъ ея будущее, и остановилась, смутно сознавая, что Костя мужчина, что онъ хотя немножечко, но все таки влюбленъ въ нее и можетъ ревновать...

Въ немъ одномъ заключалась теперь вся ея надежда, и она боялась потерять союзника, могущаго помочь.

— Значитъ тебѣ нужно 35 р.? Не больше? А перчатки, ботинки?

— Есть это, только одно и нужно...

— А, только это, такъ вотъ оно!

И Костя, съ тѣмъ же жестомъ беззавѣтной щедрости, которая такъ нравилась всѣмъ въ покойномъ Сорохтинѣ, досталъ деньги и передалъ ихъ Вѣрѣ. Онъ даже прибавилъ пятирублевку, мысленно рѣшая, что займетъ у кого нибудь изъ товарищей такую же сумму. Вѣра была ошеломлена. Эгоистичная и разсчетливая, она сомнѣвалась въ чужой добротѣ, не основанной на чемъ либо практичномъ. Первая мысль ея была, что у Кости, вѣроятно, много денегъ, если онъ такъ легко давалъ такую сумму (она помнила, какъ трудно было выпросить у него иногда нѣсколько рублей!). Затѣмъ, устыдившись своей неблагодарности, рѣшила, что Костя серьезно влюбленъ въ нее.

Digitized by Google

— Милый мой Костикъ... Прелесть ты!—воскликнула дѣвушка и, схвативъ его за голову, крѣпко, горячо поцѣловала въ губы.

Оба, смущенные такимъ неожиданнымъ порывомъ, они отвернулись и сидѣли молча, не замѣтивъ, что Зоя была невольной свидѣтельницей ихъ поцѣлуя. Та хотѣла войти въ комнату, но ушла, пораженная, огорченная, почти завидующая.

Этотъ поцѣлуй, какъ ей казалось, отнималъ у нея дружбу Кости, а она была ей такъ необходима именно теперь...

XXVI.

— Какая ты интересная!—говорилъ на другой день Костя, любуясь Вѣрой и ощущая горделивое сознаніе, что все устроилось благодаря его жертвѣ...—Да, ты можешь вскружить не одну голову!

— Молчи. Не надо. Знаешь, охотнику не надо желать удачи... Мѣшаетъ успѣху...

— Но ты, кажется, ѣдешь не на охоту!

Вѣра взяла Костю подъ руку, прошлась съ нимъ и, остановившись въ углу, гдѣ было темно, сказала серьезно и въ то же время какъ бы смѣясь:

— Слушай, Костикъ. Если я не съумѣю сдѣлать партіи, если черезъ годъ я не буду «особой», дамой-патронессой и вообще тѣмъ, чѣмъ хочу быть, то... я руки на себя наложу. Понялъ? Такъ жить, какъ мы живемъ, я не могу! Но ты подумай только: если я выду въ люди, то... Всѣмъ будетъ хорошо, всѣмъ, а одному человѣку, который мнѣ крылья далъ, какъ ему станетъ чудесно!..

И Вѣра опять поцѣловала Костю, но теперь едва прикоснувшись горячими губами до его губъ, и эта ласка, какъ огонь, охватила молодаго человѣка, отуманила его разсудокъ, заставила растеряться.

— Какъ я люблю тебя, Вѣра! — со стономъ вырвалось у него.—Люблю, люблю... Давно люблю!

Въ дверяхъ показалась фигура матери. Вѣра отодвинулась и, застегивая перчатку, кокетливо и нѣжно глядѣла на Костю. Ей хотѣлось попробовать свою силу, и она попробовала ее, какъ пѣвецъ передъ концертомъ испытываетъ звучность и чистоту своего голоса.

Digitized by Google

У Тарховскихъ собрался обычный кружокъ. Болтали, смѣялись, немножко сплетничали и ожидали пріѣзда сестеръ Юриныхъ. Когда Вѣра и Зоя вошли, Анна разливала чай. Коробовъ любилъ долго сидѣть возлѣ самовара и ради него хозяйка продѣлывала всю эту скучную «чайную церемонію». Докторъ и Хохловъ отпили чай и сидѣли въ кабинетѣ; Савурскій еще не пріѣхалъ, а другіе гости размѣстились возлѣ стола и внимали Коробову, говорившему о какомъ-то предпріятіи.

— И это вамъ можетъ доставить?..—спросила Анна.—Ну, сколько вы получите?

— Тыщенокъ сто, а пожалуй и побольше...

— Ахъ, счастливый! Еслибы мнѣ хоть десятую часть!

— Все къ вашимъ услугамъ...

Анна оглянулась. Пустая фраза, но хорошо, еслибы Сережа услыхалъ ее... Она вообще замѣчала, что Тарховскій всегда горячѣе относился къ ней, если за нею ухаживали другіе. Но Сергѣй смотрѣлъ въ переднюю, гдѣ Зоя и Вѣра снимали шубки. Онъ невольно залюбовался Юриной-старшей, въ которой замѣтилъ что-то особенное, дразнящее и вызывающее, но въ то же время нѣжное и граціозное.

«Да, эта, кажется, будетъ получше нашей студенточки»,—подумалъ онъ и, подмигнувъ Хохлову, пошелъ въ столовую:

— Анна, иди гостей встрѣчать!..

Молодая женщина уже слышала звонокъ и встала. Она, смѣясь, оканчивала разговоръ съ Коробовымъ, обѣщавшимъ ей «полъ-царства и куль червонцевъ», если она найдетъ такую невѣсту, которая ему понравится...

— Посватайте!.. Давно прошу, но только...

Коробовъ наклонился къ Аннѣ и, обдавая ее своимъ дыханіемъ, сластолюбиво прошепталъ:

— Чтобы она была такая же, какъ вы!

Лестно, но и противно было Аннѣ выслушивать эти и тому подобныя любезности мужчинъ, бывавшихъ у нея въ домѣ... И прежде, какъ теперь, мужчины говорили хорошенькимъ женщинамъ льстивыя фразы, но прежде они глубже скрывали свои грязныя побужденія, а теперь, издѣваясь надъ чувствомъ, они подчеркиваютъ свои прихоти.

Вѣра произвела впечатлѣніе. Зоя глядѣла на сестру и удив-

Digitized by Google

лялась, не понимая, гдѣ и когда научилась она такъ говорить и держаться, такъ играть глазами, такъ чудно смѣяться. Тарховскій, Коробовъ, даже Хохловъ,—всѣ ухаживали за Юриной. Анна и Зоя были забыты и всеобщее вниманіе поглощала Вѣра Юрина. Ея костюмъ оказался изящно-простымъ и поразительно-модным. Тарховскій, въ качествѣ дамскаго врача, видѣлъ такой фасонъ платья только вчера, у княгини Д—вой, и теперь упрекнулъ Анну.

— Видишь! А когда я тебѣ разсказывалъ, ты отвѣчала, что я путаю что нибудь.

— Я не думала, что это такъ красиво!

Чутьемъ любящей и ревнующей женщины Анна угадала произведенное Вѣрой впечатлѣніе. Но она не впадала въ ошибку, свойственную очень и очень многимъ женамъ. Вмѣсто того чтобы «надуться» и показывать свою тревогу, Анна дѣлалась шумно-весела, игрива, любезна и точно старалась подчеркнуть достоинства соперницы. Что значатъ подобныя вспышки—Сергѣй зналъ, но ему нравилась такая борьба и, улучивъ минутку, онъ шепнулъ Аннѣ:

— Ты сегодня чудо какая, моя Аня! Вотъ такою я тебя люблю, безъ ума люблю,—страстно протянулъ онъ и такъ взглянулъ на жену, что у нея сердце замерло отъ прилива бѣшеной радости.

Пріѣхалъ Савурскій. Онъ сообщилъ, что новаго снѣгу выпало вволю и санная дорога восхитительная. Всѣ знали это и безъ него, но у всѣхъ какъ-то разомъ мелькнула мысль, что хорошо бы прокатиться за городъ.

— Какъ жаль, что сегодня суббота!—вырвалось у Анны.

— Развѣ это чему нибудь мѣшаетъ?

— Конечно! Можно бы въ Самаркандъ!

— По островамъ, а затѣмъ нашествіе на татаръ!—подхватилъ Хохловъ.—А теперь: *ваша* суббота!

— Вы поѣдете на тройкѣ?—тихо спросилъ Вѣру Тарховскій.

— Если вы меня возьмете!—также тихо, но съ кокетливой улыбкой отвѣчала Вѣра.

— Господа, вотъ мой планъ,—громко продолжалъ онъ.—Поѣхать прокатиться, только прокатиться, а ужинать домой... У насъ сегодня рыбища,—вотъ, два аршина, а можетъ быть и меньше...

Digitized by Google

— Зачѣмъ загодя рѣшать? Прозябнемъ—и заѣдемъ... А рыба у васъ съ какимъ соусомъ, барынька?

— Хрѣнъ. Классически простой хрѣнъ! Не умѣетъ моя Дарья дѣлать провансаль...

— Хотите, я сдѣлаю, Анна Дмитріевна?—предложила Вѣра.—Артистическій соусъ могу сдѣлать, соусъ Брендо, секретъ приготовленія котораго утерянъ съ... съ...

Она назвала годъ ареста Сорохтина. Зоя съ негодованіемъ взглянула на сестру.

«*Такъ* вспоминать отца! Ахъ, какая она бездушная»!

— Соусъ Брендо? *Вы* знаете соусъ Брендо? Секретъ извѣстенъ? Голубушка вы, родная, да вѣдь это что же такое? Вѣдь это умереть надо! — обращался онъ ко всѣмъ съ какою-то истомой.—И вы, вы этими ручками, сами сдѣлаете соусъ Брендо?

— И не только соусъ, а помните вы тотъ паштетъ, что̀ приготовлялъ monsieur Виронѐ въ Парижѣ! Изъ гусиныхъ печенокъ и трюфелей въ тюлѣ изъ слойки, которая хруститъ и таетъ во рту? Помните?

Коробовъ только стоналъ отъ восторга. Молодежь, окружавшая его, *не могла* помнить этихъ дивныхъ произведеній гастрономіи,—она тогда еще сиживала больше подъ столомъ,—но какъ же знаетъ ихъ эта красивая, оригинальная дѣвушка, съ такимъ вкусомъ одѣтая, пикантная и изящная?

— Да вы это, можетъ быть, шутя? Подразнить старика хотите?

Вѣра шутливо оглянулась.

— Я не вижу ни обманщицы, ни... старика!—смѣясь сказала она.—Соусъ я сейчасъ сдѣлаю, если мнѣ дадутъ все, что̀ нужно, а паштетъ—пусть скажетъ милая хозяйка и я явлюсь приготовить. Если хотите, то хоть цѣлый обѣдъ!

— Правда? Ахъ, какая вы милая!

— Но гдѣ же вы научились?

— Какъ это умно съ вашей стороны! Гдѣ училась? У самого Виронѐ.

— Ко мнѣ пожалуйте, Вѣра Юрьевна! У меня устроимъ обѣдъ, драгоцѣнный, вашими ручками приготовленный... У меня не кухня, а диво... У меня всѣ припасы особенные... Лучше у меня!—умоляющимъ тономъ твердилъ Коробовъ. — Осчастливьте...

Digitized by Google

Анна не возражала. Она вспомнила, что припасы будутъ стоить очень дорого, и отмалчивалась, выжидая, что̀ скажетъ Сергѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не согласенъ! Вѣра Юрьевна намъ предложила... Я не уступаю, хотя, конечно, рѣшеніе принадлежитъ Вѣрѣ Юрьевнѣ.

Молодая дѣвушка ласково улыбнулась и скромно, точно выказывая робость, произнесла:

— Если право выбора принадлежитъ мнѣ, то я, я...

Она кокетливо взглянула на Коробова, потомъ на Савурскаго и, останавливаясь взоромъ на лицѣ Тарховскаго, добавила:

— У васъ мнѣ будетъ всего удобнѣе...

Анна и докторъ стали выражать благодарность, какъ будто Юрина дѣлала для нихъ какую-то удивительную милость. Коробовъ напросился на обѣдъ, говоря, что вспрыски должны быть изъ его погреба. Всѣ шумѣли, смѣялись, всѣхъ прельщала новинка, о которой можно будетъ потомъ разсказывать.

Испортитъ обѣдъ эта оригинальная дѣвушка съ зелеными глазами,—поѣдутъ въ ресторанъ, но если приготовитъ прилично,—да это цѣлое событіе въ жизни людей, для которыхъ вопросъ гастрономіи—самый высшій изъ всѣхъ существующихъ. Зою раздражалъ такой культъ ѣды. Когда Вѣра и всѣ остальные направились въ столовую, гдѣ нужно было заняться приготовленіемъ соуса, Юрина посмотрѣла на Савурскаго, не принимавшаго участія въ бесѣдѣ. Онъ былъ разстроенъ, или ему нездоровилось, но Зоя замѣтила, что Левъ Даниловичъ сегодня особенно серьезенъ.

«Можетъ быть, онъ узналъ, кто мы, и осуждаетъ поведеніе Вѣры и мою скрытность»,—подумала дѣвушка, и ей захотѣлось сейчасъ же разсказать ему правду.

Одинъ Савурскій изо всѣхъ новыхъ знакомыхъ привлекалъ ея симпатію и нравился ей. Честная по натурѣ, искренняя по потребностямъ души, она тяготилась вынужденною скрытностью.

— Какъ хорошо, что они всѣ ушли,—сказалъ Савурскій.— Я заѣхалъ ненадолго, только чтобы сообщить вамъ пріятную новость... мѣсто за вами.

— Пріѣхали ненадолго? Значитъ, вы не поѣдете на тройкѣ?—вырвалось у Зои.

Digitized by Google

Левъ Даниловичъ ласково улыбнулся. Онъ обѣщалъ быть у своей ревнивой, требовательной и успѣвшей надоѣсть ему Нины Павловны,—но желаніе милой дѣвушки, нескромно выраженное въ вопросѣ, польстило ему.

— Если вы желаете, я останусь...

— Пожалуйста,—смущенно пробормотала она и, торопливо овладѣвъ собою, начала разспрашивать о мѣстѣ.

Оно оказалось превосходнымъ: 50 рублей жалованья за 4—5 часовъ занятій въ конторѣ нотаріуса.

— Кромѣ того, если захотите, — заключилъ Савурскій,— вы можете имѣть еще вечернія занятія, только стоитъ ли? Вы совсѣмъ измучитесь...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! Мнѣ бы только побольше зарабатывать денегъ!

Савурскій опять улыбнулся и коротко спросилъ:

— Алчность или необходимость?

— Необходимость!

— Ну, и отлично. И довольно! Теперь я знаю, въ чемъ дѣло, такъ мы станемъ и дѣйствовать. Да, еще одна подробность: вамъ будутъ довѣряться маленькія тайны... для васъ неинтересныя, но важныя для другихъ. Вы должны быть скромны... Вашъ другъ, кузенъ...

— У меня нѣтъ друзей!—перебила она, вспыхивая и вспоминая случайно видѣнный поцѣлуй.—Я умѣю хранить тайны!

— Не сомнѣваюсь...

Онъ совершенно просто сказалъ эти слова, а Зоѣ опять почудился намекъ и опять ей сдѣлалось непріятно, что, пользуясь участьемъ Савурскаго, она какъ бы обманываетъ его.

— Левъ Даниловичъ, мнѣ очень, очень нужно поговорить съ вами о серьезномъ дѣлѣ,—порывисто начала она.—Можно?

Изъ столовой донесся звукъ громкаго и веселаго смѣха. Савурскій покосился на дверь.

— Я къ вашимъ услугамъ, но здѣсь нельзя говорить о серьезномъ... Помѣшаютъ... Вѣроятно, у вашей матушки какое нибудь дѣло?—добавилъ онъ, угадывая, что у него хотятъ попросить совѣта, какъ у юриста.

Вообще такая неделикатность ему не нравилась, но къ Зоѣ его влекло что-то непонятно-властное.

— Нѣтъ, не то... Это лично меня касается... Вы знали

Digitized by Google

Сорохтина? Да? Я и Вѣра—мы его дочери... незаконныя дочери!

Голосъ Зои дрогнулъ. Она опустила голову и молча ожидала, что̀ скажетъ Савурскій.

— Представьте себѣ, я... Казалось мнѣ что-то такое... Казалось... Смутное сходство, но съ кѣмъ, не могъ вспомнить!.. Такъ вы дочь его... Ахъ, бѣдняга, бѣдняга! Сколько онъ выстрадалъ... *Они* знаютъ?

Савурскій кивнулъ по направленію къ сто̀ловой.

— Нѣтъ, я еще не говорила... *Надо* сказать?

— Ни подъ какимъ видомъ! Зачѣмъ? Кому какое дѣло... А что вы мнѣ сказали, это очень хорошо... Я принималъ участіе въ дѣлѣ, вы вѣдь знаете... Небольшое, положимъ, но все таки...

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами, узнать все. Я безгранично любила отца! И теперь я его также горячо люблю, уважаю. Я берегу его память, чту ее...

Зоя почти задыхалась отъ волненія, но въ ея голосѣ звучалъ горделивый вызовъ. Савурскій съ сочувствіемъ смотрѣлъ на нее и глубоко сожалѣлъ милую дѣвушку.

— Хорошо, что вы имъ не сказали! — повторилъ онъ.— Особенно тѣмъ, Котлубаевымъ, не надо знать... Они вѣдь разорились и...

— Проклинаютъ моего отца! Оттого я и не хочу, не могу брать отъ нихъ деньги... Я тогда ужинать у нихъ не могла... Жестокіе они, эгоисты, и неправы, неправы!

— Такъ вотъ отчего вы обрекли себя на голодъ! А я удивлялся... Поздравляю, вы—особа съ характеромъ.

— Нѣтъ, каковъ соусъ? Да это роскошь!

— Поразительно вкусный!—говорили гастрономы, возвращаясь изъ столовой.

— Тройки у подъѣзда!

— Скорѣй, скорѣе одѣваться!

— Дайте же Вѣрѣ руки-то вымыть,—кричала Анна, успѣвшая подружиться съ Юриной.

И, подъ общій шумъ и смѣхъ, Савурскій сказалъ Зоѣ:

— Когда захотите поговорить *объ немъ*, зайдите ко мнѣ... Отъ 8 ч. вечера я всегда дома... Зайдете? У меня бываютъ дамы, не бойтесь... Вотъ завтра, послѣ завтра, когда хотите.

Дѣвушка молча кивнула головой.

Digitized by Google

Часть вторая.

I.

Возвращаясь съ урока, Зоя какъ-то зашла къ Савурскому.

— Заняты... Потрудитесь подождать,—сказалъ слуга, очень суровый и въ то же время искательно-почтительный.—Да они вамъ сами назначили?

— Самъ! Самъ!

Иванъ ввелъ дѣвушку въ маленькую комнату и исчезъ. Посѣтительница немножко тревожила его.

«На кліентку не похожа... Не изъ прежнихъ ли пріятельницъ? Вотъ такъ попадетъ... И отъ барина, и отъ Нины Павловны. Тутъ она... Ссорятся... И чего имъ не подѣлить? Положимъ, вздорная она барынька, да и мой-то ужь такъ гордъ, такъ»...

Иванъ возвратился въ переднюю и взялъ листъ объявленій. По привычкѣ большинства русскихъ людей, онъ не цѣнилъ настоящаго и вѣчно мечталъ о лучшемъ мѣстѣ. Просматривая ежедневно газетныя объявленія, онъ какъ бы выбиралъ себѣ новое мѣсто, представлялъ себѣ, какъ-то тамъ пришлось бы жить, и иногда начиналъ фантазировать. Ему чудилось, что онъ можетъ получить мѣсто съ жалованьемъ въ 25—30 р., а работы—никакой. Ѣшь, пей, кури барскія сигары и ухаживай за горничными...

Размечтается Иванъ, начнетъ небрежно относиться къ дѣлу,—смотришь распеканція, другая, а затѣмъ суровый голосъ барина:

— Еще одна небрежность,—и я тебя прогоню!

Иванъ мгновенно струситъ. Свободный мечтатель превращается въ раба и начинаетъ ухаживать за своимъ господиномъ. Да и какъ не дорожить такимъ мѣстомъ!

«Кліентовъ много и все народъ богатый, щедрый, а барыни-то, барыни... Одна Нина Павловна сколько переплатила... Гмъ! Кто у насъ бываетъ, ей любопытно... Такъ я и скажу... Кто былъ, того нѣтъ... А денежки... за денежки покорнѣйше благодаримъ! Теперь у меня есть»...

И Иванъ мысленно считаетъ скопленныя деньги, мечтая со

Digitized by Google

временемъ открыть такой постоялый дворъ въ родной деревушкѣ, что одна прелесть...

Зоя присѣла къ столу, открыла какую-то книгу и, опершись локтями, задумалась. Она пошла къ Савурскому тайкомъ. Странно, но это такъ. Никто не знаетъ, что она здѣсь, въ квартирѣ извѣстнаго адвоката, одна, вечеромъ...

Дѣвушка никому не сказала о своемъ намѣреніи зайти къ Савурскому, хотя ничего дурнаго она тутъ не находитъ.

«Некому было сказать, да, да, некому!—съ затаенной досадой думала Зоя.—Костѣ нѣтъ до меня никакого дѣла, онъ теперь все за Вѣрой ухаживаетъ... Сказать мамѣ, сестрѣ? Нельзя! Мама непремѣнно найдетъ что нибудь неприличное, а Вѣра—та лукаво улыбнется... Не хочу я быть съ нею откровенной... Да вѣдь мы и не разговариваемъ послѣ вечера у Тарховскихъ... Какъ она вела себя странно... А всѣ въ восторгѣ... Всѣ, кромѣ Савурскаго»,—съ удовольствіемъ заключила Зоя, радуясь, что видимо удержала за собою симпатію Льва Даниловича, тогда какъ всѣ, всѣ, даже Анна, измѣнили ей ради Вѣры.

«И что такое въ ней такъ нравится? Не понимаю! Но всѣ, всѣ очарованы... И тотъ «вліятельный толстякъ», какъ его называетъ Савурскій, больше всѣхъ... Но Левъ Даниловичъ лучше всѣхъ по моему».

Взгляды Савурскаго, его манера говорить и та особенная, покровительственно-дерзкая манера, съ которою обращаются властные и много пожившіе люди съ молодыми дѣвушками, все нравилось Юриной.

Левъ Даниловичъ щеголялъ цинизмомъ, а Зоѣ казалось, что онъ—правдивъ; онъ видѣлъ въ ней бутончикъ, который можно «приспособить», а она воображала, что встрѣтила человѣка, вѣрующаго въ невиновность отца, и надѣялась, что онъ поможетъ ей возстановить дорогое имя... Люди постарше и много опытнѣе ошибались въ Савурскомъ и такъ какъ наряду съ некрасивыми фактами онъ совершалъ буквально подвиги, то къ нему давно уже перестали прилагать обычную мѣрку. «Талантъ! Выдающійся человѣкъ»! — говорили про него, какъ будто талантъ—ширма, за которою можно дѣлать все непозволительное для человѣка бездарнаго.

«Какое же онъ мѣсто предложитъ мнѣ»? — думала между

Digitized by Google

тѣмъ дѣвушка.—Спрашивалъ: соглашусь ли я быть секретаремъ при дѣльцѣ?.. Не все ли равно?! Работа, трудъ; ничего не нахожу неудобнаго. Вотъ мама... А, да нельзя же такъ выбирать и капризничать!.. Что это тамъ? Споръ»?

Юрина прислушалась.

Изъ сосѣдней комнаты отчетливо доносились голоса. Савурскій говорилъ съ кѣмъ-то... съ женщиной...

«Развѣ онъ женатъ? Странно, я не спросила ни у кого... Но какъ неловко... что я слушаю... Уйти? Тоже неловко... Но гдѣ же они раньше были? Молчали»?

— Я не обѣщалъ вѣчной любви. Вы это отлично знаете!—раздался рѣзкій, холодный голосъ Савурскаго.

— Лёва... Милый! Счастье мое... Да вѣдь я жить безъ тебя не могу. Пойми ты... Пойми!—возражалъ звучный контральто съ такою порывистою страстью, что Зоѣ опять стало мучительно неловко. Послышался шелестъ шолковаго платья. «Точно *она* на колѣни опустилась»?—подумала Зоя и стремительно пошла къ дверямъ. До слуха дѣвушки донеслось сдержанное рыданье и снова раздался голосъ Савурскаго:

— Я васъ считалъ сильнѣе и... энергичнѣе, Нина! Вы забыли наше условіе...

Какое именно условіе, — Зоя не слыхала. Она вышла въ переднюю, пунцовая отъ смущенія, и быстро сказала лакею:

— Вашъ баринъ занятъ... Я приду въ другой разъ.

Иванъ лукаво, но незамѣтно усмѣхнулся. Онъ зналъ, что послѣ бурной ссоры Савурскій будетъ не въ духѣ и «новенькая» поможетъ ему разсѣяться. Ловеласъ низшаго порядка, онъ восхищался своимъ господиномъ и горделиво считалъ его побѣды какъ бы своими.

— Да вы это отчего же-съ? Заняты они, это точно, а только лучше обождите. Недовольны будутъ Левъ Даниловичъ, ежели васъ не застанутъ...

Безсмысленная фраза, но она заставила Зою остановиться.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, Савурскій ждалъ ее? Спросить,—она не рѣшилась, но, оглядываясь на двери маленькой гостинной, изъ которой ей пришлось бѣжать, Зоя пробормотала:

— Но тамъ... тамъ говорятъ, можетъ быть, о дѣлахъ. Неловко... Я могу услыхать.

Digitized by Google

— Неловко-съ! Это точно-съ... А вы сюда, въ большой кабинетъ пожалуйте... Тамъ спокойно... Никто не войдетъ...

— Никто? Навѣрное? — робко переспросила дѣвушка, не подозрѣвая, что ея тревога даетъ право испорченному Ивану подозрѣвать въ ней «клюнувшую» птичку. Провожая Зою черезъ большую полуосвѣщенную залу-пріемную въ дѣловой кабинетъ, слуга разсматривалъ «новенькую».

— Пожалте... Садитесь... Звонить! Вѣрно, она уходитъ!— торопливо добавилъ онъ и бросился на призывный звонокъ Савурскаго.

Юрина опять осталась одна, но теперь уже не въ уютной маленькой гостинной античнаго характера, а въ роскошномъ, оригинально и со вкусомъ обставленномъ, кабинетѣ. «Здѣсь онъ думаетъ... Работаетъ здѣсь! — проникаясь уваженіемъ къ дѣльцу, соображала дѣвушка.—Какъ хорошо тутъ все! Какія картины... Русская школа... И сколько портретовъ». На столѣ, на стѣнахъ и на красивыхъ этажеркахъ—вездѣ были портреты прекрасныхъ, нарядно одѣтыхъ и смѣло декольтированныхъ женщинъ. На большомъ пюпитрѣ, въ углу кабинета, стоялъ, освѣщенный лампой съ рефлекторомъ, большой портретъ красивой брюнетки. «Она»!—подумала Зоя и съ особеннымъ любопытствомъ стала разсматривать изображеніе незнакомки, страстно и нѣжно глядѣвшей изъ плюшевой пунцовой рамки.

«Да вѣдь я жить безъ тебя не могу»! — вспомнились ей только что слышанныя слова. — «Неужели она его такъ любитъ? Да и можно развѣ такъ любить? Нѣтъ, фразы это»...

И Зоя, совершенно не зная той, которую такъ смѣло осуждала, проникалась къ ней страннымъ недружелюбіемъ, похожимъ на зависть. Ни одинъ звукъ не долеталъ теперь до ея слуха, но ей страстно хотѣлось знать, что тамъ происходитъ...

«Помирились? Онъ повѣрилъ въ ея слова и опять... Ахъ, да что мнѣ-то за дѣло!.. Напрасно я осталась... Могу еще уйти... А если мы встрѣтимся въ передней»?

Эта мысль и страшила, и прельщала, но дѣвушка колебалась принять рѣшеніе. Опустившись въ кресло, какъ разъ противъ пюпитра съ портретомъ, Зоя изучала прекрасное лицо незнакомки.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Настоящее положеніе Болгаріи и славянскаго міра въ связи съ общечеловѣческой культурой.

Много лѣтъ тому назадъ мы приступали къ составленію нашей первой политической хроники въ «Наблюдателѣ». Событія не представляли ничего особенно выдающагося, и мы обратили преимущественно вниманіе читателей на черныя точки, собиравшіяся надъ Болгаріей, въ странѣ только что вступившей въ число европейскихъ государствъ и возбуждавшей много вражды и интригъ. Съ тѣхъ поръ прошло немало гораздо болѣе выдающихся событій, но намъ пришлось въ октябрѣ 1895 года прощаться съ той же самой страной, оставшейся по прежнему полной всякихъ интригъ и разстройствъ, среди которыхъ развивается почти повсемѣстная ненависть къ Россіи, считаемая неизбѣжной политикой всякой серьезной дипломатіи. Непрерывная одиннадцатилѣтняя работа надъ ежемѣсячной возможно-стройной картиной не только политики и культуры общественной жизни, но и результатовъ общаго развитія—дѣло, конечно, не легкое. Каждый писатель, какъ воинъ, не долженъ покидать своего оружія, пока въ немъ есть силы, или пока оно не выпадетъ изъ его рукъ. Но минуты отдыха—необходимы, и мы прощаемся съ политической хроникой «Наблюдателя», останавливаясь преимущественно надъ страной, съ которой начали свои наблюденія надъ ходомъ европейскихъ событій. Жизнь этой страны была полна самыхъ разнообразныхъ происшествій. Тутъ была и внѣшняя война съ сосѣдней славянской державой, и военная революція, и комичное похищеніе принца съ престола, и еще болѣе комичное возвращеніе его и отреченіе; затѣмъ—сцены внутреннихъ раздоровъ и вражды, преобладаніе грубой деспотической силы, продажи, чуть не съ молотка, славянской страны юркому нѣмцу, очень добивавшемуся теплаго мѣстечка; затѣмъ признаніе Европой этого проходимца, подъ предлогомъ, что одна Россія не признала его, всевозможныя каверзы и клеветы противъ Россіи. Затѣмъ послѣдовало уже чисто деспотическое управленіе, жестокости и звѣрства всякаго рода: истязанія, пытки въ

Digitized by Google

тюрьмахъ, разстрѣливаніе своихъ старыхъ товарищей, повѣшеніе друзей и пріятелей.

Нѣмецкій князь спокойно работалъ славянской дубиной, казнилъ и проповѣдывалъ, что нельзя иначе обращаться съ этимъ народомъ. Затѣмъ начались еще болѣе грязныя дѣла изъ-за женщинъ, кражъ, денегъ. Народъ и самъ князь почувствовали наконецъ, что такъ управлять нельзя. И князь уволилъ въ отставку деспота, самъ опасаясь послѣдствій своей храбрости. Они оказались не въ пользу Стамбулова. Онъ сначала пугалъ князя своими разоблаченіями, потомъ его самого стали пугать отдачей подъ судъ. За границу его не пустили. Двѣ партіи постоянно враждовали въ одной странѣ и кончилось тѣмъ, что палача зарѣзали въ людной улицѣ столицы такіе же разбойники, до сихъ поръ не открытые. На похоронахъ его и на поминкахъ повторялись тѣ же сцены. Прежде всего обвинили, конечно, въ подстрекательствѣ къ убійству—Россію. Потомъ Австрія рѣшилась на поступокъ, не допускаемый порядочной дипломатіей. Она сообщила всѣмъ офиціальнымъ изданіямъ, что болгарская депутація, бывшая въ Петербургѣ, вошла въ сношенія съ русскимъ правительствомъ. Такой наглости не было и въ талейрановскую эпоху. Германская печать повторила, конечно, всѣ австрійскія передёржки. Англія съ ея наружной лойяльностью прямо объявила Кобурга низкимъ человѣкомъ, если онъ вернется въ Софію. Стали обвинять и его за нравственное убійство Стамбулова, и редакторъ газеты «Свобода» посаженъ былъ на два года въ тюрьму по этому обвиненію. Самъ Кобургъ все таки пріѣхалъ въ Софію, повидался со всѣми своими клевретами, поговорилъ съ членами депутаціи о своей готовности сдѣлать все для страны, но потомъ тотчасъ же исчезъ на какую-то виллу. Оправданія его противъ правительственнаго убійства Стамбулова—очень не ловки. Кобургъ утверждаетъ, что убійство—результатъ личной мести и ненависти, и что правительство, напротивъ, охраняло Стамбулова всѣми мѣрами. Кобургъ приписываетъ себѣ огромныя заслуги во внесеніи прекраснаго духа въ войско. «Меня укоряли, говорилъ онъ, что я ничего не понимаю въ военномъ дѣлѣ, а я утроилъ численность арміи и установилъ въ ней рѣдкую дисциплину. Я всегда разсчитываю на самое скверное, такъ какъ неожиданность играетъ огромную роль на востокѣ. Тѣ, кого я любилъ, оказались моими злѣйшими врагами; теперь у меня много самыхъ вѣрныхъ слугъ. Это не слѣдствіе перемѣны политики. Посылка депутаціи была необходимостью; я желалъ ее не для того, чтобы добиться признанія, а для примиренія, и увѣренъ, что дѣла примутъ хорошій оборотъ. Мы дѣлали все возможное, чтобы насъ не подозрѣвали въ македонскомъ движеніи. На оно слишкомъ сильно. Македоніи нужны реформы, иначе къ веснѣ будетъ еще труднѣе сдержать движеніе».

Ни одному слову Кобурга нельзя вѣрить, а тѣмъ болѣе тому, что говорятъ

Digitized by Google

его министры. Только по мелкимъ фактамъ можно заключить о политическихъ перемѣнахъ отношеній Болгаріи къ Австріи. Такъ, въ день рожденія Франца-Іосифа, Кобургъ давалъ всегда большой парадъ, а нынче отправилъ своихъ министровъ на охоту, да и то еще не всѣ изъ нихъ поѣхали. Стоиловъ лжетъ каждому все, что̀ ему придетъ въ голову. О переизбраніи Кобурга нѣтъ и рѣчи, а такъ какъ Россія не можетъ же признать той политики, какую насочинилъ Стамбуловъ, то все въ странѣ окажется въ прежнемъ порядкѣ, какъ и прежде, пока порядки эти не превратятся въ еще бо́льшіе безпорядки и въ Россію явятся представители не писателей, поповъ и офицеровъ, а всего народа. Или съ самимъ Кобургомъ не случится чего нибудь, что̀ и со Стамбуловымъ? При нынѣшнемъ возвращеніи въ Софію, въ тридцати верстахъ отъ столицы, на рельсахъ нашли огромные камни, остановившіе поѣздъ, а въ разстояніи полверсты дальше—прикрѣпленную къ рельсамъ, динамитную бомбу. Кромѣ того, подъ самымъ городомъ изъза кустовъ, окаймляющихъ путь, раздались три выстрѣла и пуля, разбивъ стекло, легко ранила личнаго секретаря Кобурга. Кобургъ, конечно, правъ, ожидая усиленнаго волненія въ Македоніи, возбужденнаго Болгаріею же и съ какою-то цѣлью поддерживаемаго все лѣто, причемъ происходили и довольно крупныя столкновенія. Прошелъ слухъ о раскрытіи въ Добруджѣ болгарскаго заговора съ цѣлью ея присоединенія къ Болгаріи. Въ Бухарестѣ много арестовъ и, конечно, обвиненій Россіи, что, захвативъ Добруджу, она откроетъ себѣ, такимъ образомъ, прямой путь въ Болгарію. Несчастная Румынія, полуславянская страна, втянутая Австріею въ свою сферу, сдѣлалась невольной прислужницей Габсбурговъ, взамѣнъ Сербіи, хоть немного освободившейся въ послѣднее время отъ зловреднаго вліянія нѣмцевъ.

Новый премьеръ напредняковъ, Новаковичъ, всегда недружелюбно относившійся къ Россіи, вдругъ разсыпался въ похвалахъ ей, хотя по винѣ самой же Австріи. Извѣстно, какую жалкую роль играетъ въ Сербіи туземная промышленность и вывозъ товаровъ изъ страны. Единственно прибыльное производство въ ней—свиноводство, и теперь общественное мнѣніе требуетъ таможенной войны въ Габсбургами, намѣреваясь прекратить всякія торговыя сношенія съ австрійскими купцами и фабрикантами. Сербы обращаются къ намъ съ дружелюбіемъ, какого мы никогда не испытывали, въ надеждѣ, что отпоръ ихъ произведетъ впечатлѣніе въ Вѣнѣ и сербскимъ если не свиньямъ, то поросятамъ снова будетъ открытъ доступъ въ Вѣну. О другой семейной войнѣ въ Сербіи, между Миланомъ и королевой Наталіей, говорить не стоитъ: это все тѣ же дрязги и ссоры, которыя никогда не кончатся.

Въ такомъ положеніи находится и весь славянскій міръ, гдѣ дѣла идутъ еще хуже, чѣмъ въ другихъ племенахъ, гдѣ самыя мелкія враждуютъ между собою, интригуютъ, стараются получить преобладаніе и,

Digitized by Google

какъ только достигнутъ какого либо значенія, тотчасъ же начинаютъ ссориться между собою. Видно, вѣчная рознь—вѣчный удѣлъ всѣхъ человѣческихъ племенъ, пока они не достигнутъ одинаковаго развитія. Очевидно, что между людьми, раздѣленными происхожденіемъ и вѣрованіями, вражда еще сильнѣе и истребленіе другъ друга считается если не заслугою, то и не преступленіемъ. Изъ сильныхъ культурныхъ странъ, къ намъ въ послѣднее время расположена только Франція, отчасти по національнымъ симпатіямъ, отчасти по политическимъ отношеніямъ. Черногорію и Данію нельзя брать въ разсчетъ по ихъ слабости. За Швецію, Голландію нельзя поручиться во время войны, всего менѣе—за Финляндію. Кромѣ того, у насъ сильные внутренніе враги: поляки, жиды и балтійскіе нѣмцы. Италія и хотѣла бы дѣлать намъ непріятности, но на это у нея нѣтъ ни силъ, ни средствъ. Интересы Испаніи слишкомъ далеки отъ нашихъ, чтобы имѣть на нихъ какое-либо вліяніе. Въ Португаліи развивается болѣе всего зачатокъ будущей республики романскихъ племенъ. Не смотря на наше единовѣрчество, политическіе и экономическіе интересы Греціи далеки отъ нашихъ, но, что бы ни говорили, нашъ самый опасный врагъ—сосѣди-нѣмцы, столкновеніе съ которыми и въ не далекомъ будущемъ—неизбѣжно. Слишкомъ уже антипатичны эти оба племени одно другому во всѣхъ направленіяхъ и особенностяхъ, и еслибы географическая судьба перемѣстила обѣ эти націи съ востока на западъ и мы сдѣлались ближайшими сосѣдями французовъ — мы еще болѣе выиграли бы отъ этого. Все послѣднее время нѣмцы дѣйствовали противъ насъ, не такими явными подвохами и продѣлками, какъ австрійцы, но дѣйствовали всегда намъ во вредъ. Если мы причислимъ ко всѣмъ этимъ племенамъ венгровъ, которыхъ сами сдѣлали своими врагами въ 1848 году, то получимъ не весьма утѣшительную картину общаго положенія Россіи и Европы. Съ половины нынѣшняго вѣка, Англія относится къ намъ съ непримиримой враждой: отдѣляющее ее отъ Тихаго океана, огромное пространство наполнено туземцами туранскаго происхожденія: буддистами, ламаитами, послѣдователями Конфуція, которымъ живется у насъ гораздо лучше, чѣмъ мусульманамъ, не смотря на преобладаніе ихъ религіи на земномъ шарѣ.

Не меньшее распространеніе имѣютъ вѣрованія полъ-милліарда китайцевъ, корейцевъ и мелкихъ племенъ далекаго востока, а перешедшее въ европейскую культуру 40-милліонное племя японцевъ должно обратить вниманіе культурной Европы на этотъ новый міръ, ждущій своего просвѣтителя. Здѣсь должна происходить борьба съ застоемъ, нелѣпыми предразсудками, варварствомъ. Еще сильнѣе будетъ борьба съ европейскими интересами, и въ этомъ отношеніи старанія о развитіи тысячелѣтней имперіи, заботы о культурѣ Китая принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ развитіе дикарей внутренней Африки и Конго, едва вышедшихъ изъ звѣрообразнаго состоянія; но тамъ уже хозяйничаетъ Англія, и хотя она

Digitized by Google

не прочь наложить жадную руку на все хоть сколько нибудь затрогивающее ея интересы, но все таки не достаетъ, наконецъ, и рукъ для захватыванія всего востока. Вѣдь не оставлять въ томъ же дикомъ состояніи Корею,—изъ-за которой загорѣлась настоящая война,—Сіамъ, Бирму, Малакку, острова Индіи подъ властью кровожадныхъ деспотовъ. А тамъ, за далекими волнами Тихаго океана, сколько еще миріадъ острововъ заселено безчисленными созданіями, едва носящими образъ человѣка,—до того они дики, неразвиты, ничтожны. И всѣ эти массы, кишащія въ невѣжествѣ, ожидаютъ только руководителя—здраваго смысла, гуманнаго чувства, чтобы сдѣлаться людьми равными своимъ европейскимъ собратьямъ, чтобы въ лучахъ высокаго разума явиться возродившимися племенами, которымъ будутъ завидовать далекіе потомки, слушая разсказы о тѣхъ варварскихъ временахъ, когда народы враждовали съ народами, племена возставали на племена и братья истребляли другъ друга изъ-за личныхъ корыстныхъ интересовъ. Далеко еще отъ насъ это время, и мало развито человѣчество, но залогъ грядущей культуры его сіяетъ въ лучахъ вѣчной правды и жизни.

В. З.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Изъ эпохи великихъ реформъ. *Гр. Джаншіева.* Москва. 1894. Названная работа г. Джаншіева, вышедшая въ настоящее время 5-мъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ краткую исторію обновившихъ Россію преобразованій: освобожденія крестьянъ, отмѣны тѣлеснаго наказанія, университетской автономіи, реформъ: земской, цензурной, судебной, и введенія воинской повинности. Кромѣ очерковъ, посвященныхъ историческому обозрѣнію великихъ реформъ, въ настоящую книжку вошла еще краткая оцѣнка дѣятельности вел. кн. Константина Николаевича, А. М. Унковскаго, С. И. Зарудnаго и В. А. Арцимовича. Но и этимъ не исчерпывается содержаніе работы г. Джаншіева, въ которой помѣщены еще: рѣчь, произнесенная самимъ авторомъ въ 1888 г. въ торжественномъ засѣданіи московскаго юридическаго общества, юбилейныя и скорбныя справки, и статья о двадцатипятилѣтіи «Вѣстника Европы». Вся книжка, заключая въ себѣ столь разнообразный матеріалъ, написана живымъ и красивымъ языкомъ, и читается съ большимъ интересомъ. Направленіе г. Джаншіева, его симпатіи и стремленія вполнѣ выяснены его предшествовавшей литературной дѣятельностью, въ которой г. Джаншіевъ является горячимъ поклонникомъ и защитникомъ просвѣтительныхъ реформъ Александра II. Въ наше время, когда эти великія реформы испытываютъ самыя недобросовѣстныя нападки со стороны различныхъ псевдо-«охранителей», пріятно встрѣтить въ печати горячую и исторически обоснованную защиту великихъ преобразованій. Въ предисловіи къ новому изданію своего труда г. Джаншіевъ, признавая необходимость пересмотра пестрыхъ судебныхъ новеллъ или, какъ онъ самъ выражается, «необходимость приведенія въ порядокъ запущеннаго храма правосудія», задается вопросомъ, что̀ принесетъ съ собою предстоящій пересмотръ судебныхъ уставовъ—«дѣйствительный ли коренной ремонтъ «благолѣпнаго храма», согласный съ планомъ первыхъ храмоздателей, или только наружную подчистку для устраненія бьющей въ глаза пестроты, замазку трещинъ и щелей, и единообразную окраску въ одинъ цвѣтъ стараго остова зданія и новыхъ пристроекъ». Затѣмъ г. Джаншіевъ переходитъ къ выясненію высокой важности тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ покоятся судебные уставы—гласности, суда присяжныхъ, несмѣняемости судей, отдѣленія суда отъ

Digitized by Google

администраціи,—и доказываетъ, что безъ нихъ невозможно осуществленіе «правосудія», какъ невозможно здоровье организма безъ чистаго воздуха, свѣжей пищи и пр. Наконецъ, авторъ ссылается на мнѣнія въ этомъ вопросѣ гг. Каткова, Салтыкова, проф. Даниловскаго, Муравьева и др. Обозрѣвая положеніе судебной части въ дореформенную эпоху, нельзя, конечно, не признать высокаго значенія судебныхъ уставовъ, создавшихъ неизвѣстный дотолѣ въ Россіи типъ судьи, праведно судящаго и пользующагося общимъ довѣріемъ. Этотъ новый типъ судьи, чуждый не только древней, но и новой Россіи, могъ быть созданъ лишь такими законами, какими являются судебные уставы, «составленные согласно послѣдовательной, раціональной программѣ, съ беззавѣтной вѣрою въ добрые инстинкты русскаго народа, въ силу добра и прогресса, съ теплою вѣрою въ науку». Только благодаря своимъ высокимъ началамъ, судебные уставы могли создать впервые, за все время тысячелѣтняго существованія Россіи, типъ честнаго судьи, безстрашно примѣняющаго, вслѣдствіе своей несмѣняемости, законъ равный для всѣхъ. Несмѣняемость судей является, по справедливому мнѣнію г. Джаншіева, надежнымъ щитомъ, охранявшимъ ихъ судейскую независимость, такъ какъ лишь при несмѣняемости оказываются совершенно безсильными всякіе, тайные или явные, навѣты и даже прямые доносы на тенденціозность новыхъ судовъ, на политическую неблагонадежность судей. Пока во всей силѣ и неприкосновенности останется ст. 243 учр. суд. уст., дающая судьѣ увѣренность, что его не лишатъ судейскаго званія и мѣста раньше, чѣмъ обвиненія будутъ провѣрены въ гласномъ судѣ,—до тѣхъ поръ судья и можетъ быть безпристрастенъ.

Мы не думаемъ, конечно, въ коротенькой замѣткѣ исчерпать содержаніе интересной работы г. Джаншіева; намъ хотѣлось только, указавъ на разнообразіе трактуемыхъ ею вопросовъ, пожелать книжкѣ возможно большаго распространенія въ русской публикѣ. Эпиграфомъ къ своей работѣ г. Джаншіевъ взялъ стихъ Майкова: «Чѣмъ ночь темнѣе, тѣмъ звѣзды ярче». И, дѣйствительно, реформы Александра II, коснувшіяся всѣхъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни, горятъ еще болѣе яркимъ свѣтомъ во тьмѣ, напускаемой обскурантною прессою.

Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. *Е. И. Рагозина.* С.-Петербургъ, 1895 г.

Работа г. Рагозина, заглавіе которой мы только что выписали, посвящена очень интересному вопросу о развитіи желѣзной и каменноугольной промышленности на югѣ Россіи. Желѣзная промышленность южной Россіи сосредоточена въ екатеринославской губ. и Донской области, представляющихъ замѣчательное сочетаніе всѣхъ условій для развитія большой металлургической промышленности. Обладая теплымъ климатомъ и плодородной почвой, эти губерніи заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ: же-

Digitized by Google

лѣзную руду, съ содержаніемъ желѣза до 70%, залежи каменнаго угля—коксоваго и пламеннаго,—марганцевую руду, известнякъ, доломитъ и огнеупорную глину. Но, по словамъ автора, не смотря на эти природныя богатства, желѣзная промышленность долго не могла водвориться на югѣ Россіи и начала развиваться только съ 1887 года. Причины этого явленія г. Рагозинъ видитъ, главнымъ образомъ, въ маломъ знакомствѣ съ мѣстными залежами желѣзныхъ рудъ и въ существовавшей до 1884 г. таможенной политикѣ, не ограждавшей производства въ Россіи чугуна отъ иностранной конкурренціи.

Желѣзная промышленность на югѣ Россіи имѣетъ свою продолжительную исторію, начавшуюся съ 1797 года, когда былъ выстроенъ правительствомъ Луганскій заводъ, который, какъ и слѣдующіе за нимъ заводы—Позровскій и Лисичанскій,—далъ неудовлетворительные результаты и скоро былъ закрытъ. Болѣе серьезное изслѣдованіе залежей угля и руды сдѣлано лишь въ 40-хъ годахъ экспедиціею А. М. Демидова, при участіи французскаго геолога Леплэ, представившаго цѣнныя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ нашего юга. Въ 1870 году, въ екатеринославской губ. былъ основанъ первый частный заводъ для выплавки чугуна англійскимъ техникомъ И. И. Юзомъ, существующій до сихъ поръ. Почти одновременно съ постройкой завода г. Юзомъ, былъ устроенъ въ Донской области другой чугунно-плавильный заводъ,—Д. А. Пастуховымъ. До 1887 г., на югѣ Россіи работали всего эти именно два желѣзодѣлательные завода и лишь съ этого времени начинается постройка новыхъ заводовъ, представляющихъ въ настоящее время производительность, почти равную производительности всѣхъ 85-ти уральскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Иниціатива въ устройствѣ новыхъ заводовъ на югѣ Россіи принадлежитъ обществу Брянскаго завода, за которымъ послѣдовательно открывались: Днѣпровскій, Гданцевскій и Дружковскій заводы. Годичная производительность чугуна на всѣхъ шести дѣйствующихъ южныхъ заводахъ, составлявшая въ 1893 году 20 мил. пудовъ, достигла въ 1894 до 25,7 мил. пудовъ. Быстрый ростъ промышленности въ послѣднее время находится конечно, въ зависимости отъ исключительно счастливыхъ природныхъ условій и отъ установившейся покровительственной политики, давшихъ южному горному району не только возможность занять первое мѣсто среди другихъ горныхъ округовъ, но и надежду вскорѣ превзойти ихъ общую производительность.

Разсказавъ исторію желѣзной промышленности на югѣ Россіи, г. Рагозинъ переходитъ къ обозрѣнію существующихъ заводовъ. Авторъ указываетъ на рядъ благопріятныхъ условій для развитія промышленности въ екатеринославской губ. и области войска донскаго, но не забываетъ и объ условіяхъ, стѣсняющихъ промышленность и задерживающихъ ея развитіе. Къ такимъ условіямъ, по словамъ г. Рагозина, относятся: высокій

Digitized by Google

желѣзнодорожный тарифъ на руду, уголь и известнякъ, недостаточная провозоспособность желѣзныхъ дорогъ, медленность передвиженія грузовъ и пр. «Не чувствуя въ себѣ достаточныхъ силъ для изображенія всѣхъ стѣсненій,—заканчиваетъ авторъ,—встрѣчаемыхъ повсемѣстно русской промышленностью на пути ея развитія, подрывающихъ энергію и разстраивающихъ, часто изъ-за пустыхъ формальностей, налаженныя предпріятія, я не могу не преклониться передъ отвагой людей, создавшихъ южные желѣзные заводы и безбоязненно вложившихъ десятки милліоновъ въ промышленность, стоящую въ зависимости отъ многихъ условій, лежащихъ внѣ воли ихъ самихъ».

Затѣмъ авторъ переходитъ къ каменноугольной промышленности. Разработка каменнаго угля въ донецкомъ бассейнѣ, по словамъ г. Рагозина, впервые началась въ грушевскомъ районѣ въ 1840-мъ году. Развивалась она весьма медленно: въ теченіе 50-ти лѣтъ, именно съ 1840 по 1889 годъ, годовая производительность всѣхъ рудниковъ достигла 33-хъ милліоновъ пудовъ и затѣмъ дальнѣйшее развитіе копей какъ бы пріостановилось. Причины этого явленія заключаются, главнымъ образомъ, въ неотчуждаемости земель въ области войска донскаго и въ затруднительныхъ условіяхъ аренды ихъ нѣдръ.

Свое обозрѣніе желѣзной и каменноугольной промышленности г. Рагозинъ заканчиваетъ общимъ заключеніемъ, въ которомъ подводитъ итоги этимъ двумъ отраслямъ производства. Желѣзная и каменноугольная промышленности на югѣ Россіи даютъ заработокъ 50,000 рабочимъ, большинство которыхъ (не менѣе 70%) прибываетъ изъ великороссійскихъ и частью сѣверо-западныхъ губерній. Казармы, устроенныя для рабочихъ, представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, большія неудобства для жизни. Что̀ касается до будущности юга, то авторъ полагаетъ, что югъ Россіи, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для развитія желѣзной промышленности, долженъ непремѣнно создать крупное производство.

Работа г. Рагозина написана съ большимъ знаніемъ дѣла и читается съ интересомъ, причемъ она даетъ массу свѣдѣній, касающихся желѣзной и каменноугольной промышленности не только юга, но и всей Россіи.

М. И. Драгомировъ. **Разборъ романа: «Война и миръ».** Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина. Кіевъ, 1895 г.

Лежащая передъ нами, брошюра извѣстнаго и весьма авторитетнаго русскаго генерала печаталась въ свое время въ одномъ спеціальномъ журналѣ и выходитъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ, такъ сказать, «по востребованію публики», уже давно обращавшейся къ г. Оглоблину съ просьбами—возобновить въ ея памяти интересный разборъ классическаго романа, съ военной точки зрѣнія. Г. Оглоблинъ исполнилъ теперь это желаніе, и очень хорошо сдѣлалъ.

М. И. Драгомировъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ узкихъ специа-

Digitized by Google

листовъ военнаго дѣла, для которыхъ только и свѣту, что въ ихъ излюбленномъ окошкѣ: вопросы, подлежащіе его разсмотрѣнію, онъ умѣетъ ставить и рѣшать такъ, что за развитіемъ его аргументаціи можетъ слѣдить съ большимъ удовольствіемъ не только профессіональный стратегъ, но и всякій литературно-образованный читатель.

«Романъ гр. Толстаго—говоритъ авторъ брошюры—интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію военныхъ сценъ и войсковаго быта, и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т. е. сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло. Попытаемся прослѣдить «Войну и миръ» съ поставленныхъ двухъ точекъ зрѣнія».

Преслѣдуя эту двойную цѣль, авторъ разбора сначала приводитъ и коментируетъ искуснымъ образомъ рядъ дѣйствительно-превосходныхъ военныхъ сценъ, въ которыхъ отразились всѣ болячки «добраго стараго времени»,—когда «лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго серьезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиванье за первую попавшуюся мелочь, за несовсѣмъ правильно пришитую пуговицу» и пр.; когда господствовало «фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ». Затѣмъ онъ переходитъ къ оцѣнкѣ странныхъ историческихъ и военныхъ теорій гр. Толстаго, по которымъ все на свѣтѣ управляется какимъ-то слѣпымъ и непредотвратимымъ фатумомъ,—такъ что, «давая и принимая бородинское сраженіе, *Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно*»,—а вліяніе человѣческой воли и въ исторической жизни, и на театрѣ войны сводится прямо къ нулю.

Противъ *отрицанія* военнаго искусства, въ которомъ любитъ упражняться гр. Толстой, нашъ опытный стратегъ выставляетъ слѣдующее убѣдительное разсужденіе: «Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть *военная наука* (курсивъ автора); она немыслима точно также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи военнаго искусства, точно также, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлаетъ Рафаэлей, Бетховеновъ, Гёте; но она даетъ имъ технику дѣла, безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высоту, которой достигли. Теорія военнаго дѣла не претендуетъ готовить не только Наполеоновъ, но даже Тимохиныхъ; но она утверждаетъ въ знаніи свойствъ войска и

Digitized by Google

мѣстности; она указываетъ на образцы творчества въ военной области и, слѣдовательно, облегчаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными способностями. Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью признаётъ свое безсиліе изслѣдовать третью и самую страшную данную въ военномъ дѣлѣ—данную случайностей;—что она признаётъ свою немощь указать сноровку управленія себѣ подобными,—то и окажется, что теорія военнаго искусства имѣетъ весьма не шуточное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ человѣку успокоиться на мысли, будто онъ знаетъ все дѣло, узнавъ только *часть* его. Рецептовъ на то, какъ создавать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарскіе походы 99-го года, Кёниггрецы,—теорія военнаго дѣла не даетъ; но она представляетъ эти великіе образцы военнаго творчества для изученія военному человѣку, подобно тому, какъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаютъ великіе образцы каждый въ своей спеціальности—не для того, чтобы имъ буквально подражать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ».

Касаясь,—по поводу теоріи военнаго искусства,—общаго кореннаго вопроса о неизбѣжности войны въ человѣческомъ обществѣ, М. И. Драгомировъ отвѣчаетъ на него съ осторожностью истиннаго мыслителя:

«Многимъ,—особенно не изъ военныхъ,—пожалуй, покажется, что если психическая сторона военнаго дѣла не обращала на себя вниманія изслѣдователей, то это потому, что самое дѣло не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія, ибо-де война есть не болѣе, какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ котораго настанетъ вѣчный миръ и всѣ распри будутъ улаживаться разговоромъ. Мы не раздѣляемъ этой точки зрѣнія, подсказываемой человѣку инстинктомъ самосохраненія; не раздѣляемъ потому, что въ природѣ все основано на борьбѣ, а человѣкъ не можетъ стать выше какого бы то ни было изъ законовъ природы. Еще Лейбницъ сказалъ: «вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ», и кто хоть на минуту серьезно и безпристрастно остановится на этомъ вопросѣ, тотъ вѣроятно признаетъ, что Лейбницъ сказалъ такую истину, которая едва ли обратится когда либо въ анахронизмъ. Но еслибы даже и не было такъ, еслибы война и перестала когда либо имѣть свое роковое и неизбѣжное значеніе въ развитіи человѣчества,—все же она рано или поздно должна сдѣлаться предметомъ всесторонняго изслѣдованія для тѣхъ людей, которымъ дано заглядывать въ глубь внутренняго человѣка и дѣлать осязательнымъ для всѣхъ результатъ своихъ наблюденій, въ видѣ ли художественныхъ образовъ, въ видѣ ли философскаго изслѣдованія—все равно. Война, *и только одна война* (?), вызываетъ то странное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности».

Что касается до чисто историческихъ воззрѣній гр. Толстаго, то

Digitized by Google

г. Драгомировъ не оставляетъ и ихъ безъ основательныхъ возраженій, въ которыхъ замѣчательное остроуміе соперничаетъ съ вѣскостью и серьезностью мысли. «Въ наше время—говоритъ онъ, затрогивая вопросъ о значеніи личности въ исторіи,—никто и не думалъ считать героями, въ древнемъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова. Но вѣдь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей, дѣйствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться доказать въ ихъ рѣшеніяхъ «непроизвольность и безсмысленность»,—еще очень далеко. Исторія, достойная нашего человѣческаго времени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто Наполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого нибудь рядоваго или фурштата, но въ томъ, чтобы *показать въ истинномъ свѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руководящихъ этими массами* (курсивъ нашъ). Мы согласны, что то направленіе исторіи, при которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло, было односторонне; но изъ признанія этой односторонности еще не слѣдуетъ, чтобы направленіе діаметрально противоположное,—при которомъ говорятъ только о тѣлѣ, забывая голову,—было вѣрно. Мы вполнѣ признаёмъ, что для осуществленія извѣстныхъ стремленій въ народѣ необходимъ иногда продолжительный періодъ, пока эти стремленія охватятъ всю массу,—періодъ, въ который личности, забѣгающія впередъ, гибнутъ;—но мы знаемъ также, что для осуществленія этихъ стремленій необходимо, чтобы явился *одинъ* (курсивъ автора), который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ *одной* головѣ».

Продолжая свои возраженія противъ теоріи гр. Толстаго о ничтожествѣ руководящихъ личностей въ исторіи, г. Драгомировъ остроумно замѣчаетъ: «Становясь на точку гр. Толстаго, можно также сказать, что капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ: ни на какомъ инструментѣ не играетъ,—значитъ, въ общую гармонію не прибавляетъ рѣшительно ничего осязательнаго;—не можетъ не только предупредить ошибки какого нибудь музыканта, но даже и сдѣланныхъ (ошибокъ) не поправляетъ; ясно, какъ день, онъ рѣшительно ничего не значитъ и не дѣлаетъ, а всякій музыкантъ исполняетъ свою партію, насколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента! Но едва ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда, торчащаго безъ дѣла (по теоріи автора) передъ его серединою; извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій же, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы. Компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ».

Digitized by Google

Въ заключеніе нашей рецензіи, мы обязаны упомянуть, что несостоятельность историческихъ теорій гр. Толстаго, еще до появленія статей ген. Драгомирова, подверглась подробной критикѣ въ этюдѣ А. П. Пятковскаго: «Историческая эпоха въ романѣ гр. Толстаго», напечатанномъ въ «Недѣлѣ» 1868 г. и, затѣмъ, вошедшемъ въ составъ книги: «Живые вопросы» [1]).

[1]) Эта книга (1870 г.) давно уже распродана; но нѣкоторыя изъ ея статей, въ скоромъ времени, появятся въ приготовляемомъ къ печати сборникѣ: «По общественнымъ вопросамъ».

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Господство экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ въ наше время.—Какая существуетъ связь между благосостояніемъ русской деревни, съ одной стороны, и развитіемъ обрабатывающей промышленности и государственнымъ бюджетомъ—съ другой?—Регулированіе нашего бумажно-денежнаго обращенія.—Полезны ли кому нибудь постоянныя колебанія цѣнности бумажнаго рубля и можетъ ли девальвація устранить эти колебанія.—Г. Шараповъ и его славянофильскіе взгляды на науку финансоваго права.—«Абсолютныя деньги» по опредѣленію г. Шарапова.—Печальныя послѣдствія существованія въ странѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ.—Заботы нынѣшняго министерства земледѣлія о развитіи народнаго образованія и о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній.—Къ чему пришло совѣщаніе о среднемъ сельско-хозяйственномъ образованіи?—Особая комисія по устройству чтеній, бесѣдъ и курсовъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ городахъ и селахъ.—Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію комисіи П. А. Костычева.

Въ наше время, господствующее значеніе имѣютъ вопросы экономическіе и финансовые, отодвинувшіе на второй планъ духовные запросы и нравственныя потребности общества. Безспорно, прежде чѣмъ заботиться объ образованіи, развитіи, нравственномъ улучшеніи личности, необходимо обезпечить ея физическое существованіе, но безусловно вѣрно и то, что матеріальное обезпеченіе личности или цѣлаго общества рѣшительно зависитъ отъ уровня его умственнаго развитія, и это обезпеченіе тѣмъ выше, чѣмъ развитѣе само общество. Въ нашемъ журналѣ не разъ отмѣчалось высокое значеніе народнаго образованія, такъ какъ невѣжество народа, парализуя дѣйствія весьма полезныхъ государственныхъ мѣръ, мѣшаетъ обществу выбиться изъ матеріальной нужды и не даетъ ему достаточно средствъ для покрытія неизбѣжно возрастающихъ потребностей государственнаго фиска. Народный трудъ, являясь единственнымъ источникомъ богатства, служитъ основаніемъ народнаго и государственнаго благополучія. И, въ самомъ дѣлѣ, не только непосредственная жизнь народа, но и неудержимо возрастающая въ своихъ размѣрахъ правительственная машина поглощаютъ громадныя денежныя средства, которыя должны быть добыты трудомъ народа. По естественнымъ особенностямъ нашей страны, господствующее значеніе въ трудовой дѣятельности русскаго народа имѣетъ

Digitized by Google

трудъ земледѣльца; всѣ же остальныя отрасли труда занимаютъ лишь второе мѣсто и находятся въ зависимости отъ земледѣлія. Такъ, наша обработывающая промышленность не можетъ получить болѣе или менѣе широкаго развитія безъ полнаго процвѣтанія земледѣлія и полнаго матеріальнаго обезпеченія земледѣльца. Оно и понятно. Намъ закрытъ внѣшній рынокъ для сбыта продуктовъ обработывающей промышленности, а внутренній ихъ сбытъ находится въ рѣшительной зависимости отъ покупательныхъ средствъ большинства русскаго населенія, т. е. русскаго земледѣльца, русской деревни. Разъ деревня бѣдна, потребности ея не развиваются, и продукты обработывающей промышленности не могутъ найти себѣ широкаго внутренняго сбыта. Исторія же нашего фабричнаго и заводскаго дѣла наглядно показала, что, за отсутствіемъ естественныхъ причинъ развитія, промышленности нельзя развить никакими искусственными мѣрами, въ родѣ правительственныхъ субсидій, покровительственныхъ тарифовъ и различныхъ льготъ.

Въ западной Европѣ мы видимъ совсѣмъ иное явленіе. Тамъ обработывающая промышленность имѣетъ широкій внѣшній сбытъ; тамъ созданы крупные денежные капиталы, которые работаютъ въ чужихъ государствахъ и приносятъ солидную прибыль ихъ владѣльцамъ; тамъ существуютъ перевозочныя средства, дающія также большіе доходы; тамъ, наконецъ, развиты предпріимчивость, изобрѣтательность, наука, искусство, такъ что французъ, англичанинъ, нѣмецъ, не находя въ своемъ отечествѣ большаго заработка, выгоднаго дѣла, легко находитъ все это за границей и возвращается на родину нерѣдко весьма крупнымъ капиталистомъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ внѣ своего отечества. Такимъ образомъ, народное благосостояніе и государственный бюджетъ въ западной Европѣ имѣютъ много различныхъ источниковъ—надежныхъ и испытанныхъ;—наше же благополучіе до сихъ поръ еще всецѣло зависитъ отъ исхода урожая, отъ труда земледѣльца и, конечно, чѣмъ разумнѣе будетъ этотъ трудъ, тѣмъ надежнѣе будетъ наше существованіе.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ административныхъ сферахъ и въ нашей періодической прессѣ былъ возбужденъ интересный вопросъ о бумажномъ рублѣ. По этому вопросу успѣли уже высказаться нѣкоторые органы нашей печати, появились даже отдѣльныя работы, разбирающія основанія бумажно-денежнаго обращенія; бумажный рубль сдѣлался, наконецъ, предметомъ обсужденія ученыхъ обществъ, собраній, канцелярій и пр. Надо сказать, что вопросъ о бумажныхъ деньгахъ — собственно вопросъ старый: онъ періодически ставится на очередь и до сихъ поръ не можетъ найти удовлетворительнаго рѣшенія. Особенность нашего бумажно-денеж-

Digitized by Google

наго обращенія заключается въ томъ, что въ нашей практикѣ систематически нарушается то основное положеніе, что бумажные денежные знаки должны подлежать свободному размѣну на металлъ. Вопреки словамъ указа Екатерины II, изданнаго по случаю учрежденія у насъ перваго ассигнаціоннаго банка въ 1768 году: что «Мы Императорскимъ Нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за Насъ и преемниковъ престола Нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оныя изъ банка»,—нашъ бумажный рубль не можетъ быть обмѣненъ въ государственномъ банкѣ ни на серебряную, ни на золотую монету. Но этого мало; нашъ кредитный рубль, именуемый также рублемъ серебра, считается основною единицей нашей кредитной системы; между тѣмъ, эта единица лишена всякой устойчивости, такъ какъ цѣнность кредитнаго рубля постоянно подвергается колебаніямъ. Не трудно понять, какъ вредно отражается постоянная измѣняемость покупательной силы кредитнаго рубля, въ качествѣ единицы мѣры. Это все равно, еслибы мы пользовались, какъ единицей длины, такимъ аршиномъ, который постоянно измѣнялся бы въ своихъ размѣрахъ, такъ чтобы никто не могъ знать, какую же длину завтра будетъ представлять собою нашъ аршинъ. Колебанія стоимости бумажнаго рубля отнимаютъ, конечно, у торговыхъ людей возможность правильнаго разсчета и подвергаютъ нашу торговлю всевозможнымъ случайностямъ и неожиданностямъ. Такъ, русскій экспортеръ хлѣба, покупая его на внутреннихъ рынкахъ, никогда не можетъ быть увѣренъ въ своихъ разсчетахъ, ибо курсъ рубля, ко времени вывоза хлѣба за границу, можетъ повыситься и понизиться. Всякому извѣстно, что отъ момента покупки хлѣба экспортеромъ на какомъ нибудь глухомъ внутреннемъ рынкѣ до времени продажи хлѣба на заграничномъ рынкѣ весьма нерѣдко проходитъ значительный періодъ времени, въ теченіе котораго не только могутъ измѣниться условія международнаго рынка, но и цѣнность кредитнаго рубля. То же самое происходитъ и при всякихъ сдѣлкахъ, заключенныхъ на сроки, такъ какъ, при измѣняемости курса кредитнаго рубля, занятые кѣмъ либо,—положимъ, 1,000 рублей,—могутъ соотвѣтствовать и 2,200 и 2,000 марокъ. Итакъ, колебанія кредитнаго рубля безусловно вредны для народнаго хозяйства, но является трудный и доселѣ неразрѣшенный вполнѣ вопросъ: какъ устранить эти фатальныя колебанія?

Наше финансовое вѣдомство давно уже занято разрѣшеніемъ этого вопроса, возникшаго почти одновременно съ появленіемъ у насъ бумажныхъ денегъ. Такъ, еще въ 1839 г. въ Россіи, какъ

Digitized by Google

извѣстно, была произведена девальвація, не давшая однако ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ въ 1840 г. кредитный рубль стоилъ 101,4 копѣйки, въ 1841 г.—100,4, въ 1856—93, въ 1876—80, въ 1879—63, а въ настоящее время онъ стоитъ около 67 коп. Такимъ образомъ, девальвація, какъ законодательное пониженіе номинальной цѣнности кредитнаго рубля до его курсовой стоимости, по свидѣтельству историческаго опыта, не въ состояніи воспрепятствовать колебаніямъ курса; между тѣмъ задача заключается именно въ томъ, чтобы опредѣлить уровень курса и навсегда устранить возможность его колебанія. Оно и понятно. Въ вопросѣ объ упорядоченіи бумажно-денежнаго обращенія заключаются двѣ задачи: опредѣленіе уровня курса кредитнаго рубля съ наименьшими для страны неудобствами и необходимость охраненія этого курса. Безспорно, денежная система съ колеблющимся курсомъ вредна для народной и государственной экономіи, и правительству безусловно необходимо стремиться къ устраненію этого колебанія, т. е. къ возстановленію металлическаго обращенія. Девальвація есть лишь первый шагъ по этому пути, она даетъ только возможность опредѣлить уровень курса, но девальвація не можетъ удержать курсъ на опредѣленномъ уровнѣ. Оцѣнивая же девальвацію съ этой именно стороны, т. е. какъ первый шагъ къ возстановленію металлическаго обращенія, необходимо взглянуть, насколько она согласуется съ интересами населенія. Нечего говорить, что девальвація не можетъ быть произведена безъ нѣкотораго нарушенія интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, и раньше чѣмъ рѣшиться на ея производство, необходимо быть вполнѣ убѣжденнымъ, что она является все таки наиболѣе справедливымъ примиреніемъ взаимно противоположныхъ интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ и хозяйственныхъ группъ населенія страны. Въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и ученыхъ обществахъ уже разсматривался вопросъ о девальваціи, но дѣло въ томъ, что въ этихъ спорахъ, въ этомъ обмѣнѣ мыслей, во-первыхъ, рѣдко принимаютъ участіе представители разнаго рода отраслей торгово-промышленнаго дѣла; а, во-вторыхъ, если это и случается, то высказываются мнѣнія о практическомъ значеніи девальваціи не со спеціальной точки зрѣнія отдѣльныхъ промышленныхъ группъ и интересовъ, а съ общегосударственной. Между тѣмъ, чтобы получить всестороннюю оцѣнку этой финансовой мѣры съ точки зрѣнія практическихъ нуждъ и интересовъ нашего дѣловаго міра, было бы полезно выслушать мнѣнія практиковъ о значеніи девальваціи для каждой отдѣльной отрасли промышленности, т. е. мнѣнія отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ. Такая оцѣнка предполагаемаго мѣропріятія, съ точки зрѣнія многоразличныхъ ре-

Digitized by Google

альныхъ интересовъ страны, могла бы оказать существенную помощь правительству.

Наше бумажно-денежное обращеніе нашло себѣ оригинальную оцѣнку съ славянофильской точки зрѣнія въ только что вышедшей книгѣ С. Ѳ. Шарапова—«Бумажный рубль». Почтенный авторъ видитъ въ господствующей на западѣ денежной системѣ полное безсиліе нынѣшней экономической науки. При всемъ относительномъ совершенствѣ денежнаго обращенія на западѣ, при безчисленномъ множествѣ всякихъ организацій, формъ, гарантій, союзовъ и соглашеній,—въ западныхъ денежныхъ условіяхъ,—по мнѣнію г. Шарапова,—заключается неизбѣжный зародышъ того же страшнаго разложенія, которое съѣдаетъ западную науку, искусство, религію, философію, право, государственность, словомъ, всю западную цивилизацію во всемъ ея объемѣ и проявленіяхъ. «Куда ни взглянешь,—говоритъ нашъ авторъ,—повсюду человѣческая мысль упирается въ отчаяніе и небытіе. Религія выродилась въ матеріалистическій атеизмъ, философія—въ пессимизмъ, государственность—въ анархизмъ, этика—въ проповѣдь чистѣйшаго эгоизма, экономика—въ формальное торжество хитрости и силы съ одной стороны, и рабства, нищеты и неугасимой ненависти—съ другой». Признавая полное безсиліе запада въ области мысли, не видя луча надежды, назвавъ господствующія европейскія міровоззрѣнія «опошленными, износившимися и полными внутреннихъ противорѣчій» г. Шараповъ надѣется, что славянофильство, «скромно стоявшее особнякомъ, въ сторонѣ отъ старыхъ великихъ очаговъ человѣческой мысли», окажется единственнымъ міровоззрѣніемъ, единственною философіею, полною жизни и *вѣры въ жизнь*. Выпущенный авторомъ трудъ: «Бумажный рубль» представляетъ попытку пополнить и развить основныя воззрѣнія славянофильства въ той области, до которой оно почти не касалось раньше: это область экономическая, финансовая. Въ русскомъ обществѣ, по мнѣнію г. Шарапова, не имѣется никакихъ установившихся взглядовъ на финансовые вопросы. Западныя теоріи потеряли кредитъ и въ общественномъ обиходѣ держатся по недоразумѣнію; между тѣмъ, русской теоріи, русскихъ взглядовъ не выработалось, и въ обществѣ господствуетъ необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практикѣ. Вотъ эту-то именно путаницу и имѣетъ въ виду устранить почтенный авторъ. Г. Шараповъ начинаетъ съ указанія полной несостоятельности современной финансовой науки и утверждаетъ, что финансовая наука выдвигаетъ законы, а жизнь совершенно противорѣчитъ имъ, что она рекомендуетъ тѣ или другія мѣры, а жизнь ихъ отвергаетъ, и что, наконецъ, финансовая

Digitized by Google

наука предсказываетъ явленія, вычисляетъ и соображаетъ, а въ дѣйствительности получается совсѣмъ другое, иногда даже прямо противоположное. Съ такой характеристикой современнаго состоянія финансовой науки едва ли можно согласиться. Правда, финансовая наука не можетъ сравниться съ точными науками: астрономія, напримѣръ, предсказываетъ затмѣніе на тысячу лѣтъ впередъ и оно совершается минута въ минуту. То же самое можно сказать о химіи; но уже медицина, въ общемъ представляющая совершенно невоздѣланное поле, не обладаетъ возможностью предсказанія и лишена въ значительной степени точности и безусловности, такъ какъ ея правила и указанія имѣютъ лишь относительное значеніе. Очевидно, еще печальнѣе состояніе соціальныхъ наукъ, что̀ объясняется, конечно, сложностью явленій, подлежащихъ ихъ изученію. Вотъ почему намъ непонятенъ упрекъ г. Шарапова, утверждающаго,—послѣ того какъ имъ были выяснены успѣхи въ сферѣ точныхъ наукъ,—что «ничего подобнаго (возможности предсказывать за много лѣтъ впередъ) такъ называемая финансовая наука не не имѣетъ и не знаетъ, и всѣ ея построенія по меньшей мѣрѣ спорны, а практическіе совѣты въ большей части никуда не годны». Главной причиной неудовлетворительнаго состоянія финансовой науки авторъ видитъ въ той основной идеѣ, господствующей въ этой наукѣ, что *золото—единственныя и истинныя деньги*. Эту идею г. Шараповъ считаетъ не только ложной, но и гибельной. Въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаетъ нашъ авторъ,—идеальной, наилучшей формой денегъ является абсолютный знакъ, единица, мѣра отвлеченная, какъ метръ, аршинъ, пудъ, ведро. Деньги есть единица измѣренія цѣнностей, какъ метръ—измѣритель длины, граммъ—вѣса, ведро—объема. Между парой сапогъ и четвертью ржи, для опредѣленія ихъ взаимной цѣнности, необходимо вставить нѣкоторую условную и непремѣнно постоянную единицу и мы говоримъ, что пара сапогъ стоитъ десять руб., четверть ржи—восемь. Единица для сравненія—рубль. Совершенно также говоримъ мы: отъ Москвы до Петербурга 600 верстъ, а отъ Петербурга до Колпина—18; тутъ единицей для сравненія является верста. Очевидно, роль и значеніе этихъ единицъ приблизительно одинаковы, а потому единица мѣры цѣнностей должна имѣть столь же отвлеченный характеръ, какъ и всякая другая единица мѣры. Если для измѣренія длины, вѣса, объема, человѣчество установило условныя единицы, то для измѣренія цѣнностей понадобилась не отвлеченная единица, а кусочки металла, носящіе названіе франка, марки и пр. Этимъ самымъ была установлена полная зависимость людей отъ золота: такъ какъ прибавить золота по произволу почти нельзя, то накопившій

Digitized by Google

его всегда богатъ и отъ него зависитъ благополучіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ. Для замѣщенія крайне недостаточнаго золота были изобрѣтены его суррогаты въ видѣ банковыхъ билетовъ, которые выпускаются подъ обозпеченіе золотомъ въ строго опредѣленномъ количествѣ, а потому эти билеты и могутъ быть обмѣняемы на золото во всякую минуту. Первымъ шагомъ на пути созданія истинной финансовой науки должна быть, по мнѣнію г. Шарапова, побѣда надъ предразсудкомъ, полное отрѣшеніе отъ того взгляда, по которому драгоцѣнные металлы отожествляются съ деньгами. Деньги, какъ единицы измѣренія, суть знаки, лишенные всякаго ввознаго, товарнаго значенія; они исполняютъ лишь функцію измѣрителя и орудія разсчета, а потому сами должны быть представителями не реальной цѣнности, а нѣкоторой идеи. Такими именно безусловными деньгами и являются бумажные рубли, неразмѣнные на золото. Вслѣдствіе же того, что у насъ нѣтъ въ обращеніи ни золота, ни серебра, г. Шараповъ утверждаетъ, что въ Россіи именно и существуютъ настоящія деньги. Такимъ образомъ, выходитъ: то, что̀ считалось до сихъ поръ какой-то экономической болѣзнью, какимъ-то несчастьемъ, есть въ сущности громадное преимущество нашей страны. Вопреки всѣмъ доселѣ извѣстнымъ теоріямъ, г. Шараповъ утверждаетъ, что именно неразмѣнный бумажный знакъ и долженъ быть признанъ настоящими деньгами, и такъ какъ этихъ неразмѣнныхъ знаковъ въ Россіи, слава богу, выпущено на сумму нѣсколько болѣе 1 милліарда руб., то почтенный авторъ полагаетъ, что это обстоятельство «далеко выдвигаетъ нашу родину впереди другихъ цивилизованныхъ народовъ». Не смотря на горькій опытъ Джона Ло, г. Шараповъ считаетъ наилучшей мѣновой денежной единицей бумажный рубль, представляющій собою нѣкоторую постоянную, совершенно отвлеченную цѣнность. Мѣновые знаки выпускаются и истребляются, по предложенію автора, государственной властью, причемъ г. Шараповъ полагаетъ, что эти знаки, не зависящіе отъ золота и *выпускаемые по мѣрѣ необходимости, оживятъ и оплодотворятъ народный трудъ и его производительность какъ разъ до предѣла, до котораго въ данное время достигаетъ трудолюбіе народа.* Далѣе г. Шараповъ думаетъ, что, при системѣ финансовъ, основанной на *абсолютныхъ* деньгахъ, *находящихся вполнѣ въ распоряженіи* центральнаго государственнаго учрежденія, господство биржи въ странѣ становится совершенно невозможнымъ, и безвозвратно *гибнетъ всякая спекуляція и ростовщичество.* Наконецъ, «осуществленіе въ полномъ видѣ системы финансовъ, основанной на абсолютныхъ знакахъ, *измѣнитъ самый характеръ современнаго русскаго госу-*

Digitized by Google

дарственнаго строя, совершенно освободивъ отъ посторонних вліяній, усиливъ нравственную сторону бытія и давъ возможность проведенія свободной христіанской политики». Таковы послѣдствія существованія въ странѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Странно лишь то, что хотя въ нашемъ государствѣ давно уже существуютъ неразмѣнные кредитные билеты, однако не замѣтно существованія у насъ всѣхъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыя пророчески предсказываетъ г. Шараповъ, а жидовское ростовщичество процвѣтаетъ, какъ нигдѣ въ мірѣ. Между тѣмъ, это ростовщичество, и вообще хозяйничанье жидовъ на денежномъ рынкѣ, всего болѣе противорѣчитъ «христіанской политикѣ».

Нынѣшнее министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ проявляетъ особенную заботливость о народномъ образованіи,—почти такую же, какъ и само министерство народнаго просвѣщенія. Такъ, послѣ особаго совѣщанія о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, происходившаго въ началѣ нынѣшняго года,—открыло свои работы совѣщаніе по среднему сельско-хозяйственному образованію, подъ предсѣдательствомъ П. А. Костычева. Первое общее собраніе началось рѣчью предсѣдателя, коснувшагося исторіи вопроса о среднемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, значенія этого образованія и задачъ совѣщанія. Затѣмъ совѣщаніе выслушало нѣсколько соображеній по вопросу о подготовкѣ, съ которою слѣдуетъ принимать въ среднія земледѣльческія училища. Вопросъ этотъ, конечно, входитъ въ болѣе общій вопросъ: слѣдуетъ ли сельско-хозяйственнымъ училищамъ удѣлять время и на общее образованіе, или же послѣднее должно составлять предметъ заботъ лишь общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Мнѣнія раздѣлились, а въ качествѣ компромисса было указано на возможность и желательность существованія нѣсколькихъ типовъ учрежденій, дающихъ среднее сельско-хозяйственное образованіе: наряду съ теперешними земледѣльческими училищами могли бы быть открыты, сначала въ видѣ опыта, учебныя заведенія лишь съ преподаваніемъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ, а также особые курсы при хозяйствахъ. Современныя учебныя заведенія, по мнѣнію проф. И. А. Стебута, недостаточно развиваютъ въ ученикахъ наблюдательность и умѣнье критически относиться къ сельско-хозяйственнымъ явленіямъ. Относительно являвшейся предметомъ многочисленныхъ жалобъ недостаточности практической подготовки въ земледѣльческихъ училищахъ, тѣмъ же проф. Стебутомъ, поддержаннымъ и И. П. Архиповымъ, было замѣчено, что училище не можетъ выпускать готовыхъ практиковъ: его задача—подготовлять къ сельско-хозяйственной дѣятельности. Отдѣльными ораторами было указано

Digitized by Google

на неудобство разнаго возраста въ составѣ учениковъ земледѣльческихъ училищъ при удлиненіи курса, на необходимость раздѣлить классы на общіе и спеціальные, на доставленіе лучшаго контингента учащихся двухклассными сельскими училищами, на поступленіе изъ гимназій и реальныхъ училищъ лишь неудачниковъ и т. д. Ближайшее разсмотрѣніе вопросовъ, которыми должно было заниматься совѣщаніе, по предложенію предсѣдателя, возложено на комисіи, которыя и были составлены въ числѣ семи. На первую такую комисію, подъ предсѣдательствомъ И. А. Стебута, возложено обсужденіе вопроса о теоретическомъ образованіи въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ комисію эту вошелъ почти весь составъ совѣщанія.

Комисія И. А. Стебута работала почти сплошь три дня и рѣшила вопросы о цѣляхъ средняго сельско-хозяйственнаго училища, о правахъ окончившихъ курсъ, о курсѣ общеобразовательныхъ предметовъ, о подготовкѣ и возрастѣ поступающихъ, о продолжительности курса, объ объемѣ отдѣльныхъ предметовъ и о распредѣленіи ихъ по классамъ. Существующее въ положеніи о теперешнихъ земледѣльческихъ училищахъ, опредѣленіе ихъ цѣли замѣнено комисіей слѣдующимъ, болѣе общимъ опредѣленіемъ: «Среднія земледѣльческія училища должны подготовлять молодыхъ людей съ достаточнымъ теоретическимъ и практическимъ образованіемъ, необходимымъ для самостоятельной практической дѣятельности по сельскому хозяйству». По вопросу о правахъ окончившихъ курсъ, комисія высказалась за уничтоженіе существующихъ теперь разрядовъ окончившихъ курсъ, за предоставленіе всѣмъ воспитанникамъ,—а не получающимъ только особое свидѣтельство, какъ теперь,—права поступать во всѣ высшія учебныя заведенія, кромѣ университетовъ, и преимуществъ при поступленіи въ высшія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія. За уничтоженіе разрядовъ было приведено то соображеніе, что выдача аттестата втораго разряда скверно отражается на всей послѣдующей судьбѣ воспитанника земледѣльческаго училища. Кромѣ уничтоженія разрядовъ, рѣшено уничтожить и названіе ученыхъ управителей. Отчасти сообразно съ этими правами, комисія признала необходимымъ, чтобъ выходящіе изъ среднихъ земледѣльческихъ училищъ имѣли такое же общее образованіе, какъ воспитанники реальныхъ училищъ и гимназій; въ виду этого рѣшено нѣсколько увеличить курсъ существующихъ земледѣльческихъ училищъ по математикѣ и русскому языку. Относительно подготовки поступающихъ комисія признала цѣлесообразнымъ теперешній порядокъ—требованіе курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ признано желательнымъ облегчить доступъ въ

Digitized by Google

училище и тѣмъ, кто пожелалъ бы перейти изъ гимназій и реальныхъ училищъ, и тѣмъ, кто имѣетъ подготовку ниже двухклассныхъ училищъ. Для послѣднихъ признано возможнымъ открывать особые приготовительные классы при среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ, гдѣ это будетъ признано необходимымъ; лицамъ же съ высшей подготовкой предположено разрѣшить поступленіе во второй классъ. Сообразно съ этимъ отодвинута и сельско-хозяйственная практика учащихся. Относительно желательнаго возраста поступающихъ—заявленія были двоякаго рода: одни желали уменьшенія возраста, а другіе—увеличенія; въ результатѣ преній и голосованія — осталось прежнее требованіе возраста отъ 14 — 16 лѣтъ.

Что же касается до отдѣльныхъ предметовъ, относительно ихъ состоялись слѣдующія постановленія: число недѣльныхъ уроковъ русскаго языка увеличено на 3, математики на 2, зоологіи на 1, физики на 1, законовѣдѣнія на 1. Кромѣ того, назначенъ особый часъ на преподаваніе скотоврачеванія, которое до сихъ поръ проходилось, между прочимъ, въ курсѣ животноводства. Курсъ метеорологіи выдѣленъ изъ курса физики и на него отведено два недѣльныхъ часа; выдѣлены также изъ курса растеніеводства особые курсы—лѣсоводства, плодоводства и огородничества,—по недѣльному часу на каждый, такъ что на растеніеводство собственно осталось 9 часовъ. По отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ животноводства высказано пожеланіе, чтобы совѣтамъ отдѣльныхъ училищъ предоставлялось право выдѣлять нѣкоторыя части животноводства.

Отдѣльными членами поднимались еще вопросы объ увеличеніи курса нѣмецкаго языка и курса сельско-хозяйственной экономіи и счетоводства, и о совершенномъ исключеніи изъ числа предметовъ рисованія. Противъ послѣдняго возражалъ однако И. А. Стебутъ, замѣтившій, что каждый человѣкъ долженъ умѣть рисовать и что такое умѣнье особенно необходимо и какъ нельзя болѣе естественно для земледѣльца, имѣющаго дѣло съ природою. Программу по минералогіи признано желательнымъ расширить нѣкоторыми геологическими данными.

При опредѣленіи новаго типа среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, въ совѣщаніи были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Проф. Стебутъ въ длинной рѣчи объяснилъ, что потребность въ общемъ и спеціальномъ образованіи для дѣтей земледѣльцевъ могли бы удовлетворить естественнымъ путемъ реальныя училища или университеты, и затѣмъ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Но этотъ путь далекъ и дорогъ; реальныхъ училищъ въ настоящее время мало, поэтому слѣдовало бы заботиться

Digitized by Google

объ увеличеніи ихъ числа министерству народнаго просвѣщенія. Если же теперь министерству земледѣлія приходится заботиться и объ общемъ образованіи, которое вообще должно быть отдѣляемо отъ спеціальнаго, то въ видѣ временной мѣры, казалось бы, можно приспособить сообщеніе сельско-хозяйственныхъ знаній къ реальнымъ училищамъ, для чего потребовался бы 9-лѣтній курсъ. Но тутъ является новое и немалое затрудненіе въ видѣ разновозрастности учащихся, такъ что придется раздѣлить училище на 2 особыя отдѣленія. Мысль о предоставленіи общаго образованія министерству народнаго просвѣщенія была высказана и предсѣдателемъ совѣщанія. Изъ преній выяснилось, что существованіе сельско-хозяйственныхъ училищъ признается допустимымъ при условіи, чтобы спеціальное образованіе—теоретическое и практическое — было не ниже существующаго въ земледѣльческихъ училищахъ и чтобы управленіе училищами было организовано такимъ образомъ, чтобы собственно сельско-хозяйственная часть не страдала отъ преобладанія предметовъ общеобразовательныхъ.

Министерство земледѣлія, весьма озабоченное распространеніемъ среди народа грамотности и сельско-хозяйственнаго образованія, не только старается выработать правильный и наиболѣе удобный типъ низшей и средней школы, но изыскиваетъ еще различные способы распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній при помощи популярныхъ курсовъ и бесѣдъ, чтеній въ войскахъ и пр. Съ этой цѣлью образовалась особая комисія, подъ предсѣдательствомъ директора департамента земледѣлія П. А. Костычева, изъ представителей различныхъ вѣдомствъ: г. Шемякина—отъ святѣйшаго синода, г. Анопова—отъ министерства народнаго просвѣщенія, г. Григорьева—отъ министерства финансовъ и генералъ-маіоровъ Макарова и Избышева—отъ военнаго министерства.

До начала работъ означенной комисіи, министерство земледѣлія обратилось къ подвѣдомственнымъ ему сельско-хозяйственнымъ заведеніямъ, прося ихъ высказаться по вопросу объ устройствѣ чтеній, бесѣдъ и курсовъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ городахъ и селахъ. Кромѣ того, имѣя въ виду, что служащіе въ этихъ заведеніяхъ могутъ явиться на первое время лекторами на проэктируемыхъ чтеніяхъ и курсахъ, министерство земледѣлія обратилось въ настоящее время съ циркулярнымъ запросомъ: 1) какія изъ чтеній, курсовъ и т. п. могли бы быть осуществлены при содѣйствіи даннаго заведенія, по какимъ именно предметамъ и по какой программѣ; 2) кто изъ служащихъ въ томъ или другомъ заведеніи и въ какое время года можетъ вести чтеніе и бесѣды за особое вознагражденіе за этотъ добавочный трудъ; 3)

Digitized by Google

можно ли надѣяться на достаточное число слушателей и на то, что мѣстными земствами, городами и т. п. будутъ отведены безплатно необходимыя помѣщенія и даны денежныя средства для устройства демонстрацій, опытовъ и т. п., и 4) какія учебныя пособія можетъ дать заведеніе и какіе предметы и на какую сумму придется вновь пріобрѣсти. Отвѣты на эти запросы должны быть представлены въ департаментъ земледѣлія къ 15 сентября.

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію комисіи П. А. Костычева, состоитъ изъ слѣдующихъ 14 пунктовъ: 1) объ устройствѣ практическаго обученія сельскихъ рабочихъ въ частныхъ имѣніяхъ, съ выдачею премій отъ министерства земледѣлія за каждаго выдержавшаго установленное испытаніе; 2) объ устройствѣ дополнительныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ для крестьянъ; 3) объ учрежденіи земскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ селеніяхъ и городахъ; 4) объ устройствѣ чтеній и бесѣдъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, при помощи учителей сельско-хозяйственныхъ школъ, правительственныхъ и земскихъ агрономовъ, агрономическихъ смотрителей, мѣстныхъ землевладѣльцевъ, лицъ изъ духовенства и особыхъ спеціалистовъ; 5) объ учрежденіи должностей объѣздныхъ учителей для чтеній и бесѣдъ въ селеніяхъ, преимущественно въ праздничные и воскресные дни, при народныхъ школахъ, на ярмаркахъ, базарахъ и т. п.; объ устройствѣ такихъ же чтеній и бесѣдъ на періодическихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, съ раздачею на нихъ брошюръ, наставленій и т. п.; 6) объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ чтеній въ войскахъ, преимущественно въ зимнее время; 7) объ устройствѣ краткихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ для окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, для землевладѣльцевъ и другихъ интеллигентныхъ лицъ обоего пола, на подобіе курсовъ, устраиваемыхъ для народныхъ учителей; 8) о порядкѣ одобренія книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія и періодическихъ сельско-хозяйственныхъ изданій для народныхъ чтеній, начальныхъ училищъ и т. п.; 9) объ усиленіи сельско-хозяйственныхъ отдѣловъ въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ; 10) объ открытіи при нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ дополнительныхъ педагогическихъ и служебно-общественныхъ отдѣленій для подготовки учителей и лицъ сельской администраціи, знакомыхъ съ земледѣліемъ; 11) о допущеніи въ сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, на казенныя опытныя станціи, въ сады, питомники и т. п. практикантовъ или гостей для изученія тѣхъ или другихъ предметовъ, съ правомъ участія въ теоретическихъ и практическихъ занятіяхъ и проживанія въ имѣющихся пансіонахъ при такихъ заведеніяхъ; 12) о мѣ-

рахъ содѣйствія правительства въ дѣлѣ устройства подобнаго же обученія практикантовъ въ частныхъ хозяйствахъ; 13) объ участіи мѣстныхъ представителей министерства земледѣлія въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, въ видахъ лучшаго направленія сельско-хозяйственной дѣятельности подвѣдомственныхъ этимъ учрежденіямъ школъ и 14) объ учрежденіи особыхъ областныхъ инспекцій и мѣстныхъ учебныхъ сельско-хозяйственныхъ совѣтовъ для ближайшаго завѣдыванія сельско-хозяйственнымъ образованіемъ на мѣстахъ.

Бо̀льшая часть этихъ вопросовъ вытекаетъ изъ пожеланій, выраженныхъ первою сессіею сельско-хозяйственнаго совѣта. Въ частности, необходимость устройства школъ болѣе простаго типа, чѣмъ существующія низшія сельско-хозяйственныя школы, мотивируется,—какъ это видно изъ опубликованныхъ въ видѣ объемистаго изданія: «Трудовъ совѣщанія по низшему сельско-хозяйственному образованію»,—тѣмъ обстоятельствомъ, что устроенныя по нормальному положенію 1883 года школы «служатъ преимущественно только для удовлетворенія одной изъ главныхъ потребностей сельскаго хозяйства, выпуская низшихъ служащихъ въ частныхъ хозяйствахъ и оставляя почти безъ удовлетворенія не только крестьянское хозяйство, но и мелкое частно-владѣльческое, которое нуждается, по преимуществу, въ дешевыхъ техникахъ-рабочихъ». Программы и продолжительность курса въ такихъ простѣйшихъ школахъ могутъ измѣняться для каждой школы, въ зависимости отъ ея ближайшихъ цѣлей и условій возникновенія. Для открытія такихъ школъ признано желательнымъ предоставить извѣстный «просторъ», чтобы открыть обширное поле для частной иниціативы.

Реформа существующихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ будетъ произведена въ томъ направленіи, чтобы увеличить учебныя силы и средства школъ и дать правильное устройство практическимъ сельско-хозяйственнымъ и ремесленнымъ работамъ; кромѣ того, предположено, сообразно съ мѣстными условіями, устройство дополнительныхъ отдѣленій—педагогическаго, ремесленнаго и служебно-общественнаго. Послѣднее должно имѣть цѣлью—подготовку дѣятелей, которые, живя въ деревнѣ и исполняя различныя обязанности по общественной и земской службѣ, обладали бы практическими сельско-хозяйственными знаніями. Въ служебно-общественныхъ отдѣленіяхъ низшее сельско-хозяйственное образованіе пополнялось бы болѣе подробными свѣдѣніями изъ законовѣдѣнія, русскаго языка, исторіи и географіи. Педагогическія отдѣленія должны имѣть цѣлью подготовку народныхъ учителей съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ.

Digitized by Google

Вышеупомянутые «Труды совѣщанія» разосланы совѣтамъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которые должны обсудить, что̀ слѣдовало бы примѣнить изъ пожеланій совѣщанія къ той или иной школѣ. Въ эти «Труды» включенъ и рядъ матеріаловъ по методикѣ преподаванія въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ—въ формѣ замѣтокъ учителей и управляющихъ школами—изъ книги Рене Леблана: «Начальное обученіе земледѣлію во Франціи».

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

Богачъ.

Богатства Ротшильда, мой другъ, не надо мнѣ,
И ты завистливой не будь къ милліонеру.
Богатствомъ красоты прибавишь ли веснѣ?
За деньги купишь ли въ прогрессъ святую вѣру?
Созвѣздья къ Штиглицу войдутъ ли ночью въ домъ?
За сколько купитъ Гиршъ румяныхъ зорь чертоги?
Чѣмъ братья Ротшильды подкупятъ божій громъ?
И развѣ солнышко беретъ за свѣтъ налоги?
Вѣдь нѣтъ? Но, впрочемъ, я и самъ, какъ Крезъ, богатъ:
Есть у меня свои поля, луга́ и за́мки;
Озера тихія въ зеленокудрой рамкѣ
Среди дубравъ моихъ, какъ зеркала́, лежатъ.
Тамъ воду пьетъ и лось, и дикихъ козъ семья,
Тамъ сладокъ запахъ травъ и вѣтра дуновенье...
Хоть не могу продать владѣній этихъ я,
Зато глядѣть на нихъ могу до пресыщенья.
И, кромѣ этого (ого, какъ я богатъ!)
Есть у меня своя придворная капелла,—
Она изъ соловьевъ, и я поспорю смѣло,
Что врядъ ли лучше есть. Когда горитъ закатъ,
Она поетъ въ кустахъ: «живи и счастливъ буди»!
И вторитъ вечеръ ей торжественно: «аминь».
И добавляю я: «о деньгахъ мысли кинь,
И Богъ тебя проститъ, коли осудятъ люди»!..

Новый Сади.

Digitized by Google

Жалоба.

Сѣдиной серебрится мой волосъ,
Не уйти мнѣ отъ старости лапъ!
Словно Лодій, утратилъ я голосъ,
Какъ Мещерскій, сталъ разумомъ слабъ.

Утомленный давнишнимъ страданьемъ,
Я здоровъ не бываю и дня.
Съ Добродѣева схожъ я изданьемъ,
Лишь оно подряхлѣе меня.

Съ дряхлымъ старцемъ сталъ схожъ я сугубо,
Проклиная свою глухоту;
Ни единаго цѣлаго зуба
У меня не осталось во рту.

Какъ неряха-мясникъ протокола
Опасается,—такъ, въ свой чередъ,
Я осенней погоды тяжелой
Инстинктивно боюсь каждый годъ.

Я—развалина. Прошлой весною
Стали мнѣ и глаза измѣнять...
Годенъ только теперь на одно я—
Въ «комитетѣ» любомъ засѣдать...

Digitized by Google

ГДѢ ТОНКО...

При важномъ ли трудѣ,
Въ работѣ ли ничтожной—
Не надобно нигдѣ
Спѣшить неосторожно.
Для насъ не безъ вреда
Поспѣшность отзовется;
Вѣдь знаемъ мы: всегда
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Извѣстности лучи
Ловя съ мечтой желанной,
«Хватилъ» чрезъ край въ рѣчи,
Do nec plus ultra странной,
Софистъ не такъ давно...
Скорбя о томъ, придется
Сказать ему одно:
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Повелъ капиталистъ
Рискованное дѣло
И, на руку нечистъ,
Игралъ съ казною смѣло.
Открылся плутней рядъ;
За нихъ не увернется
Отъ строгой мзды камрадъ—
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Съ аферами знакомъ,
Антрепренеръ задорный
Едва ль не съ пятакомъ
Открылъ «вертепъ фурорный»
И, зря несчастій тьму,
Какъ рыба объ ледъ, бьется...
Что жъ? Подѣломъ ему:
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Digitized by Google

Вертлява, какъ блоха,
Мапап четыре года
Искала жениха
Для дочери-урода,
Но, дамой стать спѣша,
Ей Вестой жить придется:
Въ карманѣ—ни гроша...
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Привыкнувъ безъ хлопотъ
Брать на сто полтораста,
Полна теперь заботъ
Заимодавцевъ каста.
Наживы легкой дни,
Забыть о васъ придется!..
Въ тоскѣ твердятъ они:
Гдѣ тонко—тамъ и рвется...

Старый Капралъ.

Digitized by Google

Подслушанныя рѣчи.

(Изъ свѣтскихъ разговоровъ).

I.

«Максъ, отодвиньтесь подалѣе:
Изъ-за колонны сейчасъ
Мужъ подойдетъ къ намъ. Едва ли я
Буду спокойна за васъ.
Сплетницы наши досужія
Выдали насъ сгоряча.
Злобный языкъ—ихъ оружіе—
Много опаснѣй меча.
Нашего свѣтлаго счастія,
Вѣрьте, онѣ не простятъ!
Вѣчно у свѣта во власти я,
Каждый мой шагъ подглядятъ...
Зная о томъ безъ сомнѣнія,
Я опасаюсь. Уже ль
Мужъ при удобномъ мгновеніи
Вызоветъ васъ на дуэль»?
— Мужъ вашъ, понятно, не взбѣсится,—
Нѣтъ человѣка милѣй;
Кромѣ того, онъ два мѣсяца
Долженъ мнѣ триста рублей...

II.

«Къ вамъ давно, безъ охлажденья,
Страстью пылкою горя,
Возлѣ васъ брожу, какъ тѣнь, я
Съ половины января.
Вижу я одни страданья
Въ наступившемъ каждомъ днѣ,
Но, бездушное созданье,
Вы безжалостны ко мнѣ!
Думъ ревнивыхъ, скорбныхъ жаломъ
Отравивъ всю жизнь свою,
Этимъ я себя кинжаломъ
Здѣсь, у вашихъ ногъ, убью»!..
— Вы, mon cher, несносны стали;
Я одно должна сказать:

Digitized by Google

Къ смертоносной этой стали
Вамъ не нужно прибѣгать.
Мнѣ не въ шутку, не для смѣха
Посовѣтовать не жаль:
Чтобъ достичь у дамъ успѣха,
Нужно *золото*,—не сталь!..

III.

«О минувшемъ скорбя,
Я смотрю на тебя
И боюся повѣрить я взору,
Что я чуждъ тебѣ вновь,
Что былая любовь
Пронеслась такъ нежданно и скоро»...
— Вы наивны, mon cher!
Страсти вѣчной примѣръ
Вы встрѣчали, быть можетъ, въ романахъ;
Свой престижъ сохраня,
Не смѣшите меня
Рядомъ жалобъ плаксивыхъ и странныхъ...
«Что̀ причиной тому—
Я никакъ не пойму
И никакъ не могу догадаться.
Можетъ быть, ты, дитя,
Захотѣла, шутя,
Надъ испугомъ моимъ посмѣяться»?
— Не причемъ здѣсь испугъ;
Вѣрьте, милый мой другъ,
Что меня не вернете вы, плача.
Вѣдь была глубока
Страсть моя къ вамъ, пока
Не нашелся другой... побогаче...

IV.

Надежда Львовна, есть задатки,
Что ваша нравственность въ упадкѣ:
Коль вѣрить голосу молвы,
Своихъ любимцевъ, какъ перчатки,
Чтó день—мѣнять привыкли вы.
Изъ нихъ, притомъ, клянется каждый,
Что вами страстно былъ любимъ...
Давая поводъ хвастать имъ,
Иль къ новизнѣ вы полны жаждой,
Иль вашъ капризъ необъяснимъ»...
—На вашу рѣчь, не угрожая,
Я не хочу отвѣта скрыть:
Завѣтъ старинный соблюдая,—
Всѣхъ ближнихъ я люблю любить...

Невскій Житель.

Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
Периодики

136

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Счастливые уголки. Василія Ив. Немировича-Данченко.	11
II.	У прилива. Стих. К. М. Фофанова.	56
III.	Отношеніе современниковъ и исторіи къ Наказу и Большой Комисіи Екатерины II. Ѳ. В. Благовидова.	57
IV.	Германія въ Россіи. А. П. Липранди. (*Окончъ.*) . . .	86
V.	Два стихотворенія. П. Тулуба	105
VI.	Злое дѣло. Романъ Н. Ѳ. Бажина.	107
VII.	Сестра. Романъ Эрнста Вильденбруха	158
VIII.	Миновало. Стих. П. Перцова.	214
IX.	Воспоминанія уланскаго корнета. Николаевскаго офицера.	216
X.	Гамерлингъ, какъ лирикъ. В. Е. Чешихина	239
XI.	«За годами мелькаютъ года». Стих. Д. Ратгауза. . . .	280
XII.	Записки пластуна. (Льготные эскизы). Влад. Михайловича.	281
XIII.	Недовѣрчивый богачъ. Разсказъ Вальтера Безанта. . .	301
XIV.	Видѣніе. Стих. И. Никулина.	336
XV.	За грѣхи предковъ. (Изъ посмертныхъ записокъ одного доктора). С. Годлевскаго.	338
XVI.	Круговая порука. Романъ К. В. Назарьевой	348

Современное обозрѣніе.

XVII.	Политическая хроника.	1
XVIII.	Новыя книги	6
XIX.	Наши внутреннія дѣла	14
XX.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Новаго Сади, Стараго Капрала и Невскаго Жителя .	28

GENERAL BOOKBINDING CO.
160HV 040 2 6558
74 13 P
QUALITY CONTROL MARK
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google